

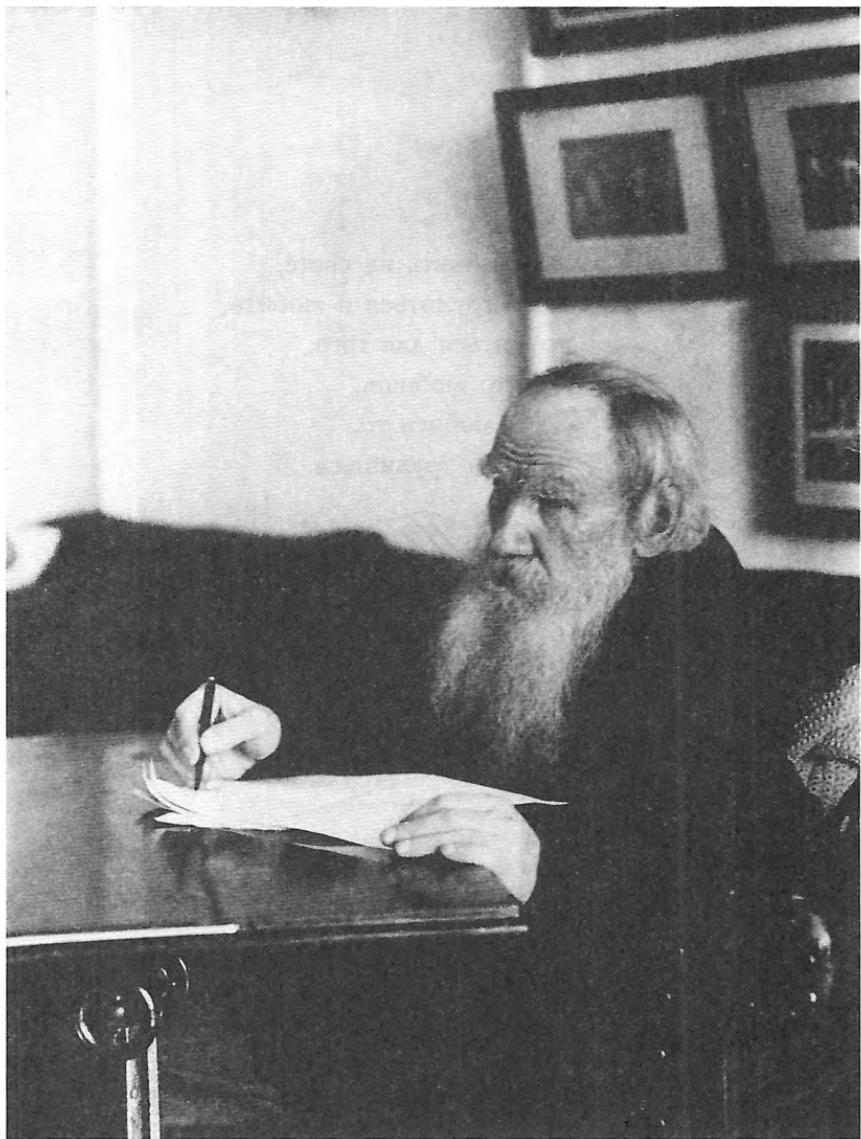
ЯСНОПОЛЯНСКИЙ
СБОРНИК
2002

ЯСНОПОЛЯНСКИЙ СБОРНИК 2002

Отлично жить на свете,
коли уметь трудиться и любить,
трудиться для того,
что любишь,
и любить то,
над чем трудишься.

Лев Толстой

Л. Н. Толстой в кабинете. 1908–1909 гг.
Фотография В. Г. Черткова

Государственный мемориальный и природный заповедник
Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»
Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва)

ЯСНОПОЛЯНСКИЙ СБОРНИК

2002

статьи
материалы
публикации

ТУЛА

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
«ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

УДК 8(С)Р1
ББК 83.3(2 = Рус)1
Я 82

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Л. Д. Громова-Опульская, К. Н. Ломунов — главные редакторы,
Н. И. Азарова, Т. Н. Архангельская, Л. В. Гладкова,
О. А. Голиненко, В. А. Лебедева, В. Б. Ремизов,
Н. П. Пузин, В. И. Толстой, Б. М. Шумова

Составители:

Л. В. Милякова, А. Н. Полосина

Я 82 **Яснополянский сборник-2002:** Статьи, материалы, публикации.— Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2003.— 464 с.: ил.

ISBN 5-93322-017-5

Двадцать первый выпуск «Яснополянского сборника» содержит последние работы российских и зарубежных исследователей жизни и творчества Л. Н. Толстого.

Издание адресовано литературоведам, преподавателям и студентам, музеинным сотрудникам, культурологам и всем интересующимся жизнью и творчеством Л. Н. Толстого.

ББК 83.3(2=Рус)1

СОДЕРЖАНИЕ

От редактории
9

Список условных сокращений
10

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ТВОРЧЕСТВО Л. Н. ТОЛСТОГО

Е. В. Николаева
Миф и религия
13

Ален Рефало
Л. Н. Толстой о государстве и власти
29

Л. П. Лаптева
Чешский мыслитель XV века Петр Хельчицкий
и Лев Николаевич Толстой
38

Л. Кастилер
Соотношение художественного и подлинного диалога
(на примере романа «Анна Каренина»)
46

Т. Н. Архангельская
Толстые в Гиере и «Щербаки на водах»
(О реальной основе некоторых эпизодов
и образов в «Анне Карениной»)
54

Л. Е. Кочешкова

«Чужое» слово и «чужой» смысл в повести «Фальшивый купон»:
динамика смыслопорождения
63

Г. В. Овчинникова

Особенности перевода выражений
речевого этикета с русского на французский язык
(на примере обращений в романе «Война и мир»)
71

И. Ю. Матвеева

К вопросу о поэтике романа «Воскресение»:
от воспоминания к исповеди
76

Такаси Фудзинума

Прототип Анны Карениной
101

Юсукэ Сато

«Женственность» в творчестве Л. Н. Толстого:
ее жизнь и смерть
116

С. Ю. Николаева

Проблема историзма «Войны и мира»
и памятники средневековой московской словесности
130

В. А. Ачкасов

Текстовая реализация синтаксиса и лексики
в повести Л. Н. Толстого «Казаки»
142

**Л. Н. ТОЛСТОЙ
И ЕГО СОВРЕМЕННИКИ****В. Порудоминский**

Неизбежность «арзамасского ужаса»
(Заметки о Толстом и Гаршине)
149

М. А. Монин

Тема «искушений в пустыне»
в переписке Л. Н. Толстого и А. А. Фета
165

И. С. Жемчужный

Их породнил Севастополь
(Л. Н. Толстой и С. С. Урусов)
180

Л. В. Милякова «Менгден замечательная женщина» (К вопросу о взаимоотношениях семей Толстых и Менгден) 188	
К. Н. Боратынская Встреча с Львом Толстым (Публикация И. В. Завьяловой и А. М. Кураковой) 207	
А. Э. Вормс Беседа с Л. Н. Толстым о Вергилии (Публикация И. В. Егорова и Н. И. Шленской) 228	
Бернхард Сунн де Бутемар Революция 1848 года: Лев Толстой и Бертольд Ауэрбах (Общественно-исторический фон их отношений) 236	
Л. Н. Розанова Д. И. Стакеев и Л. Н. Толстой: загадка духовного противостояния. Истоки художественного сближения 262	
ИЗ ИСТОРИИ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ	
О. П. Христианович Библиотека Л. Н. Толстого (Публикация А. Н. Полосиной) 279	
Н. А. Никитина Князь Н. С. Волконский — герой ампира 295	
Г. В. Алексеева Яснополянское собрание книг на иностранных языках (Из истории научно-библиографического описания личной библиотеки Л. Н. Толстого) 304	
Воспоминания о Л. Н. Толстом крестьян Ясной Поляны и окрестных деревень, записанные в 1973—1995 гг. И. К. Грызловой 314	
О. Ю. Сафонова Словарь яснополянских крестьян и их потомков, составленный по устным воспоминаниям А. П. Головиной, М. П. Зябревой и Т. А. Румянцевой 328	

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ**«Только из Ясной Поляны бывают такие письма!..»**

Письма Т. А. Кузминской к Н. Н. Страхову

(Публикация М. И. Щербаковой)

361

«Жить стало невыносимо тяжело в России!..»

(Три неизвестных письма)

(Публикация Т. В. Комаровой)

372

Н. И. Рейнгольд

Английские переводчики и издатели Л. Н. Толстого:

архивные находки

379

Л. В. Гладкова

Род Ергольских

391

ПАМЯТИ УШЕДШИХ**К 100-летию со дня рождения С. А. Толстой-Есениной**

Письма к А. Ф. Кони

(Публикация Л. М. Шалагиновой)

401

«Не забывайте меня, и я вас не забуду...»

Письма Т. М. Сухотиной-Альбертини к яснополянским школьникам

(Публикация Г. Н. Пироговой)

408

С. Н. Зиновьев

Воспоминания о трех встречах

с Татьяной Михайловной Альбертини

424

А. И. Толстой

Последний сын Толстого

(Размыщляя над опубликованным)

427

В. А. Ковалев

Воспоминания о Н. Н. Гусеве

(Публикация И. Е. Гриневой)

436

И. Е. Гринева

Воспоминания о Н. Н. Гусеве

453

Вера Ильинична Толстая

(1903–1999)

460

От редакторов

Издание 21-го выпуска «Яснополянского сборника» пришлось на 175-летие со дня рождения Л. Н. Толстого. Материалы сборника носят, однако, не юбилейный, а, как всегда, конкретный историко-литературный и музеведческий характер.

В разделе «Мировоззрение и творчество Л. Н. Толстого» наряду со статьями о трех великих романах помещены разборы таких сравнительно мало изученных произведений, как повесть «Фальшивый купон». Поставлены частные, казалось бы, но важные для художественного текста вопросы — такие, как особенности диалога в «Анне Карениной» или перевод на французский язык слов речевого этикета в «Войне и мире».

Большое внимание уделено источникам творчества. Устойчивым для всех последних выпусков сборника стал интерес к религиозно-нравственным взглядам Толстого.

Значительная часть работ выполнена зарубежными учеными.

Тема «Толстой и его современники» обогащается новыми фактическими данными и толкованиями. Речь идет о В. М. Гаршине, А. А. Фете, Б. Ауэрбахе, Д. И. Стакееве, С. С. Урусове, семействе Менгден, о встрече Толстого летом 1907 года с внучкой Е. А. Боратынского, о беседе А. Э. Вормса об античной литературе — поэте Вергилии.

Традиционно значимым является раздел «Из истории Ясной Поляны», включающий историю личной библиотеки Л. Н. Толстого.

Публикации по архивам связаны с именами Н. Н. Страхова, С. А. Толстой, родом Ергольских, с английскими переводчиками и издателями Толстого.

Значительное число страниц отдано «Памяти ушедших». Здесь воспоминание о скончавшейся недавно внучке Толстого Вере Ильиничне; публикация писем С. А. Толстой-Есениной к А. Ф. Кони; материалов, связанных с Т. М. Сухотиной-Альбертини, Н. Н. Гусевым; впервые появляется статья А. И. Толстого «Последний сын Толстого (Размышляя над опубликованным)».

Список условных сокращений

- Архив РАН — Архив Российской Академии наук
- ГАТО — Государственный архив Тульской области
- ГМИИ им. А. С. Пушкина — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
- ГМТ — Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва)
- ГРМ — Государственный Русский музей (Петербург)
- ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
- Гусев — Гусев Н. Н. Два года с Толстым. М., 1973
- Гусев. Летопись I, II — Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1828–1890. М., 1958; 1891–1910. 1960
- Гусев. Материалы, I, II, III, IV — Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии. Изд-во АН СССР, 1954, 1957, 1963, 1970
- ДСТ — Толстая С. А. Дневники. В двух томах. М., 1978
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
- ИР НБУ — Институт рукописей Национальной библиотеки Украины
- Летописи — Государственный Литературный музей. Летописи. Кн. 12. Л. Н. Толстой. Том II. М., 1948
- ЛН — «Литературное наследство»
- Моя жизнь — Толстая С. А. Моя жизнь. Машинопись. Музей-усадьба «Ясная Поляна»
- ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
- ОР ГМТ — Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва)
- ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
- ПАТ — Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой. 1857–1903. СПб., изд. Общества Толстовского музея, 1911
- ПРП — Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. В двух томах. М., 1978
- ПТСБ — Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990
- Опульская — Опульская Л. Д. Л. Н. Толстой. Материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М., 1979
- РГАЛИ — Российский Государственный архив литературы и искусства
- РГИА — Российский Государственный исторический архив
- РГНФ — Российский Гуманитарный научный фонд
- РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
- Сухотина Т. Л. — Сухотина Т. Л. Воспоминания. М., 1981
- ЯЭ — Маковицкий Д. П. У Толстого. 1904–1910. Яснополянские записки // Литературное наследство. М., 1979. Т. 90. Кн. 1–4
- ЯПб — Яснополянская библиотека
- Ясн. сб. — Яснополянский сборник. Тула

МИРОВОЗЗРЕНИЕ
И ТВОРЧЕСТВО
Л. Н. ТОЛСТОГО

Е. В. Николаева

МИФ И РЕЛИГИЯ

Вынесенная в заглавие статьи проблема сложна и тем безоговорочно интересна и притягательна для исследователя. Миф и религия — понятия, не только тесно связанные между собой, но и практически неисчерпаемые, будучи взятыми как обособленно, так и в сопоставлении. Не последним поводом усиления внимания литературоведов к подобным проблемам является и характер времени, в котором мы живем: оно настоятельно требует обращения к истокам своей культуры. Попытка проследить соотношение мифа и религии на материале творчества Льва Николаевича Толстого сопровождается дополнительными трудностями, так как творчество писателя и мифология — тематика исследований, не слишком широко принятая в толстоведении. Особенности религиозной позиции Толстого и его авторская активность в пропаганде своего учения выдвигают в число актуальных именно эту постановку вопроса. Все это вместе взятое оставляет для исследователя и формы статьи почти единственный путь — наблюдения и размышления.

Этому немало способствует и непроясненность самих представлений о мифе, которые накопила наука. Неполное согласие исследователей в определении явления, сложившееся в науке исторически, богатство самого содержания этого понятия заставляют одновременно удерживать в поле зрения различные проявления его природы от самого простого понимания мифа как предания или сказания до сложнейших форм бытования его в сознании и даже подсознании человека и взаимопроникновениях с религией, философией, художественным творчеством и другими сторонами жизни.

В аспекте рассматриваемой проблемы представляется крайне важным выделить некоторые особенности мифа. Прежде всего то, в чем согласны многие исследователи: миф есть особая форма сознания и обязательное условие и первооснова для всякого искусства. Хотелось бы заметить, что более всего, как представляется, миф связан с двумя сторонами человеческого бытия. Во-первых, будучи с древнейших времен способом познания человеком мира, миф теснейшим образом слился с религией, то есть той или иной формой взаимоотношений человека

с Богом. Эта связь включает в себя и такую форму общения, как атеизм. Во-вторых, создание художественных образов, произведений искусства есть проявление творческих способностей человека, то есть его богоподобия. Таким образом, через миф проявляются те стороны человеческого сознания, состояния, которые определяют его отношение к Богу. Все остальное в большей или меньшей степени уточняет и объясняет эту основную зависимость. Вероятно, поэтому в самой основе человеческого сознания лежит способность к мифотворчеству, а мифы продолжают складываться до наших дней. Мифическое подсознание присутствует независимо от желания у каждого человека, если он является представителем и носителем определенной культуры.

Художник также не может творить вне принадлежности к определенной культурной традиции (или вне явно декларированного и афишируемого отказа от нее), то есть вне связи, в свою очередь, с определенной религиозной традицией. В силу этого в каждом подлинно художественном произведении в большей или меньшей степени прослеживается его мифооснова, выступающая, по Ф. Шлегелю, как «ядро, центр поэзии». Характер этой основы, крепость ее связи с традицией будет находиться, как представляется, в полной зависимости от индивидуальности художника, от особенностей его мировоззрения. Каждое подлинно художественное произведение (а гениальное тем более) тем и отличается, что оно подлинно глубоко по содержанию и стремится к неисчерпаемости своего смысла, как бы раскрывая один за другим его уровни, следовательно, не может не отражать глубин культурной традиции, в том числе мифопоэтического подтекста, который проявляется вне зависимости от сознательной воли художника. В этом смысле действительно «миф принадлежит к области поэзии в обширном смысле этого слова»¹.

Из этой цепочки взаимозависимостей логически вытекает вывод о том, что без мифологического подтекста мы будем иметь дело либо с произведением, стоящим вне каких-либо культурных связей (что вряд ли возможно на практике), либо не с подлинно художественным произведением, а с подделкой, автору которой отказано в творчестве и он может выступать не как творец, а лишь как подражатель. «Нельзя художественно солгать, и нельзя мифотворчески покривить душой: не человек создает миф, но миф высказывается через человека»².

Творчество Толстого, как было сказано, недостаточно внимательно проанализировано со стороны его мифопоэтических основ, в отличие, например, от произведений Ф. М. Достоевского, особенно его романа «Бесы». И все же большой материал для размышлений дают наблюдения исследователей над проявлением устнopoэтических, древних литературных традиций в творчестве писателя, то есть того насле-

дия, которое Толстой объединял в понятие «народная литература» и которое сохраняет различные по времени возникновения следы поэтических представлений народа, в том числе и религиозно-мифические основы народных представлений. В этой связи вспоминается почти афористическая по емкости мысли фраза М. В. Нестерова, сказанная им по поводу обсуждения своих несогласий с толстовской религиозной позицией и отражающая ощущения самого художника: «Православие — поэзия народа, ведь отнять ее можно только так, если ее заменить другой, а какой?»³ В этом высказывании практически дана формула взаимопроникновения мифопоэтических и религиозных представлений народа, для которого религия есть именно выражение поэтической стороны жизни, так как вмещает в себя и догмат, и обряд, и жизненный уклад, и поэзию в самом широком смысле этого слова. Отказаться от этого наследия так же невозможно, как невозможно изменить свою историю и заново прожить жизнь.

Изучение традиций «народной литературы» в творчестве Толстого, к сожалению, практически не ставилось в зависимость от изменений религиозной позиции писателя. Восстанавливая самую общую хронологическую канву духовной жизни Толстого, следует иметь в виду его собственные широко известные признания в «Исповеди», письмах, дневниках и других документальных источниках в том, что он сменил несколько основных этапов духовного развития. В «Исповеди» общую картину своей духовной жизни в молодости писатель характеризует следующим образом: «Я был крещен и воспитан в православной христианской вере. Меня учили ей и с детства и во все время моего отрочества и юности. Но когда я 18-ти лет вышел со второго курса университета, я не верил уже ни во что из того, чему меня учили» (23, 1).

В этом признании Толстого привлекают внимание две позиции: четкое определение принадлежности по условиям воспитания к православной религиозной (следовательно, и культурной) традиции и отсутствие какого-либо выраженного религиозного чувства на пороге молодости. И хотя через несколько лет Толстой делает в своем дневнике широко известное признание в том, что одной из самых увлекательных и значительных целей в жизни может стать основание новой религии⁴, он вплоть до семидесятых годов был достаточно равнодушен к вопросам веры. Семидесятые годы, совпавшие с пятидесятилетним рубежом его жизни, как известно, были кризисным для писателя десятилетием, в течение которого он пересматривал не только свои творческие и жизненные позиции, но и религиозные. Начиная с восемидесятых годов Толстой выступает как человек, обретший, наконец, с его точки зрения, истину, и постепенно входит в роль «учителя жизни» для своих последователей. Не разбирая подробно особенностей

религиозных взглядов Толстого, достаточно отметить лишь тот факт, что еще при жизни писателя они находили сторонников в основном среди интеллигенции, но были определены как еретические по характеру своего отклонения от православного христианства⁵.

Известно также о большом влиянии, которое оказали на писателя восточные религиозные учения. Таким образом, проявление мифопоэтического подтекста произведений Толстого было бы небезынтересно проследить в зависимости от смены этапов духовного пути писателя. При этом логично было бы предположить, что исследователь, в первую очередь, столкнется с той мифопоэтической основой, которая характерна для русской религиозной и культурной традиции, то есть с «поэзией народа».

Безусловно, рамки небольшой статьи позволяют остановиться лишь на основных вехах творческой работы писателя. Первое же опубликованное произведение (повесть «Детство») вполне подтверждает свидетельство Толстого о том, что к восемнадцати годам он «не верил уже ни во что», настолько эта гениально поэтическая повесть, ее герой и автор кажутся далекими от какой-либо связи с верованиями и поэтическими представлениями народа. Самобытный голос Толстого звучал в литературе того времени прежде всего рассказом о себе, о своих ощущениях и душевных состояниях. Именно этот «рассказ» был открытием писателя, с ним он входил в литературу. Казалось бы, среди этого самоуглубленного анализа, воспоминаний нет места ничему, что могло бы выходить за рамки душевной жизни героя. Однако уже здесь проявляется глубинная связь Толстого с традицией, но, в первую очередь, с той, которая была ему ближе по условиям жизни, воспитанию, по характеру окружения. В детстве в сознание дворянских детей впечатления от устного народного творчества входили обычно через опыт широкого общения с его носителями: няньшками, дядьками, деревенскими товарищами по играм. Толстой, не лишенный и этого опыта, тем не менее, был в атмосфере того предания, которое жило в семье, которое отличало главным образом дворянскую среду того времени. Заметной темой в повести становится тема семейных преданий, прежней жизни взрослых членов семьи. Поэтическую атмосферу познания далекой, неведомой ребенку жизни составляют рассказы Натальи Савицкой о дедушке, о его военной службе, сопровождающиеся захватывающе интересным для ребенка возжиганием «очаковского курения». Ароматическая смолка, привезенная легендарным для детского сознания неведомым дедушкой из военного похода,— предмет почти магический. Таким же таинственным ореолом окружены для детей появление в доме юродивого Гриши, его вериги, тайное наблюдение детей за его вдохновенной молитвой.

Молитва Гриши вызывает чувство умиления у Николеньки, в связи с этим эпизодом — воспоминания взрослого повествователя о силе веры и любви к Богу у «великого христианина» Гриши. В рукописных материалах «Детства» сохранился отрывок, логически прямо следующий за описанием молитвы юродивого, в котором Толстой утверждает, что «неверие глубоко и пространно пустило свои корни в современное молодое поколение высшего круга и так распространилось, что страшно подумать о участи, которая предстоит нашему отечеству, ежели справедливо, что в ходе образования высший класс ведет за собою низшие», а также выделяет три основания неверия светской молодежи своего времени: умствование, тщеславие и слабость⁶. Таким образом, уже в первой повести должно было, согласно первоначальному замыслу писателя, обозначиться драматическое расхождение между первыми религиозными чувствами и впечатлениями Николеньки о Грише, глубоко христианским духовным строем Натальи Савицкой и тревожными наблюдениями и выводами молодого автора-повествователя. Однако в окончательной редакции повести этот фрагмент снят, что позволило Толстому сохранить впечатление незамутненности детского мировосприятия своего героя, не рассказывая о том, как постепенно под влиянием внешних обстоятельств утрачивается чистая детская любовь к Богу.

Ограниченност мифопоэтических ассоциаций повести — признак ее глубочайшего реализма, в котором отражены действительные условия воспитания в дворянской семье, особенно имеющей не одного ребенка, где жизнь детей естественно замыкается общением со взрослыми и друг с другом. Из биографии писателя известно, что в детской семейной среде Толстых рождались свои легендарные представления, например игра в «зеленую палочку» и «муравейных братьев», однако Толстой не считал необходимым рассказывать об этом в своих ранних произведениях. Он сделает это на склоне жизни в неоконченных «Воспоминаниях» и статье «Зеленая палочка» («Кто я?»).

Заметим, что тема семейных преданий, семейной истории, в которой были в буквальном смысле слова легендарные мотивы, как это доказано позднейшими биографическими изысканиями (например, легендарный отказ деда писателя Н. С. Волконского Потемкину в предложении жениться на его племяннице и якобы последовавшие за этим ущемления по службе), в дальнейшем получит у писателя великолепное продолжение и развитие. Семейные предания, судьбы родственников лягут впоследствии в основание сюжетных линий многих героев «Войны и мира», ненаписанных романов о декабристах и эпохе Петра I. Достигнув своего наиболее полного воплощения в «Войне и мире», семейные предания после 1870-х гг. (именно тогда делались

попытки писать неосуществленные романы) практически перестанут волновать творческое воображение Толстого и возникнут вновь в связи с практической целью — помочь работе П. И. Бирюкова над «Биографией Л. Н. Толстого».

Следующие за первой повестью произведения также не обнаруживают ярких примеров связи с поэзией жизни, общей всему народу, однако не надо забывать, что именно на первое десятилетие толстовского творчества приходится становление и полное развитие знаменитой «диалектики души», которая, если позволительно так утверждать, не столько обращала взоры молодого писателя вовне, сколько побуждала к познанию себя, к собственному Толстому самоанаблюдению и самоанализу. Поэтому неудивительно, что первым произведением, которое, на наш взгляд, выявило Толстого как писателя не просто гениального, но и носителя русской и мировой культурной традиции, был роман-эпопея «Война и мир». И дело здесь не только в масштабах поставленной автором задачи, но и в его жизненной и творческой позиции.

«Войну и мир» Толстой начал писать в пору творческой зрелости, в расцвете физических сил, ощущая себя счастливым во всех отношениях человеком. Этому предшествовал период накопления серьезных знаний о реальной жизни и выработки писательского мастерства, сближения с крестьянством в Ясной Поляне и ранее с казачеством на Кавказе. Иными словами, писатель находился в состоянии гармонии с собой и окружающим миром, следовательно, как никогда более всего был способен объективно оценивать окружающее и наиболее полно выражать мысли и чувства. Вероятно, именно авторское состояние и сделало роман без преувеличения самым гармоничным и поэтическим произведением Толстого, в котором поистине все «сопряжено». Гармоничность произведения сказывается и в том, что сложнейшая философская и нравственная проблематика романа, обусловленная связью с глубинными духовными и нравственными основами жизни народа, берущими начало в его религиозных верованиях, воплощается в художественной форме, использующей богатый арсенал средств, восходящих, в том числе, к народным мифопоэтическим представлениям. Все это воплощено в романе как бы помимо воли автора, выявляя в нем носителя и выразителя определенных взглядов и традиций.

Толстой этого периода еще не ставит перед собою мучительных вопросов веры, отношения к ней, ее содержания. Он живет естественно в потоке общей жизни.

Мифопоэтический подтекст «Войны и мира» требует скрупулезного специального анализа. К сожалению, этой проблематикой исследователи занимаются мало, однако в одной из подобных работ рассматривает-

ся, например, функционирование древнего охотничьего мифа, «сопрягающего» на глубинном уровне эпопеи повествования о войне и мире и определяющего «место Кутузова как носителя и выразителя пафоса эпопеи»⁷. С образом Кутузова связана еще одна тема, восходящая к мифическому осмыслинию жизни и истории, ее законов: видимое бездействие полководца, его недеяние, стремление не нарушать естественного хода событий, а понять их суть и не навредить общему делу. Умение следовать естественному ходу исторических событий Толстой оценивает как мудрость исторической личности, в отличие от недальновидности тех, кто стремится своей волей изменять ход истории, влиять на события, в которых такие деятели могут исполнять лишь роль «ярлыка», обозначающего действие. Теоретические рассуждения Толстого о роли личности в истории занимают важнейшее место в ряду положений его историко-философской концепции.

Говоря о «Войне и мире», следует остановиться еще на некоторых мотивах романа-эпопеи и обстоятельствах творческой работы писателя. В период занятий с крестьянскими детьми в яснополянской школе Толстой впервые осознал, что значила для них и как ими воспринималась «народная литература». Именно тогда он сделал наблюдения, обогатившие его дальнейшую творческую работу: дети прекрасно воспринимали рассказы о тех эпизодах родной истории, которые, по слову Толстого, «прошли обработку народным преданием». С «народным преданием» о войне 1812 г. он столкнулся и во время работы над эпопеей, собирая исторический материал и свидетельства очевидцев.

В поэтике романа особое значение приобретает череда образов, имеющих символическое наполнение и восходящих по своей природе к «народной литературе» и далее, к мифу. Это, в первую очередь, образ неба как средоточия высшего смысла и знания. Автору данной статьи уже приходилось подробно писать об этом применительно к анализу традиций древнерусской литературы в романе, поэтому, отсылая читателя к давней публикации⁸, здесь лишь напомним значимые эпизоды и тот факт, что в них действуют избранные герои эпопеи: Андрей Болконский и Пьер Безухов, Николай и Петя Ростовы. К числу этих эпизодов принадлежат ключевые сцены романа: ощущения Николая Ростова во время переправы через Энс, последние предсмертные часы жизни Пети, князь Андрей на поле Аустерлица после ранения, разговор Андрея и Пьера на пароме в Богучарове, князь Андрей в Отрадном, комета 1812 г., увиденная Пьером как раз после объяснения с Наташей, ночлег Пьера в Можайске после Бородинского сражения.

Эту же череду продолжают эпизоды сновидений героев, особенно наполненный традиционной образностью сон о приходе смерти Андрея Болконского и сон-предсказание будущей судьбы (согласно продол-

жению толстовского замысла) его сына в эпилоге романа. «И Сон, и Смерть были признаваемы славянами, как и другими индоевропейскими народами, за живые мифические существа»⁹.

Важнейшее место в романе приобретают явно отмечаемые отголоски мифа Москвы. В эпопее образ города реализуется как описание подлинного места действия, с особенностями его топографии, с деталями внешнего облика, легко восстанавливаемыми на основе текста. В то же время в восприятии русских людей наиболее явственно проступают черты Москвы как матери, как удерживающего центра Русской Земли, без которого немыслимо существование самой России. Другие стороны мифического облика Москвы даны в восприятии Наполеона, олицетворяющего злую силу, пытающуюся погубить город. Для Наполеона Москва одновременно страшна и притягательна: она загадочна, ее облик ассоциируется с обликом восточной красавицы, все это подчеркивает женственность характера города. И наконец, для французов Москва — стихийное начало, проявляющее себя пугающей пустотой, огнем, а затем и поглощающее силу наполеоновской армии.

Есть в романе менее заметные элементы мифопоэтического подтекста, например, эпизоды святочных гаданий Наташи и Сони, мотив маски, играющий важную роль в сюжетной линии Николая Ростова и Сони. Роман-эпопея отражает элементы древних космогонических мифов, естественно преломленных сквозь призму исторической действительности. Так, в романе символический смысл имеет эпизод с кометой 1812 г. Этот эпизод не только связывает Пьера путем созерцания неба с вечностью, не только отмечает своей необычностью важнейшее событие его личной жизни, но и предсказывает особую судьбу героя в 1812 г., выделяя Пьера как самого главного героя произведения.

Отголосками космогонических мифов можно считать и выявляющееся в романе (как почерпнутое из «народной литературы») особое ощущение пространства и времени у Толстого. Это ощущение времени в его вечном, конкретно-историческом и сиюминутном проявлениях и безграничности пространства, на котором совершаются важнейшие исторические события (переход наполеоновской армии границ России, Бородинское сражение).

Можно было бы отметить и ряд других мифопоэтических по своему происхождению мотивов в романе-эпопее, но это не изменит, на наш взгляд, основного вывода о том, что Толстой в период создания «Войны и мира» выступает как сложившийся художник, способный выражать все богатство культурной традиции, носителем которой он является.

Иное отношение к мифопоэтической основе литературы и народного миросозерцания складывается у Толстого в семидесятые годы.

Творческий поиск приводит его к убеждению в необходимости учиться у «народной литературы» новым «приемам писания», к необходимости ориентироваться на более широкий круг читателей, в том числе на «50-летнего хорошо грамотного крестьянина» (64, 40). С началом семидесятых годов совпадает по времени интенсивная работа над «Азбукой» для «всех детей от царских до мудицких» (61, 269). В «Азбуку» вошли достаточно обширные славянские отделы для чтения, материал для которых Толстой отбирал целенаправленно и обоснованно, поначалу стремясь перекладывать и пересказывать фольклорные и литературные памятники самостоятельно, а затем остановившись на помещении оригинальных текстов с переводами, причем основным принципом перевода было подстрочное следование тексту.

Работа над переложениями включала также попытку писателя составить сводный текст русских былин. В этой работе особенное внимание автора привлекал, как известно, образ богатыря-пахаря Микулы Селяниновича, его особого отношения к Матери-земле¹⁰.

Славянские отделы «Азбук» открывались извлечениями из Несторовой летописи, причем в них попала определенная часть сказаний, ограниченная 996 г. (6504-м), рассказом о пирах дружины Владимира, то есть как раз та часть летописных сказаний, что «прошла обработку народным преданием» (8, 106)¹¹. В обработках агиографических источников для славянских отделов обращает на себя внимание тот факт, что Толстой сознательно исключает из переводимых текстов все элементы чудесного. Так, из жития Сергия Радонежского были исключены эпизоды превращения бесов в змей, вползающих в келью Сергия, явление святому Богородицы. Позднее в «Исповеди», вспоминая о впечатлениях от чтения древнерусской литературы, Толстой напишет: «Исключая чудеса, смотря на них как на фабулу, выражающую мысль, чтение это открывало мне смысл жизни» (23, 52). Таким образом, проходя своеобразную школу у произведений «народной литературы», Толстой через памятники древней литературы и устного народного творчества сознательно проникает к первоистокам этих произведений, в том числе и древнейшим мифам.

В толстоведении справедливо и прочно укоренился вывод о том, что роман «Анна Каренина», не менее глубокий по содержанию и мысли, чем «Война и мир», своим сравнительно малым объемом обязан именно скрупулезной работе автора над формой, над языком, которая была бы невыполнима, не будь за плечами писателя опыта работы над «Азбукой». Добавим, что не только опыта филигранной работы над языком, но и опыта общения с произведениями «народной литературы». Время работы над «Анной Карениной» совпадает со временем интенсивного духовного поиска Толстого, огромной внут-

ренней работы, его повышенного внимания к духовной стороне жизни крестьянства. Не перечисляя известных фактов биографии Толстого, не пересказывая содержания поисков Константина Левина, самого автобиографического из героев писателя, сосредоточим внимание на тех особенностях поэтики этого романа, что обнаруживают не только глубинную связь с литературной традицией, но и качественно иное, нежели в «Войне и мире», отношение к этой традиции.

Достаточно давно была опубликована статья В. Е. Ветловской о системе неоднозначных мотивов в романе¹². В этой работе были проанализированы многие мотивы и образы романа (мотив врат, метели и т. д.), которые через связь с литературной традицией, в том числе евангельской, вскрывают глубинный подтекст произведения. Некоторые мотивы, восходящие к древним народным представлениям (свет свечи как аналогия человеческой жизни, кольцо как символ вечности), были отмечены в этюдах-наблюдениях М. С. Альтмана¹³. Наблюдения исследователей касались как всего романа, так и образа главной героини. Недавно в работе А. Г. Гродецкой была сделана плодотворная попытка сопоставить сюжетную линию Анны с житиями блудниц и любодеиц¹⁴, что укрепляет позиции исследователей, ищущих традиционные истоки произведения. Однако господствующей позицией литераторов по отношению к главной героине десятилетиями остается оправдание ее за нежелание жить в неопределенном положении, за свободу выбора и смелое противопоставление его лживости и цинизму света. Внимательное же прочтение текста романа лишний раз убеждает, что Толстой не случайно избрал эпиграф к произведению: автор, действительно сам не осуждая Анну, предостерегает от этого и читателя, но в оценке ее жизни, поведения, выбора стоит на глубоко нравственных народных позициях, согласующихся не только с религиозно-этическими, но и поэтическими представлениями народа.

Детальный анализ средств, при помощи которых автор создает образ героини, раскрывает ее сюжетную линию, выявляет связный и прочный подтекст, восходящий к мифопоэтическим народным представлениям и однозначно трактующий образ Анны как грешницы, а ее жизненный путь как путь греха и погибели, несмотря на ту жалость и симпатию, которые она может вызывать. Иными словами, религиозно-нравственные позиции Толстого проявляются в романе как традиционные.

В окончательный текст романа не вошли рассуждения героини о вере и Боге. В этих рассуждениях Анна незаметно для себя меняет местами несовместимое (вера, Бог, сочинения Ренана, Вронский) и всему предпочитает Вронского (20, 546–547). В окончательном варианте романа религиозность героини никак не проявляется, но зато

последовательно проявляется ее зависимость от чуждой ей поначалу силы, толкающей на нежелательные поступки, внушающей чуждые мысли. В мифе нечисть всегда стремится вселиться в человека. У Анны первая встречка с Вронским отмечена мотивами смерти и железа как признака враждебной силы (например, А. Н. Афанасьев неоднократно отмечает древние представления о кузнеце-нечистом, колдующем над железом). Во время бала в глазах Анны Кити видит «дьявольский блеск», «что-то чуждое, бесовское и прелестное». Впоследствии Анна чувствует в себе неподвластную ей силу, которая независимо от ее воли управляет поступками, толкая к сближению с Вронским и создавая ощущение защищенности «непроницаемой броней лжи». Существующий помимо ее воли дух обмана и лжи увлекает ее все дальше к падению. Явный мифологический подтекст имеют важнейшие эпизоды взаимоотношений Анны и Вронского: встрече героев по дороге в Петербург сопутствуют ночь и снежная метель; во время свидания с Анной Вронский сравнивает себя с убийцей, склонившимся над трупом своей жертвы; ливень предшествует решению героя связать свою судьбу с Анной, сообщающей о том, что она ожидает ребенка. Сразу за этим следует эпизод скачек и гибели Фру-Фру. В труде А. Н. Афанасьева отмечены древние представления о том, что, согласно поверьям, скрывается за грозами, метелями и буранами: «Под другим поэтическим воззрением гроза и крутящиеся вихри представлялись чертовой свадьбою или пляскою, и до сих пор поселяне наши убеждены, что зимние выюги и метели посыпаются нечистою силою; появление и исчезновение чертей сопровождаются бурею и треском ломающихся деревьев»¹⁵.

Постепенно Анна, находящаяся в полной зависимости от чуждой ей посторонней силы, впадает почти в постоянное раздражение, чувствует неудовлетворенность своим положением, зависимостью от Вронского, наконец, привыкает к употреблению лекарства с морфием и кончает жизнь самоубийством. Немалую роль в нагнетании эмоционального состояния Анны играют кошмарные сновидения, в которых ей и Вронскому виделся страшный мужик с железом. Процесс подчинения Анны «бесовской», «прелестной» силе последовательно и точно совпадает в описании Толстого с христианской религиозной мифологией. «Господи, прости мне все!» — последние слова, произнесенные Анной.

Совсем иное значение и прочтение приобретают восходящие к мифам мотивы в сюжетной линии Кити и Левина, из которых остановимся лишь на двух: во время грозы, обозначающей, согласно древним поверьям, страшные явления либо карающей, Кити с маленьким сыном скрывается от дождя под деревом, где их и находит Левин, спешащий на выручку. Именно дерево, пребывание под которым во

время грозы опасно (древо жизни или мировое древо, означающее связь земного и духовного), защищает Кити (носительницу жизненного начала, мать, устроительницу и хранительницу семейного очага) и ребенка (дитя как воплощение надежды, воплощение идеи роста, жизни). Отголоски космогонических мифов явно заметны и в финальной сцене романа — размышлении Левина, стоящего во время грозы на террасе своего дома под звездным небом, о смысле бытия и вере.

Совсем иную картину проявления мифопоэтического подтекста представляет позднее творчество Толстого, то есть тот период, когда во всеуслышание им было заявлено о новых позициях, вытекавших из нетрадиционных религиозных представлений. Религиозность Толстого, на первый взгляд, должна была бы привести к более полному проникновению в его сочинения христианской религиозной мифологии. На самом же деле в сочинениях писателя происходит настояще разрушение мифопоэтического подтекста при видимом сохранении некоторых его признаков.

Во-первых, заявляя о следовании евангельскому учению, Толстой отказывается от почитания Христа как Богочеловека, видя в нем лишь проповедника нравственного учения. Отношение писателя к Христу претерпевало некоторые изменения с течением времени. Он отказался от всего, что не давалось его разумному объяснению в евангельской истории (доказательством тому служит «Соединение и перевод четырех Евангелий»). Не принимал Толстой и штраусовско-ренановского «исторического» отношения к личности Христа, противопоставляя этой традиции свое «нравственное понятие» (65, 140 и 24, 806). И, наконец, в 1899 г. Толстой доброжелательно и даже с какой-то затаенной надеждой воспринимает книгу профессора Веруса «Сравнительный обзор четырех Евангелий», где автор высказывал предположение, что Христос никогда не существовал как историческая личность. Эта мысль представляется писателю необыкновенно заманчивой для того, чтобы «сделать крепость нравственного учения добра» непоколебимой (72, 164).

В статье «Что такое религия и в чем сущность ее?» писатель все время апеллирует к разуму человека, давая, исходя из этого, и свое определение религии: «Истинная религия есть такое согласное с разумом и знаниями человека установленное им отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками» (35, 163). От этого рассудочного отношения к религии, видимо, происходило и отторжение у Толстого религиозной догматики. Если следовать рассуждениям С. Булгакова, догматы «лишь констатируют факт откровения, уже совершившегося в религиозном мифе, и только переводят на язык по-

нятий его содержание. Опытное происхождение доклада, своего рода религиозный эмпиризм, делая доклад неуязвимым для критики рассудочного познания, в то же время ведет к тому, что его выражение в понятиях порождает противоречия и нелепицы с точки зрения рассудочного мышления. Не таковы ли почти все основные доклады христианства, и недаром их с таким презрением и негодованием отвергают те, кто рассудочную проверку считают высшим и единственным критерием религиозной истины: пример налицо — Л. Толстой»¹⁶.

Подобное же раздраженное и насмешливое отторжение вызывает у писателя и другая сторона религиозной мифологии — обряды и таинства, свидетельством чему служит знаменитый эпизод из романа «Воскресение», а также переживания в связи с богослужением и таинствами героев поздних произведений (особенно лишь начатой повести «Иеромонах Илиодор»).

В то же время явно символически понимаемые названия таких произведений, как «Воскресение», «Ходите в свете, пока есть свет», «Власть тьмы», «И свет во тьме светит», ориентируют на религиозно-мифическую символику. Часто фигурирующие, особенно в религиозно-философских и публицистических произведениях, упоминания символических образов пшеницы и пшеницы, виноградной лозы, тьмы и света, понимаемые традиционно христиански, связывают поэтику позднего творчества Толстого с религиозно-христианской мифологией. Однако более внимательный подход к текстам, содержащим материал для наблюдений, обнаружит своего рода неполную проявленность этих образов, их «одномерность», особенно в так называемых нехудожественных произведениях, где чаще всего используется лишь их поверхностный нравоучительный смысл. Интересно, например, что статистика упоминаний или цитаций Толстого из текста Евангелий указывает на то, что менее всего писатель опирается на Евангелие от Иоанна, наиболее философски абстрактное по своему характеру.

Параллельно с этими проявлениями существуют и иные мифопоэтические мотивы: попытка разработать легендарный сюжет об уходе Александра I, другие произведения о гордых и раскаявшихся правителях, восходящие к истокам древнейшей мифологии. Мифические персонажи продолжают традиционно действовать в цикле народных рассказов, но этот цикл полностью остается связанным с поэтикой «народной литературы»¹⁷.

Одновременно в позднем творчестве Толстого словно бы создается и принимает постепенно реальные очертания некий собственный миф, контуры которого вполне ощущимы. С одной стороны, он строится на глубоко символическом образе пути жизни, восходящем к христианским источникам. Путь жизни писатель понимает не как

движение, поглощающее пространство, а совершенно по-христиански — как процесс движения по «узкому» праведному пути. Первоначально образ путника, заблудившегося и потерявшего верное направление, а затем нашедшего спасительный выход, появляется в «Исповеди» как образная иллюстрация собственных заблуждений и прозрения. С другой стороны, появляются и укореняются постоянные мотивы, формирующие определенную картину мира, в котором власть все больше принадлежит «тьме». В этом отношении «Власть тьмы» и «Воскресение» вносят соответствующую и заметную лепту в формирование нового мифа. Так, в «Воскресении» предстает безрадостная картина всеобщей жизни, строящейся на лживости, бессмысленной деятельности одних и каторжных муках других. Если верить Толстому как автору «Воскресения», никаких светлых сторон жизни России как будто не существует. Все светлое подавлено, замучено, обмануто или заключено в тюрьму. Здесь же вырисовываются страшные контуры города, его язв и противоестественного существования (тема «страшного» города перекликается с толстовскими описаниями переписи населения в Москве).

Важное место в этом мифе занимает борьба героя с нечистым дьявольским наваждением, которое в произведениях Толстого приобретает характер борьбы с похотью («Дьявол», «Отец Сергий» и др.).

Еще один контур нового мифа ограничивается постоянно присутствующей в произведениях и дневниках Толстого темой сумасшествия, которое встает перед творцом мифа как неразрешимый вопрос о том, кто же истинно безумен: он или окружающий мир. Особенно остро в художественной форме эта тема звучит в неоконченных «Записках сумасшедшего», затем постоянно возникает в публицистических произведениях, дневниковых записях, семейных спорах. С осознанием неординарности своего образа мыслей, потребностью в активной пропаганде своей правды приходит мысль о необходимости и неизбежности страдания и преследования от властей за свои убеждения. Ожидание преследований и страданий при этом связывается в сознании Толстого с временами легендарными, с мученичеством первых христиан (63, 299). Мученический финал в планах «Иеромонаха Илиодора» ожидает главного героя за проповедь своих убеждений: казнь с двумя разбойниками.

Итак, на протяжении долгой творческой работы проявление мифопоэтических основ в произведениях писателя претерпевало изменения в зависимости от его религиозных представлений и чувств. Можно было заметить процесс формирования семейных преданий при безразличном отношении к религии, затем проявление мифопоэтического подтекста как признака принадлежности к определенной культурной

традиции («Война и мир»). При этом данный подтекст можно рассматривать, скорее всего, как представленный отдельными фрагментами, отголосками различных мифов. В «Анне Карениной» картина резко меняется, так как мифопоэтическая традиция (особенно в сюжетной линии Анны) представляется как цельный, обогащенный различными деталями подтекст, восходящий как к христианской мифологии, так и к традиционным религиозно-нравственным представлениям народа. В поздний период творчества Толстой широко использует образы христианской мифологии, но они не получают в его произведениях того мощного полифонического поэтического звучания, как это было в допереломный период. Рационалистический и моралистический характер религиозных представлений Толстого не способствует проявлению живой поэтическости традиционных мифических мотивов, восходящих как к христианской, так и к древней славянской мифологии. Одновременно в сочинениях писателя начинают обозначаться контуры иного мифа, иного жизнепонимания: образ блуждающего путника, ощущение безумия мира, ожидание гонений, ощущение тюремной замкнутости и каторжной муки. Страшные контуры этого мифа вырисовываются на основе отхода от христианства как веры и «поэзии народа». Замена ее другой «поэзией», на наш взгляд, не выдерживает сравнения.

¹ Потебня А. А. Миф и слово // Его же. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 432.

² Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994. С. 61.

³ ЯЗ. Кн. 2. С. 466.

⁴ Дневниковая запись от начала марта 1855 г.: «Вчера разговор о божественном и вере навел меня на великую громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь.— Мысль эта — основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической — не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле.— Привести эту мысль в исполнение я понимаю, что могут только поколения, сознательно работающие к этой цели. Одно поколение будет завещать мысль эту следующему и когда-нибудь фанатизм или разум приведут ее в исполнение. Действовать сознательно к соединению людей с религией, вот основание мысли, которая, надеюсь, увлечет меня» (47, 37–38).

⁵ Подробнее об этом см. в сб.: О религии Льва Толстого. Сборник второй. М., 1912; Духовная трагедия Льва Толстого. М., 1995

⁶ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 100 т. М., 2000. Т. 19. С. 177–178. На содержание этого отрывка нам любезно указала Л. Д. Громова-Опульская.

⁷ Минакова Е. В. Некоторые черты древнерусской литературы в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» // Литература Древней Руси. Вып. 2. Сб. трудов. М., 1978.

⁸ Николаева Е. В. Некоторые черты древнерусской литературы в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» // Литература Древней Руси. Вып. 2. Сб. трудов. М., 1978.

⁹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. М., 1955. Т. 3. С. 25.

¹⁰ См., например, статью: Водовозов Н. В. Работа Л. Н. Толстого над сводным текстом русских былин // Русская литература и народное творчество. Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1962.

¹¹ Подробнее о характере, принципах отбора и перевода летописного и других древних литературных памятников см. в статье: Николаева Е. В. Жанры древнерусской литературы в «Азбуке» Толстого // Проблемы жанров в русской литературе. Сб. научн. трудов. М., 1980.

¹² Ветловская В. Е. Поэтика «Анны Карениной» (система неоднозначных мотивов) // Русская литература. 1979. № 4.

¹³ Альтман М. С. Этюды о творчестве Л. Н. Толстого // Толстовский сб. Тула, 1964.

¹⁴ Гродецкая А. Г. Агиографические прообразы в «Анне Карениной» (жития блудниц и любодеиц и сюжетная линия главной героини романа) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) Т. XLVIII. СПб., 1993.

¹⁵ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. С. 9.

¹⁶ Булгаков С. Н. Свет невечерний. С. 66.

¹⁷ О поведении демонических персонажей в народных рассказах, о их сюжетообразующей функции см.: Николаева Е. В. Древнерусские литературные традиции в становлении жанра народных рассказов Л. Н. Толстого // Литература Древней Руси. Сб. научн. трудов. М., 1981.

Ален Рефало
Л. Н. ТОЛСТОЙ
О ГОСУДАРСТВЕ И ВЛАСТИ

Перевод с французского языка
А. Н. Полосиной

В 1891—1892 гг. во время голода, охватившего центральные губернии России, Толстой принимал деятельное участие в организации сбора пожертвований для голодающих крестьян и открытии народных столовых. 9 сентября 1892 г. он поехал на поезде из Ясной Поляны в Бегичевку Рязанской губернии для составления отчета об использовании общественных средств за 1891 г. По пути в Бегичевку, на станции Узловая, он встретил экстренный поезд с карательным отрядом, ехавшим для усмирения голодающих крестьян, не позволивших рубить лес своему помешчику, который тот «мошеннически» отнял «у целого общества голодных и холодных крестьян».

В заключительной главе трактата «Царство Божие внутри вас» (1890—1893), написанного под впечатлением трагедии голодающей России, Толстой рассказал, как проходит подавление такого рода бунтов: «войска с ружьями, боевыми патронами и розгами»... Увидев собственными глазами соотечественников-«христиан», ехавших исполнять подобное преступление, он пришел в ужас... «Судьба, как нарочно, после двухлетнего моего напряжения мысли все в одном и том же направлении, натолкнула меня в первый раз в жизни на это явление, показавшее мне с полной очевидностью на практике то, что для меня давно выяснилось в теории, а именно то, что все устройство нашей жизни зиждется не на каких-либо <...> юридических началах, а на самом простом насилии, на убийствах и истязаниях людей» (28, 226).

В теории Толстого о государстве, которую он развивает во многих статьях, а также в трактате «Царство Божие внутри вас», есть мысль, что «все, самые деспотические так же как и либеральные правительства сделались <...> организациями насилия, не имеющими в своей основе ничего, кроме самого грубого произвола, и вместе с тем пользующимися всеми теми средствами, которые выработала наука для совокупной общественной мирной деятельности свободных и равноправных людей и которые они употребляют для порабощения и угнетения людей» (28, 152).

По мнению русского писателя, власть держится на насилии в своем основании и во всех государственных структурах. Она существует

только за счет угрозы насилия или применения насилия к тем, от кого требуется подчинение. «Для того, чтобы приобрести власть и удерживать ее, нужно любить власть. Властолюбие же соединяется не с добродетелью, а с противоположными добродетелями качествами: с гордостью, хитростью, жестокостью. Без возвеличивания себя и унижения других, без лицемерия, обманов, без тюрем, крепостей, казней, убийств не может ни возникнуть, ни держаться никакая власть» (28, 190). Власть — это превосходство сильных над слабыми. «...Властвовать значит делать другому то, чего мы не хотим, чтобы нам делали, т. е. делать злое» (28, 191). То есть, по мнению Толстого, это отрицание христианских заповедей, главной основы нравственного поведения людей: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лк. 6, 31). Он критикует принимаемые правителями законы, которые, не являясь выражением воли народа, далеки от его реальных потребностей. Они служат преимущественно интересам правителей. Будучи на службе у несправедливости, законы могут существовать только как средства насилия. В «Рабстве нашего времени» (1900) высказана та же мысль: «За всякое неисполнение установленных узаконений неисполнившие будут подвергаться побоям, лишениям свободы, даже убийству» (34, 180).

Таким образом, Толстой разоблачает злоупотребления людей, стоящих у власти, которые «делаются более склонными к безнравственности, то есть к подчинению общих интересов личным, чем люди не имеющие власти» (28, 132–133), заставляя при этом страдать трудящийся народ. Правители действуют вопреки всем моральным законам, отвергая основные христианские заповеди, на которые сами ссылаются.

Так как основа власти — это физическое насилие, то власти необходима армия как гарантия подчинения. Армия — главная опора государства. «Обыкновенно думают, что войска усиливаются правительствами только для обороны государства от других государств, забывая то, что войска нужны прежде всего правительствам для обороны себя от своих подавленных и приведенных в рабство подданных» (28, 136). Вот почему причастность людей к армии, то есть исполнение общей воинской повинности — «последней степени насилия» — это «тот камень замка в своде, который держит стены» (28, 141).

Разрушить государство

Радикальная критика Толстым государства близка анархическому мировоззрению, но в ней нет ни одного намека на необходимость и возможность какой-либо другой формы общественной негосударственной организации, которая заменила бы существующее государство. В отли-

чие от революционеров прошлых и современных времен, стремившихся создать такое правительство, которое служило бы интересам народа, Толстой равнодушно относился к любым формам власти, государства и правительства. В статье «Об общественном движении в России» (1905) он писал: «...всякое насилиственное правительство по существу своему ненужное, великое зло и <...> поэтому дело, как для нас русских, так и для всех людей, порабощенных правительствами, не в том, чтобы заменять одну форму правительства другой, а в том, чтобы избавиться от всякого правительства, уничтожить его» (36, 163).

Толстой предчувствовал, что новое государство, даже более демократичное, не сможет уничтожить экономическую нищету сотен миллионов крестьян. Он считал, что трудящиеся массы не нуждаются в правительстве, чтобы организовываться в независимые земледельческие общины. По его мнению, только при отсутствии правительства может снизиться уровень насилия. «...Сотни тысяч преступлений совершаются людьми только потому, что люди воспитываются для преступлений правительственными несправедливостями и жестокостями» (36, 346), — писал он в статье «О значении русской революции» (1906). Не развивая мысли о новой социальной структуре, которую, как ему кажется, невозможно охарактеризовать заранее, Толстой в статье «Патриотизм и правительство» (1900) только намекает на то, что она должна, прежде всего, зависеть от свободного выбора. «...Отсутствие грубой власти правительств, имеющих цель поддерживать только себя, будет содействовать общественной организации, не нуждающейся в насилии. И суд, и общественные дела, и народное образование, все это будет в той мере, в которой это нужно народам; уничтожится только то, что было дурно и мешало проявлению воли народов» (90, 442).

Неэффективность насилия

В борьбе с властью Толстой не советует прибегать к насилию, ибо насилие порождает только насилие и использование методов насилия только укрепляет власть. Мысль о недейственности насилия он настойчиво повторяет во многих своих работах, например, в «Царстве Божием внутри вас»: «Если некоторые люди утверждают, что освобождение от насилия или хотя бы ослабление его может произойти вследствие того, что угнетенные люди, свергнув силою угнетающее правительство, заменят его новым, таким, при котором уже не будет нужно такого насилия и порабощения людей, и некоторые люди пытаются делать это, то эти люди только обманывают себя и других и этим не улучшают, а только ухудшают положение людей. Деятель-

ность этих людей только усиливает деспотизм правительства» (28, 155). Насилие, даже совершенное с самыми благими намерениями, неизбежно завершается тем, что обращается против тех, кто его совершает. В статье «К рабочему народу» (1902) Толстой пишет: «Пытаясь насилием бороться с насилием, вы, рабочие, делаете то, что делал бы связанный человек, если бы он, чтобы освободиться, тянул бы за связывающие его веревки: он только затягивал бы крепче те узлы, которые держат его. То же и с попытками насилием отнять отнятое хитростью, но удерживаемое насилием» (35, 122). Революционное насилие оправдывает насилие власти и усиливает его. Это затягивание насилия в бесконечную спираль, из которой власть выйдет победительницей. Эта же мысль была выражена и в более ранней статье Толстого «Рабство нашего времени»: «Все попытки уничтожения рабства насилием подобны тушению огня огнем, или удержанию воды водой, или засыпанию одной ямы землею, вырытой рядом из другой» (34, 187).

Полемизируя с революционерами — сторонниками насилия — на страницах трактата «Царство Божие внутри вас», Толстой утверждает, что в случае свержения деспотической власти новая власть сможет удержаться лишь с помощью организованного насилия. «Какая бы из этих партий ни восторжествовала, для введения в жизнь своих порядков, так же как и для удержания власти, она должна употребить не только все существующие средства насилия, но и придумывать новые. Порабощены будут другие люди и людей будут принуждать к другому, но будет не только то же, но более жестокое насилие и порабощение, потому что вследствие борьбы усилится ненависть людей друг против друга» (28, 156). Толстой опирается на примеры прошлых революций, в частности на Французскую революцию 1780 г., чтобы доказать, что революция, основанная на насилии, обречена на провал. Она лишь способна породить режим, еще более деспотичный и жестокий, чем прежний, как это было при всех революциях. Противоречие между средствами и целью очевидно, и Толстой не устает без конца, в атмосфере всеобщего непонимания, повторять во всеуслышанье «свою правду».

Неповиновение власти

В статье «Рабство нашего времени» говорится, что если люди хотят эффективно бороться с насилием власти, они должны, прежде всего, найти истоки насилия, жертвами которого они стали. «...Людям пора понять, что правительства суть не только ненужные, но и злопреданные и в высшей степени безнравственные учреждения, в которых

честный и уважающий себя человек не может и не должен участвовать и выгодами которых не может и не должен пользоваться. А как скоро люди ясно поймут это, так они естественно перестанут участвовать в тех дела, то есть давать правительствам солдат и деньги. А лишь только большинство людей перестанет это делать, так само собой уничтожится обман, порабощающий людей» (34, 191). Мысль французского писателя-моралиста XIV в. Этьена де Ла Боэси о том, что «рабство народов основано на добровольном подчинении тирану», оказалась близка Толстому. В статье «Обращение к русским людям» (1906) он утверждает, что единственный способ избавления от рабства — это неповиновение никакому правительству. «Только перестаньте, городской рабочий народ, так же как и сельский, повиноваться правительству, служить ему — и уничтожится власть правительства, а с уничтожением этой власти сами собою уничтожатся те условия рабства, в котором вы живете, потому что поддерживаются эти условия только насилийской властью правительства. А насилийскую власть составляете вы сами» (36, 312). Уточняя свою мысль, он пишет, что именно каждый человек может сделать, чтобы победить власть неповиновением. «...Если человек <...> хочет улучшить не одно свое положение, а положение людей, то должен сам не делать дурного, которое производит рабство его и его братьев. А для того, чтобы не делать того дурного, которое производит бедствие его и его братьев, он должен — во-первых, ни добровольно, ни принудительно не принимать участия в правительственных деятельностиах и потому не принимать на себя звание ни солдата, ни фельдмаршала, ни ministra, ни сборщика податей, ни понятого, ни старости, ни присяжного, ни губернатора, ни члена парламента, и вообще никакой должности, связанной с насилием. Это одно. Во-вторых, такой человек должен не давать добровольно правительствам податей, ни прямых, ни косвенных, и точно так же не должен пользоваться деньгами, собранными податями, ни в виде жалования, ни в виде пенсий, наград и т. п. правительственными учреждениями, содержимыми на подати, насилино собираемые с народа. Это второе. В-третьих, человек, желающий содействовать не своему одному благу, а улучшению положения людей, должен не обращаться к правительственным насилиям ни для ограждения владения землею и другими предметами, ни для ограждения безопасности своей и своих близких, а владеть как землею, так и всеми произведениями чужого или своего труда только в той мере, в какой к этим предметам не предъявляются требования других людей» (34, 193). Ни бунт, ни смена правительства или государственного строя не приведут к свободе и уничтожению насилия. Воздерживаясь от сотрудничества с властными структурами, свобод-

ный человек ведет подкоп под основы государства. Пассивное непротивление злу насилием — это единственное единственное средство. Толстой почти не сомневался, что власть будет беспомощна перед неповиновением народа. Так, в «Царстве Божием внутри вас» он пишет: «Всякое правительство знает, как и чем защитить себя от революционеров, и имеет на это средства и потому не боится этих внешних врагов. Но что делать правительствам против тех людей, которые обличают бесполезность, излишество и вредность всяких правительств и не борются с ними, а только не нуждаются в них, обходятся без них и потому не хотят участвовать в них?» (28, 182). Неизбежность подавления непокорных — это не поражение, не провал, так как «они могут быть ограблены, лишены возможности двигаться, изранены, убиты, но они не могут быть порабощены, то есть принуждены поступать противно своей разумной воле» (36, 339). Это только еще более жестко раскроет сущность власти и увеличит число тех, кто хочет бороться с нею.

Революция 1905 года

9 (22) января 1905 г. в Петербурге мирное шествие из нескольких тысяч рабочих, несущих петицию царю Николаю II, было расстреляно войсками на Дворцовой площади по приказу генерал-губернатора, великого князя Владимира Александровича. Вслед за этим «кровавым воскресением» разразились многочисленные беспорядки по всей стране: стачки, покушения, погромы, поджоги, восстание моряков на броненосце «Потемкин»... Это было начало революции 1905–1907 гг. Потрясенный волной насилия, но не удивленный происшедшими революционными событиями, Толстой в статье «Конец века» (1905) говорит о тупике, в котором оказались революционеры: «У людей же, теперь стремящихся сделать в России политическую революцию по образцу европейских революций, нет никаких новых основ. Они стремятся только к тому, чтобы переменить одну старую форму насилия на новую, точно так же осуществляющую насилием и несущую с собой те же бедствия, как те, которые терпит теперь русский народ» (36, 260). Он упрекает революционеров в том, что они везде выдвигают только себя самих и не учитывают настоящие чаяния «стомиллионного земледельческого народа», который требует ликвидации частной собственности и национализации земли. Он им советует сблизиться с народом, которого они не умеют достойно оценить и на бедах которого строят свое счастье. «...Если люди городских сословий хотят действительно служить совершающемуся великому перевороту, то первое, что они должны сделать,— это то, чтобы оставить ту жестокую революционную, неестественную, выдуманную деятельность, которой они

теперь заняты, и, поселившись в деревне и разделяя труд народа, постараться, научившись от него его терпению, равнодушию и презрению к власти и, главное, трудолюбию, служить ему своими, если это понадобится, книжными знаниями в разъяснении тех вопросов, которые неизбежно возникнут при упразднении правительства» (36, 261). Советы Толстого не были услышаны, и взгляды старого писателя бывали иногда осмеяны. Так, во время революции Горький писал о Толстом, что «этот человек стал рабом своей идеи. Уже давно он изолировался от русской жизни, и больше не слышит народа»¹. Однако, предчувствуя неизбежность будущих революций и их последствия, в статье «Конец века» Толстой пишет, что «большинство революционеров выставляет новой основой жизни социалистическое устройство, которое может быть достигнуто только самым жестоким насилием и которое, если бы когда-нибудь и было достигнуто, лишило бы людей последних остатков свободы» (36, 260).

Духовная революция

В учении Толстого о непротивлении злу насилием единственным средством избавления человечества от насилия государства является моральное самосовершенствование. Именно в этом Толстой расходится с многими анархическими течениями, проповедующими насилие или ненасилие. Безусловно, ему ближе идеи английского публициста, писателя и историка Уильяма Годвина и французского социалиста, теоретика анархизма Прудона, которые всегда были противниками революционного насилия. Но и Толстой, подобно своим предшественникам, точно так же настаивает на необходимости личной духовной революции. В статье «К политическим деятелям» (1903) он советует каждому человеку, ищущему свободу, воспринимать духовное оружие как «...такое религиозное понимание жизни, при котором человек считает свою земную жизнь только частичным проявлением всей жизни, связывает свою жизнь с бесконечной жизнью и, признавая свое высшее благо в исполнении законов этой бесконечной жизни, считает для себя исполнение этих законов более обязательным, чем исполнение каких бы то ни было человеческих законов» (35, 207). В статье «О значении русской революции» Толстой упрекает мыслителей-анархистов в непризнании того, что духовным оружием может быть закон Божий, и это, по его мнению, снижает значимость их теории и практической деятельности. «От этого же неверия в закон Бога и происходит и то кажущееся странным явление, что все теоретики-анархисты, люди ученые и умные, начиная от Бакунина, Прудона и до Реклю, Макса Штирнера и Кропоткина, неопровергнуто верно и

справедливо доказывая неразумность и вред власти, как скоро начинают говорить о возможности устройства общественной жизни без того человеческого закона, который они отрицают, так тотчас впадают в неопределенность, многословие, неясность, красноречие и совершенно фантастические, ни на чем не основанные предложения» (36, 347). По логике Толстого, политическая и социальная революция будет действенной, если безусловным будет «такое нравственное состояние людей, при котором люди по внутреннему убеждению, а не по принуждению, поступали бы с другими так, как они хотят, чтобы поступали с ними» (35, 210), как он пишет в статье «К политическим деятелям». Только такое стремление к самосовершенствованию в состоянии, по его мнению, бороться против того, что разъединяет людей, а не объединяет их.

В 1906 г., подводя итоги Первой русской революции в статье «О значении русской революции», Толстой спрашивает: «Совершит ли русский народ это великое предстоящее ему дело или, пойдя по пути западных народов, лишится этой возможности и предоставит другому, более счастливому восточному народу быть руководителем людей в предстоящем всему человечеству деле освобождения от подмены Божеской власти властью человеческой...» (36, 344). У Толстого было предчувствие, что революция в России не будет такой, какой он желал бы ее видеть.

Сила и слабость взглядов Толстого

Радикальная обоснованная критика Толстым власти, государства и царизма многим раскрыла глаза на несовершенства государственной власти царской России. Антигосударственные выпады писателя проложили дорогу революционерам, сторонникам насилия. Толстой в отрицании государства был близок к идеям анархистов. Одновременно он, безусловно, стал мишенью для тех, кто считал его утопистом. Толстой ведь ничего не предлагал взамен государства, что помогло бы представить существование общества без государства... Более того, он считал, что жизнь по христианским заповедям как можно большего числа людей сама собой приведет к установлению гармонического общества без насилия и государство станет ненужным, «как короли и императоры». Если самосовершенствование, по его мнению, было единственным средством избавления от насилия, то понятно, почему он остается непонятым. Отказ Толстого от такой формы коллективной борьбы, которая способна изменить политические и социальные структуры общества, делает мысль Толстого утопичной. Насилие было в ту эпоху единственным методом борьбы для тех, кто хотел изменить ход вещей. Но в

то же время прискорбно, что Толстой, сторонник полного неподчинения государству, не представлял себе, что неподчинение смогло бы стать реальной силой политического давления, если бы из индивидуального протesta оно смогло в рамках стратегической коллективной борьбы перерасти в борьбу против власти государства. В России Толстой остался пленником своего отказа от насилия.

Идеи духовного ненасильственного анархизма Толстого дошли до Ганди, который открыл такой гениальный способ массовой политической борьбы, конструктивная программа которой, соединенная с гражданским неповиновением, позволила реализовать идеи мудреца из Ясной Поляны.

¹ Цит. по: Gillès Daniel. Tolstoi. Paris: Julliar, 1959. P. 271.

Л. П. Лаптева

ЧЕШСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ XV ВЕКА

ПЕТР ХЕЛЬЧИЦКИЙ

И ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

Петр Хельчицкий жил в период между 1390 и 1457 гг. Являясь современником гуситского движения, он сочувствовал идеям левого крыла гуситов — тaborитов, боровшихся за коренное изменение существующего общественного порядка и установление на земле «царства равных» в духе евангельского учения. Но если тaborиты защищали свои идеалы с оружием в руках, то Хельчицкий отвергал насилие, считая, что общество равных должно быть установлено мирными средствами, путем нравственного усовершенствования каждого индивида. В обстановке революции и войн тaborиты не обращали внимания на Хельчицкого и его идеи. Он был забыт современниками, прямых источников о его жизни не существует. После гуситских войн, когда наступило разочарование в вооруженных методах борьбы за улучшение общественного порядка, идеи Хельчицкого нашли приверженцев, создавших в 1453 г. Общину чешских братьев (ОЧБ), которая особенно в XVI в. славилась высокой образованностью своих членов. Но, видимо, в этот период о Хельчицком ничего написано не было, так как ОЧБ постоянно подвергалась гонениям со стороны официальных властей; писать о мыслителе, резко критиковавшем общественный порядок, было не только неактуально, но и опасно.

Факты биографии Хельчицкого устанавливаются прежде всего на основании его сочинений, путем сопоставлений, логических рассуждений и допущений. Так, предполагается, что мыслитель происходил из южночешского местечка Хельчицы, принадлежал к числу людей свободных, но малоимущих. Ученые полемизируют по поводу его социальной принадлежности и даже его действительного имени. Нет единого мнения и относительно полученного им образования. Во всяком случае, ясно, что оно не было высоким. Он, видимо, не владел латинским языком в такой мере, чтобы на нем писать, но был в состоянии читать латинские рукописи.

Также и о литературной деятельности Хельчицкого имелось мало сведений практически вплоть до второй половины XIX в., и лишь с этого времени начинается процесс выявления, изучения текстов про-

изведений мыслителя. Большой вклад внесли в этот процесс русские ученые конца XIX — начала XX в.

Главным сочинением Хельчицкого является «Сеть веры», где подробно изложена основа его учения. Установив, что церковная жизнь его времени носит антихристианский характер, Хельчицкий в названном трактате рассматривает особенности государственной власти и находит, что ее сущность противоречит принципам братского равенства, которое — по заветам евангельского учения — должно господствовать между христианами. Антихристианским признает Хельчицкий и разделение общества на сословия. Вопрос о сословном строе связан с оценкой крепостного права. И этот институт Хельчицким безоговорочно осуждается. Отрицательное отношение мыслителя вызывают и формы городской жизни с ее корыстолюбием, нечестной торговлей, ростовщичеством и всякими «соблазнами». Но, по мнению Хельчицкого, христианству противоречат не только основы государственной жизни с верховной властью, сословным делением общества, угнетением одних людей другими, но и такие явления политической жизни, как войны, казни, суды. Таким образом, основные формы человеческой жизни, наблюдавшиеся в христианском обществе Европы, оказываются в прямом противоречии с основными идеями христианства.

Однако, в соответствии с христианским тезисом о непротивлении злу насилием, Хельчицкий не призывает к борьбе с установленными социальными отношениями. Он допускает только один способ возврата справедливости на земле: бескровную «проникновенность» всех и каждого евангельскими идеалами. Считая государственную власть антихристианской, он, однако, требует безропотного повиновения ей. Отстаивая идею последовательного исполнения евангельской заповеди — строить жизнь на принципах христианской нравственности, Хельчицкий не замечал национальных устремлений чешского народа своего времени и не одобрял избранных им методов борьбы. Тем самым он отходил от позиций этноса и вступал на почву космополитизма — защиты интересов всего человечества. Из-за этого Хельчицкий и был мало известен современникам, забыт потомками, но занимает почетное место в мировой истории общественной мысли и получил право на внимание со стороны всего культурного мира¹.

В России первым самостоятельным исследователем творчества Хельчицкого стал Ю. С. Анненков (1849–1885). Он восемь раз выезжал в Прагу, посещал и другие места, разыскивая сочинения чешского мыслителя. В Париже Анненков обнаружил наряду с двумя уже известными ранее сочинениями Хельчицкого еще и третье, которое описал и опубликовал². В Моравии Анненков изучал так называемую Оломоуцкую рукопись второй половины XV в., содержащую

ряд сочинений Хельчицкого³. Особенно же успешными оказались поиски Анненкова в Пражской Архиепископской библиотеке, где было обнаружено сразу несколько неизвестных сочинений Хельчицкого. Результаты их изучения изложены в статье, которую Анненков опубликовал в соавторстве с чешским ученым А. Патерой⁴.

Анненков подготовил к печати и один из главных трудов Хельчицкого «Сеть веры», но издать его не успел. Петербургская Академия наук поручила выпустить в свет эту работу И. В. Ягичу, который представил для издания и «Введение», указав, однако, что оно написано фактически его учеником И. Карасеком. На русский язык «Введение» перевел М. Сперанский. Анненков же успел отпечатать чешский текст «Сети веры» и написать изложение его содержания по-русски⁵.

Таким образом, Анненков внес значительный вклад в разыскание литературного наследия Хельчицкого и изучение его трудов. В России учений был первым, кто самостоятельно в научном плане познакомил русскую общественность с творчеством чешского мыслителя. При этом для Анненкова характерны не только глубокие знания о творчестве Хельчицкого, но и новые подходы к оценкам ряда моментов изучаемых проблем.

Высшим достижением русской историографии о Хельчицком является творчество Н. В. Ястребова (1869–1923), одного из выдающихся представителей русской славистики первой четверти XX в.⁶ Первой его работой о чешском мыслителе был «Очерк жизни и литературной деятельности Петра Хельчицкого», изданный в 1895 г. и основанный на анализе опубликованных к тому времени сочинений Хельчицкого и литературы о нем. В 1904 г. Ястребов опубликовал текст трактата Хельчицкого «О трояком народе»⁷. Еще через два года вышла статья того же автора «Хельчицкий и Гус. Очерк по истории гуситской мысли»⁸, где решался вопрос о личных контактах между обоими мыслителями на основании анализа их сочинений, показано, как Хельчицкий черпал идеи из творчества Гуса. Суждение Ястребова о взаимоотношении двух теологов XV в. было новым, как и сам предмет исследования, к которому ранее никто не обращался.

Крупнейшим же трудом Ястребова была его книга «Этюды о Петре Хельчицком и его времени»⁹, признанная выдающейся не только в русской, но и в чешской литературе и не утратившая научного значения до настоящего времени. Работу отличает глубокое и всестороннее знание рукописной источниковой базы монографии, глубокий исследовательский метод ее изучения, убедительность аргументации, обоснованность и оригинальность суждений. Важное значение книги для европейской гуситологии было единодушно признано как русскими, так и чешскими учеными.

Последняя работа Ястребова на эту тему — статья «Когда написал Петр Хельчицкий Реплику против Рокицаны?» — опубликована в 1914 году¹⁰. В противоположность чешскому ученому Я. Голлу, утверждавшему, что «Реплика» возникла в 1450 г., Ястребов доказывал, что она написана в 1433—1435 гг. В целом труды Ястребова выяснили историю литературной деятельности Хельчицкого и поставили на научную основу вопрос об определении его места в истории чешской общественной мысли XV в.¹¹

В конце XIX в. на учение Хельчицкого обратил внимание Лев Николаевич Толстой. Как часто отмечается, именно в это время великий писатель стал развивать идеи раннехристианского общества справедливости и равенства как антитезу существующему миру вражды и порока. В 1885 г. вышло сочинение Толстого «В чем моя вера?», в котором чехи (прежде всего Т. Г. Масарик и П. Дурдик) увидели родство философии русского писателя с этическими взглядами чешских братьев и идеал Хельчицкого о непротивлении злу насилием. В 1886 г. чешский историк Я. Голл сопоставил взгляды Хельчицкого и Толстого в статье «Лев Толстой и его религия»¹². В России же на сходство учений Хельчицкого и Толстого было впервые указано во «Введении» к упоминавшемуся выше изданию «Сети веры» (впрочем, автором ведь был чех И. Карасек)¹³, а затем и в рецензии на это издание¹⁴. В последней говорится, что «идеалистические стремления к первобытному христианству возникли до Хельчицкого, повторялись и после него, но он остается одним из наиболее замечательных представителей этих стремлений по глубокой искренности, простоте и христианско-человеколюбивому настроению — качествам, какими не всегда отличались искатели первобытного христианства, у которых можно было встретиться или с крайней нетерпимостью, или с фантастикой, или даже с сухим резонаторством». Далее рецензент подчеркивает, что во «Введении» к изданной в России «Сети веры» отмечена одна параллель учению Хельчицкого и в современной литературе: «Наиболее аналогичный с Хельчицким мыслитель — граф Л. Н. Толстой. Его мысли о государстве, церкви, первых временах христианства очень похожи в своих основаниях на мысли Хельчицкого о том же, и оба они опираются на один и тот же источник, Библию; оба они, воставая особенно против формализма, указывают человеку, как бы он должен жить, но не указывают, однако, будущего распорядка общественной жизни и пути, по которому человечество могло бы перейти из старого порядка в новый».

Л. Н. Толстой первоначально не подозревал о существовании далекого предшественника своих идей, а узнав о нем, нашел в Хельчицком «историческую поддержку». Узнав о статье Я. Голла, Толстой

заинтересовался Хельчицким. Он писал: «Я получил из Праги письмо от профессора тамошнего университета, сообщившее мне о существовании никогда нигде не напечатанного сочинения <...> „Сеть веры“. В сочинении этом, так писал мне профессор, Хельчицкий около четырех веков тому назад высказывал тот же взгляд на истинное и ложное христианство, который высказывал и я в сочинении „В чем моя вера?“. Профессор писал мне, что сочинение Хельчицкого должно быть издано в первый раз на чешском языке в журнале Петербургской Академии наук. Не имея возможности достать самое сочинение, я постарался познакомиться с тем, что известно о Хельчицком, и такие сведения я получил из немецкой книги, присланной мне тем же профессором, и из истории чешской литературы Пыпина. <...> Узнав таким образом сущность учения Хельчицкого, я с тем большим нетерпением ожидал появления „Сети веры“ в журнале Академии» (28, 16–17).

Еще до выхода названной книги Толстой познакомился с ней по корректурным листам и писал П. И. Бирюкову: «Очень замечательное сочинение. Хотя я и многое ожидал от него, я не был разочарован» (64, 268). Писатель кратко изложил содержание «Сети веры» в своем трактате «Царство Божие внутри вас» (1890–1893). «Книга эта,— писал он, имея в виду „Сеть веры“,— одна из редких уцелевших книг, обличающих официальное христианство. Все такие книги, называемые еретическими, сожжены вместе с авторами, так что древних сочинений, обличающих отступление официального христианства, очень мало, и потому эта книга особенно интересна. Но кроме того, что она интересна, <...> книга эта есть одно из замечательнейших произведений мысли и по глубине содержания, и по удивительной силе и красоте народного языка, и по древности» (28, 18).

В предисловии к одному из зарубежных изданий своего «Евангелия» Толстой указал на своего предшественника, предвосхитившего основные его идеи. Таким образом, русский писатель стал пропагандировать сочинения чешского мыслителя, благодаря чему, между прочим, и вышедшее в 1893 г. издание «Сети веры» очень быстро разошлось. Книгу раскупили толстовцы и духоборцы.

В 1906 г. в издательстве «Посредник» вышел «Круг чтения»¹⁵, сборник, в котором помещены подобранные Толстым мысли многих писателей «об истине, жизни и поведении». Здесь же впервые опубликована небольшая статья Толстого о Хельчицком, отдельные мысли которого изложены, кроме того, во многих местах книги. В разделе «Христианство и разделение людей» Толстой пишет: «...упадок веры христианской Петр Хельчицкий объясняет тем, что император и папа, признав себя христианами, извратили истинное христианство. И это

извращение ими истинной веры Хельчицкий сравнивает с раздиранием рыболовной сети большими рыбами. Как все пойманные рыбы ушли в дыры, <...> так и все пойманные в сети Христа люди лишились веры вследствие извращения ее папами и императорами» (42, 240). В статье «Петр Хельчицкий» великий писатель отмечал: «В книге этой, озаглавленной „Сеть веры“, мы находим не только простое, ясное, сильное и правдивое обличение того ужасного обмана, в котором жили и живут люди <...>; мы находим в этой книге ясное указание того единого благого пути жизни, который открыт был людям Христом» (42, 46). Книгу Хельчицкого Толстой называет «мудрой, сердечной» и, подчеркивая, что чешский мыслитель не оспаривает церковные установления и догмы, как Гус, Лютер или Меланхтон; «он только показывает то, что жизнь людей, считающих себя христианами, не христианская» (42, 47).

Касаясь осуществимости идей Хельчицкого, Толстой полагает: «То, чего требовал Хельчицкий, не может быть принято и теперь <...>, она опережает свое время. Пора ее плодов еще не настала» (42, 48). Толстой приводит также отрывки из «Сети веры», озаглавив их «Закон Бога и закон мира сего» и «Христианство и разделение людей».

После статьи Толстого в русской литературе появился ряд работ, выявляющих сходство и различия между средневековым чешским мыслителем и русским писателем. Так, А. И. Яцимирский в статье «Славянский моралист XV века»¹⁶ констатировал, что если Хельчицкий стремится преобразовать общество на принципах первобытного христианства, то Толстой, признавая опровержение идей Хельчицкого по существу невозможным, указывает на преждевременность этих идей, на их неосуществимость не только 500 лет назад, но и в начале XX в.

Несколько подробнее учения Хельчицкого и Толстого сравниваются в рецензии на издание «Сети веры», вышедшей в 1907 г. Здесь отмечается, что из всех мыслителей старого и нового времени, на которых опирался Толстой и с которыми его вообще сопоставляют, наиболее родствен ему по духу именно Хельчицкий. «Здесь,— говорится далее,— больше, нежели сходство учений, здесь глубокая однородность натур, миропонимания, самой манеры мышления. Обоим свойственна атрофия исторического чувства. Оба они руководствуются разумом и проповедуют утопические идеи в отношении будущего человечества; Хельчицкий, в противоположность Толстому, не считает возможным обойтись без государства уже тотчас, однако впадает в двойственность: с одной стороны, он признает существование государства необходимым для сохранения на земле рода человеческого,

а с другой, заявляет, что осуществлять власть есть дело, противное Христу. Эту последнюю мысль он проводит через все ступени государственной иерархии, и даже у Толстого найдется не много страниц, которые могли бы сравниться с этими страницами Хельчицкого по рациональности, проницательности и ясности логики»¹⁷.

Можно констатировать, что во всех русских сочинениях, где сравниваются Хельчицкий и Толстой, речь идет главным образом об учении Хельчицкого: авторы, естественно, полагали, что учение Толстого и так достаточно хорошо известно. В целом феномен «Хельчицкий — Толстой» любопытен в том плане, что является ярким примером возможности возникновения сходных идей даже в совершенно различные исторические эпохи, если в основе этих идей лежит общий источник, причем творцы соответствующих учений могут быть совершенно независимы друг от друга. Это опровергает довольно распространенное заблуждение, бытующее даже в наше время, об обязательности «генетической» связи между сходными теориями. Характерно, что, например, С. Кульбакин вообще подчеркивает лишь сходные элементы в учениях Хельчицкого и Толстого¹⁸.

В целом русские ученые серьезно способствовали выяснению места и значения Хельчицкого в культуре человечества, а также детальному сравнению его идей с учениями великого русского писателя.

¹ См.: Кульбакин С. Петр Хельчицкий — чешский Толстой XV столетия (По поводу 500-летия Кутногорского декрета) // Вестник Европы. 1909. № 11. С. 45–67.

² См.: Annenkov J. Výpisky z Paří ského rukopisu spisů Štítného a Chelčického // Časopis Musea Kralovsyví Českého (далее — ЧМКЧ). 59. 1885. S. 394–402.

³ См. письмо Анненкова Патере от 14/26 сентября 1875 г. // Literární Archiv Památníku Národního Písemnictví Sig. 1/29/1 (Pozůstalost A. Patery).

⁴ Annenkov J., Patera A. O nove nalezeném rukopisu spisů Petra Chelčického // ЧМКЧ. 56. 1882.

⁵ Сочинения Петра Хельчицкого. I. Сеть веры. II. Реплика против Бискупца. Труд Ю. С. Анненкова. Окончил И. Ягич. СПб., 1893. Объем книги — 542 с. Над подготовкой издания «Реплики» Анненков не работал.

⁶ См. о нем: Лаптева Л. П. Историк-славист Николай Владимирович Ястребов // Биография исследователя как жанр славистики. Тверь, 1991. С. 65–81; Она же. Николай Петрович Ястребов // Историки России XVIII–XX веков. Вып. 4. М., 1999. С. 67–74.

⁷ Ястребов Н. Петра Хельчицкого O trojem lidu rzec — o duchowních a o swielských. Чешский текст с введением и русским переводом. // Сборник От-

деления Русского языка и Словесности Академии наук. Т. 77. 1904. Приложение I. С. I—XVI и 1—57.

⁸ В кн.: Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского... СПб., 1905. С. 468—490.

⁹ Ястребов Н. В. Этюды о Петре Хельчицком. СПб., 1908. Вып. 1.

¹⁰ В кн.: Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе. СПб., 1914. С. 246—257.

¹¹ Более подробно изучение Ястребовым творчества Хельчицкого представлено в статье: Лаптева Л. П. Петр Хельчицкий в освещении русской дореволюционной историографии // *Folia Historica Bohemica*. 9. Praha. 1985. S. 175—234.

¹² Goll J. Lev Tolstoj a jeho nábo enství // *Lumír*. 1886. Č. 7.

¹³ Указанное «Введение». С. XXXV.

¹⁴ Вестник Европы. 1894. № 5. С. 421.

¹⁵ Круг чтения. Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении. М., 1906. Т. 2. Вып. 1.

¹⁶ Славянские известия. 1906. № 6 (сентябрь). С. 464—470.

¹⁷ Вестник Европы. 1907. № 5. С. 364—368.

¹⁸ Кульбакин С. М. Указ. соч. С. 49.

Л. Каstлер

СООТНОШЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ПОДЛИННОГО ДИАЛОГА

(на примере романа «Анна Каренина»)

Диалог, если его понимать в обычном смысле, а именно как «разговор между двумя лицами, обмен репликами» (Ожегов), существует в двух видах: в реальном речевом общении, и тогда это будет естественный, подлинный диалог, которому противостоит вымышенный, художественный диалог, созданный воображением определенного автора. Вымышенный диалог, в свою очередь, может иметь разные формы: например, только устные, что характерно, в частности, для диалогов художественных фильмов, или, напротив, только письменные, к которым относятся диалоги в романе и в других эпических жанрах и, кроме того, философские диалоги. Между ними располагается театральный диалог, существующий как в устной, так и в письменной форме.

В данной статье нас интересует диалог романа в целом и конкретно диалог в романе Толстого «Анна Каренина». Со временем существования романа как жанра диалогу всегда отводилось очень важное место в его структуре. В этом отношении роман «Анна Каренина» особенно показателен: диалоги занимают в нем приблизительно 35 % всего пространства произведения. Для сравнения можно привести другие данные: в романе Стендالя «Красное и черное» диалоги занимают 22 %: у Пруста в романе «По направлению к Свану» — 13 %, зато в романе Бальзака «Кузина Бетта» — 49 %¹. Заметим, что речь идет лишь о диалогах в прямой речи, то есть вставленных в текст при помощи тире или кавычек.

В работах, посвященных данной проблематике, часто звучит мысль о том, что литературный диалог имитирует естественный разговор, иными словами, обладает подражательной, миметической функцией. Здесь вспоминаются, конечно же, братья Гонкуры с их стремлением писать «под диктовку жизни», с их эстетическим принципом «пылкой стенографии реальности» (*sténographie ardente de la réalité*)².

Впрочем, идея о стенографии в процессе литературного творчества была не чужда и русской литературе. Достаточно процитировать повесть «Кроткая» Достоевского, опубликованную в ноябрьском «Дневнике писателя» 1876 г. с подзаголовком «фантастический рас-

сказ». В предисловии Достоевский объясняет, почему он назвал свой рассказ «фантастическим», в то время как считает его сам «в высшей степени реальным». Фантастический элемент заключается в самой форме рассказа: повествователь, жена которого только что покончила жизнь самоубийством, находится в полном смятении и пытается «собрать свои мысли в точку». Он то говорит сам с собой, то обращается как бы к невидимому слушателю, какому-то судье. И здесь Достоевский делает предположение, что рассказчика мог бы подслушать и записать за ним некий стенограф, и именно это предположение и есть то, что автор называет фантастическим³.

Вместе с тем «предположение о записавшем все стенографе» является, несомненно, лишь авторским приемом Достоевского, который, впрочем, уточняет в скобках, что после стенографа он обработал бы («обделал бы») записанное. Существует несколько соображений, которые не позволяют нам рассматривать литературный диалог как стенографическое воспроизведение естественной, живой речи.

Прежде всего, литературный диалог — это диалог стилизованный. Он подчиняется художественному намерению автора, иными словами, является одним из проявлений образа автора или, как отмечает К. А. Долинин, составляет неотъемлемую часть авторской «оптики» в целом⁴. Кроме того, даже наиболее точно изображающий действительность писатель вынужден жертвовать некоторыми элементами воспроизведимой речи хотя бы с целью экономии текстового пространства.

Как показывают прагматические исследования речевых взаимодействий, записанных на магнитофон (см., например, работы Kerbrat-Orecchioni)⁵, транскрипция подлинного разговора средней протяженности занимает многие страницы. Дело в том, что повседневный разговор содержит, как правило, различные шероховатости, оговорки, паузы, переспросы, одним словом «перебои», не замечаемые в реальном речевом общении, но совершенно неуместные в художественном диалоге, если только их воспроизведение не несет определенной стилистической функции.

Кстати, Толстой довольно часто использовал подобные «перебои» в речи своих персонажей с целью показа их внутреннего эмоционального состояния. Наиболее хрестоматийным примером является сцена объяснения Анны с Карениным:

«— Алексей Александрович! Я не говорю, что это невеликодушно, но это непорядочно — бить лежачего.

— Да, вы только себя помните, но страдания человека, который был вашим мужем, вам не интересны. Вам все равно, что вся жизнь его рушилась, что он пеле... педе... пелестрадал» (18, 384).

Каренин говорил так скоро, что запутался, как замечает сам Толстой в повествовательном комментарии. По всей видимости, он был необычайно взволнован. С другой стороны, этот «lapsus linguae» выяснил и комическую сторону данной сцены: поистине, от великого до смешного — один шаг. Но это смешное читатель воспринимает при помощи «остранения», как сказал бы В. Шкловский, то есть в данном случае глазами Анны: «Ей стало смешно и тотчас стыдно за то, что ей могло быть что-нибудь смешно в такую минуту». Таким образом, мы видим, что оговорка Каренина — это не простая оговорка, а стилистически значимая, несущая в себе сразу несколько смыслов.

Реальное речевое общение, как правило, очень ритуализовано, особенно в том, что касается его начальной и заключительной стадии, иначе говоря, приветствий и прощаний, которые чаще всего произносятся формально, почти автоматически. Напротив, в художественном диалоге обычные формулы приветствия и прощания используются автором для определенных целей, чаще всего для дополнительной характеристики персонажей. Ср. сцену на катке, когда Левин прощается с княгиней Щербацией и с Кити:

«— Очень рада вас видеть,— сказала княгиня.— Четверги, как всегда, мы принимаем.

— Стало быть, нынче?

— Очень рады будем видеть вас,— сухо сказала княгиня.

Сухость эта огорчила Кити, и она не могла удержаться от желания загладить холодность матери. Она повернула голову и с улыбкой проговорила:

— До свидания».

В этом доброжелательном «до свидания» Кити мы видим не простую дань вежливости, и вместе с тем и не кокетство, а всю деликатность ее натуры, равно как и детскую чистосердечность, далекую от расчетливости ее матери, увидевшей в Левине лишь нежелательного претендента на руку дочери.

У Толстого даже самые банальные светские приветствия приобретают психологическую интерпретацию, особенно если речь идет о какой-то скрытой от других глаз внутренней борьбе. Ср.: «В гостиную входила Анна. Как всегда, держась чрезвычайно прямо, она сделала те несколько шагов, которые отделяли ее от хозяйки, пожала ей руку, улыбнулась и с этою улыбкой оглянулась на Вронского. Вронский низко поклонился и подвинул ей стул.

Она отвечала только наклонением головы, покраснела и нахмурилась. Но тотчас же, быстро кивая знакомым и пожимая протягиваемые руки, она обратилась к хозяйке» (18, 145).

В этой сцене обмена приветствиями, казалось бы, самыми обычными, сначала между Анной и Бетси, а потом между Анной и Вронским, мы видим, благодаря авторскому комментарию, как взволнована Анна встречей с Вронским и как она пытается скрыть свое состояние. Любопытно, что вся сцена приветствий представлена здесь не в виде прямой речи, а описательно, при помощи повествовательного комментария, что позволяет автору выдвинуть на первый план не словесные параметры речевого общения, а невербальные или паравербальные.

Напомним, что паравербальные составляющие реального речевого общения охватывают все то, что, согласно этимологии префикса *пара*-, находится «рядом» со словом, иными словами, интонация, просодия, темп речи, паузы, особенности произношения и т. д. Невербальные характеристики речи связаны с языком тела: жестикуляция, позы, мимика, игра взглядами и т. п. В приведенном выше отрывке речь идет именно о невербальном общении, сопровождающем приветствия: рукопожатия, улыбки, поклоны, кивание головой. Но, как всегда это бывает у Толстого, воспроизведение ситуации общения, притом очень точное, служит лишь фоном для раскрытия эмоционального состояния персонажей. Например, тот факт, что Анна отвечает Вронскому «только наклонением головы», говорит о том, что она как будто бы недовольна его ухаживанием и дает ему об этом знать. При этом она «покраснела и нахмурилась», и это авторское замечание также невербального характера лишний раз подчеркивает ту внутреннюю борьбу, которую Анна ведет с самой собой.

Другим очень ярким примером невербальной коммуникации является сцена разговора Стивы Облонского с камердинером Матвеем:

«— Матвей, сестра Анна Аркадьевна будет завтра, — сказал он, остановив на минуту глянцевитую, пухлую ручку цирюльника, расчищавшую розовую дорогу между длинными кудрявыми бакенбардами.

— Слава Богу, — сказал Матвей, этим ответом показывая, что он понимает так же, как и барин, значение этого приезда.

— Одни или с супругом? — спросил Матвей.

Степан Аркадьевич не мог говорить, так как цирюльник занят был верхней губой, и поднял один палец. Матвей в зеркало кивнул головой» (18, 6).

Данная сцена поразительна еще и тем, что общение жестами осуществляется через зеркало. В связи с этим вспоминается одно высказывание Сартра: «Все говорят: роман — это зеркало. Но что это значит — читать роман? Я думаю, это значит — прыгнуть в роман. Ты сразу же оказываешься по другую сторону зеркала среди людей и предметов, которые кажутся тебе хорошо знакомыми»⁶.

В самом деле, «люди и предметы» в романах Толстого кажутся такими знакомыми, что мы догадываемся даже о том, о чём писатель и его персонажи не говорят эксплицитно, а только подразумевают. Ср. продолжение предыдущей сцены между Облонским и Матвеем:

«Степан Аркадьевич помолчал. Потом добная и несколько жалкая улыбка показалась на его красивом лице.

- А? Матвей? — сказал он, покачивая головой.
- Ничего, сударь, образуется, — сказал Матвей.
- Образуется?
- Так точно-с» (18, 7).

Здесь почти ничего не сказано (— А? Матвей?), но все понято, в том числе и нами, читателями, с полусловами: Степан Аркадьевич чувствовал себя виноватым перед женой и желал бы исправить эту ситуацию, очень надеялся, что Анна поможет помирить их, но все-таки боялся, что не получится. Ответ Матвея — именно такой, какой ожидал от него барин, а именно — сочувственный и обнадеживающий, и это говорит о полном взаимопонимании между ними, что в целом очень характерно для взаимоотношений между слугами и господами в романах Толстого.

Следующий пример иллюстрирует паравербальные составляющие диалогического общения, которые также часто использовал Толстой, когда передавал речь своих персонажей:

«— Да, как видишь, нежный муж, нежный, как на другой год женитьбы, сгорал желанием увидеть тебя, — сказал он своим медлительным тонким голосом и тем тоном, который он всегда почти употреблял с ней, тоном насмешки над тем, кто бы в самом деле так говорил.

- Сережа здоров? — спросила она.
- И это вся награда, — сказал он, — за мою пылкость? Здоров, здоров...» (18, 110—111).

Паравербальные характеристики передаются, как правило, при помощи повествовательного комментария, как в вышеприведенном примере, но не только. Писатель прибегает также к графическим средствам, например, различным знакам препинания (восклицательные или вопросительные знаки, многоточия для обозначения паузы, колебаний и т. д.), или же удлинениям согласных и растяжке гласных, свойственным эмоциональной речи. Ср.:

«— Что ж, не пора умирать? — сказал Степан Аркадьевич, с умилением пожимая руку Левина.

- Нинеет! — сказал Левин» (18, 420).

Толстой любил также использовать типографические знаки, особенно курсив:

«...а между тем чувствовал себя совсем другим человеком, не похожим на того, каким он был до ее улыбки и слова до свидания.

Степан Аркадьевич дорогой сочинял меню обеда.

— Ты ведь любишь тюрбо? — сказал он Левину, подъезжая.

— Что? — переспросил Левин. — Тюрбо? Да, я ужасно люблю тюрбо» (18, 36–37).

В данном отрывке курсивом выделено три слова, и каждый раз это сделано с разными авторскими намерениями. Ласковое «до свидания» Кити имело для Левина особый смысл; в тексте оно выделено курсивом как цитата, как «чужое слово», согласно терминологии Бахтина, но которое согревает сердце. Что касается «меню», то, по всей видимости, это излюбленное слово Облонского, гурмана и завсегдатая ресторанов, и это тоже косвенная речь, интегрированная в авторскую — ироническую в данном случае — речь, в которой, тем не менее, звучит благодаря курсиву голос другого человека. И, наконец, слово «ужасно», употребленное непосредственно в прямой речи, выделено курсивом для передачи интенсивного ударения, которое, как правило, является носителем сильных эмоций, а именно восторга Левина от встречи с Кити.

В романе «Анна Каренина» есть еще один поразительный пример того, как использование графических средств помогает писателю создать художественный эффект необыкновенной силы: имеется в виду знаменитая сцена объяснения в любви между Кити и Левиным, которые вели диалог оригинальным образом: писали мелом на карточном столе начальные буквы слов и, что самое удивительное, понимали зашифрованный смысл взаимных признаний. Толстой и в жизни любил подобные сокращения. Так, в своем дневнике он часто оставлял кодированную запись — ебж, что означало «если буду жив». Да и сцена между Левиным и Кити, как известно, имела своим источником автобиографический факт.

Между прочим, читатель тоже вовлечен в эту игру разгадывания смысла написанных букв. В конце сцены Толстой пишет:

«...и он написал три буквы. Но он еще не кончил писать, а она уже читала за его рукой и сама докончила и написала ответ: Да» (18, 419). Писатель не расшифровывает смысл этих букв, как он это делал с предыдущими высказываниями героев, читатель сам, без подсказки должен догадаться, что же написал Левин. Судя по контексту и по логике вещей, Левин, скорее всего, спросил у Кити: «Вы согласны быть моей женой?» и получил на этот вопрос положительный ответ.

В этом необычном по форме диалоге партнеры достигают полного взаимопонимания, как и в вышеупомянутом разговоре между Облонским и Матвеем. Во французской прагматике для обозначения подоб-

ных случаев удачной коммуникации существует термин «*le bonheur conversationnel*»⁷, который можно было бы перевести на русский язык как «коммуникативное счастье». Персонажи Толстого довольно часто добиваются этого в ходе общения, в отличие, скажем, от героев Чехова, особенно героев его пьес, диалоги которых изобилуют коммуникативными неудачами, а иногда даже заходят в тупик («— А хорошая сегодня погода... Не жарко.— В такую погоду хорошо повеситься...» «Дядя Ваня»).

Впрочем, коммуникативные неудачи возникают и у персонажей Толстого. В конечном итоге самоубийство Анны произошло отчасти (разумеется, были и более важные причины) из-за недоразумения именно коммуникативного характера.

В самом деле, после очередной ссоры между Анной и Вронским он едет заниматься своими делами, а она, опомнившись, пишет ему записку: «Я виновата. Вернись домой, надо объясниться. Ради Бога, приезжай, мне страшно». Посыльный не смог догнать Вронского, тогда она посыпает депешу: «Мне необходимо переговорить, сейчас приезжайте». Совершенно очевидно, что стиль телеграммы разительно отличается от стиля письма. Поэтому ответ Вронского — на депешу, а не на записку, написанную Анной в отчаянии, — был выдержан в нейтральном тоне телеграммы: «Я не могу приехать раньше десяти часов». А этого Анна, не понимая, что Вронский отвечал не на ее записку, а на телеграмму, уже не могла перенести. Вот так порой тот или иной коммуникативный стиль может решить человеческую судьбу.

Художественный диалог, особенно в произведениях Толстого, дает богатую пищу для исследования. Даже в рамках небольшой статьи можно констатировать, что Лев Толстой был не только великим знатоком человеческой психологии, но и досконально знал законы речевого общения.

Тем не менее мы возвращаемся к нашему исходному тезису, согласно которому художественный диалог, даже самый правдоподобный, как у Толстого, не может быть ни копией, ни зеркалом, ни стенографической транскрипцией подлинного диалога. По этому поводу хорошо сказал Юрий Лотман: «...увеличение сходства искусства и жизни углубляет осознание их различий»⁸.

Может быть, самое фундаментальное различие заключается как раз в том, что естественный диалог происходит в рамках непосредственного общения между собеседниками, в то время как художественный диалог, вплетаясь в ткань повествования, является только частью большого послания, которое автор, в конечном счете, адресует нам, читателям.

- ¹ Durrer S. *Le dialogue Romanesque: essai de typologie*. In: *Pratiques*, № 65, mars 1990, P. 37–62.
- ² Goncourt E. et J. *Journal. Mémoires de la vie littéraire*. T. I–III. 1956.
- ³ Достоевский Ф. М. *Дневник писателя за 1876*. // ПСС: В 30 т. Л., 1982. Т. 24. С. 6.
- ⁴ Долинин К. А. *Интерпретация текста*. М., 1985.
- ⁵ Kerbrat-Orecchioni C. *Les interactions verbales*. Paris, 1990. Т. 1; Mathet M.-T. *Le dialogue Romanesque chez Flaubert*. Paris, 1988.
- ⁶ Sartre J.-P. *Situations 1*. Paris, 1951.
- ⁷ Auchlin A. *Le bonheur conversationnel: fondements, enjeux et domaines*. Cahiers de Linguistique Française. № 12. 1991. P. 83–102.
- ⁸ Лотман Ю. М. *Лекции по структуральной поэтике*. В кн.: Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.

Т. Н. Архангельская

ТОЛСТЫЕ В ГИЕРЕ
И «ЩЕРБАЦКИЕ НА ВОДАХ»

(О реальной основе некоторых эпизодов
и образов в «Анне Карениной»)

Выехав из Петербурга летом 1860 г., Л. Н. Толстой и его сестра М. Н. Толстая с тремя ее детьми приехали в июле в Берлин. Вскоре они разъехались: сестра отправилась в Соден, брат — в Киссинген. В конце августа Толстой поселился на юге Франции, в Гиере, с тяжелобольным братом Николаем; их сестра жила тогда в четырех верстах от них, на берегу моря. После смерти брата — 20 сентября — Толстой переселился к сестре. Он покинул Гиер в половине декабря. В феврале 1861 г. писатель ненадолго возвратился в Гиер, а затем продолжил путешествие и в апреле вернулся в Россию.

Сравнительно короткое пребывание в Гиере не прошло бесследно для писательской памяти Толстого: спустя десять с лишним лет некоторые эпизоды того времени «ожили» на страницах романа «Анна Каренина», в главах, посвященных пребыванию на водах (в Киссингене и Содене) семьи князя Щербацикого (главы XXX—XXXV второй части романа).

Так, например, отмеченная в романе характерная черта этого сезона, состоявшая в том, что на водах была «настоящая немецкая фюрстин» (в черновом варианте — «принцесса»), оказывается не выдуманной автором: в письме М. Н. Толстой брату (январь 1861 г., Гиер) сообщается о том, что русская княгиня «наговорила Бог знает что» проезжавшей в карете «французской Дукессе»¹.

«Мне здесь хорошо,— писал Толстой 29 ноября (11 декабря) 1860 г. тетушке Т. А. Ергольской, имея, очевидно, в виду гиерские впечатления.— Княгиня Голицына, ее две племянницы, племянник, некто Норов и еще несколько человек составляют наш приятный интимный кружок» (60, 365). Повествованием о таких кружках в «высшем» и «среднем» обществе на водах начинается глава о приезде Кити с родителями за границу.

Каков же был этот кружок у Толстых, кто составлял его? При сравнительно небольшом объеме материалов, содержащих сведения, касающиеся заграничного путешествия Толстого 1860—1861 гг., особенно моментов его частной жизни, привлекают внимание живые, насыщенные интересными подробностями, хотя и сохранившиеся в ма-

лом количестве, письма М. Н. Толстой, довольно долго прожившей тогда в Европе и Алжире.

На первых порах исследования рукописей романа «Анна Каренина» была высказана, со слов С. А. Толстой, догадка относительно того, что в образе госпожи Шталь воплощена знакомая Толстого по заграничной поездке Елена Александровна Голицына (рожденная Корсакова). Догадка эта представляется вполне основательной, особенно если рассматривать этот образ в логическом сочетании с образом ее воспитанницы Вареньки (в жизни — племянницы Катеньки или Екатерины Александровны). Е. А. Голицына была дружна в Гиере с сестрой писателя, которая очень сочувствовала вознившему было намерению брата жениться на Катеньке, чего, однако, не произошло. Краткое объяснение причины этого можно усмотреть в дневниковой записи Толстого за 6 апреля 1861 г.: «В Дрездене письма Е. Голицыной — повторение Валерии <...>. Писал письма Княгине и К. и разорвал» (48, 34). В одном из писем этого периода (1861 г.) княгини Голицыной к Толстому говорится: «Я Вам грустное письмо писала, а укорять Вас, как Вы видите, не было ни в мыслях и не на сердце моем <...>. Я как другу и доброй нежной душе говорю: Вы не виноваты, да и мы не виноваты, а все страдаем»².

В 1860 г. Голицына деятельно помогала Толстым в уходе за больным братом. В день его смерти Толстой писал Т. А. Ергольской: «Похороны устроит княгиня Голицына, которая взялась за все» (60, 353). Судя по записи Д. П. Маковицкого, 23 августа 1907 г. Толстой припомнил: «Когда брат Николай умер в Нуэрес, Голицына хлопотала, чтобы отпеть, писала православному священнику в Тулон»³.

28 августа 1860 г. Толстой писал тетушке о том, что «княгиня Голицына живет здесь 9 лет <...> она приехала сюда в гораздо худшем состоянии, чем Николай, а теперь сильная и вполне здоровая женщина» (60, 351). В романе соответствует реальной действительности то, что «мадам Шталь принадлежала к высшему обществу», позволяя себе «чем-то гордиться», «уже более десяти лет безвыездно жила за границей на юге. <...> И одни говорили, что мадам Шталь сделала себе общественное положение добродетельной, высокорелигиозной женщины; другие говорили, что она была в душе то самое высоконравственное существо, жившее только для добра ближнего, каким она представлялась» (18, 231). В вариантах романа князь Щербакий в шутку говорит дочери, что ее не приняли бы в «секту» мадам Шталь и Вареньки, потому что для этого надо быть «старой и некрасивой» (20, 243). Толстой в середине ноября 1860 г. писал из Гиера Т. А. Ергольской: «Княгиня не хороша и не молода, но отличная женщина» (60, 359). В биографии «совпадает» и то, что у Голицыной

в жизни и у Шталь в романе умер муж. Муж княгини — Владимир Николаевич Голицын (1802–1844).

В романе Толстого мадам Шталь почти не встает, пребывая то в постели, то в коляске. В действительности так было, но не с княгиней, а с кем-то из ее родственниц. В письме М. Н. Толстой брату (январь 1862 г.) говорится: «...с нами живет один больной швед, молодой человек, парализованный ногами, как княгиня Дундукова»⁴. 31 июля 1909 г. гостившая в Ясной Поляне М. Н. Толстая вспомнила один случай из времен заграничного путешествия, имевший место, когда Толстого «ждали у княжны Дондуковой-Корсаковой, что лежала. Там были Голицына, Долгорукова»⁵.

Впрочем, в письмах М. Н. Толстой не раз упоминается и болезнь княгини Голицыной. В феврале 1861 г. сообщалось: «Княгиня все больна, и я ее несколько дней не видала»⁶, в апреле: «Княгиня все в постели»⁷. Толстой объединяет в образе Шталь свойства двух дам — Голицыной и Дондуковой. Когда госпожу Шталь вывозили в коляске, «подле стоял белокурый шведский граф, которого знала по имени Кити» (18, 244). Молодой швед должен прислать госпоже Шталь какую-то книгу, Толстой воспроизводит здесь реальный факт присутствия заграничного знакомого, шведского виконта Гектора Виктора де Клена, ставшего гражданским мужем М. Н. Толстой.

Упомянутые в письме Толстого племянницы и племянник — Голицыной — дети ее брата князя М. А. Дондукова-Корсакова, с его семьей Толстой поддерживал хорошие отношения, встречаясь с ними в Гиере и в Брюсселе.

Образ Вареньки, вполне возможно, является в какой-то степени «подобием» реальной Катеньки. Следует отметить неоднократно подчеркиваемое автором романа ее дружелюбие, спокойную, терпеливую уравновешенность и расположение к людям, ее неизменную готовность тотчас помочь ближнему. «К. А., если не влюблена в тебя, чего я не думаю, то, вероятно, полюбит, сделавшись твоей женой. И в ее лета, конечно, можно, наверное, сказать, не разлюбит и имеет все данные, чтоб быть хорошей, понимающей женой и помощницей и хорошей матерью»⁸, — писала брату М. Н. Толстая в апреле 1881 г., настоятельно советуя избрать Катеньку в спутницы жизни. В романе возраст девушки подчеркнут Толстым так: «...не то что не первой молодости, но как бы существо без молодости <...>. Она была похожа на прекрасный, хотя еще и полный лепестков, но уже отцветший, без запаха цветок» (18, 227).

Можно привести еще одно несомненное совпадение, сближающее реальный и художественный образы. В жизни Катеньки была известная Толстому «история Гардана», о которой писала Толстому сестра,

отвечая на его вопрос о личных делах Катеньки. М. Н. Толстая сообщала ему: «...она просила княгиню все кончить». На вопрос к Гардану князя Дондукова о его намерениях тот ответил: «Я думал, что, поскольку я не прихожу и не пишу, княгиня должна была думать, что между нами все кончено; моя мать этого не хочет, есть препятствия и т. д.». Когда об этом сказали Катеньке, она ответила: «Слава Богу, что он меня развязал»⁹. В романе Варенька рассказывает Кити историю своей любви и говорит: «Я любила его, и он любил меня; но его мать не хотела <...> и я не несчастна; напротив, я очень счастлива» (18, 233). Кстати, в жизни почти тогда же подобное обстоятельство — несогласие родных — помешало браку Гектора де Клена и М. Н. Толстой.

Следует иметь в виду, что образ Вареньки, которая «имела манеры и воспитание самые хорошие: отлично говорила по-французски и по-английски» (18, 232), явился на смену сложившемуся в одном из черновых вариантов, кстати, совсем не русскому образу Флоры Суливат, в «нравственный характер» которой «влюбилась» Кити. Посвященный ей отрывок (20, 227–230) представляет собой художественное освоение рассказа М. Н. Толстой, переданного в ее письме Толстому (Алжир, январь 1862 г.), где говорится о поисках — через знакомых — учителей для детей: «На другой день получаю письмо от протестантского пастора, который предлагает мне посмотреть у него в доме одну девицу, знающую по-французски, немецки и английски <...>, нахожу у него пресимпатичное и простое создание, воспитанное в строгом и дельном пуританском духе <...> пастор <...> объявил мне: „Поскольку вы, по-видимому, подходите друг другу, сообщаю вам, что я даю вам собственную дочь“ <...> M-lle Emma Durr <...> очень дельная девушка и образованная. Я буду заниматься с ней по-английски»¹⁰. Вот как это преобразовано Толстым: «Англичанка, 28-летняя самостоятельная девушка, дочь пастора <...>, с которой особенно сблизилась Кити <...> во всем ее существе был такой отпечаток чистоты нравственности, во всех движениях было так много простоты, спокойствия и достоинства <...> Она выросла в большой семье нравственного строгого пастора, получила прекрасное образование, учила меньших братьев и сестер» (20, 227–230).

Трудно сказать, была ли в действительности так добродетельна и внимательна к людям Катенька, как Варенька в романе. Следует, однако, иметь в виду такие строки из письма М. П. Толстой в августе 1862 г.: «...Катерина Александровна приехала, и останется несколько дней в Петербурге. Она привезла бедную Скобликову, у которой после смерти мужа умер еще сын ее. Вот несчастная женщина!»¹¹

Умершего М. В. Скобликова Толстой знал по Гиеру. В письме из Гиера в январе 1861 г. М. П. Толстая сообщала брату о его состоянии. Е. А. Дондукова была очень дружна с женой Скобликова. Он был профессором Петербургского университета. В ранних вариантах «Анны Карениной» довольно определенно сказано о приезде на воды из России Вареньки с семейством, которое «состояло из мужа, молодого человека в последней степени чахотки, профессора одного из русских университетов, и жены его с тремя детьми» (20, 234). В процессе писания Толстой, как обычно, отдаляясь от реальной основы, колеблется: его персонаж — то живописец, то снова профессор. В окончательном тексте он живописец, но сохранено его «действительное» имя — Михаил (18, 247). Строкам из приведенного выше письма М. Н. Толстой об отъезде Катеньки из Европы в Петербург вполне соответствуют в романе слова Вареньки в разговоре с Кити: «Они собираются уезжать, так я обещалась помочь укладываться» (18, 247).

Щербаккие — княгиня и Кити — проявляют участие к детям этого семейства, приглашая их к себе, дети бывают у них. Особенно привязан к Кити меньшой мальчик. В этой связи уместно добавить, что в одном пансионе с М. Н. Толстой, в Гиере, по соседству жил с матерью и бонной мальчик Сережа Плаксин. Он постоянно проводил время с детьми Марии Николаевны. Матери детей подружились.

Л. Н. Толстой много играл и занимался с детьми, в частности, гимнастикой, сочинениями, рисовал с ними. Ставший в зрелые годы писателем, С. И. Плаксин рассказывал в своих воспоминаниях: «Как часто вспоминали мы впоследствии, во время долгой нашей совместной жизни с покойной матерью, отрадные дни и вечера, проведенные в обществе Льва Николаевича, его сестры и моих маленьких друзей»¹². В старости, получив от С. И. Плаксина письмо, Толстой с душевной теплотой отвечал ему 17 ноября 1902 г.: «Очень рад был получить от вас письмо, милый Сергей Иванович, т. е. Сережа Плаксин в розовой рубашке, который хотел убежать от моих племянниц сначала на край земли, а потом на конец света, а потом на конец конца света» (73, 327).

В «интимном кружке» Толстого наименее определенным представляется «некто Норов», названный так, с оттенком некоторой не-почтительности, в письме Толстого к тетушке от 29 ноября 1860 г.

В комментарии к письму это сокращение расшифровано как «Авраам Сергеевич Норов» (60, 365). То же лицо названо в именном указателе в книге «Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями» в связи с упоминанием фамилии Норова в письмах того же периода из Гиера сестры Толстого М. Н. Толстой к уже уехавшему оттуда брату.

С Авраамом Сергеевичем Норовым Толстой, по всей вероятности, познакомился лично в конце 1855 г., когда приехал из Севастополя в Петербург. В записной книжке писателя за октябрь 1855 г. есть строка с записью намеченных визитов: «В середу к Толстым, к Шевич, к Норову» (47, 174). Норов в период 1855–1859 гг. являлся министром народного просвещения, имел отношение к вопросам цензуры и печати. Возможно, Толстой был намерен посетить его в связи с печатанием «Севастопольских рассказов». Незадолго до этого, в конце августа 1855 г., И. И. Панаев написал Толстому после своей беседы с Норовым об «изуродовании» цензурой рассказа «Севастополь в мае 1855 г.»: «<...> теперь я буду представлять все ваши рассказы министру и печатать с его разрешения» (59, 331). Положительных последствий этот замысел, однако, не имел.

В 1860 г. Норову было уже 65 лет. С 1859 г. он перестал быть министром, но был известен как писатель, историк, библиофил, член Академии наук. Он продолжал путешествовать и осенью 1861 года предпринял дальнее и нелегкое второе путешествие в Иерусалим и Синай. Хорошо знавший его писатель А. В. Никитенко заметил о нем в своем дневнике в 1864 г.: «Жалкий министр, он как человек имеет свои привлекательные качества и с возвращением его к частной жизни качества эти опять вступили в свои права»¹³. По словам Никитенко, Норов — человек «бессспорно честный», с «хорошими, гуманными свойствами его сердца». Это, вероятно, и делало его приятным для Толстых и кружка их знакомых.

Если следовать упомянутым выше комментариям, позволительно предположить, не отразились ли некоторые черты характера А. С. Норова или факты его биографии в романе «Анна Каренина»? Наиболее подходящим в этом отношении представляется образ безымянного «московского полковника», которого с детства «видела и знала Кити в мундире и эполетах». А. С. Норов на самом деле был некогда полковником, можно сказать — и «московским»: Норовы, помимо саратовского имения, владели и подмосковным Надеждином. Авраам Сергеевич учился в Благородном пансионе при Московском университете. В 1812 г., не окончив курса, он поступил юнкером в гвардейскую артиллерию, участвовал в военных действиях под Смоленском, защищал с двумя орудиями Багратионовы флеши на Бородинском поле, где он был тяжело ранен в ногу (с ампутацией ступни). Из-за ранения в Москве, в Голицынской больнице, он пережил оккупацию города французами. К 26 годам он был уже полковником. В 1823 г. вышел в отставку. Переехав с середины 20-х годов в Петербург, часто бывал и в Москве. Здесь он был близок с А. И. Кошелевым, к нему были расположены И. И. Дмитриев,

П. А. Вяземский. А. Я. Булгаков писал 7 апреля 1826 г. из Москвы в Петербург брату Константину: «Вчера обедал я у Вяземского. Тут были Ив. Ив. Дмитриев, Вас. Львович, Солнцов, безногий Норов, с коим я все болтал об Италии и Сицилии особенно, Денис Давыдов»¹⁴. В письме А. Я. Булгакова брату от 12 декабря 1830 г. читаем: «Как я рад, что Норов прибыл к вам. Обними его дружески за нас всех <...> солидный в правилах своих и дружбе»¹⁵.

В романе Толстого образу Норова соответствует в московском полковнике то, что он, как и его прототип, судя по воспоминаниям хорошо знавшего Норова москвича Д. Н. Свербеева, за границей общался с «русскими высшего разряда». Адекватно в этом смысле и то, что полковник в путешествии Европу «внимательно изучал». Описания путешествий — наиболее серьезная часть литературного наследия А. С. Норова.

Московский полковник у Толстого, по праву сочинителя, отнюдь не представлен ни старым, ни хромающим. Он живо интересуется происходящим.

О Норове в Париже (правда, более молодом) Свербеев писал: «В порядочных обществах Норов обходился без историй, но на улицах, в ресторанах, театрах у него бывали почти ежедневные неприятные столкновения»¹⁶.

В одном из писем М. Н. Толстая в январе 1861 г. писала брату: «<...> Норов говорит, что тебя нужно убедить приехать спасать от нападений Долгорукую, которая наделала здесь страшный карамболь, остановила на улице карету французской Дукессы и наговорила ей во всеуслышание Бог знает что»¹⁷.

В романе Толстого полковник останавливается на улице, вникая в скандал, устроенный тяжелобольным русским. Поскольку господин побрился с доктором, полковник встревоженно говорит: «Позор и срам!.. Одного боишься — это встречаться с русскими за границей!»

Отметим, что современники не раз писали о свойственном Норову женолюбии. А вот Норов в восприятии М. Н. Толстой, судя по ее письму Л. Н. Толстому из Гиера в феврале 1861 г.: «В тот день, как я тебя проводила, я разыгралась у Дондуковой на фортепьяно: Норов застал меня врасплох и предложил играть в 4 руки, дело шло на лад, и теперь он мне проходу не дает: все просит играть; но я иначе не могу, как играть один день, не подходить к роялю — 4»¹⁸.

В «Анне Карениной» княгиня Щербаковая пригласила полковника слушать пение Вареньки. «Кити, хорошо игравшая, аккомпанировала ей» (18, 232). Варенька, отвергая внимание полковника, отказывается, несмотря на позднее время, от его предложения проводить ее. Для Кити полковник, явившийся на водах «с открытою шеей в цветном

галстучке», «необыкновенно смешон» и «скучен тем, что нельзя было от него отделаться».

А. С. Норов был дворянином с древней родословной, был действительным тайным советником, но не имел почетного титула. Полковник в романе по той же причине не удостоился внимания мадам Шталь. «Это наша аристократия, князь! — с желанием быть насмешливым сказал московский полковник, который был в претензии на госпожу Шталь только за то, что она не была с ним знакома» (18, 244).

В литературе о Толстом наиболее известен факт, связанный с именем Норова, когда он в 1868 г., как участник Бородинской битвы, выступил с критическими замечаниями в адрес автора «Войны и мира» в статье, напечатанной в «Военном сборнике» и затем отдельной брошюре под названием «Война и мир. 1805—1812. С исторической точки зрения по воспоминаниям современника. По поводу соч. графа Л. Н. Толстого „Война и мир“». (Эта книжка объемом в 59 стр. сохранилась в яснополянской личной библиотеке Толстого.) Вероятно, она была прочитана писателем. Через два месяца после напечатания статьи Норов умер.

Личные впечатления Толстого в сочетании с фактом выступления Норова, должно быть, сказалось на выражении авторского отношения писателя к его персонажу — в оттенке иронии и некоторого пренебрежения, с которым изображен «московский полковник» в «Анне Карениной», романе, начатом всего через четыре года после выхода статьи Норова.

¹ ПТСБ. С. 231.

² ПТСБ. С. 245.

³ ЯЭ. Кн. 2. С. 488.

⁴ ПТСБ. С. 249.

⁵ ЯЭ. Кн. 4. С. 25.

⁶ ПТСБ. С. 232.

⁷ Там же. С. 246.

⁸ Там же. С. 242.

⁹ Там же. С. 243.

¹⁰ Там же. С. 248—250.

¹¹ ПТСБ. С. 258.

¹² Граф Лев Николаевич Толстой среди детей. М., 1903. С. 14—22.

¹³ Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». *Записки и дневник*. (1804–1877). Спб. 1905. Т. 2. С. 205

¹⁴ Русский архив. 1901. Кн. II. С. 371.

¹⁵ Там же. Кн. III. С. 546.

¹⁶ Свербеев Д. Н. *Записки Дмитрия Николаевича Свербеева: В 2-х т.* М., 1899. Т. 1. С. 306, 336, 340, 359.

¹⁷ ПТСБ. С. 231.

¹⁸ Там же. С. 233.

Л. Е. Кочешкова

«ЧУЖОЕ» СЛОВО И «ЧУЖОЙ» СМЫСЛ
В ПОВЕСТИ «ФАЛЬШИВЫЙ КУПОН»:
ДИНАМИКА СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ

Художественная структура поздних повестей Л. Н. Толстого скрывает целый ряд внутренних противоречий, укажем на одно из них. Стало общепринятым утверждение, что в творчестве 1880–1900 гг. Толстой-художник стремится подкрепить свою, индивидуальную, толстовскую точку зрения авторитетом «народного» слова. Однако тексты Евангелия, древнерусской книжности, фольклора, к которым он апеллирует, в основе своей содержат идеологию христианскую или народно-поэтическую, далекую от толстовского взгляда на мир. При этом в одних случаях «чужое» слово подчиняется авторской воле, в других случаях — функционирует самостоятельно. Возникает вопрос: с чем это связано?

Традиционно в исследованиях литературы XIX в. говорят об интertextуальности в совокупности ее идеологических функций (точка зрения, теоретически обоснованная в работах немецких ученых 1980-х гг.), «чужое» слово обычно понимается как смыслопорождающее начало.

Однако при изучении поздней прозы Толстого недостаточно рассмотреть уровень идеологем: зачастую сближение двух текстов — «чужого» и толстовского — не является смыслообразующим. Поэтому мы обратимся не столько к проблеме «чужого» слова, детально разработанной в трудах М. М. Бахтина и многих других ученых, сколько к проблеме соотношения «чужого» слова и «чужого» смысла, практически не изученной. Как представляется, данная проблема не может быть решена только в рамках категории текста, потребуется изучение еще целого ряда вопросов: каковы пространственно-временная организация толстовского художественного мира и пространственно-временная организация «чужого» художественного мира и как они соотносятся друг с другом; как ориентировано толстовское произведение относительно коммуникативной оси «автор—читатель» и как ориентировано «чужое» произведение, влияет ли эта ориентация на процесс взаимодействия смыслов?

Проведенные исследования целого ряда толстовских текстов позволяют сделать вывод: «чужая» семантика может входить в толстов-

ское произведение целиком или дробиться на отдельные смысловые компоненты, что определяется самыми различными факторами. На материале повести «Фальшивый купон» постараемся определить основные направления процесса дробления, расслоения «чужого» смысла в толстовском произведении, выяснить его внутреннюю логику.

В изучении этой проблемы можно пойти несколькими путями:

1. Исследование стиля толстовского произведения: смысл «чужого» текста дробится в зависимости от того, какая семантика востребована толстовским контекстом.

2. Изучение процесса слияния лирического и риторического начал в толстовском произведении: «чужая» семантика будет разворачиваться с разной степенью свободы в эпосе и лиризованной прозе, тяготеющей к монологичности.

3. Пристальное рассмотрение смыслового целого «чужого» текста-источника. В статье мы пойдем именно этим путем, поскольку на данный момент он представляется наиболее интересным.

Обратимся к «теории художественной целостности» М. М. Гиршмана. По мнению исследователя, в литературе до начала XIX в. «художественным целым был жанр»¹: «и смысл, и композиционные границы произведения прояснялись только в определенном жанровом контексте — отдельно от него сущность произведения полностью осознаваться еще не могла»². И только «у Пушкина художественное целое начинает соотноситься с отдельным произведением»³, «жанровый принцип <...> уступает здесь место <...> личностно-родовому»⁴, художественное произведение «становится образом мира, явленным в слове»⁵.

Прежде всего рассмотрим, как функционирует в толстовском произведении художественная целостность, сформированная в эпоху жанрового мышления, а именно обратимся к произведениям раннехристианской литературы.

Первое предложение повести «Фальшивый купон» звучит так: «Федор Михайлович Смоковников, председатель казенной палаты, человек неподкупной честности, и гордящийся этим, и мрачно либеральный и не только свободномыслящий, но ненавидящий всякое проявление религиозности, которую он считал остатком суеверий, вернулся из палаты в самом дурном расположении духа» (36, 5). Имя героя повести отсылает к известному евангельскому тексту — притче о смоковнице (Лк. 13; 4—9).

Смысловое целое притчи, как пишет С. С. Аверинцев, оформляет контекст: притча «неспособна к обособленному бытованию и возникает лишь в некотором контексте, в связи с чем она <...> может

редуцироваться до простого сравнения, сохраняющего, однако, особую символическую наполненность»⁶. Структурный центр притчи о смоковнице составляют взаимосвязанные образы: человек — смоковница, Бог — древосечец, эти образы проникают и в толстовское произведение, но в разных контекстах — христианском и толстовском — обретают разное смысловое завершение.

В христианском контексте семантика притчевого образа разворачивается в трех направлениях: как пишет С. С. Аверинцев, лежащее в основе христианской образности «двухъярусное членение мира могло иметь временной, то есть исторический модус (когда противопоставлялись друг другу «сей век» и «будущий век» как настоящее и грядущее). Оно могло иметь и пространственный, то есть космологический модус (когда противопоставлялись друг другу «земное» и «небесное» в буквальном, отнюдь не метафорическом смысле слова). Оно могло иметь, наконец, философский, онтологический модус (когда противопоставлялись друг другу материя и дух, время и вечность <...>). Все три модуса были сопряжены в единой символической системе как взаимозаменимые смысловые эквиваленты»⁷.

В толстовской же повести разворачивается только один — онтологический — модус. Федор Михайлович Смоковников, «ненавидящий всякое проявление религиозности» (36, 5), обращается к сыну со словами из Книги пророка Иезекииля: «А я тебе скажу, что если ты так поведешь себя, ты будешь мошенник. Я сказал» (36, 6). Вспомним библейские источники латинского выражения «*dixi et animam meam salvavi*» («я сказал и тем спас свою душу»): «Если же ты остерегал беззаконника от пути его, чтобы он обратился от него, но он от пути своего не обратился, — то он умирает за грех свой, а ты спас душу свою» (Иезек. 33, 9)⁸. По сюжетной ситуации Федор Михайлович, земной человек, оказывается в роли Бога, что очевидно читателю, но отнюдь не герою. На основе знания сюжетной ситуации читателем осмысляется семантика фамилии героя: для автора Федор Михайлович не Бог, а всего лишь смоковница, еще не сотворившая плода, к этому подводит автор и читателя; но вместе с тем уже в первых словах повести намечается сюжет воскресения души героя, которым завершится повесть.

Пространственно-временная организация повести — предмет особого исследования, однако в контексте наших размышлений необходимо отметить: структура пространственно-временного континуума в толстовском произведении принципиально недвучленна. Вспомним фрагмент диалога Марии Семеновны и портного:

«— Должно, ты по книгам дошла, что награда за это будет на том свете.

— Про это нам не известно,— сказала Мария Семеновна,— а только жить так лучше» (36, 26). Такая организация художественного мира повести не случайна, ибо, по трактатам Толстого, Евангелие «ничего <...> не говорит о жизни загробной: напротив, прямо отрицает ее» (24, 172) («Соединение и перевод четырех Евангелий»). Особая, толстовская структура пространственно-временного континуума, как представляется, препятствует свободному раскрытию в повести смыслов евангельской притчи.

Итак, в толстовскую повесть включен подчиненный, зависимый элемент «чужой» структуры (художественный образ), требующий семантического восполнения, значительная часть «чужой» семантики не задействована в процессе смыслопорождения, поэтому в повести и не происходит столкновения разных смыслов: «чужого» и толстовского.

В ряде случаев в толстовском произведении происходит не только дробление смысла «чужого» текста, но и модификация его семантики, причем разность двух смыслов остается как бы незаметной для читателя.

Напомню первый «микросюжет» повести: гимназисты изготавливают фальшивый купон, который передается из рук в руки: люди не могут распознать подделку. Смысловую глубину этот сюжет приобретает только в контексте раннехристианской апокрифической литературы.

Факт знакомства Толстого с неканоническими текстами подтверждается многочисленными упоминаниями раннехристианских авторов и их произведений в дневниках и письмах.

Одно из неканонических речений Христа, записанное Епифанием Кипрским,— «будьте опытными менялами»⁹. По мнению исследователей, «это речение представляет собой предостережение против ложных пророков, которых нужно уметь распознавать,— мотив, часто встречающийся в ранней христианской литературе. Характерен образ, использованный в речении,— меняла, умело определяющий фальшивые монеты, но <...> нужно распознавать не материальные, а истиинные духовные ценности»¹⁰.

Из текста-источника в толстовскую повесть проникают взаимосвязанные образы: человек-меняла, духовные ценности — монеты. В основе взаимодействия двух художественных миров — уже описанный механизм в случае с притчей о смоковнице, однако он во многом и усложнен.

Автором повести воспринимается смысловой стержень «чужой» образной системы — противопоставление духовного и материального, что позволяет Толстому-художнику достроить в своем произведении «чужую» образную систему по «чужим» же законам, законам построения раннехристианского текста. Так, вслед за образами чело-

века-меняллы, духовных ценностей — монет в повести появляется образ греха-ослепления (напомним, продавщица фотографических принадлежностей близорукими глазами рассматривает купон; у другого героя, Петра Николаевича Свентицкого, «болели глаза, ему угрожала полная слепота» (36, 14–15)), появляется много раз повторяющееся сопоставление денежного расчета и расчета с грехом — все эти образы типичны и для раннехристианской литературы.

Вместе с «чужой» образной системой в толстовском произведении разворачивается семантика раннехристианского текста¹¹, но только до какого-то предела. Этот предел находится в области отношений автора и читателя. Вследствие кардинального поворота коммуникативной оси «автор — читатель» семантика раннехристианского текста модифицируется. Напомним неканоническое речение: «Будьте опытными менялами». По всей видимости, в данном случае читатель должен отождествить себя с героем-менялой и научиться различать фальшивые и истинные ценности. В мире произведения-источника актуальны понятия вины, ответственности за совершенное.

Читатель толстовской повести должен встать на позицию не героя, а автора, перенять его отношение к героям. Автор «Фальшивого купона» не ведет читателя в область категорий вины и суда, читатель попадает в иную систему координат: образ греха-ослепления в первую очередь связан не с ответственностью человека перед Богом, а главным образом нацеливает читателя на сюжет прозрения.

Изменение позиции читателя позволяет задействовать в смыслообразовании лишь часть «чужих» смыслов; семантика раннехристианского текста трансформируется, но столкновения точек зрения в повести вновь не происходит.

Какова же специфика процесса трансформации и дробления «чужого» смысла, если целое текста-источника формируется индивидуально-авторским сознанием?

Вспомним один из эпизодов «Фальшивого купона»: убийство конокрада, «разбойника» Ивана Миронова разъяренной толпой крестьян во главе со Степаном Пелагеюшкиным. Эта сцена восходит одновременно к нескольким источникам с разной этической системой.

С одной стороны, к «легендам о грешнике, совершающем тяжкое покаяние и искупляющем свои грехи новым, праведным убийством»¹². Подчеркнем, с точки зрения «народной» этики, убийство великого разбойника — это «подвиг праведной народной мести»¹³.

С другой стороны, через образ камня, которым убивают Ивана Миронова, эпизод восходит к Евангелию с жесткой этической позицией: «не убий».

Однако автор все же находит возможность примирения полярных точек зрения: он вводит в свое произведение художественный мир А. С. Пушкина.

Повесть «Фальшивый купон» связана с «Капитанской дочкой» Пушкина через имя героя — Ивана Миронова, через сюжетные переклички: эпизод убийства Ивана Миронова заставляет вспомнить сцену казни Ивана Кузьмича Миронова повстанцами. Однако перед нами очень специфическое взаимодействие: сопоставление образов героев (Ивана Кузьмича и Ивана Миронова, Пугачева и Степана Пелагеюшкина), сюжетных ситуаций не становится смыслопорождающим. Но тогда каким образом пушкинская семантика проникает в толстовскую повесть?

В. Б. Шкловский писал: «делая исполнителем казни коменданта пытавшегося им башкирца, Пушкин изменяет значение казни, превращая ее в *возмездие*»¹⁴. Но это и *возмездие*, и убийство «бедного» Ивана Кузьмича одновременно. По наблюдению В. С. Непомнящего, смысловая структура пушкинских произведений представляет собой «*силовое поле, образуемое „разнозаряженными“ реальностями*»¹⁵. Пушкинский человек находится между равнозначными исторической и человеческой правдами: «добрый капитан Миронов, не задумываясь, прибегает к пытке, а добрые крестьяне вешают невиновного Гринева, не испытывая к нему личной вражды»¹⁶.

В толстовской повести человек также оказывается в «*силовом поле*», между «*разнозаряженными реальностями*», только это совсем другие «реальности». Вспомним признание Степана Пелагеюшкина: «...все били, мир порешил убить. А я только прикончил. Что ж пона-прасну мучить» (36, 23). Герой Толстого находится в «*силовом поле*» между коллективной логикой «праведной» мести, «народной» этикой и неоспоримостью евангельской истины; он и убивает, и жалеет.

Продолжим цитировать В. С. Непомнящего: «Пушкинский контекст есть система связей, и это главное, а элементы — заменяемы»¹⁷, элементы — образы, сюжетные ситуации, идеологемы и т. д. И этот процесс взаимной замены как будто продолжается в толстовской повести: автором «Фальшивого купона» осваивается не столько «чужая» семантика, сколько «чужое» художественное мышление. Толстой-художник «переносит» в свою повесть важнейший принцип построения пушкинского текста, а значит, смысловая структура «Капитанской дочки» входит в толстовское произведение целостной, не раздробленной.

Но толстовский герой лишь на каком-то этапе своего духовного становления оказывается между «*разнозаряженными реальностями*», автор повести ведет его дальше, к «истинному» пониманию жизни.

И здесь пушкинский текст становится для Толстого-художника серьезным препятствием. Как пишет В. С. Непомнящий, пушкинская картина мира аутентична: она «соответствует бытию как „исходному“ образцу, идеальному прототипу»¹⁸. Отход от логики пушкинского текста может быть воспринят читателем как отход от логики самого бытия, не случайно «Фальшивый купон» более других произведений позднего Толстого упрекали в неубедительности. Пушкинское произведение, вошедшее в толстовский мир как целостность, оказывается способным противодействовать разворачиванию уже толстовских смыслов, и автор «Фальшивого купона» в поиске художественных решений вновь и вновь на протяжении повести возвращается к «Капитанской дочке» Пушкина.

Таким образом, в том случае, если художественную целостность произведения формирует *жанр*, мы имеем дело с мышлением целыми, неразложимыми семантическими комплексами; при этом Толстой-художник, создающий свое произведение в эпоху индивидуально-творческого сознания, расслаивает, разбивает смысловые комплексы «чужого» произведения, и тогда «чужой» смысл подчиняется авторскому замыслу. Если же Толстой-автор повести обращается к произведениям с «личностно-родовым» принципом организации художественного целого, то складывается совершенно иная картина: взаимодействие «своего» и «чужого» происходит уже на равных, и «чужой» смысл стремится обрести независимость внутри толстовского художественного целого.

¹ Гиршман М. М. Литературное произведение: теория и практика анализа. М., 1991. С. 14.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 36.

⁴ Там же. С. 36.

⁵ Там же. С. 36.

⁶ Аверинцев С. С. Притча // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971. Стлб. 20–21.

⁷ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 107.

⁸ Словарь латинских крылатых слов. Под ред. Я. М. Боровского. М., 1999. С. 162–163.

⁹ Апокрифы древних христиан: Исследования, тексты, комментарии. М., 1989. С. 44.

¹⁰ Там же. С. 37.

¹¹ Говоря о семантике апокрифического текста, будем иметь в виду, что древнерусские апокрифы, как правило, отражали христианское миропонимание в целом, а отклонения касались тонкостей вероучения. (См.: Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. М., 1999).

¹² Яворский Ю. А. Очерки по истории русской народной словесности. Львов, 1901. С. 20. Тексты легенд см., например, в сб.: Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. М., 1859. С. 94–97; Садовников Д. Н. Сказки и предания самарского края. СПб., 1884. С. 299–301.

¹³ Там же. С. 9.

¹⁴ Шкловский В. Б. Заметки о прозе Пушкина. М., 1937. С. 111.

¹⁵ Непомнящий В. С. Пушкин. Русская картина мира. М., 1999. С. 37.

¹⁶ Лотман Ю. М. Идейная структура «Капитанской дочки» // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 115.

¹⁷ Непомнящий В. С. Пушкин. Русская картина мира. М., 1999. С. 519.

¹⁸ Там же. С. 528.

Г. В. Овчинникова

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
ВЫРАЖЕНИЙ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА
С РУССКОГО НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

(на примере обращений в романе «Война и мир»)

Особенности речевого этикета нередко отражают наличие или отсутствие определенных привычек и традиций народа, что создает трудности при переводе с одного языка на другой. Л. Н. Толстой так оценивал соотношение двух языков в романе: «Для чего в моем сочинении говорят не только русские, но и французы частью по-русски, частью по-французски? Упрек в том, что лица говорят и пишут по-французски в русской книге, подобен тому упреку, который бы сделал человек, глядя на картину и заметив в ней черные пятна (тени), которых нет в действительности. Живописец не повинен в том, что некоторым — тень, сделанная им на лице картины, представляется черным пятном, которого не бывает в действительности; но живописец повинен только в том, ежели тени эти положены неверно и грубо <...> не отрицая того, что положенные мною тени, вероятно, неверны и грубы, я желал бы только, чтобы те, которым покажется очень смешно, как Наполеон говорит то по-русски, то по-французски, знали бы, что это им кажется только оттого, что они, как человек, смотрящий на портрет, видят не лицо с светом и тенями, а черное пятно под носом» (16, 8–9).

При переводе необходимо учитывать тот эквивалент, который принят в данной среде и в аналогичной ситуации общения. В лекции, посвященной проблемам перевода и проходившей в Москве во Французском культурном центре 1 июня 1999 г., Андре Маркович отметил¹, что ему, как переводчику, всегда хотелось работать не над текстом, а над голосом, передать, как звучит по-французски голос данного автора. Голос героя произведения так же значим, как и голос самого автора, голоса персонажей романа вступают в диалог, спорят, сочетаются друг с другом, образуют многоголосый хор, превращая роман в полифонию. Сам термин «полифония» — многоголосье — заимствован из музыки и впервые в литературоведческом контексте был переосмыслен М. М. Бахтиным².

«Говорящий человек и его слово» являются одним из основных предметов творчества Л. Н. Толстого, создают его стилистическое своеобразие. Из этого вытекает необходимость учитывать полифони-

ческий замысел автора в художественном переводе. Какие проблемы возникают у переводчика, работающего над голосом персонажа, предлагаются рассмотреть на примере перевода самых кратких элементов высказывания персонажей, принадлежащих к одному и тому же речевому жанру — обращениям — в романе «Война и мир»³. Речевой жанр трактуется исследователями вслед за М. М. Бахтиным как определенные, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний. В статье «Высказывание как единица языка»⁴ отмечается, что даже в самой свободной и непринужденной беседе мы отливаляем нашу речь по определенным жанровым формам, иногда штампованным и шаблонным, иногда более гибким, пластичным и творческим, например, разнообразные краткие бытовые жанры приветствий, прощаний, поздравлений, пожеланий и т. д.

Используя разнообразные языковые средства, Л. Н. Толстой создает для каждого персонажа свой неповторимый стиль речи, полностью соответствующий характеру, социальному статусу и идее, проповедуемой героем.

Для эпохи начала XIX в. типичными в русском языке были обращения «господин», «госпожа», «господа», сохранившиеся в литературном французском языке до настоящего времени. Их перевод обычно не вызывает трудностей:

«Non, messieurs, vous avez dormi, mais moi, je n'ai pas fermé l'œil depuis deux nuits» (р. 63).

«Нет, господа, вы выспались, а я две ночи не спал» (11, 64).

«Messieurs, vous m'écrasez».

«Господа, вы меня давите!» (11, 96).

Полная эквивалентность наблюдается в переводе при обращении к генералу, причем подобные обращения встречаются чаще в тексте Толстого на французском языке:

«Eh bien, général, tout est à la guerre, à ce qu'il paraît» (11, 18).

«Ну что, генерал, дело, кажется, идет к войне» (11, 18 — перевод Толстого).

«Je ne vous retiens plus, général, je souhaite le succès de votre mission» (11, 19).

«Я вас не задерживаю более, генерал. Желаю успеха вашему посольству» (11, 19 — перевод Толстого).

Частичная эквивалентность в переводе встречается при появлении эпитетов при обращении к генералу, например в переводе Толстого:

«Et, mon cher général, je désire de mon coeur que les Empereurs s'arrangent entre eux et que la guerre commencée malgré moi, se termine le plus tôt possible» (11, 19).

«Ах, мой любезный генерал, я желаю от всей души, чтобы императоры покончили дело между собою и чтобы война, начатая против моей воли, окончилась как можно скорее» (11, 19).

Большой интерес с точки зрения трансформаций при переводе представляют обращения к Наполеону и Кутузову:

«Sire, l'Empereur mon maître ne désire point la guerre et comme Votre Majesté le voit...» (11, 18).

«Государь император русский не желает ее, как ваше величество изволите видеть...» (11, 18).

«Je suppose, Monsieur...» (р. 97).

«Я полагаю, милостивый государь...» (11, 93).

Не вызывает трудностей у переводчика передача обращений «Ваше Величество», «Ваше превосходительство», «Ваша светлость», «Ваше сиятельство», поскольку данные лингвокультурные присутствуют и во французском, и в русском социуме:

«...в отношении к вашему императорскому величеству...» (11, 15).

«...envers Votre Majesté...» (11, 14).

«Извините меня, ваше превосходительство» (11, 94).

«Excusez-moi, Excellence» (р. 97).

«И жизнь, и имущество возьми, Ваше Величество!» (11, 98).

«Prends et notre vie, et nos biens, Votre Majesté!» (р. 102).

«Дядя г'одной, ваша светлость» (11, 170).

«C'est mon oncle, Votre Altesse» (р. 178).

К сожалению, в переводе нельзя передать всю палитру оттенков обращений, так как средства французского языка в этой области представляются более ограниченными. Просторечное обращение «батюшка», иногда с ласкательным оттенком, в некоторых случаях как показатель особого уважения, передается часто французским эквивалентом «Mon père», реже «Mon Dieu»:

«Батюшка, ваше сиятельство...» (11, 118).

«Mon Dieu, Votre Excellence!» (р. 125).

«— Отец, ангел, батюшка! — приговаривала она» (11, 88).

«Notre père, notre ange, notre père» (р. 92).

«Батюшка, я не хотел быть судьей» (11, 36).

«Mon père, je ne voulais pas juger... — dit le prince André».

Не меньшую трудность для переводчика представляют такие русские обращения-реалии, как «барчук», «щеголёк», «разбойник», «сердечный», «бабы», «голубчик», «голубушка». В ряде случаев переводчик решает эту проблему путем добавления прилагательного либо останавливается на выборе нейтрального синонима:

«Что, барчук, толкаешься, видишь — все стоят!» (11, 87).

«Hé, là, le petit monsieur, qu'as-tu à pousser, tu vois tout le monde attend».

«Довели, что погибать всем... разбойники!» (11, 114).

«On a si bien fait que nous sommes fichus... les bandits» (p. 119).

«Бабы, бабы! Бабы сборы» (11, 117).

«Bonnes femmes, bonnes femmes, ces préparatifs de bonnes femmes» (p. 117).

«Ох, щегольки!» — проговорил он укоризненно» (с. 198).

«Oh, ces gars fringants!» — dit-il avec reproche» (p. 199).

«Ой-о-ох, голубчики мои! Голубчики мои белые! Не дайте умереть, голубчики мои белые» (11, 117).

«Oh-oh-oh, mes amis! Mes bons amis! Ne me laissez pas mourir, mes blanches colombes» (p. 123).

«А ведь, голубчик: нет сильнее тех двух воинов: терпение и время» (11, 174).

«Mais crois-mois, mon cher, il n'y a pas de soldats plus vaillants que ces deux-là: la patience et le temps...» (p. 180).

«Какая же подруга, голубчик?» (11, 38).

«Quelle compagne donc, mon cher?» (p. 36).

Интересным представляется исследование коннотативных аспектов смысла на примере *ami, cher ami, mon ami* и т. д., проведенное М. Р. Кузьминой⁵ при изучении параллельного употребления русского и французского языков в романе «Война и мир». Выражения с адресной функцией *cher ami, mon ami, chère amie, mon amie, mon cher ami* встречаются неоднократно на протяжении всего романа, но, по-разному употребленные, различно толкуются читателем. Дословный перевод Толстой приводит лишь в некоторых случаях, когда это выражение не встречается на протяжении больших отрывков текста, а чаще надеется на эрудицию читателя и не повторяет русский эквивалент. Это выражение с адресной функцией служило в то время эталоном этикетного обращения, употребляясь наравне с «сударь», «сударыня», «господин», «госпожа», «сеньор» и т. д.

Частота употребления этих выражений создает некий языковой штамп. С помощью одной языковой единицы создается «инвариант» приема в высшем свете, проводимый по определенным правилам, заданный стилем представителей высшего общества.

Однако используемое одним и тем же персонажем выражение *ma chère* — во время официального приема и в личном контакте (в обращении к дочери) — звучит совершенно различно. В последнем употреблении усиливается эмоциональная сторона лексической единицы, наблюдается отход от языкового штампа:

«Граф вскочил и, раскачиваясь, широко расставил руки вокруг вбежавшей девочки.

— А, вот она! — смеясь, закричал он.— Именинница! Ma chère именинница!

— Ma chère, il y a un temps pour tout,— сказала графиня, притворяясь строгою.— Ты ее все балуешь, Elie,— прибавила она му-жу» (9, 47).

Очень часто стилистические приемы, используемые умелым пером автора для создания речевой характеристики персонажа, необходимые для придания его голосу неповторимого своеобразия, служат камнем преткновения для переводчика. Подобная «потеря голоса» в полифоническом диалоге наблюдается в эпизоде знакомства Андрея Болконского с Денисовым:

«— Очень г’ад, князь, очень г’ад познакомиться» (11, 167).

«Enchanté, prince, enchanté de faire votre connaissance» (р. 175).

Сопоставительный анализ русских и французских выражений речевого этикета на примере обращений в романе «Война и мир» показал лишь малую толику трудностей переводчика при выражении экспрессивных и оденочных компонентов, содержащихся в смысловой структуре русской лексической единицы, а также лингвокультуре русского языка, употребляемых персонажами.

Несомненной трудностью для любого переводчика является воссоздание полифонического звучания романа. «Раскрашивая» голоса своих героев различными интонациями, Толстой прибегает не только к выразительности языка, но и к типографским средствам, что не всегда находит отражение в переводе.

Нередко одна и та же реалия присутствует в двух культурах, но имеет разную прагматическую значимость (например, обращение «мусыё» в русском языке имеет иронический оттенок). В подобных случаях в переводе используются отношения исключения (когипонимии), то есть понятия в разных языках не совпадают, но объединяются лишь тем, что входят в общее родовое понятие. Такой перевод вызван необходимостью воссоздания звукового состава слова, грамматических особенностей, его фразеологической связью, а также прагматическими характеристиками.

¹ См. Костикова О. И. Полифонический роман и проблемы перевода // Вопросы теории французского языка и теории перевода. М., 1999. С. 51.

² Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.

³ Tolstoi L. Guerre et paix. Traduction d’Elisabeth Guertik. Р., 1972.

⁴ Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 430–472.

⁵ Кузьмина М. Р. Текстообразующая роль французских элементов с адресной функцией в художественном двуязычном произведении (на материале романа Л. Н. Толстого «Война и мир») // Духовное наследие Л. Н. Толстого и современность // XXVI Международные Толстовские чтения. Ч. 2. С. 178–183.

И. Ю. Матвеева

К ВОПРОСУ О ПОЭТИКЕ
РОМАНА «ВОСКРЕСЕНИЕ»:
ОТ ВОСПОМИНАНИЯ К ИСПОВЕДИ

В дневниках Л. Н. Толстого за 1899 г., год окончания работы над романом «Воскресение», мы находим следующую запись: «Что такое память, которая делает из меня одно существо от детства и до смерти? Что такое это свойство, связывающее отдельные по времени существа в одно? Разделяет то свойство времени, вне которого я не могу видеть себя. Я один нераздельный от рождения и до смерти, но проявить и сознать себя я должен во времени...» (53, 224). По мысли Толстого, человеческое существо в разные эпохи своего развития связано памятью. Толстой неоднократно обращается к вопросу о человеческой памяти и ее особенностях. С «воспоминанием» писатель связывал духовное видение жизненных событий: «Отчего (одно и) то же в действительности серо, не важно, не красиво — и радостно, ясно в воспоминании? Не от того ли это, что настояще, истинное есть только духовное, действительность же, реальность, как говорят, это только леса, подставляемые для постройки настоящей духовной жизни. Действительность, реальность это дым от огня и света истинной жизни. И дым этот застилает и портит настоящую истинную жизнь» (51, 12). Воспоминание есть, по Толстому, прежде всего осмысление, здесь реализуется исконное значение слова «вспомнить» от «помнить» — «мнить», то есть «полагать, думать»¹. Для Толстого потерять память то же самое, что «сойти с ума», потерять способность понимать. Приведем пример из дневниковых записей Толстого: «...встретил Евдокимова... Все тот же страх за то, что он сходит с ума, теряет память, подвигается к идиотизму. — Много говорил с ним, между прочим то, что истинная жизнь начинается тогда, когда она становится связью между прошедшим и будущим: тогда только она получает настоящее и радостное значение» (51, 12).

В поздних произведениях Толстого концепция человека оказывается неразрывно связана с категорией «памяти». После «Исповеди» в художественных произведениях Толстого настойчиво повторяется мотив «воспоминания»: в повести «Смерть Ивана Ильича» герой вспоминает свою жизнь во время болезни, в «Крейцеровой сонате» Поздышев вновь переживает свое преступление в рассказе-воспоминании,

герой повести «Хозяин и работник» Брехунов охватывает взглядом свою жизнь в ночь перед смертью. «Воспоминание» в романе «Воскресение» перерастает значение мотива, становясь смыслообразующей категорией. Включаясь в характеристику героев и композицию романа, особенности культурной² и индивидуальной памяти начинают работать на этих уровнях.

Композиция романа «Воскресение» изначально не зависела от сюжета «воспоминания». Принимаясь за писание подаренного А. Ф. Кони сюжета, Толстой собирался изложить события в их хронологической последовательности, что и реализовано им в первой незаконченной редакции. Еще раньше, советуя А. Ф. Кони написать повесть по этому сюжету, Толстой отметил, что «его перипетии надо бы изложить в хронологическом порядке»³. Автор изменит композицию романа при работе над второй незаконченной редакцией, которая уже носит название «Воскресение». Так произошло сопряжение разных значений слова «воскресение». Глагол «воскресить» имеет, кроме религиозно-христианского и психологического, значение: «восстановить в сознании утраченное, забытое»⁴.

В окончательной редакции романа рассказ о прошлом сдвинут, история прошлого героев дана внутри сюжета об узнавании Нехлюдовым Катюши Масловой. Такой сдвиг в композиции романа существенно меняет роль изображения прошлого. Воспоминание прошлого — это не само прошлое, а его образ. Воспоминание по своей сути избирательно, оно разворачивает картины прошлого, минуя незначительные детали, но более выпукло представляет значительное, самое главное. Сам продукт «воспоминания» не равен событию в прошлом, поэтому «вспоминаемое» событие — это качественно новый образ. Изменяя композицию романа, вводя в роман «воспоминание», автор иначе расставляет смысловые акценты произведения. Прошлое, разворачивающееся в «воспоминании», переносит внимание с самого события на его смысл. «Воспоминание» в тексте Толстого творится не ради самого «прошлого», в нем есть потенция стремления к будущему, герои вспоминают ради осмыслиения себя в настоящем и ради движения вперед. Но движение вперед для героев романа оказывается возможным только при обретении нового знания, нового смысла жизни. Нравственное воскресение героев в романе Толстого напрямую связано с воспоминанием прошлого.

Обращаясь к проблеме «памяти», Н. А. Бердяев включает это понятие в ряд особенно значимых понятий для романа «Воскресение» и всего творчества Толстого: память связана с категорией смерти, вечности, воскресения. «Воспоминание о прошлом никогда не может быть пассивным, не может быть точным воспроизведением и вызывает к се-

бе подозрительное отношение. Память активна, в ней есть творческий, преображающий элемент <...> Ценность этого акта определяется тем, насколько он возвышается над временем, приобщается ко времени экзистенциальному, то есть к вечности <...> В памяти есть воскрешающая сила, память хочет победить смерть»⁵. По мысли философа, в самой способности «воспоминания» угадывается стремление преодолеть рамки эмпирики ради высшего истинного мира.

Обусловливая композицию романа, «память» включается в характеристику героев. Нехлюдов, добиваясь пересмотра по делу Масловой, встречает своего приятеля Шенбока. Сама встреча не содержит в себе «событийного» смысла, а лишь напоминает нам о герое, с которым был дружен Нехлюдов во время второго приезда в Паново, и показывает нынешнюю чуждость Нехлюдова этому человеку. В конце встречи Нехлюдова поражает выражение лица бывшего приятеля: «Вдруг лицо его сделалось серьезно, глаза остановились, брови поднялись. Он, очевидно, хотел вспомнить, и Нехлюдов увидел в нем совершенно такое же тупое выражение, как у того человека с поднятыми бровями и оттопыренными губами, которое поразило его в окне трактира» (32, 236). Именно на этом впечатлении завершается встреча со старинным приятелем, оно и остается как основное в сознании героя. Лицо в окне трактира описано так: «Один сидел у окна, подняв брови и выставив губы, глядел перед собою, как будто стараясь вспомнить что-то» (32, 234).

Основной характеристикой Шенбока и человека в трактире станет невозможность «вспомнить что-то». Эти эпизоды актуализируют роль «воспоминания» в тексте романа: они закрепляют за «воспоминанием» право характеристики. В романе есть герои, которым дана способность «вспоминать», — это Катюша Маслова и Нехлюдов, но рядом существуют герои, которые лишены этой способности. Способность «вспоминать» становится оценочной. «Вспоминать» значит осмысливать, видеть высший, нежели событийный, смысл вещей. «Вспоминающему» герою придается особый статус. Здесь появляется еще одна категория, связанная с вопросом о «памяти», — «отсутствие памяти». Есть герои, которые «забывают» и «вспоминают», а есть такие, у которых «отсутствует память». Наличие «памяти» противопоставлено ее отсутствию, «забвение» же, по мысли Е. Фарыно, «не полностью симметрично памяти <...> „Забыть“ же относится к способности воспроизвести в уме, способности создать копию... нельзя забыть сам предмет, а можно забыть некую мысль о нем»⁶.

О Катюше Масловой автор отмечает: «Она замолчала, как бы вдруг потеряв нить или вспомнив о другом» (32, 39). О Нехлюдове: «...он вспомнил, что случилось, он знал уже, что случилось что-то

важное и хорошее» (32, 116). Неопределенные местоимения в мире Толстого играют особую роль, указывают на действительность, которую нельзя назвать «человеческим» словом, ради которой нужен другой язык. Такое «вспоминание» «другого» или «чего-то» структурирует мир следующим образом: человек живет и мыслит в рамках эмпирической действительности, но рядом присутствует другая, высшая реальность, в которую возможно проникнуть через «вспоминание». Именно она освещает жизнь человека смыслом. Роман Толстого предлагает своеобразную модель проникновения к высшей реальности через «вспоминание».

Путь постижения высшего смысла жизни открывается героям не «вдруг». По мысли М. М. Бахтина, «в творчестве Толстого основной хронотоп — биографическое время <...> Разумеется, и в произведениях Толстого есть и кризисы, и падения, и обновления, и воскресения, но они не мгновенны и не выпадают из течения биографического времени, а крепко в него вплетены <...> Толстой не ценил мгновения, не стремился заполнить его чем-либо существенным и решающим, слово «вдруг» у него встречается редко и никогда не вводит какое-либо значительное событие <...> Толстой любил длительность, протяженность времени»⁷. Добавим к этому, что само мгновение у Толстого превращается в длительность, внешне нерациональные поступки, непредвиденные поступки оказываются подготовлены длительной внутренней работой. Для того чтобы признать собственную вину, Нехлюдову понадобится достаточно длительное время. Момент «вспоминания» развернут в романное время. «Воспоминание» — это длительное погружение в себя, попытка добраться до своих духовных истоков. Такое погружение заставляет мысленно связать прошлое и настоящее, но и столкнуть их, увидеть ту «пропасть», которая разделяет прошлое и настоящее.

Л. Н. Кузина указывает, что нарушение хронологии в течении времени поздних произведений Толстого служит не только средством выразительности, а «создает призму, характерную для исповеди. Настойчиво <...> сталкивая „тогда“ и „теперь“, Толстой раскрывает состояние героя, в котором прошлое, до отчаянной боли ощущимое сейчас, как бы сливается с настоящим, подталкивает к постижению объективной точки зрения на себя, на свою жизнь, рождая признание»⁸. Исповедальное слово не однородно по своей структуре: исповедь — это путь от осмыслиения своей жизни через раскаяние и покаяние к постижению основных законов бытия. Но исповедь в основе своей — это слово уже «обращенного» человека, человека, уже осмыслившего свою жизнь и приблизившегося к высшим тайнам бытия. Таковы «Исповедь» Августина, Руссо, самого Толстого. Но

одновременно «исповедь» — это обретение себя в слове, обретение себя в свете открывшегося нового смысла, и только в таком слове найденный смысл становится ощутимым и значимым для всех, исповедь приобретает значение «учения», превращается в проповедь. Мы подошли к настоящей цели толстовского романа — проповеди обретенного света истины. Встает вопрос о роли толстовского героя в этой авторской программе-максимум.

М. Уваров, анализируя структуру исповедального слова, говорит об одной особенности русской литературы: «Тема авторской исповеди-в-герое вообще чрезвычайно характерна для русской художественной литературы <...> Практически у каждого значительного русского писателя мы находим и исповедь в чистом виде — будь то „Исповедь“ Толстого или „Исповедь“ Горького, или же проникнутые исповедальным духом стихотворные образы Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Ахматовой»⁹.

Основной нашей задачей станет ответ на вопрос, как воспоминание, становясь идеологически значимой категорией романа, подготавливает и участвует в организации исповедального дискурса в романе Толстого. Первое, на чем необходимо остановиться, — это причины взаимозависимости текста-исповеди и текста-воспоминания и способы их взаимодействия. Для структуры исповедального текста характерно двойственное положение категории «воспоминания».

Во-первых, исповедь начинается с осматривания своей жизни, с осмыслиения своего несовершенства и безнравственности, то есть с «воспоминаний» о своей прошлой жизни, «воспоминание» здесь работает как акт осмысливающий и оценивающий. По мысли В. Рабиновича, «память вызывает миг, но в то же время и встраивает его в цель линейного, исторического — не циклического — времени, необходимого для последовательного осуществления приемов, задуманных ради смысла»¹⁰. «Воспоминание» в исповеди творится не ради самого себя, оно необходимо для обретения нового знания.

С «воспоминаний» о грешной жизни начинается «исповедь» Августина. Неоднократно Августин называет свой текст «воспоминаниями». «Я хочу вспомнить прошлые мерзости свои и плотскую испорченность души моей...»¹¹; «Что в哉дам Господу из того, что собрала память моя и перед чем не устрашилась бы душа моя»¹²; «И пусть человек, которого Ты призвал и который, последовав за голосом Твоим, избежал того, о чем он прочтет в моих воспоминаниях и в моих признаниях, не смеется надо мною...»¹³ «Воспоминание» в исповеди становится «признанием», признанием своей вины, своей греховности. Такой же смысл приобретают «воспоминания» в «Исповеди» Толстого. «Теперь, вспоминая то время, я вижу ясно...» (23, 4);

«Без ужаса, омерзения и боли сердечной не могу вспомнить о этих годах» (23, 5); «Теперь, вспоминая об этом времени, о своем настроении тогда и настроении тех людей <...> мне и жалко, и страшно, и смешно — возникает именно то самое чувство, которое испытываешь в доме сумасшедших» (23, 6). Если в «Исповеди» Толстого «воспоминания» вызываются ради «признания», то в «Воспоминаниях» 1903 г. «воспоминания» прошлой жизни рождают «признание». «Сначала я незаметно для себя самым естественным образом стал вспоминать только одно хорошее моей жизни... Но, вдумываясь более серьезно в события моей жизни, я увидел, что такая биография была бы хотя и не прямая ложь, но ложь вследствие неверного освещения и выставления хорошего и умолчания или сглаживания всего дурного <...> И во время невольной праздности болезнь моя все время обращалась к воспоминаниям, и эти воспоминания были ужасны» (34, 345). «Воспоминания» для самого Толстого в любом случае становятся началом «исповеди».

Обращает на себя внимание повторяющийся мотив в жанре «Исповеди»: Августин говорит об «уходе» от Бога, о душе, отворотившейся от Бога и возвратившейся к Богу. «И я осмеливаюсь говорить, что Ты молчал, Господи, когда я уходил от Тебя!»¹⁴ Толстой, подчиняясь исповедальному дискурсу, повторяет эти мотивы «ухода» от веры и Бога и «возврата» к Богу. «Я вернулся во всем к самому прежнему, детскому и юношескому. Я вернулся к вере в ту волю, которая произвела меня и чего-то хочет от меня <...> то есть я вернулся к вере в Бога, в нравственное совершенствование и в предание, передававшее смысл жизни» (23, 46).

Здесь мы подходим ко второму, главному, значению «памяти» в «исповеди». Возврат к Богу сопряжен в «исповеди» с возвратом к самому себе, к своему нравственному истоку. «Воспоминание» себя ведет к «воспоминанию» Бога в себе. Здесь и происходит слияние личного, индивидуального пути с «всеобщим» смыслом. По определению В. Рабиновича, «память — место встречи ума души с умопостигаемым, а припоминание — не что иное, как в некотором роде сократическое повивание (наводящие вопросы) вида по образцу»¹⁵, а «исповедь» — «лично-волевой путь к всеобщему смыслу с помощью серийно-индивидуального средства, называемого памятью»¹⁶. В этом смысле обретение «памяти» — это и есть та цель, которая ведет к новому, главному смыслу, где исчезает время и конкретика. «Воспоминание» из мира эмпирического, временного, ведет к миру «настоящему», вневременному. «Память — сосредоточие всех времен: прошлое и прошедшее в ней сняты, сняты в настоящем; представление в вечности. Личное Я из памяти исчезает. Зато ум становится тождественен

душе. Он-то и есть новое, лишенное личных примет, умное-познающее-Я, ставшее гомогенным со Смыслом, ради которого все и затяжено. Память рассудка, растворив в себе до поры известные образы, по Августину, и есть орган, который, собственно, и призван в силу теперь уже безличной своей „структурь“ взять смысл¹⁷.

Движение «исповедального» дискурса можно представить следующим образом: личность и ее конкретные «воспоминания» отступают в тень, и со всей силой заявляет себя «память-смысл», ради которого творится текст исповеди, «память» становится тождественна «знанию».

Для зарождения исповедального дискурса должны быть определенные предпосылки: для того чтобы появились ответы, должен возникнуть вопрос. Вопрос, который приведет к покаянию-исповеди, возникает в особенный момент жизни. Толстой назовет эти моменты «остановками жизни» (23, 10). Для толстовского героя Нехлюдова моментом «остановки жизни» станет встреча в суде. «Удивительная случайность», как называет эту встречу Нехлюдов, переворотит жизни героев. «Случай» здесь приобретает символическое значение, но осознание смысла события не сразу приходит к герою, и автор подчеркивает постепенность в осознании Нехлюдовым своей вины.

Возникает странный повествовательный парадокс: в сценах заседания суда герой еще далек от смысла происходящего события, но исповедальный дискурс возникает именно в этих сценах. Автор не дает полной самостоятельности герою в процессе его «воспоминания». «Прошлое» еще не является полной принадлежностью героя, герой движется к осмыслиению своего прошлого. Соединение слова автора и слова героя приводит к совмещению точек зрения: герой припоминает факты, события, автор же дает им оценку.

Слово исповедальное — это, как мы уже упоминали, слово обращенного в веру человека, который осознает смысл прошлых событий под призмой обретенного нового знания. Нехлюдову не дано видеть «новый» смысл, но его видит автор, потому авторское слово является носителем особого, «нового» смысла, а герой идет к этому высшему знанию через романное пространство. Перед нами не исповедь в чистом виде, следует говорить в отношении героя о «жизни-исповеди»¹⁸, текст которой творится как словом героя, так и словом автора. Текст-воспоминание о юности героев обладает явным одиночным смыслом.

Текст-воспоминание делится на две части по характеристике внутреннего состояния героя: первый приезд к тетушкам и поделуй за кустом сирени, второй приезд к тетушкам, поделуй в церкви и ночь падения. «Светом» пронизаны воспоминания поделуя за кустом сирен-

ни — этот «свет» ощущается, но еще не осознается героем, зато осознается автором. «Свет» и внутреннее состояние героев взаимообусловлены: «свет» делает зрительно ощутимой нравственную чистоту героев, утрата «света» сопряжена с утратой их чистоты.

Характеризуя Нехлюдова, автор отмечает его увлеченность «Социальной статикой» Спенсера и рассуждениями о земельной собственности. Нравственный облик человека, по Толстому, проявляется в сопряжении его мыслей и поступков, поэтому увлечение вопросами землевладения, мечтательность и невинность — это характеристики, значимые в своей совокупности и проявляющие духовную высоту и нравственность героя. «Он в первый раз понял тогда всю жестокость и несправедливость частного землевладения, и, будучи одним из тех людей, для которых жертва во имя нравственных требований составляет высшее духовное наслаждение, он решил не пользоваться правом собственности на землю и тогда же отдал доставшуюся ему по наследству от отца землю крестьянам. Он на эту же тему писал свое сочинение <...> В то время Нехлюдов, воспитанный под крылом матери, в девятнадцать лет был вполне невинный юноша. Он мечтал о женщине только как о жене. Все же женщины, которые не могли, по его понятию, быть его женой, были для него не женщины, а люди» (32, 43–44). Этому внутреннему облику противопоставлено другое состояние героя, «когда, только что произведенный в офицеры, по дороге в армию, заехал к тетушкам уже совершенно другим человеком, чем тот, который прожил у них лето три года тому назад» (32, 47).

Автор сталкивает характеристики героя в оппозиции «тогда — теперь». «Тогда (здесь и далее курсив мой. — И. М.) он был честный, самоотверженный юноша, готовый отдать себя на всякое добroе дело, — теперь он был развращенный, утонченный эгоист, любящий только свое наслаждение. Тогда мир Божий представлялся ему тайной, которую он радостно и восторженно старался разгадывать, — теперь все в этой жизни было просто и ясно и определялось теми условиями жизни, в которых он находился. Тогда нужно и важно было общение с природой и с прежде него жившими, мыслящими и чувствовавшими людьми (философия, поэзия), — теперь нужны и важны были человеческие учреждения и общение с товарищами. Тогда женщина представлялась таинственным и прелестным, именно этой таинственностью прелестным существом, — теперь значение женщины, всякой женщины, кроме своих семейных и жен друзей, было очень определенное: женщина была одним из лучших орудий испытанного уже наслаждения. Тогда не нужно было денег и можно было не взять и третьей части того, что давала мать, можно было отказаться от имения отца и отдать его крестьянам, — теперь же не-

доставало тех тысячи пятисот рублей в месяц, которые давала мать, и с ней бывали уже неприятные разговоры из-за денег. Тогда своим настоящим я он считал свое духовное существо,— теперь он считал со-бою свое здоровое, бодрое, животное я» (32, 47–48).

Автор, настойчиво сталкивая «тогда-теперь», дает жесткую оценку герою, которая закрепляется в сознании читателя. Авторский текст, разоблачающий Нехлюдова, имеет связи с текстом толстовской «Исповеди». Сравним:

«Исповедь»: «Всякий раз, когда я пытался высказывать то, что составляло самые задушевные мои желания: то, что я хочу быть нравственно хорошим, я встречал презрение и насмешки; а как только я предавался гадким страстям, меня хвалили и поощряли» (23, 4).

«Воскресение»: «Так, когда Нехлюдов думал, читал, говорил о Боге, о правде, о богатстве, о бедности,— все окружающие его считали это неуместным и отчасти смешным <...> когда же он читал романы, рассказывал скабрезные анекдоты, ездил во французский театр на смешные водевили и весело пересказывал их,— все хвалили и поощряли его» (32, 48).

«Исповедь»: «Когда старший мой брат Дмитрий, будучи в университете, вдруг, с *свойственной его натуре страстью*, предался вере и стал ходить ко всем службам...» (23, 1).

«Воскресение»: «И Нехлюдов, с *страстью своей натуры*, весь отдался этой новой <...> жизни» (32, 49).

«Исповедь»: «Отпадение мое от веры произошло во мне так же, как оно происходило и происходит теперь в людях нашего склада образования. Оно, как мне кажется, происходит в большинстве случаев так: *люди живут, как все живут...*» (23, 2).

«Воскресение»: «И вся эта страшная перемена совершилась с ним только оттого, что он *перестал верить себе, а стал верить другим*» (32, 48).

«Исповедь»: «Я убивал людей на войне, вызывал на дуэли, чтоб убить, проигрывал в карты, проедал труды мужиков, казнил их, блудил, обманывал. Ложь, воровство, любодеяние всех родов, пьянство, насилие, убийство... Не было преступления, которого бы я не совершил, и за все это меня хвалили, считали и считают мои сверстники сравнительно нравственным человеком» (23, 5).

«Воскресение»: «Дела не было никакого, кроме того, чтобы в прекрасно сшитом и вычищенном *не самим, а другими людьми* мундире, в каске, с оружием, которое тоже и сделано, и вычищено, и подано *другими людьми*, ездить верхом на прекрасной, тоже другими воспитанной, и выезженной, и выкормленной лошади на ученье или смотр с такими же людьми, и скакать, и махать шашками, стрелять и учить

этому других людей. Другого занятия не было, и самые высокопоставленные люди, молодые, старики, царь и его приближенные не только одобряли это занятие, но хвалили, благодарили за это. После же этих занятий считалось хорошим и важным, швыряя невидимо откуда-то получаемые деньги, сходить есть, в особенности пить, в офицерских клубах или в самых дорогих трактирах; потом театры, балы, женщины, и потом опять езда на лошадях, маханье саблями, скаканье и опять швырянье денег и вино, карты, женщины» (32, 50).

В «Исповеди» Толстой сравнивает писательскую деятельность с «сумасшедшим домом». «Теперь мне ясно, что разницы с сумасшедшим домом никакой не было...» (23, 7). Состояние Нехлюдова во второй приезд к тетушкам определено как состояние «сумасшествия эгоизма»: «чувствовал же он во все это время восторг освобождения от всех нравственных преград, которые он ставил себе прежде, и не переставая находился в хроническом состоянии сумасшествия эгоизма» (32, 50).

Более поздняя характеристика Нехлюдова также соотносится с текстом «Исповеди»: «Нехлюдов составлял себе правила, которым намеревался следовать уже навсегда...» (32, 102). «Исповедь»: «Я старался совершенствовать свою волю — составлял себе правила, которым старался следовать...» (23, 4).

Слово о герое в тексте-воспоминании сопрягается с текстом авторской «Исповеди», отсюда два следствия, связанных между собой. С одной стороны, герой становится своеобразным воплощением авторского Я, в котором автор еще раз проживает время своих заблуждений, с другой стороны, герой, при помощи авторского слова и в сопряжении с «Исповедью» Толстого, несет крест «исповеди».

Еще одна черта исповедального жанра, которая реализована в начале романа при помощи авторского слова, — это обращение к библейскому тексту героя исповеди. Герой исповеди меряет себя и события своей жизни «вечным» словом, так как уже чувствует себя носителем «вечной» истины. Начало этой традиции положено Августином. «Текст «Исповеди» написан уже обращенным, и потому реминисценции Писания в главах до обращения вполне понятны»¹⁹. Здесь существенен другой смысл цитирования священных текстов: исповедь — это личное слово, приобщенное к слову вечному, слову всеобъемлющему, с одной стороны, и возможность сделать вечный текст глубоко личным, интимным (что особенно важно для Толстого).

В «Исповеди» Толстого приобщение к «вечному» тексту совершается посредством притчи²⁰. Состояние Нехлюдова автор поясняет при помощи сравнений, тяготеющих к притче. «Он испытывал теперь чувство, подобное тому, которое испытывал на охоте, когда приходилось

добивать раненую птицу: и гадко, и жалко, и досадно. Недобитая птица бьется в ягдаше: и противно, и жалко, и хочется поскорее добить и забыть» (32, 67—68). Это сравнение еще раз появляется в тексте. «Каторга же и Сибирь сразу уничтожали возможность всякого отношения к ней: недобитая птица перестала бы трепаться в ягдаше и напоминать о себе» (32, 85). Первое сравнение устанавливает связь между чувством героя и «птицей на охоте», второе сравнение устанавливает связь: Катюша — птица. В начале романа возникает связь между образом Катюши Масловой и «птицей»: «голубь вспорхнул и, трепеща крыльями, пролетел мимо самого уха арестантки, обдав ее ветром» (32, 6). Притча-сравнение создает два уровня толкования событий в романе. Чувство, пробуждающееся в герое, становится связано с образом Катюши Масловой, которую он наблюдает на суде и о которой «вспоминает». Особо отметим, что герой хочет «забыть» и «не вспоминать», потому что «воспоминание» страшно. «Катюша глядела на хозяйку, но потом вдруг перевела глаза на присяжных и остановила их на Нехлюдове, и лицо ее сделалось серьезно и даже строго. Один из строгих глаз ее косил. Довольно долго эти два странно смотрящие глаза смотрели на Нехлюдова и, несмотря на охвативший его ужас, он не мог отвести и своего взгляда от этих косящих глаз с ярко-белыми белками. Ему вспомнилась та страшная ночь с ломавшимся льдом, туманом и, главное, тем ущербным, перевернутым месяцем, который перед утром взошел и освещал что-то черное и страшное. Эти два черные глаза, смотревшие и на него и мимо него, напоминали ему что-то черное и страшное» (32, 67).

Взгляд Катюши «напоминает» Нехлюдову о его вине, но одновременно и обращает его, нехлюдовский, взгляд как будто на самого себя, в глубь самого себя. Автор уплотняет образ, повторяя слово «смотреть» и слова, связанные с ним по значению.

«Воспоминание» безжалостно становится рядом с настоящим, показывая герою самого себя. «Воспоминание» обладает своеобразной магической силой, пробуждает «совесть». «Преступная» жизнь Масловой, ее история с купцом как будто соприкасаются с «прошлым», с «воспоминаниями». «Чувство неопределенной гадливости, которое испытывал Нехлюдов, еще усилилось при чтении этого описания трупа. Жизнь Катюши, и вытекавшая из ноздрей сукровица, и вышедшие из орбит глаза, и его поступок с нею — все это, казалось ему, были предметы одного и того же порядка, и он со всех сторон был окружен и поглощен этими предметами» (32, 69).

Событие, представлявшееся герою лишь «случайностью», заставляет его взглянуть на самого себя, в самого себя. «Грех» становится физически ощущимым, переживается в «настоящем». «Забыть» о Ка-

тиюше теперь — это все равно, что вновь впасть в «беспамятство», утратить «совесть». Но искушение «жизни в беспамятстве» еще сильно, поэтому Нехлюдову «хочется поскорее добить и забыть».

Узнавание прежней Катюши сопряжено в тексте с пробуждением «совести», а «совесть» неразрывно связана с исповедальным текстом. «Исповедь возникает как самоотчет души, как снятие границ историчности и вечности, как Совесть»²¹. Процесс узнавания в «воспоминании» возведен в ранг «духовного» зрения, «воспоминание» приобретает статус «духовного» пробуждения героя и ведет его к признанию-прозрению.

Другой случай появления притчевого слова снова связан с неосознанным чувством героя: «Он все не покорялся тому чувству раскаяния, которое начинало говорить в нем. Ему представлялось это случайностью, которая пройдет и не нарушит его жизни. Он чувствовал себя в положении того щенка, который дурно вел себя в комнатах и которого хозяин, взяя за шиворот, тычет носом в ту гадость, которую он сделал. Щенок визжит, тянется назад, чтобы уйти как можно дальше от последствий своего дела и забыть о них; но неумолимый хозяин не отпускает его. Так и Нехлюдов чувствовал уже всю гадость того, что он сделал, чувствовал и могущественную руку хозяина, но он все еще не понимал значения того, что он сделал, не признавал самого хозяина. Ему все хотелось не верить в то, что то, что было перед ним, было его дело. Но неумолимая невидимая рука держала его, и он предчувствовал уже, что он не отвертится» (32, 77–78).

В этом сравнении-притче проявлены автором. Нехлюдов — это «щенок», который пытается уйти от наказания хозяина. «Неумолимый» хозяин щенка становится Хозяином всех и вся, Хозяином виноградного сада. Этот текст-притча связан с притчей о виноградарях, появляющейся в конце романа. Притча евангельская противопоставлена сравнению-притче о щенке положением героя: сравнение-притча дана в контексте нежелания героя признать свою причастность к преступлению, им совершенному, эта притча введена словом автора, а притча о виноградарях прочитывается и понимается самим героем. Перед нами эволюция слова героя, которая, в свою очередь, становится эволюцией самого героя: от непонимания своего назначения, непризнания Хозяина к пониманию и признанию.

Слово героя рождается из «воспоминания». «Воспоминания» Нехлюдова разнообразны, но все они объединяются одним чувством — «стыдно и гадко». «Он вспомнил свои последние отношения к матери, и эти отношения показались ему ненатуральными и противными. И это было стыдно и гадко. Он вспомнил, как в последнее время ее болезни он прямо желал ее смерти. <...> Желая вызвать в себе

хорошее воспоминание о ней, он взглянул на ее портрет <...> Она была изображена в бархатном платье, с обнаженной грудью <...> Это было уже совсем стыдно и гадко. Что-то было отвратительное и кощунственное в этом изображении матери в виде полуобнаженной красавицы. Это было тем более отвратительно, что в этой же комнате три месяца тому назад лежала эта женщина, ссохшаяся, как мумия <...> Обнаженность груди на портрете напомнила ему другую молодую женщину, которую он видел на днях также обнаженной. Это была Мисси, которая придумала предлог вызвать его вечером к себе, чтобы показаться ему в бальном платье, в котором она ехала на бал. Он с отвращением вспомнил об ее прекрасных плечах и руках. И этот грубый животный отец с своим прошедшим, жестокостью <...> Все это было отвратительно и вместе с тем стыдно. *Стыдно и гадко и стыдно.*

...Нет, нет,— думал он,— освободиться надо, освободиться от всех этих фальшивых отношений и с Корчагиными, и с Марьей Васильевной, и с наследством, и со всем остальным... Да подышать свободно. Уехать за границу <...> И вдруг в его воображении с необыкновенной живостью возникла арестантка с черными косящими глазами. А как она заплакала при последнем слове подсудимых! <...> И одна за другой стали возникать в его воображении минуты, пережитые с нею. Вспомнил он последнее свидание с ней, ту животную страсть, которая в то время овладела им, и то разочарование, которое он испытал, когда страсть была удовлетворена. Вспомнил белое платье с голубой лентой, вспомнил заутреню. „Ведь я любил ее, истинно любил хорошей, чистой любовью в эту ночь, любил еще прежде, да еще как любил тогда, когда я в первый раз жил у тетушек и писал свое сочинение!“ И он вспомнил себя таким, каким он был тогда. На него пахнуло этой свежестью, молодостью, полнотою жизни, и ему стало мучительно грустно» (32, 99–101).

«Воспоминание» героя движется ассоциативно, портрет матери «напоминает» ему о княжне Корчагиной и его отношениях с нею, от мысли о княжне взгляд движется к ее семейству, а значит, к тому светскому кругу, к которому принадлежит Нехлюдов. Желание освобождения от отношений с Мисси вызывает мысль об освобождении от всех ложных отношений, в том числе и с Марьей Васильевной, ложность отношений вызывает мысль о наследстве. Здесь возникает мысль об отъезде за границу и о занятиях живописью как смене внешних условий жизни, и значит, освобождении, но это «ложное» освобождение, так как оно есть лишь перемена места, а настояще освобождение может быть только духовным. Исправить свое положение, по Толстому, возможно только при условии внутреннего обновления.

ления. Занятия искусствами также не оказываются спасительными, эта мысль восходит к толстовскому трактату «Что такое искусство?» и к «Исповеди», по которым искусство — еще один способ отстранения от себя вопросов по-настоящему важных для человека, прежде всего это относится к искусству светскому. В редакции «Воскресения» 1895 г. Толстой заканчивает историю Нехлюдова и Катюши их браком и отъездом за границу, но очень скоро такой финал перестанет устраивать Толстого, перемена места не является спасительной, она есть лишь попытка изменить свою жизнь внешне, так происходит своего рода подмена настоящего решения вопроса, истинное освобождение возможно без подмены внутреннего изменения внешним. Настоящее освобождение возможно при обретении самого себя, и о самом себе говорит Нехлюдову «воспоминание» о Катюше сначала в виде арестантки, затем в образе влюбленной девочки. Нехлюдов «вспоминает» Катюшу, «вспоминает» свою любовь к ней и только тогда «вспоминает» себя «таким, каким он был тогда».

Ассоциативность в «воспоминаниях» героя отходит на второй план: «воспоминания» развиваются строго системно. Мысль героя движется от «настоящего» к «прошлому». «Воспоминание» все дальше уводит сознание героя от «настоящего», как будто освобождаясь от него, медленно снимая те покровы, которые напластировались в его сознании и скрыли от него самое главное — собственную жизнь.

«Воспоминание» после суда оказывается обретением героям собственного слова, оно возможно только при «вспоминании» героем своего истинного, настоящего духовного существа, «такого, каким он был тогда». Здесь автор уступает герою право самому осознать ту разницу, как разделяет его теперь и тогда. «Различие между ним, каким он был тогда и каким он был теперь, было огромно: оно было такое же, если не большее, чем различие между Катюшой в церкви и той проституткой, пьянившей с купцом, которую они судили нынче утром. Тогда он был бодрый, свободный человек, перед которым раскрывались бесконечные возможности, — теперь он чувствовал себя со всех сторон пойманным в тенетах глупой, пустой, бесцельной, ничтожной жизни, из которых он не видел никакого выхода, да даже большей частью и не хотел выходить. Он вспомнил, как он когда-то гордился своей прямотой, как ставил себе когда-то правилом всегда говорить правду и действительно был правдив и как он теперь был весь во лжи — в самой страшной лжи, во лжи, признаваемой всеми людьми, окружающими его, правдой. И не было из этой лжи, по крайней мере, он не видел из этой лжи никакого выхода. И он заглядывал в нее, привык к ней, нежился в ней» (32, 101). Слово-мысль героя вторит слову автора о герое, повторяется оппозиция «тогда-теперь», посредством нее строится осознание

самого себя и своей жизни. Слово героя о себе присоединяется, прикрепляется к слову автора. «Исповедальное» слово становится словом героя. Авторское слово о герое с местоимением «он» превращается в слово героя с местоимением «я». С возвращением своего слова герой восстанавливает свое «я», возвращается к себе. Отметим, что местоимение «я» появляется при воспоминании любви к Катюше. «Нельзя бросить женщину, которую я любил, и удовлетвориться тем, что я заплачу деньги адвокату и избавлю ее от каторги, которой она не заслуживает, загладить вину деньгами, как я тогда думал, что сделал, что должно, дав ей деньги» (32, 101).

Автор акцентирует внимание на слове героя: Нехлюдов говорит вслух, признается в своих грехах в слове устном. «Ах, эти деньги! — с ужасом и отвращением, таким же, как и тогда, вспоминал он эту минуту. — Ах, ах! Какая гадость! — так же, как и тогда, вслух проговорил он. — Только мерзавец, негодяй мог это сделать! И я, я тот негодяй и тот мерзавец! — вслух заговорил он. — Да неужели в самом деле, — он остановился на ходу, — неужели я в самом деле, неужели я точно негодяй? А то кто же? — ответил он себе. — Да разве это одно? — продолжал он уличать себя. — Разве не гадость, не низость твое отношение к Марье Васильевне и ее мужу? И твое отношение к имуществу? Под предлогом, что деньги от матери, пользоваться богатством, которое считаешь незаконным. И вся твоя праздная, скверная жизнь. И венец всего — твой поступок с Катюшой. Негодяй, мерзавец! Они (люди), как хотят, пусть судят обо мне, их я могу обмануть, но себя-то я не обману» (32, 101—102).

Слово устное, обращенное к себе самому, слово разоблачительное является началом «покаянного» слова, которое, в свою очередь, составляет неотъемлемую часть исповеди. Здесь важна та особенность исповедального слова, что истинным словом исповеди является лишь то, в котором присутствует универсальная правда. «Текст исповеди возникает только тогда, когда необходимость покаяния перед Богом выливается в покаяние перед самим собой»²².

Признание своих грехов ведет Нехлюдова к желанию покаяться перед всеми. «Разорву эту ложь, связывающую меня, чего бы это мне ни стоило, и признаю все и всем скажу правду и сделаю правду, решительно вслух сказал он себе. — Скажу правду Мисси, что я распутник и не могу жениться на ней и только напрасно тревожил ее; скажу Марье Васильевне (жене предводителя). Впрочем, ей нечего говорить, скажу ее мужу, что я негодяй, обманывал его. С наследством распоряжусь так, чтобы признать правду. Скажу ей, Катюше, что я негодяй, виноват перед ней, и сделаю все, что могу, чтобы облегчить ее судьбу. Да, увижу ее и буду просить ее простить меня. Да,

буду просить прощения, как дети просят.— Он остановился.— Женюсь на ней, если это нужно» (32, 103).

Действительно, Нехлюдовым будет руководить желание «покаяния». На следующий день Нехлюдов расскажет Аграфене Петровне о своей встрече в суде. «Он вдруг багрово покраснел. „Да, надо сказать ей,— подумал он,— нечего умалчивать, а надо все всем сказать“» (32, 118). Всю жизнь Нехлюдова в этот период пронизывает жажда покаяния: «...он чувствовал и к Аграфене Петровне и к Корнею ласковое и уважительное чувство. Ему хотелось покаяться и перед Корнеем...» (32, 119). На следующем заседании суда Нехлюдов чувствует потребность публичного признания. «По-настоящему,— думал он,— вчера во время суда надо было встать и публично объявить свою вину» (32, 120). Но слово покаянное труднодается герою. В признании прокурору состояние Нехлюдова подчеркнуто автором:

«— Но мне нужно видеть ее как можно скорее,— дрожа нижней челюстью, сказал Нехлюдов, чувствуя приближение решительной минуты.

— Для чего же вам это нужно? — поднимая с некоторым беспокойством брови, спросил прокурор.

— Для того, что она невинна и приговорена к каторге. Виновник же всего я,— говорил Нехлюдов дрожащим голосом, чувствуя вместе с тем, что он говорит то, чего не нужно бы говорить» (32, 125).

Нехлюдов возобновляет писание дневника, текст-признание теперь существует и в слове письменном. «Приехав домой, он тотчас же достал свои давно нетронутые дневники, перечел некоторые места из них и записал следующее: „Два года не писал дневника и думал, что никогда уже не вернусь к этому ребячеству. А это было не ребячество, а беседа с собой, с тем истинным, божественным собой, которое живет в каждом человеке. Все время это я спал, и мне не с кем было беседовать. Пробудило его необыкновенное событие 28-го апреля, в суде, где я был присяжным. Я на скамье подсудимых увидел ее, обманутую мною Катюшу, в арестантском халате. По странному недоразумению и по моей ошибке ее приговорили к каторге. Я сейчас был у прокурора и в тюрьме. Меня не пустили к ней, но я решил все сделать, чтобы увидеть ее, покаяться перед ней и загладить свою вину хотя женитьбой. Господи, помоги мне! Мне очень хорошо, радостно на душе“» (32, 129).

При первом свидании с Катюшой Масловой признание состоялось, так как голос разума подсказал, что «он должен нести стыд». Само признание затруднено внешними обстоятельствами: герои вынуждены говорить через две решетки, которые разделяют их, кроме того, их голоса перебивают другие посетители и арестанты.

«— Не слыхать, что говорите,— прокричала она, щурясь и все больше и больше морща лоб.

Я пришел...

«Да, я делаю то, что должно, я каюсь»,— подумал Нехлюдов. И только что он подумал это, слезы выступили ему на глаза, подступили к горлу, и он, зацепившись пальцами за решетку, замолчал, делая усилие, чтобы не разрыдаться.

— Я говорю: зачем встреваешь, куда не должно...— кричали с одной стороны.

— Верь ты Богу, знать не знаю,— кричала арестантка с другой стороны.

Увидав его волнение, Маслова узнала его.

— Похоже, да не признаю,— закричала она, не глядя на него, и покрасневшее вдруг лицо ее стало еще мрачнее.

— Я пришел затем, чтобы просить у тебя прощения,— прокричал он громким голосом, без интонации, как заученный урок» (32, 146—147).

Голос признания, раскаяния потонул в общем шуме и не достиг своей цели. В то время как Нехлюдов пытается говорить о прошлом, просить прощения у Масловой, героиня следит за его рукой, держащей десятирублевую бумажку.

«— Катюша! Я пришел к тебе просить прощения, а ты не ответила мне, простила ли ты меня, простишь ли ты меня когда-нибудь,— сказал он, вдруг переходя на ты.

Она не слушала его, а глядела то на его руку, то на смотрителя. Когда смотритель отвернулся, она быстро протянула к нему руку, схватила бумажку и положила за пояс» (32, 150).

Но дело не только во внешних преградах и препятствиях, разделяющих героев, решетка, которая отделяет, отдаляет героев, является воплощением преграды духовной. Эта преграда стоит между Катюшой и Нехлюдовым, героями, утратившими любовь ночи Светло-Христова Воскресения, в которой «он сливался с нею в одно» (32, 103). Эта же преграда является преградой между прошлым и настоящим героев. Наконец, это преграда, разделяющая истинное покаянное слово и слово Нехлюдова.

«Воспоминания» своего прошлого, взгляд Катюши обращают мысль героя к самому себе, он многократно повторяет — «своя вина». Взгляд «внутрь себя» позволяет герою увидеть то истинное начало, которое есть в нем, почувствовать в себе Бога. «Он молился, просил Бога помочь ему, вселиться в него и очистить его, а между тем то, о чем он просил, уже совершилось в его сознании. Он почувствовал себя им и потому почувствовал не только свободу, бодрость и радость

жизни, но почувствовал все могущество добра. Все, все самое лучшее, что только мог сделать человек, он почувствовал себя теперь способным сделать» (32, 103). Но здесь кроется еще одна опасность: рассуждая о собственной вине, герой говорит только о своей жизни, о своей ошибке, и нуждается в очищении себя самого. Это чувствует Катюша и говорит, может быть, не вполне справедливо: «Ты мной в этой жизни услаждался, мной же хочешь и на том свете спастись!» (32, 166). Покаяние Нехлюдова на этом этапе творится «ради себя самого», а покаяние исповедальное должно осуществляться ради всеобщего смысла, ради торжества добра самого по себе, а не личного добра. «Исповедь всегда обостряет глубину душевной жизни <...> В себе самом человек видел грешника вообще, борьбу добродетелей с пороками, усилие воли и благодать — все, что таким же было и у других»²³. В своем грехе герой должен прозреть свое приобщение к всеобщему злу, искать не личного искупления и спасения, а торжества высшего добра в себе, осуществления этого добра через свою жизнь. Путь Нехлюдова в пространстве романа — это поиск универсального добра, которое оказывается спасительным и для героя. Путь героя пролегает от заботы о своей жизни к заботе о других людях. «Прежде надо было придумывать, что делать, и интерес дела был всегда один и тот же — Дмитрий Иванович Нехлюдов; а между тем, несмотря на то, что весь интерес жизни сосредотачивался тогда на Дмитрии Ивановиче, все дела эти были скучны. Теперь все дела касались других людей, а не Дмитрия Ивановича, и все были интересны и увлекательны, и дел этих было пропасть» (32, 310). Этот же мотив возникает в конце повести «Отец Сергий» и имеет следующий смысл: «Пашенька именно то, что я должен был быть и чем я не был. Я жил для людей под предлогом Бога, она живет для Бога, воображая, что она живет для людей» (31, 44). Жить для других — это значит исполнять волю Бога, жить ради себя — отступать от его воли.

Путь-воспоминание, которое проделал Нехлюдов, открыло его взгляду понимание истинного пути и всеобщей несправедливости. Взгляд на второе заседание суда автор препоручает своему герою и отмечает «живость и ясность», с которой все видят Нехлюдов. «Такое же опасное существо, как вчерашняя преступница, — думал Нехлюдов, слушая все, что происходило перед ним. — Они опасные, а мы не опасные? <...> Ведь очевидно, что мальчик этот не какой-то особенный злодей, а самый обыкновенный — это видят все — человек и что стал он тем, что есть, только потому, что находился в таких условиях, которые порождают таких людей. И потому, кажется, ясно, что, для того чтобы не было таких мальчиков, нужно постараться уничтожить те условия, при которых образуются такие несчаст-

ные существа» (32, 122–123). Слово героя продолжает слово автора, и направлено это слово и взгляд героя не только в себя, но и вокруг себя. Осмысление зла личного сцепляется с осмыслением зла всеобщего. «Воспоминание» приближает героя к пониманию смысла вещей, превращаясь в «память-смысл».

Взгляд героя при помощи «воспоминания» сцепляет картины, которые он видит, и позволяет увидеть жизненные ситуации под призмой вечного неизменного смысла. «Он вспомнил теперь, как в Кузминском на него нашло искушение, и он стал жалеть и дом, и лес, и хозяйство, и землю и спросил себя теперь: жалеет ли он? И ему даже странно было, что он мог жалеть. Он вспомнил все, что видел нынче: и женщину с детьми без мужа, посаженного в острог за поблудку в его, нехлюдовском, лесу, и ужасную Матрену, считавшую или по крайней мере говорившую, что женщины их состояния должны отдаваться в любовницы господам; вспомнил отношение ее к детям, приемы отвоза их в воспитательный дом, и этот несчастный, старческий, улыбающийся, умирающий от недокорма ребенок в скуфеечке; вспомнил эту беременную, слабую женщину, которую должны были заставить работать на него за то, что она, измученная трудами, не усмотрела за своей голодной коровой. И тут же вспомнил острог, бритые головы, камеры, отвратительный запах, цепи и рядом с этим — безумную роскошь своей и всей городской, столичной, господской жизни. Все было совсем ясно и несомненно» (32, 225).

В тот момент, когда при помощи «воспоминания» у героя открывается зрение на себя и окружающий мир, приходит и понимание того, что нужно делать. «Воспоминание» становится «пониманием». «Да, да,— думал он.— Дело, которое делается нашей жизнью, все дело, весь смысъ этого дела непонятен и не может быть понятен мне: зачем были тетушки; зачем Николенька Иртеньев умер, а я живу? Зачем была Катюша? И мое сумасшествие? Зачем была эта война? И вся моя последующая беспутная жизнь? Все это понять, понять все дело хозяина — не в моей власти. Но делать его волю, написанную в моей совести,— это в моей власти, и это я знаю несомненно. И когда делаю, несомненно спокоен» (32, 226).

Минуты просветления сменяются минутами отчаяния и искушения. Путь к жизни истинной лежит через испытания, но за личным испытанием угадывается универсальный порядок вещей, общечеловеческие истины, к которым приобщается герой.

Одним из искушений, которые предстоит преодолеть герою, становится жалость своего состояния, земли, которую он собирается отдать крестьянам. «Все это так,— говорил другой голос,— но, во-первых, ты не проведешь же всей жизни в Сибири. Если же ты

женившись, то у тебя могут быть дети. И как ты получил имение в порядке, ты должен таким же передать его. Есть обязанность к земле. Отдать, уничтожить все очень легко, завести же все очень трудно... Потом — истинно ли ты перед своей совестью поступаешь так, как ты поступаешь, или делаешь это для людей, для того, чтобы похвалиться перед ними? — спрашивал себя Нехлюдов и не мог не признаться, что то, что будут говорить о нем люди, имело влияние на его решение. И чем больше он думал, тем больше и больше поднималось вопросов и тем они становились неразрешимее» (32, 202). Факт отказа от земли, от владения землей, имеет, кроме социального, метафизический смысл, а потому так важен в исповедальном контексте. «Земля» не может принадлежать отдельному человеку, так рассуждает Нехлюдов, вспоминая свое увлечение трудами Генри Джорджа — это характеристика социального смысла поступка героя. На следующее утро после ночных сомнений Нехлюдов просыпается, и автор отмечает: «Нехлюдов вскочил с постели, опомниаясь. Вчерашних чувств сожаления о том, что он отдает землю и уничтожает хозяйство, не было и следа. Он с удивлением вспоминал о них теперь» (32, 203). Смысл отказа от владения землей имеет значение признания истинного хозяина над землей и людьми, человек не может быть хозяином земли, как и своей жизни, так как всем управляет единый *Хозяин*. В этом плане слово «опомниаясь», кроме психологического смысла, имеет смысл — «вспомнить» о Боге, вспомнить истинный смысл своей жизни.

Другим этапом сомнения и искушения станет встреча в Петербурге с Mariette. Герой попадает под влияние города, который «производил на него свое обычное, физически подбадривающее и нравственно-притупляющее впечатление: все так чисто, удобно, благоустроено, главное — люди так нравственно нетребовательны, что жизнь кажется особенно легкой» (32, 254). Именно так подействует на Нехлюдова город после разговора с Mariette. «В эту ночь, когда Нехлюдов, оставшись один в своей комнате, лег в постель и потушил свечу, он долго не мог заснуть. Вспоминая о Масловой, о решении Сената и о том, что он все-таки решил ехать за нею, о своем отказе от права на землю, ему вдруг, как ответ на эти вопросы, представилось лицо Mariette, ее вздох и взгляд, когда она сказала: „Когда я вас увижу опять?“, и ее улыбка, — с такою ясностью, что он как будто видел ее, и сам улыбнулся. „Хорошо ли я сделаю, уехав в Сибирь? И хорошо ли сделаю, лишив себя богатства?“ — спросил он себя.

И ответы на эти вопросы в эту светлую петербургскую ночь, видневшуюся сквозь неплотно опущенную штору, были неопределенные. Все спуталось в его голове. Он вызвал в себе прежнее настроение и

вспомнил прежний ход мыслей; но мысли эти уже не имели прежней силы убедительности» (32, 289).

Разговор Нехлюдова с Mariette в гостиной графини Катерины Ивановны в одно мгновение развеет те смыслы, к которым долго пробивался герой. «Слово» в этой сцене прекращает свое существование в связи со смыслом. «Слово» становится завесой для нового грехопадения, превращается в «слово-искушение».

«...Но я понимаю еще и то, что, увидев все страдания, весь ужас того, что делается в тюрьмах,— говорила Mariette, желая только одного — привлечь его к себе, своим женским чутьем угадывая то, что было ему важно и дорого,— вы хотите помочь страдающим и страдающим так ужасно, так ужасно от людей, от равнодушия, жестокости... Я понимаю, как можно отдать за это жизнь, и сама бы отдала. Но у каждого своя судьба...

— Разве вы не довольны своей судьбой?

— Я? — спросила она, как будто пораженная удивлением, что можно об этом спрашивать.— Я должна быть довольна — и довольна. Но есть червяк, который просыпается...

— И ему не надо давать засыпать, надо верить этому голосу,— сказал Нехлюдов, совершенно поддавшись ее обману» (32, 288).

Авторское слово восстанавливает истинный смысл происходящего, не позволяет читателю поддаться обману «слов», как это происходит с героем. В повествовании происходит временной сдвиг, который вводит категорию «памяти». «Потом много раз Нехлюдов с стыдом вспоминал весь свой разговор с ней; вспоминал ее не столько лживые, сколько поддельные под него слова и то лицо — будто бы умиленного внимания, с которым она слушала его, когда он рассказывал ей про ужасы острога и про свои впечатления в деревне» (32, 288–289). Авторское слово позволяет заглянуть в неопределенное будущее, через которое посредством памяти истинное значение этого разговора станет принадлежностью героя. Автор фиксирует в поддавшемся искушению герое возможность преодоления искушительного порыва, и это преодоление свершается в «воспоминании». «Воспоминание» вновь становится «пониманием». «Первое чувство Нехлюдова, когда он проснулся на другое утро, было то, что он накануне сделал какую-то гадость.

Он стал вспоминать: гадости не было, поступка не было дурного, но были мысли, дурные мысли, дурные мысли о том, что все его теперешние намерения — женитьбы на Катюше и отдачи земли крестьянам,— что все это неосуществимые мечты, что всего этого он не выдержит, что все это искусственно, неестественно, а надо жить, как жил» (32, 290).

По-настоящему обретенным смыслом произошедшего события станет в «воспоминании», которое соединит внешне разные, но внутренне связанные впечатления. Улыбка проститутки на улице соединится в сознании героя с образом Mariette, покажет события минувшего дня в настоящем свете и вызовет собственные «постыдные воспоминания» о связи с женой предводителя. Личное впечатление приобретет универсальность через «воспоминание-смысла». «Так же и та в театре улыбнулась мне, когда я вошел,— думал он,— и тот же смысл был в той и в этой улыбке. Разница только в том, что эта говорит просто и прямо: „Нужна я тебе — бери меня. Не нужна — проходи мимо“. Та же притворяется, что она не об этом думает, а живет какими-то высшими, утонченными чувствами, а в основе то же. Эта по крайней мере правдива, а та лжет... Нехлюдов вспомнил свою связь с женой предводителя, и на него нахлынули постыдные воспоминания.— Отвратительная животность зверя в человеке,— думал он,— но когда она в чистом виде, ты с высоты своей духовной жизни видишь и презираешь ее, пали, или устоял, ты остаешься тем, чем был; но когда это же животное скрывается под мнимо эстетической, поэтической оболочкой и требует перед собой преклонения, тогда, обоготворяя животное, ты весь уходишь в него, не различая уже хорошего от дурного. Тогда это ужасно» (32, 303).

Преодоление животного, плотского начала ради духовного, божественного в человеке превращается из абстрактного утверждения в открытие, в самостоятельное обретение героя.

Последним искушением для героя станет внешне безобидная картина счастливой семейной жизни, которую наблюдает Нехлюдов у генерала в Сибири. Роскошь и интересная беседа подготавливают почву для сомнений героя. Когда он рассматривает детей, которых показывает счастливая мать, в сознании Нехлюдова возникают картины его нынешней жизни, в которой нет ни изящества, ни спокойного семейного счастья. Контраст рождает сожаление и зависть. «Нехлюдов вспомнил цепи, бритые головы, побои, разврат, умирающего Крыльцова, Катюшу со всем ее прошедшим. И ему стало завидно и захотелось себе такого же изящного, чистого, как ему казалось теперь, счастья» (32, 430). Эта же мысль возникает у героя при виде Катюши Масловой на следующий день: «„Я жить хочу, хочу семьью, детей, хочу человеческой жизни“, — мелькнуло у него в голове...» (32, 431).

В контексте позднего творчества Толстого мысль о семейном благополучии и счастье также является искушительной. Идея отказа от семейного счастья особенно значима в свете последнего «ухода» самого Толстого, и смысл ее проясняется через евангельский сюжет отказа от семьи, от родственных связей, от прежней жизни. К. Кедров в статье

«„Уход“ и „воскресение“ героев Толстого» соотносит повторяющийся сюжет «ухода» героев Толстого с евангельским текстом и легендой о страннике²⁴. Сопрягая художественный образ ухода героев Толстого и биографический уход писателя, К. Кедров отмечает, что творится этот уход не ради прошлого, которое позади, а ради будущего. «Семантика ухода в истории мировой культуры в какой-то степени всегда однозначна. Уходят, когда исчерпан запас этических ценностей дряхлой цивилизации. На пороге брезжит что-то новое, какой-то „свет невечерний“. Ценности нового мира и новой цивилизации выражены пока лишь через отрицание старой <...> Вектор ухода Толстого простирается не в прошлое, а в будущее»²⁵. Сюжет «ухода» оказывается неразрывно связан с обретением нового смысла жизни.

При последнем разговоре Нехлюдова с Катюшой Масловой в тексте романа героиня проговаривает то самое, что чувствовал и о чем сожалел Нехлюдов. «Нет, вы меня, Дмитрий Иванович, простите, если я не то делаю, что вы хотите,— сказала она, глядя ему в глаза своим косым таинственным взглядом.— Да, видно, уж так выходит. И вам жить надо» (32, 432). Но Нехлюдов сожалеет теперь уже о другом: «Ему не только было стыдно, но было жалко всего того, что он терял с нею» (32, 432).

Исповедальный контекст требует от героя отрещения от активной деятельности и одиночества. Герою предстоит сделать шаг от размышлений о личной судьбе к вопросу о добре и зле всеобщем, об универсальных законах человеческой жизни. «Дело его с Катюшой было кончено. Он был не нужен ей, и ему это было и грустно и стыдно. Но не это теперь мучало его. Другое его дело не только не было кончено, но сильнее, чем когда-нибудь, мучало его и требовало от него деятельности <...> В воображении его восстали эти запертые в зараженном воздухе сотни и тысячи опозоренных людей, запираемые равнодушными генералами, прокурорами, смотрителями, вспоминался странный, обличающий начальство свободный старик, признаваемый сумасшедшим, и среди трупов прекрасное мертвое восковое лицо в озлоблении умершего Крыльцова...» (32, 444). Воспоминания связывают разрозненные наблюдения героя в картину, имеющую один общий смысл, который теперь ощущается, но еще не выговорен героем. Общая правда, к которой движется герой, проясняется в тексте романа через слово Евангелия, «данного ему на память англичанином». Евангелие случайно и закономерно оказывается на столе Нехлюдова, оно дано «на память» и «для памяти». Фигура речи «на память» в контексте разговора о памяти становится смыслообразующей: память возвращается к герою, память о законах бытия, из которых проясняется единственно верный смысл человеческой жизни. Чтение

Евангелия сопровождается чувством, что «все, что он читал, казалось ему знакомо, казалось, подтверждало, приводило в сознание то, что он знал уже давно, прежде, но не сознавал вполне и не верил. Теперь же он сознавал и верил» (448).

Обретением высшего смысла заканчивается этап жизни героя, охарактеризованный нами как «жизнь-исповедь». «Воспоминание» на этом этапе жизни героя играет роль созидающего начала, которое осуществляется ради «памяти-смысла». «Память-смысл» — это память о Боге, которого «забывают» виноградари и которая должна осветить «новый период» жизни героя. Исповедальный дискурс достиг своей цели — приобщился к истине Евангелия, слово героя становится словом, осмысливающим текст Евангелия. Универсальная авторская идея романа стала личным обретением героя.

Становление исповедального дискурса в романе Толстого взаимообусловило такие значимые категории поэтики, как композицию и характерологию. «Воспоминание» как обязательная составляющая исповедального дискурса, обуславливая композиционный строй и особенности характеров, преодолевает значение мотива и приобретает качество основополагающего элемента поэтики последнего толстовского романа.

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб., 1996. Т. 2. С. 633.

² Термин культурная память восходит к концепции культуры Ю. М. Лотмана. По мнению исследователя, «культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память». В кн.: Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Wiener slawistischer almanach. Band 16, 1985. S. 5–9. Вслед концепции Лотмана этот термин использует Д. Э. Томпсон в кн.: «Братья Карамазовы» и поэтика памяти. СПб., 2000.

³ Кони А. Ф. Л. Н. Толстой // Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 188.

⁴ Словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. С. 214.

⁵ Бердяев Н. А. Самопознание. Л., 1991. С. 21–24.

⁶ Фарыно Е. «Я ПОМНЮ (чудное мгновенье...)» и «Я (слово...) ПОЗАБЫЛ» // Wiener slawistischer almanach. Band 16. 1985. S. 34–35.

⁷ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 398.

⁸ Кузина Л. Н. Художественное завещание Льва Толстого. Поэтика Толстого конца XIX — начала XX века. М., 1993. С. 118.

⁹ Уваров М. Архитектоника исповедального слова. СПб., 1998. С. 27.

¹⁰ Рабинович В. Исповедь книгочая, который учил букве, а укреплял дух. М., 1991. С. 228.

¹¹ Аврелий Августин. Исповедь. СПб., 1999. С. 31.

¹² Там же. С. 41.

¹³ Там же. С. 42.

¹⁴ Там же. С. 34.

¹⁵ Рабинович В. С. 223.

¹⁶ Там же. С. 223.

¹⁷ Там же. С. 223.

¹⁸ Термин «жизнь-исповедь» введен М. Уваровым в кн.: Уваров М. Архитектоника исповедального слова. Ср. термин М. М. Бахтина «биография-исповедь» в кн.: Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 206–207.

¹⁹ Рабинович В. С. 239–240.

²⁰ О своеобразии использования структуры притчи в «Исповеди» Толстого см. работу Николаевой Е. В. Притча в творчестве Л. Толстого // Литература Древней Руси. Межвузовский сб. научн. трудов. М., 1988. С. 114–128.

²¹ Уваров М. С. 26.

²² Там же. С. 24.

²³ Там же. С. 64.

²⁴ Кедров К. «Уход» и «воскресение» героев Толстого // В мире Толстого. М., 1978. С. 248–274.

²⁵ Там же. С. 272–273.

Такаси Фудзинума

ПРОТОТИП АННЫ КАРЕНИНОЙ

1

История изучения прототипов Анны Карениной относительно скучная. Почти все исследователи и комментаторы «Анны Карениной» затрагивают данный вопрос, но, насколько мне известно, все авторы повторяют то, что уже давно сказано. До сих пор указаны только три варианта прототипа Анны: одна из них — дочь А. С. Пушкина Мария Александровна Гартунг, вторая — Анна Степановна Пирогова, любовница соседа Толстого по имению А. Н. Бибикова, и третья — М. А. Сухотина (урожденная Дьякова, по второму мужу — Ладыженская (Лодыженская), сестра друга Толстого Д. А. Дьякова и жена многолетнего знакомого Толстого М. С. Сухотина.

О первых двух «прототипах» Анны упомянул П. И. Бирюков еще в 1908 г. — в своей «Биографии Л. Н. Толстого»¹. Основанием предположений Бирюкова явились слова свояченицы Толстого Т. А. Кузминской. Она написала о Гартунг в своих воспоминаниях «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне»: «Дверь отворилась, и вошла незнакомая дама в черном кружевном платье. Ее легкая походка легко несла ее довольно полную, но прямую и изящную фигуру. <...>

— Кто это? — спросил он (Лев Николаевич. — Т. Ф.), подходя ко мне.

— М-те Гартунг, дочь поэта Пушкина.

— Да, да, — протянул он, — теперь я понимаю... Ты посмотри, какие у нее арабские завитки на затылке. Удивительно породистые. <...> она послужила ему типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, а наружностью. Он сам признавал это»².

Кузминская сама признает, что Гартунг послужила Толстому типом (не прототипом) Анны Карениной только наружностью. Кроме того, отмечая сходство между Гартунг и Карениной, Кузминская совсем не описывает наружность первой, только передает слова Толстого: «какие у нее арабские завитки на затылке». Об этой детали бытует мнение: «Без этой характерной детали — это в романе «колечки курчавых волос, всегда выбивавшихся на затылке и висках» — трудно представить себе облик Анны». Невозможно оспаривать такое

субъективное высказывание о своем впечатлении. Но также невозможно оспорить другое, не менее субъективное мнение: «Я бы не придал такого большого значения этой детали».

Кузминская довольно впечатляюще описывает еще одну деталь — «легкую походку» Гартунг, которая «несла ее довольно полную, но прямую и изящную фигуру». Эти слова очень близки к выражениям в «Анне Карениной»: «Она вышла быстрою походкой, так странно легко носившею ее довольно полное тело» (18, 69). Известно, что Т. А. Кузминская писала свои мемуары в конце жизни; «Анна Каренина» была не только напечатана, но известна во всем мире, однако это опять-таки деталь, которая не может сделать какого-либо реального человека прототипом литературного персонажа. Гартунг, может быть, послужила одной из ряда основ для создания внешнего образа Анны, но она не достойна названия «прототипа».

Вторым вариантом прототипа Анны Карениной является Анна Степановна Пирогова, знакомая Льва и Софьи Толстых. О ней тоже упоминает Бирюков в своей «Биографии Льва Толстого»³. Основой его предположения в данном случае послужило письмо Софьи Андреевны к сестре Татьяне от 18 января 1872 г. Она пишет: «Еще у нас в Ясенках случилась драматическая история. Ты помнишь у Бибикова Анну Степановну? Ну, вот эта Анна Степановна ревновала к Бибикову всех гувернанток. Наконец, к последней она так ревновала, что Александр Николаевич рассердился и поссорился с ней. <...> Анна Степановна бросилась под поезд и ее раздавил поезд до смерти. <...> Левочка с дядей К. ездили смотреть, как ее анатомировали»⁴. Потом Софья Андреевна почти то же самое повторяет в параграфе своего дневника, озаглавленном: «Почему Каренина Анна и что навело на мысль о подобном самоубийстве»⁵.

Слова Софьи Андреевны подтверждены объективными материалами. 8 января 1872 г. в «Тульских губернских ведомостях» появилось следующее сообщение: «4 сего января в 7 ч. вечера неизвестная молодая женщина, прилично одетая, прибыв на ст. Ясенки Московско-Курской ж. д. в Крапивенском уезде, подошла к рельсам и во время прохода товарного поезда № 77, перекрестясь, бросилась на рельсы под поезд, которым была перерезана пополам. О происшествии этом производится дознание».

Софья Андреевна утверждает, что это происшествие навело Толстого на мысль о самоубийстве героини и заставило его дать ей имя Анна. Однако комментатор «Дневников Софьи Андреевны» издания 1978 г. относится с сомнением к ее предположению, ссылаясь на то, что в первых черновых редакциях романа героиня носила имя не Анна, а Татьяна.

На мой взгляд, не менее сомнительно то, что история с Пироговой навела писателя на мысль о самоубийстве героини. Не только в романе «Анна Каренина», но и в повести «Крейцерова соната» и романе «Воскресение» железные дороги и поезда имеют большое значение как символ духа «железной эпохи», главной чертой которой является бесчеловечность. В «Анне Карениной» смерть под колесами поезда происходит уже в начале романа. Кроме того, героиня не только умирает под поездом, но и встречается с Вронским в поезде и слушает его первое признание в любви тоже в поезде. Смысл смерти героини должен пониматься в контексте всей цепи многих моментов, связанных с железной дорогой и поездом. Предположение, что Толстой, случайно узнав о несчастной смерти одной знакомой, пришел к мысли о finale романа, противоречит глубокому смыслу смерти Анны на «железной» дороге и под «железным» поездом. Здесь уместно вспомнить, что сам автор заболел смертельной болезнью в поезде и умер на станции железной дороги.

Кроме того, Пирогова во многих отношениях не совпадает с Анной. Анна — аристократка и законная жена высокопоставленного чиновника, Пирогова — женщина простонародного происхождения и любовница небогатого помещика; Анна сама изменила мужу и пожертвовала всем ради своей любви. А Пирогова брошена любовником и сама стала жертвой его новой любви. Они так различаются друг от друга, что трудно найти что-либо общее между ними, кроме несчастной смерти.

О М. А. Сухотиной как о прототипе Анны пишет Э. Г. Бабаев: «По свидетельству современников, прототипом Каренина был „рассудительный“ Михаил Сергеевич Сухотин, камергер, советник Московской дворцовой конторы. В 1868 году его жена, Мария Алексеевна Сухотина, добилась развода и вышла замуж за С. А. Ладыженского. Толстой был дружен с братом Марии Александровны — Д. А. Дьяковым и знал об этой семейной истории, которая отчасти могла послужить материалом для описания Каренина»⁶. Кстати, Мария Николаевна, сестра Толстого, в своем письме упоминает о Сухотиной-Ладыженской как о типе Анны Карениной⁷.

Однако нетрудно найти много «прототипов» Анны с такой степенью вероятности. Например, С. А. Экштут в своей книге «Надин, или Роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции», выпущенной в Москве в 2001 г., без всякой претензии на научную ценность, но все же с некоторой утвердительностью связывает историю любви Н. С. Акинфовой, А. М. Горчакова и герцога Н. М. Лейхтенбергского с романом «Анна Каренина».

Вообще, прототипами могут стать люди, которых автор хорошо знает. В этом отношении «Анна Каренина» является типичным про-

изведением. Как многие исследователи единогласно признают, Левин — сам Толстой, Кити — Софья Андреевна. По утверждениям Гусева⁸, Облонский — Л. Д. Оболенский, муж племянницы Толстого Елизаветы Валериановны (второй дочери сестры Толстого Марии), Долли — другая племянница автора Варвара Валериановна Нагорнова (первая дочь сестры Марии), брат Николай — брат автора Дмитрий, Коэнышев — И. С. Тургенев. У Каренина есть два прототипа — многолетний знакомый автора М. С. Сухотин и свояк А. М. Кузминский. Одним из прототипов Вронского считается известный писатель А. К. Толстой, у которого была драматическая история любви. Странно и неестественно, что Толстой выбрал прототип самого главного лица произведения из не очень близких людей.

Неужели не было женщины вокруг Толстого, которая могла быть прототипом Анны Карениной? Ответ недвусмысленный: «Конечно, была».

2

Роман «Анна Каренина» написан в 70-х гг., но Толстой взял материалы романа из жизни 60-х гг. Как хорошо известно, в романе действие происходит в годы, когда в России «все переворотилось и только укладывается». Как раз в эти годы в семейном кругу Толстых произошли одна за другой сложные истории, связанные с любовью и семейной жизнью.

В 1861 г. яснополянская крестьянка Аксинья, с которой Толстой имел связь несколько лет, родила ребенка. Среди крестьян ходили слухи, что отцом этого ребенка был Толстой. Сын Аксиньи получил прозвище «граф» после того, как он повзрослел (52, 130). Толстой об этом знал и с болью в сердце вспоминал о своем прошлом (57, 218).

В 1863 году сестра Толстого Мария⁹, которая тогда жила за границей, родила ребенка от незаконного мужа. За шесть лет до этого Мария порвала с мужем, но муж не давал ей развода. У Марии расстроилось здоровье, и она по совету врачей уехала для лечения за границу. Там она, познакомившись с молодым шведом по имени Гектор де Клен, стала жить с ним. Когда у нее родился ребенок, она еще не получила развод от бывшего мужа. Женщина из благородной семьи родила внебрачного ребенка! Этот большой «скандал» нанес ее родственникам, начиная с Льва Николаевича, такой сильный удар, какой трудно представить себе нам, обычным людям ХХI в.

К концу этого же 1863 г. зарождалась серьезная любовь между братом писателя Сергеем и младшей сестрой Софьи Андреевны Татьяной¹⁰. Они решили пожениться, несмотря на большую разницу в возрасте (Сергей старше Татьяны на 20 лет). Сергей уже 16 лет жил

с женщиной цыганского происхождения, Машей Шишкиной. У них было двое детей и ожидалось рождение третьего ребенка. В то время многие молодые люди из дворянских семей имели постоянную или не-постоянную связь с женщинами низкого происхождения до «нормальной» женитьбы. Связь с сожительницами или любовницами не могла быть непреодолимым препятствием к женитьбе. Поэтому неудивительно, что сами Сергей и Татьяна, не считая свою любовь ненравственной, решили пожениться, и близкие с ними люди, в том числе и Софья Андреевна, даже приветствовали их решение. Но, в конце концов, в июне 1865 года Татьяна послала Сергею письмо, в котором передала свой отказ выйти замуж за него. Неожиданное решение Татьяны удивило и огорчило окружающих ее людей. Софья Андреевна даже написала в дневнике: «Сережа обманул Таню. Он поступил как самый подлый человек». Но Толстой восхитился «великодушным, высоким поступком» свояченицы (61, 87). Кроме того, Татьяна пришла к своему решению, может быть, под воздействием Толстого, хотя сам Толстой отрицал это (61, 87, 90).

Все эти истории в той или иной степени отражаются на произведениях Толстого. Уже давноочно установилось мнение, что в основе повести «Дьявол» лежит любовь Толстого к Аксинье. Любовь же Сергея и Татьяны не имеет прямого отражения ни в одном из произведений Толстого. Однако письма и дневник Льва Толстого в эти годы и другие материалы свидетельствуют, что в связи с любовью Сергея и Татьяны он глубоко задумывался над вопросом: «любовь или мораль?». Процессы и результаты его размышлений об этом вопросе составили важную часть основы сюжета «Анны Карениной», хотя в пределах данной статьи я не могу остановиться на этом сложном вопросе.

Сложная семейная жизнь и любовная история единственной сестры Толстого, Марии Николаевны, явилась стержнем сюжета именно «Анны Карениной», и сама Мария послужила брату основой создания образа Анны. До сих пор мало кто обращал внимание на эти очень важные моменты создания романа, но это совсем неудивительно. Дело в том, что все материалы, касающиеся этих фактов, как позорных семейных секретов, долгие годы не публиковали, и люди, знаяшие об этих фактах, сохраняли молчание.

Даже любовь Сергея и Татьяны, в которой, собственно говоря, нет ничего позорного, не открывалась перед публикой. О ней впервые упомянул Бирюков в 1923 г. в своей «Биографии Л. Н. Толстого», потом сама Татьяна Кузминская рассказала в воспоминаниях, изданных в 1925 г.¹¹ Значит, любовь Сергея и Татьяны стала известна почти через полвека после того, как все это произошло. Естественно, что история с Марией, которая была позором для рода Толстых, еще дольше

не представлялась публике. Часть материалов, то есть письма Толстого, касающиеся этой любви, были впервые опубликованы в 1953 г., в 61-м томе Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Но письма самой Марии опубликованы еще через десятки лет, в 1990 г., в сборнике «Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями».

Во вступительной статье к этому сборнику писем Л. Д. Опульская впервые указала на тесную связь жизни Марии Николаевны с романом «Анна Каренина»: «Переписка с сестрой тех лет, когда она жила за границей и родила дочь от Гектора де Клена, невольно заставляет вспомнить «Анну Каренину»¹². Но все же опубликование этих писем почти не изменило ситуацию изучения прототипов Анны, так как уже слишком широко распространились неверные версии о прототипах Анны, чтобы сразу поправить их.

3

Мария Николаевна Толстая родилась 2 марта 1830 г., на полтора года позже Льва Толстого. О ее детстве мало что известно. Наверное, она росла более или менее счастливо, хотя рано осиротела, лишившись матери вскоре после рождения, а отца — в возрасте семи лет. Отмечено, что в образе Любочки в повестях «Детство» и «Отрочество» отражаются поведение и характер Марии. Она получила основное образование, по всей вероятности, дома, по обычаям дворянских семей того времени. А после того как Толстые переехали в Казань, она поступила в Родионовский институт благородных девиц.

В 1847 г., в возрасте шестнадцати лет, Мария вышла замуж за своего троюродного брата, племянника Т. А. Ергольской, Валериана Петровича Толстого (поэтому после замужества у Марии не изменилась фамилия). Говорят, что она очень нравилась Валериану, но у нее не было особой любви к нему.

У Марии родились четыре погодка: Петр, Варвара, Николай и Елизавета. Петр скоро умер, и у нее осталось трое детей. После семилетней супружеской жизни, в 1857 г. Мария разъехалась с мужем, хотя еще не состоялся юридический развод. Принято считать развратную жизнь Валериана причиной разрыва Марии с мужем. Но, как я позже отмечу, может быть и другое мнение.

Затем, как я уже написал, Мария уехала за границу и там стала жить со шведом Гектором де Кленом. Мария и Клен, по-видимому, вели довольно роскошный образ жизни. Они часто путешествовали и неоднократно ездили даже в Алжир, потратили много денег, и Мария наделала огромные долги. Молодой муж, кажется, не имел ни работоспособности, ни состояния.

В 1863 г. она родила ребенка от незаконного мужа, но ее новая супружеская жизнь сложилась неудачно, и Мария пришлось вернуться в Россию. После возвращения в Россию Мария стала жить гораздо скромнее, чем за границей. Валериан согласился на условия развода, предложенные стороной Марии, к тому же закон после отмены крепостного права расширил возможность разводов. Но неожиданно для всех Валериан скоропостижно умер в январе 1865 г. в возрасте 52 лет и навсегда освободил Марию.

Все же дальнейшая жизнь Марии была далеко не счастливой и свободной. Оказалось, что Валериан оставил все имущество женщины, с которой имел связь. Дело было подано в суд, и потребовалось почти десять лет до выигрыша стороны Марии. Кроме того, другие последствия несчастной семейной жизни и любви Марии долго мучили ее. Особенно единственный сын Николай и дочь от второго мужа Елена, которых Мария оставила в Европе, сделались главными причинами ее страданий.

В 1888 г. Мария поселилась в Шамординском женском монастыре, через три года она постриглась в монахини и провела почти четверть века в монастыре и там кончила свою жизнь в 1912 г.

4

Жизнь и история любви Марии Николаевны, которую я крайне кратко изложил, невольно заставляет вспомнить «Анну Каренину», как пишет Опульская. В жизни Марии обнаруживается несравненно больше общих моментов с Анной, чем у других женщин, считающихся «прототипами» Анны. Общие моменты Марии и Анны следующие: 1) принадлежность к привилегированному сословию, 2) образованность, выдающийся ум и энергичность, 3) замужество в раннем возрасте без любви, 4) недовольство своей семейной жизнью, 5) увлечение другим мужчиной, 6) разрыв с мужем по своей воле, 7) трудность получить официальный развод, 8) забота бывшего мужа о сохранении своего доброго имени, 9) любовь и новая супружеская жизнь, 10) медовый месяц за границей, 11) рождение ребенка от незаконного мужа, 12) несчастная новая семейная жизнь, 13) решение расстаться со вторым мужем, 14) разлука с сыном, 15) отсутствие любви к дочери от второго мужа, 16) активное участие родного брата в разрешении вопроса о разводе, 17) размышления о смерти, 18) наружность и т. д.

Наверное, нужно снабдить некоторые из вышеуказанных моментов комментариями.

По установленвшемуся мнению, причиной разрыва Марии с мужем была его развратная жизнь. Говорят, что у него было четыре любов-

ницы. По словам Гусева, Мария сказала ему: «Я объявила своему мужу, что я не желаю быть старшей султаншой в его гареме»¹³. Однако все эти свидетельства представляются со стороны Марии. Есть и другое мнение, хотя оно сейчас разделяется меньшинством. Сравнительно недавно, в 1982 г., Н. П. Пузин и Т. Н. Архангельская с достаточной убедительностью указали на взаимное увлечение Марии и писателя И. С. Тургенева¹⁴. Тургенев и Валериан и Мария Толстые были соседями по имению. Писатель догадался, что Л. Н., автор «Истории моего детства» и «Отрочества» — Лев Николаевич Толстой, родственник его соседей Толстых. И в октябре 1854 г. он первый приехал к Валериану и Марии Толстым и познакомился с ними. При первой встрече Тургенев и Мария произвели друг на друга сильное впечатление. Через два дня после первой встречи Тургенев написал своему другу Анненкову: Мария «одно из привлекательнейших существ, какие мне только удавалось встретить. Мила, умна, приста — глаз бы не отвел. На старости лет (мне четвертого дня стукнуло 36 лет) — я едва ли не влюбился. <...> Не могу скрыть, что поражен в самое сердце. Я давно не встречал столько грации, такого трогательного обаяния. <...> Останавливаюсь, чтобы не завраться — и прошу Вас хранить все это в тайне»¹⁵. С другой стороны, Николай, старший брат Марии, пишет Льву Толстому: «Маша в восхищении от Тургенева». Потом они стали часто встречаться. По словам Пузина, взаимное увлечение Тургенева и Марии развилось в дружбу и Мария иногда посещала Тургенева в Спасском без мужа.

В 1856 г. Тургенев написал повесть «Фауст», где изображается трагическая любовь замужней женщины. Прототипом героини «Фауста» считается Мария¹⁶. Трудно сказать, что такие отношения Марии с Тургеневым были одной из причин ее разрыва с мужем. Но, по крайней мере, после расставания Марии с мужем она сама и ее братья надеялись, что Тургенев женился на ней. И было основание для их надежды. Узнав о несчастье Марии, Тургенев написал ей: «Вы не даром полагаете на мою дружбу: действительно я останусь Вашим другом, пока буду жив»¹⁷. Почти одновременно он написал Льву Толстому: «Вы знаете мое мнение о теперешнем положении Марии Николаевны. <...> Скажите ей, что я часто думаю о ней и то, что если бы желания могли осуществиться, она была бы совершенно счастлива»¹⁸.

Однако, в конце концов, Тургенев не женился на Марии. Лев Толстой об этом исходе отношений между сестрой и Тургеневым написал в дневнике: «Машеньку известие об отсутствии Тургенева ударило. Вот те штучки. Поделом ему скверно» (48, 15), и под 4 сентября 1858 г.: «Тургенев скверно поступает с Машенькой. Дрянь» (48, 16).

Независимо от того, за кем была главная причина разрыва супружеских, окончательное решение о разрыве сделала Мария по своей воле. По-видимому, Валериан не имел намерения бросить жену, наоборот, он чувствовал себя брошенным женой мужем так же, как Каренин в романе.

Лев Толстой предполагал, что Валериан боялся потери своего доброго имени так же, как Каренин. В своем неотправленном письме к Валериану, от 24 февраля 1864 г., Толстой, предлагая условия для развода, пишет: «Начинание этого дела не может ли значительно повредить вам по службе и вообще в общественном мнении, и все ли вы согласитесь на начинание дела?» (61, 38–39)

При возвращении в Россию Мария оставила единственного сына Николеньку за границей так же, как Анна не по своей воле рассталась с единственным сыном Сережей. Только в случае Анны муж заставил ее оставить сына у него, тогда как Мария рассталась с сыном по своим соображениям. По этому поводу ее брат Сергей Николаевич пишет осенью 1866 г.: «Кто первый наложит руку на нее (Марию.— Т. Ф.) — это Николенька, она это хорошо знает и потому держит его в Женеве, но навсегда его там держать будет нельзя»¹⁹.

Мария не могла любить Елену, дочь от второго брака, плод своей грешной любви. Мария хотела как-нибудь освободиться от нее. Но сознание, что она не любит свою дочь, соединяясь с сознанием своей виновности, сильно мучило ее. Весной 1868 г., когда Мария решила взять к себе сына Николеньку, она пишет Льву Толстому: «Мне нужно одного Николеньку, и очень. Если теперь мне привезут девочку как снег на голову, я ничего не в состоянии сообразить, и всем объявлю, что она моя дочь, ибо всякое моральное на меня так действует, что я решительно теряюсь и умираю. Описывать всего нельзя, но я в сию минуту от одной мысли и волнения об том, что тебе пишу, буквально едва перо держу, и сердце бьет до тошноты, и сейчас должна лечь, пока приду в себя. <...> Куда я ее теперь дену и что скажу? Я ночи не сплю и мучаюсь ужасно»²⁰.

Однако она не смогла освободиться от дочери. Сергей Михайлович, внук Льва Толстого, предполагает: «Мария Николаевна часто уезжала за границу — сначала предлогом для этих поездок служили выезды к сыну в Вене, позже, когда он окончил пансион, — лечение в Эксе. На самом деле она уезжала, чтобы заниматься воспитанием маленькой Елены, которую не осмеливалась привезти в Россию»²¹. Одним словом, получилось трагическое противоречие: мать, бросившая свою дочь вместе с ответственностью матери, пытается воспитывать брошенную дочь, чтобы исполнять материнскую ответственность.

Из такого несчастного противоречия не могут выйти счастливые результаты. В марте 1875 г., когда дочери скоро исполнится тринацать лет, Марии пришлось признаться: «дела с Леночкой не устроены.<...> А теперь я хочу ее поместить в хорошем пансионе в Лозанне или Женеве. <...> Я чувствую, что я должна посвятить себя ей; эта мысль начинает меня мучить и преследовать, и потому я должна это делать, хотя это мне и не совсем по сердцу». Через год она опять пишет брату: «Ничего не клеится, ничего не выходит с ней (Еленой.— Т. Ф.); только что думаю — устроила, опять все снова, все не то, все не ладно, а что нужно — не знаю»²².

Наконец, в 1879 г. Мария привезла 16-летнюю Елену в Россию. Она выросла красивой девушкой и знала три языка, но не знала ни одного русского слова. Отношения между матерью и дочерью не наладились.

В начале совместной жизни с Бронским Анна верила, что любит дочь от Бронского. Но потом, особенно после встречи с Сережей, своим первым ребенком, Анна узнала, что любила дочь как плод любви к Бронскому и не питает к ней настоящей материнской любви. Поэтому, по мере того как усиливались конфликты между Анной и Бронским, любовь к дочери пропадала.

Активное участие брата Льва в разрешении вопроса о разводе Марии является одним из важнейших моментов. Получив тяжелейший удар от известия о рождении Марией ребенка, Толстой немедленно, в середине октября 1863 г., написал сестре письмо, которое начинается словами, выражающими его сильное волнение и любовь к сестре: «Мильный, милый, тысячу раз дорогой друг мой Машенька. Рассказать тебе, что я чувствовал, читая твое письмо, я не могу. Я плакал и теперь плачу, когда пишу. Ты говоришь: пусть братья мои судят, как хотят. Кроме любви к тебе, всей той любви, которая была прежде где-то далеко, и жалости и любви ничего нет и не будет в моем сердце. Упрекнуть тебя никогда не поднимается рука ни у одного честного человека». И потом делает сестре три следующих предложения: «Теперь что делать? Первое — выйти за него замуж, второе — ребенка ни в коем случае не брать себе, а отдать его мне. Третье — важнее всего — скрыть от детей и от света. Главное же от детей».

Эти предложения Толстого, особенно второе из них, удивляют нас. Они недвусмысленно показывают, что Толстой прежде всего заботился о сохранении доброго имени не только самой Марии, но и всего рода Толстых, и с этой целью даже требует от сестры отдать только что рожденного ребенка. А для достижения третьей цели нужно было отделить троих детей от матери с новорожденным ребенком. И действительно, судя по последующим письмам Толстого, еще не очень большие дети должны были жить одно время отдельно от матери в пансионе для бедных детей. Нельзя предположить, что Толстой

в сильном волнении, сгоряча сделал неразумные предложения. Через четыре с половиной месяца после первого письма, когда, должно быть, уже сильная растерянность Толстого прошла, он еще раз напоминает сестре свои предложения.

Поскольку Толстой мало заботился о счастье Марии с детьми, естественно, что он еще меньше заботился о положении и чувствах Валериана Толстого. Лев Толстой представил ему односторонние, выгодные исключительно для Марии требования: 1) дать развод, 2) оставить детей у Марии, 3) продолжить выдавать деньги на содержание и воспитание детей, 4) обеспечить этот платеж, 5) согласиться на эти предложения, если даже это повредит Валериану по службе и в общественном мнении.

Правда, везде и всегда при возникновении подобных конфликтов обе стороны выставляют противнику свои односторонние требования, и дело часто доходит до суда. Но все же удивительно, что Лев Толстой вел себя совершенно в противоречии со своими принципами поведения, то есть справедливостью и совестливостью, которые он проявлял, к примеру, в работе мирового посредника всего лишь за два года до этого.

Однако вскоре произошел неожиданный для всех поворот событий, который сделал все хлопоты Толстого ненужными: скоропостижно умер Валериан Толстой. Внезапная смерть бывшего зятя и противника спора нанесла сильный удар Толстому и вызвала у него чувство раскаяния. Как только получил известие о смерти Валериана, он написал А. А. Толстой: «Нет ничего хуже в смерти, как то, что когда человек умер, нельзя уж поправить того, что сделал дурного или не сделал хорошего в отношении его. Говорят: живи так, чтобы быть готовым всегда умереть. Я бы сказал: живи так, чтобы всякий мог умереть, и ты бы не раскаялся» (61, 71). Такое же чувство Толстой выразил и в письме к своему другу А. А. Фету (61, 72).

Потом, именно в «Анне Карениной» Толстой карикатурно воспроизвел все эти свои поступки через Облонского (18, 450–455; 19, 301–303). В рамках этих эпизодов прототипом Облонского является сам Толстой.

На первый взгляд, одно из существенных различий между Марией и Анной заключается в том, что Анна сама прервала свою жизнь в расцвете лет, Мария же дожила до 82 лет. Но, во-первых, Мария не просто жила до глубокой старости, а постриглась в монахини и посвятила последние годы своей жизни Богу. С древних времен до наших дней существовало и существует три вида трагических концовок историй несчастной любви: смерть героя, героини или и того и другой вместе, существование и пострижение в монахи. Иначе говоря, уход в монастырскую жизнь в некоторых случаях отождествляется со смертью.

Во-вторых, Мария серьезно думала о самоубийстве как об одном из способов разрешения осложненных вопросов в ее жизни. В марте 1876 г., когда у Льва Толстого работа над романом «Анна Каренина» приближалась к концу, Мария писала брату: «Мысль о самоубийстве начала меня преследовать, да, положительно преследовать так неотступно, что это сделалось вроде болезни или помешательства. <...> Я до сих пор еще не видела факта, чтоб женщина нашего круга, если она не с медным лбом, взяла к себе незаконного ребенка и одна, без поддержки, имела храбрость всем говорить: „Вот, полюбуйтесь, это моя незаконная дочь“. Я не могу, и другого выхода, как смерть кого-нибудь из нас, я не вижу. <...> Боже, если бы знали все Анны Каренины, что их ожидает, как бы они бежали от минутных наслаждений, которые никогда и не бывают наслаждениями, потому что все то, что незаконно, никогда не может быть счастием»²³.

Это письмо однозначно показывает, что сама Мария считала себя одним из вариантов Анны Карениной. Мария не совершила самоубийства, но она существовала перед Толстым как живой труп Анны Карениной. Многие исследователи утверждают, что смерть Пироговой, труп которой Толстой видел своими глазами, сильно потрясла чувствительного писателя и навела его на мысль о самоубийстве героини своего романа. Но невольно спрашивается: «Что сильнее волновало чувствительного писателя: труп почти чужой женщины, у которого ему случилось присутствовать в течение двух часов, или живой труп самого близкого человека, который непрерывно появлялся перед ним в течение десятков лет? И кто из них имел большее право стать прототипом самого главного персонажа романа?» Ответ вполне ясен.

О наружности Марии Николаевны и впечатлении, производимом ею, сохранилось несколько свидетельств. Я уже процитировал слова Тургенева в его письме к Анненкову о впечатлении, произведенном Марий. Боткин пишет в своем письме к Тургеневу: «Мне становится как-то жутко, когда мне случается взглянуть в ее большие влажные глаза, с каким-то глубоким выражением глаза. <...> А смотря на графиню, невольно говоришь про себя: вот женщина, пораженная судьбой. <...> Необыкновенное простодушие и безыскусственность этой женщины производят во мне какое-то чувство благоговения к ней. Мне кажется, что она при этом одарена величайшою впечатлительностью нерв. <...> Я в первый раз в жизни встречал женщину такого чистейшего закала»²⁴.

Н. П. Пузин приводит следующие строки из неопубликованных записей Елизаветы Оболенской, дочери Марии: «Моя мать не была хороша собой, но она была умная, оживленная; непосредственная, необыкновенно правдивая, у нее были прекрасные глаза — лукистые глаза Марии (Марии Болконской в «Войне и мире». — Т. Ф.)»²⁵.

До сих пор опубликованы десять фотографий Марии Толстой. На четырех из них Мария одета в монашескую рясу и черты лица выражают сильную волю и строгость характера. Мы не будем обращать внимание на них. Одна из остальных шести фотографий снята в детстве, а другие пять — в 1860-е гг.²⁶ Все они, включая и ту, которая снята в детстве, очень похожи друг на друга, и можно сказать, что свидетельства родственников и современников Марии о ее наружности и впечатлении в общем верны.

С другой стороны, наружность Анны Карениной, описанная автором, отличается следующими чертами: 1) вьющиеся волосы, 2) красивое, миловидное лицо, 3) блестящие серые глаза, 4) густые ресницы, 5) румяные губы, 6) нежный пушок, покрывающий губы, 7) твердая шея, 8) точеные, как старой слоновой кости, полные плечи и грудь, 9) маленькие руки и ноги, 10) полное тело, 11) легкая походка (18, 66, 69, 84 и др.).

Сравним наружность Анны, Марии, Гартунг в воспоминаниях Кузминской (в списке: Г 1) и Гартунг на портрете Макарова (в списке: Г 2) по всем вышеуказанным пунктам и покажем их сходство и разницу в списке условными знаками: + — есть сходство, ± — есть сходство в некоторой степени, — — нет сходства, ? — нельзя сказать определенное.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Мар	—	—	?	—	—	—	+	?	—	—	?
Г 1	+	+	?	?	?	?	?	?	?	?	+
Г 2	±	+	±	—	+	—	+	+	?	+	?

Теперь сравним не саму наружность, а впечатление, производимое наружностью Анны, Марии, Г 1 и Г 2.

Для того чтобы не было лишней сложности, возьмем только пять самых главных черт впечатления, производимого Анной: 1) изящество, 2) грация, 3) нежность, 4) оживленность, 5) естественность.

	1	2	3	4	5
Мар	+	+	+	+	+
Г 1	+	+	?	+	?
Г 2	+	+	?	?	?

На основе этих списков можно сказать, что по наружности Мария совсем не похожа на Анну, но атмосфера, которую создавала Мария вокруг себя, почти совпадает с впечатлением, производимым Анной. Иначе говоря, автор сохранил внутренний облик прототипа в героине романа. Образ Гартунг в воспоминаниях Кузминской является совсем расплывчатым. Сходство Анны и Гартунг на портрете Маркова несомненно. Все же мнение, что по наружности они полностью совпадают, является преувеличением.

Создание литературных персонажей вообще является очень сложным творческим процессом. В большинстве случаев автор создает какой-либо персонаж из ряда материалов и через многократные метаморфозы²⁷. Поэтому Мария не может быть единственным и непосредственным прототипом Анны Карениной. Только несомненно, что Мария гораздо ближе к Анне по сравнению с другими возможными вариантами ее прототипа.

Вместо заключения этой небольшой статьи мне хотелось бы привести слова самого Толстого. В июне 1901 г. он, сравнивая ответственность матери с ответственностью царя, написал следующие слова в альбоме Е. С. Денисенко: «Если бы Цари знали всю лежащую на них ответственность, они или отказывались бы от своего положения, или погибли бы мучениками этого положения. Почти так же и матери, с той только разницей, что матерям нельзя отказаться. И потому если матери хотят быть матерями, они не должны бояться быть мучениками. Избави Бог царствовать, не понимая своей ответственности, и также быть матерью, не понимая своей ответственности» (54, 342).

Елена Сергеевна Денисенко, которой Толстой подарил эти слова, есть дочь Марии Николаевны от второго мужа. Без нее и ее матери Марии Толстой не размышлял бы так глубоко о материнской ответственности и вообще о «семейной идее» и не написал бы роман «Анна Каренина».

¹ Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого. М.; Л., 1908. Т. 2. С. 205–206.

² Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. М., 1925. С. 464–465.

³ Бирюков П. И. Указ. изд. С. 205–206.

⁴ ДСТ. Т. 2. С. 508–509.

⁵ Там же. С. 602.

⁶ Толстой Л. Н. Собр. соч. в 22-х т. М., 1978. Т. 9. С. 442.

⁷ ПТСБ. С. 353.

⁸ Гусев. *Материалы*, III. С. 261–368.

⁹ Толстой С. М. Единственная сестра // Прометей. М., 1980. № 12. С. 269–287.

¹⁰ Бирюков П. И. Указ. изд. С. 205–206; Кузминская Т. А. Указ. изд.

¹¹ Там же.

¹² Опульская Л. Д. Переписка с сестрой и братьями // ПТСБ. С. 12.

¹³ Гусев. *Материалы*, II. С. 226.

¹⁴ Пузин Н. П., Архангельская Т. Н. Вокруг Толстого. Тула, 1988. С. 46–61.

¹⁵ Там же. С. 48.

¹⁶ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1964. Сочинения. Т. 7. С. 398–399.

¹⁷ Пузин... Указ. изд. С. 56.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ПТСБ. С. 305.

²⁰ Там же. С. 312–313.

²¹ Толстой С. М... С. 277.

²² ПТСБ. С. 339–340.

²³ Там же. С. 352–353.

²⁴ Пузин... Указ. изд. С. 50.

²⁵ Пузин... Указ. изд. С. 48.

²⁶ Л. Н. Толстой. Документы. Фотографии. Рукописи. М., 1995; Толстой С. М. Указ. статья. И в других изданиях.

²⁷ Петров С. Тайны творчества. М., 1964. С. 58–69.

Юсукэ Сато

«ЖЕНСТВЕННОСТЬ»

В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ТОЛСТОГО:

ЕЕ ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

1

У каждого мужчины в душе таится идеальный женский образ. Этот образ иногда связывается с женщиной в реальности, например, с матерью, но часто не связывается ни с какой реальной женщиной. Бог знает, откуда появляется такое представление. Все-таки такой образ точно существует и во многом определяет особенность мироощущения каждого мужчины.

Каков женский образ у Толстого (или, иначе говоря, какой тип женщины для него самый привлекательный), нетрудно предположить.

Героини художественных произведений Толстого имеют общие черты: поразительную яркую красоту, вьющиеся черные волосы, дикую силу жизни, полное могучее телосложение, полную грудь, огромную любовь, жгучую чувственность, гордость. И Марьяна (в повести «Казаки»), и Наташа Ростова (в эпилоге «Войны и мира»), и Анна Каренина (в романе, названном ее именем), и Катюша Маслова (в «Воскресении») — все обладают такими особенностями.

«Марьяна, напротив, была отнюдь не хорошенъкая, но красавица! Черты ее лица могли показаться слишком мужественными и почти грубыми, ежели бы не этот большой стройный рост и могучая грудь и плечи и, главное — ежели бы не это строгое и вместе нежное выражение длинных черных глаз, окруженных темною тенью под черными бровями, ласковое выражение рта и улыбки. Она улыбалась редко, но зато ее улыбка всегда поражала. От нее веяло девственною силой и здоровьем. Все девки были красивы, но и сами они, и Белецкий, и денщик, вошедший с пряниками, — все невольно смотрели на Марьяну и, обращаясь к девкам, обращались к ней. Она гордою и веселою дарицей казалась между другими» (6, 97—98).

Толстого привлекают не дамы большого света, а крестьянки, кашаки, цыганки — их могучая, дикая сила жизни, естественная трудовая жизнь на лоне природы.

Во многих сценах его произведений мы явно ощущаем, что на него особенно сильно действуют красивые, сильные крестьянки, занимающиеся тяжелой физической работой: «Молодая баба работала легко, весело и ловко. Крупное, слежавшееся сено не бралось сразу на вилы.

Она сначала расправляла его, всовывала вилы, потом упругим и быстрым движением налегала на них всею тяжестью своего тела и тотчас же, перегибая перетянутую красным кушаком спину, выпрямлялась и, выставляя полную грудь из-под белой занавески, с ловкою ухваткой перехватывала руками вилы и вскидывала навилину высоко на воз» («Анна Каренина». 18, 289).

Вопрос в том, что Толстой, являясь аристократом-помещиком, с такими женщинами не может по-настоящему быть равным и соединить с ними свою жизнь (по крайней мере, это очень трудно), так как Толстой имеет над ними власть. Он хозяин, а они рабыни, грубо говоря. Их жизнь и мироощущение совсем разные. Их интересы резко противостоят друг другу. Поэтому Толстой именно здесь, в любви к женщинам, особенно к своей любовнице-крестьянке Аксинье Базыкиной, сталкивается с социальными разногласиями самым серьезным образом.

Толстой честно и глубоко проникает в этот вопрос в повести «Казаки» (1853–1862) и полностью его осознает.

Кроме вышеуказанного женского типа, проявляется и другая линия в творчестве Толстого. Это образ матери, которая самоотверженно посвящает себя детям: *maman* (в повести «Детство»), Мария Болконская (в «Войне и мире»), Кити и Долли (в «Анне Карениной»). Эти лица, без сомнения, основаны на представлении Толстого о своей матери.

Хотя Толстой совершенно не помнит своей матери, он не испытывает желания видеть ее изображение и представить ее себе как реальное физическое существо, так как, как отмечает Н. Н. Гусев, «Толстой составил себе идеальное представление о своей матери, дорожил им и не желал, чтобы это идеальное представление чем-нибудь было нарушено»¹. Толстой в «Воспоминаниях», упоминая о том, что не осталось ни одного портрета своей матери, говорит: «Я отчасти рад этому, потому что в представлении моем о ней есть только ее духовный облик, и все, что я знаю о ней, все прекрасно» (34, 349).

Иdealный образ матери неизменно сохраняется внутри Толстого как святыни. В молодости этот образ связывается с его представлением о будущей жене: «будущая жена его должна быть в его воображении повторением того прелестного, святого идеала женщины, каким была для него мать» («Анна Каренина». 18, 101).

Однако, как мы видели, в душе писателя существует другой, противоположный женский образ. И в своей жизни, и в творчестве Толстому надо соединить два разных типа, которые внутри него вызывают конфликт, в единый образ женственности (при этом надо преодолеть социальные разногласия, связанные с первым типом); но

вполне очевидно, что они так различаются друг от друга, что их соединить почти невозможно. Тем не менее писатель особенным путем разрешает эту задачу: в «Войне и мире» — творческой фантазией, а в «Анне Карениной» — уничтожением самой проблемы.

«Анна Каренина» — это, смеем сказать, роман убийства образа женственности в душе Толстого. В этом романе Толстой воплощает свой идеальный образ женщины и хоронит его.

Итак, сначала конкретно посмотрим на жизнь молодого Толстого и процесс становления его женского образа первого типа.

2

Первая конкретная «толстовская красавица» в творчестве писателя — это Марьяна, героиня повести «Казаки». Она гребенская казачка.

Гребенские казачки сильно привлекают молодого Толстого. Это далеко не случайно. Писатель в «Казаках» говорит: «Красота гребенской женщины особенно поразительна соединением самого чистого типа черкесского лица с широким и могучим сложением северной женщины» (6, 17). Н. Н. Гусев в своей книге ссылается на «свидетельства» нескольких современников Толстого².

«Давно поселенные на Тереке казаки, большей частью старообрядцы, так сблизились с пограничными горскими племенами, что, усвоив себе многие их обычай, приняли в первое время поселения и обычай похищать женщины, что исполняли с успехом в пределах своих учителей. Таким путем горянки внесли элемент своей красоты в красивый и без того тип казачки, и по этой причине население терских станиц довольно резко отличается красотой от прочих жителей Северного Кавказа» (А. В-ий. Воспоминания о былом. «Военный сборник». 1872. Т. 2. С. 316).

«По внешнему своему типу гребеничка представляет два типа: татарско-русский и русско-чеченский... Гребенички не умеют унывать. Это богатыри-женщины, полные жизни, кокетливы и грации... В силу исторически сложившейся жизни гребенских казаков гребенички, оставаясь единственными хозяйствами домашнего очага, приобрели и полную независимость в своих действиях» (А. Рже- вусский. Терцы. Владикавказ. 1888. С. 248–250).

В 1846 г. хорунжий князь Гагарин служит на Кавказе и в станице Червленной проживает в квартире у женщины, прозванной Дунька Догадиха. Гагарин в своих воспоминаниях рассказывает о своей хозяйке: «Хотя ей было уже за тридцать лет, это была замечательная женщина. Она была высокого роста; бюст ее бросался в глаза всяко-

му; при редкой стройности стана, необыкновенной белизне цвета кожи, голубых навыкатае глазах, при черных, как смоль, волосах, эффект был поразительный. Мне в первый раз в жизнь пришлось увидеть такую женщину. Войдя к ней, я казался встревоженным и изумленным: я никогда не предполагал, что можно встретить между простыми казачками типы такой изящной красоты» (Г. А. Ткачев. Станица Червленная. Исторический очерк. Владикавказ. 1912. С. 116).

Кстати, эта замужняя казачка, «Дунька Догадиха» — возможно, один из источников образа «роковой женщины» Толстого, так как она, по мнению Гусева, — один из вероятных прототипов Марьяны³.

В одной из черновых редакций повести героя носит имя Марьяны Догадихиной. В станице Червленной, где жила Дунька Догадиха, Толстой неоднократно бывал, что известно из его дневника (Червленная в то время — место развлечений для русских офицеров⁴. От Старогладковской, где обычно проживал Толстой, до Червленной около 45 км). И в первой редакции повести героя замужем.

К сказанному Гусевым можно добавить, что писатель именно в Червленной 16 апреля 1853 г. пишет стихотворение «Эй, Марьяна, брось работу», которое позже развивается в повесть «Казаки».

Какова жизнь молодого пылкого Толстого среди таких красавиц? Как ни странно, он поверхностно общается только с «женщинами легкого поведения», как видно из дневника. Единственное исключение — казачка из Старогладковской Соломонида (она, возможно, другой прототип Марьяны), но отношение к ней нерешительно и не-последовательно.

Посмотрим в его дневнике все упоминания о Соломониде.

В Старогладковской, где живет казачка, Толстой пребывает всего один год — с 30 мая 1851 г. до начала июля 1853 г. с перерывами.

«26 августа [1851 г.]. Пьяный Япишка <прототип Ерошки в повести «Казаки»> вчера сказал, что с Саламанидой дело на лад идет. Хотелось бы мне ее взять и отчистить» (46, 87).

С 25 октября 1851 г. до 7 августа 1852 г. Толстого почти нет в Старогладковской. В это время у него экзамен на юнкера в Тифлисе, поход, битва с чеченцами, лечение «болезни» в Пятигорске и другие дела.

«18 апреля [1853 г.]. После обеда был у Епишки и говорил с Саламанидой, груди у ней подурнели; однако мне еще очень нравится» (46, 159).

«26 июня [1853 г.]. Ходил несколько раз к Яп[ишке], насчет Салам[аниды] дело не подвигается вперед, а Мих[айла] уже намер[евается], кажется, подкарауливать. Я решился, во что бы то ни стало, иметь ее. <...> получить решит[ельный] ответ от Сал[аманиды]» (46, 164).

«27 июня [1853 г.]. Непоследователен насчет Сал[аманиды]. Яп[ишкы], кажется, надует меня. Завтра. <...> после обеда, что бы ни было, пойти иск[ать] д[обroe] д[ело] и о Сал[аманиде]» (46, 165).

«28 июня [1853 г.]. Яп[ишкы] нет. После обеда ничего не делал» (46, 165). — несмотря на то, что он так твердо решился накануне...

«29 июня [1853 г.]. Завтра писать от утра до вечера и употребить все средства, чтобы иметь девку» (46, 166).

«30 июня [1853 г.]. Завтра рано утром об девке: сходить к Ф[едосье] и к С[аламаниде]» (46, 166).

«2 июля [1853 г.]. С[аламанида] уехала совсем». Неизвестно, куда и почему она «уехала совсем», но здесь заканчиваются их отношения навсегда. Вскоре, около 10 июля, и Толстой уезжает из Старогладковской (46, 166).

Откуда такая застенчивость и нерешительность? Толстой, часто огорчаясь своей застенчивостью, анализирует ее причину: «Я дурен собой, неловок, нечистоплотен и светски необразован. — Я раздражителен, скучен для других, нескромен, нетерпим (intolérant) и стыдлив, как ребенок» (дневник, 7 июля 1854 г. — 47, 8).

Хотя Толстой сладострастен, он очень застенчиво и серьезно относится к женщинам и не способен наслаждаться «интрижками». Его отношения разделяются на две крайности: мимолетные связи с легко доступными женщинами и весьма серьезные чувства к возможным невестам. В самом деле Толстой, так же как и Левин, «не мог себе представить любовь к женщине без брака» (18, 101), поэтому дело сводится к следующему. Может ли Толстой жениться на казачке?

Соломонида, Елишка — для Толстого «чужестранцы». Мир казаков Толстому очень близок, но вместе с тем бесконечно далек и чужд, хотя они русские и православные. Возможно, молодой писатель порою мечтает, как Оленин, герой «Казаков», «бросить все, приписаться в казаки, купить избу, скотину, жениться на казачке» (6, 102). Но разве Оленин может стать таким существом, как Лукашка (возлюбленный Марьяны), диким, сильным и прекрасным — «первобытной богатой натурой»?⁵ Остается ему любоваться казаками со стороны.

Таким образом, внутренний женский образ Толстого воплощается в гребенской казачке, могучей и красивой Марьяне, и воплощенный женский идеал, привлекая Толстого, оказывается недоступным для него. Как будто образ казачки рождается для того, чтобы его мучить, и потом этот женский образ вызывает резкие внутренние конфликты — по своей сущности неразрешимые — после любви писателя к крестьянке Аксинье Базыкиной.

3

Мы можем приблизительно узнать событие по дневнику писателя и повести «Дьявол» (1889 г.), которая написана на основании отношений Толстого с Аксиньей Базыкиной (1836–1919).

Как это происходит? Это начинается «для здоровья» Толстого, который мучается от половой неудовлетворенности в деревенской жизни. Кто она? Замужняя крестьянка, жена Ермила Базыкина, бывшего ученика Толстого в первой яснополянской школе (!). Кстати, в 1911 г. Базыкин вспоминает об этой школе, открытой в 1849 году⁶.

Отношения продолжаются очень долго, целых два года. Вообще, в жизни Толстого не было таких длительных и серьезных отношений с женщиной, кроме отношений с Софьей Андреевной.

«[13 мая 1858 г.] 10, 11, 12, 13 мая. Видел мельком А[ксинью]. Очень хороша. Все эти дни ждал тщетно. Нынче в большом старом лесу, сноха, я дурак. Скотина. Красный загар шеи. Был у Гимбура <лесничего>. Я влюблен, как никогда в жизни. Нет другой мысли. Мучаюсь. Завтра все силы» (48, 15).

Эта первая встреча воссоздается в повести «Дьявол». Сцена в повести как раз служит комментарием к дневнику.

«Целый день он был не свой. На другой день в двенадцать часов он пошел к караулке. Данила стоял в дверях и молча значительно кивнул головой к лесу. Кровь прилила к сердцу Евгения, он почувствовал его и пошел к огороду. Никого. Подошел к бане. Никого. Заглянул туда, вышел и вдруг услыхал треск сломленной ветки. Он оглянулся, она стояла в чащме за овражком. Он бросился туда через овраг. В овраге была крапива, которой он не заметил. Он острекался и, потеряв с носу пенсне, вбежал на противоположный бугор. В белой вышитой занавеске, красно-буровой паневе, красном ярком платке, с босыми ногами, свежая, твердая, красивая, она стояла и робко улыбалась.

— Тут кругом тропочка, обошли бы,— сказала она.— А мы давно. Голомя.

Он подошел к ней и, оглядываясь, коснулся ее.

Через четверть часа они разошлись, он нашел пенсне и зашел к Даниле и в ответ на вопрос его: „Довольны ль, барин?“ — дал ему рубль и пошел домой» (27, 485).

Вернемся к дневнику.

«9 октября [1859 г.]. А[ксинью] продолжаю видать исключительно» (48, 21).

«25 мая [1860 г.]. Мне даже страшно становится, как она мне близка» (48, 24–25).

«26 мая. Уже не чувство оленя, а мужа к жене» (48, 25).

«Чувство к жене»! К тому же, рождается сын Тимофей, но им приходится расстаться. Что мешает их любви? Конечно, трудность развода (православная церковь в принципе не разрешает развода). Моральный вопрос (Толстой «покупает» жену своего ученика). «Антиобщественность» их брачного союза (жениться аристократу на крестьянке — антиобщественный поступок одного рода. Брат Толстого, Сергей, который женится на цыганке, из-за этого исключен из большого света). Потенциально враждебные отношения между помещиком и крепостной.

Толстой разрывает связь с ней, бросает ее и в сентябре 1862 г. женится на Софье Андреевне, восемнадцатилетней «девочке» (дневник, 5 января 1863 г. — 48, 49). Однако у него остается привязанность к бывшей любовнице и после женитьбы. Из его дневника видно, что в брачную ночь он видит тяжелый сон об Аксинье.

«[24 сентября 1862 г. Москва — Ясная Поляна] 20, 21, 22, 23, 24 сентября. В день свадьбы страх, недоверие и желанье бегства. Торжество обряда. Она заплаканная. В карете. Она все знает и просто. В Бирюлеве. Ее напуганность. Болезненное что-то. Ясная Поляна. Сережка разнежен, тетинька уже готовит страданья. — Ночь, тяжелый сон. Не она» (48, 46). Не она, то есть не жена. Снится Толстому, скорее всего, Аксинья.

Софья Андреевна узнает об Аксинье сначала из дневника мужа, а потом своими глазами.

«Мне кажется, я когда-нибудь себя хвачу от ревности. „Влюблен, как никогда!“ (цитата из дневника Толстого). И просто баба, толстая, белая, ужасно. Я с таким удовольствием смотрела на кинжал, ружья. Один удар — легко»⁷.

«Я часто мучаюсь, когда думаю о ней, даже здесь, в Москве. Прошедшее мучает меня, а не настоящая ревность. Не может он мне отиться вполне, как я ему»⁸.

Конечно, у мужа и жены бывают счастливые гармоничные времена и «семейное счастье». Бывают настоящие творческие союзы. Однако «не может он мне отиться вполне, как я ему»...

В 1909 году Софья Андреевна, впервые узнав и прочитав повесть «Дьявол», приходит в сильное волнение, что говорит о серьезности давней травмы: «Смакование сильного женского стана с загорелыми ногами девки, то, что когда-то так сильно соблазняло его; та же Аксинья с блестящими глазами, почти бессознательно теперь, в восемьдесят лет, снова поднявшаяся из глубины воспоминаний и ощущений прежних лет. <...> Все это как-то тягостно отзывалось мне»⁹.

Итак, у Толстого возникают неразрешимые внутренние конфликты. В его душе сформирован образ «роковой женщины». Между этой

женщиной и Толстым существуют крайне трудные преграды, социальные и моральные. Эта женщина не только недоступна для него, но и враждебна по отношению к нему.

Он не может преодолеть эти трудности. Остается привязанность к Аксинье, и вообще к своей «роковой женщине», и угрызения совести перед Аксиньей и женой. Остается чувство неудовлетворенности и сожаления, что он не смог добиться своего в своей жизни. И главное, нет выхода из этой ситуации.

Дело касается не только «роковой женщины», но и отношений Толстого с крестьянами вообще. Он, имея связь с Аксиньей, параллельно занимается освобождением своих крепостных и реализует это уже летом 1858 г. Конечно, это подвиг, но тяжелая любовь к крепостной-любовнице не дает ли Толстому сомневаться в значении этого «освобождения»?..

После отношений с Аксиньей и женитьбы на Софье Андреевне, в декабре 1862 г. Толстой, наконец завершая повесть «Казаки», ясно и глубоко осознает весь свой вопрос. Кажется, Толстой попадает в тупик, но он неожиданным образом выходит из него.

4

«— Мама! Какое пирожное будет? — еще решительнее, не срываясь, прозвучал голосок Наташи.

Графиня хотела хмуриться, но не могла. Марья Дмитриевна погрозила толстым пальцем.

— Казак! — проговорила она с угрозой» («Война и мир». 9, 78).

В «Войне и мире» Толстой, создавая Пьера и Наташу, преодолевает свои конфликты творческой фантазией. И Пьер, и Наташа совмещают в себе аристократичное и простонародное. Пьер рождается незаконным сыном вельможи. Мать его, наверное, крестьянка, судя по его массивному телосложению, необыкновенной физической силе, характеру. Наташа — это «казак», как ее называет Марья Дмитриевна Ахросимова. Можно сказать, что Наташа — казачка Марьяна, которая рождается в семье аристократа.

К тому же Наташа разрешает другую давнюю задачу писателя: она объединяет в себе два разных женских типа — толстовскую красавицу и идеальную мать, так как Наташа олицетворяет не только «волшебницу» (12, 270), но «сильную, красивую и плодовитую самку» и «примерную жену и мать» (12, 266).

Итак, Пьер, воплощение части души Толстого, соединяется с Наташой, совмещающей «казачку» и идеальную мать, и вокруг них, вокруг их любви реализуется гармония мира. Более того, они живут не

в 1850-е и 1860-е гг., а в великое время, когда все сословия общества объединяются для защиты родины. Исчезают все социальные разногласия в этом грандиозном мире фикции, в жизнерадостном сне.

В этих исключительных условиях мира и гармонии автор может сказать: «Жизнь есть все. Жизнь есть Бог» (12, 158). «Пока есть жизнь, есть и счастье» (12, 222). В этом смысле «Война и мир» является гимном жизни.

Однако когда Толстой пишет «Войну и мир», вокруг него происходит два серьезнейших и тяжелейших события. Они не только оказывают существенное влияние на содержание этого романа, но подрывают и даже разрушают основу его мировоззрения.

Одно событие — это любовь старшего брата Толстого, Сергея, и Татьяны Берс (младшей сестры Софьи Андреевны) и — покушение на самоубийство Татьяны. Татьяна подробно описывает свой роман в книге «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне».

Сергей и Татьяна сильно влюбляются друг в друга летом 1863 г., и он делает ей предложение уже осенью того же года. Предложение принято, но их близкие не очень приветствуют их любовь. Во-первых, из-за разницы в возрасте. Тогда Татьяне еще нет 17 лет (р. 29 октября 1846), а Сергею — 37 (р. 17 февраля 1826). Во-вторых, Сергей живет в незаконном браке с цыганкой Марией уже 16 лет, и у них есть несколько детей.

Толстой же, любя и Татьяну, и брата, желает им счастья, но вместе с тем знает о тяжелом положении его семьи и сочувствует Марии. Толстой полагает, что Сергей, довольно сильно привязанный к Марии, в конечном итоге не сможет разорвать отношений с ней. А Сергей мало рассказывает Татьяне о своей семье, о своей дилемме.

Толстой открывает Татьяне семейное положение брата в своем разговоре с ней, и в начале января 1864 г. ей пишет, что Мария мучает, к тому же она сейчас рожает, что «не надо опускаться». Толстой, скорее всего, намеревается побудить Татьяну отказаться от Сергея. «Одно я знаю, что чем труднее[е] становится выбор в жизни для человека, чем тяжелее жить, тем больше надо владеть собой» (1...3 января 1864 г. — 61, 31–33).

Прочитав письмо, Татьяна сразу решается расторгнуть помолвку и пишет Сергею: «Сергей Николаевич! Я получила письмо от Левочки. Оно многое открыло мне, чего я прежде не знала. Может быть, и не хотела бы знать. Оно заставило меня возвратить вам ваше слово. Вы свободны! Будьте счастливы, если можете»¹⁰.

В отчаянии она принимает яд (квасцы), но, к счастью, спасена.

Нетрудно представить удивление и мучение Толстого. Как будто он сам провоцирует покушение на самоубийство его любимой Татьяны! Жизнь и любовь — слепая стихия...

Через три года, в июле 1867 г., Татьяна выходит замуж за Александра Кузминского, друга детства. «Я, испытав уже более серьезное чувство и не найдя в нем счастья, вернулась, как бы под защиту, к своей первой, ничем не омраченной, чистой любви, думая пристать к берегу спасенья»¹¹.

В «Войне и мире» Наташа Ростова повторит и переживет всю эту историю — страстную любовь, ее катастрофу, покушение на самоубийство и убежище на «безопасном берегу» от бурного моря жизни, то есть брак с Пьером и семейную жизнь.

Другое событие — это «прелюбодеяние» сестры Толстого, Марии (1830—1912), и смерть ее бывшего мужа Валериана Толстого (1813—1865).

Летом 1857 г. Мария уходит с своими тремя детьми от мужа по причине его весьма «развратной жизни». По С. М. Толстому, тогда у Валериана было четыре любовницы¹². Как рассказывает Мария Н. Н. Гусеву, она при уходе объявляет мужу, что «не желает быть старшей султаншей в его гареме»¹³.

Кстати, по книге Кузминской, Толстой ей говорит, что он сам уговаривает сестру расстаться с мужем и потом раскаивается в своем поступке: «В одном я упрекаю себя постоянно — это что я уговорил Машеньку бросить мужа и навсегда расстаться с ним. Это не хорошо. Что Бог соединил, люди не должны разъединять. И сестра должна была терпеливо переносить все, что Бог послал ей»¹⁴.

Наверное, уход Марии от мужа связан и с И. С. Тургеневым. Они с Тургеневым знакомятся в октябре 1854 г. и сильно увлечены друг другом. Возможно, Толстой надеется на искренность Тургенева по отношению к Марии и дает ей уйти от Валериана. Однако Тургенев относится к Марии непоследовательно. Его чувство несерьезно. К тому же он связан с Полиной Виардо.

В начале 1860-х гг. в Экс-ле-Бен «оскорбленная Валерьяном, обманутая Тургеневым, Мария» знакомится со шведом, виконтом Гектором де Кленом (1831—1873) и влюбляется в него. И 20 сентября 1863 г. она рожает в Женеве дочь от него, Елену¹⁵.

Толстые потрясены письмом Марии об этом известии, родами не-законной дочери, которые они скрывают. Толстой пишет Марии: «Милый, милый, тысячу раз дорогой друг мой Машенька. Рассказать тебе, что я чувствовал, читая твое письмо, я не могу. Я плакал и теперь плачу, когда пишу. <...> Теперь что делать? Первое — выйти за него замуж, второе — ребенка ни в коем случае не брать себе, а отдать его мне. Третье — важнее всего — скрыть от детей и от света» (10?—15? октября 1863 г.— 61, 22).

В январе 1864 г. братья Толстые, Лев и Сергей, встречаются с Валерианом и уговаривают его составить прошение о разводе¹⁶. Мы предполагаем, что Толстые скрывают от Валериана связь Марии со шведом и ее роды, а то вряд ли бы Валериан согласился на развод. После этого Толстой обращается к архиепископу, который решает дело в пользу Марии¹⁷. В конце марта Толстой сообщает сестре: «Он (Валерьян) на все согласен <...>. Прошенье о разводе я не подавал, хотя навел справки и убедился, что дело это очень легко может быть сделано и окончено в 6 месяцев сроку, но теперь я подожду его подавать до твоего приезда или ответа» (24 марта 1864 г.— 61, 40—42).

Однако... 6 января 1865 г. Валериан вдруг умирает. По письму Толстого А. А. Толстой, Валериан за два дня до смерти пишет завещание в пользу своей сожительницы: он «оставил <...> все в пользу этой женщины» (14 сентября 1865 г.— 61, 103—105). Кроме того, он выдает этой женщине, на имя третьего лица, заемное письмо в 18 000 р. В результате на имения Валериана наложен арест. Судя по этому необычайному поступку Валериана, вполне очевидны его чувства и отношение к Марии и Толстым. Может быть, Валериан каким-нибудь путем узнал секрет жены и замысел Толстых.

Почему Валериан умирает? По болезни или по другим причинам? Его близкие молчат об этом, и не существует никаких материалов, но можно предположить кое-что. Если Валериан смертельно болен, естественно, не нужен развод. А Толстые как раз для этого активно работают. Несчастный случай исключается, так как Валериан, как мы видели, заранее знает о своей смерти и готовится к этому. Может быть, он болеет острой болезнью типа инфаркта или — кончает самоубийством, хотя нет никаких прямых доказательств... В любом случае смерть его тяжелая и трагическая.

Узнав о смерти Валериана, Толстой пишет А. А. Толстой: «Нет ничего хуже в смерти, как то, что когда человек умер, нельзя уж поправить того, что сделал дурного или не сделал хорошего в отношении его» (18...23 января 1865 г.— 61, 69—71). Как Толстой переживает! Здесь не нужен комментарий.

Толстой испытывает страшную стихию жизни, три «прелюбодеяния» подряд, включая свою любовь к Аксинье (хотя одно из них не совершено). В случае сестры Марии Толстой просто делает все, что хочет его любимая «Машенька». В результате этого Мария сама мучается, и Валериан умирает трагически. А с Татьяной Берс Толстой поступает наоборот. Он собирается удержать ее от роковой любви. Однако его добroе намерение вызывает ее покушение на самоубийство. Раз начинает бушевать стихия жизни, все перемешано, все спутано — и добро, и зло.

Надо бороться со стихией жизни в своей жизни и в творчестве! Надо искать и найти принцип для этой борьбы. Это очевидно, но эти задачи не полностью разрешаются в «Войне и мире», ведь это «гимн жизни», основанный на исключительных условиях гармонии. Требуется другое мировоззрение, другое произведение для их разрешения.

В «Войне и мире» есть еще одна проблема для разрешения этих задач. Это творческая фантазия. Правда, в этом романе Толстой преодолевает свои внутренние конфликты по отношению к «роковой женщины» и «непреодолимую стену между собой и народом»¹⁸, но — только в мире фантазии. Толстой, написав «Войну и мир», должен опять думать о реальности. Ведь фикция не изменит реальности...

4 января 1872 г. возникает третье и последнее событие, которое подготавливает новый роман. Это широко известная трагедия Анны Степановны Пироговой.

Анна Степановна — экономка и сожительница помещика А. Н. Бибикова, который являлся соседом Толстого. И Толстой, и Софья Андреевна очень хорошо их знали. По С. А. Толстой, она «высокая полная женщина с русским типом и лица и характера, брюнетка с серыми глазами, но некрасивая, хотя очень приятная». Причина самоубийства состояла в том, что Бибиков объявил ей: он оставляет ее и женится на гувернантке своего сына. Через несколько дней вечером на станции Ясенки она бросилась под товарный поезд, оставляя письмо Бибикову: «Вы мой убийца, будьте счастливы с ней, если убийцы могут быть счастливы. Если хотите меня видеть, вы можете увидеть мое тело на рельсах в Ясенках»¹⁹.

Уже через два месяца после этого последнего «толчка», 18 марта Толстой начинает новый роман. Как писатель разрешает свои старые и новые задачи?

Анна Каренина — это, без сомнения, высший женский образ для Толстого. У нее есть все — его любимая красота, прелесть, любовь, эрос, нравственность, незаурядный ум, разносторонние способности и материнство.

Толстой подвергает Анну тяжелому испытанию. Он дает своей героине жить привилегированной жизнью в высшем свете и сталкиваться с проблемой романа: если жизнь ненормальна, искусственна, эгоистична, то любовь неизбежно становится ненормальной, эгоистичной. И в этих трудных условиях жизни Анна должна соединить эрос, любовь и материнство.

Толстой испытывает Анну, она же должна выдержать испытание, опираясь на свою женственность, достоинства, хотя, видимо, автор ожидает, что героиня не выдержит его, потому что Толстой с самого начала писания романа планирует гибель Анны.

Анна неизбежно идет к гибели. Ее материнская любовь, нравственность, высокий ум, желание самопознания и самореализации, ее работа для этого (интенсивное чтение, строительство больницы, уроки в деревенской школе, писание детского романа) — все это никак не помогает героине. Источник зла — самая женственность, и особенно ее эрос: «Если б я могла быть чем-нибудь, кроме любовницы, страстно любящей одни его ласки; но я не могу» (19, 343).

Толстой как бы убеждает себя в том, что женственность не может быть опорой в жизни, основой мировой гармонии, как в повести «Детство», в истоке его творчества, и в «Войне и мире» и других произведениях.

Итак, Толстой убивает героиню романа и уничтожает все внутренние женские образы, оставляя только голую, нейтральную идею — «добрь» и «любовь». Теперь этой идеологией Толстой хочет добиться своего в реальности: он призывает всех объединиться «добрь» и «любовью».

Давний вопрос Толстого разрешен, ведь он больше не существует. И это открывает путь к преодолению «стены между собой и народом», к объединению со всеми. Здесь начинается поздний период творчества писателя.

Правда, и после «Анны Карениной» Толстой создает немало женских образов, но они теряют прежний актуальный смысл для него. В повести «Крейцерова соната» писатель интересуется не самой женой Позднышева, не ее личностью, а только ее эросом и — повторным убийством женственности, которое является главным мотивом повести. Даже Катюша Маслова в «Воскресении» скорее «воспоминание» внутренней роковой женщины, чем настояще актуальное существо.

Таким образом Толстой жертвует собой, частью своей души — женским идеалом. Благодаря этому самопожертвованию написана «Анна Каренина» — прекрасная траурная песня женственности.

¹ Гусев. Материалы, I. С. 59—60.

² Там же. С. 670.

³ Там же. С. 673—675.

⁴ Там же. С. 309.

⁵ «Казаки». Вариант № 3—6, 194.

⁶ Панкратов А. Толстой — школьный учитель // Русское слово. 1912. № 257 от 7 ноября.

⁷ ДСТ. Т. 1. С. 44.

⁸ ДСТ. Т. 1. С. 47.

⁹ Там же. Т. 2. С. 118–119.

¹⁰ Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Киев, 1987. С. 301.

¹¹ Там же. С. 400.

¹² Толстой С. М. Единственная сестра // Прометей: Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей» / Сост. Ю. Селезнев. М., 1980. Т. 12. С. 272.

¹³ Гусев. Материалы, II. С. 226.

¹⁴ Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Киев, 1987. С. 337.

¹⁵ Толстой С. М. Единственная сестра // Прометей. М., 1980. Т. 12. С. 274.

¹⁶ Там же. С. 274.

¹⁷ Там же. С. 274.

¹⁸ «Анна Каренина». Вариант № 177. 20, 505.

¹⁹ Гусев. Материалы, III. С. 134–135.

С. Ю. Николаева

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЗМА «ВОЙНЫ И МИРА»
И ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
МОСКОВСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Мощь и своеобразие философско-исторических воззрений Л. Н. Толстого не раз становились предметом изучения литературоведов и критиков. При этом точность наблюдений и выводов зависела от результатов работы текстологов, устанавливавших круг источников и приемы их переосмысления и толкования Толстым¹. Комментаторы давно обратили внимание на то, что автор «Войны и мира», стремясь объяснить исторические события и факты «человеческих», раскрывая «психологические ресурсы», заложенные в источниках, «отвергал частные в культурном наследии эпохи аналогии деятелей 1812 г. с героями древней истории», воспринимал их «как пример далекой от жизни символики»².

Осмеяние нелепых рассказов о «русских римлянах и греках» 1812 г., вполне очевидное и явленное в тексте романа-эпопеи³, представляется внутренне связанным с еще одной интересной особенностью толстовского повествования. Описывая русский ландшафт, буквально перегруженный исторической памятью, историческими ассоциациями и аллюзиями, Толстой тщательно избегает этих аллюзий даже в тех случаях, когда речь идет о событиях русской истории, хотя, казалось бы, в таких параллелях «тон правды» гораздо сильнее.

Обращение к тем источникам, которые были известны писателю, свидетельствует, что вся русская история воспринималась людьми того времени как предшествование и предуготовление к эпохе 1812 г.

В частности, множество исторических параллелей встречается в труде А. И. Михайловского-Данилевского. Описывая празднование мира с Турцией 12 июля 1812 г., историк писал: «Так, среди войны, напоминавшей грозное нашествие татар и ляхов, праздновали заключенный Кутузовым мир»⁴. Показывая оборону и пожар Смоленска, автор также не избежал сравнений и исторических акцентов: «Крепость и толщина стен, воздвигнутых еще Годуновым, противостояли чугуну, но тучи ядер и гранат... произвели пожары... Почитая этот день светопреставлением, а Наполеона Антихристом с воинством дьяволов, жители толпами бежали из огня, между тем как полки

руssкие шли в огонь: одни спасали жизнь, другие несли ее на жертву. Как некогда во Пскове, осажденном Батыем, под ядрами литовских бойниц, духовенство пело молебны, так теперь в Смоленске, где уже три дня, во время свирепствовавших битв, не затворялись церкви... Пылали колокольни и церкви, но всенощное бдение накануне праздника Преображения Господня продолжалось. Никогда более как в этот вечер не воссыпали молитв ко Всевышнему. В сумерки из Благовещенской церкви и потом из города вынесли Чудотворный образ Смоленской Божьей Матери. Шествие сопровождалось треском распавшихся зданий и губительными явлениями битвы⁵. Наконец, с соответствующими историческими комментариями сопроводил А. И. Михайловский-Данилевский свой рассказ об участии в событиях церковных деятелей: «Подобно Святому Сергию, некогда благословившему Великого князя Дмитрия на брань с Мамаем, Платон 14-ого июля послал к императору с наместником Троицкой Лавры Самуилом образ Преподобного Сергия, написанный на гробовой доске угодника и сопутствовавший Петру Великому в походах и сражениях <...> 17-го июля он приказал Преосвященному Августину сочинить молитву о нашествии супостатов, для чтения с коленопреклонением, в церквях Московской епархии», причем в молитве этой были слова: „Подаждь ему победу на врага, якоже Моисею на Амалика, Гедеону на Мадиама и Давиду на Голиафа“⁶.

Не менее интересные параллели присутствуют в мемуарах Ф. Глинки, который цитирует Степенную книгу⁷, сравнивает эпоху нашествия Наполеона с «временами Минина и Пожарского», с эпохой Смуты⁸, использует стилистику старинных воинских повестей («Быть бою кровавому, быть великому сражению»⁹), упоминает об эпохе Ивана Грозного в рассказе о плачевной судьбе отступавших французов: «Подобная казнь постигла татар, дерзко набежавших на Россию во дни малолетства царя Ивана Васильевича. Великие снеги и морозы поизобили татар, а остальных казаки добивали». Так говорит Царственная книга¹⁰.

Итак, в культурно-историческом сознании современников 1812 год, согласно принципу «ретроспективной исторической аналогии»¹¹, соотносился с библейскими событиями и событиями русской истории: Куликовской битвой, становлением Московского царства при Иване Грозном, Смутным временем. Такого рода параллели вряд ли могли казаться Толстому искусственной, «далекой от жизни символикой». По крайней мере, он не высмеивает их, в отличие от эпизодов с «Фермопилами» или «Муцием Сцеволой»¹². Но вот учитывает ли, включает ли в подтекст собственных картин и образов?

Чтобы ответить на эти вопросы, следует учесть два обстоятельства. Во-первых, некоторые реалии Толстой все же сохраняет непосредственно в тексте, а они, в свою очередь, будучи окутанными множеством ассоциаций для всякого образованного русского человека, создают и подтекст. Например, важнейшей подробностью становится упоминание о Калязине, где произошло чудесное явление мироточащей иконы Пресвятой Богородицы и куда направляются странники княжны Марии незадолго до «грозы двенадцатого года». Этот эпизод — необходимое звено в исторических построениях Толстого. Он предвосхищает великие события 1812 г., в процессе которых русская святость и русский дух, русская идея сконцентрировались в центре Русской земли, в тех местах, которые стали роковыми и для самой Руси, и для ее завоевателей. На глубинном уровне поэтики Толстой проводит параллель между нашествием Наполеона и Смутным временем XVII в.: конечно же, писатель знал, что в битве под Калязином в 1610 г. мощный отпор литовским интервентам дал любимый народный герой Михаил Скопин-Шуйский¹³. Толстой опирается на историческую память читателя, не перегружая повествование деталями и риторическими фигурами, но сосредоточиваясь на духовной стороне описываемых событий. Стоит добавить, что упоминание о Калязине не имеет жесткой связи с фабулой, оно не обязательно, а значит, мотивировано не сюжетно, не событийно, а нравственно и философски.

Точно так же избыточным, на первый взгляд, является и упоминание о Колоцком монастыре как о фрагменте Бородинской панорамы. Толстой не изображает монастырь на своей карте, не показывает военных действий у его стен, но называет его, воссоздавая увиденную Пьером картину: «Вверх и влево по этому амфитеатру, разрезывая его, вилась большая Смоленская дорога, шедшая через село с белой церковью, лежавшее в пятистах шагах перед кургана и ниже его (это было Бородино). Дорога переходила под деревней через мост и через спуски и подъемы, вилась все выше и выше к видневшемуся верст за шесть селению Валуеву (в нем стоял теперь Наполеон). За Валуевым дорога скрывалась в желтевшем лесу на горизонте. В лесу этом, березовом и еловом, вправо от направления дороги, блестел на солнце дальний крест и колокольня Колоцкого монастыря. По всей этой синей дали, вправо и влево от леса и дороги, в разных местах виднелись дымившиеся костры и неопределенные массы войск наших и неприятельских» (11, 193).

Совершенно очевидно, что в пространственной структуре Бородинской панорамы Колоцкий монастырь занимает особое место. С одной стороны, он совершенно не нужен — расположение войск Наполеона и без того определяется легко и точно: в селении Валуев-

во и за ним. С другой стороны, золотой крест и белая колокольня в синей дали становятся композиционным центром изображенной картины, превращаются в эмоциональный камертон для Пьера, задают его настроение, «сознание торжественности наступающей минуты». К этому эпизоду, в котором Пьер, рассматривая панораму, расспрашивает какого-то офицера о диспозиции войск, непосредственно примыкает описание крестного хода с иконой Смоленской Божьей Матери, которое, в свою очередь, является нравственной кульминацией всего фрагмента, посвященного пребыванию Пьера на поле сражения накануне битвы.

Сказания об иконах имели важное значение для Толстого и присутствовали в его художественном сознании при создании «Войны и мира»¹⁴, помогали выразить «мысль народную». Несомненно, история Колоцкого монастыря также была известна писателю — хотя бы по труду Н. М. Карамзина¹⁵. В «Повести о Луке Колоцком» говорилось о «явлении чудотворного образа Пречистыя Богородицы и о начале монастыря ея Колочского»¹⁶. История монастыря началась с явления Богородичной иконы.

Пьер поставлен Толстым в такую ситуацию, когда он невольно и неизбежно должен проникнуться «духом народа и войска», «скрытой теплотой» патриотического чувства, которое в народном сознании связывается с образом Божьей Матери. Пьер жадно всматривается в лица молящихся и видит это «вспыхивающее» чувство, реальность и подлинность которого подтверждается свидетельствами очевидцев. Например, об этом писал М. М. Петров: «Чрез весь тот день трудясь во усовершенствовании военных приготовлений к генеральному сражению, приводили все войско во уверенность и полную надежду дать отпор врагам своим. И тогда же немалое число духовенства полков, присоединившихся к нам из Смоленска и иных мест, носили образ Смоленской Присно-Девы, Матери Спасителя нашего по всем линиям войск, готовившихся с сердечной теплою молитвою пред ней Богу спасать жизнью Отечество в предстоявшем, давно желанном общем сражении»¹⁷. «Сердечная теплота» в рассказе мемуариста и «скрытая теплота» в толстовском повествовании — одно понятие, характеризующее нравственную атмосферу на Бородинском поле и в обоих случаях ассоциативно связанное с иконой Богородицы, а через нее — с нравственным смыслом русской истории, о котором размышляет Толстой.

Еще одна историческая реалия, которая сохранилась в «Войне и мире» не будучи абсолютно необходимой, — это Троице-Сергиева лавра. Толстой прокладывает маршрут, которым следуют Ростовы из Москвы, через Лавру: с игуменом ее они хорошо знакомы, являясь

вкладчиками монастыря. В Лавре раненому князю Андрею становится лучше, и он говорит Наташе, что «нежели бы он был жив, он благодарил бы вечно Бога за свою рану, которая свела его опять с нею» (12, 62). Именно здесь, в Лавре, происходит последний духовный подъем, испытанный князем Андреем. Этот акцент, конечно, сделан Толстым не случайно. Когда-то Преподобный Сергий был идеологом и вдохновителем отпора татарам на Куликовом поле. Бородино тоже было «полем русской судьбы»¹⁸; на этом поле князь Андрей получил смертельную рану, и благословение настоятеля Троице-Сергиева монастыря заставляет читателя провести параллель между Андреем Болконским и всеми теми воинами-мучениками, которые, защищая Отечество, легли в «могилу как в постель»¹⁹.

Таким образом, фрагменты исторического ландшафта, сохранившиеся в художественной ткани «Войны и мира», оказываются не случайными, а тщательно отобранными автором. Они имеют не сюжетную, а духовно-нравственную обусловленность и во всех случаях связаны с двумя главными героями — Пьером и князем Андреем. Если рассказ странницы о Калязине и о прозревшем благодаря иконе Божьей Матери генерале они слушают вместе, то дальнейшие пути героев расходятся. Их духовное прозрение происходит по-разному: у Пьера — через приобщение к народной вере, у князя Андрея — через индивидуальный духовный опыт. Пьер в эпизоде со Смоленской Богородицей пытается понять народ, простых людей, князь Андрей на Бородинском поле и в Троице прислушивается к своему внутреннему «я». Пьер после плена начинает любить жизнь, князь Андрей воспринимает смерть как «пробуждение от жизни». Фрагменты истории России становятся вехами в истории души героев Толстого.

Второе обстоятельство, которое следует учитывать при рассмотрении вопроса о возможных исторических параллелях в «Войне и мире», — это большое количество соответствий между ключевыми мотивами батальной и исторической живописи Толстого и системой аналогичных мотивов в памятниках средневековой московской словесности того периода, который принято называть периодом национального подъема и существования Московского царства²⁰. Традиции древнерусской литературы проявляются не на уровне текстуальных заимствований, цитат, реминисценций (это вообще не характерно для автора романа-эпопеи), а на уровне лейтмотивов и их компоновки²¹.

В частности, описывая отступление русских войск от Смоленска, Толстой говорит о страшной жаре и пыли, мучительной для людей, причем источник страданий — солнце — показан как раздражающий взгляд, производящий болезненное впечатление «багровый шар»: «Чем выше поднималось солнце, тем выше поднималось облако пыли,

и сквозь эту тонкую, жаркую пыль на солнце... можно было смотреть простым взглядом. Солнце представлялось большим багровым шаром» (11, 121). Багровое облако как символ мученического венца появляется над русскими воинами в «Сказании о Мамаевом побоище»: «В шестой час этого дня видел я, как... разверзлось небо, из которого вышло облако, будто багряная заря над войском великого князя, скользя низко. Облако же то было наполнено руками человеческими, и те руки распростерлись над великим полком как бы проповеднически или пророчески. В седьмой час дня облако то много венцов держало и опустило их на войско, на головы христиан»²². Толстой, конечно, исключает фантастику, но сохраняет пророческий, провиденциальный смысл эпизода.

Находясь на батарее Раевского, Пьер внимательно следит за «веселыми» лицами солдат и наблюдает общее оживление: «Как из продвигающейся грозовой тучи, чаще и чаще, светлее и светлее вспыхивали на лицах всех этих людей (как бы в отпор совершающегося) молнии скрытого, разгорающегося огня» (11, 135; здесь и далее курсив мой.— С. Н.).

Радость охватывает и русских воинов в «Сказании о Мамаевом побоище»: «Храбрые же витязи, достаточно испытать оружие свое над погаными татарами, со всех сторон бредут на трубный звук. Шли весело, ликуя, песни пели: те пели богоугодные, другие — мученические, иные же — псалмы, — все христианские песни. Каждый воин идет, радуясь на звук трубы»²³.

Устойчивым, повторяющимся и типологически близким к древнерусским военно-историческим картинам становится толстовское описание поля битвы, особенно канонады: «Но солнце, застилаемое дымом, стояло еще высоко, и впереди... кипело что-то в дыму, и гул выстрелов, стрельба и канонада не только не ослабевали, но усиливались до отчаянности, как человек, который надрываясь, кричит из последних сил... дым, сливаясь с туманом, скрывал всю местность» (11, 238—239). Сравним с древнерусским текстом: «И от пушечных и пищальных залпов, и от скрежета и бряцания многочисленного оружия, и от плача и рыдания горожан — женщин и детей,— и от громких криков, вопля и свиста, и от ржания и топота коней тех и других воинов далеко слышен был по русским пограничным землям, за триста верст, словно сильный гром, страшный шум, и нельзя было тут ничего расслышать, что друг другу говорили. И дымная пелена от пороха поднималась вверх и покрывала город и всех русских воинов. И ночь, словно ясный день, светлела от огня, и не видно было ночной тьмы, а летний день от дымных воскурений и мрака становился подобен темной осенней ночи» («Казанская история»)²⁴. Древнерусский

автор проводит параллель между человеческим криком и грохотом боя, тогда как у Толстого параллель превращается в прямое сравнение: «стрельба и канонада... усиливалась до отчаянности, как человек, который... кричит из последних сил». Тем самым извлекается и усиливается «человеческий» смысл происходящего исторического события.

Описывая поле сражения, «уложенное мертвыми и изувеченными людьми», Толстой остается верен старинной традиции батальных описаний: «Несколько десятков тысяч человек лежало мертвыми в разных положениях и мундирах на полях и лугах... на тех полях и лугах, на которых сотни лет одновременно сбирали урожай и пасли скот крестьяне деревень Бородина, Горок, Шевардина и Семеновского...» (11, 263). Соответствия отыскиваются легко: «И можно было видеть подобные высоким горам громадные кучи убитых казанцев, лежавших и внутри города, бровень с городскими стенами, и в городских воротах, и в проломах; и за городом — во рвах, ручьях и колодцах, вдоль реки Казани и за Булаком, по лугам — лежало бесчисленное количество мертвых, так что даже сильный конь не мог свободно скакать по трупам мертвых казанцев и воину приходилось сменять коней, пересаживаясь с одного на другого»²⁵.

Интересно, что даже самые пронзительные, почти натуралистические подробности, использованные Толстым, например такие: «...на десятину места трава и земля были пропитаны кровью... стояла теперь мгла сырости и дыма и пахло странной кислотой селитры и крови» (11, 263), — оказываются новой реализацией традиционных мотивов. Сравним: «И разлились по всему городу реки крови, и протекли потоки горячих слез; словно огромные лужи дождевой воды, стояла кровь по низким местам; окровавилась земля, и речная вода смешалась с кровью, так что семь дней не могли люди пить воду из рек; кони же и люди бродили в крови по колено»²⁶. Новизна и свежесть толстовского описания обеспечиваются прежде всего психологическим комментарием к нему.

Значительных усилий потребовала от Толстого «московская тема», сам образ Москвы, остающейся во власти Наполеона²⁷. И в результате акцент был сделан на «опустевшей» Москве, подобной «обезматочившему улью», на ее женской природе, оскорбленной захватчиком, на эсхатологическом мотиве: «Наступил последний день Москвы»²⁸.

Думается, что толстовская художественная эсхатология подсказана (или предсказана) опытом древнерусской литературы. Говоря о «скрытом патриотизме», который проявляется незаметно, просто и потому «производит всегда самые сильные результаты», автор «Вой-

ны и мира» оказывается приверженцем (или носителем) «скрытого историзма», то есть историзма ненавязчивого, естественного, когда художник апеллирует не к громким именам и событиям прошлого, а к исторической памяти своих читателей, закрепленной в таких словах, как «русская земля», «отцы», «Смоленск», «Москва»:

«Событие это — оставление Москвы и сожжение ее — было так же неизбежно, как и отступление войск без боя за Москву после Бородинского сражения.

Каждый русский человек, не на основании умозаключений, а на основании того чувства, которое лежит *в нас* и лежало *в наших отцах*, мог бы предсказать то, что совершилось.

Начиная от Смоленска, во всех городах и деревнях русской земли, без участия графа Растопчина и его афиш, происходило то же самое, что произошло в Москве... И как только неприятель подходил, богатейшие элементы населения уходили, оставляя свое имущество; беднейшие оставались и зажигали и истребляли то, что осталось.

Сознание того, что это так будет, и всегда так будет, лежало и лежит в душе русского человека» (11, 279–280).

Память о прошлом закреплялась благодаря таким памятникам, как «Повесть о нашествии Тохтамыша»: «И до той поры, прежде была Москва для всех градом великим, градом чудным, градом многолюдным, в нем было множество народа, в нем было множество господ, в нем было множество всякого богатства. И в один час изменился облик его, когда был взят, и посечен, и пожжен. И не на что было смотреть, была разве только земля, и пыль, и прах, и пепел, и много трупов мертвых лежало, и святые церкви стояли разорены, словно осиротевшие, словно овдовевшие»²⁹.

Описывая исход жителей из Москвы, Толстой стремится найти эквивалент такому описанию всеобщего, единого народного шествия: «Когда же донесли икону эту почти до Москвы, тогда весь город вышел навстречу, и встретил его с честью Киприан-митрополит с епископами и архимандритами, с игуменом и дьяконами, со всеми слушателями и причтом церковным, с монахами и монахинями, с благоверными князьями, с благоверными княгинями, и с боярами, и с боярынями, мужчины и женщины, юноши, девы и старцы с подростками, дети, младенцы, сироты и вдовы, нищие и убогие, всякого возраста мужи и жены, от мала до велика, все многое множество народа бесчисленного, и люди с крестами и с иконами, с евангелиями и со свечами, и с лампадами, с псалмами и с песнями и пеньем духовным, а лучше сказать — все в слезах, от мала и до велика, и не сыскать человека не плачущего, но все с молитвой и плачем, все со вздохами неумолчными и рыданьем, в благодарности руки воздевая к небу, все

молились святой богородице» («Повесть о Темир-Аксаке»)³⁰. Пространное и ритмически монотонное перечисление Толстой заменяет одним колоритным образом, выделенным на общем фоне: «Они уезжали и не думали о величественном значении этой громадной, богатой столицы, оставленной жителями и, очевидно, сожженной... Та барыня, которая еще в июне месяце с своими арапами и шутихами поднималась из Москвы в саратовскую деревню... делала просто и истинно то великое дело, которое спасло Россию» (11, 281).

Выскажем предположение, что сравнение Москвы и московского народа с пчелиным ульем, которое обычно возводят к басне И. А. Крылова «Ворона и курица» (1812)³¹, восходит к более древним источникам, например: «И по колокольному звону весь большой город Москва вышел на поле за посад навстречу царю великому князю: князья его, и вельможи, и все старейшины города: богатые и бедные, юноши и девушки; с младенцами и чернецы с черницами; попросту же сказать — все бесчисленное множество народа московского и среди него — все иноземные купцы, турки, и армяне, и немцы, и литовцы, и множество странников. И встречали его одни за десять верст, другие — за пять верст, иные же за три или за одно поприще от города, стоя одновременно по обе стороны пути, давя друг друга и тесня. И, видя, что идет их самодержец, сильно радовались они, словно пчелы, увидевшие матку свою, и кланялись ему до земли, восхваляя, и славя, и благодаря его и победителем великим называя, и долгое время выкрикивали ему пожелания многих лет жизни» («Казанская история»)³²; «Окружили меня, словно пчелы соты, и разгорелись, словно огонь в терновнике» («Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича Донского»)³³.

Войдя в Москву, солдаты Наполеона не обнаружили населения, встретив лишь толпы пьяных, шатавшихся меж дворами. Такое уже случалось — вернее, так всегда было в русской истории: «Некие же дурные люди начали ходить по дворам, вынося из погребов меды хозяйские и сосуды серебряные и стеклянные, дорогие, и напивались допьяна и, шатаясь, бахвалились, говоря: „Не страшимся прихода поганых татар, в таком крепком граде находясь...“ <...> И потом влезали на городские стены, бродили пьяные, насмехаясь над татарами, видом бесстыдным оскорбляли их, и слова разные выкрикивали, исполненные поношения и хулы...»³⁴.

Несмотря на кажущуюся легкость в завоевании Москвы, ее завоеватели всегда терпели поражение в самой своей победе: «Темир Аксак-царь испугался и устрашился, и ужаснулся, и в смятение впал, и нашел на него страх и трепет, вторгся страх в сердце его и ужас в душу его, вошел трепет в кости его, и тотчас он отказался и убоялся

воевать Русскую землю, и охватило его желание побыстрее отправиться в обратный путь, и скорее устремился в Орду, Руси тылы показав, и повернул с соплеменниками восьмояси; возвратились без успеха, впали в смятение и заколебались, как будто кто-то их гнал. Не мы ведь их гнали, но Бог изгнал их *незримою силой* своей и пречистой их матери, скорой заступницы нашей в бедах, и молитвой угодника его... наслал на них страх и трепет, чтобы застыли на месте» («Повесть о Темир-Аксаке»)³⁵; «На себя ведь они надеялись, а не на Бога живого, царящего вечно. Как написано: „Да не хвалится сильный силою своею“, ибо все, надеющиеся на свою силу, погибли. Воистину „суетен всякий человек“ и „суетно стремление его“» («Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря»)³⁶.

Когда автор «Войны и мира» описывает чувство бессильного и беспомощного исполина и ужас, испытываемый Наполеоном при известии, что русские, потеряв половину войска, все еще стоят, он многократно повторяет, что всем происходящим руководит «какая-то непонятная, таинственная сила». Это то самое Пророчество, то «*незримая сила*», существование которой признавали древнерусские писатели, о которой забывали современные Толстому историки войны 1812 г. и о которой напомнил сам Толстой, назвав ее «дифференциалом истории».

¹ Один из новейших обзоров источниковедческих публикаций на эту тему дан в статье: Гулин А. В. Исторические источники в «Войне и мире» Л. Н. Толстого (на материале одного батального эпизода) // Отечественная война 1812 г. и русская литература XIX в. М., 1998. С. 344–368.

² Там же. С. 357.

³ Там же. С. 357–358.

⁴ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 г.: В 4 ч. СПб., 1839. Ч. 1. С. 240–241.

⁵ Там же. С. 119–120.

⁶ Там же. С. 255–256, 258.

⁷ Глинка Ф. Н. Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 г. М., 1821. С. 38.

⁸ Там же. С. 48.

⁹ Там же. С. 88.

¹⁰ Там же. С. 170.

¹¹ Термин, принятый в медиевистике для характеристики историзма мышления средневековых писателей. См.: Кусков В. В. Ретроспективная историче-

ская аналогия в памятниках Куликовского цикла // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 39–51.

¹² Гулин А. В. Указ. соч. С. 356–357.

¹³ Об этом подробнее см.: Николаева С. Ю. Иверская или Смоленская? (Сказания об иконах как источник «Войны и мира») // Ясонополянский сборник-2000. Тула, 2000. С. 37–38.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1819. Т. 5. Примеч. 254. С. 163.

¹⁶ Словарь книжников и книжности Древней Руси: В 3 вып. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. С. 246.

¹⁷ Петров М. М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, начавшейся с 1789 г. // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Из собрания письменных источников Государственного Исторического музея. М., 1991. С. 181. Первая публикация — в журнале «Москвитянин», 1843, № 5–6.

¹⁸ См.: Гулин А. В. Поле русской судьбы // Праздник обретения родины. Звенигород, 1994.

¹⁹ Глинка Ф. Н. Указ. соч. С. 98.

²⁰ О феномене московской словесности в аспекте ключевых символических мотивов и образов говорится в книге: Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.

²¹ В наиболее глубоких работах, посвященных традициям древнерусской литературы в «Войне и мире», речь идет или об общнеравнственных совпадениях (см.: Лихачев Д. С. Лев Толстой и традиции древней русской литературы // Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 3. С. 298–321), или о некоторых особенностях авторской позиции Толстого (Николаева Е. В. Некоторые черты древнерусской литературы в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» // Литература Древней Руси. М., 1978. Вып. 2. С. 96–113).

²² Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XVI в. М., 1981. Вып. 4. С. 177.

²³ Там же. С. 185.

²⁴ Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI в. М., 1985. Вып. 7. С. 489.

²⁵ Там же. С. 527.

²⁶ Там же.

²⁷ См. статью: Великанова Н. П. Москва в книге «Война и мир» // Москва в русской и мировой литературе. М., 2000. С. 170–184.

²⁸ Гулин А. В. Москва 1812 года в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» (Мотивы православной эсхатологии) // Москва в русской и мировой литературе. С. 156–169.

²⁹ Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV в. С. 203.

³⁰ Там же. С. 237.

³¹ Краснов Г. В. Комментарий в изд.: Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1980. Т. 6. С. 443.

³² Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI в. С. 543.

³³ Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV в. С. 225.

³⁴ Там же. С. 195.

³⁵ Там же. С. 239.

³⁶ Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI — начало XVII в. М., 1987. Вып. 9. С. 177.

В. А. Ачкасов

ТЕКСТОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ
СИНТАКСИСА И ЛЕКСИКИ В ПОВЕСТИ
Л. Н. ТОЛСТОГО «КАЗАКИ»

Многие произведения Л. Н. Толстого включены в школьную программу для чтения и изучения. Детей привлекает в его творчестве искренность и нравственная чистота. В период интенсивного освоения грамматики богатство синтаксического строя и лексики писателя является настоящим живительным источником.

Закономерен вопрос: не будет ли скучна для детей работа над грамматикой литературного текста? Не убьет ли она их эмоций, непосредственности восприятия? Опасения небеспочвенны.

Уместно привести воспоминания А. В. Чичерина о прочитанном в музее Л. Н. Толстого докладе о синтаксическом строе языка «Войны и мира». После доклада к нему подошла Софья Андреевна Толстая-Есенина и по давней дружбе высказала следующее: «Я уверена была, что рассуждения о синтаксисе будут нестерпимо скучны, „наблюдения“ такого рода обычно имеют столько же отношения к творчеству писателя, как описание строения ребер и мускулатуры для понимания духовной жизни человека. Но оказалось нечто совсем другое. Ваш доклад заставляет меня сегодня же снова перечитывать „Войну и мир“. Я теперь буду читать по-новому»¹.

Действительно, грамматический анализ — инструмент обоюдоострый. Он может помочь вскрыть гармонию художественного текста, а может изранить его, обезобразить.

В художественном тексте под воздействием его структуры на синтаксическом уровне реализуются новые, дополнительные значения. Это отличает текст как художественно-эстетическое целое от простой совокупности предложений. Структура высокохудожественного текста не может быть случайной, и в произведениях Л. Н. Толстого она выполняет чрезвычайно важную функцию: способствует раскрытию идеино-художественного замысла, создает семантическую многоплановость. Такая структура значительно сложнее, чем система языковых отношений. Читая произведения Л. Н. Толстого (как, впрочем, и любой художественный текст), необходимо иметь в виду, что вопрос о поведении синтаксической структуры должен быть решен по крайней мере в двух аспектах: текстовой реализации и текстообразующей функции.

Синтаксические единицы в художественном произведении реализуют в конкретных текстовых условиях одни функции, а другие, потенциально возможные, заглушают. Текстовая реализация эффективно влияет на художественно-эстетическую основу литературного произведения. При таком подходе осмысливаются не только грамматические закономерности синтаксического строя языка Л. Н. Толстого, но и постигается его художественно-эстетическая сущность.

В традициях русской литературы давать зарисовку пейзажа, времени суток, года в рамках сложного синтаксического целого, в котором четко реализуются текстообразующие функции и текстовые приращения языковых единиц всех уровней. Толстой также широко пользуется этим приемом. Его зарисовки — это не перечень деталей в простой совокупности предложений, это сложное художественно-эстетическое целое, в котором синтаксис выполняет структурообразующую функцию, а лексика на этом уровне реализуется контекстуально.

Слуховой, зрительный, осязательный образы создаются путем повторов однокоренных и неоднокоренных слов. Последние реализуют свою семантику уже в тексте, создавая единый образный ряд только в данной структуре сложного синтаксического целого. В повести «Казаки» таким примером может служить описание утра, когда Оленин и Брошко выходят из станицы на охоту: «Туман частью поднимался, открывая мокрые камышовые крыши, частью превращался в росу, увлажняя дорогу и траву около заборов. Дым везде валил из труб. Народ выходил из станицы — кто на работы, кто на реку, кто на кордоны. Охотники шли рядом по сырой, поросшей травою дороге. Собаки, махая хвостами и оглядываясь на хозяина, бегали по сторонам. Мириады комаров вились в воздухе и преследовали охотников, покрывая их спины, лица и руки. Пахло травой и лесною сыростью» (6, 72–73). В этом очень небольшом по объему фрагменте довольно интенсивно воздействуют на читателя те слова, которые в данном контексте составляют единый образный ряд: «туман», «дым», «мириады комаров» — создают зрительную картину раннего утра, растворенного в дымке; «мокрые», «в росу», «увлажняя», «сырой», «сыростью» — осязательную — свежести и влажности раннего утра. Здесь синтаксическая структура стимулирует и направляет семантику выделенных слов, сближает их в образном плане.

Эти слова, воздействуя на читателя через определенные синтаксические периоды, воссоздают свою часть целостной картины утра. Детям вполне по силам выделение подобных рядов, более того, такая работа помогает им в пересказе, близком к тексту, в живописании собственных литературных миниатюр.

Прежде чем приступить к работе над приведенным выше фрагментом, мы вспомнили с детьми, какое бывает летнее утро вдали от города.

Многие проводили лето в деревне у родственников, некоторые ездили или ходили на зорьке на рыбалку. Те, кто рассказывал о своих впечатлениях, отмечали: «Если будет день солнечный, то с утра все в дымке, а над рекой, прудом или просто в низине стелется туман», «Если же свернуть с большой дороги, то сразу ощущаешь росу, а если войдешь в лес, то почувствуешь, как касаются тебя мокрые ветви деревьев».

Анализируя фрагмент, дети пришли к выводу, что утро, когда Оленин и Брошка шли на охоту, предвещало солнечный день.

- Почему?
- Туман поднимался и превращался в росу.
- Была ли дымка?
- Да, — говорит Олеся Б.
- Нет! Нет! — враз возразили Таня Б. и Витя Х.
- Там дым валил из труб.
- Что, дым с дымкой спутали?
- Все равно похоже.
- А может, еще есть что-то похожее на дымку? — Дети призадумались, всматриваясь в текст. Пришлось помочь.
- Что там еще вьется в воздухе? — Сразу лес рук. Хором:
- Мириады комаров.
- Почему же в тексте выделенные нами слова создают такую зримую (мы как бы все видим) и ощущимую целостную картину, хотя по отдельности они иногда и не совсем схожи?

Ира П.: Потому что все они про утро.

Витя Х.: Они дополняют друг друга.

Но самый интересный ответ прозвучал у Саши С.:

- Они похожи на кубики.

- Как это?

- Слова — это кубики. Одно слово — это часть картины.

А все, когда их сложишь в определенном порядке, дают целую картину. Картина — это текст.

Не менее интересно в этом плане и описание ночи, в которую Лукашка сидел в дозоре: «Ночь была темная, теплая и безветренная. Только с одной стороны небосклона светились звезды; другая, и большая часть неба от гор, была заволочена одною большою тучей. Черная туча, сливаясь с горами, без ветра, медленно подвигалась дальше и дальше, резко отделяясь своими изогнутыми краями от глубокого звездного неба. Только впереди казаку виднелся Терек и даль; сзади и с боков его окружала стена камышей. Камыши изредка, как будто без причины, начинали колебаться и шуршать друг о друга. Снизу колеблющиеся махалки казались пушистыми ветвями деревьев

на светлом краю неба. У самых ног спереди был берег, под которым бурлил поток. Дальше глянцевитая движущаяся масса коричневой воды однообразно рябила около отмелей и берега. Еще дальше,— и вода, и берег, и туча, все сливалось в непроницаемый *мрак*. По поверхности воды тянулись черные тени, которые привычный глаз казака признавал за проносимые сверху коряги. Только изредка *зарница*, отражаясь в воде, как в черном зеркале, обозначала черту противоположного отлогого берега» (6, 31).

Почему именно такую ночь рисует Толстой для сидения Лукашки в дозоре? Что чувствует молодой казак? Прежде всего при чтении в классе у детей появляется ощущение некой грани, черты, которая проходит между казачьей и чеченской стороной; школьники отмечают, что такое же чувство должно было возникнуть и у Лукашки.

Для подтверждения первого впечатления мы попросили детей нарисовать в цвете свои ощущения от прочитанного. Самой повторяющейся гаммой оказалась черно-белая, разделенная извилистой полосой.

Вот как объясняют свой цветовой выбор те, кто нарисовал черно-белые тона:

Аня К.: В тексте с одной стороны светились звезды, а с другой — была черная туча, а посередине река отделяет свою и чужую сторону.

Витя К.: Лукашка сидит на берегу, ему тревожно, он в напряжении всматривается в тот берег. Все вокруг поделено на светлое и темное, черное.

Катя К.: Черная туча тревожно надвигается на казака, и с нею движутся враги, а Лукашка один на границе света и тьмы. От него зависит, чтобы тьма не покрыла казачий берег.

Учитель: Посмотрим, как отражено в синтаксической структуре текста то, о чем вы говорили и что изобразили в цвете. Прежде всего из уроков русского языка вспомним конструкции с ограничительной частицей «только». Какой смысловой оттенок она придает высказыванию?

Ира К.: Она как бы отделяет одну часть предложения от другой.

Таня Б.: Она делит смысл высказывания на две части, чтобы читатель мог ясно видеть, что было в одном месте, а что — в другом.

Витя Х.: Ограничительная частица похожа на пограничный столб. То, что есть по ту сторону, где она расположена, не может быть по другой, где ее нет.

Учитель: Сколько раз повторяется эта частица в описании ночи?

Аня К.: Три раза.

Учитель: В каких же предложениях употребляет ее писатель?

Юра Ф.: Вначале она разграничивает светлый небосклон со звезд-

дами от черной тучи. Потом Терек и даль чеченской стороны от камышей, в которых сидит Лукашка.

Сергей Р.: В конце она высвечивает черту противоположного берега.

Толстой структурно выстраивает фрагмент так, что читатель сразу видит реальную ночь, которая, как это и бывает в природе, состоит в основном из света и тени и одновременно создает ощущение обостренно чувствуемой своей и чужой стороны.

Мы попросили детей выстроить цепочки слов, которые реализуют свою цветовую гамму именно в структуре данного фрагмента.

Суммарно у большинства детей цепочки эти выглядели так:

1. Темная ночь, большая туча, черная туча, горы, стена камышей, колеблющиеся махалки; и вода, и берег, и туча; непроницаемый мрак, черные тени, коряги, черное зеркало.

2. Светились звезды. Глубокое звездное небо, светлый край неба, глянцевитая движущаяся масса воды, поверхность воды, зарницы.

Дети первоначально интуитивно точно определяют те лексические ряды, в которых слова, благодаря синтаксической структуре, реализуют свою семантику, иногда единственно продуктивную только в нем, иногда меняющуюся в этом же контексте в зависимости от структурной позиции предложения. Примером может быть «вода»: то «глянцевитая», то образующая «непроницаемый мрак», а в целом меняющаяся.

Рассмотренный фрагмент иллюстрирует возможный способ прочтения многих эпизодов повести «Казаки», других произведений Л. Н. Толстого.

Приведенные примеры доказывают, что грамматический анализ помогает высветить механизм реализации языковых единиц в их художественно-эстетической функции. Несмотря на то, что любая синтаксическая единица является фактором грамматическим, она, адаптированная к тексту и реализованная в тексте, становится частью его структуры и не может рассматриваться изолированно только с позиций лингвистики, а воспринимается как часть художественно-эстетического целого. Такой подход дает возможность обратить внимание читателя-школьника на динамику порождения художественного текста, заглянуть в творческую мастерскую великого писателя.

¹ Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля. М., 1985. С. 432.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ЕГО СОВРЕМЕННИКИ

В. Порудоминский

НЕИЗБЕЖНОСТЬ «АРЗАМАССКОГО УЖАСА»

Заметки о Толстом и Гаршине

В древности говорили: «Бог посетил нас». Это значило: трагедия вошла в нашу жизнь взамен мертвой, спокойной обеспеченности.

Митрополит Антоний Сурожский

«**Я** лежу, кажется, на животе и вижу перед собою только маленький кусочек земли. Несколько травинок, муравей, ползающий с одной из них вниз головою, какие-то кусочки сора от прошлогодней травы — вот весь мой мир... Я слышу треск кузнечиков, жужжание пчелы. Больше нет ничего...» Но вот раненый незаметно для себя переворачивается — и перед ним открывается совсем иной мир: высокое ясное небо, яркие звезды...

Начальные строки гаршинских «Четырех дней» пробуждают в памяти эпизод «Войны и мира» — ранение князя Андрея под Аустерлицем. То же видение «далекого, высокого и вечного неба», под которым неизмеримо сужается окружающий его земной «весь мой мир». Он слышит слова Наполеона, недавнего своего героя, «как бы он слышал жужжание мухи».

Речь, конечно, не о заимствованиях, хотя воздействие толстовского романа на военную прозу Гаршина, как вообще на русскую военную прозу, несомненно. Речь о вызванном и скорректированном духовнымиисканиями времени обращении к «вечным» идеям, выраженным в системе архетипических образов. Тексты Гаршина и Толстого соотносятся не по принципу большего или меньшего их тождества (при том, что совпадения, как увидим, подчас очень существенны), а в связи с творческими открытиями обоих писателей в мире этих идей и образов.

В «Отечественных записках», впервые опубликовавших «Четыре дня», под рассказом помета: «Бела. Август 1877 г.» (Бела — селение в Болгарии, куда был отправлен раненный в бою Гаршин). Рассказ помещен уже в 10-м, октябрьском номере журнала.

Последняя, восьмая часть «Анны Карениной» выходит из печати в июле того же 1877 г., выходит, в силу обстоятельств, не в «Русском вестнике», где прежде печатался роман, а особым изданием; большинство русских читателей знакомится с заключительными главами романа уже в следующем, 1878 г., когда «Анна Каренина» появляет-

ся отдельной книгой. Трудно предположить, что Гаршин сумел прочитать эти главы на фронте русско-турецкой войны, в недолгие недели, предшествующие ранению и созданию «Четырех дней». Между тем на страницах, повествующих о прозрении Левина, после тяжелой полосы душевного смятения вдруг осознавшего, что смысл жизни в том, чтобы «для души жить», «Бога помнить», читаем: «Да, надо опомниться и обдумать,— думал он, пристально глядя на несмятую траву, которая была перед ним, и следя за движениями зеленой букашки, поднимавшейся по стеблю пырея...» И далее: «Лежа на спине, он смотрел теперь в высокое, безоблачное небо».

В последний день лета 1869 г. Толстой отправляется в Пензенскую губернию, где намерен купить имение. По дороге, 2 сентября, он останавливается на ночлег в городе Арзамасе, в гостинице, и проводит там несколько мучительнейших, едва ли не переломных часов своей жизни: «Было 2 часа ночи, я устал страшно, хотелось спать, и ничего не болело. Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас такие, каких я никогда не испытывал,— сообщает он жене в письме от 4 сентября.— Подробности этого чувства я тебе расскажу впоследствии; но подобного мучительного чувства я никогда не испытывал, и никому не дай Бог испытать». Подробностям чувства Толстой посвятит впоследствии незавершенный рассказ «Записки сумасшедшего». С его собственных слов, пережитый им эпизод биографии получит выразительное наименование «арзамасский ужас». Определение пережитого душевного кризиса, по сути, не оставляющего Толстого на протяжении отпущенных ему еще четырех десятилетий жизни, находим уже в «Исповеди»: «Я как будто жил-жил, шел-шел и пришел к пропасти и ясно увидал, что впереди ничего нет, кроме погибели. И остановиться нельзя, и назад нельзя, и закрыть глаза нельзя, чтобы не видать, что ничего нет впереди, кроме обмана жизни и счастья и настоящих страданий и настоящей смерти...»

Тут же Толстой приводит восточную басню про путника, который, будучи застигнут в степи разъяренным зверем, прыгает в колодец, но на дне колодца видит разинувшего пасть дракона; ему остается только схватиться за ветви растущего в расщелине колодца куста и слизывать мед, выступающий на листьях; положение путника отчаянно еще и потому, что ствол куста равномерно обходят две мыши, белая и черная, и подтачивают его. Толстой сравнивает себя с этим путником: вот так же и он держится за ветки жизни, зная, что его ждет дракон смерти, сосет мед, который уже не радует его, как радовал прежде, а мыши, одна — день, другая — ночь, подтачивают куст. «Сколько ни говори мне: ты не можешь понять смысла жизни, не ду-

май, живи, — я не могу делать этого, потому что слишком долго делал это прежде...»

Есть еще одна восточная легенда-задача — гуру предлагает ее ученику: путник проваливается в пропасть и успевает лишь ухватиться зубами за корешок, торчащий из отвесной стены; единственная его надежда — позвать кого-нибудь на помощь, иногда он слышит даже голоса проходящих над ним по тропинке людей, но крикнуть значит сорваться вниз. Суть задачи в том, что, многократно обсудив безнадежную ситуацию путника, гуру и ученик мало-помалу естественно переходят к беседе на другую, поистине значимую тему — о жизни и смерти, их смысле, отношении к ним человека.

«Арзамасский ужас», настигая человека, открывает перед ним иную, чем прежде, систему мышления, иную систему оценок мира в себе и мира вокруг. «...Я... начала думать», — первые слова гаршинского «происшествия». Человек, настигнутый «арзамасским ужасом», начинает думать, но думать уже не про корешок, за который уцепился зубами, не про Наполеона, не про покупку имения в Пензенской губернии, даже не про то, сколько воды осталось еще в фляге, снятой с убитого им же человека, — «арзамасский ужас» перебрасывает мысль от бытового к бытийному, говоря словами поэта, «прокладывает выход из вероятья в правоту» (Б. Пастернак). Соображения о том, сумеет ли «дядя Фоканыч» оплатить взятую втаймы землю, тотчас забываются Левиным перед простейшей правотой неожданного открытия, что этот самый Фоканыч не «только для нужды своей живет», как другие, а живет «для души», «Бога помнит».

«Я никогда не находился в таком странном положении...» — признается герой «Четырех дней». Еще бы! Все, казалось, обдумано, решено, и выбор сделан окончательный, единственно возможный. Но здесь, на этой отгороженной кустами от мира полянке, с муравьем, ползущим по травинке к земле, внизу и яркой звездой в бесконечном небе наверху, рушится представление об устройстве огромного мира, раскинувшегося вокруг за невысокой стеной кустарника, рушится собственное духовное и душевное милюстроство. Участие в войне пределом имеет готовность быть убитым: «Я представлял себе только, как я буду подставлять свою грудь под пули». Сам Гаршин писал матери, что добровольно идет на войну: «...Я не могу прятаться за стенами заведения, когда мои сверстники лбы и груди подставляют под пули». Но дело оборачивается необходимостью, возможностью, способностью убивать. И тогда: «За что я его убил? Я не хотел этого. Я не хотел зла никому, когда шел драться... Чем же он виноват? И чем виноват я, хотя я и убил его?» Опять-таки знаменательное совпадение с финальными главами «Анны Карениной». Беседуя о добро-

вольцах, идущих освобождать славян, Левин говорит, что не мог бы убить человека, даже защищая от него другого человека, но тут же поправляется: «Я не знаю. Если бы я увидал это, я бы отдался своему чувству непосредственному; но вперед сказать я не могу». «Вечные идеи», пробуждаемые «элобой дня»...

Выход из бытового в бытийное, отказ от вероятъя в поисках правоты, рождение иного, чем прежде, мира в себе непременно преображает прежний, привычный образ мира вокруг, и, соответственно, представления о том, что и как происходит и должно происходить в этом мире. Это неизбежно приводит человека к переоценке общепринятых понятий — суть прозрения и состоит в отказе от прежнего, привычного. Внутренняя работа («страшная» — определил Толстой в рассказе «Кто прав?») есть «перестановка всех оценок доброго и злого». «Ухождение» (по слову того времени) от общепринятого часто оборачивается для человека подозрением, а то и уверенностью в его сумасшествии, тем более что основной аргумент для такого подозрения (непохожесть одного на всех) почти всегда наличествует: «арзамасский ужас» как прозрение, острое осознание немыслимости старого, рубеж выбора нового пути — непременно удел «единичного» человека.

В тетради, озаглавленной «Мои записи разные для справок», С. А. Толстая рассказывает о летних месяцах 1869 г., предшествовавших «арзамасскому ужасу»: «Он сам много думал и мучительно думал, говорил часто, что у него мозг болит, что в нем происходит страшная работа; что для него все кончено, умирать пора и проч.» (запись от 14 февраля 1870 г.). В еще не опубликованной полностью автобиографии «Моя жизнь» она утверждает, что происшествие в Арзамасе вызвало у Толстого страх сойти с ума. Примечательно, что десять лет спустя, когда духовный перелом его вполне обозначился и пробудил в нем настоятельную потребность переустройства собственной жизни, это было расценено женой, близкими как «болезнь»; сам же он, сообщая брату о продолжении работы над религиозно-философскими сочинениями, пишет: «Я все так же предавался своему сумасшествию, за которое ты так на меня сердишься... Постараюсь только впредь, чтобы мое сумасшествие меньше было противно другим...» (письмо от 21 декабря 1879 г.). Одна из дневниковых записей этих лет завершается словами: «Кто-нибудь сумасшедший — они или я» (запись 18 мая 1881 г.). Еще два десятилетия спустя Нехлюдов повторит в «Воскресении»: «Я ли сумасшедший, что вижу то, чего другие не видят, или сумасшедшие те, которые производят то, что я вижу?» Замысел рассказа о человеке, пережившем «арзамасский

ужас», долгое время не оставляет Толстого; примечательно, что рассказ назывался то «Записки сумасшедшего», то «Записки несумасшедшего».

Противоположная, зависящая от точки зрения оценка «рубежного» состояния героев неизменно присутствует в рассказах Гаршина. Раненый из «Четырех дней», ожидая мучительной гибели, вспоминает, как те же господа (они), что толковали «о геройстве, любви к родине и прочих таких вещах», насмешливо и недоуменно именовали его «юродивым», когда их речи стали для него идеей, определяющей решения и поступки. Осознание героями Гаршина «происшествий», выпадающих на их долю, делает еще неприступнее рубеж между ними и теми, кто их окружает, их «сумасшествие» становится для окружающих еще очевиднее. «Глупости! Глупости!.. Несбыточная мечта!.. Вздор, нелепость!» — встречают обитатели оранжереи стремление пальмы вырваться из-за решеток на свободу. «Ну, не сумасшедший ли это человек!» — итожится история художника Рябинина, мучительно пережившего и, как «созревшую болезнь», выплеснувшего из глубин души на холст страшное видение «Глухаря», чтобы затем все расстаться с искусством.

Рассказ «Очень коротенький роман» обычно не попадает в поле зрения исследователей творчества Гаршина по той причине, что не включался писателем в собрание его сочинений, хотя именно это могло бы привлечь к нему повышенное внимание. Между тем рассказ пишется следом, или почти следом, за «Четырьмя днями», его герой — «молодой человек на деревянной ноге», раненный в бою и недавно выписавшийся из госпиталя. Действует в «Очень коротеньком романе» и девушка Маша — не та ли самая Маша, которую вспоминал, ожидая смерти, герой «Четырех дней»? Маша поддержала порыв юноши пойти добровольцем и пообещала по окончании войны стать его женой. «Честные люди делом подтверждают свои слова», — говорила она. Когда он вернулся на своей деревяшке, Маша была невестой другого — «очень хорошего молодого человека», который за время войны успел окончить курс в университете «и рассчитывал получить очень хорошее место». Маша и ее жених были нежны с человеком на деревяшке, называли его «русским героем». А он «не хотел становиться поперек их счастья». Он вступает в беседу с «проницательным читателем», который, конечно же, «ехидно улыбается»: «Неужели вы хотите, чтобы я верил всем этим рассказам? Кто же уступит любимую девушку какому-нибудь шалопаю даром?» Но молодой человек, может быть, изведавший те самые четыре дня, которые стоят целой жизни, уже заражен «сумасшествием» прозрения. «Я бы, пожалуй, сказал вам... но вы не поймете... Вы не поймете,

потому что не верите, что в наше время есть добро и правда. Вы бы предпочли несчастье трех людей несчастью вас одного. Вы не верите мне, проницательный читатель. И не верьте: Бог с вами!..» Поистине: кто-нибудь сумасшедший...

Рассказ «Красный цветок» открывается словами: «Именем его императорского величества, государя императора Петра Первого, объявляю ревизию сему сумасшедшему дому!» Лев Толстой, рассказывая в «Исповеди» о прошлой своей жизни, уверенно утверждает: «Теперь мне совершенно ясно, что разницы с сумасшедшим домом никакой не было».

Размышления о нравственных и творческих поисках Толстого и Гаршина неизбежно приводят к необходимости вспомнить их единственную личную встречу — 16 марта 1880 г. Эта встреча многократно описана в биографиях Гаршина, в общем-то, не забывают о ней и биографы Толстого. То очень немногое, что нам о ней известно, сохранилось в нескольких привлекательных подробностях (вроде рассказа о первом ее мгновении, когда на вопрос вышедшего к нежданному гостю Толстого: «Что вам угодно?» — незнакомец с лицом Христа и чистыми, смелыми глазами ребенка отвечает в тоне милого толстовскому сердцу юродства: «Прежде всего мне угодно рюмку водки и хвост селедки», — юродства, за которым так часто таятся прозрение и свобода). Но припомним также существенные подробности, обычно остающиеся «за кадром».

Мы так привыкли к паломникам, спешившим в Ясную Поляну за ответом на мучавшие их «вопросы», за «истиной вообще», просто за тем, чтобы увидеть и услышать яснополянского гения, что недостаточно задумываемся над самой датой появления Гаршина у Толстого. Между тем в ту пору еще не появились ни «Исповедь», ни «Так что же нам делать?», ни «В чём моя вера?».

Толстой лишь начинает глубокую пахоту поля, на котором собрался сеять, нащупывает подо льдом материк, по которому ходить не скользко, утраченный смысл жизни. Он продолжает напряженную работу над «Исповедью», все более захватывает его «Исследование догматического богословия», как раз в первой половине марта 1880-го кладется начало «Соединению и переводу четырех Евангелий».

Учение не конструируется Толстым «из ничего»: оно вбирает в себя многие идеи, философские, религиозные, нравственные, к которым в разное время и по-разному обращаются люди в поисках справедливого устройства мира. «Так что же делать? Что же нам делать?.. Этот вопрос я слышал и слышу со всех сторон...» Мучительный вопрос «Так что же нам делать?», давший название одному из главней-

ших трудов Толстого, несет в себе и понимание всеобщности вопроса, и тревожную безотлагательность его, и — в самой интонации, обозначенной вопросительным знаком, — его постоянную реальную непререшимость.

Появление Гаршина в Ясной Поляне подчас включается биографами в цепь «безумств» (как это принято именовать), совершаемых им после катастрофической для него ночи на 22 февраля 1880 г., когда он, написав прежде письмо, еще и лично отправляется к тогдашнему всесильному диктатору Лорис-Меликову, — просить помилования для приговоренного к смерти террориста, покушавшегося на жизнь самого же диктатора. Получив соответствующие заверения Лорис-Меликова, он, однако, наутро узнает о совершенной казни.

Разговор о гаршинском «безумии» требует предельной осторожности. Осмысление поступков Гаршина в периоды обострения душевной болезни лишь в редких случаях позволяет сделать вывод о невменяемости, по большей части они вполне соответствуют его обычной логике, но его устремления обретают в поступках особенную силу и остроту. Все, что известно о поведении Гаршина с 22 февраля по 16 марта 1880 г. (встреча с Толстым), свидетельствует о тяжелом душевном состоянии, но вряд ли выходит за границы «нормы», при всей неопределенности (в зависимости от точки зрения) этих границ. В ином случае встречу Гаршина с Толстым, которую Гаршин в неоспоримо вменяемом состоянии вспоминает как лучшую и счастливейшую ночь в жизни, а Толстой как свидетельство своей духовной близости с Гаршином, следует вычеркнуть из биографии того и другого как нечто значимое. Сын писателя И. А. Толстой, свидетель встречи, убежден, что никому из присутствовавших и в голову не пришло, что перед ними человек больной, возбужденный надвигающейся болезнью.

Сам Толстой, которому не откажешь в проницательности, не сомневается в душевном здоровье собеседника. Примечательно, что поначалу разговор ведется в присутствии детей, которых он никак не пытается уберечь от общения с нежданным гостем, — наоборот, приглашает быть участниками встречи. Не менее примечательно, что после общего разговора Толстой считает нужным продолжить встречу с глазу на глаз. Содержание беседы практически неизвестно, но, по кратким свидетельствам обоих собеседников, Толстой одобрил мысли и намерения Гаршина, — речь не только о дальнейшем устройстве жизни внешней, но, видимо, прежде всего жизни внутренней, своего духовного и душевного «я». Позднейшие замечания Толстого о том, что Гаршин «был полон планов служения добру», что речь его «была вода на мою мельницу», не оставляют сомнений в совпадении такого рода мыслей и намерений...

За два месяца до встречи с Гаршиным, в двадцатых числах января 1881 г., Толстой проводит несколько дней в Петербурге, где его умонастроение, связанное с решающим тапом его духовного перелома, не остается незамеченным. За несколько дней до встречи с Гаршином он получает из Петербурга письмо от Н. Н. Страхова, сообщающего, что там все толкуют о его «обращении» — «обращение» понимается всеми «в стасовском духе», то есть в духе чего-то противного разуму. Через полтора месяца после встречи, во время празднеств, посвященных открытию памятника Пушкину в Москве, среди литераторов ходят упорные слухи, что Толстой сошел с ума, помешался.

Интерес к личности Толстого, его духовным исканиям у Гаршина постоянный и чуткий. Еще осенью 1869 г., когда все ждут выхода из печати последнего тома «Войны и мира», пятнадцатилетний гимназист Гаршин в письме к матери сообщает поразившую его новость о Льве Николаевиче (именно так, как о добром знакомом, без фамилии. — В. П.): говорят, будто он теперь в Америке и намерен начать новую жизнь. Это написано через два с половиной месяца после пережитого Толстым в Арзамасе, после лета, отмеченного для него «страшной» внутренней работой. Мальчик-гимназист, по всему, очень далекий от людей, общавшихся с Толстым, запечатлевает, пусть искаженно, события духовной биографии Толстого, известные тогда лишь в узком семейном кругу. Скорей всего, и десять лет спустя именно «обращение», «помешательство» Толстого определяет для Гаршина, живущего на трудноуловимом окружающими рубеже «сумасшествия — несумасшествия», необходимость встречи с ним.

Гаршин ничего не говорит Толстому ни о своем письме к Лорис-Меликову, ни о посещении его. То, что у Гаршина позади, ожидает Толстого всего через год: после цареубийства 1 марта 1881-го он обратится к Александру III с призывом простить убийц его отца. При всем различии обоих посланий их общность — идеяная и текстуальная — очевидна.

Гаршин: «Простите человека, убивавшего Вас! Этим Вы казните, вернее скажу, положите начало казни идеи, его пославшей на смерть и убийство...»

Толстой: «Убивая, уничтожая их, нельзя бороться с ними... Чтобы бороться с ними, надо поставить против них идеал такой, который бы был выше их идеала... идеал любви, прощения и воздаяния добра за зло. Только одно слово прощения и любви христианской... может уничтожить то зло, которое точит Россию».

Четверть века спустя Толстой расскажет, что он пережил, когда писал письмо: «...Суд над убийцами и готовящаяся казнь произвели на меня одно из самых сильных впечатлений моей жизни. Я не мог

перестать думать о них... боялся и мучился за них и за их убийц», казалось, «не их, а меня казнят» (письмо П. И. Бирюкову от 3 марта 1906 г.). Эти строки без труда сопоставляются со свидетельствами мемуаристов о душевном состоянии Гаршина в дни его обращения к Лорис-Меликову.

Сходство содержания и текста обоих писем, как и эмоционального самочувствия их авторов, побуждений и развития творческого акта, обозначает общее направление движения духовных тружеников, притом людей определенного душевного склада, людей с навсегда убитым спокойствием («Убей их спокойствие, как ты убил мое!» — говорит гаршинский художник. И у Толстого: «Спокойствие — душевная подлость»), людей, круг которых, конечно же, не ограничивается Толстым и Гаршиным. Когда Гаршин приходит в Ясную Поляну, Толстой лишь закладывает основы будущей проповеди, в эту пору для него особенно важно встретить не «обращенного», а человека схожего мироощущения, который (слова Толстого о Гаршине) лил бы «воду на его мельницу», а не пришел за готовым помолом.

К толстовскому учению Гаршин отнесется неоднозначно: что-то примет, что-то назовет «ненавистным», — но замечательно: рассказывая в воспоминаниях о чтении в кругу видных представителей интеллигенции еще не опубликованной и не поставленной на сцене «Власти тьмы», С. А. Толстая особо отмечает свидетельство близкого самому Толстому современника: успех был большой, но по-настоящему понял один Гаршин.

В июньском номере «Отечественных записок» 1880 г. публикуется рассказ Гаршина «Ночь», законченный за несколько месяцев до встречи с Толстым (сам Гаршин уже в сумасшедшем доме, но Толстой, видимо, не доверяет известиям о его невменяемости, собирается в Харьков — навестить его). «Ночь» — рассказ о человеке, вдруг осознавшем, что погубил себя, потому что жил лишь для собственного «я». Жить дальше незачем, и револьвер приготовлен, но тут в душе появляется свет прозрения, смысл жизни начинает уясняться.

Толстой постоянно с неизменной похвалой отзыается о «Ночи». Оно и понятно: рассказ, повествующий о настигнувшем человека «арзамасском ужасе», о мучительном постижении истины, приближении к ней, в глубинном смысле более «толстовский», чем «Сказание о гордом Агге» или «Сигнал», написанные специально для «Посредника». В «Ночи» Толстой читает о том, что неотступно присутствует и в его собственной жизни, что с первых шагов в литературе составляет, по сути, главную его тему; более того, важные для него откровения, предельно сконцентрированные, сфокусированные, являются собой

в рассказе близкое подобие реальной арзамасской истории, также не покидавшей память, раздумья, мир чувств Толстого.

Стремление (может быть, подспудное) творчески воплотить эту реальность, видимо, живет в нем с памятной ночи 1869 г., но работа над «Записками сумасшедшего» (при первом упоминании все-таки «Записками несумасшедшего») начинается весной 1884-го: «Как живо я их пережил...», — заносит он в дневник 30 марта, отмечая возникновение замысла. Накануне он пишет в дневнике, что $99/100$ вокруг него сумасшедшие, что он, если живет, хоть отчасти, по воле Бога, не может ждать одобрения «безумного, больного мира». О сумасшествии он в эту пору вообще много размышляет, читает книги по психиатрии. На рассвете того самого дня, когда «пришли в голову» «Записки несумасшедшего» (= «сумасшедшего»), он отправляется на соседнюю чулочную фабрику (Толстые живут уже в Москве, в Хамовниках), чтобы узнать, что означают доносящиеся оттуда каждые несколько часов свистки. Он узнает, что по этим свисткам несовершеннолетние мальчики-рабочие в пять утра становятся к станкам и с несколькими короткими перерывами работают до восьми вечера («Вот что значат свистки, которые мы слышим в постели»), — открытие, при толстовском душевном устройстве равносильное тому, какое сделал гаршинский художник Рябинин, узнавший о существовании рабочих-«глухарей».

Речь, конечно, не о каком-либо воздействии «Ночи» на толстовский замысел (впрочем, процесс вынашивания замысла настолько скровенен, часто неосознан, что всякие попытки достоверно и полно обозначить его составляющие весьма призрачны) — наоборот: для понимания духовных исканий писателей интересна и важна как раз независимая, самостоятельная у каждого из них потребность создания произведений, объединенных общностью направления и образной системы.

Даже в названии гаршинского рассказа — элемент системы: время действия. «Арзамасский ужас» — это ночь. В «Записках сумасшедшего» — сперва, как у самого Толстого, ночь в гостинице, в Арзамасе, потом — ночь в Москве, тоже как у Толстого (знаем из неопубликованных глав автобиографии Софьи Андреевны), третий раз ужас застает героя на охоте (художественное чувство, возможно, подсказывает писателю излишек полного троекратного повтора), но здесь перифразом ночного одиночества героя оказывается зимний лес — «...Я вдруг почувствовал, что я потерялся... Я покричал, все тихо... Я поглядел. Кругом лес...» Одинокая ночь в гостинице завершает в «Воскресении» прежнюю жизнь Нехлюдова. Толстовская «Исповедь», которой автор перечеркивает собственную прошлую

жизнь, заканчивается пробуждением от сна,— во сне он видел себя висящим между двумя безднами, бездной внизу и бездной вверху.

В 1903 г., принимаясь за «Воспоминания», Толстой как бы эпиграфом к ним выбирает одно из любимейших своих стихотворений Пушкина: «Когда для смертного умолкнет шумный день» — стихотворение совершенно «ночное», он только хотел бы изменить в нем последнюю строку: вместо «строк печальных» поставить «строк постыдных не смываю».

В самой замене слов — важнейшая часть арзамасского феномена: гиперболизация отрицательного «я», вызванная остро осознанной необходимостью изжить себя прежнего. «А я-то, я-то надоел себе, несносен, мучителен себе... — это герой «Записок сумасшедшего». — ...Ни капли доброты я в себе не чувствовал, а только ровную, спокойную злобу на себя и на то, что меня сделало». И — в «Ночи»: «Он думал, что видел всю свою жизнь; он вспомнил ряд безобразных и мрачных картин, действующим лицом которых был он сам... и был уверен, что, кроме грязи, в его душе ничего не осталось».

О герое «Ночи», Алексее Петровиче, ничего не известно, кроме того, что он говорит о себе сам. Но человек, который берется за револьвер, оттого что увидел «всю грязь своей жизни», «всю грязь своей души» и ужаснулся, право, не худший из тех, кто населяет мир.

Толстой в «Исповеди» не может вспомнить о прожитых годах «без ужаса, омерзения и боли сердечной»: «Не было преступления, которого бы я не совершил...»; даже писать, по его признанию, он стал «из тщеславия, корыстолюбия и гордости» (Алексей Петрович в «Ночи» убежден, «что если он сделал что-нибудь в своей жизни, то не из желания добра, а из тщеславия»). «Я ненавижу свою жизнь», — говорит масону Пьер в «Войне и мире».

Прошлая жизнь героя «Записок сумасшедшего», о которой он вспоминает «с трудом и омерзением», кажется, не отмечена особыми пороками, тем более злодействами. Семья, служба, имение, забота, «как должно быть», об увеличении состояния, но в том и особенность «арзамасской ночи», что она оборачивает это «как должно быть» бессмыслицей или преступлением. Вот ведь и «прошедшая история жизни Ивана Ильича была самая простая и обыкновенная и самая ужасная». Этой простой и обыкновенной и ужасной жизнью живут ⁹⁹ / ₁₀₀ вокруг — и не ужасаются, слыша в теплой постели свисток, по которому голодные мальчики бегут к станку, или (как герой «Записок сумасшедшего») намереваясь купить имение, выгода которого будет «основана на нищете и горе людей», или отправляясь в Италию совершенствоваться в живописи, когда на заводах «глухари» подставляют грудь под удары молота. Мудрено ли, что ужаснувший-

ся становится безумным в глазах этих $99/100$, — таковым непременно обзывают и Алексея Петровича из «Ночи», умершего в момент про-зрения с заряженным револьвером под рукой («Какая тебе в этом польза, безумный?») — за минуту перед тем урезонивает его, живого, возникающий в его душе голос человека «как все»). Кто-нибудь из нас сумасшедший... Толстой пишет в «Исповеди»: когда он в прежней своей жизни, подчиняясь общему безумию, совершил «преступления», его считали «сравнительно нравственным человеком».

Надежду на прозрение, на возможность постижения истины дает обращение к прошлому, к лучшему в себе — к детству. В «Ночи» при этом дается прямая ссылка на текст Евангелия, поразивший героя «огромностью содержания, выраженного в восьми словах: „Если не обратитесь и не будете как дети...“» (заповедь, неизменно привлекавшая и Толстого). Для гаршинского героя особенно значимо обращение к Евангелию как полному источнику истины. В отличие от Толстого, в своих сочинениях, религиозно-философских и художественных, очищавшего Евангелие ради этой изначальной истины, Гаршин, кажется, относился критически к отдельным его положениям, во всяком случае, считал возможным полемизировать с ними. В планах романа «Четыре эпохи развития» Толстой помечает: обретенный духовный опыт возрождает в герое чувство любви к Богу и близким, которое он знал в детстве, но которое затем заглушили сладострастие, самонадеянность, тщеславие.

«Уходжение» из детства для Толстого — переход из мира чистоты, любви, веры — в мир, возведенный на ложных основаниях. Хрестоматийно известное «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства!..» не открывает — эпиграфом — целиком посвященную этой прекрасной поре первую повесть его, так и названную «Детство», как не венчает ее выводом из всего написанного. Слова эти рассекают повесть надвое: один день из жизни маленького героя — деревенский — позади, другой — московский — только начинается. Московский день начинается со стихов, которые сочиняет мальчик ко дню рождения бабушки; последняя строчка стихотворения, написанная неискренне, приносит ему нравственные страдания — он стыдится того, что солгал, того, что взрослые хвалят его за ложь. Спустя годы Толстой расскажет в «Исповеди»: когда ребенком он желал быть нравственно хорошим, над ним смеялись; когда же он отказывался от того, что считал хорошим, старался походить «на больших», им были довольны, его хвалили и поощряли.

Гаршин в «Ночи» находит выразительнейший образ нравственно-го мира детства: «Красное так и было красное, а не отражающее

красные лучи. Тогда не было готовых форм — идей, в которые человек выливает все ощущаемое, не заботясь о том, годна ли форма, не дала ли она трещины. И если любил кого-нибудь, то знал, что любишь; в этом не было сомнений».

Впечатления детства, в которых герои «Ночи» и «Записок сумасшедшего», ощущают опору будущего обновления, «рифмуются» почти в подробностях. Это рассказы взрослых о страданиях Иисуса Христа, не осуждавшего мучителей и подставлявшего им другую щеку, и — параллельно — будничное воспоминание: у Толстого некто Фока, буфетчик или камердинер, бьет дворового мальчика, мальчик просит — «не буду», а его продолжают бить; у Гаршина дядя Дмитрий Иванович бьет по лицу своего Фому, лакея (Фома — Фока), бьет с одной стороны и с другой, «Фома все стоит...» Детские слезы героев «Ночи» и «Записок сумасшедшего» — как бы звук камертона, обозначивший их душевный настрой: еще жива надежда вернуть ту счастливую, невозвратимую пору, когда, по словам героя «Ночи», «он мог плакать оттого, что в его присутствии ударили беззащитного человека».

Прозрение совершается быстро, подчас мгновенно, душа не в силах брести прежним путем под тяжестью осознанного отрицания себя. Левин «почти вскрикнул», услышав ключевые для будущей жизни слова. И Нехлюдов в «Воскресении» «вдруг вслух вскрикнул», прочтя такие слова на открытой, «где открылось», странице Евангелия. И два следующих один за другим разговора Пьера с масонами окаймлены решающими признаниями: «Я не верю, не... верю в Бога» — «Да... да, я верю в Бога»... «Арзамасский ужас», когда человек оказывается между двумя безднами, той, что вверху, и той, что внизу, когда, как в «Записках сумасшедшего», сходятся лицом к лицу право на жизнь и совершающаяся смерть, когда, как в «Ночи», «остановиться не на чем, некуда поставить ногу, чтобы сделать первый шаг вперед», — «арзамасский ужас» катализирует процесс прозрения. «И с Нехлюдовым случилось то, что часто случается с людьми, живущими духовной жизнью... Мысль, представлявшаяся ему сначала как странность, как парадокс, даже как шутка... вдруг предстала ему как самая простая, несомненная истина». В книге «В чем моя вера?» Толстой разделяет «внешнюю» работу над богословием, Евангелиями и работу «внутреннюю»: «Это не было методическое исследование богословия и текстов Евангелий, — это было мгновенное устранение всего того, что скрывало смысл учения, и мгновенное озарение светом истины».

Только что Алексей Петрович в «Ночи» видел лишь дрожащее пятно света от лампы на потолке, как вдруг распахнулось над головой

большое, ясное зимнее небо. Только что слабо мерцали перед глазами бронзовые гвоздики на зеленой дверной обивке, и вот яркие звезды смотрят на него — и он вспомнил имя звезды, которая сияет ярче всех других. Только что он слышал лишь две однообразные, торопливые нотки карманных часов, но уже долетает до него ясный звук колокола — благовест, и, услышав этот звук, он «вспомнил церковь, вспомнил толпу, вспомнил огромную человеческую массу, вспомнил настоящую жизнь. Вот куда нужно уйти от себя и вот где нужно любить. И так любить, как любят дети». И «полное сумасшествие» героя «Записок сумасшедшего» явило себя, когда его вдруг просветила истина той любви ко всем людям, о которой говорит Евангелие,— выйдя из церкви, он раздает все, что у него было, нищим и идет в толпе, разговаривая с народом.

«Считать себя отдельным существом есть обман», — утверждает Толстой. В Астапове, умирая на чужой кровати, диктует дочери (писать уже не в силах): «Чем больше проявление Бога в человеке (жизнь) соединяется в проявлениях (жизнями) других существ, тем больше он существует». «Общая жизнь» — ворота в полное прозрение, спасение от «арзамасского ужаса».

У Гаршина — в «Ночи»: «Нужно, непременно нужно связать себя с общей жизнью, мучиться и радоваться, ненавидеть и любить не ради своего „я“... а ради общей людям правды... Все это сказано в зеленой книжке (Евангелии. — В. П.), и сказано навсегда и верно».

Размышляя об ужасах войны, толстовский Пьер вдруг ясно сознает: «Солдатом быть, просто солдатом!.. Войти в эту общую жизнь всем существом...» Но во всей глубине смысла «общей жизни» открывается ему вместе с испытаниями в колонне военнопленных. Именно здесь он не столько понимает, сколько чувствует, что на свете нет ничего страшного, и более того, чем страшнее будущность, тем независимее его внутренняя жизнь от того положения, в котором он находится.

Герой гаршинского «Груса», такой же, как в «Четырех днях», интеллигентный молодой человек, предполагавший, что, поняв зло, может избежать его, оказывается погруженным в пучину самого страшного творимого в мире зла, — войны. Он ни умом, ни чувством, еще более — совестью не может признать это зло, но ум, чувство, совесть не позволяют ему отказаться от участия в нем: «Война есть общее горе, общее страдание...» «Палец от ноги», — думает он о себе; образ взят у Шекспира — самая, наверно, несамостоятельная частица тела становится символом, знаком совершенной зависимости. Герой страдает от утраты своего «я». Но спустя несколько лет — в повести «Из воспоминаний рядового Иванова» — Гаршин снова отправляет своего

«смиренного, добродушного молодого человека» на войну, только на этот раз он и впрямь вольноопределяющийся — сила и смысл «общей жизни» открываются ему: «Никогда не было во мне такого полного душевного спокойствия, мира с самим собой и кроткого отношения к жизни, как тогда, когда я испытывал эти невзгоды и шел под пули убивать людей». Полное душевное спокойствие не исключает потрясения при виде первых убитых — «мертвых людей», возмущения генералом-самодуром, самоотверженного заступничества за избиваемого солдата («Вас за подобные вещи могут без дальних слов расстрелять!» — «Все равно. Я не мог видеть и не вступиться»). И, что ни говори, под пули рядовой Иванов шел, без сомнения, с большей убежденностью, чем убивать. Но сила и смысл «общей жизни» как раз в том, что она, в конечном итоге, сама корректирует происходящее в ней. Солдаты не убивают в бою мучителя-офицера, хотя накануне всерьез подумывали об этом, а мучитель-офицер рыдает над убитыми в бою солдатами.

Толстой пишет в своих сочинениях, что смысл жизни открылся ему, когда он понял, что искать его следует не в разумном, а в ином знании, которое наполняет смыслом жизнь миллиардов людей. Поэтому-то Левин, коснувшись истины, размышляет, устремляя взгляд в высокое, безоблачное небо: пусть он знает, что это не круглый свод, а бесконечное пространство, он, тем не менее, несомненно прав, когда, несмотря на свое знание о бесконечном пространстве, видит твердый голубой свод.

Пройдя трудные этапы своего воскресения, устремляется к «общей жизни» Нехлюдов — Толстой ищет ему места в ней, много думает о продолжении романа. Он вынашивает замысел о переселении сельской общины на новые, никем не освоенные земли, ему мерецится образ «русского Робинзона», начиナющего там новую жизнь. Но Толстой понимает, что «опростиившийся» Нехлюдов-Робинзон такая же фальшь, как отвергнутый им Нехлюдов первого варианта романа, женившийся на Катюше. Продолжение воскресения не получается.

«Общая жизнь» героя «Записок сумасшедшего» — участие в ней он, должно быть, и называет своим «сумасшедшим делом» — происходит за пределами текста: рассказ начинается психиатрическим освидетельствованием, затянутым родственниками, а завершен он не был.

Трудно предположить, что ждет рядового Иванова после войны, когда люди, объединенные ею, разойдутся по домам.

Алексей Петрович в «Ночи», постигнув истину, умирает на расвете, накануне первого шага, по объяснению Гаршина, от бурного прилива нового чувства.

Художник Рябинин, поступивший в учительскую семинарию, чтобы ехать в деревню, «не преуспел».

Не преуспел и сам Гаршин, строивший планы в пору встречи с Толстым сделаться сельским писарем, искавший позже другие пути, оборвавшиеся в лестничном пролете мрачного петербургского дома.

И Толстой, навсегда оставивший Ясную Поляну, так и не добрался до «общей жизни».

Она, как горизонт, постоянно удаляется от тех, кто устремляется к ней.

Идеал, по мысли Толстого, тогда идеал, когда осуществление его возможно только в идее; поэтому возможность приближения к нему бесконечна.

Но прекратить движение значит оставаться во власти «арзамасского ужаса».

М. А. Монин

ТЕМА «ИСКУШЕНИЙ В ПУСТЫНЕ»
В ПЕРЕПИСКЕ Л. Н. ТОЛСТОГО И А. А. ФЕТА

Переписка Фета и Толстого неоднократно привлекала внимание исследователей¹, и, вероятно, можно согласиться со словами Е. А. Маймина, что «в своей переписке они достигали всей полноты диалога, самого полного и впечатляющего выражения мыслей и чувств»². Пожалуй, в особенной мере эти слова относятся к письмам Толстого и Фета периода второй половины 70-х гг., когда в их отношениях наметился кризис, закончившийся практически полным разрывом между ними. Фет и Толстой на протяжении десятилетий были друзьями, сохранявшими отношения чрезвычайной духовной близости, познавшими прелесть «взаимного ауканья». И вместе с тем кризис во взаимоотношениях Фета и Толстого был неизбежен и предопределен различными траекториями личной и творческой эволюции каждого из писателей. Если к концу 70-х гг. Толстой постепенно приходит к мысли о «неправде» существующих общественных установлений: Церкви, государства, классовой и сословной организации общества, а также обслуживающих эти установления литературы и искусства, то Фет в тот же самый период убеждается не только в необходимости каждой из этих сфер, но и в нерушимости границ между ними, то есть наличия нескольких, независимых друг от друга «правд». Таким образом, Фет в глазах «нового» Толстого предстал человеком, цепляющимся за очевидную, но удобную ложь, а сам Толстой, с точки зрения Фета, оказался «нигилистом», разрушающим барьеры, необходимые для нормального существования общества. При этом для Толстого критерием, отделяющим правду от лжи, было новое, очищенное от привнесенных Церковью искажений учение Христа, к которому пришел Толстой и которое не мог принять вслед за ним Фет, что и стало главным предметом расхождений между ними.

Однако неверно было бы рассматривать спор между Толстым и Фетом лишь в качестве спора о религии: несмотря на то, что предметом полемики между Фетом и Толстым была религия в ее различных аспектах (религия и государство, роль в религии «книги» и «закона, писанного в сердце», сравнение христианства и религий Востока), подлинным ее содержанием был вопрос о человеке: что он такое, из

чего «состоит», для чего создан. При этом те взгляды на общественное устройство и мир в целом, которых придерживались оба писателя, непосредственным образом отразились на их представлениях о человеке. То, что для Фета выглядело как соединение независимых друг от друга сфер, для Толстого было противоборство исключающих друг друга принципов. Наконец, внутреннее сходство в постановке проблем Фетом и Толстым привело в тому, что каждый из оппонентов воспринимал доводы другого как слова враждебного по отношению к нему *alter ego*. Возможно, что именно поэтому в полемике между Фетом и Толстым настойчиво повторяется один из евангельских мотивов, а именно тема искушения Христа в пустыне. Рассмотрение полемики двух авторов с учетом присутствия в ней этого мотива позволит, вероятно, лучше понять ее смысл.

Описывая в «Исповеди» историю своего пути к Богу, Толстой говорит, что первоначально он обратился к религии в ее традиционной форме, поскольку такова была вера простого народа, или «людей жизни», которые, в отличие от привилегированных слоев общества, видели в жизни смысл, и этим смыслом была вера. В результате Толстой приходит к религии в ее традиционной, «институциональной» форме, причем приходит окольным путем, почти вынужденно, несмотря на свое неприятие библейского «бога попов», который, по мнению Толстого, «гораздо более невозможный, чем для попов был бы бог мух, которого бы мухи себе воображали огромной мухой, озабоченной только благополучием и исправлением мух» (62, 272).

Фет, которого Толстой знакомит со своими религиозными иска-
ниями в апреле 1876 г.³, вполне сочувственно относится к толстовско-
му «богу мух»⁴, но значительно более осторожен в отношении поиска
«более неопределенного, более далекого, но более высокого и несо-
мненного» Бога (62, 272), о котором задумывался Толстой, неудов-
летворенный учением о Боге, предлагаемым Церковью.

Наконец, во второй половине 1876 г. новое умонастроение Тол-
стого отзыается в Фете следующим стихотворением:

Когда Божественный бежал людских речей
И празднословной их гордыни,
И холод забывал и жажду многих дней,
Внимая голосу пустыни,

Его, взлекавшего, на темя серых скал
Князь мира вынес величавый.
«Вот здесь, у ног Твоих, все царства,— он сказал,—
С их обаянием и славой.

Призной лишь явное, склонись к моим ногам,
 Сдержи на миг порыв духовный —
 И эту всю красу, всю власть Тебе отдашь
 И покорюсь в борьбе неровной».

Но Он ответствовал: «Писанию внемли:
 Пред Богом Господом лишь преклоняй колени!»

И сатана исчез — и ангелы пришли
 В пустыне ждать его велений.

Фет перелагает в этом стихотворении следующее место из Евангелия от Матфея: «Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от дьявола, И, постившись сорок дней и ночей, напоследок взлкал. <...> Опять берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это я дам Тебе, если, пав, поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от меня, сатана; ибо написано: „Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи“ (Втор. 6.13). Тогда оставляет Его диавол; и се, Ангелы приступили и служили Ему» (Мф. 4. 1–2, 4, 8–11). Это — так называемое «третье искушение Христа» (сам Фет называет свое стихотворение «Последнее искушение»).

Среди исследователей существует определенное разногласие по поводу времени написания Фетом стихотворения. Думается, что датировка этого стихотворения 1874 г. (под этим годом стихотворение включено в большинство современных сборников поэта) неточна: в письмах, относящихся к 1876 г., и Фет, и Толстой говорят об этом стихотворении как о недавно написанном. С другой стороны, дата 6 декабря 1876 г. (версия издания стихов Фета в серии «Библиотека поэта»)⁵ также нуждается в уточнении. Фет действительно упоминает о своем стихотворении (называя его «Искушение») в письме Толстому от 6 декабря 1876 г.: «Был у Владимира Станкевича и читал известные Вам два последних стихотворения „Среди звезд“ и „Искушение“⁶, но это упоминание говорит о том, что стихотворение было написано до 6 декабря. Второе из упоминаемых Фетом стихотворений — «Среди звезд» — Фет включил в свое письмо Толстому от 22 ноября 1876 г., в то время как «Искушения» в письмах Фета, по крайней мере, в известных, — нет. Следовательно, есть основания предположить, что Фет прочитал стихотворение Толстому, возможно, во время своего приезда в Ясную Поляну 20 октября 1876 г.

Но какие есть основания говорить, что стихотворение Фета каким-либо образом связано с религиознымиисканиями Толстого?

Во-первых, в пользу этого говорит выбор сюжета для стихотворения. Привлекая известный евангельский рассказ, Фет в весьма сублинированной форме дает понять Толстому, что не приемлет чьего-либо учительства в вопросах религии. До открытого столкновения еще далеко, Фет и Толстой остаются друзьями и во многом единомышленниками. И стихотворение Фета — это даже не намек, а, скорее, тень намека на его несогласие с Толстым.

Во-вторых, Фет ввел в свое стихотворение некоторые мотивы, отсутствующие в евангельском тексте, но перекликающиеся со скрытым смыслом стихотворения (если, конечно, этот предполагаемый в нем смысл действительно существует). В Евангелии от Матфея Иисус «возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола»; у Фета мотивировка иная: изгнаник бежит у него в пустыню от людей, их речей и «празднословной гордыни», то есть это бегство не «для», а «от» искушения. Наконец, учитывая то, что Толстой в своей дальнейшей полемике с Фетом еще не раз вернется к этому сюжету, можно предположить, что он понял этот предназначавшийся ему смысл фетовского стихотворения.

Следующие два года (т. е. 1877 и 1878 гг.) полемика между писателем и поэтом носит вялотекущий и полушутилливый характер. Прежней близости между ними нет, а острых вопросов они предпочитают не касаться. В письме от 6 апреля 1878 г. Толстой выражает некоторое сожаление по поводу религиозного «равнодушия» Фета: «Но хотя и люблю вас таким, какой вы есть, всегда сержусь на вас за то, что Марфа печется о мнозем, тогда как единое есть на потребу. И у вас это единое очень сильно (курсив мой.— М. М.), но как-то вы им брезгаете — а все больше биллиард устанавливаете <...> Кабы нас с вами истолочь в одной ступе и слепить потом пару людей,— продолжает Толстой,— была бы славная пара» (62, 408). Фет отвечает на это в письме от 16 апреля: «Напрасно хотите Вы лепить пару людей там, где Бог уже слепил ее. Графине не учиться ни у меня, ни у кого другого на свете практичности... Если вы боитесь за мой материализм, то я не боюсь за Ваш аскетизм и хандру. Такие силачи все перемалывают в муку, а не в муку»⁷.

Действительно, в 1877—1878 гг. Толстой находится в процессе «перемалывания»: он колеблется между традиционной и «очищенной» разумом формами христианства. Однако к 1879 г. колебания прекращаются: Толстой делает выбор в пользу второго, и это сразу отражается на его отношениях с Фетом.

В письме от 21 января 1879 г. Фет посыпает Толстому свое стихотворение «Никогда», герой которого, восстав из гроба на охладевшей и умершей земле, задает себе риторический вопрос: «Куда

идти, где некого обнять, / Там, где в пространстве затерялось время³» — и его ответ — призыв к смерти: «Вернись же, смерть, потопись принять / Последней жизни роковое бремя». Толстой пишет в ответ, что находит постановку духовного вопроса у Фета «прекрасной», но сам бы он предпочел ответить на этот вопрос иначе: «Я бы не захотел обратно в могилу. <...> Для меня остаются еще мои отношения к Богу...» (62, 469).

Толстой, акцентируя свое несогласие с идеей стихотворения Фета, пытается вызвать последнего на спор о важнейших для себя вещах, но Фет в очередном письме никак не комментирует слова Толстого, и тот вновь посыпает приглашение, уже в форме прямого вопроса: «В последнем письме я вам писал, что не согласен с мыслью последнего стихотворения <...> Вы ничего на это не отвечали. Ответьте пожалуйста. Если вам это кажется глупостью, так и скажите» (62, 473).

Поставленный перед прямым вопросом, Фет вынужден отвечать, и из его ответа становится ясно, почему он так долго медлил с ним. Фет понимает, что ввиду накопившихся у него с Толстым недомолвок и взаимного недовольства становится необходимым решительное объяснение. В своем ответном письме Фет даже не касается поставленного Толстым конкретного вопроса (вопроса об идее его стихотворения «Никогда») — его ответ носит более общий характер: Фет пишет о том, как он понимает человеческую жизнь и в чем видит ее смысла.

Фет пишет: «Вы знаете, что по вопросам Ваших интимных (выделено Фетом. — М. М.) убеждений я всегда был нем как бы глухонемой. Теперь Вы сами вызываете мое суждение по данному предмету... все вне меня есть объект, то есть мое собственное представление + по Шопенгауэру, die Welt ist mein Wille <мир есть моя воля>... Высшая, разумная, по-своему, — для меня непостижимая воля, с непостижимым началом и самодержанием — ближе моему человеческому уму, противящемуся пантеистическим фразам без всякого содержания. На этом пути эта первобытная воля — причина, а я только микроскопическое последствие. Этим все сказано»⁸. На протяжении всего письма Фет подчеркивает свою «микроскопичность» и повторяет мысль, что ему недоступен ни смысл собственной жизни, ни истина об окружающем его мире: «Какое же у меня представление... личного божества⁹» — спрашивает Фет и отвечает: «Никакого. Все мною присоединяемые атрибуты благости, правосудия и т. д. разрушаются при малейшем приложении к явлениям мира...» «Какие же у меня из временного и пространственного могут быть отношения, вневременные и внепространственные?» — спрашивает Фет и отвечает, что таким средством может быть только миф, то есть ложь⁹.

Фет отправляет свое письмо Толстому 19 февраля, но этот ответ удовлетворяет его лишь как ответ Толстому, и уже 3 марта Фет набрасывает черновой вариант стихотворения «Не тем, Господь, могуч, непостижим». Стихотворение это — непосредственное продолжение письма от 19 февраля и в то же время его антипод. Поэт, правда, и здесь говорит о «непостижимости» божества, но эта непостижимость является здесь непостижимостью самого человека, несущего в себе божественный огонь. Горящий «сильней и ярче всей вселенной». Этот «вечный» и «вездесущий», подобно Богу, огонь «ни времени не знает, ни пространства» — и это новый ответ Фета на его собственный вопрос, какие могут быть отношения к Богу «из временного и пространственного». Своим стихотворением Фет отвечает: никаких, но не все в человеке подчинено времени и пространству.

Итак, на вопрос Толстого об отношении к Богу Фет дает два различных по форме и противоположных по содержанию ответа, из которых посыпает Толстому только один, прозаический и скептический. Толстой убеждается в неисправимости Фета и постепенно теряет к нему интерес. Его письма Фету становятся все более краткими и похожими на отписки. Наконец, в мае 1880 г. Фет чувствует необходимость поставить точки над «*и*»; он пишет Толстому «прощальное письмо», в котором не может скрыть недоумения по поводу охлаждения к нему Толстого: «Что же изменилось в эти 20 лет? Не могу судить о вашей перемене... но факт налицо: Ваши редкие письма и окончательное молчание на сборы мои в Ясную Поляну не требуют толкований»¹⁰. Об отношении Толстого к Фету на тот момент говорит судьба письма: Толстой разрезал его на закладки и вставил в книгу богословского содержания, в котором оно впоследствии и было найдено¹¹.

Этот разрыв между Толстым и Фетом, однако, еще не стал окончательным. Летом того же 1880 г. к Фету в качестве примирителя отправился Страхов, писавший затем Толстому: «Самым важным предметом разговоров, конечно, были вы, и я успел многое сказать ему в эти десять дней. Примирительные речи были вполне удачны, и скоро в них не оказалось никакой надобности; но учение (выделено Страховым.— *M. M.*) передавалось очень плохо»¹².

«Невосприимчивость» Фета к учению Толстого сделала неизбежным новый всплеск их полемики, и уже в сентябре 1880 г. Фет пишет Толстому письмо с развернутой критикой его взглядов на религию.

Форма письма Фета Толстому от 28 сентября 1880 г. подчеркнуто полемична. Фет в нем уже не защищается, а сам переходит в нападение. Даже вступление Фета к «философской» части его письма должно было, вероятно, вызвать раздражение Толстого: «В вагоне я

купил себе русскую Библию, — пишет Фет, — очень добросовестный и грамотный перевод и хорошее издание в переплете за 4 рубля. У меня не было Библии русской. Читал со вниманием и увидел следующее...»¹³. В то время сам Толстой занимался переводом и толкованием Нового Завета, о чем Фет, конечно, знал, и, следовательно, мог предвидеть реакцию Толстого на его слова о купленном в вагоне «хорошем и грамотном» переводе Библии.

По мнению Фета, высказанному им в письме, в основе всякой религии лежит «семя», что повсеместно нашло свое отражение в форме культа семьи, предка. «От этого семейного культа не ушла ни одна народность, ни одна самостоятельная религия... Поэтому нечего удивляться, что Саваоф признает всех соседних богов, но постоянно толкует о своей ревности к ним...» «Вот на этой то почве, — продолжает Фет, — выросло то нравственное учение, над разъяснением которого Вы сейчас работаете. Я охрип повторять, что Вы, во-первых, осуществляете мою исконную мысль, что Евангелие есть проповедь полнейшего аскетизма и отрицание жизни, совершенно вопреки церковному учению о противном, а во-вторых, что я наперед уверен, что ваш труд будет блестательным этого подтверждением. Это я сто раз повторял Страхову»¹⁴.

По Фету, отрицание жизни может носить лишь теоретический, отвлеченный характер (в том же письме Толстому Фет сам признается в таком отрицании). Толстой же, по словам Фета, привносящий «отрицательные» принципы книги непосредственно в жизнь, с ее неизбежными законами и требованиями, сам выглядит воплощенным противоречием, или, как выражается Фет, Симеоном Столпником, «сходящим со столба, чтобы жениться на красавице и произведения детей»¹⁵. «Или Вы шутите, или Вы больны», — заключает Фет.

В этом «письме-вызове» Фета есть фрагмент, который, возможно, подсказал Толстому, в какой тональности ему следует писать ответ. Строками письма «не естественно ли спросить, почему тот, для кого жизнь не имеет, как наслаждение, никакой цены, не выпрыгивает из нее вниз, что для него ни крошки не страшнее», Фет случайно приближается к словам, произнесенным дьяволом в сцене «второго искушения» Христа. Впрочем, речь может идти именно о тональности: к этому времени (осень 1880 г.) Толстой уже давно определился с той ролью, которую играет в его жизни Фет.

Ответное письмо, которое Толстой написал Фету в октябре 1880 г., — его последнее письмо Фету (впоследствии Толстой написал Фету лишь несколько малозначащих записок) — в оригиналне не сохранилось, сохранился лишь черновик, датируемый примерно 5–10 октября.

Письмо это показывает, что сам Толстой в процессе полемики с Фетом существенно продвинулся вперед в понимании своего учения. Написанная Толстым около года назад «Исповедь» была для него лишь этапом на пути к истине. Книга эта заканчивалась вопросом: Толстой указал на очищенную разумом веру как на единственный спасительный путь, но дальше не пошел. Вероятно, Толстой понял, что его исходный антагонизм, из которого он тщетно искал выход — «разум — вера» — был взят им как бы с неверной точки зрения. В поисках ответа на аргументы, выдвинутые Фетом, Толстой находит иную формулировку преодолеваемого антагонизма, одновременно онтологическую и субъективную — «плоть — дух».

Последнее письмо Толстого Фету — это больше, чем письмо «познавшего истину» к «коснеющему в заблуждении», и скорее отповедь, нежели проповедь. Толстой, обращаясь к Фету, адресует свои слова, по его собственному выражению, «духу плоти»:

«Вы не поверите, как мне смешно читать такие рассуждения, как ваше (а я только это и слышу), — начинает Толстой. — Все рассуждения эти клонятся к тому, чтобы показать, что все, что сказано в Евангелии, — пустяки, и доказывается это тем, что люди любят жить плотью, или иначе — жить как попало, — как каждому кажется хорошо, и что так жили и живут люди. Коми兹м этого рассуждения состоит в том, что Евангельское учение начинает с того, что признает эту точку зрения, утверждает ее с необычайной силой и потом объясняет, что этой точки зрения недостаточно <...> Все, что вы говорите о том, что книга — книга, т. е. отвлеченность — отвлеченность, а жизнь — жизнь, и заявляете свои права, и от них не уйдешь, все это в Евангелии сказано и сказано с такой яркостью и силой, с какой нам не сказать. Признание неизбежности плотской жизни есть первая посылка, необходимая для выражения учения» (63, 26).

Толстой, таким образом, выстраивает оппозицию «плотская жизнь — духовная жизнь» и при этом включает первый ее член во второй — это формула антагонизма, и антагонизма преодолеваемого. Преодолеваемого, но не преодоленного: антагонизм сохраняется, хотя одна его сторона включает в себя другую, и это очень оригинальный и очень важный пункт толстовского мировоззрения вообще.

Толстой иллюстрирует свою мысль евангельским текстом:

«Напомню вам хоть искушения в пустыне. Все, что вы пишете, есть только маленькая частица того, что сказано там (курсив мой. — М. М.).

Дьявол. Что сынок Божий, — проголодался. Хлеба-то не сделашь разговорами.

Иисус. Я не хлебом жив. Я жив — Богом.

Дьявол. Разговоры слыхали мы. А коли Богом ты жив, а не своей заботой о себе — так, ну-ка, чебурахнись отсюда, небось сынок Божий, — а бережешься.

Иисус. Я знаю, что Бог всегда со мною (почему таково значение искушать Бога, вы можете найти в Второзаконии и Исходе XVII)» (63, 26–27).

Из трех искушений Христа Толстой подвергает наибольшей «авторизации» последнее:

«*Дьявол.* Всем жрать хочется и все себя берегут. Только все не болтают вздора, как ты, — а признают это и служат и хлебу и своему телу <...>.

Иисус. Других я не знаю — себя знаю. Знаю, что жив я Богом, что в жизни моей Бог всегда со мной, и потому служу одному Богу» (63, 27).

Все три искушения — точки противостояния Толстого и Фета и одновременно — «линии разлома» внутри каждого из них. В первом искушении Иисус Толстого говорит, что он жив не хлебом, а Богом, — на что Фет в ответном письме замечает, что Иисус все же сказал «не хлебом единым» и добавляет, что если бы было «не хлебом», то следовало бы «навсегда закрыть книгу». В этом споре о статусе понятия «жизнь» Толстой хочет сказать, что человек, поскольку он жив, может быть жив только Богом, в то время как одним хлебом он может быть только мертв. Фет же отвечает, что человек жив не только хлебом, но в том числе и хлебом, при отсутствии которого он быть жив не может. Толстовскому противопоставлению — «или хлебом, или Богом» — Фет отвечает дополнительностью, но говорит при этом не о хлебе и Боге, а почему-то о сложности человеческого организма, в рамках которого «мы никак не можем давать одному уезлу предпочтение перед другими до совершеннейшего забвения остальных».

Поскольку «хлеб» в данном контексте для Толстого — синоним плоти, то он не принимает во внимание того обстоятельства, что евангельский рассказ не дает очевидных оснований для именно такой его интерпретации. Иисус в Евангелии от Матфея говорит, что «не хлебом одним будет жить человек, но и всяким словом, исходящим из уст Божиих». При этом хлеб вовсе не противополагается не только Богу, но и слову, исходящему от Бога: Бог — это источник слова и хлеба, и первая просьба Богу в молитве «Отче наш» — это просьба о хлебе насущном. Однако Толстой, с его взглядом на антагонизм двух противоположных начал как на основной мировой закон, не мог не прийти к мысли, что само потребление хлеба человеком, который «жив Богом» есть необходимая уступка плоти со стороны духа,

уступка, которую плоть ошибочно считает признаком своего превосходства над духом.

В свою очередь, для Фета слова «не хлебом единым» есть лишь указание на множественность независимых друг от друга начал, среди которых Фет не упоминает «Бога» как начало абсолютное — в понимании Фета любое из начал обладает лишь частной, относительной истиной.

Второе искушение вводит тему осмысленной жизни и ее альтернативы — смерти. Эту тему впервые затронул Толстой (выступивший здесь «искусителем») в своих письмах Фету, задав вопрос, почему Фет, видя «тщету жизни», не убьет себя. Об актуальности этой темы для Толстого говорит и место, отведенное этой теме в «Исповеди». Фет, который был «изумлен» вопросом Толстого, отвечает ему, что он понимает тщету мира «умом», и такое понимание нисколько не мешает ему жить, подобно тому как понимание бесмысленности еды не может помешать есть. В своем ответе Фет радикально разводит (в том числе и применительно к отдельному человеку) сферу «разума», внутри которой он понимает напрасность всего сущего, и сферу «реальной жизни», которая осуществляет свои нужды так, как если бы первой сферы вообще не существовало. Подобный ответ, вполне соответствовавший мировосприятию Фета, не мог, конечно, удовлетворить Толстого, чей взгляд на различные сферы человеческой активности сочетал в себе идею иерархии различных «уровней» человека и одновременно их активного противоборства. Поэтому Толстой вновь возвращается к этой теме в том же письме, которое содержит в себе и интерпретацию искушений. Толстой находит аргумент, приведенный Фетом, неверным, «1 потому, что еда имеет цель — жизнь, а жизнь не имеет цели. 2 Потому, что нет такого лекарства, чтобы перестать есть, а есть лекарство, чтобы перестать жить — пистолет». Согласно логике Толстого, жизнь лишь тогда имеет смысл, когда она имеет ясную и в то же время внешнюю по отношению к себе цель. Если же такой цели нет или она представляется туманной, то единственный честный выход — немедленно покончить с собой и уничтожить тем самым всю смысловую цепочку, и, как писал Толстой в «Исповеди», это был шаг, который едва не сделал он сам.

Важность для Толстого вопроса о самоубийстве была связана в первую очередь с тем, что она имела непосредственное отношение к проблеме духа и плоти: когда духовное в человеке не может противопоставить себя плотскому, то последнее не имеет право на самостоятельное существование. Таким образом, вопрос о самоубийстве амбивалентен: для людей плоти он предстает почти как предписание, в то

время как для людей духа он — соблазн. То есть человек духа, не делая необдуманных или нарочито «провокационных» поступков, как бы демонстрирует тем самым некое недоверие Богу, которым он «жив». Этот соблазн усиливается еще и тем, что Толстой смотрит на смысл второго искушения предельно широко: для него «не броситься с крыши» означает «беречь себя», «думать о своем благополучии» и т. д. Расширяя смысл второго искушения, Толстой отвечает тем своим критикам, которые обращали внимание на несоответствие жизни Толстого принципам, которые он проповедует. В трактовке, данной Толстым, ответ Иисуса на второе искушение выглядит как противоположный его первому ответу. Дьявол, от которого, согласно Толстому, не ускользает это противоречие, видит в отказе Иисуса броситься с крыши свое торжество, почти победу (Толстой специально подчеркивает, что в третьем искушении дьявол уже не обращается к Иисусу как к Сыну Божию). Но это, как и в первом случае, мимая победа: дьявол, ограниченный кругом плотского, просто не в состоянии понять «духовного» и его задач.

Наконец, интерпретируя третье искушение, Толстой вкладывает в уста дьявола главный аргумент Фета, заключающийся в том, что проповедь учения при всей его «субъективной» истинности, как минимум бесполезна, если не вредна. Для самого Фета бессмысличество проповеди непосредственно вытекает из разделенности сфер «разума» и «жизни»; разум, согласно Фету, не может воздействовать на жизнь, и попытки такого воздействия — гносеологическая ошибка.

Евангельский рассказ, повествующий о третьем искушении, Толстой изменяет почти до неузнаваемости, и вопрос, который он в нем поднимает, — это вопрос о праве на «учительство». И здесь для Толстого вновь встает проблема соотношения «духа» и «плоти». Толстой не мог не понимать, что основа его популярности как проповедника евангельского учения поконится на авторитете Толстого-писателя. Литературная «плоть» и здесь оспаривает свои права у эзекиетического «духа», и в результате Иисус в третьем искушении Толстого говорит, несколько неожиданно, что он «других не знает», — и это также ответ Толстого, неоднократно засвидетельствованный, в частности, его дневниковыми записями. Отвечая таким образом, Толстой дает понять, что все внешние факты, в том числе и факты его литературной биографии, не имеют никакого значения в вопросе о его настоящем призвании.

Рассказ об искушениях — кульминация письма Толстого Фету. Что же касается всего письма, то оно есть расширенный вариант той же темы, то есть темы искушения. Все письмо Толстого — гневная филиппика в адрес Фета, которому в соответствии с предлагаемым

Толстым распределением ролей достается «голос плоти». О том, что Фет представлен в этом письме Толстого «голосом плоти», свидетельствует, помимо общего тона письма, знаменательная описка Толстого. А именно, в словах «все, что вы говорите о том, что книга — книга <...> а жизнь — жизнь, и заявляете свои права и от них не уйдешь...» по смыслу фразы следует писать «заявляет», то есть отнести это слово к предшествующему — «жизни», — но в той форме, в какой это слово присутствует в письме, оно адресовано непосредственно Фету, «заявляющему свои права» или права плоти.

Избранная Толстым форма полемики на первый взгляд кажется не вполне соответствующей ее реальному содержанию: трудно представить Фета «искусителем», — он вовсе не является «активной стороной» диалога; его позиция — несмотря на многословие и многочисленность его писем — оборонительная. Фет пытается скрыть расщерянность перед лицом инвектива со стороны нового Толстого, сознательно нарушающего, к тому же, все правила эпистолярного хорошего тона. Однако позиция Толстого становится вполне понятной, если учесть, что «борется» он не только и не столько с «реальным Фетом», сколько с «внутренним Фетом», или с тем Толстым, который когда-то писал восторженные письма о главенстве красоты в мире. То, что Толстой видел искушение в качестве внутренней ситуации человека, подтверждается тем, как Толстой интерпретирует соответствующее место евангельского текста в своей книге «Соединение и перевод 4-х Евангелий», над которой он в то время работал: «Для всякого человека, свободного от церковного толкования, будет ясно, что слова, приписываемые искусителю, выражают только голос плоти, противный тому духу, в котором находился Иисус после проповеди Иоанна. Такое понимание значения слов: искуситель, обманщик, сатана, означающих одно и то же, подтверждается 1) тем, что лицо искусителя введено ровно настолько, насколько оно нужно для выражения внутренней борьбы; ни одной черты относительно самого искусителя не прибавлено; 2) тем, что слова искусителя выражают только голос плоти и больше ничего, и 3) тем, что все при искушении суть самые обычные выражения внутренней борьбы, повторяющейся в душе каждого человека» (24, 70).

Своей интерпретацией рассказа об искушениях Толстой стремится ответить на один из тех вопросов, которые он задавал себе, стоя на пороге нового понимания смысла евангельского учения: «Что значит и зачем то раздвоение — добра и зла (курсив мой. — М. М.), которое я чувствую в себе?» (48, 187). Для Толстого-теолога, как прежде и для Толстого-романиста, момент осознания героем своей внутренней дисгармонии занимает центральное место — именно в такие моменты

герой понимает свое предназначение и смысл своей жизни. Вероятно, по этой же причине Толстой разбирает рассказ об искушениях Христа дьяволом так же подробно, как и внутреннюю борьбу и искания своих литературных героев.

Вывод, который Толстой делает из евангельского рассказа об искушениях, подводит своего рода черту под его разногласиями с Фетом: «Церковные толкования любят представить это место как победу Иисуса над дьяволом. Победы ни по какому толкованию не выходит никакой: диавола можно считать столько же победителем, сколько и Иисуса... Все рассуждение дьявола, то есть плоти,— несомненно и неотразимо, если стать на его точку зрения. Рассуждение Христа точно так же неотразимо, если стать на его точку зрения. Разница только в том, что рассуждение Христа включает в себя рассуждение плоти и берет его за основание для своего рассуждения. Рассуждение же плоти не включает в себя рассуждение Христа и не понимает его точки зрения» (24, 80).

Сохраняя противостояние двух противоположных начал, Толстой узаконил тем самым перманентность ситуации искушения. Дьявол в его толковании такой же победитель, как и Иисус, и потому Толстой оставляет без комментария, как не имеющую значения, последнюю строку евангельского рассказа об искушениях: «Тогда оставляет Его дьявол; и се, Ангелы приступили и служили Ему». С точки зрения Толстого, эта фраза Евангелия — ненужное добавление, поскольку в его понимании искушение не прекращается, дьявол не оставляет искушаемого, и ангелы на его место не приходят. Таким образом, дьявол для Толстого, несмотря на его несуществование в качестве независимого действующего лица, значительно более реален, чем дьявол Евангелия; ангелам же в этой реальности отказано вовсе. Не свидетельствует ли это о глубоком трагизме религиозного мировоззрения Толстого?

Не следует ли сказать того же самого и о мировоззрении Фета, у которого, правда, различные начала в человеке не борются, а мирно сосуществуют, но для которого основной антропологической проблемой является проблема самоидентификации. В самом деле, если человеческий разум, как настаивает Фет, есть лишь одна из функций человеческого организма, назначение которой — «переваривание» мира явлений, подобно тому как желудок переваривает пищу, то человек так же не вправе отождествить себя с собственным разумом, как не вправе отождествить себя с желудком. Если обычно человек говорит о себе «я думаю», но не говорит «я перевариваю пищу», то, следуя антропологии Фета, человек должен был бы сказать о себе «мой разум думает», «мой желудок переваривает пищу». Но имеет ли чело-

век право в таком случае сказать «мой», ведь «мой» относится к «я» как к синониму единства человеческого существа, единства, принципы которого, согласно Фету, самому человеку недоступны. В отличие от человека Толстого, который не может выйти из ситуации искушения, человек Фета не может даже в нее войти; если какое-либо искушение для него и доступно, то это будет как раз искушение целостностью, чего такой человек станет всячески избегать.

Фет и Толстой окончательно высказываются в своих последних письмах друг другу, не стараясь в чем-либо друг друга убедить («все полемики бесполезны» (65, 160), — замечает Толстой, правда, по поводу своих разногласий с Вл. Соловьевым). В их разногласиях, как это часто бывает, нет понимания позиций друг друга, и, как это тоже часто бывает, их позиции значительно более близки друг другу, чем им самим представляется. По существу, и Фет, и Толстой обвиняют друг друга в одном и том же: в нарушении принципа «раздвоенности сущего». С точки зрения Фета, Толстой стремится воздействовать своей проповедью на «жизнь», то есть предоставляет слишком большие права «духу»; что же касается Толстого, то он видит в позиции Фета декларацию примата плоти над духом. Тот факт, что их спор принимает форму конфликта двух различных интерпретаций евангельского рассказа, предметом которого является также спор, спор между дьяволом и Христом, указывает на попытку восстановления нарушенной двойственности через обращение к зафиксированному в авторитетном тексте мировоззренческому архетипу. Обращение к теме спора между дьяволом и Христом позволило Толстому и Фету как радикальным образом развести свои позиции, так и «узаконить» их, придав определенный статус, хотя есть что-то необъяснимое в той легкости, с которой близкие прежде люди констатировали непреодолимость расхождений между ними и подыскали столь далеко идущую аналогию для своего спора.

¹ См.: Черемисинова Л. И. А. А. Фет и Л. Н. Толстой. Творческие связи // автореф. дисс.; Маймин Е. А. А. А. Фет и Л. Н. Толстой // Русская литература. 1989. № 4; эту тему подробно рассматривали Н. Гусев (Гусев. Материалы, III) и Б. Эйхенбаум (Эйхенбаум Б. Лев Толстой. Семидесятые годы. М., 1974).

² Маймин Е. А. С. 137.

³ Гусев. Материалы, III. С. 256.

⁴ Фет А. А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 235 (в письме от 3 мая 1876 года Фет пишет о «несравненном боже мух» Толстого).

⁵ Фет А. А. Стихотворения и поэмы. Л., 1986.

⁶ ПРП. Т. 2. С. 58.

⁷ Фет А. А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 255.

⁸ ПРП. Т. 2. С. 51.

⁹ Фет А. А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 264.

¹⁰ Там же. С. 275.

¹¹ См. Гусев. Материалы, III. С. 630.

¹² Переписка Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова, СПб., 1914. С. 257.

¹³ Фет А. А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 278.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 271.

И. С. Жемчужный
ИХ ПОРОДНИЛ СЕВАСТОПОЛЬ
Л. Н. Толстой и С. С. Урусов

В начале 1854 г. Л. Н. Толстой вернулся с Кавказа в Ясную Поляну. Однако в своем имении он прожил недолго. На театр военных действий подпоручика Толстого перевели после его настойчивых требований. Сначала его направили в действующую Дунайскую армию, а с 7 ноября — в Севастополь, героически оборонявшийся против превосходящих сил Англии, Франции и Турции. Сюда, в сражающийся Севастополь, он стремился «больше всего из патриотизма», как рассказывал позднее брату.

В Севастополе Толстой сблизился с офицером князем Сергеем Семеновичем Урусовым. Это был во многих отношениях необыкновенный человек. Громадного роста, почти великан, по своему характеру он был, как отмечают его современники, «человек прямой, решительный, импульсивный, бесстрашный, вспыльчивый, гордый, своеобразный и крайне самолюбивый»¹.

После окончания Петербургского кадетского корпуса князь Урусов прослужил некоторое время в конной гвардии, а в 1852 г. вышел в отставку, женился и поселился в Москве, а позднее в подмосковном поместье жены — с. Спасском, недалеко от Троице-Сергиевой лавры.

Блестящий гвардейский офицер, легендарный храбрец, С. С. Урусов был разносторонне одаренным человеком. Природа наградила его хорошим слухом и приятным голосом. В его репертуаре были романсы собственного сочинения. Рано обнаружились у него и способности к математике. С. Урусов выступал с докладами о дифференциальных уравнениях на заседаниях Московского математического общества и даже написал солидный учебник по математике². Но наибольшую известность С. Урусов приобрел как шахматист. В 1850—1860-х гг. он заслуженно пользовался репутацией второго маэстро России, уступая в силе игры лишь А. Д. Петрову.

Незадолго до Крымской войны Урусов вновь поступил на военную службу. В Севастополь он приехал вскоре после Инкерманского сражения и сразу же попал на 4-й бастион, который с первых месяцев осады был основным объектом неприятельской атаки.

По воспоминаниям современников, Урусов выказывал чудеса храбрости. Под его командованием Полтавский пехотный полк блестяще отбил атаку французов на второй бастион в июне 1855 г. В одном из боев С. Урусов был ранен в грудь и чудом остался жив. За храбрость был награжден офицерским Георгиевским крестом.

События Крымской войны произвели на С. С. Урусова столь неизгладимое впечатление, что он даже написал на эту тему книгу (М., 1866), вызвавшую переполох среди царских чиновников. В Российском Государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге хранится объемистое дело в семьдесят листов под названием «Дело о наложении ареста на книгу С. С. Урусова „Очерки Восточной войны 1854–1855“ и последующем выпуске книги с исключениями и изменениями, внесенными Московским цензурным комитетом».

Цензоры объявили книгу преступной и наложили на нее арест, а над автором нависла угроза судебного преследования. И только после того, как Урусов согласился изъять крамольные страницы, книга увидела свет³.

Сообщая о ратных подвигах Урусова — о них впоследствии не раз рассказывал друзьям и Толстой, — очевидцы не проходят и мимо ряда интересных шахматных эпизодов. Однажды во время артиллерийского обстрела позиций Урусов хладнокровно играл три партии, не глядя на доску. Обстановку этого необычного сеанса хорошо передал князь В. И. Барятинский: «Все следили с напряженным вниманием за игрою, была мертвая тишина, слышны были только голоса тех, которые объявляли о ходах той или другой стороны. Надобно заметить, что во все это время присутствовавшие подвергались довольно большой опасности, потому что конгревовы ракеты, пускаемые с английских батарей на Инкерманских высотах, направлялись каждый вечер на пункт, где мы находились... Несмотря на сильные сотрясения, с треском и шумом, от этих ракет, Урусов продолжал невозмутимо свою тройную игру, похлебывая при сем по глотку из стакана чая... Состязание кончилось далеко за полночь. Урусов выиграл две партии, один из его противников — одну»⁴.

Не раз встречался Урусов за шахматной доской с Толстым. Иногда для уравнения шансов мастер давал своему партнеру вперед коня. Оба они играли в остром комбинационном стиле. Эти встречи не проходили для Толстого бесследно: он почувствовал, что стал играть сильнее. К тому же Урусов рассказывал ему много интересного о шахматной жизни в Петербурге и за рубежом.

Как только появлялась возможность, Толстой посещал своего приятеля. В дневнике 23 октября 1855 г. он, например, записывает: «Еду к Урусову». А когда в начале ноября Л. Толстой выехал в

Петербург, они тепло простились и договорились, что будут переписываться. Урусов дал ему при этом письмо к известному писателю-славянофилу и одному из лучших московских шахматистов Ивану Васильевичу Киреевскому такого содержания: «Рекомендую вам прекрасного литератора и вместе шахматного игрока, моего ученика, графа Льва Николаевича Толстого».

Так началась дружба великого писателя с шахматным мастером, продолжавшаяся почти полвека, до последних дней жизни Урусова. Дружба этих людей была согрета лучами воинской славы, боевыми огнями Севастополя. Толстой гордился успехами друга на шахматном поприще, называл его одним из сильнейших шахматистов своего времени. Не без влияния Урусова он и сам проникся на всю жизнь любовью к этой игре.

После отъезда Толстого из Севастополя между ним и С. С. Урусовым началась переписка, продолжавшаяся с перерывами до середины 1890-х гг. В ней речь шла и о шахматах. В письме, например, от 19 сентября 1856 г. Урусов сообщает о своих шахматных баталиях с младшим братом Дмитрием: «Я был дома, виделся с братом и с жадностью вступил в шахматный бой. Странно вышло, что кто начинал, тот и проигрывал, так что в результате оба мы поровну выиграли».

В 1868 г. состоялось знакомство С. С. Урусова с семьей Толстого. 17 марта Софья Андреевна Толстая писала сестре Татьяне из Москвы, что Урусов ее мужу «ужасно нравится». И действительно: умен, очень образован, очень при этом наивен и добродушен».

С тех пор С. С. Урусов был очень близок к семье Толстого. По желанию семьи он стал крестным отцом его детей: Марии, Льва и рано умершего Петра. А когда Урусов потерял единственную дочь Лидию, Лев Николаевич приехал в Спасское утешить друга.

В 1890-е гг. Сергей Семенович нередко гостил в Ясной Поляне. Толстой писал В. К. Истомину 12 января 1873 г.: «С Урусовым мы так же дружны и часто видимся...»

Во время этих встреч Толстой и Урусов не раз садились за шахматную доску. И это несмотря на то, что мастер в те годы решил прекратить игру в шахматы. Чем объяснить такое решение? Ведь еще в конце 1860-х гг. он был одним из активных шахматных деятелей Москвы. 16 октября 1868 г. Урусов, к примеру, писал Льву Николаевичу: «Меня выбрали президентом шахматного клуба, думают вести игру по переписке...»

Но уединенная жизнь в подмосковном с. Спасском, занятия математикой, философией, историей и богословием привели к тому, что шахматы стали занимать в жизни Урусова все меньшее и меньшее ме-

сто, а в середине 1870-х гг. он принял решение оставить серьезные занятия шахматной теорией. Правда, Урусов не был уверен в том, что его не потянет снова к шахматным исследованиям... И вот он решается все свои шахматные книги — среди них были лучшие в то время теоретические руководства и монографии Стаунтона, Бильгера и другие — подарить старшему сыну Льва Николаевича, который увлекся шахматной игрой и в то время часто играл со своим учителем английского языка Реем. 21 февраля 1876 г. Л. Толстой писал из Ясной Поляны своему другу: «Сережа был в восторге от ваших книг и изучает их. Он и Рей пишут вам благодарственные письма. Рей в восхищении от вас, и я за это его еще более полюбил».

Урусов был своего рода шахматным наставником Сергея Львовича. Впоследствии С. Л. Толстой вспоминал: «Хотя он и бросил игру, он, однако, играл с моим отцом, а перед его отъездом мы, т. е. отец и я, предложили ему сообща сыграть по переписке. После немногих дебютных ходов, не давших преимущества ни нам, ни ему, он прекратил игру».

Отдельные подробности об этой партии мы находим в переписке Урусова с Толстым. Например, в письме от 10 апреля 1876 г. Урусов писал о том большом наслаждении, которое он испытал, читая «Анну Каренину», и добавлял: «Ходы прилагаю. Надеюсь, что игра сделается интересною, начиная с 4-го хода. Отдельную записку вложил, чтобы вы мои письма могли прочесть и сжечь. А ходы не жгите, ибо может случиться недоразумение».

В те годы Толстой и Урусов часто встречались как в Москве, так и в Ясной Поляне. Но далеко не одни шахматные интересы сближали Толстого и Урусова. Дружба между ними имела основанием чувства взаимного уважения и расположения, редкой духовной близости.

В письме к А. А. Толстой от 20 марта 1876 г. Лев Николаевич писал об Урусове: «Это мой севастопольский друг, с которым мы очень хорошо любим друг друга» (62, 261).

Не много было у Толстого друзей, с которыми бы он был так откровенен. Ему нравилось наблюдать за ходом мыслей своего друга, всегда очень своеобразных и интересных. Он писал в своих записках «Собеседники» (1877–1878): «Урусов... — тонкий диалектик, джентльмен» (17, 369).

Толстой послал Урусову в разное время около семидесяти писем. Не все они сохранились. Но и те, которые до нас дошли, весьма интересны и показывают, что писатель делился с Урусовым самыми сокровенными мыслями, писал обо всем, что его волновало. Так, в письме от 15 июня 1870 г. из Ясной Поляны Толстой сообщал: «...Я теперь вот уже 6-й день кошу траву с мужиками по целым

дням и не могу вам описать не удовольствие, но счастье, которое я при этом испытываю... Передайте наш привет княгине. Обнимаю вас, ваш Толстой» (61, 237).

Весной 1871 г. Толстой писал: «Благодарю вас, милый друг, за вашу дружбу, которую вижу во всем. Я очень огорчен, что не увижу вас. Мне так хотелось поговорить с вами по душе и на спокое. А боюсь, письмо и не застанет вас в Москве. Если бы почему-нибудь вы остались бы долее, напишите, я приеду к вам. Мое здоровье все скверно. Никогда в жизни не испытывал такой тоски. Жить не хочется.— Поэтому и хочется особенно вас увидать» (61, 253).

В том же письме Толстой проявляет большой интерес к шахматно-математическим трудам своего друга. «Как проблема ко-ня?»⁵ — спрашивает Толстой и далее сообщает свое мнение о только что присланном Урусовым учебнике по высшей математике. «Геометрию вы свою продешевили. Я ее начал раз читать из второй части и часа три радовался, все понимая» (61, 253).

Толстого сближала с Урусовым общность литературно-исторических, философских интересов и взглядов. Во время работы над «Войной и миром» он, бывая в Москве, встречался с Урусовым, беседовал и советовался с ним, доверяя ему читать и править корректуру пятого тома романа. А когда Урусов вынужден был срочно уехать из Москвы (ввиду болезни дочери), то он порекомендовал Толстому близкого приятеля, известного московского шахматиста, князя Сергея Владимиrowича Голицына, который согласился принять на себя все дела по корректуре шестого тома романа.

Беседы и переписка Толстого и Урусова оказали определенное влияние на писателя. Но еще плодотворнее повлияли они на Урусова. Так, в 1868 г. под непосредственным впечатлением от «Войны и мира» Урусов написал и издал свой труд об Отечественной войне 1812 года. Об этой книге Сергей Семенович писал Толстому: «Из IV тома „Войны и мира“ позаимствовал о причинах войны».

Целесообразно, на наш взгляд, отметить, что в своей книге Урусов пишет о необычайном сходстве и даже в некоторых случаях о тождестве, существующем между вопросами о передвижении войск и шахматными задачами. По-видимому, во время бесед Толстого с Урусовым было высказано немало интересных соображений в этой области, что нашло свое отражение в некоторых рассуждениях героев «Войны и мира». В этом плане интересны военно-шахматные аналогии в споре между Пьером Безуховым и Андреем Болконским в канун Бородинского сражения (т. III. Ч. 2. Гл. XXV).

Дважды ездил Толстой к своему другу Урусову в Спасское: в 1869 г., чтобы утешить друга, потерявшего единственную дочь —

Лиду, и двадцать лет спустя, весной 1889 г. На этот раз Льву Николаевичу хотелось побывать немного в уединении, отдохнуть от московской суетолоки. И действительно, место для этой цели было выбрано как нельзя удачнее.

Усадьба Урусова стояла на высоком холме. Вокруг леса, перелески, луга... И лишь у самого подножия Урусовской горки расположились два небольших селения — Торбеево и Куроедово, но и они почти не нарушали вековой тишины...

Задушевные беседы с Урусовым, прогулки в лес и деревни Зубцово и Лысово, интересные разговоры с крестьянами, посещение ситценабивной фабрики Кнопа, что находилась в 10 верстах от Спасского, — все это наполнило Толстого новыми впечатлениями. По утрам ему особенно плодотворно работалось. В Спасском он продолжал писать комедию «Плоды просвещения», статью об искусстве. «Очень много и недурно писал Кр[ейцерову] сон[ату]», — отмечал 5 апреля в «Дневнике» Толстой (50, 62). Написанное он читал Сергею Семеновичу. «Как много у него глубоких новых мыслей», — писал Лев Николаевич.

8 апреля Толстой вернулся в Москву. Два дня спустя он писал в Спасское: «Исполняя обещание, пишу вам милый друг, хотя Соня, вероятно, все написала... Редко проводил так хорошо время, спокойно, серьезно, любовно, как то, что провел у вас, и очень вас благодарю. Радостно тоже, что мы сблизились опять и теснее, помоему, чем прежде. Надеюсь, что уж до гроба... Любящий вас Л. Толстой» (64, 245).

Неизвестно, играли ли Толстой и Урусов в шахматы в Спасском. Но, по-видимому, разговор о них был: Урусов познакомил друга со своими архивами; в них, по всей вероятности, имелись не одни только исторические и математические сочинения, но и заметки о шахматах, которым он посвятил почти три десятилетия своей жизни.

В последние годы своей жизни С. Урусов продолжал поддерживать самую тесную связь с семьей Толстых. Письма его к Льву Николаевичу, Софье Андреевне и их детям полны внимания, доброты и оригинальных мыслей. За это и любила его письма Софья Андреевна.

С. С. Урусов умер 20 ноября 1897 г. На следующий день С. А. Толстая писала мужу из Москвы в Ясную Поляну: «Посылаю телеграмму с известием о смерти Урусова. Очень жаль, старые друзья уходят, а новых нет. И так мне грустно...»

Впоследствии Толстой писал: «У меня было два (кроме А. А. Толстой, это третье) лица, к которым я много писал писем, и, сколько я вспоминаю, интересных для тех, кому может быть интересна моя личность. Это — Страхов и кн. Сергей Семенович Урусов» (90, 341).

В произведениях Толстого порою возникали мотивы и даже образы, навеянные жизненными перипетиями его близкого друга Урусова.

О том, что С. Урусов послужил ему одним из прототипов для создания «Отца Сергея», Толстой прямо указывал в дневнике 31 октября 1890 г.: «Стал писать Сергея сначала. Кое-что поправил, но, главное, уяснил себе. Надо рассказывать все, что было у него в душе: зачем и как он пошел в монахи. Большое самолюбие Кузминский и Урусов, честолюбие и потребность безуокоризненности» (51, 98).

Воспоминания об одном из случаев в жизни С. С. Урусова послужили Л. Н. Толстому иллюстрацией для важного вывода в публицистическом произведении «По поводу конгресса о мире. Письмо шведам». В этом письме, написанном в январе 1899 г. в ответ на обращение к нему группы представителей шведской интеллигенции, Толстой показал, что созыв конференции в условиях того времени представлял собою лицемерную затею, выгодную для тех, кто под ее прикрытием готовился к войне. В этой связи Л. Толстой в письме приводит следующий эпизод из Крымской войны 1854–1855 гг.: «Я помню, во время осады Севастополя, я сидел раз у адъютантов Сакена, начальника гарнизона, когда в приемную пришел князь С. С. Урусов, очень храбрый офицер, большой чудак и вместе с тем один из лучших европейских шахматных игроков того времени. Он сказал, что имеет дело до генерала. Адъютант повел его в кабинет генерала. Через десять минут Урусов прошел мимо нас с недовольным лицом. Провожавший его адъютант вернулся к нам и, смеясь, рассказал, по какому делу Урусов приходил к Сакену. Он приходил к Сакену затем, чтобы предложить вызов англичанам сыграть партию в шахматы на передовую траншею перед 5-м бастионом, несколько раз переходившую из рук в руки и стоявшую уже несколько сот жизней.

Несомненно, что было бы гораздо лучше сыграть на траншею в шахматы, чем убивать людей. Но Сакен не согласился на предложение Урусова, понимая очень хорошо, что сыграть в шахматы на траншею можно было только тогда, когда бы было полное взаимное доверие сторон в исполнении поставленного условия» (90, 61–62).

...Так неразрывно переплелись жизненные линии двух разных по судьбам, характерам и деятельности людей — великого русского писателя Л. Н. Толстого и одного из сильнейших шахматистов России и Европы середины прошлого века князя С. С. Урусова.

¹ Воспоминания князя В. И. Барятинского (1852–1855). М., 1905. С. 71.

² Урусов С. С. Руководство к изучению геометрии (начальной и высшей), алгебры и тригонометрии. М., 1870–1871.

³ Урусов С. С. Очерки восточной войны 1854–1855. М., 1866.

⁴ Воспоминания князя В. И. Барятинского (1852–1855). М., 1905. С. 72–73.

⁵ По этому вопросу С. С. Урусов выпустил книгу: Урусов С. С. О решении проблемы коня (в шахматах). М., 1867.

Л. В. Милякова

«МЕНГДЕН ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА»

К вопросу о взаимоотношениях
семей Толстых и Менгден

К числу современников, с кем у Л. Н. Толстого и членов его семьи установились дружеские взаимоотношения, продолжавшиеся почти полвека, относится семья барона Владимира Михайловича Менгдена и его жены Елизаветы Ивановны. Подробности знакомства Толстого и Менгденов неизвестны, но время, когда они встретились и подружились, можно установить. В. М. Менгден в старости вспоминал: «Графа Толстого я знал еще молодым человеком в военной форме и сдружился с ним»¹. «Молодым человеком в военной форме зналли» Толстого многие его современники в период с ноября 1855 по декабрь 1856 г. (с возвращения из Севастополя до получения отставки). Это было время, когда молодой и подающий большие надежды на литературном поприще граф Толстой стал часто появляться в литературных салонах и гостиных Москвы и Петербурга, где он и познакомился почти со всеми деятелями русского искусства и представителями русской образованной аристократии.

При этом уместно отметить, что к лицам своего окружения Толстой в те годы был необычайно требователен. Свой критерий оценки людей он изложил в одном из писем к В. В. Арсеньевой, на которой он собирался жениться. Строя планы их дальнейшей совместной жизни и определяя круг их общения, он писал, что они «или никого не будут видеть, или лучшее общество во всей России, то есть лучшее не в смысле царской милости и богатства, а в смысле ума и образования» (60, 122–123). Судя по всему, супруги Менгдены соответствовали этим его требованиям.

Предки В. М. Менгдена были выходцами из Лифляндии, почти полтора века прослужившими верой и правдой России, за что были высочайше пожалованы землями в Костромской и Владимирской губерниях. В. М. Менгден (1826–1910) учился в Императорском училище правоведения, по окончании которого служил в Сенате. В 1849 г. он был уже титулярным советником. В этом же году женился на Е. И. Оболенской, урожденной Бибиковой.

Она по происхождению принадлежала к старому дворянскому роду Бибиковых. Ее отец Иван Петрович Бибиков (1787–1856) —

полковник, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода русской армии. В 1813 г., будучи в Веймаре, он встречался с Гёте. Был знаком с А. С. Пушкиным, сам писал стихи. Его дочь Екатерина Ивановна Раевская, унаследовавшая от отца литературный дар, вспоминала: «Все Бибиковы (по отцу) были исключительно образованными, обладали тонким пониманием изящного и любовью к искусству, в чем бы оно не проявлялось. Дед мой по отцу Петр Петрович и брат его Александр Петрович Бибиковы много путешествовали по Европе, откуда вывезли замечательные картины... Колыбель моего отца стояла в этой галерее, и с колыбели, можно сказать, развился у него вкус к изящному. Он стал замечательным знатоком в картинах, и стоило ему одного взгляда, чтобы определить имя живописца... Кроме любви к живописи, отец понимал музыку, обладал голосом и отличным слухом»².

Мать Е. И. Менгден Софья Гавриловна Бибикова — дочь известного в Москве богача и красавца Гаврилы Ильича Бибикова, о котором его внучка вспоминала: «Мой дед Г. И. Бибиков <...> был красавец собою, умен, богат <...> У дедушки была многочисленная прислуга, как у всех бар того времени, <...> существовала труппа актеров и танцовщиц для домашнего театра и балета. Старик Иогель, которого вся Москва знала, был выписан дедушкою из Франции, чтобы устроить в подмосковном имении балет <...> Мой дед был высоко образован, умен, много читал, провел в молодости несколько лет за границей. Он занимался воспитанием трех старших детей, особенно моей матери, и на ней сильно отразилось влияние отца»³. Сыновья Г. И. Бибикова принимали участие в войне 1812 г. Один из них, Дмитрий Гаврилович Бибиков, участник Бородинского сражения, позднее служил генерал-губернатором в Киеве, а при Николае I стал министром внутренних дел. Его брат Илья Гаврилович Бибиков служил адъютантом Великого князя Михаила Павловича, был дружен со многими декабристами и после восстания на Сенатской площади употребил все свое влияние на Великого князя, ходившего за своих друзей-декабристов М. М. Нарышкина, князей В. М. Голицына, Е. П. Оболенского, С. Г. Волконского.

Такова была среда, в которой росла и воспитывалась Е. И. Менгден. Естественно, что она получила прекрасное образование: владела несколькими иностранными языками, рисовала, имела склонность к литературному труду, занималась переводами.

В начале 1840-х гг. она вышла замуж за князя Д. Н. Оболенского, племянника декабриста Е. П. Оболенского, но в 1844 г. овдовела. В 1849 г. она вышла замуж за барона В. М. Менгдена, служившего в те годы в Сенате.

В 1851 г. В. М. Менгден вышел в отставку и его семья поселилась в Москве. Как вспоминал сын Е. И. Менгден от первого брака Д. Д. Оболенский, его мать в Москве принимала у себя цвет русской интеллигенции. В 1857 г. завсегдатаем салона Е. И. Менгден стал молодой Толстой, который не просто обратил внимание на хозяйку дома, но даже несколько увлекся ею. Его тогдашний приятель Н. С. Кашкин⁴ вспоминал об этом в старости: «Я помню, часто с Толстым бывали на балах. Ему очень нравилась баронесса Елизавета Ивановна Менгден, красивая, молодая, интересная женщина»⁵. Как известно, обо всем, что Толстого волновало, он очень откровенно писал на страницах дневника. Записи конца января 1857 г. — свидетельство тех чувств, которые испытывал Толстой к Елизавете Ивановне. «Менгден замечательная женщина», — запись 25 января. «С Менгден неловко наедине. <...> Вечер у Менгден, ужасно приятно», — запись 28 января. «...Письмо Менгден, очень хочется. — Она прелест и какие могут быть отрадные отношения. Отчего с сестрой я не нахожу такого наслаждения? Может, вся прелест состоит в том, чтобы стоять на пороге любви» — запись 3 февраля (47, 112–113). 10 февраля уже из Парижа Толстой писал В. П. Боткину: «Л. И. Менгден вам нравится — я ужасно рад. Видно, мы не в одной поэзии сходимся во вкусах» (60, 159).

Правда, это увлечение, как и многие другие, скоро прошло, но у семьи Менгденов и Толстого установились теплые дружеские отношения при общности их взглядов на многие проблемы общественной жизни России. Главное, в чем проявилось их единомыслие в конце 1850-х гг., — это решение крестьянского вопроса, который, как известно, тогда встал очень остро в связи с подготовкой к проведению крестьянской реформы. И Толстой, и Менгден были владельцами крепостных крестьян. В конце 1850-х гг. они поселились в своих имениях в Тульской губернии. Менгдены владели землями в Богородицком уезде, предводителем дворянства которого был в это время В. М. Менгден. И Толстой после долгого периода «странствий и перемены мест» вернулся в родные пенаты, где серьезно занялся хозяйственными делами, решением вопросов взаимоотношений с крестьянами. Местом встреч Толстого с Менгденами стали Тула и Ясная Поляна.

В начале сентября 1858 г. в Туле, как и во всех губернских городах России, проходили выборы членов комитета, в задачу которого входила разработка предложений к проекту проведения крестьянской реформы. В Тулу съехались 415 представителей дворянства всех уездов губернии. Выборы и работа комитета проходили в здании Тульского Дворянского собрания. Подавляющее большинство составляли закоренелые крепостники, выступавшие против освобождения

Баронесса Елизавета Ивановна Менгден.
Конец 1850-х — начало 1860-х гг., Варшава.
Фотография Я. Мешковского

крестьян. Но группа помещиков в количестве 105 человек была настроена либерально и поддержала предложение князя В. А. Черкасского освободить крестьян с наделением их землей за денежный выкуп, что было горячо отвергнуто большинством собравшихся. Свое предложение комитетское меньшинство решило оформить как особое мнение и отдельно подать его в Государственный комитет. Текст этого «особого мнения» составлялся в доме Менгденов, находившемся неподалеку от Дворянского собрания. Дочь В. М. и Е. И. Менгден С. В. Бельгард в своих воспоминаниях писала: «Мы жили на Дворянской улице. Дом наш был с мезонином и имел вход со стеклянной галереей. Словом, все было как следует быть в губернском городе»⁶.

Е. И. Раевская, сестра Е. И. Менгден, вспоминала: «Дом В. М. Менгдена сделался центром, куда собирались мужественные борцы за благо родины <...> Каждый день собиралось комитетское меньшинство, все люди умные, благонамеренные, любезные и веселые»⁷. Среди них были И. С. Тургенев от Чернского уезда, А. С. Хомяков от Тульского уезда, И. А. Раевский от Епифанского уезда, князь В. А. Черкасский от Веневского уезда, Л. Н. Толстой от Крапивенского уезда, В. М. Менгден от Богородицкого уезда.

Впечатление Толстого от этих бурных выборов, резкого столкновения противоборствующих партий, условий составления текста особого мнения были запечатлены в его дневнике 4 сентября 1858 г.: «Были выборы. Я сделался врагом нашего уезда» (48,16). Дело в том, что из дворян Крапивенского уезда, помимо Толстого, предложение освободить крестьян с земельным наделом подписали еще только трое помещиков.

В связи с этим хочется отметить и тот факт, что с помещиками, жившими по соседству, Толстой в эти годы почти не общался. Исключение составлял лишь А. Н. Бибиков, владения которого находились вблизи Ясной Поляны, в деревне Телятинки. Круг знакомых Толстого в конце 50 — начале 60-х гг. составляли в основном учителя Тульской мужской гимназии, семья начальницы женской гимназии Ю. Ф. Ауэрбах и семья Менгденов, в доме которых бывал Толстой сначала один, а после женитьбы — с С. А. Толстой, иногда и с Т. А. Кузминской. Берсы были также знакомы с В. М. Менгденом еще в 1850-е гг., о чем можно судить по строкам из воспоминаний свояченицы Толстого: «Это было в начале лета 1856 г. Как-то вечером подъехала к нашему крыльцу коляска. Приехали Лев Николаевич, барон В. М. Менгден и дядя Костя»⁸.

Поселившись в Ясной Поляне, С. А. Толстая сблизилась с Е. И. Менгден, о которой с большой теплотой вспоминала уже в старости: «Я очень любила эту милую, талантливую баронессу Менгден. Она прекрасно рисовала, много переводила с иностранных языков, была прекрасная мать и жена и очень была добра ко мне». В другом месте своих воспоминаний С. А. Толстая писала: «...настолько женственна, ласкова и мила была баронесса Менгден. У нее было пятеро детей, мальчики потом учились в Тульской гимназии, девочки были дружны с моей дочерью впоследствии, а с Елизаветой Ивановной я усиленно переписывалась потом всю жизнь»⁹.

Тульский дом В. М. Менгдена стал одним из немногих мест в Туле, куда Толстые могли запросто, по-дружески зайти и провести там время. В связи с этим можно вспомнить одну из записок Л. Н. Толстого к жене и свояченице, датированную ноябрем 1863 г.: «Был я у Менгден. Они ждут нас вечером. Пожалуйста, приезжайте» (83, 25).

В своей книге Т. А. Кузминская вспоминала о бале в Тульском Дворянском собрании, который давался в честь приезда в Тулу наследника в сентябре 1863 г.: «К нам приезжала баронесса Менгден уговаривать нас ехать на бал. <...> Баронесса Елизавета Ивановна была прекрасная женщина. Она очень сошлась с моей сестрой и всю жизнь поддерживала с нами хорошие отношения... Мы на бале. Я вхожу с баронессой Менгден, Лев Николаевич и сам барон, бодрый, небольшого роста, с гордо поднятой головой, украшенный орденами, идут за нами»¹⁰.

В подобных событиях светской жизни Тулы Толстые участвовали очень редко. По воспоминаниям С. А. Толстой, они в 1860-е гг. «жили замкнуто, однообразно и скучно». Писалась великая книга — «Война и мир». Разнообразие в их внешне будничную жизнь вносили приезды в Ясную Поляну родных и знакомых. Т. А. Кузминская вспоминала: «Я могу наперечет сказать, кто бывал у Толстых в 1863 г. Это были А. А. Фет, Д. А. Дьяков, П. Ф. Самарин, Раевский, князь Д. Д. Оболенский, его мать баронесса Е. И. Менгден; из Тулы Е. Л. Марков, Ауэрбах с женой и племянницей»¹¹.

Для характеристики взаимоотношений Л. Н. Толстого и Менгден уместно вспомнить тот факт, что именно В. М. Менгдена, как человека, состоящего в дружбе с Толстым, тульский губернатор П. М. Дараган попросил поехать в Ясную Поляну и предупредить ее хозяина о распоряжении властей учредить у него обыск.

В 1864 г. В. М. Менгден, вернувшись на государственную службу, был командирован в Царство Польское, где прослужил до конца 1880-х гг., в связи с чем его семья переселилась в Варшаву. Но связи с Тульской землей Менгдены не порывали — почти каждое лето Е. И. Менгден с детьми приезжала в свое имение в Богородицком уезде, с. Маклец. И в каждый приезд она навещала Толстых в Ясной Поляне, а иногда принимала их у себя. Л. Н. Толстой неоднократно отмечал в дневниках и письмах к знакомым приезды Менгден. Правда, подробностей этих визитов никто не зафиксировал, но можно смело предположить, что они традиционно проходили в беседах, прогулках по усадьбе, музидоровании, чтении новых книг и журналов. В один из приездов в Ясную Поляну летом 1878 г. Е. И. Менгден стала свидетельницей знаменательной встречи Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева после 17-летней разлуки писателей. Об этом она поведала в своих воспоминаниях «Встречи с И. С. Тургеневым. Из дневника современницы»: «Большую часть времени они проводили в философских и религиозных разговорах в кабинете Льва Николаевича. Когда они проходили в гостиную, разговор делался общим. Тургенев с удовольствием рассказывал про только что купленную им виллу Бужеваль, играл в шах-

маты с сыном Толстого. В 11-00 Иван Сергеевич встал. „Пора мне на железную дорогу“, — сказал он. Мы все поднялись»¹².

Между молодым поколением Толстых и Менгден также устанавливались дружеские отношения. Во время встреч они развлекали хозяев и многочисленных гостей любительскими спектаклями. Яркая картина яснополянской жизни, полной романтики, атмосфера встреч старых знакомых запечатлена в воспоминаниях ее непосредственных участников. С. Л. Толстой писал в своей книге: «1879—1880 годы я считаю счастливой порой моей жизни <...> Я был влюблен, робко влюблен в девушку, которая была на пять лет старше меня, в Ольгу Владимировну Менгден <...> Она прекрасно ездила верхом, у нее был несомненный драматический талант. Она не раз вместе со своей матерью и сестрой приезжала в Ясную Поляну, где участвовала в наших спектаклях»¹³. Одну из таких встреч отметила С. А. Толстая: «Затеяли опять играть спектакль. Пригласили Ольгу Менгден <...> и других, и начали учить роли, репетировать; маленькие дети любили тоже суэту и общество, и все были взвуждены и веселы. Даже Лев Николаевич развеселился. Наехало пропасть гостей: семья Менгден, то есть дочери ее, и сама Елизавета Ивановна и ее племянница, и князь Урусов, и многие еще. Погода была приятная, играли прекрасно, особенно талантливая Ольга Менгден и моя Таня»¹⁴.

И в Маклеце, когда на лето сюда приезжали хозяева, кипела жизнь. В июне 1881 г. С. А. Толстая получила приглашение приехать в Маклец с детьми. О своей поездке в июле 1881 г. С. А. Толстая рассказала в письме мужу, жившему тогда в самарском имении: «Таня хлопочет ужасно о спектакле, и вот они [Менгдены] назначили спектакль 15-го. 12-го соберутся все играющие, т. е. Фредериксы, Шаховские, Шидловские, Кислинские. Не могу тебе выразить, как мне все это скучно и тяжело; но не считаю себя вправе лишать молодежь радости» (83, 303).

В яснополянском доме среди множества предметов, помогающих в конкретных деталях и реальных образах представить атмосферу встреч Толстых и Менгденов, хранится две книги, принадлежавшие некогда семье Менгденов. Это два конволюта во владельческих кожаных переплетах, состоящих из отдельных изданий рассказов и историй для юношеского чтения, выходивших в свет в Германии в серии «Юношеская библиотека Густава Ниритц» в конце 1840-х гг. На титульном листе одной из составных частей конволюта в выходных данных значится «Leipzig, 1849». На кожаных корешках тиснением обозначено название каждой из книг: «Der junge Soldat» и «Harzreise» («Юный солдат» и «Путешествие по Гарцу»).

Но особый интерес представляют владельческие надписи черными чернилами, выцветшими от времени, в верхней части форзаца каждой книги. На одной из них читаем: «Sophie Mengden», что говорит о том, что книга принадлежала одной из дочерей Е. И. Менгден, Софье Владимировне. На другой книге под надписью ««Sophie Mengden» другими чернилами написано «Olga» — имя другой дочери Менгден.

Когда и при каких обстоятельствах эти книги попали в Ясную Поляну? Можно предположить, что кто-то из Толстых, гости в Маклеце, взял их почитать, или Менгдены, собираясь в Ясную Поляну, взяли их с собой, чтобы познакомить яснополянцев с их содержанием, а уезжая, забыли их здесь. Спустя годы Толстые стали считать эти книги своими: на каждой из них стоит штамп яснополянской библиотеки и указано место их нахождения среди множества других книг, журналов и газет. Сегодня, спустя не один десяток лет, можно придумать много легенд, согласно которым эти книги оказались в библиотеке Толстого. И каждая из них закончится выводом о том, что у этих книг счастливая судьба. Ведь от некогда богатого имения баронов Менгденов с его библиотекой, зимним садом, коллекцией живописи, роскошным парком, усадебной церковью (об этом мы знаем из воспоминаний С. В. Бельгардт, урожд. Менгден) остались только две эти крупицы.

С середины 1870-х гг., из-за невозможности часто видеться, у С. А. Толстой и Е. И. Менгден установилась оживленная переписка, продолжавшаяся до 1902 г. К сожалению, мы располагаем только письмами Е. И. Менгден. И тот факт, что их долгие годы хранила С. А. Толстая, свидетельство того, что они были ей дороги. В настоящее время они хранятся в отделе рукописей Государственного музея Толстого в Москве (ф. 47). Они дают представление о незаурядной личности их автора, о неподдельном интересе Е. И. Менгден к творчеству Л. Н. Толстого, о ее искреннем преклонении перед его гением, о ее гордости от сознания своего знакомства с ним. И хотя все письма Е. И. Менгден адресованы С. А. Толстой, почти в каждом из них — упоминание о Толстом, о том, как воспринимались его сочинения в столицах России, Польши, Франции, о желании внести хотя бы малую толику своего участия в дело распространения произведений Толстого за рубежом.

Живя в Варшаве, чувствуя необходимость общения с родиной, с Ясной Поляной и с Толстыми, Елизавета Ивановна обратилась к переводу на французский язык сочинений своего любимого писателя. В 1878 г. с 5 по 14 сентября в «Journal de St-Pétersbourg» публиковался ее перевод повести «Казаки». Об этом писал Толстому из Парижа И. С. Тургенев в октябре 1878 г.: «Вам уже, вероятно, известно, что Ваши „Казаки“ вышли в английском переводе (в Лондоне и Америке) и, по дошедшем до меня слухам, пользуются большим

успехом. „Казаки“ печатаются также во французском переводе в „Journal de St-Pétersbourg“. Мне это немного досадно, потому что я намеревался вместе с госпожою Виардо перевести их в течение нынешней осени, — впрочем, если перевод хорош — то досадовать нечего. Не знаю, приняли ли Вы какие-либо меры для отдельного издания здесь в Париже (не знаю даже, с Вашего ли согласия сделан этот перевод) — но во всяком случае предлагаю свое посредничество. Мне будет очень приятно содействовать ознакомлению французской публики с лучшей повестью, написанной на нашем языке¹⁵.

На это письмо Тургенева Толстой отвечал 27 октября 1878 г.: «Переведенных по-английски „Казаков“ мне прислал Скайлер¹⁶, кажется очень хорошо переведено. По-французски же переводила бар. Менгден, которую вы у нас видели, и, наверно, дурно» (62, 446). Судя по тому, что Тургенев не приступил в переводе повести Толстого, можно полагать, что перевод Е. И. Менгден был не так уж плох. В 1880 г. Е. И. Менгден предприняла попытку выпустить отдельное издание своего перевода повести Толстого в Париже, но по ряду причин издание не состоялось.

В 1880 г. Е. И. Менгден перевела на французский язык «Детство» и «Отрочество» Толстого. «Перевод мой Детства и Отрочества напечатали в „Journal de St-Pétersbourg“ и деньги мне прислали, но мне совестно их брать, так велико для меня удовольствие переводить сочинения графа, а еще мне платят за него», — сообщала она С. А. Толстой в письме от 31 октября 1881 г. В 1883 г. она просила разрешения у Л. Н. Толстого перевести на французский язык рассказ «Чем люди живы?». Получила ли она разрешение и осуществила ли свое намерение, установить не удалось.

В 1887 г. она помогала С. А. Толстой переводить на французский язык отдельные места трактата Толстого «О жизни», запрещенного в России цензурой. После того как Толстой принял решение издать свою книгу за границей, С. А. Толстая в ноябре 1887 г. приступила к ее переводу. О трудностях, с которыми она столкнулась в ходе этой работы, она писала сестре Т. А. Кузминской: «Перевожу уже третью тетрадь, да не знаю, годно ли будет. Очень трудно, да и не знаю французского философского языка; есть выражения, которые даже философы наши, как Грот, не находят, как переводить» (26, 781–782). Можно предположить, что этими трудностями С. А. Толстая поделилась и с Е. И. Менгден, и та с удовольствием принялась за дело. 26 декабря 1887 г. она писала С. А. Толстой: «Я с большим вниманием перевела присланные вами два места, теперь пересматриваю, переправляю и переписываю перевод. Я вдумываюсь в эти страницы, и они, право, приносят мне уже пользу, хотя я не могу согласиться с воззрениями Льва

Николаевича насчет смерти. Его теория мне пока ничего не уясняет, а во-вторых, я не могу и не хочу отречься от христианского убеждения». Хотя, как видим, Е. И. Менгден с рядом положений книги была не согласна, перевод захватил ее, и в ряде писем она просила присыпать ей очередные страницы текста нового сочинения Толстого, что давало ей возможность одной из первых познакомиться с его содержанием.

В 1887 г. Е. И. Менгден оказала Толстому некоторое содействие в издании «Новой краткой азбуки», составленной им вместе с П. И. Бирюковым из избранных мест Священного Писания, Ветхого и Нового Заветов. Этому своему новому труду Толстой придавал большое значение. В. Г. Черткову 13 февраля 1887 г. он писал: «Мне кажется, что если она [Азбука] выйдет (и нельзя придумать причины, почему бы не пропустить), это будет любимая, единственная азбука русских людей» (86, 27). Поэтому, опасаясь того, что цензура все-таки найдет повод не разрешить печатать его новый труд, Толстой решил обратиться за содействием к своей давней знакомой Менгден, полагая, что варшавская цензура будет более снисходительной, а также надеясь на связь ее и ее мужа. Получив это поручение, Елизавета Ивановна навела некоторые справки о порядке издания, о чем писала 11 февраля 1887 г.: «Про Азбуку я уже переговорила с одним давним моим приятелем, конечно соблюдая все ваши и Льва Николаевича условия, не называя его, не прибегая ни к какой протекции. Он мне сказал, что она должна пройти через светскую и духовную цензуру, быть опробована попечителем учебного округа и после послана в Министерство народного просвещения. Я думаю, что если 3 первых мытарства она пройдет, я ее вам возвращу, а вы уже от себя пошлете ее в Министерство...»

Получив рукопись «Азбуки», Е. И. Менгден приступила к исполнению поручения Толстого и уже 14 марта 1887 г. она извещала С. А. Толстую: «„Азбуку...“ одобрила духовная цензура, и я ее нынче отправила Черткову <...> Так как „Азбука“ не предназначается именно для школы, то ее не надо посыпать в Министерство народного образования. <...> Все было обделано en un tour* без всяких разговоров и протекций. Даже не спросили, чья Азбука. Я чрезвычайно рада, что могла быть полезна. Не понимаю, отчего могли бы забраковать эту Азбуку? А может, я по глупости не догадываюсь».

Об этом факте писала С. А. Толстая в «Моей жизни»: «Льву Николаевичу пришло в голову попросить нашу хорошую знакомую баронессу Менгден, жившую в Варшаве, представить эту азбуку в тамошний цензурный комитет. Сначала цензурные особы и там отка-

* одним махом (фр.).

зали баронессе Менгден. Но вдруг почему-то ее одобрили, о чем с недоумением пишет она 14 марта».

Благодаря связям и обширной переписке Е. И. Менгден с представителями культурных слоев общества Петербурга, Варшавы и Парижа она старалась быть в курсе новостей, и обо всех событиях, имеющих хотя бы некоторое отношение к творчеству Толстого, неизменно сообщала в Ясную Поляну, рассказывала о том, как воспринимались сочинения Толстого в столицах России, Польши, Франции. Так, 3 апреля 1886 г. она писала С. А. Толстой из Варшавы: «Меня очень занимает, как прошло литературное утро с чтением повести Льва Николаевича. Вероятно, газеты будут писать об этом. Мне любопытно знать, кто читал». Видимо, корреспондентка С. А. Толстой знала, что в 379-м публичном заседании Общества любителей российской словесности 30 марта 1886 г. читалась повесть «Смерть Ивана Ильича», только что написанная Л. Н. Толстым. Она не знала лишь то, что читали профессор И. И. Стороженко и писатель-этнограф А. С. Пругавин.

Далее в этом письме поклонница творчества Толстого пишет: «История лошади привела в восторг всех кавалерийских офицеров. Меня всякие произведения графа пробуждают от моего нравственного удручения, и когда я читаю или перевожу его сочинения, только тогда живу <1 нрзб> жизнью».

Вогюэ¹⁷ мне пишет, что во Франции восторгаются произведениями Толстого, вырывают их из рук, даже религиозные. Наконец французы поняли превосходство Льва Николаевича над Тургеневым. Уже давно Жорж Санд восторгалась переводом „Двух гусаров“ и писала: „Русские писатели выше нас“».

Узнав, что Толстой завершил работу над драмой «Власть тьмы», она писала 17 января 1887 г.: «Жалею, что не скоро прочту драму Льва Николаевича, о которой с таким восторгом отзываются газеты и которую цензура так глупо судит. Будем надеяться, что глупость не возьмет верх и что наша публика увидит на сцене новое художественное произведение своего любимого писателя».

Из письма от 11 февраля 1887 г. узнаем, что Толстые прислали ей издание «Власти тьмы». Благодаря С. А. Толстую за это, корреспондентка пишет: «Драму прочла в один присест, не переводя духа, с замиранием сердца <...> Какая потрясающая страшная жизненная драма! Как все просто, правда, и ужасно! Как характеры сильно и верно очерчены! Только Лев Николаевич может написать такую вещь...

В Петербурге читали эту драму вслух в так называемом Шекспировском обществе: чтец не мог окончить от волнения и душив-

ших его слез. Драма имеет громадный успех. Мне писали, что Государь ее читал».

В письме от 24 февраля 1887 г. она извещала Толстых, что в Петербурге первое издание драмы «расхватали в несколько часов, и второе также быстро разошлось. Только в несчастной Варшаве ее нет в книжных магазинах, что большой стыд для книгопродавцев. Муж привез мне 2 экземпляра из Петербурга, и они ходят здесь по рукам. Своего же, присланного Львом Николаевичем, я никому не даю. „Хотите, — говорю, — у меня читать, приходите, а из дома я не дам“. И приходили ко мне читать».

В 1888 г. В. М. Менгден получила место члена Государственного совета, и его семья перебралась на жительство в Петербург. Здесь Е. И. Менгден получила возможность чаще видеться с милыми ее сердцу людьми. Так, 10 декабря 1888 г. она писала С. А. Толстой: «Ваш Сережа у нас бывает, и мы его все очень любим, не только за то, что он яснополянский, но оттого, что он прост и мил <...> Татьяну Андреевну несколько раз видела и всегда с большим удовольствием. Она была у меня, а я еще не добралась до ее квартиры». В последующие годы Т. А. Кузминская и Е. И. Менгден виделись в Петербурге часто. И когда в 1894 г. Кузминские покинули столицу, их знакомая писала С. А. Толстой, что очень сожалеет по этому поводу, так как «эти последние годы я очень сошлась с нею». Весной 1889 г. Е. И. Менгден познакомилась с А. А. Толстой и, сообщая об этом приятном ей факте, она писала С. А. Толстой, что та «ее пленила своим дружеским чувством к Толстому и ее прелестной крестнице»¹⁸ (письмо от 3 марта 1889 г.).

В письмах из Петербурга корреспондентка С. А. Толстой регулярно извещала яснополянцев обо всех событиях жизни северной столицы, имевших отношение к творчеству Толстого. Так, в письме от 10 января 1890 г. она писала: «Завтра еду смотреть „Власть тьмы“ у Веры Приселковой. По слухам этого спектакля очень много говорят о Льве Николаевиче: распустили слухи, что он приезжает в Санкт-Петербург, чтобы видеть, как играют его пьесу, рассказывают, что госпожа Приселкова посыпала к вам в Ясную Поляну своего режиссера Давыдова, чтобы Лев Николаевич ему указал, что пропустить, и что переменить. Я уверена, что это все выдумки. И прошу вас сказать, правда ли это?» Неизвестно, что ответила С. А. Толстая на этот вопрос, но нет дыма без огня. Актер Давыдов, ставивший любительский спектакль по запрещенной для сцены пьесе петербургских аристократов Приселковых, действительно приезжал к Толстым в Хамовники и беседовал с автором, благодаря чему, как он вспоминал, ему «стало понятно, в чем именно дело, как надо читать Митрича и какая разница между ним, Акимом, Петром и другими»¹⁹. На спек-

такле присутствовала избранная публика столицы и великие князья. Были здесь Т. А. Кузминская, С. Л. Толстой и Е. И. Менгден, писавшая спустя некоторое время, 23 января, С. А. Толстой, что «пол-Петербург пересорился из-за „Власти тьмы“ после представления у Приселковой. Большинство в полном восторге и поняли, меньшинство кричит, что это безнравственная пьеса».

Не прошла мимо внимания Е. И. Менгден и повесть «Крейцерова соната», которая еще до ее опубликования стала известна в широких кругах благодаря тому, что 28 октября 1889 г. в доме Т. А. Кузминской в Петербурге и 29 октября 1889 г. в редакции «Посредника» состоялись первые публичные чтения нового сочинения Толстого. Е. И. Менгден присутствовала на чтении в доме Кузминских и в письме в Ясную Поляну от 25 ноября 1889 г. сообщала, что «в Петербурге „Крейцерова соната“ наделала много шума и произвела сильное впечатление на всех, слышавших ее: написано с огромным талантом, но оставляет гнетущее безотрадное чувство. Во Франции этот рассказ непременно произведет фурор, но умоляю вас, не позволяйте Гальперину переводить его. Он переводит отвратительно. Я также не чувствую в себе способностей на хороший перевод, да и гражданскою мужества у меня не хватит <...>»

Но вот, что я взялась вам передать: Madame de Vogюe просит вас прислать ей рукопись, написав следующее „с согласия Л. Н. Толстого“... Переводить будет M. de Vogюe, а жена займется изданием, т. к. M. de Vogюe на этот счет довольно бестолков. M-м Vogюe обязуется доставить вам половину вырученных денег, что составит, полагает, немалую сумму. Обращаются прямо к вам, потому что знают, что Лев Николаевич не любит давать письменного позволения, а без него нельзя ни переводить, ни печатать. Если он [Л. Н. Толстой] не хочет, чтобы в Петербурге его рукопись попала в руки какого-нибудь переписчика, я готова сама ее переписать и доставить M. de Vogюe в Париж с курьером, только пришлите позволение от своего имени — это будет достаточно. Де Vogюe будет очень счастлив получить рукопись, он опять писал и просил ее доставить только для него».

В уже упоминавшемся письме от 10 января 1890 г. Е. И. Менгден вновь просит С. А. Толстую разрешить M. de Vogюe перевести «Крейцерову сонату», для чего прислать рукопись повести для передачи переводчику и сообщает Толстым, что списки повести ходят по всему Санкт-Петербургу и о том «потрясающем впечатлении», которое она производит на читателей. Настойчивые просьбы корреспондентки вызывали успех. Толстой дал разрешение на перевод его сочинения M. Vogюe, но 15 марта 1890 г. Е. И. Менгден писала С. А. Толстой: Vogюe сообщил, что «рукопись повести пришла слиш-

ком поздно, что уже вышел из печати ее английский перевод и готовятся несколько плохих французских переводов».

Е. И. Менгден, зная, что публикация «Крейцеровой сонаты» запрещена в России, и будучи входа в великосветские салоны Петербурга, 6 марта сообщала Толстым некоторые подробности этой истории: «...Победоносцев не противился печатанию „Крейцеровой сонаты“, разрешил даже, за что получил легкий выговор за разрешение. Рассказывают, что Государь <...> сказал, что можно печатать, ведь он ужасно любит все сочинения Льва Николаевича, но императрица его уговорила не позволять. Ее уверили, что этот рассказ направлен против брака. Я этого не вижу. Там только доказано, что не надо зря и глупо жениться... Запрещение печатать только удвоило желание прочесть повесть и всенепременно ее достать». В письме от 30 апреля 1890 г. петербургская знакомая Толстых продолжает передавать им подробности: «Победоносцев говорил, что не понимает, отчего „Крейцерова соната“ запрещена и что, вероятно, через некоторое время разрешат ее печатать. Считаю долгом предупредить вас, что не цензура, а лично Государь не желает, чтобы ее печатали».

Как известно, весной 1891 г. С. А. Толстая ездила в Петербург, добилась аудиенции у Александра III и получила высочайшее разрешение напечатать «Крейцерову сонату» в 13 томе собрания сочинений Толстого. Во время этой поездки она встретилась с Е. И. Менгден. Видимо, состоялась только одна встреча двух старых знакомых еще до визита С. А. Толстой к императору. 18 апреля в письме к С. А. Толстой Е. И. Менгден выражала радость, что эта поездка увенчалась блестящим успехом, о чём она узнала от Т. А. Кузминской, и очень сожалела, что они не свиделись еще раз перед отъездом С. А. Толстой. Это письмо завершается словами: «Очень рада, что вас видела и надеюсь скоро опять свидеться с вами». Но надежды на новые встречи не всегда оправдывались. И чем реже они были, тем больший интерес проявляла Е. И. Менгден ко всему, что было связано с именем Толстого.

19 апреля 1890 г. она присутствовала на спектакле «Плоды просвещения», поставленном в Китайском театре в Царском Селе. На это представление новой пьесы Толстого пришел посмотреть Александр III с семьей. 22 апреля Елизавета Ивановна писала С. А. Толстой: «„Плоды просвещения“ имели блестательный успех. Все пришли в восторг. Государь очень смеялись и остались очень довольны. Я всегда радуюсь, когда отдают дань справедливости сочинениям Льва Николаевича. Конечно, некоторые были в негодовании, говорят, что это повальное глумление слуг над господами».

В связи с этим хочется вспомнить тот факт, что 12 апреля в Туле Толстой присутствовал на репетиции спектакля «Плоды просвеще-

щения», проходившей на сцене Тульского Дворянского собрания. А премьера этой пьесы состоялась 30 декабря 1889 г. в зале яснополянского дома Толстых. В постановке принимали участие дети Л. Н. Толстого и их друзья из Москвы и Тулы. Об этой премьере писал сын Е. И. Менгден Д. Д. Оболенский в статье «Новая комедия гр. Л. Н. Толстого»²⁰. Прочитав эту статью, мать ее автора писала С. А. Толстой 10 января: «С большим удовольствием прочла статью своего сына о вашем спектакле и очень сожалела, что моя Ольга не могла принять участие в вашем увеселении».

Письма Е. И. Менгден — источник сведений об огромном интересе к произведениям Толстого его современников. И обо всех проявлениях этого интереса она непременно ставила в известность Толстых. Так, 30 апреля 1890 г. она писала С. А. Толстой, что на спектакле «Власть тьмы», дававшемся «у знакомых в частном доме <...> цены на места были сумасшедшие — ложа — 100 руб., кресло первого ряда — 75 руб.».

24 октября она сообщала, что в Петербурге «поднялись толки о новом рассказе Льва Николаевича, который, по словам иностранных газет (наши еще не говорят о нем), явится в Англии в ноябре под заглавием „Work, while you have light“ [„Ходите в свете, пока есть свет“]: „C'est, écrit-on, une parabole en 220 pages, faisant logiquement senti à Kreutzer Sonata, formant un nouvel anneau dans la chaîne des théories scolastiques du grand écrivain-cordonnier“*.

Как это глупо так называть Льва Николаевича! Я предпочитаю название, данное ему de Vogüé: „l'apôtre de Toula“**.— Теперь решите уже поднявшийся спор: говорят, что Лев Николаевич написал этот рассказ после „Крейцеровой сонаты“, а я утверждаю, что прежде. В иностранных газетах вкратце напечатана суть рассказа, и потому я полагаю, что он написан прежде окончательной отделки и выхода в свет „Кр. сонаты“. Рассказ явится на английском языке. Пожалуйста, сообщите мне, что тут верного или неверного, и кто переводил. Я надеюсь, что прочту рассказ, если точно он будет напечатан в Лондоне. Его, конечно, очень хвалят: „Il y a des pages saisissantes, et le livre frappera l'attention, autant que la plupart de ses devanciers. Il paraîtra le 12 novembre“***.

* «Это,— пишут,— притча из 220 страниц, заставляющая логически почувствовать в „Крейцеровой сонате“ новое звено в цепи схоластических теорий великого писателя-сапожника» (фр.).

** Тульский апостол (фр.).

*** «В книге имеются захватывающие страницы, она привлечет внимание, как и большинство его предшествующих сочинений. Она появится 12 ноября» (фр.).

Неизвестно, что ответила С. А. Толстая на это письмо. Нам же хочется отметить удивительную осведомленность Е. И. Менгден в вопросах творчества Толстого. Оба произведения, о которых она пишет, создавались Толстым почти одновременно, но известно, что Толстой начал писать повесть «Ходите в свет, пока есть свет» в 1886 г., а «Крейцерова соната» была задумана годом позднее. Неудивительно, что как человека, занимающегося всю жизнь переводами, в том числе и сочинений Толстого, ее интересовало и то, кто перевел рассказ на английский язык. Возможно, позднее она узнала, что это сделал Эмиль Диллон, английский филолог, профессор восточных языков.

В письме от 6 марта 1895 г., извещая Толстых об огромном успехе у читателей рассказа «Хозяин и работник», Е. И. Менгден писала: «...даже люди, от которых я не ожидала понимания, в один голос говорят, что это верх совершенства».

Е. И. Менгден, руководимая дружескими чувствами к Толстым, не считала за труд оказать им любые услуги, особенно если это касалось самого Толстого. В июне 1889 г. Толстой получил в дар от гостившей в Ясной Поляне переводчицы его сочинений на английский язык Изабеллы Хэпгуд книгу английского писателя Эдварда Беллами «Looking backward: 2000—1887». Познакомившись с ее содержанием, Толстой загорелся желанием сделать эту книгу доступной широкому кругу русских читателей. Многим своим знакомым Толстой рекомендовал перевести роман Э. Беллами на русский язык. Видимо, среди них была и Е. Менгден, которой при неизвестных нам обстоятельствах книга была передана в Петербург. В доме Менгден она находилась довольно долго, так что Лев Николаевич даже писал 2 декабря 1889 г. Т. А. Кузминской, жившей в Петербурге и общавшейся с Менгденами: «М-те Менгден, если увидишь, спроси мою книжку Looking backward. Она хотела переводить. Что она сделала?» (64, 340). 2 февраля 1890 г. Е. И. Менгден писала С. А. Толстой, что послала книгу «Looking...» и добавляла, что навела справки и узнала, что книга уже переведена на русский язык. Книга вернулась в яснополянскую библиотеку, где находится до сих пор. На многих ее страницах пометы, сделанные, возможно, Л. Н. Толстым. Это еще один мемориальный предмет Яснополянского музея, история которого имеет отношение к семье Менгден.

А в рукописном отделе ГМТ хранится единственное письмо Л. Н. Толстого к Е. И. Менгден. Его написание связано со следующим событием. В 1875 г. Е. И. Менгден сообщала Толстому о том, что их общая знакомая М. Г. Пейкер собирается издавать журнал для народа, и просила Толстого высказать мнение по этому поводу. В феврале 1875 г. Толстой отвечал своей корреспондентке: «Если народный журнал серьезно хочет быть народным журналом, то ему надо только

стараться быть понятным, и достигнуть этого нетрудно: с одной стороны, стоит только пропустить все статьи через цензуру дворников, извозчиков, черных кухарок. <...> С другой стороны, издавать журнал понятный очень трудно. <...> Будет беспрестанно оказываться то, что статья, признанная *charmant* в кругу редакции, как скоро она прочтется на кухне, будет признана никуда не годной, или что из 30 листов слов окажется дела 10 строчек» (62, 144). Это письмо адресат Толстого хранила долгие годы. В 1893 г. Е. И. Менгден опубликовала его в «Тобольских губернских ведомостях», сотрудницей которых была ее дочь О. В. Фридерикс. Узнав об этом, Толстой был крайне недоволен, о чем, надо полагать, сообщила своей приятельнице С. А. Толстая. В ответ на это 9 августа 1893 г. Е. И. Менгден писала, оправдываясь, что письмо Толстого 1875 г. она опубликовала, руководствуясь разрешением Толстого всякому печатать то, что он пишет. «Я не думала,— продолжала она,— что он рассердится, и очень жалела, что невольно возвудила его неудовольствие. Ольга занимается „Тобольскими ведомостями“ и собирает для них все елико интересные статьи».

Сама Е. И. Менгден, судя по ее письму к С. А. Толстой от 5 апреля 1890 г., имела некоторое отношение к детскому журналу «Родник». Для него она просила Льва Николаевича дать «маленький рассказ, который поднимет „Родник“ до высоты водопада. <...> Пусть Лев Николаевич пороется в своих бумагах, верно найдет какой-нибудь заброшенный перл, который надо вывести в свет. Сильна надежда на дружественное расположение Льва Николаевича, и буду ждать ответа без особого страха. Льву Николаевичу стоит только захотеть, и из-под пера его выльется что-нибудь прелестное: рассказ Богомольца, или странника, или легенда — все равно». Через несколько дней, видя, что ее просьба остается без внимания, она 30 апреля напоминает: «Не буду терять надежды на получение чего-нибудь от Льва Николаевича для „Родника“, ведь История одной лошади лежала под спудом чуть ли не 20 лет!»

В письме от 25 февраля 1899 г. она через С. А. Толстую обратилась к Толстому с аналогичной просьбой: дать одно из его сочинений в журнал «Возрождение», часть доходов от издания которого шла на содержание яслей для детей простого народа в Петербурге.

Письма Е. И. Менгден свидетельствуют, что она читала все, что выходило из-под пера Толстого, и при этом, как и большинство читателей, не только испытывала удовольствие от прочитанного, но и в тяжелые периоды своей жизни находила утешение в чтении сочинений любимого писателя, умеющего «понимать человеческое сердце», — так она написала С. А. Толстой 9 декабря 1884 г., сообщая о своем горе по случаю смерти внучки.

В письмах к С. А. Толстой Е. И. Менгден часто рассказывает о радостных и печальных событиях своей жизни, о муже, дочерях и внуках. И почти в каждом письме — проявление внимания к жизни своих старых знакомых: она поздравляет с днем рождения С. А. Толстую, высказывает ей слова сочувствия и поддержки по поводу смерти ее детей Алеси и Ванечки, поздравляет С. А. Толстую с помолвкой Сергея, Андрея, Татьяны, дает советы держать Сашу ближе к себе, больше ею заниматься. Нет такого письма, где постоянная корреспондентка не упомянула бы Л. Н. Толстого, в жизни которого ее интересовало все: над чем он работает, где публикует свои сочинения, кто их переводит, каково состояние его здоровья.

С болью в сердце восприняла она сообщение об отлучении Священным Синодом Толстого от Церкви. 2 марта 1901 г. она писала в Ясную Поляну: «Много горевала о страшном распоряжении Синода. Если Синод находит, что Лев Николаевич губит свою душу, так ведь больше надо за него молиться и теперь и после его смерти, а не запрещать священникам служить панихиды и молиться. Все это так всех сильно возмутило, и должна вам сказать, что Победоносцев был против отлучения от Церкви...»

В письмах последних лет жизни все чаще встречаются жалобы на плохое самочувствие и старость. В 1901 г. с одним из писем она прислала С. А. Толстой свою фотографию. Эта фотография Е. И. Менгден так же, как и ее письма, хранится в фондах Государственного музея Л. Н. Толстого.

Почти в каждом письме — выражение надежды на личную встречу, приглашение в Маклец. Но встречи с годами становились все реже. Последний раз С. А. Толстая и Е. И. Менгден виделись в 1900 г. В 1902 г. Е. И. Менгден умерла. Похоронена она была у стен усадебной церкви в селе Маклец. Там же похоронен и В. М. Менгден, умерший в 1910 г.

Уходя из жизни, каждый человек оставляет на земле результаты своей деятельности. Чем значительнее был человек при жизни, тем заметнее его след, тем дольше сохраняется он в памяти потомков. Письма Е. И. Менгден к С. А. Толстой, воспоминания баронов Менгденов — их духовное наследие — это в первую очередь источник сведений о жизни и судьбе произведений великого Льва Толстого, чьим современником и земляком они имели счастье быть.

¹ Приложение к воспоминаниям Е. И. Раевской «Толстой среди го-дающих». Летописи Гослитмузея. М., 1938. Кн. 2. С. 429.

² Раевская Е. И. Воспоминания. Исторический вестник. 1898. № 11.

³ Менгден Е. И. Из дневника внучки // Русская старина. 1913. № 1.

⁴ Кашкин Николай Сергеевич (1829—1914) — сын декабриста С. Н. Кашкина, член кружка петрашевцев, был арестован и приговорен к смертной казни, замененной ссылкой на Кавказ, где летом 1853 г. познакомился с Толстым. В 1856 г. был помилован, проводил отпуск в Москве в обществе Толстого.

⁵ Цит. по: Кашкин Н. Н. Родословные разведки. СПб., 1913. Т. 2. С. 572—573.

⁶ Бельгад С. В. Лучи прошлого. Литературное приложение к «Ниве». 1903. № 8.

⁷ Раевская Е. И. Из воспоминаний. // Русский архив. 1896. № 2. С. 221—222.

⁸ Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. М., 1986. С. 67.

⁹ Моя жизнь. Ч. II. С. 14.

¹⁰ Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. М., 1986. С. 272—273.

¹¹ Там же. С. 245.

¹² Менгден Е. И. Встреча с Тургеневым // Эвенья. М., 1950. Т. 8. С. 263—264.

¹³ Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1975. С. 75.

¹⁴ Моя жизнь. Ч. III. С. 106.

¹⁵ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. М., 1968. Т. XII. Кн. 1. С. 361.

¹⁶ Скайлер Евгений (1840—1890) — дипломат, историк, переводчик. Знакомый Толстого.

¹⁷ Вогюэ Эжен Мельхиор де, виконт (1848—1910) — французский писатель и историк литературы, один из первых пропагандистов творчества Л. Н. Толстого во Франции.

¹⁸ Крестницей А. А. Толстой была младшая дочь Л. Н. Толстого Александра Львовна Толстая.

¹⁹ Давыдов Н. В. Из воспоминаний актера // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1978. Т. 2. С. 106.

²⁰ Оболенский Д. Д. Новая комедия гр. Л. Н. Толстого // Новое время. 1890, 5 января.

К. Н. Боратынская

ВСТРЕЧА С ЛЬВОМ ТОЛСТЫМ

Публикация
И. В. Завьяловой и А. М. Кураковой

Ксения Николаевна Алексеева (урожд. Боратынская; 1878—1958) — внучка поэта Е. А. Боратынского — родилась в Казани в семье Николая Евгеньевича и Ольги Александровны Боратынских. Два года Ксения занималась в Казанской художественной школе, но ушла из нее, решив посвятить себя делу народного образования. В 1900 г. она подала прошение в Испытательный комитет Казанского учебного округа и держала экзамен. В «Свидетельстве № 8693 от 6 октября 1900 г. о присвоении Ксении Николаевне Боратынской звания домашней учительницы» говорится: «Оказала в французском языке хорошие сведения и, сверх того, в присутствии испытателей с успехом прочитала пробный урок на тему: „Об употреблении сослагательного наклонения“. А потому ей, Боратынской, дозволено принять на себя звание домашней учительницы, с правом преподавать французский язык». В 1900—1901 гг. она состояла «прикомандированной в качестве записной учительницы-кандидатки XIX Казанского городского начального училища», а с 1901 г. по 1908 г. была учительницей деревенской школы в имении Боратынских Шушары. Долгие годы К. Н. Алексеева работала в различных учебных заведениях. Одна из школ, в которых она преподавала, носила имя Л. Н. Толстого. Ксения Николаевна оставила подробные воспоминания о своей жизни, полное издание которых готовит музей-усадьба «Мураново». Воспоминания о поездке в Ясную Поляну — это самостоятельный рассказ, написанный по просьбе Н. Н. Гусева в конце 1920-х годов, который впоследствии Ксения Николаевна включила в свои мемуары.

К. Боратынская со своей подругой была в Ясной Поляне 19 и 20 августа 1907 г., а 21 августа — в Телятинках, где еще раз встретилась с Л. Н. Толстым. Как и многих, юную Ксению Боратынскую привело к Л. Н. Толстому страстное желание разобраться в себе, чтобы сделать серьезный жизненный выбор... В черновике воспоминаний перед описанием поездки к Толстому Ксения Николаевна пишет о своем настроении, о двух боровшихся в ней чувствах: «...во мне мешались два настроения: счастливое настроение любимой и любящей невесты и аскетическое настроение миссионера. Я не могла уловить границу между этими состояниями... Моя поездка была надеждой на чудо, которое ждут люди, не умеющие поставить себя на правильный путь. Я хотела обратиться к нему с той просьбой, с которой богатый юноша обратился к Христу, и мне казалось, что одно слово учителя должно повернуть меня к новой жизни».

Воспоминания о поездке в Ясную Поляну написаны очень живо, искренно и эмоционально. Особенно ценные и интересны те многочисленные детали и по-

дробности повседневной жизни яснополянской усадьбы и Телятинок, которые часто и есть истинные человеческие характеры, чувства и отношения.

После встречи с К. Н. Боратынской в дневнике Л. Н. Толстого за 21 августа 1907 г. появилась лаконичная запись: «...была Боратынская (хорошая)».

Так как моя поездка в Ясную поляну является лишь отрывком из моих воспоминаний, то необходимо вкратце объяснить положение дела. Под влиянием одного убежденного толстовца¹ в 1900 году я вышла из Художественной школы², где училась на 3-м курсе, и поступила учительницей в сельскую земскую школу³. Проработав 2 года, я при помощи брата⁴, который работал в земстве по народному образованию, открыла еще дополнительные 2 класса после которых ученики держали экзамен на право быть сельскими учениками, или поступали в средние учебные заведения для дальнейшего образования. Потребность учиться у сельской молодежи была большая, и ко мне стали приходить подростки из дальних деревень и других уездов. Много было чуваш, явилась необходимость открыть нечто вроде интерната... Отдельные ученики ходили из ближних деревень и в сильные морозы, и в метель, ночевали в школе. Школа была смешанная, на что косо смотрело наше уездное начальство. Возраст учеников был от 12 до 16 лет. Программа была тождественная с программой рабфаков, которые функционировали после Октябрьской революции. Я вся отдалась захватившему меня делу, а также участвовала во всех учительских организациях. Летом земство устраивало краткие курсы для повышения квалификации учителей. Зимой по инициативе моего брата были организованы учительские съезды⁵. Ни морозы, ни метели не могли удержать учителей и учительниц из дальних деревень приезжать на наши съезды, которые бывали то в одной, то в другой школе.

Это были памятные 1904–1905 годы. Мы, учителя, горели, со-здавая новые программы. Я написала в земство доклад о высшей народной школе и получила ответ, что это вскоре будет обсуждаться. Мне всегда казалось, что легко можно рассстаться со своими личными чувствами ради дела. Но не рассчитала своих моральных сил. Наряду с работой зрело и крепло наше обоюдное чувство с одним крестьянином — моим ровесником, который под руководством моего брата стал учиться и поступил в учительский институт и, окончив его, готовился поступать в университет⁶.

Школа или личная жизнь? Я отлично понимала, что совмещать семью и школу я не могу, что отдаваться в полной мере только одному делу (школа для меня являлась не обычной работой специалиста-педагога, а «служением-миссией») и только свободная от личных

забот и чувств я могу быть творцом своего дела. Я чувствовала себя отступницей. Очаг, объединяющий молодежь, жаждущую учения, я меняла на личную жизнь. Для меня это была большая душевная драма. Не имея силы решать сама, я долго думала: кто бы посоветовал? И я решила сделать то, о чем давно мечтала: поехать в Ясную Поляну. Лев Николаевич был для меня учителем, руководителем в жизни. Его идеи я широко вписала в свою школу. Мои ученики писали ему и вначале, правда, получали от него книги издания «Посредник»⁷.

Мне казалось, что он одним словом укрепит во мне стремление всецело отдаваться школьному делу и поможет совладать со своим, надо признать, глубоким чувством. До начала занятий оставалось 2 недели, и я и еще другая учительница Аньют Ш.⁸ отправились в путь из Казани в город Москву.

Было теплое дымчатое утро, когда поезд подошел к станции «Ясенки». В продолжение нескольких дней шли дожди, и грязь стояла непролазная. На станции сновали много народа, по-видимому, никакого отношения к Толстому не имеющего. Мне казалось, что во всем этом крае должен лежать «толстовский отпечаток».

Бегали барышни и прихорашивались перед зеркалами. Три типичных помещика-аристократа курили и перекидывались французскими фразами, а на другой стороне станции стояло множество экипажей; помещичьих троек и вольных извозчиков. Мы наняли извозчика в одну лошадь — старичка — просто потому, что лицом он нам понравился.

Веши оставили на станции, рассчитывая вернуться к вечеру. Меня немного удивило, что в деревне ездят не на тележках или плетенках, а в рессорных пролетках. Наша пролетка была так стара, что грозила расплюзтись. Очевидно, она доживала век со своим хозяином. Выбравшись не без труда из грязи, мы покатились по гладкому шоссе.

Погода разгуливалась, дымка редела, и сквозь нее голубело небо. Пахло прелой землей. Странное ощущение было у меня: страха и сознания какой-то вины. Зачем я еду, что я скажу? Ведь в одном разговоре не выльешь того, что в душе накопилось долгими годами — выйдет глупо и смешно. И я, как бывало в детстве перед исповедью, записывала в своей тетрадке, что не забыть сказать, что спросить, как начать? Особенно: как начать? Я зубрила все это, как урок, и становилась себе еще смешнее. Чтоб как-то отвлечься от бесконечных моих дум, я стала рассматривать нашего возницу. Это был типичный старик-крестьянин, весь белый, но крепкий и здоровый. «Каждый день вожу кого-нибудь ко Льву Николаевичу, — говорил он, — на медни вот этак же барышня издалека приезжала — боялась к нему идти, а чего бояться? Он всех до себя допускает и со всеми говорит, только час у него особый есть, а в другое время непускают к нему.

Вот вы не поспеете, если к нему до чая: он в это время гуляет, и всякий к нему подойти может».

Потом он стал про Льва Николаевича рассказывать: «Теперь уже он стар стал, силы прежней нет, а то бывало, какой лютой на работе! Мы, соседние мужики с Ясной-то, вместе с ним косили: идет в ряду, устали не знает, мужики не поспеваю за ним. Как же,— прибавил он, помолчав,— я много с ним работал, вместе и стариками стали. Нет, он теперь не может работать, вот и я ямщиком езжу — молодые работают».

От станции до Ясной верст 7, и ехать все время приходится по шоссе, зато в деревне мы рисковали потонуть в грязи. Остановиться мы решили, по рекомендации нашего кучера, у одной старушки, которая живет у самого въезда в усадьбу. Тут стоят несколько домиков, и в них живут бывшие дворовые люди графов Толстых⁹.

Мы попросили поставить самовар, купили хлеба, молока, яиц и принялись за еду. Было часов 8. Я опять стала расспрашивать: на этот раз старушку-хозяйку, про Льва Николаевича и, что меня больше всего поразило, это то, что для всех яснополянцев он был, прежде всего, граф и только граф — хозяин очень добрый и обходительный, но признавать то значение, которое он имел для всего мира, они не могли. Да и звали они его не иначе как «граф». Однако о его работе они отзывались без всякой усмешки или снисходительности, что, мол, барин нашей работой побаловаться захотел. Этого чувства в разговорах и с другими крестьянами я не заметила. «Царство небесное ей, графинюшка Марья Львовна, много они с графом помогали бедным,— говорила старушка.— Одна солдатка в самое житво захврала, так Марья Львовна каждый день приходила: принесет хлеба, молока ребятам, а сама на солдаткину сторону жать, все сама жала, а в другой раз этак же они с графом сено у кого-то убрали: тут еще жила старушка-сирота, некому было ей помочь, а печь-то у нее в избенке развалилась, ну так граф ей сам печь сложил: вот барин, а всю нашу работу знает». Напившись чая, мы пошли к усадьбе. «Он еще может гуляет, так примет вас», — сказала хозяйка. Я шла тихо и нехотя. Самый последний шаг мне казался ужасно страшным. Мы не пошли через главный въезд, где стоят ворота с каменными столбами, а сейчас же от избушки повернули налево и пошли в парк, в длинную березовую аллею. Я смотрела вперед и боялась, что вот-вот появится Лев Николаевич. Но никого не встретили. Наконец мы подошли к дому. Нас отделяли от него густые кусты. Ну хорошо, если мы натолкнемся на него, а если вместо того встретим кого-нибудь из семьи — ну что скажем? Анюта оказалась смелее меня и, между тем как я, в буквальном смысле, пряталась за кусты, она прошла вперед и

подошла к террасе. Там сидели дамы. При приближении Аньюты занавеска с шумом задернулась — именно с шумом и демонстративно: дескать, надоели все эти, что ходят и не дают Льву Николаевичу покоя. Но Анья все же подошла вплотную и начала говорить. Я тоже приблизилась. Сначала какая-то из дам очень неприветливо сказала, что Лев Николаевич занимается и его видеть нельзя. Анья что-то сказала, и до меня донесся удивленный голос: «Из Казани? Ну, так Лев Николаевич вас, наверное, примет, но сейчас нельзя».

Нам назначили прийти в час дня. Я немного успокоилась, услыхав в голосе Александры Львовны (это была она) уважение к тому расстоянию, которое мы проехали. Мне не пришло в голову, что моя литературная фамилия могла бы ее окончательно успокоить, и я не назвала себя. Я была даже рада, что свиданье со Львом Николаевичем отложено на некоторое время, и с более легким сердцем мы пошли бродить по саду.

Был яркий августовский день, от прелой земли и от валяющихся на земле желтых мокрых листьев шел терпкий осенний запах. Неуютно и жутко чернел пруд посреди парка. Я сразу обратила внимание на спускавшиеся в него зеленые не обрывистые, но прямые, неудобные для купанья берега, которые свидетельствовали о большой его глубине. Другой пруд симпатичнее, берега более доступны и отлоги, и через него проложен мостик.

Мы поднялись в лиловую аллею и там сидели на скамеечке; ее не пощадил ножик какого-то гимназиста 5-го класса, который вырезал на ней: «Имел счастье быть здесь и видеть Льва Н-ча». Мы встали в этот день рано, и меня клонил сон. Чтоб быть свежее, когда придется говорить со Львом Николаевичем, мы решили выспаться и, вернувшись в избушку, легли: одна на кровать, другая на жесткий, бывший когда-то кожаным, диван, и заснули крепким сном. Проснулись мы во втором часу и поняли сразу, что опоздали, все же пошли. Когда мы подходили к дому, Софья Андреевна в шелковой блузке с кружевными широкими рукавами шла под руку с молодым человеком нам навстречу. Она спросила, что нам надо, и, вспомнив, прибавила: «Теперь уже два часа — вы опоздали. Ну теперь после 6-ти часов попытайтесь его увидеть».

Опять поплелись мы обратно. Медленно и скучно тянулся день. Опять попросили хозяйку поставить самовар, как вдруг началось какое-то движение на улице: бегут мужчины с баграми, с веревками, кричат. Мы вышли, невольно последовали за бегущими и скоро поняли, что кто-то упал в воду. Когда мы подошли к пруду, несколько человек и между прочими дюжий повар с барского двора¹⁰ раскачивали мальчика лет семи. Я попробовала заикнуться о том, что не надо качать, пред-

ложила сделать искусственное дыхание. Куда тут! Мое предложение было принято очень недружелюбно и даже как-то озлобленно.

Мальчика не откачали. Пока часть толпы смотрела на это зрелище, другая часть стояла у пруда: там раздетые и нераздетые парни плавали и ныряли, ища сестру утонувшего мальчика, которая бросилась спасать брата и тоже утонула. С отчаянной храбростью нырял один парень — лакей Льва Николаевича¹¹. Было страшно за него, когда он надолго исчезал под водой в этом мрачном пруду.

Девушку нашли, но она оказалась тоже мертвой. Все время, пока ее искали, по берегу металась старая женщина — ее бабушка, у которой гостили дети. Она кричала: «Спасите их. Что я Дащеньке скажу!» Как мы узнали потом, дочь ее, жившая в прислугах в Туле¹², прислала к бабушке погостить девочку 15-ти лет и мальчика 7-и. В этот день они с поездом должны были ехать обратно и перед отъездом пошли к пруду вымыть калоши. Мальчик поскользнулся и упал, девочка бросилась его спасать и тоже утонула. Я занялась теткой тонувших, которая в истерике билась на траве¹³. В такой трагический момент я в первый раз увидела Льва Николаевича. Он приближался к пруду торопливой походкой. Высокий, немного сутулый. Но сутулость заметна не в спине, а в приподнятых плечах.

На нем была его обычная синяя блуза и фетровая шляпа. В эту минуту я забыла обо всем, даже о той женщине, которую крепко держала, чтоб она не билась. Как будто что-то светлое влилось в этот ужас, и я от всей души внутренне приветствовала Льва Николаевича. Он подошел к пруду, перекинулся несколькими словами с крестьянами, подошел ко мне, что-то сказал. Я совершенно не помню, что он спросил и что я ответила, и он отошел к бабушке, которую вела Анюта.

Детей привезли домой, положили на две скамьи и обрядили. Всем этим распоряжалась Анюта. Кроме Льва Николаевича никто из Толстых не пришел ни к пруду, ни к бабушке. Они, кажется, куда-то уезжали¹⁴. Вечером, часов в 8, пришел доктор Маковицкий дать лекарство бабушке и сказал мне, что сейчас нам можно прийти ко Льву Николаевичу.

Мы отправились. Была темная хмурая ночь, и было жутко проходить по длинной аллее мимо мрачного пруда, только что проглотившего две жертвы.

Яркими пятнами ложился на цветник свет из окна дома. Здесь пока осталась Анюта, я же прошла через террасу в дом, где меня встретил молодой лакей в серой тужурке — тот самый, который так героически искал утонувших. Он провел меня в комнату Льва Николаевича. Это была небольшая квадратная комната, обставленная просто, но с заботливым комфортом. Рядом с письменным столом в

кресле сидел Лев Николаевич. Оттого ли, что было глубокое кресло, от его ли сутуности, но мне он показался гораздо меньше, чем днем у пруда. Седая голова ушла в плечи, густые брови повисли над необычайно глубоко сидящими светлыми глазами. Мне было страшно от одной мысли, что я нахожусь перед Л. Н. Но когда я села перед ним и взглянула в эти глубокие глаза, смущение мое прошло. Мне стало легко и свободно. Взгляд Льва Николаевича пронизывал и заглядывал прямо в душу, а в ней в эту минуту не было ничего такого, что бы я хотела скрыть от него, а и хотела бы — так не могла бы. Я чувствовала, что он видит меня насквозь, что я могу и не говорить, что мои слова дополняют то, что он и так понимает. И говорила я совсем не то, что приготовила: «С тех пор как я начала думать, вы сделались для меня учителем, дорогим и близким. Я все свои поступки и мысли отдавала на ваш суд. Вы через Пьера Безухова, через Левина в годы моей ранней юности заставили меня задуматься над смыслом жизни. Вы дали мне широкий взгляд на религию, вы выработали мои нравственные принципы и вы научили меня трудиться и, наконец, в революционные 1904—1905 годы вы удержали меня от ненависти и насилия; и вот теперь, в одну из самых трудных минут моей жизни, я пришла к вам, чтобы вы научили меня, что мне делать. Может быть, это сделка с совестью? Пожалуй, что я знаю, что надо делать, но мне необходимо рассказать вам все сомнения, все искушения, спросить, как согласовать свои убеждения с жизнью». «Это самое трудное,— сказал Лев Николаевич,— не всякий может совершенно уйти от жизни ради своих убеждений, не всякому возможно незаметно для других. Растить в себе дух, одолевать мелкие соблазны, не увеличивать своих потребностей. Если, сделавшись учительницей, вы упростили свою жизнь, привыкли к трудовому дню, то не возвращайтесь к праздной жизни, но, не ломая себя и других, уменьшайте свои потребности и усиливайте труд». Затем, помолчав, он с глубокой скорбью сказал: «Вы читали мои произведения, знаете мои убеждения, а теперь видите обстановку, которая меня окружает». Он повел рукой, показывая комнату, и опять помолчал: «Но надо знать, как я это в себе согласую». Мне вдруг стало стыдно, что я осмелилась, хотя и невольно, приподнять край занавесы над самым мучительным вопросом, который тяготел над ним. Я перешла к главному вопросу, который привел меня к нему. Я рассказала про то, как широко развернулось дело школы, какая будущность намечалась в этой работе. И про свои мученья и сомненья относительно замужества: будет ли это изменой делу, убеждениям. Как мне совладать с собой и со своим чувством.

Когда я сказала, что мой жених крестьянин, Лев Н-ч спросил меня, как относятся к этому мои родные. «Они его уважают, ценят и

любыят», — ответила я. «Вот как!» — как-то весело и сочувственno сказал он. Я удивилась, что Лев Николаевич зацикал меня вопросами: «А где вы познакомились? Сколько лет вы друг друга любите, каких убеждений ваш жених, каков его взгляд на религию?» Мне вдруг показалось, что он, писатель-психолог, заинтересовался нашим романом и что ему понравилась наша семилетняя выдержка.

«Замужество естественный и самый правильный исход для женщины, — сказал он, — почему же Вы хотите ломать себя, когда, выйдя замуж, вы так же можете исполнять волю Божью». «А школа?» — спросила я. «Ну что же школа, найдутся другие люди, а вы в своей семье будете полезнее, чем в школе, конечно, если будут дети». «Если бы у меня было сомнение в том, что у меня могут быть дети, я бы не колеблясь отказалась от личной жизни». «Ну не лукавьте перед собой, — сказал он почти строго, — желание иметь детей тут далеко не главную роль играет». Я вся вспыхнула — неужели он не видит, насколько я искрenna. «Нет, — почти крикнула я, — я говорю правду, что я не вижу никакого смысла в замужестве без детей». Должно быть у меня был очень взволнованный вид, потому что лицо у Льва Николаевича сделалось таким добрым-добрым, и он ласково, задушевно сказал: «Я верю, верю вам. Тем более не надо отказываться от возможности быть матерью». Он помолчал. «А жених ваш разделяет все ваши убеждения?». «Не совсем». «Вам будет трудно, вы влияйте на него, а главное действуйте на него своим примером и воздержанием. А пробовали вы отказаться от мяса?» Я призналась, что вегетарьянкой я не была. «А вы попробуйте, лучше было бы отказаться от него не сразу, а постепенно переходите на растительную пищу». Когда все принципиальные вопросы были исчерпаны, он спросил меня, кем я прихожусь поэту Боратынскому, и, узнав, что я его родная внучка, сказал, что рад видеть у себя внучку этого глубокого поэта, талант которого он очень чтит.

Во время дальнейшего разговора я сказала, что в Казани есть последователь Льва Николаевича, который своим любовным отношением к людям много света вокруг себя проливает. Я имела в виду Н. Н. Бельковича. «Только, — прибавила я, — к сожалению его мало кто знает». «Как к сожалению! — воскликнул Лев Николаевич. — Это счастье, что его никто не знает, большое счастье, исполнять волю Божью и не быть известным, что может быть лучше, выше этого!» Эту фразу Л. Н. произнес как-то особенно проникновенно...

Мне хотелось знать, какое впечатление произвел на него сегодняшний случай у пруда, и я завела об этом речь. Лев Н-ч развел руками: «Что делать — это вне нашей власти и надо принимать с покорностью, не роптать».

«Я хочу теперь написать круг чтения для детей,— сказал он в конце нашей беседы,— эта мысль меня очень занимает. Еще я собираю сведения о Федоре Кузьмиче, вы, конечно, слышали о нем, это удивительная жизнь».

Я боялась утомить Льва Николаевича и встала, горячо поблагодарив его. «Вы останетесь до завтра здесь?» — сказал он. Мы собирались уезжать, но я сказала «да». «Ну, так приходите вечером, у меня соберутся друзья мои, я познакомлю вас с ними». Как на крыльях сходила я с лестницы: радость морального разрешения на замужество, близость такого человека, как Лев Н-ч, туманили голову. После меня ходила Анюта, но мне недолго пришлось ее ждать. Лев Николаевич был утомлен, и она боялась его задерживать.

Возвращались мы по темной аллее, каждая занятая своими мыслями, переживаниями. Мы зашли к бабушке утонувших детей. Там были ее дочери с мужьями, из которых один был графским поваром. В час ночи должна была приехать из Тулы вызванная телеграммой мать утонувших детей, и повар просил нас присутствовать при ее приезде, так как все они были в невменяемом состоянии. Мы были очень утомлены, а потому легли спать, к часу ночи были на ногах и пошли в соседнюю избу. Мать только что приехала. Ей сказали только про девочку, но не сумели удержать, она ворвалась в избу и увидела обоих детей, лежащих на скамьях. Страшно вспомнить эту ужасную драму, эти нечеловеческие крики, это исступление. Ее силой уложили в сенях на кровать, и несколько мужчин ее держали.

Она же билась, и металась, и кричала. В передней избе лежала бабушка и стонала. Но вот она встала, медленно и спокойно подошла к постели дочери. Она выпрямилась, как будто выросла, лицо приняло строгое выражение, глаза горели: «Дашенька,— начала она твердым и даже торжественным голосом,— али ты не видишь, что Бог посетил тебя? Или ты принять Его не хочешь? Опомнись, доченька, разве можешь ты идти против воли Божьей. Всем нам на радость была Нюра, но было Господу угодно взять ее, значит Его такая святая воля, и ты покорись, покорись, говорю тебе, и прими Господа». Плавно и торжественно лилась речь старухи, и последние слова были проникнуты гипнотической силой. Высокая, стройная, стояла она перед мечущейся дочерью. Отошли в сторону мужики и бабы и с благоговением слушали ее, а несчастная мать, как бы под гипнозом строгих и ласковых слов, утихала и, наконец, впала в забытье. Величественная фигура бабушки опять осунулась, сгорбилась. Она пошла на свою постель, старая, дряхлая, угнетенная горем.

«Откуда такая нравственная сила,— думалось мне,— да, не превеличивал Лев Николаевич, говоря, что нам надо учиться у простого народа, а не учить его».

Я вышла на улицу, небо сияло звездами. На душе было страшно и больно за людей и спокойно за вечную правду. Лев Н-ч, старуха-бабушка, не гораздо ли выше они всякого человеческого горя. Сознавать волю Божью во всем, не отдавать себя личному счастью, принадлежать не себе, а миру...

И опять мое равновесие нарушено. Нет, и Толстой не может убедить меня в том, что лучшее назначение женщины — семья. Я одна должна решить это, и никто не поможет...

На заре выносили покойников. Такой вакханалии горя я никогда не видела — ни раньше, ни после. Обычное причитание и вытье заглушались криками матери. Возглавляя процессию, она, как в дикой пляске, скакала и била в ладоши. Загадочное сизое небо с меркнущими звездами куполом покрывало землю, и в одной из точек этой земли гимн человеческого единичного горя... И сколько таких точек...

На другой день мы встали поздно, так как легли утром. День тянулся томительно и тяжело. То и дело из соседней избы раздавалось завывание баб. Мы пошли пройтись по деревне. Каждая изба, может быть, имеет свою историю. Здесь жили, а может быть и живут, Семки, Федьки, Мишки, детские сочинения которых красуются в детской хрестоматии. Отсюда они бегали в Яснополянскую школу...

Но деревня сама по себе ничем не отличается от остальных деревень. Есть хорошие избы, есть и плохие. Переходя один переулок, мы увидели высокую бодрую фигуру Льва Николаевича с человеком небольшого роста, одетого по-крестьянски. Но не с русским лицом. Это оказался Граубергер¹⁵ — колонист немец из посада Дубровки. Лев Ник. подманил нас и познакомил со своим спутником. Он повторил, что пришлет за нами, когда соберутся его друзья, и предложил нам с Граубергером сходить к одному из своих друзей — он так называет своих последователей — Николаеву¹⁶, который живет на краю деревни. Мы повернули в переулок, а Лев Н-ч зашагал дальше один. Я долго следила за ним. Вот он остановился возле двух крестьян, вот пошел дальше... Николаев жил в конце переулка около оврага¹⁷, который отделяет деревню от барской усадьбы. Мы вошли в просторную, выштукатуренную внутри избу. Мне совершенно не казалось странным входить к чужим без зова. Здесь, казалось, это в порядке вещей. У большого стола сидело несколько человек, из которых один был сектант — Малеванный¹⁸, а другие — его последователи. Сэм Николаев, молодой человек с умным приветливым лицом, делал десять дел сразу. Жена его уехала в Москву, и он оставался с пятью детьми, исполняя все ее обязанности. Он разбранил старшего сына за то, что он дрался с товарищами, воротил дочь, которая куда-то убежала, потому, что на деревне был бодающийся бык, посадил на гор-

шок двухлетнего пузана, и сам в это время варил на спиртовке кашу и, наконец, успокоился, когда вынул из люльки грудного младенца и, сев с ним к столу, стал кормить его кашей. Все эти дела не мешали ему принимать участие в общем разговоре, который в эту минуту касался вегетарианства. «Вы не можете себе представить, сколько вкусных блюд можно сделать без мяса,— говорил он,— моя жена не была раньше вегетарьинкой, а теперь без отвращения не может вспомнить то время, когда ела мясо. А дети наши о нем понятия не имеют. Однажды старшая дочка вернулась от подруги и с ужасом рассказывала, что там к обеду подавали мертвую курицу».

Я увидела в красном углу образа и спросила: «Чьи они?» «Ведь мы здесь живем только по летам,— ответил Николаев,— и, конечно, не будем оскорблять религиозных чувств наших хозяев, изгоняя их образа».

О Льве Н-че Николаев говорил восторженно, горячо, с глубокой любовью. «Его мало кто может понять и оценить,— говорил он,— все только и говорят, что его слова расходятся с делом, осуждают его, а не понимают, что это его подвиг, который он выполняет с простою любовью и терпением. Свою заповедь «непротивления злу» он исполняет свято. Разве не жаждет он уйти от этой жизни, чтобы идти в мир, и он знает, что тогда его слава еще больше возрастет, но в том и дело, что он «возлюбил еще больше славу Божию, чем славу человеческую». Сколько унижений приходилось терпеть ему от осуждавших его ученье, но насколько тяжелее и горче принимать упреки от своих последователей, упрекающих его в том, что он не следует своим убеждениям, но повторяю, это великий подвиг, который не каждый сумеет оценить». Я была благодарна Николаеву: он окончательно мне выяснил то, что я и сама понимала. От Николаева мы пошли проводить Граубергера, который направился к Черткову в Телятинки, где у него была летняя редакция и типография¹⁹.

Вечер дрожал, розовые облака тянулись по горизонту. Ясно и тепло было в природе. Ясная Поляна мне казалась ярким очагом мысли, далеко разливающим свет. Граубергер сказал, что мы попали очень удачно в Ясную Поляну, так как сюда съехались некоторые толстовцы, и завтра, если мы придем к Черткову, то познакомимся со многими интересными личностями. Он приглашал нас приехать в их колонию Дубровку и работать с ними.

Помня приглашение Льва Н-ча, вечером я направилась через алею к дому. У Анны сделалась сильная головная боль, и она не могла идти. Лакей доложил графине о моем приходе и попросил меня в залу. Там сидели: Лев Н-ч, графиня С. А., профессор консерватории Гольденвейзер и доктор Маковицкий. Какая-то старушка худая, высокая то

и дело неслышно входила и выходила из комнаты²⁰. Ее роли в семье я не поняла, но на следующий день Лев Н-ч сказал мне: «Вы видели у нас эту худую старушку? Это удивительный человек — всю жизнь посвящает другим». Очевидно, у нее он учился великой мудрости самоотверженности. Мне пришлось сесть возле Софьи Андреевны и говорить с ней. Она расспрашивала меня о Казани, об общих знакомых, особенно Иславиных, у которых под Казанью была дача, куда они каждое лето приезжали. Л. В. Иславин был товарищем моего брата, и он и его жена Софья Леонидовна, рожденная Исленьева, были большими друзьями нашей семьи²¹. Софья Андреевна интересовалась кустарным производством Казани, и я рассказала ей про артель женщин-кустарей, которую организовала моя мать. Работы этой артели побывали на всех русских и заграничных выставках и пользовались большим успехом²².

Потом Софья Андреевна сказала мне, что пишет подробную биографию Льва Н-ча, которую никто не может написать, кроме нее, как самого близкого к нему человека, но что она не издаст этой биографии при своей жизни, а завещает детям издать после ее смерти. Я слушала и говорила, но все время следила за Львом Николаевичем. Он играл в шахматы, потом ходил взад и вперед по зале.

Мне очень хотелось еще поговорить с ним, но я не решалась подойти. Пришел Чертков, и Лев Н-ч опять сел за шахматы.

Зала, где мы находились, была большая, вся увешанная портретами, исполненными лучшими русскими художниками. В углу стояло изваяние Льва Николаевича. Роскошная обстановка все больше и больше угнетала меня. Как может Лев Н-ч жить здесь? Между тем подали чай. Из боковой двери вышла Александра Львовна с женой Гольденвейзера²³. Лев Николаевич кончил шахматную игру, и я подошла к нему. Я хотела его просить дать мне несколько советов для моей школы. «А разве вам позволяют распространять среди учеников мои религиозные взгляды?» — спросил он меня. «Тех, которые начинают задумываться над вопросами религии, я знакомлю с вашим ученьем, — ответила я, — отрывать же их от той религии, в которой они выросли, не дав им твердой почвы под ногами, я не считаю себя вправе. Для этого надо пройти путь глубоких переживаний, и я сама еще не отошла от Церкви». Лев Н-ч встал и, обращаясь к Черткову, сказал: «Слышите, она не считает себя вправе отрывать детей от старой религии». Чертков пожал плечами и неодобрительно что-то промычал, как бы говоря: «Кого вы слушаете». Что хотел сказать Лев Н-ч этими словами, было ли в них одобрение или осуждение, или, может быть, искание — я не поняла, но что меня глубоко поразило, это то, что он как-то реагировал на слова девушки, которую он видел в первый раз. «Какой могучий источник живой воды бьет из не-

го,— думалось мне,— этот источник в своем течении захватывает все, что попадается на его пути, не брезгая никакой соломинкой, и никакая стена, никакая запруда не могут остановить его течения».

Сели за чай. Серебро, салфеточки, булочки... Все не так, как должно быть в Ясной Поляне, и мне опять стало неловко и грустно. Лев Н-ч угощал меня арбузом. «Хорошая вещь арбуз»,— говорил он, разрезая его на ломти и раздавая всем. Он принимал участие в общем разговоре и был таким милым стареньkim дедушкой. «Вы должны нам что-нибудь сыграть»,— сказал он Гольденвейзеру, когда мы встали из-за стола. Гольденвейзер направился к роялю. Играли он, конечно, прекрасно, но я вообще в музыке мало понимаю. Я вся была поглощена Львом Н-чом и все время смотрела только на него. Он сидел в большом вольтеровском кресле, локтями опираясь на подлокотники, а пальцы скрестив. Я полагаю, что это его обычная поза. Тенеромо²⁴ в «Живых речах» упоминает о ней. Он весь ушел в звуки. По глубоко ушедшему внутрь себя взгляду видно было, что он весь проникнут музыкой. В сильных местах он всплескивал руками, качал головой и даже про себя шептал: «Ах, хорошо!» На лице появилась такая бесконечно добрая и ясная улыбка, какая бывает у детей и у очень старых добрых старичков. Лукавые мысли лезли мне в голову: «Пишет против искусства, а так наслаждается музыкой!» Масса сомнений наплыvala в душу: «Не надо тебе здесь быть,— мысленно говорила я Льву Н-чу,— уйди, и мы, все слабые, но жаждущие истины, пойдем за тобой, тогда я, не задумываясь, оставлю семью и любовь и пойду за учителем». А его лицо, кроткое и ясное, как бы отвечало мне словами Христа: «Пойдите научитесь, что значит милости хочу, а не жертвы».

Я тогда поняла, что, может быть, и восставал-то он против искусства потому, что благодаря своей гениальной тонкой организации слишком реагировал на него. Искусство не возвышало его и без того высоко парящий дух, а соблазняло его, отрывало от созерцания, волновало и тянуло к земным переживаниям. Как аллегория нужна лишь для масс и не нужна для развитого человека, так и искусство может возвышать обычновенных людей, а великим людям мешает созерцать понятную только для них истину. Облако кажется небом лишь тем, кто стоит на земле, но тот, кто взошел на вершину горы, видит над собой вечно сияющее небо, а облака стелются у его ног.

Было 11 часов. Доктор Маковицкий собирался еще раз навестить бабушку, которая от сильного потрясения заболела, и я решила идти с ним, так как не знала дороги и ночь была очень темная. Я стала прощаться. Чертков сказал, что если я захочу познакомиться с некоторыми из друзей, он предлагает приехать завтра провести день до отхода поезда у него.

Когда я подошла прощаться ко Льву Николаевичу, я поблагодарила его и сказала: «Я все же не знаю, последую ли вашему совету или нет. Я теперь чувствую, что вопрос этот, кроме меня, никто решить не может». «Это конечно, конечно,— торопливо ответил Лев Н-ич,— обдумайте и только тогда решайте». Всю дорогу мы шли с доктором молча. Я была погружена в свои мысли. Обогнув каменные столбы, вышли на деревню. Грязь была ужасная, без помощи доктора я бы не выбралась. Было холодно и красиво: высоким куполом раскинулось звездное небо над Ясной Поляной.

На другое утро мы наняли на деревне телегу с бабой, которая должна была нас отвезти к Черткову в Телятинки. Лошадь оказалась молодой, да с норовом, и баба с ней не могла справиться. Простились мы с Ясной Поляной и в буквальном смысле поскакали, несколько раз чуть не вылетели из телеги. С грохотом мы подкатили на огромный двор чертковской усадьбы. Какие-то люди поспешили выбежали на крыльцо посмотреть, что случилось. Нас попросили войти в дом. Я хорошенько не поняла, что это была за комната, куда нас ввели, что-то вроде типографии. По стенам открытыми шкафы со стоящими и лежащими брошюрами. На больших письменных столах еще не сложенные печатные листы. В соседней комнате два молодых человека боролись и хохотали. Чтобы нас занять, Чертков дал нам просмотреть готовящиеся к изданию брошюры, но я была занята рассматриванием проходивших то и дело мимо нас по комнате людей. Один из боровшихся, веселый мальчик лет 16-ти, был, как я узнала потом, сын Черткова — Дима²⁵. Высокий красивый молодой человек с нерусским типом лица был болгарин Досев²⁶. Торопливо, мелкими шагами вошла миниатюрная кудрявая женщина с детским и вместе с тем старческим болезненным лицом. Чертков нас познакомил, это была его жена²⁷. Как в калейдоскопе, мелькали передо мной лица, я не успевала сосредоточиться на каждом из них: приходили, здоровались или не здоровались, что-то делали, уходили. Так прошло время до часа — до обеда. Обед лучше всего выяснил мне образ жизни в усадьбе Черткова. На большой террасе был накрыт чистой, но грубой скатертью узкий длинный стол. Вокруг стола скамьи, на столе тарелки и деревянные ложки. Все сели, только жена Черткова сидела отдельно за маленьким столиком, закутанная в платки и пледы. Она была на положении больной, и ей подали смоленскую кашу и молоко.

За стол сели все жители усадьбы, начиная с Черткова и кончая стряпкой и кучером. Из огромного чугуна сын Черткова с очень жизнерадостным детским выражением лица разливал суп — забеленную картофельную похлебку. Болгарин ему помогал.

Я затрудняюсь описать всех присутствовавших. Тут был известный последователь Льва Н-ча Дудченко²⁸ в длинной поддевке, был какой-то очень черный и красивый грузин,— было всех человек 14.

За супом последовала каша, которую раскладывал опять-таки молодой Чертков, по желанию пшеничную или гречневую. За обедом разговор коснулся Англии. Жизнерадостный Дима, который все детство провел в Англии, с упоением рассказывал о ней. Слова «Lords and cummings» пересыпались в его болтовне; он как мальчик щеголял и своим выговором, и знанием английских законов. Мне интересно было послушать мнение Черткова об Англии. «Надо хорошо знать англичан и английские законы,— говорил он,— чтобы понять, насколько мы, русские, стоим выше их. Не только нашим добродушием, присущим славянскому характеру, но и законами, которые сравнительно милосерднее английских. Начиная с того, что смертная казнь в Англии самая обыкновенная вещь. Их жестокие законы могли быть выработаны лишь жестоким народом. Сравните отношение к преступникам у нас и в Англии. Наш народ дал прекрасное название катаржным, он зовет их «несчастненными». Это и есть настоящее христианское отношение к людям, тогда как в Англии общество с глубоким презрением относится к тем, которых покарал закон. Оно разрывает с ними всякие отношения и смотрит на них как на париев. А в тюрьмах! Несмотря на все зверства наших тюремщиков, едва ли они могут быть такими жестокими, как в Англии. Был такой случай: один заключенный малолетний был голоден, и тюремный сторож, пожалев его, дал ему кусок своего хлеба, так что же вы думаете? — Ему отказали от места только за то, что он был сострадательным».

После обеда болгарин приволок (иначе нельзя сказать) самовар огромной величины, и румяная белокурая девушка, обедавшая с нами, села разливать чай.

В это время из Ясной Поляны пришел сектант Малеванный со своими последователями или, скорее, последовательницами. Теперь уж завязался разговор чисто религиозного характера. Малеванный с сильным южнорусским акцентом излагал свое учение. Он говорил путано, и надо было вслушиваться, чтобы что-нибудь понять. Смысл его проповеди таков: всякий человек может в себе вырастить Христа. В большей или меньшей степени люди достигают этого, и некоторые становятся сами христами, то есть посвященными,— таков он, Малеванный. Его считают сумасшедшим, но никакая тюрьма, никакая лечебница для душевнобольных не могут сковать его духа, который всегда свободен. Наконец теперь, доктора признали его нормальным, и он проповедует любовь, всепрощение и кротость.

Биография Малеванного мне мало известна, знаю только, что 10 лет он пробыл в Казанской окружной лечебнице для душевноболь-

ных, что одна казанская помещица Елиз. Влад. Молосткова (рожд. Бер)²⁹ заинтересовалась им и его ученьем и писала о нем Льву Н-чу. Она же содействовала тому, чтоб его выпустили из лечебницы. На меня Малеванный произвел впечатление умного, но все же не вполне нормального человека. Жена его и другие его последовательницы признают его Христом и молятся на него. Они рассказали нам, что верующие их секты собираются и поют псалмы своего сочинения. Мы просили их спеть. И они, вышедши из-за стола, затянули тягучими неверными голосами какой-то унылый напев. Мы записали эти псалмы. Но я их потеряла. По правде сказать, особого внимания они не заслуживали. Странное впечатление оставалось у меня от этих сектантов. Темные изувверы и одновременно горящие богоискатели. Пока мы пили чай, по лестнице террасы поднялся очень молодой монах. Худой, с тонкими чертами лица, нос заостренный, щеки и грудь впалые, только глаза горели беспокойным блеском — вид самый аскетический. Он робко остановился и спросил, нельзя ли здесь увидеть Льва Н-ча. Чем-то загадочным, привлекательным веяло от этой черной фигуры в подряснике в этой немонастырской обстановке. Странным казалось, что православный монах пришел за советом к отлученному от Церкви Льву Н-чу.

Чертков и его пригласил пить чай, и он как-то боком приткнулся к углу стола, и лицо его то вспыхивало, то бледнело, и глаза горели, как два уголька.

Как раз в это время на двор въехал на своей вороной лошади сам Лев Н-ич. Не знаю, ждали ли его другие, но для меня это было неожиданностью, и я очень обрадовалась еще раз его увидеть. Чертков пошел к нему навстречу. Лев Н-ич сам слез с лошади и до меня долетели слова: «Что, она еще не уехала? Боратынская? Я торопился, чтоб застать ее». Сердце у меня куда-то провалилось, в глазах потемнело: Лев Н-ич хотел меня застать, ему надо со мной говорить! Я хорошенъко не могла понять, в чем дело. «Она здесь», — услышала я, как в тумане, голос Черткова и увидела, что присутствующие вопросительно смотрели на меня. «Ага, ну и отлично», — сухим деловитым голосом говорил Лев Н-ич, входя по лестнице. «Ну так вот, мне надо вам два слова сказать», — обратился он ко мне, здороваясь. Мы спустились во двор и направились по дороге, которая вела в поле. Почему-то я особенно четко запомнила все мельчайшие подробности обстановки: и сломанный сарай, и кур, разгуливающих по двору, индюка и дворовых собак, и яму с лежащими в ней передками от телеги.

В висках стучало. «Я вот сегодня ночью думал о том, что я вам сказал, — начал он, — я раскаиваюсь в том, что дал вам такой определен-

ный совет. Если вы чувствуете в себе достаточно силы посвятить себя служению людям, сделайте это и не выходите замуж — это будет гораздо лучше». Эти слова мне ударили как обухом по голове. Только что я примирila свою совесть с мыслью о замужестве, только что мой шаг был санкционирован самим Львом Николаевичем, как вдруг все перевернулось, и так быстро, что я сразу не могла хорошенько все понять. «Жизнь целомудренная выше, и дело ваше хорошее, — продолжал он, — и я уверен, что вы сумеете справиться с тем, что вас влечет к личной жизни... Я не совсем прав был, что так утоваривал вас выйти замуж, и рад, что успел повидать вас и высказать вам то, о чем думал после того, как вы вчера ушли». «Да, — бормотала я, — но ведь отказывая своему жениху, я ему причиняю большое горе». «Ну что же, утешится, об этом нечего горевать, а вы и не поддавайтесь таким искушениям». В его словах была какая-то неумолимая жестокость. Я что-то еще говорила, и мои слова, слабые, как оправдание провинившегося ребенка, как-то глупо и грустно эхнули в моих собственных ушах. «Нет, не надо придумывать себе окольных путей, — строго и твердо говорил Л. Н., — если вы себя чувствуете способной посвятить делу — сделайте это и не оглядывайтесь назад, не жалейте своей личной жизни...» Мы подходили назад к террасе. Я низко опустила голову. «Вот и все, что мне надо было Вам сказать», — довольно громко и как-то весело сказал Лев Н-ч. И я сказала: «Спасибо», — а на душе у меня было так пусто. Не я ли накануне сказала Льву Н-чу: «А я, может быть, все-таки поступлю так, как считаю нужным». Теперь ни твердости, ни самообладанья я не чувствовала. Л. Н. ушел в помещение разговаривать с монахом. Мы все остались на террасе. Вокруг Малеванного образовался кружок: о чем-то говорили, спорили, я сидела погруженная в распутывание своих чувств и мыслей. Вышел Лев Н-ч, раскрыл «Круг чтения» и стал читать, что полагалось на этот день, 21 августа. «Молитва не нужна Богу, Ему нужна наша добрая жизнь». Дальше следовали слова Канта. Лев Н-ч иногда останавливался, комментировал и обращался больше всего к монаху. Еще дальше следовала выдержка из Евангелия: «А молясь, не говорите лишнего». «Вот видите, как Христос сказал, а в православной церкви то и делают священники, что говорят много лишнего... Я не признаю просительной молитвы. Бесмысленно просить о чем-либо Бога. Молитва есть лишь духовное общение с Богом. «Молитесь ежечастно, — продолжал он читать, — самая нужная и самая трудная молитва — это воспоминание среди движения жизни о своих обязанностях перед Богом. Испугался, рассердился, смущался, увлекся — вспомни, кто ты и что ты должен делать, — в этом молитва. Это трудно сначала, но привычку можно выработать». Лев Н-ч закрыл книгу и стал прощаться. С помощью

Черткова он довольно легко сел на лошадь и уехал. Я смотрела ему вслед, стараясь запечатлеть в памяти его фигуру.

Я была подавлена, в душе полная пустота. Сознание, что никто, даже Лев Н-ч, не может определенно указать мне путь, делало меня беспомощной. Приходилось исключительно опираться на себя, на свою совесть, искать решения и, главным образом, силы для решения. Если кто испытывал чувство нерешительности, тот поймет, до какой степени это мучительно. Я ехала ко Льву Н-чу не для того, чтобы просить у него совета, я была уверена, что он своим крепким словом подкрепит во мне решение отказаться от личной жизни. Только этого мне и нужно было. Я хотела, чтоб он бросил гирю на шкалу моих весов, которые не могли выйти из мучительного равновесия — и что ж? Случилось то, чего я никак не ожидала: гиря была брошена не на ту шкалу, которая была готова принять ее. Сначала недоумение, потом радость, захватывающая, жизненная, личная радость. Высоко поднялась бесценная и глупая шкала моей духовной жизни, но, может быть, сам не сознавая того, Лев Николаевич дал мне урок не искать поддержки в других, когда нет своей силы. Он на эту взлетевшую шкалу грохнул тяжелую гирю, которая, однако, не перетянула весы, а опять поставила в прежнее колеблющееся состояние.

Не сознавая еще, к какому решению я приду, я встала на практическую почву и стала искать выхода на случай, если это понадобится. Для этого я расспросила Дудченко, на каких условиях приняли бы они меня в свою Толстовскую колонию в Полтавской губернии. Дудченко с увлечением рассказывал про только что народившуюся колонию, звал меня, обещал приучить к физическому труду и к вегетарианству.

Дело клонилось к вечеру. Пора было ехать на станцию, Черткову нужно было получить почту, и он поехал нас проводить. Его сын подал к крыльцу лошадей, запряженных в очень удобный фаэтон. Это опять меня кольнуло.

По дороге говорили об изданиях «Посредника», и Чертков предложил мне распространять среди крестьян книги «Посредника» и обещал выслать на пробу несколько книг. Поезда нам не пришлось ждать. Мы накоротко взяли билеты в 3-м классе и вскочили в первый попавшийся вагон. Поезд тронулся, унося нас дальше, дальше от Ясной Поляны, которая для меня «ясной» не оказалась. В Москве нас встретило утро, полное красок, блеска и звона. Жизнь во мне положительно начинала брать верх. Второй разговор со Львом Н-чем не мог уничтожить захватывающее впечатление первого, и справиться с нахлынувшей волной жизнерадостности я не могла.

Вечером того же дня мы пересели на нашу Казанскую железную дорогу. С нами ехал раскольник из Нижегородской губернии, следова-

тельно, из самого центра раскола. От него так и веяло терпким запахом керженских лесов с рассеянными по ним скитами. Мне интересно было познакомиться с его религиозными взглядами, но узость и тупость, которые я встретила в разговоре с ним, поразили меня больше, чем восторженное исступление Малеванного. Он сразу начал разносить новую веру, не жалея красок и не церемонясь в выражениях. «Чаво там болтают у вас, — почти кричал он, и лицо его приняло злое выражение, — из трех лиц Святая Троица — четыре делают, да, четыре, — настаивал он, угрожающе посматривая на меня, хотя ему не думала возражать, — а то почему же у вас поют аллилуйя три раза, да еще „Слава тебе, Боже“. Аллилуйя — это что? Хвала Богу. Первое аллилуйя — хвала Богу-отцу; второе — хвала Богу-сыну; третье — хвала Богу-духу святому, — считал он по пальцам. — А „слава тебе, Боже“ кому? Четвертому лицу? Уж не дьяволу ли?» Он потрясал головой и вопросительно грозно смотрел на меня. Очевидно, это имело для него большое значение. Его духовная жизнь, казалось, сосредоточивалась вокруг злых слов, и за них, я уверена, он пошел бы на костер.

Мне в эту поездку положительно везло на исповедников своей веры. Проходя мимо соседнего отделения, я увидела сгруппировавшихся пассажиров вокруг какого-то оратора, который на весь вагон проповедовал Евангелие. Это был баптист, такой же узкий фанатик, как и раскольник. Он визгливо выкрикивал: «Только мы спасем, только мы познаем истинное учение Христа». Впечатления этих дней закружились передо мной. Фанатик Чертков, твердый и беспощадный. С печатью в руках он ходит за Львом Н-чем и прикладывает свою печать к каждому сказанному им слову. Малеванный — энтузиаст с пылкой душой и безудержной фантазией, крепкободые и упрямые раскольник и баптист, готовые распять дух во имя догмы, — все эти люди что-то знают непоколебимо, чему-то твердо верят, учат, презирают и ненавидят то, что не подходит под их меру... Лишь он один, колосс с седой вершиной, мечется и ищет.

¹ Мемуаристка имеет в виду Николая Николаевича Бельковича (ум. 1920), основателя и первого директора Казанской художественной школы.

² К. Н. Боратынская с 1897 г. училась в Казанской художественной школе, основанной Н. Н. Бельковичем в 1895 г.

³ Школа в имении Боратынских Шушары Казанского уезда Казанской губ.

⁴ Боратынский Александр Николаевич (1867–1918) — родной брат К. Н. Боратынской, в 1889 г. окончил Императорское училище правоведения, служил в Казанском окружном суде, в 1891–1893 гг. городской судья 2-го участка г. Чистополя, с 1903 по 1898 г. товарищ прокурора Симбирского окружно-

го суда; предводитель дворянства Казанского и Царевококшайского уездов Казанской губ., в 1908 г. избран в члены Государственной Думы; был членом попечительского совета женской Мариинской гимназии и членом попечительского совета учительской семинарии в Казани.

⁵ Вероятно, имеются в виду учительские съезды, которые устраивались А. Н. Боратынским в имении Шушары и доме Боратынских на Людской улице в Казани.

⁶ Алексеев Архип Кузьмич (1878–1920) — впоследствии муж К. Н. Боратынской, закончил курс Учительского института в Казани, затем исторический факультет Казанского университета; некоторое время был домашним учителем в семье двоюродного брата С. А. Толстой — Л. В. Иславина.

⁷ В фондах музея Е. А. Боратынского в Казани хранятся разрозненные номера «Посредника» 1910–1913 гг.

⁸ Шелыванова Анна — сельская учительница, подруга К. Н. Боратынской.

⁹ На графской земле с помощью Л. Н. Толстого, который выделил по 12 рублей на сруб, было построено 4 дома для дворовых: Павла Петровича Арбузова (1839(?)–1894), Василия Васильевича Суворова (1825–1912), Семена Николаевича Румянцева (1866–1932), Сергея Петровича Арбузова (1849–1904). В настоящее время почти все дома сохранились. К. Н. Боратынская с подругой остановилась у вдовы П. П. Арбузова.

¹⁰ Семен Николаевич Румянцев (1866–1932) — 25 лет служил поваром в семье Толстых.

¹¹ Шураев Иван Осипович (1887–19...) — с 1900 по 1912 г. служил лакеем в яснополянском доме Толстых.

¹² Неточность мемуаристки: у В. В. Суворова и П. Ф. Суворовой не было дочери по имени Дарья; согласно сохранившимся метрическим документам в семье Суворовых было 6 дочерей: Матрена, Фекла, Наталья, Варвара, София, Евдокия.

¹³ Несчастный случай, который описывает К. Н. Боратынская, произошел 19 августа 1907 г. в семье Суворовых-Румянцевых. Утонули приехавшие на лето внуки Пелагеи Федоровны Суворовой. Дети жили в избе Суворовых-Елисевых, соседней с той, где остановилась Боратынская. Внуки П. Ф. Суворовой были похоронены за каменной оградой Николо-Кочаковской церкви.

В «Ежедневнике» С. А. Толстой 19 августа 1907 г. записано: «Ужасное событие! Мальчик 7 лет утонул в среднем пруду, 16-летняя сестра полезла доставать и тоже утонула. Бедная мать! Она сестра нашей прачки Вари».

¹⁴ 19 августа 1907 г. Л. Н. Толстой и С. А. Толстая ездили к Чертковым в Ясенки. Об этом см. запись в «Ежедневнике» С. А. Толстой.

¹⁵ Граубергер Федор Христофорович (1857–1913) — адресат, корреспондент и посетитель Л. Н. Толстого, близкий ему по взглядам, из немецких колонистов, жил в слободе Дубровка Саратовской губ., был народным учителем, увлекался садоводством.

¹⁶ Николаев Сергей Дмитриевич (1861–1920) — последователь, адресат и корреспондент Л. Н. Толстого, экономист, переводчик на русский язык работ Г. Джорджа. Летом 1907 г. Николаев с семьей жил в Ясной Поляне.

¹⁷ Вероятно, С. Д. Николаев жил в Кислом переулке в избе Фокановых. В настоящее время дом значительно перестроен.

¹⁸ Малеванный Кондрат Алексеевич (1845–1913) — мещанин-колесник г. Таращи Киевской губ., основатель религиозной секты малеванцев, посетитель Л. Н. Толстого; за религиозные проповеди в начале 1890-х гг. был арестован и выслан под надзор полиции, позже определен в киевский дом умалишенных; с 1893 по 1905 г. содержался в психиатрической лечебнице в Казани.

¹⁹ Ошибка мемуаристки: с 25 июня 1907 г. по 15 сентября 1907 г. семья Чертковых снимала дом у помещика Кулешова близ д. Ясенки, в 5 верстах от Ясной Поляны.

²⁰ Шмидт Мария Александровна (1844–1911) — близкий друг и последовательница взглядов Л. Н. Толстого, его корреспондент и адресат. Была классной дамой Николаевского женского училища в Москве; в 1895 г. поселилась в д. Овсянниково, близ Ясной Поляны.

²¹ Иславин Лев Владимирович (р. 1866) — двоюродный брат С. А. Толстой, правовед, был генеральным консулом России в Вене.

²² Боратынская Ольга Александровна (урожд. Казембек), в имении Шушары организовала артель «шитушек», их работы выставлялись на выставках в Казани в 1890 г., в Нижнем Новгороде, в 1894 г. в Чикаго.

²³ Гольденвейзер Анна Алексеевна (урожд. Софиано; 1881–1929) — пианистка.

²⁴ Тенеромо (наст. фам. Файнерман) Исаак Борисович (1862–1925) — журналист, посетитель, корреспондент и адресат Толстого; увлекался идеями Толстого, в 1885 г. жил в Ясной Поляне.

²⁵ Чертков Владимир Владимирович (1889–1964) — сын В. Г. Черткова.

²⁶ Досев Христо Федосьевич (1886–1919) — единомышленник Л. Н. Толстого, жил в Болгарии в толстовской коммуне, принимал участие в работе издательства и издании журнала «Възраждане». Летом 1907 г. жил у Чертковых.

²⁷ Черткова Анна Константиновна (урожд. Дитерихс; 1857–1927).

²⁸ Дудченко Митрофан Семенович (1867–1946) — хуторянин Сумского уезда Харьковской губ., с 1891 г. в Полтавской губ. Занимался земледельческим трудом, последователь, корреспондент и адресат Л. Н. Толстого.

²⁹ Молострова Елизавета Владимировна (1873–1936) — жена Молострова Владимира Германовича (1859–1918), племянница Молостовой Эинаиды Модестовны, которой Л. Н. Толстой увлекался в молодости.

А. Э. Вормс

БЕСЕДА С Л. Н. ТОЛСТЫМ О ВЕРГИЛИИ

Публикация
И. В. Егорова и Н. И. Шленской

Альфонс Эрнестович Вормс (1868–1939), немец по происхождению, родился в 1868 г. в имении Троицкое Чернскского уезда Тульской губернии, где его отец, по-видимому, служил управляющим.

Первоначальное образование получил дома, затем учился в гимназии в Риге, где преподавание велось на немецком языке. Еще в гимназические годы он увлекся древними языками и через всю жизнь пронес интерес к классической филологии и истории античности.

В 1886–1890 гг. учился на юридическом факультете Московского университета, однако продолжал интересоваться главным образом вопросами истории и филологии. Из всех преподавателей решающее влияние на него оказали В. О. Ключевский и П. Г. Виноградов. «Первый,— писал А. Э. Вормс,— привлек меня к занятиям историей русского социального быта, позже приведшим меня к изучению юридических судеб русского крестьянства... и к разработке так называемого «крестьянского права», понятного только при исследовании его исторических напластований... Интерес к этим вопросам поддерживали также лекции П. Н. Милюкова по истории русских финансов».

По окончании университета Вормс в течение трех лет служил в рижском окружном суде, а затем в 1893 г. вернулся в Московский университет в качестве магистранта. В годы магистратуры он занимался в семинаре проф. Виноградова, где сблизился с М. О. Гершензоном и В. А. Маклаковым. В эти же годы он начал адвокатскую практику, работал в консультации присяжных поверенных при Московском мировом съезде (высшей кассационной инстанции для мирового суда), вступил в юридическое общество при Московском университете, возглавляемом С. А. Муромцевым. Готовясь к магистерскому экзамену, Вормс провел 6 семестров за границей, в Берлине, Париже и Риме.

Преподавательскую деятельность Вормс начал в 1899 г. До 1902 г. в качестве магистранта он вел практические занятия по римскому праву для студентов Московского университета. Одновременно преподавал на курсах при Обществе воспитательниц и учительниц, а в 1901/02 году также читал гражданское право в Константиновском межевом институте (впоследствии МИГАиК). С 1902 по 1906 г. читал различные отрасли права в Санкт-Петербургском политехническом институте, кроме того, в 1905/06 г. преподавал в Императорском училище правоведения.

В сентябре 1906 г. А. Э. Вормс был приглашен на должность приват-доцента юридического факультета Московского университета и вплоть до 1911 г. читал лекции по системе римского права. С 1907 и до 1917 г. он одновременно препо-

давал в Московском коммерческом институте поочередно энциклопедию права, торговое, вексельное и «крестьянское» право.

В 1911 г. в знак протesta против репрессивной политики правительства по отношению к студенчеству вместе с 400 преподавателями и сотрудниками университета Вормс покинул университет. Телеграмма, присланная ему вольнослушательницами-юристками, адрес от имени Общества студентов-цивилистов Московского университета, а также некоторые другие документы, хранящиеся в семейном архиве наследников, свидетельствуют о том, что он пользовался популярностью среди студентов университета.

Не оставляя преподавание в Коммерческом институте, А. Э. Вормс в 1911/12 г. читал гражданское право в Ярославском Демидовском лицее, в 1911—1913 гг.—торговое право и торговый процесс на высших женских юридических курсах В. А. Полторацкой в Москве, в 1913—1917 гг.—крестьянское право в народном университете Шанявского.

Просветительской деятельности Вормс отдавал массу энергии. Так, еще в 1896 г. в числе молодых ученых он начал работу над серией брошюр «Вопросы науки, искусства, литературы и жизни» (изд-во И. Кнебель). В 1901—1902 гг. вместе с профессорами и доцентами Московского университета он выступал с лекциями на воскресных чтениях для рабочих в Историческом музее и в собраниях «Общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве»¹. Не позднее 1905 г. началось его сотрудничество с редакцией «Библиотеки для самообразования» (издание Т-ва И. Д. Сытина), работавшей в тесной связи с «Комиссией по организации домашнего чтения» при учебном отделе «Общества по распространению технических знаний»—предтечей заочного образования в России. В 1908—1910 гг. он входил в редколлегию этой серии, а следовательно, состоял членом Комиссии, в 1910 г. был ее председателем. В 1908—1911 гг. работал в Комиссии «Технического музея содействия труду»² при Московском отделении Императорского русского технического общества.

В 20-е гг. Вормс вновь вернулся к адвокатской практике (состоял членом Коллегии защитников до 1930 г.). Известно, что он выступал одним из защитников на Шахтинском процессе (1928 г.), причем оба его подзащитных—немецкие инженеры—были оправданы.

После 1928 г. Вормс работал в иностранных концессиях («А. Хаммер» (США), АСЕА (Швеция), «Шток и К°» и «Лаборатория Лео» (Германия)) и служил консультантом Консульского отдела посольства Германии.

4 ноября 1936 г. Вормс был арестован, в мае 1937 г. Военным трибуналом Московского военного округа был осужден по ст. 58-6 ч. 2 (шпионаж) и приговорен к трем годам лишения свободы. Заключение отбывал в Ново-Мариинском лагпункте Новосибирской (ныне Кемеровской) обл.

2 октября 1938 г. постановлением тройки УНКВД Новосибирской области было возбуждено общее дело, в том числе в отношении А. Э. Вормса, в связи с чем он был этапирован в Москву, где в марте 1939 г. скончался в больнице Бутырской тюрьмы.

Детям А. Э. Вормса удалось добиться его реабилитации только в 1990 г.

За свою жизнь А. Э. Вормс собрал огромную, исчерпывающей полноты библиотеку по гражданскому праву (ок. 12 000 т.). Свободно владея немецким,

французским, английским, итальянским, шведским и датским языками, он выписывал книги из многих европейских стран и из США. Мемориальное книжное собрание А. Э. Вормса хранится в Отделе редких книг и рукописей научной библиотеки МГУ.

В годы Первой мировой войны А. Э. Вормс начал работать в Московском военно-промышленном комитете (предположительно, в юридическом отделе).

В январе 1917 г. Вормс вернулся в Московский университет, где первоначально (до начала реорганизаций юридического факультета) читал систему римского права и вел практические занятия по гражданскому праву.

При одной из встреч с Л. Н. Толстым в Москве в 1897 или 1898 году у профессора Владимира Эдуардовича и Натальи Николаевны Ден мне пришлось обменяться мнениями с Л. Н. о Вергилии. В свое время я, к сожалению, не записал точно слов Л. Н., но все же и теперь, по истечении тридцати пяти лет, я хорошо помню их смысл и, в общем, их текст.

В разговоре Л. Н. остановился на часто высказывавшейся им мысли о том, что близость к природе и в особенности работа в деревне — главное условие ценного художественного творчества. В числе других, как пример и доказательство своей мысли, Л. Н. привел, между прочим, Вергилия.

Занимаясь тогда историей Рима и его права, я был знаком также и с сельской поэзией Вергилия, о котором в одном из основных источников римского права (в Институциях Юстиниана, 1.2.2.) говорится: «Когда мы (римляне) упоминаем о поэте, не называя его имени, мы имеем в виду Вергилия». Но, находясь под влиянием историка Рима Моммзена и немецких филологов, я разделял их взгляд на Вергилия как на поэта мало оригинального, находившегося под сильнейшим влиянием: в «Буколиках» — Феокрита, а в «Энеиде» — Гомера.

Несколько заостряя свои замечания под создавшимся у меня впечатлением (б^{ыть} м^{ожет}, ошибочным), что Л. Н. очень неохотно соглашается со своими собеседниками, я возразил, что Вергилия вдохновляла не столько, б^{ыть} м^{ожет}, непосредственная близость к сельскому быту, сколько господствовавшие литературные течения. Вергилий сравнительно рано был оторван от жизни в деревне: он лишился своего хутора близ Мантуи, отобранного у него при наделении землей ветеранов армии триумвиров, когда ему было около двадцати пяти лет; после этого он вошел в городскую, отчасти даже в придворную среду; «Георгики» написаны им, по-видимому, по заказу Мецената, одного из близких сотрудников Августа. На «сельских поэмах» Вергилия оказались книжные влияния, в особенности буколический жанр эпохи эллинизма. Эти поэмы коренятся в романтической

фикации деревенской идиллии; они отражают настроение горожанина, бегущего на лоно природы в тоске по о прощению, в поисках отдыха от напряжения и суеты культурных центров. Пастухи Вергилия — непосредственный прообраз «милого пастушка» XVIII столетия, сначала игривого, а потом сантиментального.

Л. Н. был явно не согласен с моими замечаниями. Его как бы пронизывающий собеседника взгляд, памятный всем, лично знавшим Л. Н., казался почти суровым, когда он мне сказал: «Вы не правы. Отношение Вергилия к сельскому быту было серьезное; его сельские поэмы глубоко художественные и, как таковые (или: а потому), — самостоятельные произведения».

Пиетет к Л. Н. не позволил мне дальше настаивать на своем мнении, и разговор перешел на другие темы, мне более не памятные.

Однако слова Л. Н. настолько заинтересовали меня, что я тут же постарался проверить свои замечания. Но просмотр русской литературы о Вергилии — тогда еще очень скучной — подтвердил, скорее, мою точку зрения. Было очевидно, что Л. Н. выразил вполне самостоятельное мнение, непосредственно подсказанное ему личным художественным чутьем.

Отражением господствовавшей тогда оценки Вергилия могут служить замечания о нем одного из наиболее образованных русских писателей, Валерия Брюсова, напечатанные, впрочем, значительно позднее (в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефроня). Брюсов тоже отмечает у Вергилия прежде всего подражание его грекам. В «Георгиках», в частности, Брюсов ценит преимущественно отдельные описания и эпизоды и объясняет неудачу общей концепции этой дидактической поэмы тем, что «слишком далека была простая жизнь селянина от римлянина времен Августа».

Появившиеся позднее работы о Вергилии наиболее видных русских филологов — М. М. Покровского и Ф. Ф. Зелинского — были посвящены «Энеиде» (роману Диодона и Энея, эволюции учения о загробном мире) и мало касались «сельских поэм».

Даже последняя по времени оценка в русской литературе «сельских поэм» их переводчиком С. Шервинским (Вергилий. Сельские поэмы. М.: Академия, 1933), в сущности, близко примыкает к прежней традиции. И тут автор предисловия, давший несомненно хороший,озвучный оригинал перевод поэм, признающий, что «вергилиевы поселяне перестали казаться переодетыми горожанами», все же продолжает думать, что только «горожане, утомленные всем урбаническим, охотно погружались в чтение «Георгик».

Таким образом, ничто не давало мне повода вернуться к моей беседе с Л. Н. о Вергилии, и она временно почти изгладилась из моей памяти.

В самое последнее время, однако, замечания Л. Н. о Вергилии снова воскресли передо мною.

15 октября 1930 г. исполнилось 2000 лет со дня рождения Вергилия. Эта годовщина была торжественно отпразднована всюду на Западе и получила широкий отклик в литературе, которая, к сожалению, по условиям времени, дошла до меня со значительным опозданием.

Современной Италии память о Вергилии дорога прежде всего как символ вновь оживающей преемственной связи ее не только с культурой, но и с политическими идеалами Древнего Рима. В отношении же литературной оценки Вергилия, во все эпохи близкого и особо чтимого ею как учителя еще со средних веков и времен Данте и Тассо, в Италии, по-видимому, мало что изменилось. В остальных латинских странах, которыми Вергилий всегда признавался одним из главных истоков западной культуры, где, как во Франции, Монтень считал «Георгики» Вергилия лучшей поэмой всех времен, или где, как в Португалии, Камоэнс создал национальный эпос в прямое подражание «Энеиде», — там в оценке Вергилия также не произошло значительных сдвигов. Его продолжали восхвалять, но прежде всего как мастера стиха, как виртуоза слова.

Иначе обстояло дело в Германии. Начиная с эпохи германского ренессанса, как в эпоху немецкого классицизма, так и позднее, Вергилий всегда отодвигался на второй план поклонением греческим поэтам. Но именно в Германии празднование двухтысячной годовщины Вергилия послужило поводом к серьезному пересмотру традиционной оценки его поэзии и к признанию за ним особой, специфически римской самостоятельности и в постановке тем, и в художественной их обработке.

При первом же ознакомлении с работами германских филологов о Вергилии, вызванными празднованием годовщины его рождения, меня поразило, насколько выдвигаемые ими точки зрения соответствуют сделанному Л. Н. около тридцати пяти лет тому назад замечанию*.

Более точный сравнительный анализ произведений Вергилия и его предшественников показывает теперь, что заимствования у последних имеют в поэзии Вергилия меньшее значение, чем полагали раньше.

* Я имею в виду следующие работы: E. Fraenkel. Gedanken zu einer Deutschen Vergilfeier. 1930; A. Trendelenburg. Virgil und Homer. 1930; W. Wili. Vergil. 1930; Th. Haecker. Virgil — Vater des Abendlandes. 1931; W. Schadewaldt. Sinn und Werden der vergilischen Dichtung; H. Heiss. Virgilio Fortleben in den romanischen Literaturen (обе последние работы в: Aus Roms Zeitwende — Das Erbe der Alten. 2 Reihe XX. 1931.); Das Problems des Klassischen u. die Antike. Her. v. W. Jaeger. 1931.

Конечно, как все древние авторы, Вергилий использует традиционный материал поэзии, мифотворчества и фольклора, но он стилизует все это по-новому, вносит в него иную, неведомую раньше, гармонию. В особенности свои сельские поэмы он одухотворяет ранее ни у кого почти не звучавшими нравственными идеалами, чуждыми, во всяком случае, греческой буколической поэзии. Это — отмеченное уже Л. Н. — глубоко серьезное, подчас благоговейное отношение к сельскому труду, к земледелию, всюду сквозящее сознание его большой общенародной и общечеловеческой значимости. На всей концепции «Георгик» и на множестве детальных черт «сельских поэм» вообще лежит печать глубокого патриотического подъема, сознания всей ответственности выступления поэта как поборника возрождения трудового земледелия. Вергилий не был только тонко чувствующим мастером слова и стиха, а глашатаем и жрецом идеи.

Поэтому не правы все, включая и последнего переводчика «сельских поэм» (см. Шервинский. Предисловие к русскому переводу «Сельских поэм». 1933 г.), кто полагает, что Вергилий обращался к «горожанам, утомленным всем урбанистическим», и ценился именно ими. Нет, Вергилий не призывал к отдыху на лоне природы; он не сулил развлечений в быту земледельца, не создавал миража сельской идиллии. Для Вергилия труд земледельца — неустанная забота и работа; этот труд — тяжелый, даже как бы чрезмерный (*labor improbus*); этот труд — моральный подвиг, совершаемый в силу высших нравственных велений. В «Георгиках» чувствуется превознесение воли к труду, звучит мощный призыв к непрестанной сельской работе, не отступающей ни перед какими трудностями и превратностями — засухой, непогодой, мором животных и т. п. Но зато труд земледельца озаряется у него истинно художественной красотою окружающей природы и богато вознаграждается обилием плодов «всегда справедливой земли» (*justissima tellus*).

В тесной внутренней связи с этим стоит новое для античного автора провозглашение достоинства труда, освящение и возвышение его до степени патриотического подвига, притом труда не легкого и приятного, служащего как бы отдыхом от умственных усилий (как то звучит местами, например, у Цицерона), а именно тяжкого крестьянского труда, подчас даже чрезмерного — *«labor omnia vicit improbus»* (Георгики. 1, 145). Хотя в этом чувствуется отклик на философские размышления Лукреция и слышится отзвук мотивов Гесиода, но все признаки говорят за то, что у Вергилия «апофеоз» сельского труда вырос из недр его личного сознания римского селянина. Во всяком случае, у Вергилия, у него одного в античном мире, этот мотив — о достоинстве и благородстве труда, о его творческом значении —

произвучал так сознательно, с такой художественной силой, что через его «сельские поэмы» он навсегда вошел как неотъемлемое, вечное сокровище в мировую поэзию.

Вместе с тем, однако, глубокая любовь Вергилия к природе, окружающей и как бы впитывающей в себя труженика-селянина, никогда не становится для него внешним объектом описания как самоцели, описания, неспособного заменить отображение пейзажа живописью. Природа, ландшафт, для Вергилия не служит лишь сценою, на которой, или кулисами, перед которыми происходит событие. Как, впрочем, уже давно заметил Сент-Бев (*Sainte-Beuve, C. A. Étude sur Virgile... Paris. 1870. P. 93*), у Вергилия, поэта сельского быта и природы, пейзаж не выделяется как особый мотив, а изображается лишь поскольку он является непосредственно элементом действия (*il ne prend paysage que l'essentie, ce qui se rapporte à l'action*).

Во всех отмеченных выше, ныне снова или даже впервые выдвигаемых в литературе о Вергилии характерных особенностях его поэзии, нельзя не усмотреть черт сходства с художественными идеалами и приемами Л. Н. Толстого, которые роднят этих двух великих писателей и объясняют, почему Л. Н. интуитивно так верно понял Вергилия и правильнее оценил его, чем современная ему научная литература.

В отношении характеристики сельского быта и оценки крестьянского труда совпадения между Вергилием и Л. Н. Толстым настолько очевидны, что на них даже нет нужды останавливаться. Но в отношении описания окружающей природы, обрисовки той «сцены», на которой совершаются события, столь сходная с Вергилиевской манера Л. Н. Толстого еще недостаточно, как мне кажется, оценена и освещена в литературе. Мы иногда встречаемся даже с явно неправильной характеристикой ее, с указанием, например, что описание природы у Толстого бедное, недостаточно широкое. Это совершенно неправильно. Если бы подвергнуть отдельные описания природы в произведениях Толстого такому же щадительному анализу, как это сделано в отношении Вергилия, то несомненно можно было бы выявить, насколько у русского писателя природа всегдаозвучна настроению действующих в ней людей, как она сочувствует, содействует с ними, а не является мертвым, хотя бы и пышным аксессуаром. Это и есть доказательство, что для Толстого природа не является объектом для описания, а элементом психологического состояния людей — ценным и даже необходимым посредником, помогающим вскрывать перед читателем глубины душевного настроения действующих лиц.

Еще последовательнее, чем Вергилий, Толстой основывал свои описания природы, в особенности свои изумительные изображения из мира животных, на непосредственных, личных, проникновенных на-

блюдениях сельского хозяина и охотника. Мы не встретим у Толстого ни одного ошибочного или сбивчивого наблюдения, ни одной черты, носящей отпечаток книжной справки «из вторых рук». У Вергилия же такие есть. Укажем, например, на явно ошибочное описание прививки некоторых видов плодовых деревьев к дичкам лесных деревьев (Георгики. 2, 32 и др.) и на знаменитое изображение падежа скота в Но-рикуме, описание симптомов которого не соответствует никакой определенной эпизоотии, а нагромождает признаки разных болезней (Георгики. 3, 478 сл.).

¹ После разоблачения связи этих организаций с зубатовской «охранкой» в апреле 1902 г. либеральная профессура прекратила сотрудничество в них.

² В числе уставных целей музея значились: составление рекомендаций «по облегчению разных приемов работ, охране жизни и здоровья и по улучшению быта рабочих; ...составление справок и указаний... при организации обществ и касс взаимопомощи, артелей и др.; издание и поощрение полезных сочинений, соответствующих целям музея; ...устройство публичных лекций, систематических курсов, научных бесед, общедоступных чтений».

Бернхард Сунн де Бутемар

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 ГОДА:

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И БЕРТОЛЬД АУЭРБАХ

Общественно-исторический фон их отношений

Перевод с немецкого языка
З. М. Богачевой

Дикий ужас охватил его, когда во время пребывания в Шандау под Дрезденом к нему явился посетитель по имени Евгений Бауман. Он знал только одного баденского офицера революции 1848 г. с таким именем. После подавления революции тот, приговоренный к смерти, смог бежать, что спасло ему жизнь.

Но — и потому был так велик страх — этого Евгения Баумана он придумал. В реальной жизни его вообще не существовало. Он — главный герой его романа «Новая жизнь», который был написан почти десять лет тому назад. И вот, 27 июля 1860 г., появляется настоящий Евгений Бауман, чтобы, вероятно, обвинить его в « злоупотреблении именем»¹.

Вошел молодой человек лет тридцати и заявил: «Я — Евгений Бауман». При этом он сильно жестикулировал и говорил «с таким пылом и так необычно выглядел», что страх усилился.

Даже через несколько лет он вспоминал, как он был напуган, «когда этот странно выглядевший господин сказал ему: „Я — Евгений Бауман“, потому что боялся, что он будет грозить за пасквиль или диффамацию»².

Когда двойник Евгения Баумана увидел, что он натворил, то поспешил добавить, что он — Евгений Бауман не по имени, а по характеру. «И потом я ему сказал, — рассказывал иностранец позже своему американскому гостю Е. Скайлеру, — кто я, как мои сочинения заставили меня думать, и как хорошо они на меня подействовали»³.

Потом выяснилось, что этот иностранец — выходец вовсе не из Баварии, которая во время буржуазной революции 1848 г. сыграла особую роль в Германии. Он приехал из России, где был известен в своих кругах неожиданными выходками. Особенно восторгались им дети, когда он снова и снова воплощал свои многочисленные идеи на сцене и один или вместе с ними ставил импровизированные спектакли или сцены из опер. Когда исполнялись песни и арии, он сам аккомпанировал на фортепиано.

Часто в молодые годы он демонстрировал свои способности и при взрослых. Одни при этом замирали от страха или качали головами,

высоко подняв брови, другие просто веселились. Его талант претворять свои идеи в жизнь и пересказывать различные истории пригодился ему, когда он в возрасте 31 года открыл школу для крестьянских детей. В этой школе всегда что-нибудь случалось, так как он мог разрешить своим ученикам приходить и уходить, когда они захотят. Как он рассказывал, на двери его здания было написано: «Свободный вход и выход»⁴. На занятиях было так увлекательно и интересно, что иногда дети совсем не хотели уходить домой, оставались в школе и там ночевали, потому что они были так очарованы всем происходящим и ничего не хотели упустить или так увлекались, что забывали при этом о времени, а потом уже были не в силах добраться домой.

Знатоки мировой литературы, конечно, догадались, кто представился двойником борца за свободу Евгения Баумана. Это был почти еще не известный за пределами России русский писатель граф Лев Николаевич Толстой. Из его произведений на немецкий язык тогда еще ни одно не было переведено.

Толстой находился в своей второй заграничной поездке (лето 1860 — апрель 1861 гг.). 27 июля 1860 г. он приехал в Саксонскую Швейцарию из Берлина, где прослушал лекции в Берлинском университете, познакомился с новыми методами народного воспитания на примере рабочего курса Общества ремесленников и посетил Моабитскую тюрьму с введенной впервые Пенсильванской системой наказания. А кто же был тот писатель, на которого Толстой наткнул страх и ужас?

Это был Бертольд Ауэрбах (1812—1882), проводивший после своего переезда в Берлин на постоянное местожительство лето 1861 г. со своей семьей в Шандау. Этот курорт находится на построенной в 1860 г. железной дороге Дрезден — Прага, в 59 км юго-восточнее Дрездена, на Эльбских песчаниковых горах. Поскольку нет никаких записей об остановке Толстого на ночь в Дрездене летом 1860 г., то можно предположить, что Толстой посетил Ауэрбаха в Шандау, в «красивой саксонск^{ой} Швейцарии» (Дневник 27.7.1860), во время его путешествия из Лейпцига на курорт Киссинген. В Берлине, вероятно, он узнал, что Ауэрбах находится в Шандау. Встреча с Бертольдом Ауэрбахом была для него настолько важна, что, направляясь на курорт Киссинген, Толстой решил сделать крюк. Гипотеза о том, что Лев Толстой посетил в первый раз Бертольда Ауэрбаха в Шандау в Саксонской Швейцарии имеет некоторые преимущества против существующего до сих пор мнения, что это произошло в Дрездене или Берлине⁵.

Во-первых, в книге регистрации приезжающих «Дрезденского Вестника» нет отметки об остановке Толстого в Дрездене летом 1860 г.

Во-вторых, эта гипотеза учитывает тот факт, что Бертолльд Ауэрбах, переехавший из Дрездена в Берлин в конце 1859 г., лето 1860 г. проводил со своей семьей в Шандау в Саксонской Швейцарии, о чем свидетельствуют письма Б. Ауэрбаха, отправленные из Шандау, В. Вольфзону⁶. Поэтому Толстой не мог посетить его в Берлине.

В-третьих, Шандау был для Бертолльда Ауэрбаха и его семьи любимым курортом, с которым они были хорошо знакомы и куда приезжали много раз из Дрездена, а после переезда — из Берлина, о чем свидетельствуют листки регистрации приезжающих в Шандау, изданные переплетчиком Таннертом. В курортном листе № 26 за 1857 г. отмечено прибытие 14 августа с шестью персонами; в № 1 за 1859 г. — прибытие 31 марта с семью персонами; курортный лист № 7 от 9 июля 1864 г. не дает данных о дне прибытия и количестве приезжих. В книге регистраций, которая велась саксонским полицейским учреждением для надзора иностранных туристов, прибывающих в Шандау, упоминается фрау Ауэрбах из Берлина; дата — 18 июля 1861 г. Главный саксонский архив, где сохранились данные книги регистрации Министерства внутренних дел (письмо от 24 апреля 2001 г.), сообщает, что они восходят к докладу судебного ведомства управления в Шандау и что «на месте удостоверения личности отмечено „известно“, что предполагает частые приезды». В качестве источника указано дело № 2212 т. 175а Министерства внутренних дел.

Насколько хорошо Бертолльд Ауэрбах был знаком с этим местом, можно понять и из его рассказа «Эдельвейс» (1861). В нем идет речь о рабочих каменоломни. «Меня удивило,— пишет Карин Хене из краеведческого музея курорта Шандау в своем письме от 8 мая 2001 г.,— что Бертолльд Ауэрбах знал многих рабочих каменоломни. Он, должно быть, был к ним очень привязан».

В-четвертых, Антон Беттельгейм, биограф Бертолльда Ауэрбаха, датирует визит Толстого 1860 г., не указывая при этом ни места, ни даты встречи.

В-пятых, «шандаусская» гипотеза совпадает с датой, занесенной Толстым в Дневник задним числом в Киссингене. В Лейпциг он прибыл уже 26, а не 27 июля. 27 июля Толстой поехал уже дальше, хотя в книге регистрации лейпцигского отеля «Zum Kronprinzen», в котором остановился Толстой, значится, что он продолжил свой путь 28 июля. Однако следует учесть тот факт, что и 28 июля, и цель поездки — Бамберг были зарегистрированы, вероятно, служащим отеля, в то время как другие данные (имя, происхождение, постоянное место жительства и т. д.), по утверждению Э. Пехштедта⁷, заполнены рукой Толстого.

В-шестых, можно предположить с большой долей вероятности, что Толстой прибыл в Киссинген, как свидетельствует архив посетителей курорта, без остановки на ночь в Шандау или Дрездене, потому что полицейский журнал регистрации его не упоминает. Регистрационный лист курортников и посетителей Шандау за 1860 г., который мог бы доказать противоположную версию, не найден.

В-седьмых, «шандаусская гипотеза» подтверждается записью Толстого в Дневнике от 27 июля 1860 г. о его путешествии «по саксонск^{ой} Швейцарии». Это географическое название области, расположенной вверх по Эльбе юго-восточнее Дрездена, можно еще сегодня найти на географической карте. Поэтому нет необходимости утверждать, что название Саксонская Швейцария употреблено Толстым в переносном смысле⁸. Во всяком случае, ответа на вопрос, почему Толстой не упоминает о своем визите к Бертольду Ауэрбаху, нет. Но этот вопрос остается открытым и в том случае, если, отклонив «шандаускую» гипотезу, предположить, что встреча-розыгрыш произошла по возвращении Толстого в Берлин 21 апреля 1861 г. Несмотря на то, что и Толстой, и Ауэрбах писали о посещении Берлина в апреле 1861 г., о ней ни один из них не упоминает.

Бертольд Ауэрбах — автор «Шварцвальдских деревенских рассказов» и романа «Новая жизнь», который он написал после потерпевшей поражение революции 1848 г. Оба произведения оказали большое влияние на Толстого. Когда американский писатель Евгений Скайлер осенью 1868 г. помогал Толстому систематизировать его библиотеку, «произведения Ауэрбаха получили первое место на первой полке» и Толстой показал ему тома с романом «Новая жизнь», говоря при этом: «Ему я обязан тем, что открыл школу для моих крестьян и заинтересовался народным образованием»⁹.

Возвращаясь в апреле 1861 г. в Россию, Толстой еще на два дня остановился в Берлине, чтобы посетить Ауэрбаха.

Идея открыть школу в своей усадьбе пришла Толстому уже во время его первого путешествия в Европу с января по август 1857 г. 23 июля 1857 г. он записывает в Дневнике: «Главное — сильно, явно пришло мне в голову завести у себя школу в деревне для всего околотка и целая деятельность в этом роде. Главное, вечная деятельность» (47, 146). Эту запись он сделал в Штутгарте, где с 1857 г. в издательстве «Cotta Verlag» начало издаваться собрание сочинений Бертольда Ауэрбаха. Тома 14—16 с романом «Новая жизнь» к этому времени еще не были изданы. Они появились годом позже с предисловием Бертольда Ауэрбаха от 22 августа 1858 г.

На основании этих дат можно предположить, что к решению основать деревенскую школу Толстой пришел, прочитав отдельное

издание романа 1851 г., вышедшее в свет в либеральном издательстве «Mannheimer Verlag von Friedrich Bassermann». Это предположение помогло бы объяснить отсутствие помет, принадлежащих Толстому, на томах 14—16 сохранившегося до сегодняшнего дня собрания сочинений. На страницах встречаются только отчеркивания и короткий немецкий комментарий, выполненные не рукой Толстого. Возможно, они принадлежат его жене. Кроме собрания сочинений Ауэрбаха, в библиотеке Толстого сохранились до сегодняшнего дня рассказ «Босоножка» (1857) и три тома «Сельского дома на Рейне» (1863). Рассказ «Босоножка» Толстой привез, вероятно, из своей первой заграничной поездки.

Обращает на себя внимание тот факт, что ни русский биограф Толстого Павел Бирюков, ни немецкий, Рафаэль Левенфельд, не останавливаются на творчестве Бертольда Ауэрбаха и его педагогическом романе «Новая жизнь», критикующем общество. Павел Бирюков в примечании к имени Евгения Баумана пояснил, что тот — «герой ауэрбахского рассказа», в то время как Рафаэль Левенфельд вообще никак не объясняет выбор Толстым этого имени. Немецкий биограф пишет только о том, что Толстой привез из своей первой поездки в Европу произведения Ауэрбаха. Он «изучал их с большим старанием. К писателю из Шварцвальда его влекло родство выбора, которое имело основу в народном материале и поучащем искусстве»¹⁰ (курсив мой.— Б. Б.).

Настоящее исследование посвящено общественно-литературно-историческому значению Бертольда Ауэрбаха. Автор заинтересован в дискуссии на тему, есть ли общественно-исторические точки соприкосновения Бертольда Ауэрбаха и Льва Толстого. При этом затрагиваются и социологические проблемы, которые обозначил В. И. Ленин в своих статьях в честь 80-летия Льва Толстого (1908) и по поводу его смерти (1910), когда он заявил: «...идеологией восточного строя, азиатского строя и является толстовщина в ее реальном историческом содержании»¹¹.

I

Кто такой Бертольд Ауэрбах?

Его настоящее имя — Мозес Барух Ауэрбахер. Он родился 28 февраля 1812 г. в Нордштеттене, деревне с таким высоким процентом еврейского населения, что для еврейских детей существовала отдельная школа, и был девятым ребенком из двенадцати. В возрасте 13 лет Ауэрбах перешел в школу в Карлсруэ. «С тех пор он стал называть себя Бертольдом Ауэрбахом»¹². В 1832 г. он поступил в Тюбингенский университет, где слушал лекции Давида Фридриха Штрауса. «Мне выпало

счастье уже тогда сблизиться с ним, и между нами установилась крепкая дружба длиною в жизнь», — вспоминал Ауэрбах позже¹³.

Благодаря резкой религиозной критике Штрауса Ауэрбах приблизился к религиозному либерализму. «Штраус, основатель и приверженец тюбингенской школы, в своей книге „Жизнь Иисуса“, вышедшей в 1835 г., подверг резкой критике Библию»¹⁴. В то время это считалось революционным и послужило в конце концов толчком к тому, что после возмущения консервативных и пietических кругов он был лишен звания профессора догматики.

Когда Штраус работал над народным изданием «Жизни Иисуса», перевод которого на английский и французский языки был готов еще до выхода в свет немецкого издания, Ауэрбах написал ему, что «следовало бы одновременно выпустить и русский перевод».

Позаботиться о нем Ауэрбах предложил Вильгельму Вольфзону и добавил при этом: «Штраус должен получить гонорар». Таким образом он коснулся проблемы, которую Ганс Ульрих Велер в «Немецкой общественной истории» обозначил как «результат статуса неустойчивости»; его переживали многие либералы и критическая интеллигенция до и после революции 1848 г. Это — болезненное несоответствие между долгим ожиданием и реальным социальным положением.

В июне 1833 г. Бертольд Ауэрбах был арестован «за соучастие в одном предательском объединении», как значилось в приказе. В ноябре 1833 г. он был исключен из университета и поставлен под полицейский надзор. Будущий писатель потерял свою студенческую стипендию, а в конце 1836 г. был приговорен к двум месяцам заключения, при этом он сам должен был оплатить свое пребывание. Однако уже в 1834 г. он смог в порядке исключения продлить учебу в Гейдельберге, в «этом оплоте немецкого либерализма». Здесь «он познакомился с настроениями местного реформистского еврейства, благодаря чему укрепилось его решение стать раввином»¹⁵. Но он не был допущен к экзамену на звание раввина, и его хлопоты с 1840 г. о месте для проповеди в синагоге г. Гамбурга оказались напрасными. Поэтому он, как и многие другие его современники, искал для себя какую-нибудь газету или книгу для использования ее в качестве светской, а точнее сказать, светско-религиозной кафедры.

Пробить брешь удалось в 1843 г. «Шварцвальдскими деревенскими рассказами», которые принесли ему и только что организованному либерально-демократическому издательству «Mannheimer Verlag von Friedrich Bassermann und Karl Mathy» огромный успех. Общий тираж «Шварцвальдских деревенских рассказов», выпускаемых издательством в течение последующих 14 лет, до ликвидации издательства, достиг 37 тысяч экземпляров. В издательстве «J. G. Cotta» в Штутгарте ти-

раж повысился за следующие 13 лет на 32 тысячи. Издание 1843 г. состоит из двух томов. В 1854 г. оно стало четырехтомным. Штутгартское собрание сочинений Ауэрбаха (1857) представлено восемью томами. Его и приобрел Толстой. «Шварцвальдские деревенские рассказы» были переведены на английский, французский, итальянский, нидерландский, румынский, чешский, польский и русский языки. О таком успехе не могли предположить 12 издательств, в том числе и очень известных, отказавшихся их печатать. О литературном значении как «Шварцвальдских деревенских рассказов» и их расширенных изданий, так и «Ларца кума-батюшки» (1845–1848) было много написано. Особенно интересен глубокий литературно-исторический сопоставительный анализ жизни и творчества писателей Б. Ауэрбаха и Л. Толстого, проведенный Г. Геземаном (1926) на основе дневниковых записей Толстого за период с 22 мая 1860 г. по 21 апреля 1861 г. При этом он опирается на второе издание 22-томного собрания сочинений Ауэрбаха 1861–1864 гг.; толстовские записи, однако, были сделаны еще и ранее. Уже летом 1860 г. Толстой был знаком с деревенскими рассказами Ауэрбаха, которые были опубликованы в восьмитомном собрании сочинений 1857 г. и которые Толстой, вероятно, приобрел для своей яснополянской библиотеки во время первой поездки в Западную Европу. Как повествует радикал-демократ Юлиус Фребель (1805–1893) в своей биографии, Толстой при встрече с ним в Киссингене выразил «удивление тем, что он в немецких крестьянских домах не увидел ни рассказов Ауэрбаха, ни стихов Гебеля <...> Русский граф обожал этих двух немецких писателей...»¹⁶. До сих пор почти не обращалось внимания, а если и обращалось, то очень мало, на общественно-историческую значимость ранних произведений Ауэрбаха с целью исследования вопроса, нет ли у них с Толстым пунктов соприкосновения. Общественно-исторический анализ творчества Бертольда Ауэрбаха может быть предпринят с трех позиций.

Во-первых, на основе его трактата 1846 г. «Творчество и народ. Главные черты народной литературы, включая характеристику И. П. Гебеля», который он посвятил реформистскому политику и реформатору школы Адольфу Дистервегу (1790–1866).

Второй подход может быть ориентирован на литературно-критическую постановку вопроса о «жанре деревенских рассказов и крестьянского романа».

И, наконец, послереволюционный роман «Новая жизнь» дает возможность показать, какие уроки извлек Ауэрбах из буржуазной революции 1848 г. и как он отделяет реформистский конституционный либерализм, который он представляет, от радикально-демократического либерализма баденской революционной армии.

II

Творчество и народ

Уже в первой главе трактата Бертельд Ауэрбах рассматривает «понятие народа в его отношении к литературе» и выражает мнение, что народ «черпает свое жизненное и литературное мировоззрение из собственного опыта и непосредственного окружения», а не из «абстрактных общих законов и правил». Решающим для народа является «соответствие опыту». «Притча» и «народная песня» — это формы, в которых «мировая мудрость» дополняется «народной».

Быстрые социальные перемены Ауэрбах не встречает романтическим прославлением прошлых общественных отношений. Он посвящает себя им, он защищает новые возможности и коммуникации, которые благодаря «изобретению прессы» и железной дороги, способной преодолевать большие расстояния, ведут к изменению структуры общественного мнения. Конструктивно он ориентируется на изменившиеся общественные отношения и пишет: «Мы не должны жаловаться на то, что у старых народов исчезло что-то национальное и органичное, или пытаться его восстановить в старой завершенности» (186)¹⁷. Под влиянием диалектики Гегеля, с которой он познакомился благодаря тюбингенскому учителю Давиду Фридриху Штраусу, с ее двойным значением слова «поднимать», а именно, с одной стороны — «проштудировать», а с другой — «перевести на новый уровень», народный писатель Ауэрбах раскрывает для себя будущее: «Для настоящего исторического процесса важно, чтобы мы не лишились предшествующих моментов, мы должны сохранять в нем и старые ступени развития» (188).

Примечательно толкование Ауэрбахом определяющего значения нации, которое было основным лозунгом во французской революции. Как относится к этому писатель? Ауэрбах защищает не национальные разграничения, а выступает за общественно-политическую концепцию интеграции. Он предлагает к тому же двойную стратегию религиозного и национального образования. «Задача религиозного образования: развить то общее, что стоит выше всех народов; задача национального образования: сохранить их особенности. <...> Национальности не являются препятствием для единства людей: единство в многообразии служит высшим законом гармонии» (55. Курсив мой.— Б. Б.).

Задачу народного писателя он видит в том, чтобы «удалить пережитое и затхлое в умах и стремиться разбудить то хорошее, которое еще дремлет», а также «попытаться поставить на свои места соответствующие формы жизни» (359). Поэтому народный писатель должен

принимать участие в общественной жизни «через демократические формы управления» (354).

Дуализм, имеющий свои корни в немецком идеализме, «фальшивая абстракция идеи и действительности, мысли и дела», и, можно продолжить в духе Ауэрбаха, господ, которые приказывают, и рабов, которые должны слушаться и выполнять указания, «проникли во все области». И тогда нужно признать, что это больше не «почетное звание», когда о ком-то скажут: «Политика его не интересует» (355).

Как раз это качество и критикует Ауэрбах в Иоганне Петере Гебеле: «Гебель очень заботится о мельчайших деталях в личной и домашней жизни» (352). А «к гражданской и общественной жизни он почти не проявляет никакого интереса» (353). «Он никогда этого не говорил», — пишет Ауэрбах о Гебеле, но создается впечатление, как будто где-то в глубине его души живет мысль: «Будьте радостны и смелы, а все остальное поручите Богу и вышестоящим органам власти» (364). По-другому рассуждает Ауэрбах, для которого: «политическая добродетель — это плод личной добродетели» и: «как свободные характеры создают необходимые свободные институты, то также и наоборот» (356).

Свободе институтов пытаются препятствовать «полицейское государство» и «церковная полиция». Этой теме Ауэрбах посвящает целую главу в своем трактате «Творчество и народ» (с. 134–161), что является большой смелостью, потому что общественным базисом полицейского государства являются и цензура, и усиление методов надзора, регулирования, регистрации, приказов и запретов, наглядным примером чему послужил шварцвальдский деревенский рассказ «Befehlerle». Под церковной полицией Ауэрбах понимал «угрюмый пиетизм» (138) в Швабии, основанный на запрете передаваемых из поколения в поколение народных развлечений из-за их греховности.

Так как для Бертольда Ауэрбаха общественное освобождение основывается на эманципации индивидуума, речь должна идти прежде всего о задачах образования. Подобно Яну Амосу Коменскому (1592–1670), по которому необходимая государственная реформа должна проводиться через реформу образования, Ауэрбах заявляет: «Принцип новой мировой и народной жизни — свободное образование» (358), при котором «образование людей и свободная гражданская жизнь должны идти рука об руку» (359). Этот процесс эманципации он сравнивает со стремлением евреев «к внутренней и внешней свободе <...> — подобная задача стоит перед народным писателем» (358), которую Ауэрбах описывает опять-таки как двойную стратегию «религиозного образования» и — в этот раз вместо националь-

ного — «политического образования» в самом широком смысле этого слова». Первое должно обозначать «преодоление самого себя и возрождение», цель второго — разбудить и укрепить «свободное чувство собственного достоинства человека в личном, общественном и государственном аспекте» (361. Курсив мой. — Б. Б.).

Свое педагогическое кредо Ауэрбах выразил одним предложением: «Кто хочет воспитать действительно хороших людей, тот должен воспитать их свободными» (359).

В составленном в 1858 г. послесловии к трактату «Творчество и народ» Ауэрбах писал по поводу общественно-политической цели этого произведения: «Я попытался таким образом выполнить мой не только профессиональный, но и гражданский долг: выразить свое мнение по вопросам моего времени и моего отечества. Эта книга также пропитана настроениями середины сороковых годов, когда мы все, <...> кому дорога человеческая и отечественная свобода, смотрели вперед с надеждой на будущее. С тех пор мы многое потеряли, но кое-что и приобрели <...> Я твердо убежден, что человечество и мое отечество шагают навстречу свободе. Как ни ограничен вклад каждого в отдельности, он должен содействовать этой высокой задаче»¹⁸.

Развитые в трактате «Творчество и народ» «основные черты народной литературы», как это значится в подзаголовке, содержат общественно-историческую концепцию, которая легла в основу как «Шварцвальдских деревенских рассказов», так и «Ларца кумабатюшки» (1845–1849) и «Немецкого семейного календаря» (1858–1869). С точки зрения социологии, это начало гласности, развивающейся до и после революции 1848 г.

Для писателей встает эстетическая проблема их творчества, которая дискутируется до сегодняшнего дня. Должен ли их труд быть политизированным? Ауэрбах поднимает этот вопрос в трактате. Это место отмечено в издании, хранящемся в яснополянской библиотеке, — загнут уголок страницы 103, как предполагает секретарь Толстого Булгаков, Львом Николаевичем Толстым¹⁹.

Высказывания Бертольда Ауэрбаха по этому вопросу содержатся в произведении «Народная поэзия и практическая гуманность»: «Политика, как и любое другое занятие людей, может стать предметом поэзии, но она должна <...> соединить устремление временного и вечного и стать произведением искусства <...> Шиллер делал это в возвышенном стиле, сильнейшие из его стихотворений пронизывает политическое сознание, часто в виде предсказаний, а кто откажет его образом в поэзии?»²⁰

Ту же проблему затрагивает Толстой 4 февраля 1859 г. в своей «Речи в Обществе любителей словесности». В ней он заявляет, что

литературное творчество должно отвечать задачам искусства и эстетики, то есть чистого искусства. Если она будет полагаться на «права временного и случайного в области слова», что председатель Общества Алексей Хомяков не исключает, то литература «из-за революционно-демократической критики сократит свои функции до общественно-критических обвинительных», чего и боится Толстой.

Как Ауэрбах в своем труде 1846 г. пытался соединить обе задачи литературы, так и Хомяков считал, что «права словесности, служительницы вечной красоты, не уничтожают прав словесности обличительной, всегда сопровождающей общественное несовершенство, а иногда являющейся целительницей общественных язв <...> Так сливаются две области, два отдела литературы; <...> так писатель, служитель чистого искусства, делается иногда обличителем, даже без сознания, без собственной воли и иногда против воли. Вас самих, граф, позволью я привести в пример», — заявил председатель Общества и напомнил Толстому, как он на примере умирающего ямщика, больного чахоткой, в «Трех смертях» (1858) обличил равнодушие и безучастие его товарищей как общественную болезнь и порок. И потом Хомяков пророчески добавил: «Да, — и Вы были, и Вы будете невольно обличителем. Идите с Богом по тому прекрасному пути, который Вы избрали!»²¹

Граф Лев Толстой пошел по этому пути и в своем художественном творчестве, и в статьях, касающихся теории искусства. Правда, он выбрал при этом путь социальной, а не политической революции. Он не обещал никаких обновлений, ни частных, ни общественных, путем захвата власти. Более того, он представлял стратегию ненасильственного обновления через неподчинение. «Противление злу ненасилием», то есть социальное неподчинение, — это, по Толстому, единственный путь, приемлемый для того, чтобы добиться самоопределения и других целей. Русский князь Петр Кропоткин, социалист, живший в Лондоне в эмиграции, обозначил их позже названием своей известной книги «Хлеб и воля». В речи по случаю смерти Толстого Николай Ерданинский, народоволец в прошлом и социал-демократ в настоящем, назвал его «апостолом и пророком социальной революции»²².

Можно ли сказать, что структурное изменение политического сознания общественности в буржуазном обществе, которое Толстой встретил в произведениях Ауэрбаха, так его тронуло, потому что в творчестве немецкого писателя он смог увидеть много общего со своей историко-общественной проблематикой и вопросами искусства? В статье «О народном образовании», первой в педагогическом журнале «Ясная Поляна» (январь 1862 г.), он пишет: «...мы, русские, живем в исключительно счастливых условиях относительно народного

образования, что наша школа <...> не должна служить известным правительственный или религиозным целям, не должна вырабатываться во мраке отсутствия контроля над ней общественного мнения...», в отличие от «европейских школ» (8, 21). Как раз изданием педагогического журнала Толстой хотел вызывать к дискуссии общественность и попытался «нарушить спокойствие педагогов-теоретиков». Подобно Ауэрбаху, Толстой не мог приветствовать отчужденность литературы от жизни. 19 января 1858 г. он записал в Дневнике: «Чем справедливее, тем общее, и тем холоднее, чем ложнее, тем слаще. Я не политический человек, 1000 раз говорю себе» (48, 4). И потому он отклонил политическую революцию, но постоянно вмешивался в социальную.

В той же дневниковой записи Толстой упоминает как пример такой оторванности от жизни правоведа и публициста Бориса Николаевича Чичерина (1828–1904). Поучительно объяснение Толстым его намерения завязать дружбу с Чичериным. В неотправленном письме Чичерину (Дрезден. 6/18 апреля 1861 г.) Толстой высказывает убеждения, которые приобретались «не следованием курса и аккуратностью, а страданиями жизни и всей возможной для человека страстью к исканию истины» (60, 380).

Кто разорвет связь с литературной и политической общественностью, тому «странны, как учить грязных ребят» (60, 380), — пишет Толстой Чичерину, намекая на свою школу для крестьянских детей в Ясной Поляне.

Толстой и Ауэрбах — не политики, но они взяли на себя общественно-политическую роль защиты интересов общества как писатели. У Толстого подтверждений этому множество. Роман Бертольда Ауэрбаха «Новая жизнь» — литературное доказательство его позиции ненасильственной политики и его признания приватной сферы общественности. В письме к другу — журналисту и врачу Максу Рингу от 18 января 1858 г. Ауэрбах высказал намерение, которое он преследовал своим романом: «Я начал повествование там, где другой бы его завершил, сделав предысторию героя романом и заключив его словами: «Отныне он решил посвятить себя народу». Я же показал, как это стремление служению народу претворяется в жизнь и, если я этим попытался изобразить будущее существование реалистическим способом, то я хотел этим показать не только новую жизнь отдельного человека, но и новую жизнь, которую должно принести новое время»²³. Подводя итоги, он говорит: «Я верю, что об общем в мире сказано достаточно, теперь нужно показать, как должна быть устроена личная жизнь, властью и проповедями миру не поможешь. Это должен быть незаметный труд отдельного человека»²⁴.

III

**Жанр деревенских рассказов
и крестьянского романа**

«Шварцвальдские деревенские рассказы» Бертольда Ауэрбаха были причислены к жанру деревенских и крестьянских рассказов. За десятилетие до начала буржуазной революции 1848 г. этот жанр «стал внезапно широко распространяться. <...> Деревенскими рассказами был заражен воздух»²⁵. С самого начала оспаривался вопрос, кто основатель этого жанра. В 1837 г. появился роман швейцарца Иеремии Готгельфа (1797–1854) «Зеркало крестьянина», о котором было сказано, что это — первый крестьянский роман в Европе. За ним в 1838–1839 гг. последовал «Двор» Карла Иммерманна (1796–1840) — вестфальская деревенская повесть. В открытом письме журналу «Европа» Ауэрбах, первый деревенский рассказ которого «Увалень» появился в 1842 г., заявил, что «Иммерман придал ему мужества, но не вдохновения»²⁶.

Когда Ауэрбах опубликовал в 1843 г. первое собрание своих «Шварцвальдских деревенских рассказов» в издательстве «Mannheimer Verlag», основанном Фридрихом Даниелем Бассерманном и Карлом Мати, его издатели задумались над определением их жанра. Потом они решили оставить так, «как Ауэрбах обозначил это в заголовке: *conditio sine qua non*»²⁷. Успех этого издания был так велик, что литературный жанр деревенских рассказов стал неотделим от имени Бертольда Ауэрбаха.

Говоря об общественно-историческом месте деревенских и крестьянских рассказов, следует вспомнить «новую систему Меттерниха», которая установилась именно в эти годы как реакция на июльскую революцию 1830 г. Это было время, когда молодые немецкие писатели (например, Генрих Гейне и Карл Гудков) были запрещены Бундестагом. Но запрет революционной литературы можно, вероятно, связать и с позитивным моментом, а именно с тем фактом, что он привел к усилению развития христианской литературы. «Была сделана последняя попытка ту область литературы, где особенно успешно развивались процессы эманципации и секуляризации, направить назад в универсальное христианское русло»²⁸. Главным борцом против неверующих был теологический факультет Берлинского университета и прежде всего профессор Эрнст Вильгельм Генгстенберг, издатель церковной евангелистской газеты. Из-за цензуры и борьбы реакционных сил в печати против либерального буржуазного движения домарковского периода «был рекомендован побег в малый мир» деревни²⁹. Для деревенского рассказа характерно «своеобразное смешение эпи-

ки, идиллики, фольклористики и дидактики»³⁰. «Важно не отображение реального общества, а изображение идиллических картин»³¹. «Речь идет о новом виде сатирической идиллии. Наиболее четко это просматривается у Бертольда Ауэрбаха. Он рассматривает деревню как часть всего общества»³². И тем не менее некоторые из его рассказов можно считать «предвестниками революции». В них он выступает за гражданские демократические права, такие как равноправие, свободные народные собрания, выборное право, суды присяжных, политические и религиозные свободы. В «Шварцвальдских деревенских рассказах», изданных в 1843 г., «отражена вся программа тогдашней либеральной партии»³³. «Так и слышится новый звук из этих тихих рассказов — ауэрбаховских; шварцвальдовцы были детьми своего времени, которых он однажды метко назвал «детьми недовольного мира», — писал в 1930 г. талантливый историк Валентин Вейт³⁴.

«Умеренного либерала» Ауэрбаха можно отнести к левому крылу крестьянской прозы, потому что он «никак не обнаружил своих революционных взглядов»³⁵. «Творчество же Готгельфа имело противоположную общественную функцию <...> Деревня становилась крепостью против исторического движения, в которое бесповоротно был вовлечен город»³⁶.

Ауэрбах никогда не заходил так далеко, чтобы в борьбе против урбанизации и капитализма и в отвращении к процессу модернизации и прогрессу с его отрицательными сторонами очернять город и прославлять деревню. Здесь уместно вспомнить рассказ Ауэрбаха «Профессорша» (1846), в котором одна крестьянская девушка выходит замуж в город. Проблемы, которые появляются при этом, описываются без ненависти к городской цивилизации. В другом рассказе «арестант» и его юная девушка, которые благодаря новому объединению для бывших заключенных смогли устроиться в деревне и которым на конец через посредничество либерального кандидата Ландтага возвращается справедливость, находят пристанище в уютном домике рядом с железной дорогой. Рассказ символизирует «единение идиллии и прогресса».

Общественную позицию Ауэрбаха можно считать социально-утопической, социально-романтической, социально-реформистской, но ни в коем случае не антимодернистской или социально-реакционной. В своем программном труде «Творчество и народ» он заявляет: «Свободная конкуренция во всем, одинаковые права всех и вытекающая отсюда всесторонняя свобода каждого — это и есть принцип новой государственной и общественной жизни»³⁷. Вместо коллективной сплоченности отдельных людей, которая раньше обеспечивала

лась сословной принадлежностью и членством в корпорациях, для Ауэрбаха наступила свободная «жизнь в объединениях», которая в первую очередь служит интересам тех, кто объединяет свои рабочие силы. Для него союзы ремесленников и братства рабочих должны стать со временем зачинателями «нового жизненного и <...> ведущего организма» всего общества. Ассоциация является для него общественным примером будущего в настоящем.

В этом основополагающее общественно-историческое отличие либерального Бертольда Ауэрбаха от консервативного Готгельфа из Швейцарии и последующего поколения авторов деревенских рассказов и крестьянских романов, таких как Людвиг Анценгрубер (1839–1889) и Петер Розегерр (1843–1918) из Австрии, Вильгельм Раабэ (1831–1910) из Брауншвейга. В «Немецкой истории общества» Ганс Ульрих Велер характеризует жанр последующих крестьянских романов как «новый романтизм, враждебно настроенный по отношению к цивилизации, <...> с «идеализацией деревни», которая далека от реальности; она внесла свою лепту в современный немецкий культурный пессимизм»³⁸.

Ауэрбаховские «непринужденные отношения между городом и деревней» можно объяснить «распространенной урбанизацией», которую встретишь «не так уж редко в южной Германии». В Пруссии же, напротив, «быстро перестроенная политической властью столица страны и мира Берлин способствовала возникновению абстрактного стиля и апокалиптического видения»³⁹.

Но у Ауэрбаха есть и еще нечто, не позволяющее ему соскользнуть на путь антимодерниста и врага цивилизации. Следует заметить, что только однажды об этом упоминалось негативно. Известный немецкий историк прошлого столетия Генрих Трейчке, с одной стороны, отмечает, что деревенские рассказы Ауэрбаха «вызывали реалистический сдвиг, способствовали формированию демократического мировоззрения нового поколения и благодаря этому обрели значимость для мировой истории». Но тут же напоминает, что Ауэрбах происходил из еврейской или полуеврейской деревни, расположенной на немецкой земле. «Подверженный влиянию Спинозы, он пробовал себя в поэзии и работал с еврейским материалом, и вдруг потом сделал широкий шаг из гетто в немецкую народную жизнь»⁴⁰. Антисемитизм и расизм Трейчке достиг апогея в его следующем заявлении: «Отдельные крестьяне, если их получше рассмотреть — это переодетые евреи»⁴¹ (курсив мой.— Б. Б.).

Для Ауэрбаха не было никакого сомнения в том, что общественная свобода его еврейских единомышленников может быть достигнута только в связи с социальными изменениями современности, а не через

антимодернизм и возврат в прошлое. В этом смысле он старался «внести свою лепту в процесс слияния немецких граждан своих собственных корней с немецкими гражданами германского и славянского происхождения в единый народ, без оглядки на различие исповеданий и рас...»⁴².

После поражения буржуазной революции 1848 г. у некоторых писателей происходит «идеологическое изменение когда-то прогрессивной крестьянской эпопеи от буржуазно-прогрессивного изображения крестьян к буржуазно-консервативному»⁴³. В отдельных случаях оно уже наблюдается в жанре деревенских рассказов и крестьянского романа до 1848 г. Можно говорить об идеологизации этого жанра как народного (в шовинистическом понимании этого слова) и о влиянии на него фашизма. Но эта тема остается за рамками моего исследования.

Начавшаяся в 1843 г. популярность ауэрбаховских деревенских рассказов объясняется не в последнюю очередь их либеральной тенденцией. Так как их успех нельзя не признать, этот умеренный либерализм конца XIX в. преподносится как еврейский, с тем чтобы впоследствии объявить его не немецким.

IV

Новая жизнь

«Революция в Германии закончилась, но дух революции не умер»⁴⁴. Это заключение из последней главы «Истории немецкой революции 1848–1849 гг.» Валентина Вейта можно поставить эпиграфом к роману Бертольда Ауэрбаха «Новая жизнь». Я предполагаю, что этот роман побудил Толстого в 1859 г. открыть школу для крестьянских детей в Ясной Поляне⁴⁵.

В февральской рецензии 1852 г., опубликованной в либеральной «*Berliner National-Zeitung*», Макс Ринг пишет: «После всей этой бесполезной борьбы демократических сил писатель попытался указать новый путь, каким они могли бы идти. Он называется самопожертвование и бесконечное самоотречение <...> Кто хочет действительно помочь народу, должен сам отказаться от эксклюзивного образования и мировоззрения, это значит, в буквальном смысле, начать новую жизнь <...> На примере отдельного человека Ауэрбах показывает те задачи, которые стоят перед демократическими силами новейшего времени. Они должны спуститься к народу, не руководить им, а только стремиться его развивать...»⁴⁶

Роман Ауэрбаха появился после поражения демократической буржуазной революции 1848 г., когда всюду царили растерянность и разочарованность. Писателю захотелось извлечь уроки из революции,

написать «поучительную историю», как гласит подзаголовок, убранный из первого издания по совету издателя Мати и возвращенный в собрании сочинений, изданных «J. G. Cotta». Послереволюционную общественную реформистскую концепцию, которую несмотря ни на что Ауэрбах все-таки представляет, он распространяет в немецкой стране, где революция 1848 г. зашла дальше всего и чье население пережило самое жестокое поражение. Это случилось в великом герцогстве Бадене, где в первый раз немецкая страна сделала переход от монархии к республике. Чтобы защитить первую немецкую демократическую государственную Конституцию, принятую Франкфуртским Национальным собранием, в мае 1849 г. снова возникло революционное движение, как это уже было за год до этого. Большинство баденских военных присоединилось к революции.

Коалиции войск различных немецких государств удалось подавить революцию. Также в королевстве Саксония и баварском Пфальце развернулась гражданская война из-за государственной Конституции Национального собрания. Но в Бадене были проведены казни под давлением прусских оккупационных властей, потому что Пруссия хотела, «чтобы ее воспринимали как великую силу антиреволюционной Европы» наравне с Австрией и Россией, «и поэтому должна была пролиться кровь»⁴⁷.

Еще и сегодня живет в воспоминаниях жителей Бадена жестокое подавление революционного движения и взятие прусскими военными силами крепости Раштадт с почти шестью тысячами солдат и партизан. После капитуляции пленные были осуждены как мятежники и преступники и вопреки обещаниям приговорены прусскими военно-полевыми судами к смерти. Также в Мангейме и Фрейбурге было вынесено большое количество смертных приговоров, многие революционеры были брошены в тюрьмы.

Но участников революционного движения оказалось так много, что наказать всех было невозможно, потому что «нельзя же в конце концов расстрелять две пятых жителей Бадена и две пятых отправить на каторгу»⁴⁸. Тем не менее не было почти ни одной семьи, которая бы не подверглась преследованиям. Это привело к тому, что из 1,4 миллиона жителей Бадена покинули страну 80000 человек, что составляет 6 % его населения. Большинство выехало в Америку. Оставшиеся, а их было около тысячи, согласно официальной статистике, последовали в тюрьмы великого герцогства. «Победа контрреволюции в Германии означала банкротство существующих до этого революционных метода и идеи, как идеи вообще», и впоследствии на их место должна встать «авторитарная политика власти, естественно-научная переоценка себя и марксистский социализм»⁴⁹.

Что было бы самым разумным в этой ситуации? Где искать свое благо, во внутренней или внешней эмиграции? Что делать, приспосабливаться или попытаться захватить власть?

На эти вопросы и отвечает Бертольд Ауэрбах в своем романе «Новая жизнь». Его герой — штабс-офицер баденской революционной армии. После падения крепости Раштадт он попадает в прусский плен и, вопреки обещанию, должен быть казнен. Ему удается бежать, как и многим другим, прибывшим в Америку через Швейцарию и Францию. В дороге на одном из привалов он знакомится с молодым учителем, который едет к своему месту работы в одну из деревенских школ Шварцвальда, но который куда охотнее отправился бы в Америку, где живет его сестра, вышедшая замуж за политического беженца. Оба приходят к единодушному заключению, что каждый охотнее выполнит роль другого. Они меняются своими документами. Сельский учитель с фальшивыми документами и деньгами сбежавшего офицера революции отправляется в Америку, в то время как революционер с бумагами другого устремляется в шварцвальдскую деревню, чтобы в роли сельского учителя при помощи школьного и народного образования *снизу и в узком кругу* достичь того, чего он не смог достигнуть с оружием в руках, *в большом сверху*.

Можно предположить, что в основу сюжета была положена история жизни издателя Карла Мати, который, как политический беженец, был сельским учителем в Швейцарии. Семьи Ауэрбаха и Мати общались тепло и сердечно со временем «открытия» «Шварцвальдских деревенских рассказов» женой Мати.

В 1832 году Мати организовал политический журнал «Гость времени, народный журнал Германии», который выходил два-три раза в неделю. Мати несколько раз помогал политически неблагонадежным бежать во Францию и за это был арестован, но через месяц отпущен.

Весной 1835 г. полиция при обыске в доме арестованного друга Карла Мати нашла компрометирующий его материал. Карл фон Роттек, профессор из Фрейбурга, издатель либерального и влиятельного журнала «Staatslexikon», предупредил Мати о грозящем ему новом аресте, и тот бежал вместе с женой в Швецию.

Мати стал работать переводчиком в журнале, который инспирировал руководитель радикального крыла итальянского национально-освободительного движения Джузеппе Мадзини (1805–1872). Одновременно Мати подрабатывал в школе, замещая учителей. Чтобы работать в качестве постоянного преподавателя, он выдержал экзамен, и школьный совет при этом мог препятствовать его аресту и высылке.

В марте 1838 г. Мати получил диплом и место учителя в Гренхене. В 1862 г. Мати в своем труде «Из жизни одного школьного учи-

теля» описал свой педагогический опыт⁵⁰, а Густав Фрейтаг в своей «Maty-Biographie» посвятил ему отдельную главу⁵¹. Семья Мати в конце 1840 г. возвратилась назад в Баден. С тех пор Мати работал в качестве редактора различных либеральных газет, а с 1843 г. стал совладельцем издательства в Майнгейме «Friedrich Bassermann Verlag». В 1842–1862 гг. он был депутатом II палаты баденского ландстага лидеров либералов и в 1848 г. вместе со своим компаньоном по издательству Фридрихом Даниилом Бассерманом — депутатом национального собрания церкви Св. Павла во Франкфурте.

Бертольд Ауэрбах в октябре 1851 г. в письмах своему племяннику Якобу Ауэрбаху пишет о романе «Новая жизнь», что он педагогический в узком и широком смыслах этого слова и его цель — способствовать определенному «обновлению жизни»⁵². В своей восьмистраничной рецензии, опубликованной в журнале «Die Grenzboten», Густав Фрейтаг отметил в романе «многие интересные наблюдения в области образования и детского воспитания»⁵³.

Сам Ауэрбах высказался еще раз, и довольно подробно, о своем романе в письме из Дрездена к Якобу Ауэрбаху (декабрь 1852 г.). Прежде всего он заявил, что его опасения по поводу цензуры в Германии и в Австрии были напрасными.

Далее он подчеркнул, что, как он смог узнать на одном из учительских семинаров, ему удалось «реформистски повлиять на понятие геройства, поставленное с ног на голову»⁵⁴, то есть заострить внимание читателей на малом и конкретном, на строительстве нового общественного строя «снизу», а не «сверху» и к тому же без насилия. Ауэрбах пишет, что оденивает это намерение «как интерес личной преданности демократии, которую я стремлюсь углубить и пытаюсь оформить довольно-таки своеобразно в этой книге»⁵⁵.

В своей рецензии Густав Фрейтаг формулирует замысел романа следующим образом: Евгений Бауман, штабс-офицер баденской революционной армии, преисполнен желания мирным путем «работать с немецким народом для воплощения в жизнь идеалов человеческого счастья и свободы. Он узнает, что это может произойти только в том случае, если один человек в узком кругу сможет добросовестно и много работать во всех областях повседневной жизни»⁵⁶, и далее Фрейтаг пишет: «Но основа всего действия следующая: один благородный мечтатель становится деревенским учителем, чтобы воплотить в жизнь свои убеждения, чтобы посвятить свою жизнь настоящему долгу образованного человека в Германии — воспитанию народа в узком кругу»⁵⁷.

Но если Макс Ринг одобряет роман Ауэрбаха, считая, что писатель пытался установить нормы и принципы» демократии «для

настоящего и будущего», то Густав Фрейтаг считает, что Ауэрбах в «Новой жизни» не привел доказательства правильности этого утверждения, и не в последнюю очередь потому, что вплел в действие много побочных аспектов. Так, Ауэрбах пишет, что Евгений Бауман — «внебрачный сын принца и фрейлины, от которого сразу же после рождения сбежала мать». Выросший, как сын пролетариев, на улице, он был впоследствии найден и усыновлен одним родственником. В глубине своей души он испытывал «тоску по матери, которую никогда не знал» (96), но которую он потом найдет в одной крестьянке из своей шварцвальдской деревни. «Такими приключенческими добавлениями Ауэрбах вредит основным идеям своего романа», — заявляет Фрейтаг и в негодовании вопрошаet: «Разве для того мы пережили 1848 год, чтобы наш писатель в 1852 заставил бегать внебрачных, но сентиментальных графских детей в поисках своих потерянных матерей?»⁵⁸

В ауэрбаховском «воспитательном романе» «Новая жизнь» вырисовывается с позиции сегодняшнего дня общественная реформистская концепция автора, который реагирует на потерпевшую поражение революцию 1848 г. следующим образом: он твердо стоит за равенство людей, которое устраниет устаревшие границы сословий. История жизни Евгения Баумана символизирует для него случайность признаков социального происхождения. Роман рассказывает о возможности перестройки общества путем проведения реформы образования снизу и без насилия.

Но эти начинания Ауэрбах считает опасными для реставрационных и репрессивных тенденций своего времени. В письме к Якову Ауэрбаху в декабре 1851 г. он жалуется: «Власть имущие берут образование юношества теперь в свои руки и портят все будущее. Всегда была надежда, что будущее поколение принесет освобождение, но это поколение теперь придет в отчаяние; ханжество и скепсис испортят его. Мы, мы-то выросли под мягким деспотизмом, который, изображая из себя гуманизм, поощрял иногда некоторые свободы. Теперь дело обстоит иначе. Я всегда противился тому, чтобы возвлажгать все надежды на Америку, но теперь обстоятельства меня просто вынуждают это делать. Если мы не способны к установлению достойных человека условий, боюсь, что следующее поколение будет еще неспособно к этому»⁵⁹.

Если посмотреть с точки зрения общественной истории, это положение похоже на то, которое переживал Толстой при царском режиме Николая I в России после 1848 г., когда в его ранние произведения вмешивалась цензура. На деятельность императора Николая I оказало влияние восстание декабристов, которое произошло в

декабре 1825 г., непосредственно перед его интронизацией. Он видел себя властителем, избранным Пророком для того, чтобы уберечь свой народ от ужасов атеизма и революции. Несмотря на то, что в 1848 г. в России не было общественных предпосылок для массового революционного движения, а потому и никакой революции, царский режим усилил репрессии. Была введена цензура цензуры; планы проведения аграрной реформы и освобождения крестьян, а также реформы местного управления провалились. «Семь мрачных лет, которые последовали за 1848 годом, были, однако, далеки от того, чтобы вызвать разочарование и апатию; более того, парадоксальным образом они создали основу для последующего русского оптимизма»⁶⁰, о чем не без удивления говорит Юлиус Фребель Толстому летом 1860 г. на курорте Киссинген. «Важным был тот факт, что жажда реформ не ослабевала. Напротив, она усиливалась. Но аргументы в пользу политической революции в свете ее такого откровенного фиаско на Западе стали звучать менее убедительно. Недовольные и взбунтовавшиеся русские интеллигенты в последующие тридцать лет обратили свое внимание на особенности их собственной внутренней ситуации и отклонили готовые лозунги, импортируемые с Запада <...> Вместо этого они посвятили себя новым учениям и акциям, которые настраивали на проблемы, стоящие перед Россией. Они были готовы учить и <...> стать прилежнейшими и преданнейшими учениками прогрессивных мыслителей Западной Европы, но учение должно было быть подогнано под специфические русские особенности»⁶¹.

То, что Ауэрбах не предлагает готовых решений, а только уверенность в будущем и особые формы деятельности для накапливания собственного опыта, возможно, и побудило Толстого, возвращаясь из поездки в Европу в апреле 1861 г., еще раз посетить Ауэрбаха. А может быть, Ауэрбах нравился Толстому тем, что не отказался от своих действий в литературной и политической сфере ни в пользу безропотного смирения, ни в пользу радикализации в форме захвата власти общественными сферами? Толстой описывает в своем Дневнике второй визит, который он нанес Ауэрбаху 21 апреля 1861 г. в Берлине на Potstädterstr., 134а, где Ауэрбах только осенью 1860 г. водворился на постоянное место жительства. Он был так восхищен Ауэрбахом, что после его имени поставил 15 восклицательных знаков, как отмечает русское издание Дневников Толстого (48, 35). В немецком переводе стоит только 10. Никакая другая личность в Дневниках Толстого не заслуживает подобного рода внимания. Толстой пишет: «Ауэрбах!!!!!!!!!!!! Прелестнейший человек!» Далее следуют названия рассказов Ауэрбаха и темы, которые они обсуждали в своих раз-

говорах. В конце записи он характеризует Ауэрбаха: «Ему 49 лет. Он прям, молод, верущ. Не поет отрицания» (48, 35).

Через четыре дня после посещения Толстым Ауэрбаха немецкий писатель рассказал об этом Вильгельму Вольфзону. Вильгельм Вольфзон (1820–1865) был борцом за эмансиацию евреев и крепостных в России. Они были знакомы с 1852 г., с тех пор, как Вольфзон поселился в Дрездене. Ауэрбах написал ему 25 апреля 1861 г. из Берлина: «Здесь два дня был граф Лев Толстой. Я радовался сердечно общению с такой идеально возвышенной натурой этого человека. Мы говорили с ним о возможности издания русского журнала, и он обещал мне и один, и вместе с Вами организовать это дело»⁶². Журнал, о котором упоминает Ауэрбах, назывался «Russische Revue». Вольфзон начал издавать его с 1862 г. Его цель — распространение русской литературы в Германии. В этом журнале издатель предлагал помещать исторические и литературные статьи, переводы выдающихся мастеров прозы и поэзии, сообщения о России из всех областей духовной жизни. Из письма Ауэрбаха также выясняется, что Толстой, возвращаясь из второй заграничной поездки, заехал на два дня в Берлин. А руководствуясь его дневниками записями, можно говорить лишь о его однодневном пребывании в Берлине.

Имеется еще одна связь Толстого с Ауэрбахом и Вольфзоном. Через два года после толстовского визита Бертольд Ауэрбах спрашивает в письме от 16 ноября 1863 г. Вильгельма Вольфзона: «Передал ли ты Толстому там мой проект о солдатских школах?»⁶³ Можно предположить, что Ауэрбах в 1863 г. послал Толстому рукопись своего проекта «Наброски к идеи солдатских общинных школ» (февраль 1863), где он выступает за необходимость проведения образовательной реформы с двух сторон. Он сранивает ее с железнодорожным тоннелем, который роют сразу с двух сторон горы. Если есть школы для детей, то должны быть школы и для взрослых. Их цель — борьба с безграмотностью и удовлетворение спроса гражданских органов самоуправления в коммунах и общинах. Для реализации этой цели он предлагает создать в армии институты для подготовки офицеров. Россия могла бы быть первой в этом начинании.

Один из вариантов проекта Ауэрбаха хранится в отделе рукописей Немецкого Литературного архива в Марбахе на Неккаре. Где находится оригинал, присланный Толстому Ауэрбахом, неизвестно. Надеюсь, что данное исследование вызовет интерес у ученых и побудит их к его поискам в толстовских архивах или среди правительственныех документов Министерства образования г. Петербурга.

¹ Bettelheim A. Berthold Auerbach. Der Mann. Sein Werk — Sein Nachlaß. Stuttgart/Berlin? 1907. S. 234.

² Schuyler E. Count Leo Tolstoy twenty years ago // Scribner's Magazine, Vol. V., Jg./1889. New York, P. 739.

³ Там же. S. 738.

⁴ Fröbel J. Ein Lebenslauf. Aufzeichnungen, Erinnerungen und Bekenntnisse. Bd. 2. Stuttgart, 1891. S. 75.

⁵ Cp.: Pechstedt E. Eine Eintragung L. N. Tolstojs im Fremdenbuch des «Hotels zum Kronprinzen» in Leipzig // Zeitschrift für Slawistik. Bd. 12. Berlin-Ost, 1967b. S. 108f.

⁶ Löwenfeld, R. Berthold Auerbach. Briefe an Wilhelm Wolfsohn // Nord und Süd. Bd. 42. Breslau, 1887. S. 288—298, 421—436.

⁷ Pechstedt E. S. 106f. Anm.2.

⁸ Там же. S. 109. Anm.37.

⁹ Schuyler, E. S. 738.

¹⁰ Löwenfeld R. Leo N. Tolstoj, sein Leben, seine Werke, seine Weltanschauung. Erster Teil. Leipzig, 1901. S. 127.

¹¹ Lenin W. I. L. N. Tolstoi und seine Epoche // Werke, Bd. 17. Berlin, 1963. S. 35.

¹² Hagen W. Nachwort // Berthold Auerbach. Erzählungen. Eine Auswahl. Schiller-Nationalmuseum Marbach a. Neckar, 1962. S. 120.

¹³ Bettelheim A. S. 60.

¹⁴ Wehler H. U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 2. Von der Reformära bis zur industriellen und politischen «Deutschen Doppelrevolution» 1815—1845/49. München, 1987. S. 438.

¹⁵ Hagen W. S. 122.

¹⁶ Fröbel J. S. 75.

¹⁷ Auerbach B. Schrift und Volk. Grundzüge der volkstümlichen Literatur, angeschlossen an eine Charakteristik J. P. Hebels. Leipzig, 1846. Здесь и далее в скобках указываются страницы по этому изданию.

¹⁸ Auerbach B. Schrift und Volk. Grundzüge der volkstümlichen Literatur, angeschlossen an eine Charakteristik J. P. Hebels. Bd. 20 // Gesammelte Schriften, 22 Bde. Stuttgart, 1863f. S. 255.

¹⁹ Уголки страниц загнуты на собрании сочинений Ауэрбаха, которое хранится в библиотеке Толстого, на томах 1, 4, 6 «Шварцвальдских деревенских рассказов», а именно: в первом томе на рассказах 1843 года — «Увалень» (с. 37 вверху: описание драки). — «Военная дудка» (с. 45, 51, 55, 61, все вверху: история одного молодого человека, отказавшегося от военной службы, который признается: «Я старательно отстрелил себе палец, чтобы меня не смогли сделать солдатом». С. 51). — «Фефеле, дочь деревенского богача» (с. 71 и 83 вверху; с. 87, 93, 97 внизу: история одной «меченой», которая имела врожденный де-

фект: одну ногу короче другой... так называют рыжих, горбатых, кривых, хромых, желая подчеркнуть, что Бог отметил этих людей... Из-за того, что к этим несчастным относятся с насмешкой и недоверчивостью, они почти всегда вырастают хитрыми, озлобленными и коварными: так первоначальное несправедливое предубеждение влечет за собой последствия, которые потом принимаются за подтверждение предубеждения». С. 71). В конце рассказа «меченая» заслуживает похвалу, у нее столько «ума, как ни у кого в городе». С. 97). — «Тонеле с прокушенной щекой» (с. 121 внизу. Начало рассказа). В четвертом томе, который содержит рассказ «Люцифер» (1847), загнут уголок на с. 19: здесь рассказывает о том, как человек после бури с градом усилием воли смог подняться, в отличие от растущего колоса. В шестом томе в рассказе «Брози и Мони» (1852) загнуты уголки вверху на с. 33 и 49 и внизу на с. 78. На с. 33 признается невеста Мони в отсутствие друзей: «Во всем огромном мире у меня нет ни одного человека, которого я могла бы пригласить на свадьбу. <...> Если я возьму левую руку в правую, то буду иметь всех моих друзей вместе», — признается она своему жениху Брози.

²⁰ A u e r b a c h B. Die volkstümliche Dichtung und die praktische Humanität. Bd. 20 // Gesammelte Schriften. 20 Bde. Stuttgart, 1857f. S. 102.

²¹ C h o m j a k o w A. Antwort des Vorsitzenden auf die Antrittsrede des Grafen Lew Tolstoi anlässlich seiner Wahl zum ordentlichen Mitglied der Gesellschaft der Freunde der russischen Literatur. Sitzung vom 4. Februar 1859 // Dieckmann E. Russische Zeitgenossen über Tolstoi. Kritiken, Aufsätze, Essays, 1855–1910. Berlin, Weimar, 1990. S. 51–53.

²² J o r d a n s k i N. Lew Tolstoi und die heutige Gesellschaft // Dieckmann E. 1990. S. 365.

²³ F r a n z o s K. E. Briefe von Berthold Auerbach (an Max Ring) // Deutsche Dichtung, Bd. 29. Stuttgart, 1901. S. 35f.

²⁴ Там же. S. 36.

²⁵ S e n g l e F. Wunschkund Land und Schreckbild Stadt. Zu einem zentralen Thema der neueren deutschen Literatur // Studium Generale, 16. Jg./ 1963. Berlin/Göttingen/Heidelberg. S. 623.

²⁶ B e t t e l h e i m A. S. 162.

²⁷ Там же. S. 129.

²⁸ S e n g l e F. Biedermeierzeit. Deutsche Literatur im Spannungsfeld zwischen Restauration und Revolution 1815–1848. Stuttgart. Bd. 1. Stuttgart. 1971ff. S. 177.

²⁹ S e n g l e F. 1963. S. 624.

³⁰ Там же. S. 623.

³¹ Там же. S. 621.

³² Там же. S. 624.

³³ R o g g e n E. Die Motive in Auerbachs Dorfgeschichten. Diss. Bern, 1913. S. 41.

³⁴ Veit V. Geschichte der deutschen Revolution von 1848–1849. Bd. 1. Bis zum Zusammentritt des Frankfurter Parlaments. Weinheim/Berlin, 1998. Unveränderter Neudruck der Ausgabe von 1930, S. 256.

³⁵ Sengle F. 1963. S. 625.

³⁶ Там же. S. 624.

³⁷ Auerbach B. Schrift und Volk. Grundzüge der volkstümlichen Literatur, angeschlossen an eine Charakteristik J. P. Hebels. Leipzig, 1846. S. 400.

³⁸ Wehler H. U. S. 173f.

³⁹ Sengle F. 1963. S. 29.

⁴⁰ Treitschke. H. Deutsche Geschichte im Neunzehnten Jahrhundert. Fünfter Teil. Bis zur März-Revolution. Leipzig, 1894. S. 385.

⁴¹ Там же. S. 387.

⁴² Brandes G. Berthold Auerbach. // Gesammelte Schriften, deutsche Originalausgabe. Bd. 1. Deutsche Persönlichkeiten. München, 1902, S. 100.

⁴³ Zimmermann P. Der Bauernroman. Antifeudalismus — Konservativismus — Faschismus. Stuttgart, 1975. S. 21.

⁴⁴ Veit V. Geschichte der deutschen Revolution von 1848–1849. Bd. 2 Bis zum Ende der Volksbewegung von 1849. Weinheim/Berlin, 1998. Unveränderter Neudruck der Ausgabe von 1930. S. 548.

⁴⁵ В толстовской библиотеке на с. 100 загнут уголок. Ауэрбах пишет о том, как раздражен истощенный и заболевавший сельский учитель. Далее, вместо загнутых уголков в романе (тома 14–16) встречаются многочисленные черкания и восклицательные знаки на полях и пометы на немецком языке, из которых можно предположить, что они сделаны еще при жизни Толстого. Они гласят: «Bravo!» (с. 21, строки 1–9 сверху); «wie wahr!» («как правдиво!») (с. 26, строки 4–6 снизу); «leider wahr!» («к сожалению правда!») (с. 31, строка 17 снизу); «bravo!» (с. 57, строка 5 снизу) и «pur?!!» («только?!!») (строка 12 снизу); «bravissimo» (с. 58, строка 8 снизу); «was (...) ich da?» («что (...) я здесь?») (с. 65, строка 8 снизу); «keck (смело)!», «Kriecherei (подхалимство)» (с. 66, строка 15 снизу и подчеркнута); (нрзб) (с. 86, строки 17–20 сверху); (нрзб) (с. 84, строки 5–11 снизу); «bravo!» (с. 155, строка 1 снизу). Роман был просмотрен до с. 209 т. 14.

⁴⁶ Ring M. Neues Leben von Berthold Auerbach // National-Zeitung (Berlin) vom 29.2.1852 / 5. Jg. No. 101. S. 2.

⁴⁷ Auerbach B. Neues Leben. Mannheim. Ab der Ausgabe in den Gesammelten Schriften von 1857f. mit dem Untertitel: Eine Lehrgeschichte. 1851. S. 536.

⁴⁸ Там же. S. 535.

⁴⁹ Там же. S. 548.

⁵⁰ Mathy K. Aus dem Leben eines Schullehrers. Wiesbaden // Freytag, Gustav, Hg., Neue Bilder aus dem Leben des deutschen Volkes. Leipzig, 1906. S. 554ff.

⁵¹ Freytag G. Karl Mathy. Geschichte seines Lebens. Leipzig, 1872 (2. Aufl.). S. 167–196.

⁵² Auerbach B. Briefe an seinen Freund Jakob Auerbach. Ein biographisches Denkmal. Frankfurt/Main, 1884. S. 83.

⁵³ Freytag G. Deutsche Romane. Neues Leben. Eine Erzählung von Berthold Auerbach // Die Grenzboten. Zeitschrift für Politik und Literatur, 11. Jg./1852, I. Semester, I. Bd. Leipzig, S. 101.

⁵⁴ Auerbach B. 1884. S. 84 f.

⁵⁵ Franzos K. E. S. 35.

⁵⁶ Freytag G. Deutsche Romane. Neues Leben. Eine Erzählung von Berthold Auerbach // Die Grenzboten. Zeitschrift für Politik und Literatur, 11. Jg./1852, I. Semester, I. Bd. Leipzig, S. 96.

⁵⁷ Там же. S. 97.

⁵⁸ Там же. S. 98.

⁵⁹ Auerbach B. 1884. S. 85.

⁶⁰ Berlin I. Russland und 1848 // Ders., Russische Denker. Frankfurt/Main, S. 31.

⁶¹ Там же. S. 38.

⁶² Löwenfeld R. 1887. S. 431.

⁶³ Там же. S. 436.

Л. Н. Розанова

Д. И. СТАХЕЕВ И Л. Н. ТОЛСТОЙ:
ЗАГАДКА ДУХОВНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ.
ИСТОКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СБЛИЖЕНИЯ

Н и в одной области литературоведения нет такой практической и теоретической путаницы, какая возникает при решении проблемы влияния. Огромное количество наслоений, как-то: библейские мотивы, бродячие сюжеты и образы; внешняя времененная, национальная, идеологическая схожесть; терминологическая неразбериха в понятиях влияния и реминисценции, типологии и конвергенции; решительное несогласие в этом вопросе компаративистов с «внутренним» литературоведением,— привели к очевидному кризису названной области науки. Основополагающим признаком такого кризиса мы считаем отсутствие четких критериев в определении понятия «влияние», размытость его контуров, т. е. принципиальная ненаучность того предмета, который вот уже много десятилетий является объектом анализа, материалом для диссертаций, монографий, статей и конференций.

Вероятно, ни Б. М. Эйхенбауму¹, ни М. М. Бахтину², ни Д. Дюришину³, ни Г. Б. Курляндской⁴ — а мы намеренно ссылаемся на самых глубоких, честных, талантливых ученых — не суждено спасти теории, разваливающейся на наших глазах. Здесь не помогут «инъекции» бахтинского типологического сходства или эйхенбаумовских конвергенций. Нам кажется, необходимо вернуться к самым истокам (а если говорить о Л. Н. Толстом, то к трудам Н. Н. Страхова, К. Н. Леонтьева, Л. Семенова и др.) и отказаться от бездумного перенесения в сферу духовности принципиального марксистского тезиса о возможности товарно-экономического сравнения лондонского дворца с сапожной ваксой.

Мы не берем на себя роль открывателя истины, но путь к ней попробуем предложить. Как известно, в наиболее чистом виде получить вещество можно при условии промывания или выпадения в осадок того, что остается после взаимодействия противоборствующих предметов. Вот почему «чистым» влиянием, если говорить о творчестве, мы назовем то, что «отломилось»; вне сознательного стремления к подражанию, ученичеству, т. е. в результате борьбы, противодействия, не благодаря, а вопреки желанию уйти от давления превосходящего и превосходного художественного опыта. Поэтому мы решили по-

пытаться исследовать явления так называемого отрицательного влияния, связанного с творчеством Л. Н. Толстого.

Как известно, резкая критика романов И. С. Тургенева и Н. Г. Чернышевского в конце концов — против воли писателя — привела к ощутимому их воздействию на «Войну и мир» и «Анну Каренину» (6, 7). Труднее определить характер литературного влияния на «отрицателей» самого Толстого⁵. Во-первых, так привыкли к преклонению его современников перед «великим писателем земли русской», что и представить себе нечто противоположное не можем. Во-вторых, разделяя вот уже более ста лет по милости Д. И. Писарева российских писателей на прогрессивных и реакционных, мы лишили себя целого пласта так называемой принципиально аполитичной российской беллетристики XIX — начала XX вв., который нашему поколению предстоит подымать заново и где как раз больше всего упомянутых «отрицателей».

Таким образом, желая определить характер влияния Л. Н. Толстого на русскую литературу, мы, для чистоты опыта, решили проанализировать творчество практически не известных двадцатому веку писателей прошлого, в той или иной мере отрицавших великого художника и мыслителя, но не сумевших избежать могучего воздействия его. Для этого нам пришлось изучить архивные материалы и исторические публикации, еще не вошедшие в научный обиход и посему сами по себе являющиеся немаловажным открытием.

Ярким примером того, насколько интересны даже первые шаги на этом пути, мы считаем находки, связанные с жизнью и творчеством прозаика, публициста, поэта и журналиста Дмитрия Ивановича Стакхеева (1840—1918). Начало писательской судьбы Стакхеева сходно с судьбами молодых А. В. Кольцова, А. Н. Островского, А. П. Чехова, вступивших в глубокий конфликт с традициями купеческого сословия. Дальнейший же его творческий, и особенно — человеческий, путь оригинален и показателен в том смысле, в каком личность может и должна быть автором собственной судьбы.

Но это тема отдельного исследования; нас же заинтересовало то, что Стакхеев восемнадцать лет жил в одной квартире с другом Л. Н. Толстого, критиком, философом, библиофилом Н. Н. Страховым, благодаря которому сблизился с учеными и литераторами К. Л. Бестужевым-Рюминым, А. Ф. Бычковым, В. Г. Васильевским, Ф. М. Достоевским, И. П. Зверевым, А. Н. Майковым, К. Н. Леонтьевым, В. С. Соловьевым, Т. И. Филипповым⁶.

Литераторы, собирающиеся у Страхова, весьма критически относились к общественному и художественному авторитету Л. Н. Толстого, поклонником и страстным почитателем которого был всю

жизнь Николай Николаевич. Особым скептицизмом отличался Стакхеев, несмотря на то, что Страхов всячески стремился сблизить его с Толстым, упомянув о нем в письмах к великому писателю не менее 13 раз⁷. Например: «От „Двух старииков“ я в полном восхищении, да и все смыслящие в деле, как, например, Кутузов, Стакхеев. У моего сожителя Стакхеева целый день навертывались слезы, когда он заговаривал об Вашем рассказе. Вот как Вы должны писать»⁸. «В Петербурге все гадко: сырой воздух, люди — чиновники, дома — казармы и т. д. <...> Разумеется, меня никто не ждал, и я никому тут не был нужен, кроме разве приятелей (Стакхеевых), которые имеют слабость любить меня»⁹.

Сам Толстой знал о Стакхееве не только как о хозяине квартиры, где жил его друг, или как о редакторе журналов «Нива» (1875–1877), «Русский вестник» (1886): он знакомился с его повестью «Кот»¹⁰, рекомендованной Страховым¹¹; в Яснополянской библиотеке есть «Сочинения» Д. И. Стакхеева (СПб., 1881). Одну из только что изданных частей «Анны Карениной» великий писатель настоятельно просил передать Стакхееву: «Мне кажется, что ваш хозяин хотел иметь, и потому посылаю вам» (62, 333).

Странным на этом фоне выглядит демонстративно отрицательное отношение малоизвестного тогда литератора к писателю с мировой славой: «<...> с Толстым никогда разговоров не вел, и, каюсь, избегал встречи с ним, так как многое в нем самом и в его писаниях, после „Войны и мира“ и „Анны Карениной“, было мне не по душе. И когда, случалось, он посещал нашу общую со Страховым квартиру, я намеренно уходил из дома по черному ходу, чтобы избежать встречи с ним»¹².

О причинах столь решительного отрицания можно судить со слов о том, что Стакхеев невзлюбил Толстого только после «Анны Карениной». Следовательно, любя «художника», он не выносил, и не только в гениальном своем «противнике», «поучителей» и «прорицателей».

В эпоху, когда русское общество разделилось на охранителей, консерваторов, либералов, революционеров и т. д., а люди относились друг к другу лишь в соответствии с общественной позицией, знатностью или карманом каждого, Стакхеев, чуть ли не единственный в своем литературном кругу, сумел оставаться верным принципу оценки человека только по его личностным, а не так называемым общественным качествам.

Такова логическая основа его позиции. Общаясь с «крупными» и «мелкими» реакционными и прогрессивными журналистами, печатаясь в охранительных и сатирических изданиях, редактируя занимав-

шие серединное общественное положение журналы и газету «Русский мир» (1876–1878), Стахеев никогда не изменял себе. Он ценил в других то, что было его собственным главным свойством: знание «коренной России не по учебникам и не по журнальным статьям, а по личному опыту изучения и долговременного в ней пребывания»¹³. Самым большим мировоззренческим грехом для него было «вычитанное, затверженное на память, захваченное со стороны»¹⁴.

Вся жизнь Дмитрия Ивановича — это прямое свидетельство его решительного неприятия групповицы, любых попыток давления на личность, духовного подчинения кому бы то ни было. Парадокс, но, исповедуя для себя то же самое, Толстой для других создает учение, в котором Стахеев как раз и видел такие попытки.

Еще одна причина отрицательного отношения — на этот раз к толстовскому «опрощению» — скрывается в творчестве Стахеева. Скрывается в прямом смысле, ибо после выхода в 1902–1903 гг. собрания сочинений в 12 т. его произведения практически не переиздавались¹⁵. В поэме «Под южным небом», напечатанной в 12-м томе, есть следующие строки¹⁶:

Ну! вот хоть бы сейчас,— ну, как я умолчу,
Что скромности простой нет смысла мне учиться
У графа, например, Простого. Не хочу.
И скромность в чем его? Носи наряд убогий,
Себе сам обувь шей; паши сам землю всяк,
Ходи пешком... Но есть железные дороги,—
Сто верст пешком идти! да что я за дурак!
Вот, если б для души учил он делать это,
Смирение любя,— вопрос совсем другой:
Не мало есть отцов, презревших блага света
И с этой целию — высокой и святой,
О них и не слыхать. Идут своей дорогой,
Житейской суеты, известности бегут;
О чем же на весь мир шумят, кричат с тревогой:
Он — граф, в лаптях, в грязи! И как святого чтут.

V

Конечно, можно жить в грязи, и даже хуже,
И тело грешное овсянкой лишь питать
И воду мутную ладонью пить из лужи,
Но с целию какой — вот это надо знать!
И если цель одна — высокое смиренье,
Сознанье суеты, пичтожности земной,
Тогда зачем давать с себя изображенья —
Граф в платье мужика, граф — в поле за сохой.

Смиренъя дух живет не в платье, не в грязи,
 Не в пище, а в душе. Хоть голый в струпьях будь,
 Хоть по земле ползком по сотне верст ползи,
 Но если духом горд,— напрасен этот путь:
 Как ни остыри тебе телесные страданья,—
 Нет пользы в подвиге. Свой прежде дух смири,
 Всех хуже сам себя считай в своем сознанъи,
 И это искренне, незримо всем, твори.
 Пришельцы жалкие в греховном этом мире,
 Без славы, в славе ли — мы все в свой час умрем,
 Умрет богат, и нищ, и князъ, и царь в порфире,
 Но с чистой ли душой в загробный мир уйдем?¹⁷

Нет необходимости доказывать, что под графом Простым Стакеев подразумевал Толстого,— настолько это очевидно. Обвиняя Льва Николаевича в гордости духа, автор поэмы невольно заставлял себя отстраняться и от того, что сближало нравственный потенциал как личности, так и творчества обоих писателей. Внутренняя независимость, моральная высота, созидательное, доброе начало в человеке являются непременными свойствами героев произведений и Толстого, и Стакеева. Но если сочинителю «Детства» и «Отрочества» повезло и уже в первых его литературных опытах Н. Г. Чернышевский сумел увидеть «чистоту нравственного чувства», то даже благожелательные к Стакееву критики никакими его моральными — «немодными» в ту пору — изысканиями не интересовались и против желания молодого писателя вечно «записывали» его в «направления», к которым уже по своим человеческим качествам он никак не мог принадлежать.

Так, в критической мысли XIX в. сложилось устойчивое мнение о том, что «первый период своей литературной деятельности он (Стакеев.— Л. Р.) отдал дань обличительному направлению и некоторым недолговечным веяниям шестидесятых годов», а потом якобы «перестает быть подневольным служителем той партии, в органах которой более всего печатался, совершенно сбрасывает с себя гнет ее условий, вредивших самобытному развитию его таланта»¹⁸.

Одни критики, будучи сами «подневольными служителями той или иной партии», так и не заметили, что всю свою жизнь, с первого очерка «Кяхта», Стакеев «обличал» не ради разрушения общественных устоев, а для укрепления нравственных начал в человеке. Другие, объявляя его — и не без основания — то единственным «чистым» наследником Н. В. Гоголя¹⁹, то самобытным подражателем М. Е. Салтыкову-Щедрину²⁰, не сумели увидеть художественной новизны, своеобразия основного периода расцвета творчества

Стахеева. И уж тем более никому не приходило в голову сопоставлять скромного писателя с гением, проследить за тем, как изначально разные сословно-моральные убеждения художников привели их к одним и тем же нравственным устоям. И если Л. Н. Толстой интуитивно ощущал эту близость с человеком, преданно любившим одного из немногих его истинных друзей — Н. Н. Страхова²¹, то Д. И. Стакееву сама судьба мешала нащупать пути к духовному единению. Вначале сторонняя сила — критики, приятели — «разводили» писателей по разным «направлениям», потом Стакеев, обвинив Толстого в том, что он «духом горд», стал «избегать встречи с ним».

В этой парадоксальной ситуации художественное сближение писателей тем более интересно, что осуществлялось как бы против воли Стакеева, бессознательно, и, уж конечно, ни за что не было бы признано им в силу вышеуказанной духовной конфронтации.

Действительно, настолько по-житейски интересны, психологически сложны характеры художника Александра Размашилова (роман «Неугасимый свет»), молодого купца Григория Дровяникова (роман «Духа не угащайте»), отца Варфоломея (повесть «Наследники»), Павла Павлова (повесть «Искры под пеплом»), Демьяна Мельникова (повесть «У храма искусств»), Ивана Петровича Зайчикова (роман «Обновленный храм»), что как-то сам собой исчезает мысль о чисто толстовской способности стакеевских героев к саморазвитию и самосовершенствованию, выраженной в форме «диалектики души».

Как известно, метод психологического анализа в творческой интерпретации Толстого заключается в соединении накапливающегося т. н. потока сознания с неожиданными благодетельными психическими взрывами, качественно изменяющими (на время или навсегда) жизнь человека. Вспомним князя Андрея, «вдруг окончательно, беспременно» решившего, что «жизнь не кончена в тридцать один год» (10, 157); Денисова, который, «сам не зная как», сделал предложение пятнадцатилетней Наташе (10, 61); Стиву Облонского, в чьей душе «неожиданно и странно» прозвучал «голос совести» (18, 451); Каренина, который «вдруг почувствовал» умиленное сострадание к Анне (18, 434). Причем все эти «вдруг», «сам не знал как» «неожиданны» только для холодного рассудка, умеющего воспринимать лишь внешнюю форму человеческого поведения, психологически же они самым тщательным образом обоснованы.

Этому толстовскому принципу скрупулезно следует зрелый Стакеев. Проиллюстрируем наше утверждение двумя примерами.

Сын богатого купца Петра Федоровича Дровяникова Григорий полюбил бедную девушку-сироту («Духа не угашайте»). Отец к тому времени сосватал ему богатую невесту, единственную наследницу фабриканта Суконникова. Сын не подчинился Петру Федоровичу, который заболел от горечи. Каждый упрямо стоял на своем. Мать уговаривала Григория подчиниться, а бабушка на коленях просила Петра Федоровича смириться с выбором сына.

И не выдержав гнетущей размолвики, продолжавшейся уже несколько месяцев, Григорий решил пожертвовать своим чувством ради здоровья отца, пришел к нему с «повинной головою», и вот что из этого получилось:

«— Ты должен, — продолжал отец, — завсегда быть в смирении...

— Простите...

— То-то! Давно бы так... с покорностию...

— Я изъявляю... покорность...

— А все-таки ты того... стало быть... гм... гм... — продолжал Петр Федорович, начав вдруг почему-то запинаться на каждом слове, — стало быть, ты, значит, против сердечного влечения... переламываешь, например, себя... на жертву отдаешь? свои чувства к той... которую, то есть... полюбил.

...Отец сделал несколько шагов по направлению к окну, запахнул раскрывшийся халат и как-то странно повел плечами, точно чувствуя дрожь во всем теле, потом остановился, покачал головою и исподлобья посмотрел на сына. Видимо, он переживал в душе тяжелую борьбу и, наконец, пережил, решаясь на что-то окончательное. Он вздохнул глубоким, глубоким вздохом, точно сбрасывая с себя какую-то тяжесть, и подошел к сыну.

— Нет, Григорий, нет! — сказал он, — едва владея своим волнением. — ...Заблуждался я... Молитвенница наша, бабушка, обра-зумила меня... Не хочу я теперича больше в твою судьбу вмешиваться, и женись, значит, на той, которая тебе по сердцу!..

Они обнялись. По лицу обоих текли слезы»²².

Второй пример. Герой повести «Искры под пеплом» молодой книготорговец Павел Павлов — жадный, прижимистый — связался с жуликоватым приказчиком крупного книжного магазина Спиридоновым, приносившим к нему на продажу украденные у хозяина книги. Об этом узнал старик Кузьмич, который помнил лучшие времена, был не в пример образованнее Павла и даже знал Смирдина, Гончарова, оставился, несмотря на пагубную склонность к вину, кристально честным человеком. Он предложил Павлу вернуть книги и покаяться. Павлов вначале задумал его избить, потом пытался умас-

лить выпивкой, затем уговаривал Кузьмича подождать до окончания сватовства Павла к богатой невесте. Но старик не отвязался от него до тех пор, пока украденные книги сам не погрузил в телегу, чтобы отвезти хозяину. Но было уже поздно: пришла полиция, и Кузьмич неожиданно взял всю вину на себя:

«Павел стоял, как говорится, ни жив, ни мертв. Подавленный потрясающими событиями, *вдруг* принявшими невероятный оборот, он был в каком-то будто чаду. Страх, незадолго пред тем томивший его, сменился гнетущим чувством угрызения совести.

— Что же это такое Кузьмич делает, — спрашивал он себя, — нешто возможно так... допустить?.. Этого никак невозможно!.. И какая, например, из этого польза?..

...Он, поглощенный мрачными думами, не заметил, как запирали и запечатывали лавку соседа и как потом городовые предложили Кузьмичу идти в средине между ними.

— Прошай, Пашка! — громко сказал Кузьмич.

Павел вздрогнул и, взглянув в ту сторону, откуда донеслись до него звуки голоса Кузьмича, увидел, как Кузьмич поднял правую руку кверху и показал глазами на небо. Сердце Павла, казалось, перестало биться... Жест Кузьмича, видимо, был им понят в том смысле, что он отдает себя во власть Отца Небесного, неожиданно круто повернувшего его путь жизни.., и этот безмолвный жест к небу мгновенно поднял дух Павла...

— Послушайте, послушайте! — громко заговорил он, быстро подойдя к следователю, уже намеревавшемуся идти обратно, — этот самый человек на себя клевещет. Верить ему никак невозможно, человек он честный и с большой горячностью за правду стоит и в особенности после выпивки... Он теперь все равно как бы в забвении чувств. Книги эти — мой грех. Господом Богом клянусь и каюсь...

С этими словами он повалился в ноги следователя...

...Павел стоял на коленях и глухо рыдал, закрыв лицо руками»²³.

Налицо все признаки глубинного влияния: и внутреннее (соединение мирного течения психической жизни со взрывами и переворотами), и внешние, стилевые. Здесь не только слова, рисующие внезапность духовного пробуждения героя. И у Толстого, и у Стакеева в эти минуты человеку что-то подступает к горлу: стыд? радость? совесть? слезы?..

Николай Ростов проиграл Долохову сорок тысяч:

«Боже мой, я погибший, я бесчестный человек. Пулю в лоб, одно, что остается, а не петь, подумал он. Уйти? но куда же? все равно, пускай поют!»

«<...> Наташа взяла первую ноту, горло ее расширилось, грудь выпрямилась, глаза приняли серьезное выражение. <...>

«Что это такое? — подумал Николай, услыхав ее голос и широко раскрывая глаза. — Что с ней сделалось? Как она поет нынче?» — подумал он. И вдруг весь мир для него сосредоточился в ожидании следующей ноты, следующей фразы, и все в мире сделалось разделенным на три темпа: <...> Раз, два, три... раз <...> Эх, жизнь наша дурацкая! думал Николай. Все это, и несчастье, и деньги, и Долохов, и злоба, и честь, — все это вздор... а вот оно настоящее... Ну, Наташа, ну, голубчик! ну, матушка!.. как, она этот *si* возьмет? взяла! слава Богу! — и он, сам не замечая того, что он поет, чтобы усилить этот *si*, взял вторую в терцию высокой ноты. „Боже мой! Как хорошо! Неужели это я взял? и как счастливо!“ подумал он.

О! как задрожала эта терция, и как тронулось что-то лучшее, что было в душе Ростова. И это что-то было независимо от всего в мире, и выше всего в мире» (10, 58–60).

Очевидно, что толстовская «диалектика души» оказывает воздействие на автора романа «Духа не угашайте» и повести «Искры под пеплом». Однако блестящие страницы Стахеева, описывающие внезапное духовное просветление Дровяникова-старшего и жуликоватого Павла Павлова, остались не замеченными современной писателю критикой. А ведь тогда же литературоведами были зафиксированы художественные реминисценции из Н. В. Гоголя («Встревоженный город», начало повести «Кот»), А. Н. Островского (очерк «Нраву моему не препятствуй», «Духа не угашайте»), М. Е. Салтыкова-Щедрина (очерки «Город Крутогорск», «В глухом лесу»), конвергенции с Н. С. Лесковым (отец Варфоломей в «Наследниках»). К сожалению, после смерти писателя в 1918 г. советские литературоведы считали для себя зазорным на фоне грандиозных революционных потрясений интересоваться художником, «замкнутым» на чисто нравственных проблемах жизни отсталых (контрреволюционных?) слоев населения — купцов, мещан, духовенства.

Поэтому так и не было определено истинное место творчества Стахеева в русском литературном процессе: ведь ретроспективного анализа, за исключением статьи Н. В. Быкова 1902 г.²⁴, не существовало. В результате незамеченными остались: толстовская мощь психологического анализа, предчувствие чеховской интонации в рассказе 60-х годов «Темные люди» из сб. «Глухие места», прямой путь от Стахеева (а не от Лескова) к М. Горькому (рассказ «Лесопромышленники», роман «Духа не угашайте»).

Искусственное, намеренное, несправедливое изъятие творчества Стахеева из литературной жизни XX века²⁵ привело к тому, что в

очередной раз оказались оборванными реальные творческие связи. Так, повесть «Кот», бесспорно, сопоставима с романом М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Повесть настолько опережала свое время, что издатель «Русского вестника» М. Н. Катков, сумевший увидеть в ее содержании лишь публицистическую сторону — действительно убийственную критику бюрократического аппарата, — отказался печатать вторую половину «Кота». Показательно, что Катков таким образом невольно соединил в сознании современников Стакхеева с Л. Н. Толстым, чей роман «Анна Каренина» в те же годы публиковался на страницах журнала: последняя часть его была также отвергнута издателем.

Таким образом, художников соединяет не только прямое влияние великого писателя на младшего современника, но и те черты творческого сходства (конвергенции), в пределах которых художники существуют на равных. История запрещения на страницах «Русского вестника» II части «Кота» и VIII части «Анны Карениной» — не первый и не главный элемент такого сходства. Названные произведения во многом параллельны, и существование таких параллелей тем более ценно, что повесть и роман создавались и публиковались почти одновременно, поэтому ни о каком влиянии Толстого речи быть не могло.

Сходство идейных, содержательных и образных структур двух произведений просто поразительно. Убийственная критика бюрократического аппарата производится при помощи одинаковых приемов, и прежде всего — путем разоблачения самого содержания деятельности двух персонажей-символов: Алексея Александровича Каренина и Сергея Фомича Букиanova («Кот»).

«...Алексей Александрович намерен был требовать: во-первых, чтобы составлена была новая комиссия, которой поручено бы было исследовать на месте состояние инородцев; во-вторых, если окажется, что положение инородцев действительно таково, каким оно является из имеющихся в руках комитета официальных данных, то чтобы была назначена еще другая, новая ученая комиссия для исследования причин этого безотрадного положения инородцев с точек зрения: а) политической, б) административной, в) экономической, г) этнографической, д) материальной, и е) религиозной; в-третьих, чтобы были затребованы от враждебного министерства сведения о тех мерах, которые были в последнем десятилетии приняты этим министерством... и, в-четвертых, наконец, чтобы было затребовано от министерства объяснение о том, почему оно, как видно из доставленных в комитет сведений за № 17013 и № 18308, от 5 декабря 1863 года и 7 июня 1864, действовало прямо против-

воположно смыслу коренного и органического закона, т... ст. 18, и примечание к статье 36» (18, 302).

Хотя Алексею Александровичу вполне искренне казалось, что единственная его забота есть «положение инородцев», на самом деле главное удовольствие доставлял ему сам процесс написания совершенно абсурдной бумаги с ее номерами сведений, дат, законов и примечаний. Эта бессмыслица и была смыслом его ирреальной деятельности.

В повести «Кот» Стахеев не оставляет герою и малейшей возможности психологического оправдания, открыто, саркастически (а не иронически) разоблачая бюрократический абсурд: «Он (Буканов.—Л. Р.) написал, что вот такое-то учреждение, именно то самое, к которому предназначалось это писание, от такого-то числа, за таким номером, сообщило палате о том и о том, изложил при этом с большою точностью, о чем именно это учреждение сообщило, как будто подозревал, что оно не имеет возможности справиться в своих делах об этом. Сделав таким образом выписку из сообщения, занявшую добрые полторы страницы, он посвятил остальные полторы страницы на указания, что в прежнее время, тогда-то и тогда, учреждение сообщало палате о том-то, причем опять очень подробно выяснил, о чем именно сделало оно палате тогда-то сообщение, и наконец заключил в трех строках, что вследствие сего палата имеет честь уведомить, что по изложенному делу в настоящее время производится переписка с другими государственными учреждениями, о чем своевременно будет сделано куда надо уведомление»²⁶.

Перед нами — то, что мы можем назвать структурно-содержательным сходством, к которому персонажи были приведены различными художественными приемами. Это сходство не предполагает внутреннего родства образов. Ведь в сравнении с человеком — котом Букановым, садистски издевающимся над беззащитным Вафлиным и погубившим беременную от него девочку, Алексей Александрович — поистине чистая и высоконравственная натура. Если уж прибегать к аналогиям, то не с Карениным, а с Чичиковым и Свидригайловым!

Однако в повести и романе есть персонажи, обладающие внутренним образным сходством, вызванным не только внешними их характеристиками, но и приемами их создания. То либерал-управляющий из «Кота», кажущийся точной копией Ставы Облонского в эпизодах его парламентской деятельности. «Особенная снисходительность», с которой управляющий относился к подчиненным, была первым главным качеством и Степана Аркадьича, так же как и остальные свойства управляющего, сходные с качествами Облонского,

которые состояли: «во-вторых, в совершенной либеральности, не той, про которую он вычитал в газетах, но той, что у него была в крови и с которой он совершенно равно и одинаково относился ко всем людям, какого бы состояния и звания они ни были, и в-третьих,— главное — в совершенном равнодушии к тому делу, которым он занимался, вследствие чего он никогда не увлекался и не делал ошибок» (18, 18).

Участь повести «Кот», написанной еще до того, как начал печататься роман Толстого, была гораздо трагичнее судьбы «Анны Карениной». Если восьмую часть романа писатель все же сумел выпустить в свет, то вторая половина «Кота» так никогда и не была напечатана. Здесь художественное сходство насильственно обрываются жизнью.

Однако читатель, имевший возможность знакомства с творчеством Стахеева, мог бы убедиться в том, что неизвестный XX веку писатель наравне сопоставим с великим Толстым не только в решительном неприятии насилия под любой личиной, но и в особой «чистоте нравственного чувства», которую, как известно, Н. Г. Чернышевский счел одним из двух главных творческих качеств Л. Н. Толстого.

На равных сопоставимы и отдельные художественные свойства романа «Анна Каренина» и повести «Кот». Мы попытались доказать, что Стахеев отнюдь не «подымался до уровня» Толстого, а был совершенно независим здесь от него.

Таким образом, прямое (чистое) влияние Толстого на Стахеева-художника концентрируется в «диалектике души» (по Чернышевскому), которой присуще подробное психологическое обоснование поступков персонажей, выраженное при помощи соединения «потока сознания» с внешне нелогичными духовными «взрывами» и «переворотами».

Незнание всего изложенного выше вредит не только пониманию творческого наследия Стахеева, но и осмыслинию роли Толстого в русском искусстве, уровня его художественного новаторства и степени его влияния на литературный процесс.

Уже хотя бы по этой причине — необходимости создания *полной картины* нашего художественного наследия — нельзя «исключать» из недавнего и давнего прошлого никого. Даже если этот «кто-то» был, по мнению прогрессистов XX века, «реакционером», ибо говорил, например, так: «Самые смелые и до безумия задорные были в „Русском слове“ Писарев и Зайцев... По их заключениям, в России все было скверно, нелепо и ни к черту не годилось. Такие суждения, мог, разумеется, высказывать всякий дурак...»²⁷.

«Кто же двигатели так называемого „освободительного движения“, кто эти студенты, превращающие университеты — храмы науки — в вертепы разбойников»²⁸.

«Сначала молодежь воспитывается на резких и бранных статьях в печати, потом... начинает и сама поругиваться отборными словами... потом выступает на первый план личная расправа, а дальше доходит дело и до браунингов и до бомб»²⁹.

В начале XX в. только огромный художественный авторитет Л. Н. Толстого с его проповедью непротивления злу насилием, да и статьи Ленина о нем «спасли» творческую репутацию писателя в глазах революционеров, хотя мы не беремся предсказывать, во что могла бы превратиться эта репутация, дожив Толстой до октября 1917 г. Десятилетия понадобились для того, чтобы «оправдать» Ф. М. Достоевского в родной стране. Сознательно замалчивались иискажались в советском литературоведении мнение А. С. Пушкина о «бессмыслиности» крестьянского бунта, истинные взгляды Н. В. Гоголя — сторонника и проповедника самодержавия и крепостного права.

Неудивительно поэтому, что убежденный противник революции Д. И. Стакеев, обладавший куда меньшим художественным авторитетом для защиты своей идеи ненасильственного, нравственного преобразования человека, был попросту «выброшен» из истории русской культуры. Между тем его проницательные суждения об ошибках в экономическом развитии России, о смертельной для народа опасности всевластия бюрократии актуальны и сегодня: «...в продолжение того времени, пока русский человек получит разрешение сделать в собственном доме вместо окна дверь, американский город Чикаго вновь выстраивается после пожара»³⁰.

«Но времена переменились. Жизнь нашу, эту не раскопанную помойную яму, слегка тронули, и поднялась из ямы вонь, и был по всей земле русской смрад великий и дым... Везде слышалось слово „гласность“, и старые чиновники, построившие на имя своих жен каменные дома, тоже кричали про гласность и порицали взяточников».

«Что такое большинство? Да мнение одного мудрого дороже мнения тысячи невежд. Не сегодня сказано: „Где много народу, там много и дряни, хотя бы все они были звездоносцы“... Чаще всего приходится соглашаться с меньшинством, и именно потому, что умных людей всегда и везде меньше, а честных и бескорыстных — еще меньше, их в наше время можно даже показывать как редкость»³¹.

Не исключено, что Л. Н. Толстой был бы согласен с этими мыслями.

¹ Эйхенбаум Б. М. О прозе. Л., 1969.

² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

³ Дюришин, Диониз. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979.

⁴ Курляндская Г. Б. Нравственный идеал героев Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. М., 1988. С. 6.

⁵ Одна из немногих попыток — статья А. Жолковского «Лев Толстой и Михаил Зощенко как зеркало и зазеркалье русской революции», где автор находит «такой аспект, который делает связь» с «красным Львом Толстым», от роли которого откращивается Зощенко, «нетривиальной» и «амбивалентной». См.: Вопросы литературы. 1990. № 4. С. 55, 74.

⁶ Стакеев Д. И. Собр. соч.: В 12 т. СПб., 1902—1903. Т. 9. С. 84—85.

⁷ Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым: 1870—1894. СПб., 1914. Толстовский музей. Том II.

⁸ Там же. С. 329.

⁹ Там же. С. 232.

¹⁰ См.: Русский вестник. 1876. № 9—10. С. 338—429.

¹¹ Из письма Страхова Толстому от 12.10.1873 г.: «В „Русском вестнике“ появился „Кот“ Стакеева. Если Вы что-нибудь прочли, то не забудьте написать, как Вы его находите. Неужели я так-таки вполне обманулся?» (См.: Переписку Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. С. 91).

¹² Стакеев Д. И. Группы и портреты: Листочки воспоминаний // Исторический вестник. 1907. № 1. С. 81—94.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Первый за годы советской власти сборник «Избранных» Д. И. Стакеева планировался к выходу в издательстве «Татарстан» (Казань) в 1992 г.

¹⁶ Так как в связи с именем Л. Н. Толстого эти строки публикуются впервые, то приведем их полностью.

¹⁷ Стакеев Д. И. Собр. соч. Т. 9. С. 331—332.

¹⁸ Там же. Т. 1. С. XIX.

¹⁹ «Чистый гоголевский тон... вовсе не легко брать и выдерживать. У г. Стакеева он появляется в большой чистоте». См.: Страхов Н. Н. Критические статьи: 1861—1894: В 2 т. Киев, 1902. Т. 2. С. 317—330.

²⁰ Стакеев Д. И. Собр. соч. Т. 1. С. XV, XVI.

²¹ См. повесть Стакеева, посвященную Н. Н. Страхову, «Пустынножитель» In: Стакеев Д. И. Собр. соч. Т. 2. С. 163—255.

²² Там же. Т. 1. С. 245—247.

²³ Там же. Т. 3. С. 314—316.

²⁴ Стакеев Д. И. Собр. соч. Т. 1. С. XV—XXX.

²⁵ Занимая свою собственную позицию в литературной и общественной полемике, Стакеев невольно подвергался «левой» и «правой» критике. Его либо «клевали», либо замалчивали.

²⁶ Стакеев Д. И. Кот // Русский вестник. 1876. № 9—10. С. 419.

²⁷ Стакеев Д. И. Группы и портреты: Листочки воспоминаний // Исторический вестник. 1907. № 3. С. 428.

²⁸ Там же. С. 429.

²⁹ Там же. С. 435—436.

³⁰ Стакеев Д. И. Кот // Русский вестник. 1876. № 9—10. С. 361.

³¹ Стакеев Д. И. Станислав первой степени и енотовая шуба: Из воспоминаний о Н. Н. Страхове // Исторический вестник. 1901. № 2. 457.

ИЗ ИСТОРИИ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ

О. П. Христианович

БИБЛИОТЕКА Л. Н. ТОЛСТОГО

Публикация А. Н. Полосиной

Об Ольге Петровне Христианович (1893, Екатеринослав — после 1949), секретарше и приятельнице А. Л. Толстой, вместе с которой в 1929 г. она эмигрировала в Японию, к сожалению, известно мало. Если она и работала в музее Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» секретаршой А. Л. Толстой, то нетрудно догадаться, почему архивные документы об этом в музее отсутствуют.

Из переписки А. Л. Толстой с г-жой Боулс, которая в 1949 г. в письме из Гонолулу спрашивала, «что же стало с вашей очаровательной секретаршой и дорогой Мери», известно, что в 1949 г. О. П. Христианович работала в библиотеке Колумбийского университета, а ее дочь Мария Франческа Тарантини «дважды была замужем — оба раза неудачно. У нее двое детей — очень славные мальчики»¹. Судя по описанию примет в заграничном паспорте, выданном Христианович 21 августа 1929 г. «для свободного выезда, проживания за границей и обратного въезда в СССР»², Ольга Петровна была действительно хороша собой: высокого роста шатенка с карими глазами.

По мнению Роберта Виттакера, зав. архивом Толстовского Фонда в США, «по-видимому, подруга Александры Львовны не участвовала в деятельности Толстовского Фонда, так как о ней нет упоминаний в документах Фонда»³.

Рассказы Христианович и отрывки из романа «Смутное время» печатались в эмигрантских журналах «Современные записки», «Новоселье» и «Новый журнал».

Какое участие принимала О. П. Христианович в описании яснополянской библиотеки, установить не удается из-за отсутствия документов. Но из протокола заседания Музейного совета «Ясной Поляны» 29 июля 1929 г. известно, что ее статья «Ясно-Полянская Библиотека» была в числе других десяти работ, подготовленных для издания в сборнике Трудов Музея-усадьбы «Ясная Поляна»⁴.

Впервые статья «Библиотека Л. Н. Толстого» была напечатана в Париже в эмигрантском журнале «Современные записки» в 1935 г. (№ 59). Книги и журналы, упомянутые в статье «Библиотека Л. Н. Толстого», сверены с научно-библиографическими описаниями книг библиотеки Л. Н. Толстого на русском и иностранных языках. Издания, упомянутые в статье, но отсутствующие в библиотеке Ясной Поляны, отмечены звездочкой. В квадратных скобках приведены недостающие библиографические данные. Цитаты приводятся по Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого (в 90 томах).

Как много значат общество и книги. С хорошими — и дурными — я совсем другой человек.

Л. Н. Толстой (46, 171)

Если подходить к яснополянской библиотеке с общей меркой, то она производит странное впечатление. Ждешь увидеть собранные за долгую жизнь сокровища мысли, бережно хранимых спутников уже пройденного пути, увидеть стройный порядок, неприкосновенный покой.

Но первый шаг обманывает ожидания. Книги лежат и стоят в беспорядке, перегнутые вдвое, свернутые в трубку, с загнутыми, порванными страницами. Разрозненные издания, разнокалиберные, в большинстве случаев не переплетенные, растрепанные тома.

Но пройдите по всем комнатам яснополянского дома, и вы убедитесь, что это не случайно. Здесь никто не заботился о комфорте, никто не думал с благоговейным вниманием об удобствах жизни. Обстановка создавалась в естественном, органическом процессе, как раковина вокруг тела моллюска, не направляемая ничьей сознательной волей.

Постепенно освоившись с внешней нестройностью, начинаешь присматриваться к содержанию библиотеки и удивляешься еще больше: вот рядом с изданиями американских христианских обществ — «Песни Билитис»⁵, между «Критикой догматического богословия» [СПб., 1908] и книгой Епископа Феофана «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться», изд. 1904, — «Степка растрепка» [СПб.; М., б. г.], на котором детскими каракулями нацарапано «Библиотека Ясная Поляна»⁶. Отчеты дамских благотворительных обществ, философские сочинения, революционные брошюры, медицинские трактаты, сельское хозяйство, модные журналы, Жития Святых и отчеты скакового общества.

Откройте любую страницу яснополянских библиотечных описей и вы увидите ряд авторов, имена которых мало кому известны: Сальков, Самборский С., Сандерс Ф., Сапонько А., Сарыч, Сахаров А., Сахаров Н., Свечин, Свешникова Е., Святловский Е. и т. д.

Те же авторы, которых мы привыкли встречать в других библиотеках и подбором которых определяется характер собирателя, здесь сравнительно редки. Они затерялись в массе незнакомых имен. Пожалуй, это странное собрание напоминает скорее лавку букиниста, чем библиотеку великого писателя.

Много книг разорванных, без начала и конца, отдельных листков, происхождение которых трудно определить. А сколько между книга-

А. Л. Толстая в саду с О. П. Христианович,
ее дочерью Марией-Франческой и неизвестным.
Япония. Фотография 1929—1930 гг. Толстовский Фонд*

ми предметов совсем не библиотечного характера! Тетради с записью поденных рабочих, меню обедов, театральные афиши, гимназические балльники, географические карты, скульптурные принадлежности и отчеты управляющих.

В первую минуту это многообразие действует удручающе. Как соединяются в одном человеке интерес к тотализатору и Житиям Святых, к курсу кройки и Канту?

* Выражаем благодарность Роберту Виттакеру, заведующему Архивом Толстовского Фонда, за предоставление документов об О. П. Христианович, а также за разрешение публиковать их в «Яснополянском сборнике».

Но постепенно наступает прояснение. Вместо хаотического беспорядка встает ясное отражение сложной жизни яснополянского дома. Это библиотека не только Льва Николаевича Толстого, но и его предков и его детей. Кроме того, подбор книг не столько рисует Толстого-читателя, сколько Толстого — учителя жизни и писателя, к которому со всего мира стекались книги, совершенно не считаясь с его вкусами и желаниями.

Отдельные миры, жившие в кабинете хозяина, на половине хозяйств, в классной и детской, нашли здесь свое отражение. И как в действительности, они то замыкались в отдельных уголках дома, то сливались в общий хор, встречаясь за обедом в зале, так и в библиотеке некоторые шкафы ревниво хранят особый дух, а в других свободно перемешались эпохи и характеры.

Всех шкафов двадцать пять⁷, большая часть их однотипные, березовые, со стеклянными верхними дверками, с раздвижными нижними. Иные побольше, иные поменьше, в зависимости от места, куда их предполагалось поставить в момент заказа.

Только три шкафа несколько другого вида — старенькие, ссохшиеся, они достались Л. Н. Толстому вместе с книгами в наследство от родителей.

Вот совсем особый замкнутый мир: книги XVIII в., принадлежавшие Марии Николаевне Волконской. Среди полуистлевших томиков Ричардсона и многочисленных «Contes moraux»⁸ et «Contes philosophiques»^{*} много книг, иллюстрирующих ее энциклопедическое образование. Невольно вспомнишь, как отец возил ее в Петербург на верфи и заводы и диктовал ей «Некоторые примечания, ведущие к познанию хлебопашества в сельце Ясная Поляна». Тут и минералогия и агрономические трактаты; астрономия, путешествия, история искусства. Среди веселых приключений галантных кавалеров XVIII в. едва ли многие были прочитаны Марией Николаевной. По крайней мере, познакомившись с известной в ее время книгой «Voyages d'Antenor en Grèce»⁹, она писала Т. А. Ергольской: «Я было начала читать книгу Полины „Путешествие Антенора по Греции“, но она вольно написана и так полна непристойностей, что скоро мне опротивела. Конечно, женщине в разумном возрасте можно безбоязненно все читать, но при любви к чистоте и добродетели, такое чтение скоро делается противным, и я это испытываю»¹⁰.

Возможно, многие из этих книг, считавшиеся по традиции в Ясной Поляне книгами Марии Николаевны Толстой, на самом деле принадлежали ее отцу Николаю Сергеевичу Волконскому и достались ей в наследство вместе с «Journal encyclopédique» 1765—1766 гг.

В годы замужества Мария Николаевна, не довольствуясь имевшимися в яснополянской библиотеке книгами, аборонировалась в Туль-

ском Дворянском собрании, и в 1828 г., занятая воспитанием детей, выписывала из Парижа «Le journal de mes enfants»¹¹.

Вместе с книгами М. Н. Толстой лежат старые французские журналы «Journal des desmoiselles» [1841], «Journal des jeunes personnes» [1845]. Их выписывали тетушки Л. Н. Толстого, Пелагея Ильинична Юшкова и Татьяна Александровна Ергольская, в тридцатых и сороковых годах. Приложения к этим журналам, состоящие из модных картинок и узоров для вышивания, лежат в рабочих ящиках тетушек между мотками разноцветной шерсти и начатыми вышивками.

Здесь же, внизу, в 24-м шкафу, французский журнал «La Revue étrangère» за 1834 г., который любил когда-то читать Лев Николаевич Толстой, сидя у тетеньки Татьяны Александровны на «диване с головами сфинксов». На нижней полке лежат растрепанные связки номеров «Современника» за 1840-е* и 1850-е гг., в которых впервые напечатаны «Детство и Отрочество», «Севастопольские рассказы» и длиннейший роман И. И. Панаева «Львы в провинции»¹², заложенный выцветшим шнурочком. Прочитав этот роман в 1852 г., Татьяна Александровна Ергольская писала из Ясной Поляны на Кавказ Толстому: «...не пиши длинных историй, окончание никогда не соответствует началу, мысли истощаются, являются повторения, содержание становится нелепым и вызывает скуку, вместо интереса, как <...> „Львы в провинции“. Так берегись, чтобы не впасть в подобную ошибку» (59, 210).

В другом конце библиотеки — шкаф с книгами Николая Ильича Толстого, о котором Лев Николаевич писал в своих воспоминаниях, что «...отец поставил себе за правило не покупать новых книг, пока не прочтет прежних. Но, хотя он и много читал, трудно верить, чтобы он одолел все эти *Histoires des croisades et des papes*, которые он приобрел в библиотеку» (34, 356). Как мало этот шкаф, и по содержанию и по внешности, похож на шкаф Марии Николаевны Волконской. Вместо маленьких, изящных томиков с таким разнообразным содержанием, ряды двадцатитомных исторических сочинений в серых обложках. Книги отца, должно быть, больше соответствовали вкусам Толстого, чем книги матери. Он читал их в молодости и бережно сохранил, в то время как книги Волконских были свалены в кладовой во флигеле, покрылись там плесенью и только сравнительно недавно были перенесены в дом.

Рядом с книгами Николая Ильича Толстого лежат материалы к «Войне и миру»: Михайловский-Данилевский «Описание второй войны Императора Александра с Наполеоном, в 1806 и 1807 годах», изд. 1846 г., «Описание похода во Францию в 1814 году», изд. 1845 г.; Богданович «История Отечественной войны 1812 года» в 3-х т., изд. 1859 г.; Глинка «Записки о 1812 году», изд. 1836 г.; Жихарев «Запис-

ки современника с 1805 по 1818 год», изд. 1859 г.; фон Плуменек «Влияние истинного свободного каменщичества во всеобщее благо государства», изд. 1816 г.; «Повесть о пагубных Наполеона Бонапарта действиях», СПб., 1814 г.¹³; «Переписка русского солдата»¹⁴ и мн. др. В этих книгах часто встречаются пометки карандашом и загнутые страницы. Уже после смерти Льва Николаевича С. А. Толстая положила в этот шкаф папку с рукописными материалами к «Хаджи-Мурату».

В следующем старинном шкафу книги по естествознанию, принадлежавшие Николаю Ильичу, перемещаны с книгами по сельскому хозяйству издания 1850-х и 1860-х годов. Хочется думать, что полуистлевшая соломинка, заложенная кем-то между страницами «Руководства к разведению крупного рогатого скота» Пабста [СПб., 1862], уцелела с того времени, когда Л. Н. Толстой пропадал днями на пчельнике, возвращаясь домой с молотьбы запыленный, вспотевший, с соломой в волосах. В них еще жив тот Толстой, который писал А. Е. Берсю: «Есть в Москве некто барон Шепинг. У этого барона есть удивительные японские свиньи... Я на днях видел у Шатилова пару таких свиней и чувствую, что для меня не может быть счастья в жизни, пока не буду иметь таких же» (61, 97).

К этой же старой части библиотеки, в которой так ясно можно проследить интересы и увлечения молодого Толстого, относятся два шкафа с религиозно-философскими сочинениями. В одном из них история Православной Церкви. Огромные тома в старинных кожаных переплетах с медными застежками: «Пролог» [М., 1875]. Рядом с «Прологом» — «Великие Минеи Четыни» [СПб., 1868–1870], собранные митрополитом Макарием, «Добротолюбие» [М., 1851], Жития Святых, Новый и Ветхий Завет, «Путешествие ко святым местам в 1830 году» [СПб., 1848], маленький томик «L'Imitation de N. S. Jésus Christ», 1775, принадлежавший когда-то матери Толстого с надписью ее рукой «Comtesse Marie Tolstoy, née princesse Volkonsky»¹⁵.

Есть в этом шкафу книги еврейские и греческие. В следующем шкафу официальная религия сменяется историей сектантства. Были ли эти книги сознательно кем-то выделены или естественно выразили изменившийся вкус хозяина — неизвестно. Но как в том, так и в другом шкафу нет ни одной случайной книги. Все они в свое время разыскивались Толстым, были ему нужны. Его письма к Н. Н. Страхову полны просьбами о высылке той или иной книги. Страхов охотно исполнял эти поручения, иногда подолгу разыскивал редкие экземпляры. Некоторые книги Ренана он получил для Толстого в Публичной библиотеке. На них есть штемпель: «Дублет Императорской Публич-

ной библиотеки — продан»¹⁶. Тут же стоят Шопенгауэр и Кант, выписанные Толстым в 1867 г. «Знаете ли, что было для меня нынешнее лето? — писал он Фету 30 августа 1869 г. — Неперестающий восторг перед Шопенгауэром и ряд духовных наслаждений, которых я никогда не испытывал» (61, 219).

Пожалуй, только одно, наиболее постоянное увлечение Толстого почти не оставило следа в яснополянской библиотеке. Толстой, всю жизнь возвращавшийся к вопросам воспитания и образования, не имел сочинений известных педагогов. Правда, судя по самой старой описи, составленной Софьей Андреевной, некоторые из книг пропали. Но едва ли это объясняется так просто. Все книги по другим вопросам не очень береглись в Ясной Поляне.

В четырех шкафах, имеющих личный характер, книги с автографами очень редки, они свидетельствуют больше о дружбе и об общих интересах, чем о славе Толстого.

Два шкафа, стоящие к окнам спиной и загораживающие от света старинные книги Николая Ильича, принадлежат молодой семье Толстого. Это звено, соединяющее старый мир с новым.

Тут Руссо, принадлежавший когда-то матери Льва Николаевича и боготворимый им до такой степени, что одно время он носил на груди его портрет вместо образка. Вот его другая постоянная привязанность, Виктор Гюго. Растрепанные томики «Les Misérables» [Bruxelles, 1862]. Он читал их зимой 1862 г. вслух молодой жене и тетеньке Татьяне Александровне. Софья Андреевна тщетно боролась со сном, лежа у его ног на медвежьей шкуре, а тетенька тихо шелестела картами, раскладывая любимый пасьянс.

Тут же Жюль Верн с иллюстрациями. В 1870-х гг. наверху в столовой после вечернего чая собиралась вся семья Толстых. Дети усаживались вокруг круглого стола, и Лев Николаевич по иллюстрациям рассказывал им по-французски «Сто тысяч миль под водой» [Paris, [18-?]], «Дети капитана Гранта»* и т. д. Когда же очередь дошла до «Путешествия вокруг света в 80 дней» [Paris, [1879]], в которых картинок не было, он стал сам заготавливать их. И вдруг, прерывая чтение, таинственно вытаскивал из-под стола рисунок, приводя детей в дикий восторг. Внизу шкафа английские, французские детские книги в красных с золотом переплетах, иногда с надписями от родителей, гувернанток, знакомых или приезжих иностранцев.

Между ними растрепанная, без начала и конца «Черная курица» Погорельского [Б. м., б. г.]. Любимая книга самого Льва Николаевича, которую он читал в детстве, была потеряна и снова куплена для детей.

В соседнем шкафу русские и иностранные классики. Характерно, что ни на одной из этих книг автографов нет. Только сочинения Фета богаты разнообразными надписями: «Самому Льву Николаевичу Толстому от первого провозвестника его силы»¹⁷, «Своему идеалу графине Софье Андреевне старый ее певец»¹⁸.

В первой попытке Софии Андреевны Толстой составить библиотечную опись два последних шкафа названы новыми. Судя по этому, опись эта была сделана в конце 1870-х или в начале 1880-х гг. С тех пор библиотека увеличилась в четыре раза. Первое время после составления описи она еще носит семейный характер. Но жизнь в доме стала сложнее, дети выросли. Вместо английских детских книг появились учебники — Иловайский, Галахов, Юлий Цезарь. Все они украшены греческими профилями, скачущими лошадьми и подписями: А. Толстой, М. Толстой. Появление в доме домашнего доктора принесло в библиотеку книги по медицине.

Среди этих книг уже теряются те немногие, которые читал сам Лев Николаевич. Чем дальше, тем больше библиотека приобретает тот вид, который при первом взгляде бросается в глаза. С годами даже семейный дух исчезает под напором присыпаемых со всех сторон книг. Издания, темы, языки делаются все разнообразнее, все неожиданнее. Каждое утро на желтом столике в зале вырастает новая стопка книг. Некому да и неинтересно разбираться в них. Когда их набирается слишком много, их относят в очередной шкаф. Софья Андреевна несколько раз пыталась привести библиотеку в порядок, разделить книги по отделам, записать их в инвентарную книгу. Но каждый список скоро тонул в новом наплыве. В 1900-х гг. она заказывает столяру сразу два шкафа.

Присылают авторы, присылают издатели, присылают переводчики. Часто книги получались в двух экземплярах для Льва Николаевича и Софии Андреевны, иногда без надписи, в трех и больше. Но сколько бы их ни было, они все попадают в шкаф. Иногда книги и брошюрки, присланные в десятках экземплярах для раздачи, попадали в библиотечную опись и запирались.

Со времени приезда в Ясную Поляну доктора Маковицкого в библиотеке появилось огромное количество славянской литературы. По большей части переводы произведений самого Толстого или сочинений его последователей.

Авторы в большинстве случаев не знакомы с Львом Николаевичем. Иностранцы прикальывают к титльному листу визитную карточку, русские поэтессы вкладывают фотографию.

Присылали книги известные писатели и люди, которым лишь однажды удалось видеть свое имя в печати. Были и такие, которые,

не имея возможности издать свое сочинение, присыпали переплетенную рукопись.

Темы этих книг-подношений часто самые неожиданные: «Как лечить сап у лошадей»¹⁹, «Выжигание по дереву»*, «Как основать и организовать общество потребителей»²⁰, «Как определить пол будущего ребенка»* и т. д.

Едва ли авторы, присыпая свои сочинения, задумывались над интересами Толстого. Все, что было в человеке самого сильного, самого яркого, вкладывал он в свой единственный труд и подносил «Великому от единого из малых сих» (надпись на одной из книг)²¹.

Было ли это желание славы, или надежда на помощь, или благодарность — все в одинаковой мере свидетельствует о том, какую власть Толстой имел над душами, какую веру в свою справедливость внушил современникам. Откуда-нибудь из Торжка, Кутаиса, Березовки маленькие, незаметные люди искали его поддержки и одобрения.

А рядом с ними другие, победители жизни, уже приобретшие известность, скромно просили благословения: «Океану — капля»²², «Бесконечно-Великому Светочу Земли Русской Графу Льву Николаевичу Толстому неизмеримо-малый»²³, «Воробей — соловью»²⁴.

Талантливые и бездарные, все они уравнены здесь, как на последнем суде, где «нет различия между иудеем и еллином» (Рим. 10, 12). Многие книги остались неразрезанными. Но кто знает, огорчились ли бы их творцы, узнав об этом? Мне пришлось видеть двух авторов, которые, убедившись, что их книги сохраняются, так обрадовались, что даже не спросили, читаны ли они Толстым.

Авторы искали суда Толстого: его одобрения или возражения. Американцы наводнили Ясную Поляну религиозно-философскими сочинениями, русское духовенство, желая вернуть Толстого в лоно Церкви, снабжало его своими изданиями, предупреждая, что он стоит на краю пропасти, что пора ему опомниться и не губить души своих последователей.

Диакон Иоанн Смолин пишет на титульном листе «Миссионерского путеводителя по св. Библии» [СПб.], 1905]: «...Да не возжет ли хотя на старости лет Ваших Господь Бог — огонь любви к глаголам вечной жизни...». Другой священник присыпает книгу «... в знак глубокой и сострадательной любви...»²⁵. «Истинный Господь Наш Иисус Христос, вразуми падшее создание Твое, ибо у человека невозможно, у Бога же все возможно. Диакон И. Смолин»²⁶.

Передовая революционная интеллигенция призывает Толстого на защиту человека и гражданина, а «Союз русского народа» подносит книгу о террористических актах (под редакцией Пуришкевича)

«Скорбь русского народа»²⁷ с надписью: «Вот когда нужно сказать „Не могу молчать!“».

Как разнохарактерны автографы русских и иностранных писателей. Для иностранцев Толстой «Célèbre écrivain»*, «Mütiger Dichter»**, «Illustré maestro»***. Для русских: «Великий искатель истины», «Глашатай любви и правды», «Лучший из учителей»...

Книги скромных авторов, с трогательным доверием обращающихся к Толстому за советом, а иногда просто с выражением любви, наиболее характерная особенность яснополянской библиотеки. Пожалуй, нигде в мире не найдется таких странных произведений, таких безграмотных надписей.

Вот книга стихотворений С. П. Кисменского, изд. 1902 г. с надписью: «Льву Николаевичу Толстому. Пишу под знаменем любви, // Под обаянием натуры // И ты, как царь литературы, // Своей улыбкой снисхожденья // Мой путь тернистый озари, // Чтобы в тиши уединенья // При блеске радостной зари // Не гасло пламя вдохновенья <...>».

А вот маленькая книжечка с портретом. Окладистая черная борода, странное опухшее лицо и не менее странные стихи: «Раскрытая книга лежит перед вами, // Читатель мой милый, слыхали ль когда, // Чтоб кто-нибудь также писал бы зубами, // Как я здесь лишенный всего навсегда?»

И имя поэта странное: Никтополеон Святский²⁸.

Между присланными Толстому рукописными сочинениями есть большая тетрадь, переплетенная в черную кожу. Тема книги, «О духовном начале жизни», мало соответствует иллюстрациям. Страницы украшены вырезанными из журналов и раскрашенными цветными карандашами картинками. В глуши Акмолинской области школьный учитель годами готовил для Толстого этот странный подарок²⁹.

Периодические издания собраны отдельно в нескольких шкафах. Старые журналы — неотъемлемая принадлежность каждой помечичьей библиотеки, но нигде нет такого их количества, как в Ясной Поляне. Кроме традиционных связок растрепанных томов «Русского богатства», «Русской мысли» и «Вестника Европы» тут есть мало кому известные названия, вроде «Кругозора», «Воскресного Благовеста», «Юного Израиля», иллюстрированного «велосипедного» журнала «Циклист» и «Веры»...

Большая часть журналов получалась в 1900-х гг. Иногда издатели присыпали их в течение целого года, но чаще ограничивались од-

* знаменитый писатель (фр.).

** смелый писатель (нем.).

*** знаменитый учитель (итал.).

ним-двумя номерами, имеющими какое-либо отношение к Толстому. В то время как страницы этих более поздних изданий остались часто неразрезанными, журналы за старые годы носят следы многократного чтения. Сохранившийся в библиотеке «Вестник Европы» за 1804 г., возможно, выписывался Н. С. Волконским, или же был приобретен Львом Николаевичем гораздо позднее. Есть основание предполагать, что он пользовался некоторыми статьями при работе над «Войной и миром». Многие страницы с описанием мод начала XIX столетия загнуты. «Московские ведомости» за 1803 г. переплетены в старинные переплеты.

В 1870—1880-е гг. Толстой любил читать «Русский архив». В последние годы он более или менее регулярно просматривал «Вестник Европы» и «Былое». Отдельные статьи и рассказы читал в «Журнале для всех», «Русской мысли» и «Русском богатстве».

В старые годы в Ясной Поляне получались главным образом французские журналы. Из них Лев Николаевич предпочитал «Revue de deux mondes», «Revue étrangère». В 1900-х гг. он чаще других просматривал «World's advance Thought», «The Single Tax Review», «Review of Reviews», «The Light of India», «Vedic Magasine», «The Free Hindustan». Анархический журнал «Der g'rode „Michl“», по-видимому, тоже читан Толстым, по крайней мере, по свидетельству Д. П. Маковицкого, за этот журнал высыпалась подписная плата так же, как за французский анархический «Les Temps nouveaux».

Когда-то в кабинете Л. Н. Толстого стояло три книжных шкафа. Он знал место каждой книги, сам доставал и прятал их. Но по мере того, как библиотека возрастала, ведение ею переходило в руки Софьи Андреевны. Должно быть, ревнивое отношение библиофила, не позволяющего прикасаться к своим книгам даже ближайшему другу, было чуждо Толстому.

С. А. Толстая расставляла книги по полкам, заказывала новые шкафы, составляла описи. Она выдавала книги своим семьяным, приезжим гостям, последователям Льва Николаевича. За книгами приходили дачники из Козловки, учителя из ближних деревень, столяр и писарь из волостного правления. Софья Андреевна записывала выдачи в kleenчатую тетрадь, а в другую вносила пропавшие книги, которые надо возобновить.

В последнем кабинете Л. Н. не было ни одного книжного шкафа. Он не делал попытки выделить из библиотечной массы наиболее дорогие ему книги и держать их при себе.

Когда ему нужна была какая-нибудь книга, он стучал в стену деревянной палкой, «своим эвонком», как он говорил. Книгу приносили, а если ее не оказывалось, спешили достать ее.

А. Л. Толстая помнит случай, когда она спешно ездила в Москву за сочинениями Чехова, один из рассказов которого хотел прочитать ее отец.

Когда на полках и на этажерке книг скапливалось слишком много, Лев Николаевич звал кого-нибудь из семьи убрать их. Таким образом появлялись и исчезали из кабинета книги, связанные с работой или с вопросами, интересовавшими Льва Николаевича Толстого, некоторые из них задерживались надолго.

Одна из таких книг — «Новый сборник русских пословиц и притчей», собранных Снегиревым в 1857 г., осталась у него на столе. Он пользовался ею в течение всей жизни. На большой полке над столом стоят справочные издания: «Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон», «Всеобщий географический и статистический карманный атлас» А. Ф. Маркса [СПб., 1903], «Новые параллельные словари языков русского, французского, немецкого и английского» Ф. И. Рейфа, изд. 1901 г.

Вторая полка над письменным столом наполовину пуста. Несколько десятков стоявших на ней книг служили материалом для «Мыслей мудрых людей» и «Круга чтения». С некоторыми из них Толстой не расставался последние двадцать лет жизни. Они образовали его «круг чтения», который он рекомендовал всем, для того чтобы достигнуть спокойствия, силы и счастья: Лао-тзе «Тао те Кинг», буддийские Сутры, Конфуций, Марк Аврелий, Коран, Паскаль, Монтень, Эмерсон, Карлейль, Ламенне...

Тут же «Благочестивые мысли и наставления для руководства христианина на пути к совершенству» [М., 1879] (книга эта напоминает «Круг чтения») и Библия [1862]. На вращающейся этажерке около стола собрана литература по вопросам революционного движения, главным образом брошюры изданий «Колокол»*, «Свобода»*, «Донская речь», «Молодая Россия»³⁰, «Народная воля»*, на некоторых из них пометка рукой Льва Николаевича: «Нужное», «Может понадобиться».

Тут же несколько учебников, которыми он пользовался при занятиях с яснополянскими ребятами.

На маленькой полочке у дверей книжечки для раздачи, издания «Посредника», главным образом сочинения Толстого последних лет: «Где выход?» [изд. «Свободного слова», 1900], «Верьте себе» [М., «Посредник», 1908], «Ответ на определение Синода» [М., 1901], «Патриотизм и правительство» [изд. «Свободного слова», 1900].

По-видимому, наиболее текучей частью книг в кабинете была беллетристика. Тут остались от чтения последних дней: IV том Куприна, изд. 1908 г., «Анатема» Л. Андреева и раскрытий том «Братьев Карамазовых» [СПб., 1882–1884].

Много книг прошло через кабинет в течение долгой жизни Льва Николаевича. Некоторые из них возвращались сюда много раз, оставляя разные впечатления. Одних встречали ласковой улыбкой, как добрых и верных друзей, других недоверчиво и недоброжелательно, как опасных врагов.

Читал Толстой очень много, хотя и называл книги «чепухой» и самым умным человеком считал художника Орлова за то, что он не прочитал ни одной книги.

Во многих книгах остались пометки. Трудно точно установить, с какого времени Толстой стал читать с карандашом в руках. Во всяком случае, в молодости у него не было этой привычки. Иногда, чтобы отметить какую-нибудь страницу, он оставлял закладку: обрывок газеты, письмо.

В последние годы число карандашных пометок сильно возросло. Иногда это чуть надломленные линии на полях, по которым трудно судить о впечатлении, ясно только, что внимание Толстого было остановлено той или иной фразой.

Часто такой чертой отмечался материал для работы. Так, в «Сборниках сведений о кавказских горцах», изд. 1868—1873 гг., отчеркнуты строчки, почти целиком вошедшие в повесть «Хаджи-Мурат». А в сочинениях Амиеля [пер. с франц. М. Л. Толстой], Конфуция, Лао-тзе³¹ — отрывки, из которых составился «Круг чтения». Эти последние отмечены также и цифрами, указывающими, в каком порядке они должны были перепечатываться.

Иногда, кроме линий на полях, подчеркнуто несколько слов в тексте. Реже встречаются сокращенные надписи: «гл» (глупости), «о. х.» (очень хорошо), «пл» (плохо), «Уж» (ужасно), «фальшь»... Чаще вопросительные и восклицательные знаки.

Только в некоторых книгах на полях есть подробные отзывы.

Кроме того, у Льва Николаевича был странный прием оценивать литературные произведения по пятибалльной системе. Должно быть, еще с юности это условное обозначение было принято между братьями Толстыми. 29 мая 1856 г. Лев Николаевич пишет своему брату С. Н. Толстому: «Хотел я хоть от тетеньки узнать твое мнение о моих „гусарах“, но говорят, ты не читал еще. Напиши, сколько ты мне ставишь за это: 1, 2, 3, 4 или 5» (60, 62).

В библиотеке есть сборники рассказов, с начала до конца размеченные по пятибалльной системе. В 1909 г. в Ясной Поляне были получены двадцать экземпляров «Рассказов для детей» Глеба Макарова [Ярославль, 1907]. Лев Николаевич очень их хвалил, читал вслух в зале и раздавал мальчикам, приходившим к нему учиться. Одна из книжечек сохранилась в библиотеке. Под рассказом «Услужливый

работник» стоит единица, а «Спор» (звезды спорят, которая из них ярче, потом все бледнеют при свете луны и исчезают в лучах солнца) отмечен пятеркой с плюсом.

Не более ровна и оценка 3-го тома рассказов Леонида Андреева. «Баргамот и Гараська» — 2, «Защита» — 5, «Первый гонорар» — 5+, «Друг» — «пл.» («плохо»), «Христиане» — 5+, «Из жизни штабс-капитана Каблукова» — «фальш.» («фальшиво») и оценка 1, «Праздник» — «Было бы хорошо если бы чувство меры».

По этой же системе размечены «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя. Некоторые из них, как например, «Русский помешник», «Сельский суд и расправа», «Завещание», «Карамзин», «О театре» — зачеркнуты целиком. Письма «О помоши бедным», «О том, что такое слово», «Советы», «Значение болезней», «Христианин идет вперед» — отмечены пятеркой. «О лиризме наших поэтов» — нулем. В «Светлом Воскресении» зачеркнуты полторы страницы, а дальше поставлено пять с тремя плюсами. Особенно много пятерок и плюсов стоит около слов: «Поразительно: в то время, когда уже было начали думать люди, что образованием выгнали злобу из мира, злоба другой дорогой, с другого конца входит в мир, — дорогой ума и на крыльях журнальных листов, как всепогубляющая саранча нападает на сердца людей повсюду».

Весной 1909 г. Толстой читал рекомендованную ему Мечниковым повесть Ропшина «Конь бледный» (57, 154). Многие фрагменты, повторяющиеся или малопонятные, зачеркнуты. Около них стоят цифры от трехсот двенадцати до единицы. Возможно, что, читая, Толстой только черкал, но, кончив, решил сосчитать, сколько лишнего, с его точки зрения, в тексте повести и, начав с конца, насчитал 312 таких мест³².

Мы не имеем возможности привести в этой статье все характерные пометки, имеющиеся в книгах Толстого, со временем они должны послужить темой для специальной работы. Не только теоретически в статье «Что такое искусство?», но и практически в оценке того или иного произведения он старался доказать, что ценность его определяется силой нравственного воздействия на читателя. Большая часть его литературных симпатий подтверждает это положение. Но каких усилий это ему стоило, может выяснить долгий и внимательный разбор.

Чрезвычайно чувствительный к каждому фальшивому звуку, к преувеличению, к выдумке, к сладковатости, он побеждал в себе эту не преодолимую потребность стройности и чистоты звука в угоду высшим требованиям.

Однажды Лев Николаевич неожиданно вошел в залу, где читали вслух рассказ Семенова. «Как фальшиво! Ах, как фальшиво!» — сказал он сморщившись.

Но, дослушав до конца, где говорилось о разворачивающем влиянии города на чистую деревенскую душу, он вдруг с особым жаром стал расхваливать рассказ.

Борьба двух начал, продолжавшаяся в течение всей долгой жизни Толстого, запечатлелась на страницах его книг в виде черточек, букв и значков.

¹ Архив Толстовского Фонда. См.: письмо А. Л. Толстой г-же Боулс. 16 июня 1949. Нью-Йорк.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См. Александра Толстая: Каталог выставки. Тула, 2001. С. 25.

⁵ Louÿs, Pierre. *Les Chansons de Bilitis / Traduites du grec par Pierre Louÿs*. Paris: Société de Mercure de France, 1898.

⁶ Запись «Библиотека Ясная Поляна» на книге отсутствует.

⁷ Ошибка памяти автора. В мемориальном доме Л. Н. Толстого книги хранятся в 28 шкафах.

⁸ В библиотеке Л. Н. Толстого имеется два разных издания «Contes maurus»: Chimani, Leopold. *Recueil des contes maurus...* Wien; Leipzig: Leopold Grund: Friedrich Fleischer, 1826 и Le Prince de Beaumont, Marie. *Contes moraux*. Lyon: Pierre Bruyset-Ponthus, 1774.

⁹ В библиотеке Л. Н. Толстого одна из книг «составительного содержания» сохранилась. См.: Изв. кн. 4. № 11652: [Chaussard, Pierre Jean Baptiste]. *Fêtes et courtisanes de la Grèce: Supplément aux voyages d'Anacharsis et d'Antenor*. Paris: Chez Barba, 1803. Livre 2.

¹⁰ Толстой С. Л. Мать и дед Л. Н. Толстого. М., 1928. С. 135.

¹¹ В библиотеке Ясной Поляны имеется два издания «Journal de mes enfants»: книга Beauregard, Adèle. *Journal de mes enfants ou la Morale de chaque heure du jour / Traduit de l'anglois par Adèle Beauregard*. Paris: Vernare et Tenon, 1828 и периодическое издание: *Journal de mes enfants...* Т. 1.

¹² Повесть И. И. Панаева «Львы в провинции» печаталась в журнале «Современник» за 1852 г.

¹³ Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарта помыслах, о войнах его с Гибралтаром и Россиею, о истреблении войск его и о важности нынешней Немецкой войны. СПб., 1814.

¹⁴ Подарок товарищам, или Переписка русских солдат в 1812 году. СПб., 1833.

¹⁵ Thomas à Kempis. *L'Imitation de N. S. Jésus Christ / Traduit du latin par m. l'abbé Valart*. Paris: Fournier le Jeune, 1775 [?].

¹⁶ В библиотеке Л. Н. Толстого книги Эрнеста Ренана со штампом Императорской публичной библиотеки не сохранились.

- ¹⁷ Вергилий. Энеида / Пер. А. Фета. М., 1888.
- ¹⁸ Фет А. А. Вечерние огни. М., 1885.
- ¹⁹ Самборский С. И. Что такое сап у лошадей и как его уничтожить. СПб., 1894.
- ²⁰ Мюллэр Г. Как основать и организовать общество потребителей / Пер. с нем. И. А. Шапиро. СПб., б. г.
- ²¹ Речь идет о книге: Отклики: Студенческий сборник. М., 1910 с дарственной надписью: «Великому от малых сих, чающих отклика». 25.1.1910».
- ²² Северянин И. В. Зарницы мысли. СПб., 1908.
- ²³ Короткий С. А. (псевд. Дядя Михей). Табачное зелье на Руси. СПб., 1907.
- ²⁴ Топорский М. Стихотворения. М., 1908.
- ²⁵ Смолин Д. Трагизм толстовства и мир Евангелия. 4 Отт. из журн. «Миссионерское обозрение». 1902, 1903.
- ²⁶ Сергиев (Кронштадтский) И. И. [Ответ отца Иоанна Кронштадтского Льву Толстому на его «Обращение к духовенству». СПб., 1903].
- ²⁷ Книга русской скорби / Изд. Русского народного союза им. Михаила Архангела. СПб., 1908.
- ²⁸ Святский Н. Искорки: Стихотворение. СПб., [1900].
- ²⁹ Скорее всего речь идет о рукописных книгах «Самопознание: Вакационные записки учителя народной школы» и «Общепонятные записки христианина XIX столетия о познании себя», возможно, принадлежащих И. А. Желтышеву. Они были присланы Л. Н. Толстому И. И. Поповым в 1889 г. «Рукописи я получил и просмотрел их. ... Во всем написанном нет ни малейшего ни смысла, ни связи, ни толку, что вы и сами могли видеть, и чем скорее автор убедится в этом, тем для него лучше» (64, 251–252).
- ³⁰ Изд. «Донская речь» и «Молодая Россия» см.: Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: Библиографическое описание: В 2 ч. М., 1972: № 49, 302, 594, 2074, 2360, 3049.
- ³¹ Lao-tzŭ. The Light of China. Philadelphia: Research publishing co.: Peter Reilly, 1903 и Lao-tzŭ. Lao-tze's Tao-teh-king. Chicago; London: The Open court: Kegan Paul, Trench, Truebner & Co., 1898.
- ³² Издание каталогов было осуществлено в 1972, 1978 и 1999 гг.: «Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: Библиографическое описание: Периодические издания на русском языке. Т. 2. М., 1978; Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: Библиографическое описание: Книги на иностранных языках. Т. 3 в 2 ч. Тула, 1999.

Н. А. Никитина

КНЯЗЬ Н. С. ВОЛКОНСКИЙ – ГЕРОЙ АМПИРА

Каждый из нас, считал Лев Толстой, представляет собой итог бесчисленных сложений, а каждое мгновение — плод 40 тысячелетий. Всю свою жизнь великий человек стремился продолжить дело своего деда, князя Н. С. Волконского, устроителя яснополянской усадьбы. Отличительной чертой внука было почитание деда, его культ. Тень ушедшей жизни вызывала «рой воспоминаний». Ампирный образ усадьбы, сформированный дедом, производил на великого внука сильное эмоциональное впечатление. В нем был заселен гений. Лев Толстой любил все, что было связано с дедом, его временем, его делами. Любил настолько сильно, что, за небольшими исключениями, полностью «продитировал» его образ в «Войне и мире». Он никогда не видел деда, потому что родился спустя семь лет после его смерти, но всегда находился под обаянием семейных преданий о нем, желал «подражать» ему. В «Дьяволе», вспоминая словно бы себя, Толстой говорил о своем герое: «Самые обычные консерваторы это — молодые люди. Так было с Евгением. Поселившись теперь в деревне, его мечта и идеал были в том, чтобы воскресить ту форму жизни, которая была не при его отце, а при деде» (27, 482).

Дед писателя и в самом деле был во всех отношениях примечательной личностью. Правда, примечательность эта за тенью его гениального внука как-то затушевалась, стерлась в людской памяти. А между тем «кн. Н. С. Волконский должен нас интересовать не только потому, что он дед Л. Н. Толстого и что его внук наследовал некоторые черты его характера, но также как один из видных и типических представителей своей эпохи и своей среды, как прототип кн. Николая Андреевича Болконского в „Войне и мире“ и как бывший владелец Ясной Поляны, где он распланировал усадьбу, посадил парк и возводил существующие и поныне постройки»¹.

Князю Н. С. Волконскому было чем гордиться, вспоминая прошлое своего рода, прожитые годы. Ведь он венчал собой мощную ветвь одного из древнейших княжеских родов России. Предки его вели род от одного из Рюриковичей, князя Михаила Черниговского, канонизированного Православной Церковью. Доказательством тому

была висевшая в яснополянском доме красавая ветвистая родословная таблица Волконских, похожая на большую реку с многочисленными притоками. В нем, как в одном из лучших представителей рода Волконских, «можно заметить некоторые общие черты — независимость, сознание долга и чувство чести»². Дорогую цену заплатил за эти черты дед писателя. История отставки и опалы, постигшая Волконского с воцарением Павла, проста и нелепа, какой могла быть только при Павле. Началось с того, что князя перевели командовать Азовским мушкетерским полком. А через полгода, в июне 1797 г., уязвив гордого боевого генерала инспекторским смотром, его полк под смехотворным предлогом «исключили» «из службы без абшида». Это была отставка, да отставка к тому же без пенсии! Однако делу было угодно принять совсем иной оборот. Вскоре, 25 декабря 1798 г., Волконский «всемилостивейшим» повелением возвращен был на службу в чине генерал-лейтенанта, а через два дня назначен военным губернатором в Архангельск. Еще через полгода возведен в чин генерал-аншефа от инфanterии с возложением на него обязанностей командира корпуса, стоявшего на случай предполагавшейся тогда высадки в Белом море французов. Французы, впрочем, как и ожидал Волконский, не высадились, и корпус был расформирован. Оставшись не у дел и вконец раздосадованный противоречиями, князь и решился навсегда покончить с военной службой. «23 ноября 1799 г. генерал от инфanterии кн. Волконский 4-й по прошению» был «уволен от службы с абшидом»³. Только «в екатерининское время можно было безнаказанно соединять службу и преданность престолу с некоторой независимостью характера»⁴. Время Екатерины ушло. Вынуждены были уходить со сцены и люди, определявшие Екатерининскую эпоху. Обида, однако, не сломила князя. Екатерининскую немилость он перенес гордо и достойно.

Конечно, вначале была неудовлетворенность новым своим положением, отсутствием привычных целей. И все же не в характере князя было отчаиваться. Неудовлетворенность должна была обернуться новым приливом деятельности. Совсем не старый еще, сорока шести лет, Николай Сергеевич находился в расцвете сил. Тогдашнее его состояние в тех же набросках достаточно точно представил и сам Толстой: «Екатерининский генерал-аншеф, теперешний генерал-лейтенант, князь Волхонской, отец князя Андрея, в 1805 году был еще свежий мушкетер (ему было 56 лет), готовый на всякую деятельность» (13, 77).

Деятельный, активный, он был полон планов. Два важных, серьезных дела, две глубокие страсти вскоре захватили Николая Сергеевича, на которые направил он всю свою энергию, перед тем бесцере-

могло лишеннюю русла павловским временем. Двумя основными заботами на все время его новой, яснополянской жизни стали дочь и хозяйство.

С годами в Ясной Поляне сформировался особый, удивительный мир, мир, который вряд ли скоро същешь в какой другой тогдашней провинциальной усадьбе, мир, который рефлексивно, своими традициями потом долго еще будет мерцать во всем жизненном укладе, обычаях, привычках, нравственных устоях толстовской семьи. Черты его тонко были схвачены еще Б. М. Эйхенбаумом. Он подметил некую особую патриархальность быта, которым жила семья Волконских — Толстых в начале XIX в.: «Это была не та механическая, бессознательная патриархальность „старосветских помещиков“, которая передается из рода в род и свидетельствует только об отсталости, провинциальности, а совсем другая — явившаяся результатом разочарования и „фрондерства“, построенная на принципах восстановления утраченного „достоинства“ и потому скрывающая в себе не столько консервативные, сколько реставрационные тенденции. Это была патриархальность с надрывом — сознательно и заново организованная (даже без достаточно на то реальных возможностей и средств), утонченная, преувеличенная и несколько стилизованная, соединяющая в себе элементы старорусского барства с французской чувствительностью и галантностью»⁵.

Поражаешься подчас, как удивительно все взаимосвязано, как незримыми до поры до времени путями, прихотливо, затейливо плетущими вязь истории человеческих судеб, в потоке поколений создается вдруг личность — сгусток, результат внешне подчас не всегда согласованных усилий многих предков рода. Недаром Толстой как-то сказал: «Я начал быть, но не совсем начал. Если бы до меня не было людей, разве я был бы такой же? Я — произведение предшествующих людей, то, что составляет мое я, было прежде меня». Ведь сколь важным оказалось то, что дед писателя навсегда покончил с военной и светской карьерой, что разочаровался в нормах и законах жизни *grand monde*, то, что, наконец, он, как и князь Болконский, уехав «в свое родовое именье», «начал строиться вроде феодальных баронов с башнями и замками, с садами и парками, прудами и фонтанами».

Это извечный и в то же время безнадежный вопрос: «что было бы, если бы...», но, верно, многое могло быть по-иному, окажись иной судьба деда Льва Толстого и, главное, не посвяти он последнюю треть своей жизни усадьбе, ставшей любимым его детищем. Возвратившись в Ясную Поляну, он с головой погрузился в нахлынувшие на него заботы. Усадьба досталась ему не новая. Приобрели ее Волкон-

ские в 1763 г., когда Николай был десятилетним мальчиком. Отец, Сергей Федорович Волконский, обстроиться не успел: сначала участие в Семилетней войне, позднее хлопотная деятельность в качестве крапивенского уездного предводителя дворянства, воспитание четырех сыновей, да и старость, наконец, — на все это и ушли оставшиеся двадцать лет жизни. До перестройки дело так и не дошло, и все заботы, вместе с имением, достались младшему из сыновей. То, что Волконский увидел по приезде в Ясную осенью 1799 г., окончательно убедило его в том, чтобы в плотную заняться хозяйственными делами. За время, пока отец и сын преуспевали на ратном поприще, ветшали и дряхлели постройки, оплывали, превращались в месиво усадебные дороги, дичали яблони в садах, зарастал парк, мелели пруды. Впрочем, были тому и другие причины, пожалуй, более серьезные, — само время: ведь к началу XIX в. яснополянская усадьба прожила уже более чем вековую историю.

Первый усадебный центр размещался в полукилометре к юго-западу от известного Дома Волконского. Его основу составляла крупная вытянутая с запада на восток постройка с примыкавшей к ней территорией двора и сада. Здесь стоял барский «дом на двух срубах», принадлежавший помещику Бабоедову.

Вторая усадебная композиция, хорошо развитая, значительная по масштабу, размещалась вблизи знаменитого парка «Клины». Волконские поселились именно в этой, второй по счету, яснополянской усадьбе, прожив в ней без малого сорок лет. В 1720—1730-е гг. осуществился прежними хозяевами перенос усадебного центра. Мотивировка была простой: необходимо было обновить усадебные дома, но при этом гораздо удобнее было построить их заново на более выгодном, самом высоком месте яснополянского рельефа — ведь теперь не было ограничений по рубке засечного леса и можно было расширять усадебное пространство в любом направлении. Новую усадьбу строили с размахом, с желанием не отстать от моды и традиций, царивших в 20—40-е гг. XVIII в. в имениях крупной помещичьей аристократии. Заметно это уже по одной регулярной планировке, организованной «по правилам», иначе — по геометрическим принципам.

Регулярность — повсеместный всемогущий признак, рожденный искусством петровского времени. Это мода, принцип, закон, на основе которого создавалось в первой половине XVIII в. все — от изящного геометрического рисунка на крышке миниатюрной дамской шкатулки до «идеальных» в своей симметрии леблоновых схем, разрабатывавшихся тогда для ряда российских городов. Поэтому и в Ясной Поляне главная часть усадьбы организовывалась четко, геометрично, с подчинением единой оси симметрии. Господские дома были Г-образные в

плане, причем крыльями они были поставлены так, что перед домами располагался просторный парадный прямоугольный двор — курдонер. Этой усадьбой и владели Волконские. Жизнь второй яснополянской усадьбы с годами неизбежно приближалась к своему концу. Время стерло большую часть примет этой жизни. И все же от эпохи прадеда Толстого уцелело значительно больше, чем от раннего периода яснополянской жизни. Сохранились парк «Клины», аллея «Прешпект», Большой и Средний пруды. Судьба этих прекрасных фрагментов прошлого такова, что им предстояло сродниться с тем новым, что намеревался создать дед Толстого.

Итак, настала пора вновь вернуться к опальному хозяину Ясной Поляны, одержимому страстным желанием заново перестроить усадьбу, в которой ему хотелось прожить оставшиеся годы своей жизни. Он сменил придворную жизнь на усадебную, историю на биографию, службу на свободу, карьеру на творчество. Усадьба стала для него способом обретения духовной свободы и формой самовыражения. Именно здесь, вдали от столичных хитросплетений, князь нашел себя, реализовав свою творческую энергию в архитектурно-ландшафтном ансамбле, ставшем итогом его жизни. Ясная Поляна явилась его образом жизни, где он наслаждался прелестями частного бытия. Здесь он принял жизнь как наслаждение, как красоту. Отъезд князя из «большого света» был своеобразным жестом протеста. За свой дерзкий отказ жениться на племяннице всесильного князя Потемкина Варваре Энгельгардт он оказался в опале. Но все это осталось в прошлом. В настоящем было другое — обустройство усадьбы.

Россия была охвачена пафосом строительства и модой на Руссо и Вольтера. Наступал «золотой век» усадебной жизни. Дух Вольтера витал повсюду, каждый начал «возделывать свой сад». Россия с ее бесконечными просторами превратилась в «милую» страну усадеб. На этих просторах складывалась великая усадебная культура, ярко проявившая себя в архитектуре и ландшафте, где столичный апломб ловко породнился с сельской вольницей.

Волконский, верный и последовательный «вольтерьянец», шел в ногу со временем и был охвачен усадебной лихорадкой. На 20 лет Ясная Поляна превращается в строительную площадку. Строительно-му пафосу князя не смогла помешать даже Отечественная война 1812 г. Своей страстью и энтузиазмом он преобразовывал прежний облик Ясной Поляны, придавал благородные черты ампира, так пленившие впоследствии его внука. Князь искусно вписал свой ансамбль в сложный рельеф, удачно используя элементы прежней планировки: въездную усадебную аллею «Прешпект», Большой пруд, регулярный парк «Клины». Дед писателя строился основательно и вдумчиво. Его

великий внук, в другое время и в другой реальности, столь же тщательно будет воссоздавать дедовский ансамбль на страницах «Войны и мира», воскрешая старые формы жизни князя.

Именно в ампире князь Волконский нашел то, что искал: простоту, порядок и красоту. Он являл собой тот уникальный тип людей, в котором сопрягались порядочность с тонким эстетическим вкусом. В нем все — от одежды до душевного стиля — было *à la classique*. Свое прошлое, состоявшее из фрондерства и вольтерьянства, он блестяще реализовал в ансамбле, парке, сохранивших его фантазию и ностальгию. Созданная им усадьба стала итогом его жизни. Из военного человека князь вскоре превратился в творца. Ведь усадебное искусство тем и привлекательно, что сами обитатели становились безымянными живописцами и зодчими. Дух творчества в Ясной Поляне появился вместе с дедом писателя.

Усадебная жизнь князя сопровождалась «восторженным уважением» и «похвалами его уму и заботе» о крестьянах и дворне. Забота о яснополянцах генетическим образом перешла от деда кнуку. С великой любовью вспоминал Толстой этого замечательного человека, заставившего силой своей воли вернуть Александра I в свой дом, несмотря на то, что венценосец находился уже далеко от Ясной Поляны, забыв про обещание навестить Волконского. Князь запряг лошадей, догнал императора и привез его в Ясную Поляну.

Каждый поместный владелец умел, как известно, «на десятине снять экстракт Вселенной всей». Князь Волконский 4-й свой «экстракт Вселенной» создал на территории многое больше десятины — в несколько сот. Его строительная концепция была продумана детально и со знанием дела. Свою усадьбу по всему периметру он обнес канавой, шутливо названной «ах-ах». На самом выигрышном месте он построил ансамбль, состоявший из трехэтажного господского дома и двух идентичных флигелей. В нижней части усадьбы, откуда виднелась дорога и деревня, были выкопаны пруды. Боковые стороны квадрата окаймляли березовые аллеи. Белизну домов подчеркивала свежая зелень лужаек, чудную картину завершал задумчиво-грациозный «аглицкий» сад. Не забыл князь и про хозяйствственные постройки с ковровой фабрикой. Строительство осуществлялось им размеренно и поэтапно. Ансамбль получился «прочным и изящным», привлекая к себе внимание путешественников, заинтересованных яснополянским «проспектом», «столбами у ворот» и пр. Прямой «Прешпект» вполне соответствовал облику деда писателя с его высоко поднятой напудренной головой, одетого в необыкновенной чистоты батистовое белье, гордо смотрящего своими светло-черными глазами из-под густых широких бровей.

Усадебную красоту князь не мог представить без главного поэтического образа — воды, дарующей ощущение радости. Он расширил Большой пруд, устроил новый каскад из прудов, придав им большое значение в контексте яснополянского ландшафта. Особенно прелестными были пруды в полнолуние, когда луна отражалась в них. Как известно, «луна и вода» часто поднимали Толстого, отрывая от земли и наполняя силой воображения и любви. И этими озарениями он был обязан тонкому эстетическому вкусу своего деда.

Князь Волконский оказался удивительно талантливым и тонким ценителем «зеленого», садово-паркового искусства. Нижний парк, возникший по его инициативе в 1810-е гг. на месте голых верхов, — лишнее доказательство этому. Если каноны ампирной архитектуры порой сдерживали фантазию князя, то совсем иное — ландшафт, предоставивший творцу огромную возможность для реализации его замыслов, давший свободу в парко-строительных делах.

Именно этот парк ярко воплотил в себе усадебную идеологию «сельских радостей». Камерный, небольшого размера, всего лишь в три десятины, Нижний парк с серебристыми тополями, светлыми березами, стройными елями, каскадом искусственных прудов, очаровательными березовыми мостиками, извилистыми дорожками, таинственными пейзажными «уголками», вышкой-беседкой, одиноко стоящей, подобно стражу, в самой глубине парка, и прочими «садовыми безумствами», оказался на редкость живописным, уютным, привлекательным, со следами высокого искусства. Здесь все взвывало не к разуму, а к сердцу.

В Ясной Поляне при Волконском появились оранжерейные чудеса, своеобразный атрибут «барского» стиля жизни. В ритуал яснополянского бытия вошла привычка показывать гостям наиболее экзотические фрукты, выращенные в собственных теплицах дыни, арбузы, персики. Не было только ананасов. Но их, как известно, не смог вырастить во Франции Бальзак. Для юного Толстого оранжереи были самым любимым уголком усадьбы. Здесь, в этом таинственном и поэтичном месте, рождались грезы.

Старый князь Волконский все делал неторопливо, обдуманно и аккуратно. Он ежедневно вставал в пять утра и до «вкушения чая», то есть до семи часов утра, успевал не только прогуляться по саду, осмотреть оранжереи, но и понаблюдать за строительством своего «городка», попутно сделав замечания молодому, облагодетельствованному им архитектору и выразив желание посмотреть планы. Но такое случалось не часто. Обычно указания давались им из кабинета через управляющего.

Почувствовав, наконец, себя самим собой, князь начал обстраиваться, обсаживаться и украшаться. Ему наскучило жить для истории. Было уже больше прожито, чем оставалось, но время еще было для жизни «неисторической», обычной, бытовой.

Родовое имение князя было небольшим, но он его неплохо подправил большими деньгами своей жены. Все проезжавшие мимо его усадьбы, в том числе и сам государь, не удержавшись, восторженно спрашивали, чье это такое славное имение. Иногда выезжал сюда, к большой дороге, и сам князь на своей излюбленной парочке и любовался видом, открывавшимся отсюда на строящуюся усадьбу.

Но усадебная гармония нарушалась обликом конюшни в 82 сажени длиной, загородившей собой усадебную панораму, и ее в одночасье не стало. Она была сломана по распоряжению князя. Теперь был виден весь фасад, и князь мог взирать на свои строения, произнося с гордостью: «Городок!»

Особенного внимания требовала работа каменщиков на новой людской — огромном каменном здании. Князь был большой «охотник строиться, и, начиная от птичника и конюшен с полами до спальной дочери, все было сделано прочно, богато, красиво и, главное, отчетливо. Волконский не мог перенести вида отбитой штукатурки и, еще хуже, — неровного пола, кривой стены. Один раз он приказал перештукатурить целый флигель за то, что, прикинув угольником, убедился: угол был не математически прямой... Все — от стен дома толщиною в два аршина до ножек стульев — было чисто и отчетливо, прихотливо». Всюду в «городке» ощущалась «поэзия порядка».

Для строительства ансамбля князю понадобилось 18 лет. Помощников он чаще всего находил в своих деревнях. Так, одна из деревень его в 200 душ была отряжена на подвоз камня и битье кирпича. Общими усилиями был выстроен уникальный «городок». Но чтобы построить такой «городок» на страницах эпопеи, ее автор должен был досконально изучить всю строительную эпопею деда. От глубинных знаний истории жизни своего предка до гениальных прозрений — путь толстовского созидания. Именно таким образом им была составлена удивительно полноценная картина уклада и образа жизни Н. С. Волконского, «перелившаяся» впоследствии на страницы «Войны и мира».

Толстой провел классическое писательское расследование по изучению образа жизни своего предка. Его интересовали все подробности и мелочи дедовского бытия. На время Толстой сам стал соучастником грандиозного строительного ясонополянского процесса, предпринятого дедом с таким размахом. Он благополучно перенесся в

самое начало века, вошел в нутро души деда и на миг стал им. Только так можно было осмыслить всю глубину бесконечного потока жизни Волконского. Знания и вымысел, как пути и пристанища, завязались в единый узел. Но без элемента ирреального «Война и мир» была бы просто нереальна. Бессмертная книга получилась не только реальной, но и живой, как сама жизнь.

¹ Толстой С. Л. Мать и дед Л. Н. Толстого. М., 1928. С. 7.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: пятидесятые годы. Л., 1928. Кн. 1. С. 12.

Г. В. Алексеева

ЯСНОПОЛЯНСКОЕ СОБРАНИЕ КНИГ
НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Из истории научно-библиографического
описания личной библиотеки
Л. Н. Толстого

Завершение работы над двумя книгами третьего тома научно-библиографического описания иностранной части личной библиотеки Л. Н. Толстого¹ является для исследователей творчества Л. Н. Толстого, музеиных работников, библиографов, культурологов событием весьма значительным. Продолжена колоссальная работа по каталогизации огромного книжного собрания, начатая более ста лет назад, в 1880–1900-е годы, членами семьи Толстого, Софьей Андреевной и Татьяной Львовной Толстыми, а также близкими писателю людьми. Делая историческую ретроспективу, следует констатировать, что к концу 1880-х гг. собрание книг и журналов Волконских — Толстых увеличилось столь значительно, что размещалось уже не в двух шкафах, как это было в начале 1860-х годов, а в тридцати. Встал вопрос об определенной каталогизации и систематизации библиотеки. Упорядочить библиотеку было поручено учителю детей Л. Н. Толстого, выпускнику математического факультета А. М. Новикову. Вот как он описывает работу по каталогизации библиотеки: «Вторая работа, на которой опять мы сошлись со Львом Николаевичем, была приведение в порядок яснополянской библиотеки. Книг было много, 13 шкапов, и книг самых разнообразных <...>. И все эти книги были свалены без описи, без всякого порядка, в 13 шкапах. Я не мог отнестись равнодушно к участи такого культурного богатства и засел за составление каталога и за расстановку книг»². Старшая дочь писателя Татьяна Львовна Толстая приняла в каталогизации самое деятельное участие. Учитывая ценнейшие советы близкого друга семьи Н. Н. Страхова, она составила первый карточный каталог яснополянской библиотеки, который до сих пор как раритет бережно хранится в фондах Дома Л. Н. Толстого. Карточный каталог, в создании которого принимали участие Софья Андреевна и другие члены семьи Толстых, послужил основой для работы по библиографическому описанию яснополянского книжного собрания, которое и проделала в 1908 году С. А. Толстая. Она предприняла попытку не только каталогизации, но и тематической систематизации книг на русском, французском, немецком и английском языках. В Москве,

в магазине «Мюрь и Мерилизъ», были приобретены три большие, конторского типа книги, которые впоследствии были переплетены в тома каталога книг на русском, французском, английском языках и находятся поныне на письменном столе верхней библиотечной Дома Л. Н. Толстого; каталог книг на немецком языке сохраняется в рабочей тетради. В каталоге С. А. Толстой есть разделы: «Религия и философия», «Литература и критика», «История и биография», «Натуральная история», «Путешествия, математика», «Образование», «Политическая экономия и юриспруденция», «Медицина и разное», последний раздел — «Журналы», есть раздел «Старая библиотека». Регистрируя книгу, С. А. Толстая отмечала количество томов, шкаф и полку. Но работа, к сожалению, не была завершена в объеме, задуманном Софьей Андреевной. В отличие от некоторых других усадебных библиотек, владельцы которых, в подражание европейским библиофилам, заводили у себя переплетные мастерские, в Ясной Поляне книги, как правило, отправляли переплеть в Тулу или Москву, и на некоторых изданиях сохраняются соответствующие пометы рукой С. А. Толстой.

В 1912 г. по заданию Московского Толстовского общества в Ясную Поляну прибыл профессор А. Е. Грузинский, известный учений, переводчик, редактор «Нового сборника писем Л. Н. Толстого» (1912) и сборника «Письма Л. Н. Толстого к жене» (1913). Он провел в Ясной Поляне месяц и в общих чертах ознакомился с библиотекой, составил картину читательских интересов Толстого, но количественная характеристика книг, сделанная Грузинским, требовала серьезных уточнений. В письме к С. А. Толстой от 21 октября 1912 года он сообщал, что сдал статью о библиотеке в «Толстовский ежегодник»*.

Долгая и кропотливая работа по полному описанию библиотеки была проделана В. Ф. Булгаковым, бывшим секретарем писателя. В 1912 году по решению Толстовского общества он приступил к работе, принимая во внимание инструкции, полученные от А. Е. Грузинского. В. Ф. Булгаков завершил работу по исследованию библиотеки в 1916 году, подготовив пять рукописных книг библиографического описания, которые до сих пор бережно хранятся в фондах Дома Л. Н. Толстого. В декабре 1952 года, по возвращении Булгакова из эмиграции, работа по научно-библиографическому описанию ясполянской библиотеки возобновилась. Была избрана комиссия по выработке методики и принципов описания в составе известных ученых — Н. Н. Гусева, К. Н. Ломунова, А. И. Шифмана. Под

* Государственный музей Л. Н. Толстого. Отдел рукописей.

редакцией В. Ф. Булгакова стали выходить в свет тома русской части библиотеки³. Последний том, с описанием периодических изданий на русском языке, вышел в 1978 году⁴.

В 1920-е годы, в отсутствие Булгакова, работа по каталогизации яснополянской библиотеки была продолжена по инициативе Александры Львовны Толстой, в то время директора музея. В яснополянском архиве хранится письмо от 11 января 1924 года, отправленное в Музей Л. Н. Толстого в Москве. В письме говорится о том, что «управление имения „Ясная Поляна“ просит откомандировать Вашего работника — библиотекаря Варвару Дмитриевну Пестову для приведения в порядок библиотеки Дома Музея в Ясной Поляне»⁵. 28 марта 1927 года А. Л. Толстая пишет письмо в Главнауку, музейный отдел, о том, что совет музея-усадьбы постановил пригласить из Московского Исторического музея для консультации по описанию библиотеки специалиста. Исторический музей, по ходатайству А. Л. Толстой, командировал в Ясную Поляну своего научного сотрудника, профессора Евгения Николаевича Ефимова. Под его руководством в летние месяцы 1927–1928 гг. велась напряженная работа по подготовке карточного каталога и инвентарных книг личной библиотеки Л. Н. Толстого. В это же примерно время Главнаука открыла финансирование описания библиотеки. Развернулась большая деятельность по приведению библиотеки в порядок: реставрировались, переплетались в Туле некоторые книги, заказывались специальные ящики (всего — двенадцать) для карточного каталога и бюро к ним, составлялись списки книг, пропавших в период с 1912 по 1927 г. Группа библиографов под руководством Ефимова по возможности максимально полно на тот исторический момент провела каталогизацию: были учтены в карточном каталоге почти все издания, за исключением некоторых книг так называемой «старой библиотеки» из 24-го шкафа, а также тех книг, которые С. А. Толстая-Есенина в 1939 году передала в личную библиотеку писателя из библиотеки Т. Л. Толстой в Москве. Осуществить достаточно полное описание библиотеки в то время было делом чрезвычайно сложным: шла подготовка 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого, возвы книги отправлялись в Москву по запросам специалистов, книги возвращались не всегда вовремя, что вносило определенные трудности в работу библиографов. Тем не менее в достаточно сжатые сроки карточный каталог и четыре инвентарные книги яснополянской библиотеки были подготовлены.

В 1983 году, через пять лет после выхода томов русской части Каталога, была начата работа по научно-библиографическому описанию иностранной части личной библиотеки писателя, которая составляет примерно половину книжного собрания Ясной Поляны, т. е. око-

ло 11 000 томов. В третий том каталога входят описания книг, изданных в период с 1613 по 1910 год включительно на всех языках, кроме русского. В третий том включены и издания на языках народов Российской империи, таким образом, научно-библиографическое описание иностранной части содержит два алфавитных ряда — латинский и кирилловский.

В библиотеке Толстого насчитывается около 5 тыс. книг на иностранных языках, из них — около 250 книг XVII—XVIII веков и несколько десятков книг первой трети XIX века. Это все, что входит в понятие «старая библиотека». В результате научно-библиографического описания удалось скорректировать некоторые характеристики яснополянского книжного собрания. Так, например, самым старым изданием библиотеки является книга Филона Александрийского, изданная в Кельне в 1613 году, с параллельными текстами на древнегреческом и латинском языках, хранящая пометы, возможно, рукой Л. Н. Толстого.

Известный английский библиофильский парадокс гласит: «Хорошая штука — читать книги, возможно, неплохая — писать их, но истинное наслаждение — хранить те, что когда-то написаны». Толстой принадлежит к недлинному ряду исключений, к которым применимы все три составляющие английского парадокса. Д. П. Маковицкий, домашний врач писателя, сделал верное замечание о том, что библиотека Ясной Поляны составлялась целым миром. И действительно, в последние три десятилетия жизни писателя происходило значительное пополнение библиотеки, очень часто — за счет книг-подарков, присланных, привезенных друзьями, знакомыми, просто почитателями таланта великого яснополянца. Отсюда — огромное количество книг с дарственными надписями современников Толстого. Кроме того, в библиотеке хранятся книги, переданные Толстому для работы, среди них — книги с владельческими записями Н. Н. Страхова, Н. И. Стороженко, В. Г. Черткова, некоторых других лиц. Следует отметить также, что книги не только поступали в библиотеку, но и легко «уходили» из нее: Лев Николаевич «записным» библиофилом не был и, по словам С. А. Толстой, не имея привычки правильно и постоянно пополнять свою библиотеку, приобретал книги, главным образом, нужные для тех или иных работ. К Толстому вполне применимы известные слова Петrarки: «Нельзя держать книги запертыми, словно в тюрьме, они должны непременно переходить из библиотеки в память». Несмотря на некоторые лакуны, объяснимые временем, историческими обстоятельствами, библиотека весьма интересна по составу. В «старой библиотеке», т. е. среди книг, принадлежавших деду, Н. С. Волконскому, родителям писателя, тетеньке Т. А. Ерголь-

ской и, возможно, прадеду С. Ф. Волконскому, есть почти все те издания, которые являлись неотъемлемой чертой библиотеки любого просвещенного дворянина. Сочинения французского поэта и переводчика Жака Делиля, немецкого географа Адама Гаспари, мемуары Сен-Симона, собрание сочинений ученого и писателя Жана Жака Бартелеми, произведения масона, богослова протестантской церкви Готтфрида Арнольда, сочинение Фомы Кемпийского «Подражание Христу», «История Цезарей» Светония (в трех томах), произведения Сэмюэля Ричардсона, Вольтера, Руссо, Поль де Кока, собрание сочинений Бюффона, Кювье, издания историка и экономиста Юма, историка Мишо, а также сочинения Адама Смита, Иммануила Канта, «Курс философии Кузена», — вот что по-прежнему, как много лет назад, можно увидеть на полках яснополянской библиотеки. В библиотеке бережно хранятся книги Ветхого и Нового Завета на иврите, древнегреческом, английском, французском, польском, других языках. В. Грибовский в статье «У графа Л. Н. Толстого», опубликованной в «Неделе», восторженно отмечает: «Между его книгами можно найти представителей почти всех философских систем»⁶. В. Грибовскому вторит другой современник Л. Н. Толстого Б. А. Лазаревский в статье «В Ясной Поляне»: «На полках много старых книг. Все больше по теологии: несколько библей, евангелий... Отдельные патерики, послания апостолов, требники, Жития святых...»⁷. Некоторые издания, безусловно, появились в библиотеке уже при Льве Николаевиче Толстом, возможно, были привезены им из европейских путешествий, как, например, многие книги по педагогике, заказанные в Лондоне. При Толстом яснополянская библиотека пополнилась изданиями Диккенса, Теккерея, Троллопа, Джорджа Элиота, Макалея, Дюма, По, Лонгфелло, некоторыми изданиями Расина, Корнеля, Лафонтена, Бернарда Шоу, Франса, Мопассана, «Малороссийскими сказками» М. П. Драгоманова, сочинениями И. К. Карпенко-Карого, а также такими раритетами-памятниками, как Четвероевангелие в древнегрузинском переводе по рукописям 913 и 995 годов, изданное Императорской Академией наук в 1909 году. Хотя преимущественное значение, безусловно, уделялось Толстым классической литературе, религии, истории и философии, в яснополянской библиотеке среди книг на иностранных языках можно найти сочинения по всем отраслям знаний. Часто независимо от воли владельца в библиотеке собирались издания, которым мог позавидовать и библиофил. Так, кроме изданий на старославянском и русском языках, хранится в библиотеке Толстого около тридцати изданий Библии на древнегреческом, иврите, латинском, английском, немецком, французском, нидерландском, шведском, словацком языках. Многие книги выходили в

литературных сериях, таких книг в библиотеке большое количество. Наиболее полно сохранившаяся серия, очень популярная в XIX веке, на которую Толстой, возможно, был подписан (хотя никаких подтверждений пока найти не удалось), — «Collection of British Authors» Бернгарда Таухница (около 220 томов). Есть также серии: «Собрание английских авторов Эшера»; «Собрание Мишеля Леви», «Библиотека воспитания и досуга»; «Заочная школа прекрасного здоровья»; «Серия по проблемам брака», «Собрание современных историков»; «Философская классика для английских читателей»; «Международная школа мира», «Серия Национальной библиотеки»; учебная серия Харпера; географическая серия Гийота и др. Вот как описывал яснополянскую библиотеку Г. Данилевский в статье для «Исторического вестника» (1886): «Полки березовых шкафов, с стеклянными дверцами <...> снизу доверху установлены старыми и новейшими, иностранными и русскими изданиями. За рабочим креслом графа, в большой стенной нише, — открытые полки, с подручными книгами, справочниками, словарями, указателями и проч. Остальные свободные стены этой части комнаты также заняты полками с книгами. Здесь, как и в шкафах и в нише, виднеются — в старинных и новых переплетах и без переплетов — издания сочинений Спинозы, Вольтера, Гете, Шлегеля, Руссо, почти всех русских писателей, затем — Ауэрбаха, Шекспира, Бенжамена Констана, Де-Сисмонди, Иоанна Златоуста и других, иностранных и русских, духовных и светских мыслителей. Жития святых, „Четыри-Минеи“, „Пролога“, — перевод на русский язык „Пятикнижия“ Мандельштама, еврейские подлинники „Ветхого Завета“ и греческие тексты „Евангелия“, — „Мировоззрение талмудистов“ с немецкими, французскими и английскими комментариями, — установлены на полках, рядом с известными русскими проповедниками и русскими и иностранными, духовно-нравственными, дешевыми, изданиями для народа»⁸. Почти все упомянутые Данилевским издания можно по-прежнему увидеть на книжных полках яснополянского Дома Л. Н. Толстого.

Издания переводов произведений Л. Н. Толстого на иностранные языки весьма многочисленны и находятся в нескольких шкафах, а также на полке в спальне писателя (издания на французском языке в переводе И. Гальперина-Каминского), на что обратил внимание немецкий биограф Л. Н. Толстого Р. Левенфельд: «Библиотека Толстого, тщательно приведенная в порядок графинею, которая вносит в каждую книгу название шкафа, отделов и номер, заключает в себе множество русских классиков и в особенности французских историков, классиков великих культурных народов, большую частью в хороших изданиях, и множество переводных произведений Толстого на

всех европейских языках»⁹. Об отношении Толстого к своим сочинениям вспоминает Н. Н. Гусев: «Про свои произведения он говорил: — Я люблю читать вслух те свои сочинения, о которых хочу составить себе представление, какое впечатление они производят на других. Переношусь в слушателей, замечая, ясно ли им, следят ли они, не скучно ли им. Толстой всегда приглашал всех критиковать его новые произведения, охотно выслушивал замечания и, если признавал их справедливость, сейчас же исправлял написанное»¹⁰.

Сочинения Толстого выходили в сериях: «Celebrated Russian Novels» (эти книги приобретались на Большой Морской улице в Петербурге, в английском магазине), «Later works of Tolstoy / Ed. by V. Tchertkoff & A. C. Fifield», «The Novels of Leo Tolstoy», «Поучительное чтение» (на словацком яз.), «Народные чтения в Соляном городке» (на англ. яз.), «Възраждане» (на болгарском яз.). Выходили не только отдельные издания, но и собрания сочинений (в библиотеке хранится собрание сочинений Л. Н. Толстого на французском языке, в 28 томах, в переводе Биенштока).

Несомненный интерес для исследователей представляют книги, которые условно можно выделить в раздел «Современники о Л. Н. Толстом». Таких книг немало, и многие из них принадлежат перу довольно известных зарубежных современников писателя: Уильяма Стэда, Вильгельма Боде, Жоржа Бурдона, Алисы Штокхэм, Петера Нойкова и др. Безусловно, интересны также переводы известных русских исследователей жизни и творчества Л. Н. Толстого, написанные Петром Сергеенко, Павлом Бирюковым, другими биографами.

В системе указателей, которые, по предварительному плану издания, войдут в пятый том научно-библиографического описания яснополянской библиотеки, предполагается и составление указателя книг и периодических изданий, использованных Толстым в работе над его произведениями, что, несомненно, важно не только для исследователей творчества Л. Н. Толстого, но и для более широкой читательской аудитории, хотя такого рода издания, как правило, предназначаются специалистам. В системе указателей запланирован также указатель языков книг и периодических изданий яснополянской библиотеки.

На многих книгах сохраняются остатки бандероли и почтовых марок, что свидетельствует о том, что на некоторые серии Толстой был подписан почитателями его таланта. Некоторые продолжающиеся издания высыпались самими авторами, как в случае с «Теистическими беседами» Чарльза Войсей (Voysey, Charles. Theistic sermons), который высыпал Толстому серию вплоть до своей смерти в 1912 году, а также в случае с другим английским проповедником Хилером Крофтом (Hiller, H. Croft. God's property restoration league leaflets).

Впервые при описании экземпляра мы приводим данные сверки с предшествующими рукописными библиографическими описаниями, хранящимися в Доме Л. Н. Толстого: каталогами С. А. Толстой, В. Ф. Булгакова, карточным каталогом. Если книга зафиксирована в одном из каталогов, то ставится номер соответствующей страницы (Каталог В. Ф. Булгакова) или соответствующего листа (Каталог С. А. Толстой), наличие описания книги в карточном каталоге обозначается просто двумя буквами (КК). Таким образом, заинтересованный исследователь при желании имеет возможность обратиться и к этим рукописным документам.

При описании состояния экземпляра для нас было весьма важно отразить не только очевидные утраты текста, но и наличие таких элементов книжного оформления, как обложка, титульный лист, фронтиспис, листы иллюстраций и пр., кроме того, дается информация о реставрации и непрофессиональном ремонте, что интересно для истории экземпляра в целом.

Свидетельствами чтения того или иного издания являются и многочисленные вложения, некоторые из них заслуживают отдельного библиографического описания. Среди вложений, кроме всевозможных книжных закладок в виде полосок писчей бумаги, листов промокательной бумаги, вышивок гарусом, игральных карт, фотографий, засущенных растений (среди них — с цветами черемухи, жасмина, др.), писем корреспондентов Л. Н. Толстого, конвертов, визитных карточек, бумажных кукол, трафаретов для вышивки, почтовых извещений, счетов магазинов, почтовых открыток, телеграмм, листков отрывного календаря за 1894 год, географических карт, листков записных книжек, листов гравюр, железнодорожных расписаний, издательских анонсов, каталогов и т. п., есть газетные вырезки, листовки, журналы, газеты.

В библиотеке имеется целый ряд книг, которые по своему оформлению представляют несомненную художественную ценность. Книги, изданные на специальной бумаге, в роскошных обложках из тончайшей замши, в переплетах из слоновой кости с позолотой.

Книги со следами чтения писателя составляют поистине «золотой фонд» ясполянской библиотеки, в иностранном отделе их около 400 томов, хотя по свидетельству современников, их было значительно больше. Н. Н. Гусев вспоминал в этой связи: «Следует, однако, сказать, что Толстой не был библиофилом и не берег своих книг, а охотно давал их читать всем желающим. Вследствие этого многие книги, о которых мы определенно знаем, что Толстой их читал с карандашом в руках, в настоящее время уже отсутствуют в библиотеке Ясной Поляны»¹¹.

Толстовские маргиналии, разнообразные по характеру, свидетельствуют о многогранной деятельности Толстого-художника, педагога, историка, философа-проповедника, общественного деятеля, помогают понять процесс восприятия Толстым текста, помогают определить пространство художественного действия текста, т. е. выявить момент синтеза эстетического и практического опыта, когда практика Толстого-читателя органично входит в горизонт его жизненного опыта, миропонимания и мировосприятия. Широк спектр читательских интересов Толстого — от книг Ветхого и Нового Завета, Талмуда, античных философов, мудрецов Востока до современных ему писателей, которые только вступали в мир литературы. Впервые попытку описания помет Толстого на книгах А. П. Чехова и Л. Андреева предпринял в своей статье А. Е. Грузинский. В 1937 году А. Петров напечатал в «Сборнике Государственного Толстовского музея» под редакцией В. Ф. Бонч-Бруевича материал о пометах Толстого на 30 книгах художественной литературы русских и иностранных писателей (в русских переводах). В. Ф. Булгаков в ходе подготовки рукописного каталога книг яснополянской библиотеки включил и описание следов чтения писателя на целом ряде изданий. Кроме книг с пометами Толстого, в библиотеке сохраняются издания со следами чтения Т. А. Ергольской, С. А. Толстой, Н. Н. Страхова, Н. О. Эйнгорна, Д. П. Маковицкого, В. Г. Черткова, некоторых других лиц. Многочисленны и разнообразны ученические пометы детей Л. Н. Толстого, включающие рисунки чернилами, цветными карандашами, отрывки переводов, оригинальные росчерки. К сожалению, не все рукописные пометы Л. Н. Толстого в виде отдельных букв, сокращенных и недописанных слов поддаются безусловному прочтению и вызывают определенные трудности даже у опытных текстологов, поэтому в описании следов чтения Толстого есть небольшой процент непрочитанных маргиналий, обозначенных в Каталоге как «<1 нрзб>», что дает некоторый простор исследователям в вариантах прочтений и предположений. В научно-библиографическом же описании мы стремились к максимальной точности в передаче тех или иных следов чтения.

Процесс восприятия Толстым произведений иностранной литературы является предметом исследования многих научных статей и монографий. Материалы яснополянской библиотеки позволяют понять, как в огромном массиве иностранной литературы Толстой почти безошибочно (часто с помощью своих друзей, единомышленников, наконец, самих писателей) выбирал произведения авторов, великих и малоизвестных, которые отвечали его нравственно-эстетическим критериям, а также определить степень интереса Толстого к английской, французской, немецкой, итальянской, другой иностранной литературе в разные периоды его жизни.

Исследование иностранной части личной библиотеки Л. Н. Толстого, как и всей библиотеки в целом, представляется чрезвычайно полезным и нужным: вокруг библиотеки существовала определенная культурная среда, которая растила, формировала гениального художника.

Тщательное прочтение текстов книг с пометами Толстого, сосредоточение внимания на внутренней соотнесенности толстовских маргинаций с многообразной семантикой текста представляются особенно необходимыми для правильной трактовки читательских интересов Толстого, круга источников его знаменитых сборников изречений, определения диалога писателя с предшественниками и современниками. Как заметил М. М. Бахтин, «мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины»¹².

¹ Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: Библиографическое описание. Т. 3: Книги на иностранных языках. Ч. 1–2. Тула: Издательский Дом «Ясная Поляна», 1999.

² Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1978. С. 443.

³ Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: Библиографическое описание. Т. 1: Книги на русском языке. М., 1972. Ч. 1–2.

⁴ Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: Библиографическое описание. Т. 2: Периодические издания на русском языке. М., 1978.

⁵ Яснополянский архив. Ф. 1. Опись 1. № 452.

⁶ Интервью и беседы с Львом Толстым. М., 1986. С. 49.

⁷ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1978. Т. 2. С. 307.

⁸ Интервью и беседы с Львом Толстым. М., 1986. С. 25–26.

⁹ Там же. С. 124.

¹⁰ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников... Т. 2. С. 361.

¹¹ Там же.

¹² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Изд. второе. М., 1986. С. 354.

ВОСПОМИНАНИЯ О Л. Н. ТОЛСТОМ
КРЕСТЬЯН ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ
И ОКРЕСТНЫХ ДЕРЕВЕНЬ,
записанные в 1973–1995 гг.
И. К. Грызловой

В пропаганде наследия Л. Н. Толстого большую роль играют вещи самого писателя, его дом, усадьба, составляющие основную материальную ценность, а также ряд подсобных материалов, помогающих понять творческий процесс создания художественных образов, воспроизвести эпоху, в которую писатель жил и творил. Это иллюстрации к сочинениям, литографии, гравюры, жанровые картины той поры, разнообразные изображения писателя разных лет и его окружения, предметы крестьянского быта, позволяющие сильнее ощутить связь писателя с народом, наконец, воспоминания крестьян — современников писателя, лично знавших его.

Из записанных воспоминаний крестьян некоторые представляют собой интересные рассказы, открывающие ту или другую сторону жизни писателя, красоту и богатство его русской души.

Изюмчик

Зашли мы как-то в 1973 г. к яснополянской крестьянке Татьяне Андреевне Румянцевой, дед которой Никита Яковлевич Фролков был в свое время одним из учеников Толстого, а в последние годы жизни писателя старостой д. Ясная Поляна. Вот и вспомнила она рассказ о том, как ее дед еще босоногим мальчишкой вместе с другими ребятишками часто бегал на усадьбу к Толстому. Лев Николаевич принимал живое участие в детских играх на берегу Большого пруда, любуясь ревностью и ловкостью, восхищаясь сообразительностью крестьянской детворы.

И хотя ребята нередко виделись с Толстым, встречи с ним были для них каждый раз праздником. «Вот прибежал как-то, — рассказывала Татьяна Андреевна, — мой дед на усадьбу в плохонькой одежонке, в старом истрепанном вельветовом пиджачке, видевшем не одну потную крестьянскую спину. Он достался, видно, ему от его брата, а может быть, и отца, который приобрел его далеко уже не новым где-то на базаре в Туле. Нитки изношенной ткани скатывались при каждом резком движении мальчика. И хотя другие ребята были одеты не лучше своего сверстника, все смеялись и шутили над ним. Смеялся от души и сам Лев Николаевич, говоря: „Ничего, дружок, не горюй, это изюмчик из тебя сыплется“. Так и прозвали деда „Изюмчиком“.

И теперь мы уже, заходя в дом к Т. А. Румянцевой и выбирая какую-нибудь старую вещь для музея, говорим: «А это, случайно, не Изюмчика?» или: «Вещь, должно быть, Изюмчика, музейная».

О большой любви Толстого к детям свидетельствуют также воспоминания яснополянского жителя Цветкова Николая Илларионовича, записанные летом 1979 г.

Елка

«Давно это было,— рассказывал Цветков,— в моем раннем детстве, а кажется мне, что только вчера. В 1909 г. мне исполнилось всего пять лет, когда Л. Н. Толстой организовал для крестьянских ребят елку во флигеле, где сейчас находится Литературный музей. Как сейчас помню, елка стояла в зале с окнами, выходящими в палисадник. Пришел я тогда на усадьбу с матерью, стояли мы долго возле флигеля, но ни мать, ни я в особенности не осмеливались войти в барский дом. Я знал, что соседская девочка давно уже там веселится, мне было завидно, но я страшно боялся, хотя и очень хотел возле елки у Толстого поплясать, да еще, возможно, что-нибудь в подарок с елки получить. И вдруг неожиданно на крыльце появился сам Толстой, посмотрел на нас с матерью и спросил: „А этот мальчик почему здесь на морозе стоит?“ Мать ответила, что я пришел на елку, но очень боюсь войти. Тогда Лев Николаевич подошел ко мне и сказал: „Не бойся и бери меня за шею“. Я обнял руками шею Толстого, он подсадил меня к себе на спину и, поддерживая сзади ладонями, внес сразу наверх, где стояла сверкающая огнями нарядная елка и шумно веселился весь наш деревенский ребячий народ.

Были и еще встречи с Толстым, обо всех не расскажешь, но особенно памятны некоторые из них, падающие на лето 1910 г., когда я с другими ребятами часто ходил на речку Воронку купаться. Как раз возле того места, где раньше купальня Толстого стояла. Шел он нам навстречу в свободной блузке-толстовке с широким ремнем, за который часто любил закладывать руки. Точь-в-точь такой же, каким его показал И. Е. Репин на своей картине во время прогулки по Ясной Поляне».

Интересно, что елка, о которой рассказывал нам Цветков, упоминается на страницах «Летописи жизни и творчества Л. Н. Толстого», составленной личным секретарем писателя Н. Н. Гусевым: «1 янв. 1909 г. А. Л. Толстая (младшая дочь писателя.— И. Г.) по случаю Нового года устраивает в яснополянском доме елку для крестьянских детей. Толстой принимает живое участие в детском вечере»¹. Об этой елке упоминает и жена писателя С. А. Толстая в своем ежедневнике, датированном тем же числом: «...Саша делала елку 115 мальчикам с деревни. Лев Николаевич радовался на детей и тревожился. Но все обошлось прекрасно и все остались довольны»².

Плясуха

А вот что рассказала нам о Толстом и его семье бывшая яснополянская крестьянка, потом жительница г. Москвы, Анна Ильинична Кондаурова (р. 1905), посетившая родную деревню в сентябре 1978 г.

«Семья была наша дружная, большая. Я росла четвертой дочерью, всего нас, детей, у матери с отцом было десятеро. Сама графиня С. А. Толстая приходилась моей матери Александре Павловне Арбузовой крестной матерью и потому в день ее свадьбы особенно дорогие подарки ей сделала. Они пригодились потом и мне, когда я выходила замуж: из батистового расстегая матери мне сшили свадебное платье. Смотрю я на фотографию в вашем музее „Троицын день в Ясной Поляне“, где я рядом с Толстым в толпе крестьян и детей стою, а поодаль от меня — моя мать с сестрой, и вспоминаю: мне было тогда, в 1909 г., пять лет, когда собралось нас много возле старого вяза, у крыльца дома Толстых; я вырвалась в пляшущую толпу баб и девок, да и давай вместе с ними плясать. Толстой сошел с террасы, подошел ко мне, наклонился и спросил: „А ты чья?“

В этот момент и снял нас фотограф.

Я ответила: „Кондаурова“.— „А мне спляшешь?“ — „Спляшу“.

Тогда позвала меня к себе Софья Андреевна Толстая в дом и оставила возле лестницы, сказала: „Дальше не ходи, упадешь“. Потом она спустилась с лестницы и подала мне целый пакет с гостинцами. Я очень обрадовалась и побежала наружу, а там вижу — старшая дочь писателя Татьяна Львовна тоже гостинцы раздает. Я подбежала и схватила у нее целую горсть конфет в цветастой моннатой обертке. Татьяна Львовна, увидев, что я второй гостинец беру, сказала: „А ты что ж еще берешь, раз уже получила?“ Потом, посмотрев на меня, добавила: „Ну, ладно, раз ты плясуха — бери, сколько захватила“.

Много лет с тех пор прошло, много горестей и радостей я пережила, но больше всего мне запомнился тот теплый майский Троицын день, когда я вместе с другими крестьянами в гостях у Льва Николаевича была».

В один из редких ярких теплых дней осени 1973 г. группа сотрудников нашего музея совершила экспедицию в д. Овсянниково и Скуратово. Цель ее — опять поиски новых материалов о Л. Н. Толстом и предметов прошлой эпохи. Выбор на эти деревни пал не случайно. Эти деревни расположены вблизи от Ясной Поляны, и там, естественно, могли быть люди, знавшие Л. Н. Толстого. К тому же сам писатель часто бывал в Овсянникове у своей единомышленницы и друга Марии Александровны Шмидт. Мы начали с того, что стали выбирать наиболее старые избы. Таких домов осталось немного. Если они и попадались,

то больше с заколоченными ставнями, а рядом стояли новые дома, как бы приветствуя проходивший мимо транспорт свежевыкрашенными крышами, побеленными рамами и сверкающими на солнце стеклами широких окон.

Мы знали о наиболее обитателях деревни очень немногое: несколько фамилий и имен. Чисто яснополянские фамилии: Цветковы, Блохины, Козловы. Видно, и здесь глубоко пустили свои корни выходцы из прославленных Толстых крестьянских семей — героев его многочисленных произведений. И вот мы в гостях у одной из старых жительниц д. Скуратово Евдокии Васильевны Блохиной. Ей тогда было 83 года, но, несмотря на свой преклонный возраст, она была бодра, и у нее отмечались хорошая память, слух и зрение. Она живо помнила свои молодые годы и, к счастью для нас, самого Толстого.

«Приезжал он часто сюда, по соседству в с. Овсянниково, — рассказывала Евдокия Васильевна, — все больше к Марии Александровне Шмидт. Она, бывало, знала, когда он к ней подъедет, и сама выходила на дорогу его встречать. Уж как она его любила и сколько рассказов умела про него пересказать, так это и не пересчесть. Уважал ее Лев Николаевич, потому и часто сюда заезжал. Молода тогда слишком была, боялась сама к Толстому подойти да поближе познакомиться, а вот слушать про него любила. Знала, что человек он большой, что пишет много про нашу жизнь, про крестьянскую. Жаль, что грамоте так не выучилась. Некогда было. Работать приходилось много — от зари до зари. Матери помогать прядь, печь, ткать, в поле молоть да пахать. Разве что теперь по телевизору смотрю его сочинения, больно интересно он про нашу жизнь писал. А тогда мы с девчатами возьмем с собой какой-нибудь гостинец да и пойдем зимой, темным вечером к Марии Александровне на чай, послушать, как она о Толстом рассказывает, про его заграничные приключения. Да и днем мы с ней не расставались, ходили к ней на работу, летом ягоды собирать, полоть огурцы, капусту; зимой снег расчищать. Платила нам старшая дочь Толстого Татьяна Львовна. Это ей тогда принадлежало Овсянниково, платила хорошо — по 30 копеек в день, в то время как другие — всего по 15. Вот и собирались там много народа: всем хотелось побольше заработать, жили плохо, на семью никогда не хватало хлеба. Помню, случилась у нас большая беда в деревне: погорели мы, сразу несколько изб сгорело. Собрались наши мужики — отцы и деды — к Толстому за помощью идти, да не дал он им ничего. Так и отпустил ни с чем, сказал: „Все равно, мол, что дам, все пропьете“. Тогда пошла моя мать с соседкой Мерзловой Варварой к нему на усадьбу в Ясную. Вернулась радостная: и ей и соседке Толстой дал по 10 рублей. Богат он, видно, был, да хорошо, что про нашу-то нужду, про крестьянскую, не забывал. Оттого так много народа его в последний путь провожало. Мы всей деревней там были, с ним навсегда прощались».

А вот другая современница Толстого — жительница д. Скуратово Шамаева Анна Петровна (р. 1882), у которой дед Мартин Мерзлов ходил на усадьбу в Ясную Поляну сани делать и косить траву с Толстым.

«Договорялся, бывало, мужики,— рассказывала Анна Петровна,— что если кто отстанет в ряду, тот в картуз 25 копеек должен будет положить. Сами-то мужики к любой тяжелой работе привычные, никогда не отставали, а Толстой часто отставал, потому ему много раз приходилось в тот картуз денег класть. Ух! И подшучивали весело тогда над Толстым мужички...

Что вспоминать о нашей прошлой жизни,— продолжала Анна Петровна,— все вы, наверное, из книг знаете! Разве что еще раз свою молодость вспомнить! Жили бедно, с детства тяжелую работу делали, до позднего вечера в поле пропадали, при лучине ткали, пряли, зимой на чугунку в Козлову Засеку бегали по 16 верст в день. Расчищали от снега пути. А подросли — на Косую Гору пошли. Там вручную руду просевали, от глины отделяли. Платили нам сдельно, поэтому из сил выбивались, чтобы успеть побольше сделать. Тяжело было жить.

Самой мне дважды удалось повидать Толстого по дороге в Тулу, когда я шла в город молоко продавать. Он ехал в телеге, запряженной рыжею лошадью. Сам в длинной полотняной простой рубахе и в лаптях. Оба раза сам первый мне поклонился, я с радостью отвечала».

Так слушали мы рассказы о Л. Н. Толстом, о его эпохе, и хотя трудно было поверить, что Толстой ходил в лаптях и в домотканой грубой рубахе, мы понимали, что в этой безобидной фантазии сказывалось теплое отношение народа к писателю, стремление крестьян видеть в нем своего, близкого не только по духу, но и складу жизни человека. Нам не удалось на этот раз привезти с собой старых вещей, которые могли бы стать музейными, но мы остались довольны поездкой: было так приятно встретиться с прекрасными людьми, современниками писателя, живыми свидетелями большой взаимной любви Толстого и простого народа, интересы которого Толстой защищал и в жизни, и творчестве.

Дочь яснополянской крестьянки Марфы Сергеевны Шураевой, в замужестве Михеевой (р. 1983), Татьяна Павловна Михеева передала нам воспоминания матери.

«Душа любезная...»

Давно это было, еще при жизни Льва Николаевича Толстого. Наши яснополянские девчата ходили на барскую усадьбу на поденную работу — «на поденку», как принято было тогда говорить.

Семья моей матери особенно нуждалась, после смерти ее отца, который был обходчиком на железной дороге, в доме оставалось пятеро детей. Каждый кормился как мог. Мать росла старшей, потому и

думать ей приходилось о помоши семье больше других. Бывало, первая по зову бежала со своей подружкой Матрушей на усадьбу, сколько-нибудь подработать и тем порадовать своих близких. На усадьбе, особенно в барском доме, оставляли самых честных и опрятно одетых девчат, заранее наказывали, чтобы, хотя и много чего увидят съестного, — ничего не брать. Так и проходили мимо открытых дверей кладовок и накрытых столов, где так вкусно пахло пряниками, свежим хлебом и сластями.

Охотнее всего работалось в комнате домашнего врача Толстого — Душана Петровича Маковицкого, который больше других платил за работу, по целому полтиннику только за мытье полов. Душан был словак, по-русски говорил нараспев, особенно растягивая «о». «Что, душа любезная, по-о-мыть по-о-лы пришли? По-о-жайста!» Тут же вставал из-за своей каторки, за которой, как казалось, проводил большую часть времени, что-то вписывая и вкладывая в тетрадь. Потом снова усаживался, провожая девочек доброй улыбкой, приглашая снова заходить в дом.

Попугай

Как-то позвали Марфушу с Матрушей мыть полы и убирать комнаты в соседнем флигеле, где жили родственники и гости Толстого. Набело мыли с песком некрашеные половицы, до блеска натирали стекла окон. На площадке лестницы увидели девчата большую клетку, накрытую платком. В клетке помещался попугай. Кто и когда привез эту заморскую птицу в Ясную Поляну, никто не помнил. Знали только, что это был подарок, которым дорожили все. Под клеткой стоял целый мешок с крупными семечками и совком. И хотя девчата помнили завет старших ничего не брать, все же решили насыпать карманы своих передников семечками, как вдруг услышали возмущенный голос птицы: «Стыдно! Девки взяли!» Испуганные девочки тут же выссыпали семечки обратно в мешок, но было уже поздно, по лестнице поднималась экономка Прасковья Афанасьевна. Попугай тут же выдал девчат: «Паша, — громко произнес он, — девки взяли!» Пришлось признаться и просить у тети Паши прощения. Та, будучи женщиной доброй, несварливой, простила девчат и сказала попугаю: «Поп! Девчата все отдали, посмотри, их карманы пусты». Птица в клетке повертелась-повертелась и успокоилась.

Через несколько дней голос попугая можно было слышать опять, уже на кухне дома Толстого, где готовил разные блюда для господ повар Семен Румянцев. Уж очень Семен был охоч до русского соленого слова, а попугай, будучи способной птицей, вскоре усвоил весь небо-

гатый румянцевский лексикон не для барской столовой, куда, очевидно, часто приносили для забавы гостей столь редкую в те времена заморскую птицу. Пришлось попугая переселить из Ясной Поляны в Телятинки, где жил друг Толстого Владимир Григорьевич Чертков со всей своей челядью. Но и там он не всем пришелся по вкусу. В Телятинках у Чертковых работали нечистые на руку портнишки, о которых попугай любил сообщать хозяевам: «Стыдно! Девки взяли!» И решили портнишки отомстить наблюдательной птице. Выждав удачный для себя момент, они зашили ей заднюю часть у самого хвоста. Долго жаловался бедный попугай всем проходящим, без конца повторяя одни и те же слова: «Девки зашили, девки зашили!» Однако никто не обращал внимания на птичью болтовню, и через неделю попугая не стало слышно. Его нашли в клетке мертвым и только тогда раскрыли коварный умысел швей, которым птица мешала красть.

Речь идет о попугае младшей дочери Л. Н. Толстого Александры Львовны, о котором она пишет в книге «Отец». Попугай был серого цвета с розовым хвостом, он очень хорошо чувствовал отношение своей хозяйки к окружающим лицам. Недоброжелательность он особенно проявлял к личному секретарю Толстого Н. Н. Гусеву, к которому Александра Львовна ревновала своего отца. Он кричал ему: «Дурак» — и больно, изо всей мочи долбил его в колено³. Другой секретарь писателя В. Ф. Булгаков в книге «Л. Н. Толстой в последний год его жизни» упоминает об этом попугае, рассказывая о том, что Александра Львовна среди прочих вещей перевозила с собой клетку с попугаем из Ясной Поляны в Телятинки и обратно, когда ссорилась и мирилась со своей матерью С. А. Толстой⁴.

Грибы

Летом крестьянам Ясной Поляны, как, впрочем, и всем деревенским жителям, становилось легче переносить свои тяготы и невзгоды. Не было нужды в теплой одежде, которая, как правило, была в единственном числе на всю семью, потому и дети редко выходили на улицу в зимнюю стужу, отсиживались на печи. Летом можно было бегать от зари до зари босиком в перешитых и залатанных десятки раз холщовых рубахах и ситцевых сарафанах. К тому же лето кормило своими дарами, скотина на подножном корму давала больше молока, созревала рожь, в лесу было много суши для очага, а также ягод и грибов. Ягоды можно было продать тут же на усадьбе, грибы отварить к обеду или ужину. Марфуша с Матрушей часто ходили за грибами в барский лес, особенно после дождя, когда набирали по целому лукошку. Вот однажды направились девчата в ельник, набрали маслят с верхом и собирались идти домой, как вдруг навстречу им попалась сама графиня, жена Льва Николаевича Толстого Софья Андреевна

с прислугой и кошельками в руках. Видно, тоже отправилась за грибами в ближайший от дома лес. Увидела Софья Андреевна полные лукошки у девчат, рассердилась, что ее опередили в собственном лесу, приказала высыпать лукошки к себе в корзину.

Испугались девочки, что барыня изволила сердиться, отдали ей все грибы и пошли домой ни с чем. Вдруг откуда ни возьмись перед ними появилась знакомая фигура Льва Николаевича. Заметив их пустые лукошки и растерянный вид, Толстой спросил, что произошло. Нахмурился Лев Николаевич и сказал, чтобы они следовали за ним. Догнали они Софью Андреевну только у колодца. «Соня, как тебе не совестно?! — сказал Лев Николаевич, запыхавшись. — Верни девочкам грибы. Они старались, собирали все утро». Графиня что-то пытаясь возразить в свое оправдание, лес, мол, ее, а не крестьянский, нехорошо, мол, без спроса брать чужое добро и т. п. Несмотря на уговоры Толстого, девочки отказались взять свои грибы обратно, но получили разрешение набрать их снова в еловом лесу.

Просители

В Ясную Поляну к Толстому приходило много народа, все больше из крестьян, все жаловались на нужду и просили помощи. Обычно собирались ранним утром под старым вязом с колоколом, так называемым «Деревом бедных», и терпеливо ждали выхода Льва Николаевича Толстого. Все знали, что граф редко кому отказывал, одним помогал деньгами, другим выделял лес на постройку избы или двора, третьим просто давал дельный совет.

Пришли как-то крестьяне к Толстому осенью. Сели, усталые, на лавку под «Деревом бедных». Видно, шли издалека, онучи запылились, и лапти заметно потрепались. Пот струился по их измощденным лицам, дышали тяжело, утираясь рукавом армяков, подгоясанных ветревкой. Неохотно относилась к приходу бедного люда жена писателя Софья Андреевна Толстая, раздражало ее не столько то, что Толстому приходилось часто вынимать кошелек и подавать просителям, сколько та усталость, которую ощущал Толстой, принимая просителей, выслушивая их нужды и давая жизненные советы. Оберегая покой мужа, она часто отправляла назад нищих странников. Так было и на этот раз.

Посмотрела Софья Андреевна в окно, разглядела в лорнет просителей, позвала к себе лакея Ивана Шураева и велела пойти сказать им, что нет, мол, графа дома и нечего им напрасно его ждать. Только спустился Иван вниз и сказал крестьянам, что уходили, как сверху в окно секретарской заметил их сам Толстой, увидел, как вышел Иван Шураев, что-то сказал, после чего крестьяне заторопились-засуетились, ста-

ли собираться, завязывать котомки, затягивать веревкой армяки, нахлобучивать шапки. Не успев как следует одеться, Толстой быстро спустился вниз и спросил лакея, что тот сказал крестьянам. Тот признался, что исполнил волю графини, велел уходить восьмой. Лев Николаевич рассердился и тут же вышел на крыльцо, вернул крестьян, потом долго говорил с ними, в чем-то убеждал, наделяя деньгами и расстался с ними дружелюбно, обещая одному помочь, за другого замолвить нужное слово. Ушли просители довольные, благодарно улыбаясь и низко кланяясь Толстому. Проводив просителей, Лев Николаевич поднялся наверх, укоризненно покачал жене головой: «Эх, Соня, Соня, разве можно так поступать? Прошу тебя не делать подобного впредь». Говорят, еще долго после этого Толстой сердился на графиню.

Кошелек

Как-то позвали Марфушу (речь идет опять о матери жительницы яснополянской деревни Татьяны Петровны Михеевой, которая еще девочкой ходила на поденную работу к Толстым) мыть полы наверху барского дома, в комнатах самого графа Льва Николаевича. Марфуша вымыла полы в кабинете, потом перешла в его спальню и обнаружила под кроватью оброненный графом кошелек. Марфуша сразу стала звать барыню. Вошла Александра Львовна. Марфуша протянула ей кошелек, та взяла его, не сказав ни слова, но Марфуша услышала, как в отдаленных комнатах Александра Львовна бранила отца за его рассеянность и несобранность.

Прошла еще неделя, пока Марфуша опять оказалась в господском доме, где ее встретил, приветливо улыбаясь, сам Лев Николаевич Толстой. «Это ты нашла кошелек?» — спросил он. Та утвердительно кивнула головой. «Молодец, спасибо тебе», — сказал Лев Николаевич. На душе Марфуши стало как-то особенно легко и радостно от слов благодарности и улыбки графа.

Для многих крестьян в Ясной Поляне слова благодарности, сказанные Толстым, были дороже всякой награды. Они надолго оставались в памяти и передавались их потомкам.

Маркиз

В семье Толстых всегда любили животных, особенно собак. На фотографиях Л. Н. Толстого можно найти изображения собак, которых писатель часто брал с собой на прогулку по лесу и парку Ясной Поляны. У младшей дочери Толстого Александры Львовны была своя собачка по кличке Маркиз. Это был красивый, статный, довольно крупный пудель с черной кудрявой шерстью, с длинными ушами, добрыми круглыми

льми глазами и влажным носом. Пес был забавой как для семьи писателя, так и для его гостей. Его любили все, в том числе и сам Лев Николаевич. Пес уверенно по требованию хозяйки ходил и прыгал на задних лапах, лаял, а также танцевал собачий вальс. Его часто выводили к гостям в большой яснополянский зал для демонстрации его песчих способностей, и он никогда не подводил свою хозяйку, вызывая крики восторга, возгласы одобрения и взрывы хохота всех присутствующих. Его и сейчас можно узнать суетящимся и преданно заглядывающим в глаза своей хозяйки на экране — в кадрах, снятых вместе с семьей Толстого, перед домом в Ясной Поляне в последние годы жизни писателя. Для развлечения публики Александра Львовна часто прятала ту или другую вещь среди гостей, а иногда в кармане своего отца. И каково было всеобщее удивление, когда эту вещь быстро находил Маркиз под аплодисменты и смех присутствующих, и всегда больше и заразительнее всех смеялся сам хозяин дома Лев Николаевич, дивясь необыкновенному чутью и догадливости собаки.

Чистая вода

Есть недалеко от усадьбы Ясная Поляна маленькая деревенька в тридцать домов, называется она Грумант. Это старинное название сохраняется за ней еще со времен деда Толстого, князя Волконского, служившего воеводой на севере, в Архангельской губернии, и привезшего оттуда местное название далекого острова на Белом море — Грумант. Крестьяне переделали это название в Грумы, потом в Угрюмы. Судя по описанию деревни у Толстого, она изменила свой облик: увеличилось число домов, стали они больше и добротнее, не сохранились и дедовские постройки — скотный двор, где размещалось потом молочное хозяйство Толстых, и домик для приезда летом. Их не стало еще при жизни самого писателя, но Толстой помнил о них всегда, потому что они были знакомы ему и дороги с самого раннего детства. «Место было прелестное, — вспоминал Толстой, — и не только пить там молоко и сливки с черным хлебом, холодные и густые, как сметана, и присутствовать при ловле рыбы, но просто побывать там, побегать на гору и под гору, к пруду и от пруда было великолепное наслаждение...»

Домик стоял за деревушкой в четыре или пять дворов, в месте, называемом „сад“, очень красивом, с видом на вьющуюся по долине в лугах Воронку с лесами по ту и другую сторону, в саду этом лесок над оврагом, в котором был холодный и обильный ключ прекрасной воды. Оттуда возили каждый день воду в барский дом; и перед оврагом, как продолжение его, большой, глубокий, холодный, прозрачный пруд с карпием, с линями, лещами, окунями и даже стерлядями» (34, 388—389).

Толстой часто бывал в деревне потом, в зрелые и старые годы. Местные крестьяне и сейчас называют деревню «экономией», говорят о том, что Толстой любил пить воду из их источника, просил не тратить воду зря, потому как она у них такая чистая, вкусная, прозрачная — только для питья. «От такой ключевой, холодной воды, — утверждают они, — никогда не бывает ангины иль другой какой простуды». Старожилы уверяют, что здесь бывает немало приезжего люда за чистой, студеной водой. Жители Груманта свято берегут «ключ прекрасной воды», как и все, что связано с памятью о Толстом, то есть тот «лесок над оврагом», и «глубокий пруд под горой», и старые дубы, и даже отдельные избы, сохранившиеся, по их мнению, с тех далеких толстовских времен.

Незабываемая встреча

«У нас в деревне почти все умели ладно плясать и петь, — вспоминала Татьяна Михайловна Морозова — главная запевала хора яснополянских крестьян, участница красочного представления в честь 158-й годовщины со дня рождения Толстого, состоявшегося на Калиновом лугу 7 сентября 1986 г. — И бабка моя и мать хорошо пели не только после работы, но и в поле, на косьбе и на току. Лев Николаевич, когда в силах был, часто всем подсоблял, а когда уж стар стал, так приходил посмотреть, как другие молотят и пашут. Как-то прибежала я на ток (мне тогда пять лет было) к своей бабке Донне Родионовне (она в прачках у Толстых лет 20 служила), а там Лев Николаевич стоит. Увидел меня, подозвал и ласково так спросил: „Как звать тебя?“ — „Таня“. — „А что, Таня, ты плясать умеешь?“

Ну, тут я ему и разделала все, что умела. Лев Николаевич развеселился, а когда я кончила, протянул мне три конфеты. Я стою и не беру: дикие мы тогда все были, в бедности жили и конфет на деревне не видали, разве кто с барской усадьбы приносил. Тут мне все вокруг говорят: „Бери конфеты, не стесняйся!“ И я конфеты взяла и просто, по-крестьянски, поклоном поблагодарила его. Потом, когда выросла, научилась читать и много его книг прочитала, да и сейчас все читаю. И каждый раз, как читаешь, будто все разговариваешь с ним. Так у него все просто написано».

Копачи

Известно, что Толстой для очистки прудов яснополянского имения приглашал специальных копачей из Калужской губернии, которые славились своим мастерством по всей округе. Были и другие,

что победнее, безлошадные, которые работали в одиночку и ходили по деревням, предлагая свои услуги. Так забрели как-то двое из таких в Ясную Поляну и подрядились строить новый колодец на селе. К концу работы подошел к ним управляющий соседнего имения и предложил почистить там колодец. Мужики согласились. Работа была тяжелая. Приходилось в лаптях стоять по колено, а то и выше, в грязи, выбрасывая лопатами глину и камни. Время было холодное, зимнее. На третий день работы к ним подошел старик с белой бородой, одетый просто, по-крестьянски, и спросил, как работается. Они ответили, что, мол, тяжело хлеб достается, да что поделаешь, господа только о себе думают, иной раз так и хочется взбунтоваться и показать им, где раки зимуют. «Да, бунтовать плохо,— заметил старик.— Да, ни к чему хорошему это не приведет, только душу загубишь».

По окончании работы управляющий расплатился с мужиками и сказал, что с ними хотел бы поговорить сам граф Толстой — хозяин этого имения. Пошли мужики к господскому дому, показался он им необыкновенно красивым, да и все вокруг ухоженным, опрятным. Возле дома они заметили знакомого им старика, который колол дрова. Мужики решили пожалеть старика, взяли у него топор, накололи дров и сами снесли в сарай. Старик предложил им зайти в дом, и только здесь, в господском доме, по тому, как почтительно обращалась прислуга со стариком, называя его «Вашим сиятельством», они поняли, что имеют дело с самим графом. Граф поблагодарил их за помощь, дал по 25 рублей за дрова и по серебряному рублю на память о их встрече в Ясной Поляне. Мужики долго благодарили графа, низко кланялись в пояс. Да и как было не благодарить Толстого за щедрый подарок, на который они могли справить себе и корову и лошадь и уже не бродить в поисках заработка по чужим селам и деревням.

О том, как Ксюша побывала на вечере у Толстых

Часто на усадьбу к Толстым бегала еще девочкой мать жительницы деревни Ясная Поляна Александры Павловны Казанцевой — Аксинья Ивановна Кондаурова, в замужестве Козлова, просто Ксюша, так звали ее в детстве. Она видела Толстого на прогулке по утрам, наблюдала за игрой семьи писателя, его гостей на расчищенной площадке перед господским домом, часто подавала отлетевший в сторону мяч. Вместе с другими детьми ходила на елку в дом, прыгала, играла, а по окончании праздника с подарком возвращалась домой.

Когда подросла, стала ходить на поденную работу к Толстым, убирала летом дорожки на барском дворе, поливала цветы. Работа проводилась обычно до обеда, а ей давно хотелось взглянуть на комнаты барского дома в вечерние часы, когда в большом белом зале собиралась вся семья Толстого, гости и при свете горящих свечей и ламп играли на роялях, звуки которых доносились из открытых окон, зачаровывая всех дворовых, находившихся поблизости по делам службы при своих господах.

Бывали случаи, что в дом приглашали яснополянских крестьян для исполнения русских народных песен, которые очень любил слушать Лев Николаевич и хотел дать послушать своим гостям.

Это были веселые, задорные песни или грустные, протяжные о тяжелой крестьянской доле, о службе солдатской, о горестной вдовьей судьбе. Пели на два голоса, к подбору голосов подходили строго, учитывая не только приятный сильный голос, но и музыкальный слух. У Ксюши оказались хорошие певческие данные. После работы на огороде и в поле Ксюша охотно подпевала в хоре яснополянских баб сначала несмело, потом все увереннее и сильнее. Со временем она стала одной из лучших певиц в деревне.

Наконец Ксюша дождалась своего часа, ее вместе с другими позвали в дом Толстого. Принесявшись в новый ситцевый сарафан и цветастый платок, вошла Ксюша вместе с другими в зал, где сидели на диванах и креслах господа и гости. Начинали с протяжных, печальных песен, потом звучали игровые, плясовые, когда и исполнители и слушатели хлопали в ладоши, притоптывая в такт то одною, то другою ногою. «Били-били в барабан по всем городам», «Под яблонькой одной», «Конфетка моя ледянистая, полюби ты меня, молодца румянистого», «Мое сердце не картошка, его не выбросишь в окошко», «По улице мостовой», «Ах, вы, сени, мои сени». Лев Николаевич сидел обычно в большом розовом кресле и тоже подпевал и притоптывал ногой вместе со всеми.

По окончании исполнения песен Александра Львовна благодарила всех участников хора, раздавала сладости, ленты, кружева, а иным ситец на юбки и сарафаны. Ксюше тоже достались яркие ленты для кос и гостицы, которыми она поделилась со своими сестрами и братом, доставив им немало веселья и радости. Ксюша, конечно, чувствовала себя счастливее всех, ведь она была на вечере «артисткой» у Толстых и пела вместе со взрослыми не для кого-либо, а для самого Толстого, который слыл самым большим любителем и строгим ценителем народного искусства.

(Запись сделана в 1989 г.)

На Большом пруду

Фамилии яsnополянских крестьян Шураевых, Козловых, Макаровых давно стали известными благодаря творчеству Л. Н. Толстого, отразившего жизнь родного села в своих произведениях. И сейчас нет да нет, а услышишь от потомков упомянутых семей живое слово о Толстом. Вот что рассказала мне недавно Александра Ивановна Макарова о своем свекре Петре Ивановиче Макарове, который маленьким восьмилетним мальчиком ходил на большой пруд барской усадьбы ловить рыбу. «Вообще-то, — рассказывала Александра Ивановна, — ловить рыбу открыто на барской усадьбе взрослые не решались, боялись напороться на черкеса, нанятого женой писателя Софьей Андреевной следить за порядком в имении. Ну, а маленькие ребятишки часто приносили домой рыбу из яsnополянских прудов. Так было и с моим свекром, который мальчиком как-то наловил рыбы к обеду для ухи, да при выходе из усадьбы натолкнулся на саму барыню Софью Андреевну Толстую. Она отняла весь его бедный улов, сказав, что будет поступать так с каждым, кто посмеет ловить рыбу в барском пруду без разрешения хозяев. Очень расстроился Петя и долго не решался возвращаться домой с пустыми руками, все сидел на берегу и лил горючие слезы. Тут откуда ни возьмись появился Лев Николаевич, спросил, почему плачет мальчик. Тот объяснил, как лишился наловленной рыбы. Лев Николаевич успокоил мальчугана, дал ему денег за напрасно потраченный труд и с лаской отпустил домой.

(Запись сделана в 1994—1995 гг.)

¹ Гусев. Летопись II. С. 658.

² ДСТ. С. 277.

³ Толстая А. Л. Отец: В 2-х т. Нью-Йорк. 1953. Т. II. С. 325—326.

⁴ Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М., 1989. С. 356.

О. Ю. Сафонова

СЛОВАРЬ ЯСНОПОЛЯНСКИХ
КРЕСТЬЯН И ИХ ПОТОМКОВ,

составленный по устным воспоминаниям

А. П. Головиной, М. П. Зябревой
и Т. А. Румянцевой

Словарь крестьянских семей д. Ясная Поляна составлен на основе устных воспоминаний ее коренных жительниц: Анны Платоновны Головиной (Зябревой) (р. 1913 г. в Ясной Поляне, ум. в 1993 г. в Дзержинске Нижегородской области), Марии Платоновны Зябревой (р. 1908 г. в Ясной Поляне) и Татьяны Андреевны Румянцевой (Резуновой) (р. 1909 г. в Ясной Поляне, ум. в 1999 г. в Ясной Поляне). Сестры А. П. Головина (Зябрева) и М. П. Зябрева — племянницы Матрены Константиновны Маковицкой (Ореховой), жены домашнего врача Толстого Душана Петровича Маковицкого. Т. А. Румянцева (Резунова) — жена Льва Семеновича Румянцева, сына повара Толстых Семена Николаевича Румянцева; внука ученика Толстого Никиты Яковлевича Фролова.

Записи велись в Ясной Поляне и в пос. Трудовой (г. Тула), где проживает М. П. Зябрева, в 1980-е и в 1990-е гг. В этих записях автор старался по возможности сохранить особенности живой разговорной речи своих собеседниц, различные пояснения, характеристики, физические приметы и прозвища лиц, о которых шла речь, отдельные эпизоды и бытовые подробности, взятые «из памяти, а не откуда-нибудь» (М. П. Зябрева). В этих воспоминаниях отразилась живая жизнь деревни на протяжении нескольких десятилетий, той деревни, о которой, вспоминая отца, старший сын Толстого писал: «Нередко он рассказывал нам что-нибудь из жизни крестьян, особенно крестьян Ясной Поляны; он всех их знал»¹.

Автор надеется, что словарь яснополянских крестьян дополнит уже известные материалы о деревне Ясная Поляна и послужит дальнейшему ее изучению. Для уточнений автор обращался к потомкам яснополянских крестьян и их родственникам, проживающим в Ясной Поляне: Нине Николаевне Бочаровой, Наталье Васильевне Гузеевой, Наталье Николаевне Дегтяревой, Антонине Сергеевне Деевой, Галине Сергеевне Евдокимовой, Валентине Владимировне Зябревой, Марии Николаевне Зябревой, Елене Николаевне Костюк, Александре Алексеевне Кусакиной, Нине Николаевне Леоновой, Татьяне Михайловне Малаховой, Татьяне Павловне Михеевой,

Галине Павловне Ореховой, Валентине Васильевне Румянцевой, Валентине Николаевне Скворцовой, Екатерине Ивановне Фролковой, Марии Григорьевне Фролковой (ум. в 2002 г. в Ясной Поляне), Ларисе Геннадиевне Цуриковой. Автор выражает искреннюю признательность заслуженному учителю РФ, организатору яснополянского школьного музея Марии Константиновне Кукульской, много лет занимавшейся историей Ясной Поляны и проявившей живой интерес к данной работе.

Арбузóвы

Арбузов Иван Павлович. Сапожник. Жена Пелагея Васильевна Егорова из «Матвеевых-Родионских». У них сыновья: Николай («Колька», «рыжий-рыжий, как его отец»; первая жена Пелагея Илларионовна Цветкова — у них сын Лев и дочь Нина, от второго брака с Дарьей Васильевной Старухиной из деревни Кочергинки Ефремовского района сыновья: Аркадий, Николай и Петр и дочь Нина) и Михаил («Мишка», «был на фронте, жена Мария Ивановна из другой деревни, потом с Дарьей Васильевной держала последний дом ихний — Арбузовых», у них три дочери: Вера, Валя и Зина) и дочери Анна («Нюра», «дробенькая была», «замужем за Петром Сергеевичем Базыкиным из Ершовых, потом выходила второй раз замуж») и Мария («Маша», замужем за Василием Власьевичем Воробьевым, «у них один сын Владимир»).

Арбузова Александра Павловна. Сестра Ивана Павловича Арбузова. За Ильей Ивановичем Кандауровым. Мать «Нюши Кандауровой».

Арбузова Вера Сергеевна. «Прожила 80 лет». Замужем за Ляпуновым. Сын Костя погиб на фронте. Его жена Полина Андреевна Зябрева из «Милачихиных» («ее во время войны случайно подстрелил патруль, когда возвращалась в Ясную Поляну»).

Арбузова Любовь Сергеевна. Сестра Веры Сергеевной Арбузовой. Жила в Москве. «Арбузовы из Крапивенского уезда привез Толстой и нарезал им землю в Ясной Поляне».

Базыкины

Базыкин Ермил Никонович. «Перегонял гурты. Барышники скупали скот и нанимали погонщиков, чтобы гнать, например, на бойню. Поэтому Ермил часто отсутствовал. К старости ослеп и ходил, цепляясь, вдоль забора». Жена Аксинья. «Высокая, не так чтобы очень красивая, но внешне приятная женщина. Принимала роды у деревен-

ских женщин. Когда принимала у соседки Аграфены Константиновны Зябревой дочь Анну, уронила ее на пол — младенец упал на веник. После женитьбы Толстого Аксинья начала нюхать табак и прикладываться к рюмочке, потому и выронила младенца — ей поднесли раньше, чем он появился на свет — из рук выскользнул. Жила рядом с Тарасом Фокановым. Дом сохранился».

Базыкин Тимофей Ермилович. Сын Толстого и Аксиньи Базыкиной. «Аниканкин». «Очень умный мужик, говорил складно, с прибаутками, был похож на сыновей Толстого. В деревне жил мало, служил кучером у сыновей Толстого, откуда и привез вторую жену Лизавету. От первой жены была дочь Анисья, у нее был сын Петр (погиб на фронте), женатый на молдованке Марусе Манининой, их сын Виктор живет на Косой Горе». В Ясной Поляне Т. Е. Базыкин часто приходил в дом к Платону Ивановичу Зябреву и Кириллу Дементьевичу Зорину.

Базыкина Лукерья Ермиловна. Дочь Ермила Никоновича и Аксиньи Базыкиных. Замужем за Алексеем Родионовичем Бочаровым.

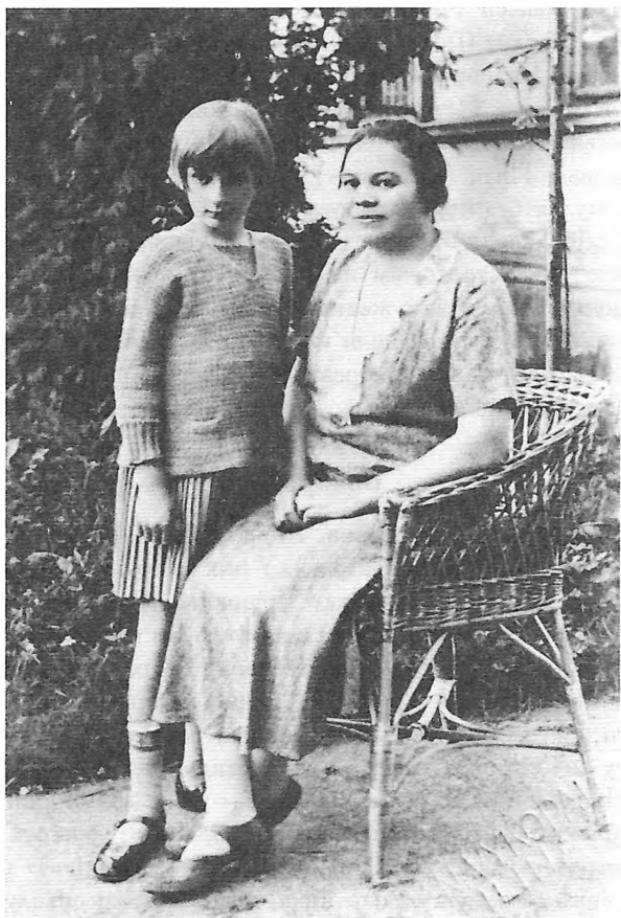
Базыкины (Ершовы)

Базыкин Никифор. Жена Авдотья из Ясенков. У них сыновья Иван и Василий и дочери: Дарья («Дашка»), Анна («Нюшка»), Мария («Машка»), Елизавета («Лизка», «р. в 1903») и Екатерина («Катюка», «р. в 1909», «жила в Ясенках»).

Базыкин Сергей. Брат Никифора Базыкина. Жена Алена из Ясенков («болела водянкой и умерла раньше мужа»). У них сыновья: Петр (жена «Нюра Арбузова»), Василий (жена Маруся Бельчева из Телятинок), Алексей, Гаврил («Гаврюша») и дочь Анна («Аня», «умерла молодой»). Дома Никифора и Сергея Базыкиных стояли рядом — «против Ореховых (Ромашкиных)».

Болхины (Болшонковы)

Болхин Адриан Григорьевич. Жена Варвара. У них сын Филипп (жена Екатерина Герасимовна Фоканова из Авдошкиных-Гараськиных) и дочери: Пелагея, Мария («красивая была, вышла к Ермишиным за Ивана Алексеевича Зябрева») и Елена («Аленка Болшонкова», «последняя, р. 1905 или 1906, замужем за Жуковым», с ней дружила Татьяна Михайловна Альбертини — «Луиджи привозил ей в подарок кофту от Татьяны Михайловны»; «в этом доме теперь живет ее дочь»).

Матрена Константиновна Маковицкая
(родж. Орехова) с дочерью Анной.
Чехословакия, 1935 (?) г.

Болхин Сергей Григорьевич. Брат Адриана Григорьевича Болхина. Жена Пелагея Васильевна Цветкова («Полюшка Болхина», «всегда пела на праздниках»). У них дочь Марфуша, у нее сын Михаил и дочь Александра.

Братья Адриан и Сергей Болхины «жили под одной крышей, а потом построились рядом».

Борисовы (Борискины)

Борисов Алексей Петрович. У него сын Михаил, женатый на Варваре Григорьевне Фокановой; их дочь Нина Михайловна Борисова за Сергеем Павловичем Козловым (ум. 1993).

Борисов Филипп Петрович («Филя», «письма носил Толстому»). Брат Алексея Петровича Борисова. Жена Александра из Судакова. У них сыновья: Иван («Ванька») и Алексей («Алешка», «инвалид войны (вернулся без ноги), работал на музейной пасеке») и дочери: Евдокия («Донька»), Варвара («Варя»), Мария («Маша», за Петром Никитичем Матросовым из Груманта — «выходила одна Маша»; их дочь Нина в замужестве Кондакова) и Анна («Нюша»). Крестной матерью Вари, Маши и Нюши Борискиных была соседка Аграфена Константиновна Зябрева — «никто не шел крестить, потому что Борискины были бедные, погорельцы».

Бочаровы

Бочаров Алексей Родионович. Жена Лукерья Ермиловна Базыкина («Тимофея Ермилыча сестра»). У них сыновья: Алексей («мать отдала его в кормильцы к старикам Ершовым, у которых своих детей не было, и он унаследовал их дом, и на этом месте снова построились уже Бочаровы»; жена Варвара из Ясенков. У них сыновья Василий и Николай), Иван («Ваня Озерный», «жил на краю деревни «у озера»), Петр («Петъка», «погиб на войне», жена Мария Михайловна Михеева, у них сыновья Сергей и Александр, женатый на Нине Николаевне Чуйковой из Курской области — у них дочь Ирина) и Андрей («Андрюшка», «его немцы забрали и пропал»; жена из Ломинцева «сфотографирована со Сталиным как ударница») и дочери: Наталья («вышла замуж за плотника, когда строили школу, жила на Косой Горе, умерла от рака, сын и дочь на Косой Горе») и Мария («погибла на „чугунке“ — попала под поезд»).

Сыновья Алексея Алексеевича Бочарова Василий и Николай «были на фронте». Василий Алексеевич Бочаров «отошел от отца и построился на месте сгоревшего дома Михаила Лёбзика, а дочери построились у него на огороде — у него шесть детей». У Николая Алексеевича Бочарова и его жены Александры трое детей.

Власовы

Власов Прокофий Власьевич. У него от первого брака сын Иван («дугач», «гнул дуги, полозья; сосед Василия и Мирона Копыловых», жена Авдотья, «кривая»). От второго брака сын Петр и дочь

Мария Константиновна Михеева (род. Орехова)
с матерью Марфой Севастьяновной
и детьми Евгением и Анной.
Ясная Поляна, 1930-е гг.

Анна. Вторая жена Прокофия Власьевича Власова «была прежде за „Полиным“ („Пелагеушким“), от которого были два сына: Тит и Степан». Петр Прокофьевич Власов «женился в большом возрасте» на Марии Ефимовне Жаровой (в первом браке за Дмитрием Васильевичем Зябревым (Платошкиным) — «погиб на войне в 1914 г.»). У них сыновья Иван («работал в музее, у него сыновья Николай и Сергей и четверо внуков») и Николай («работал на заводе, у него дочери») и дочь Анна. Анна Прокофьевна Власова вышла замуж за Василия Александровича Копылова. От него сын Петр и дочь Александра («Сашка», у нее сын Олег — «Алик Копылов»).

Власовы (Абашкины, Абакумовы)

Власов Григорий. Жена «от Цветковых». У них две дочери, одна из них Александра («Шура»).

Власов Иван. Брат Григория, Федула и Матрены Власовых. Жена Наталья. У них сыновья Лев («Лева») и Николай («Коля», «его во время войны повесили немцы в деревне, его жена Люба живет в этом доме — Власовых»).

Власов Федул. Брат Григория, Ивана и Матрены Власовых. «Федул Абашкин — объездчик у Толстых, злой мужик». Жена Дуся. Их сын «был на фронте».

Власова Матрена («Бабуся»). Сестра Григория, Ивана и Федула Власовых. «Вышла замуж в Рудаково, там и умерла». У нее сын и дочь.

Власовы (Липатовы)

Власов Михаил. Жена Аграфена («Груша Липатова») не яснополянская. У них дочь Варвара («Варя Белка») — у нее были белые волосы, как и у Марии Платоновны Зябревой, с которой училась в одном классе; чтобы их различать, одну называли «Белка», а другую «Седая»); замужем за Василием Ивановичем Фролковым («погиб, придавило деревом на усадьбе»). У них два сына. Варвара Михайловна «ум. 1993, она внучка „деда Липата“».

Власов Федор. Брат Михаила и Марии Власовых. Жена Мария из Ясенков («Марыга», «умерла от мозгового помешательства»).

Власова Мария. Сестра Михаила и Федора Власовых. «Была такая здоровая женщина, высокая, два метра — никто замуж не брал; она вышла в Мостовую».

Воробьевы

Воробьев Влас Онисимович. Жена Домна из Ливенцева («дружила с Марфой Севастьяновной Ореховой»). У них сыновья: Дмитрий («горбатый») и Василий (жена «Маша Арбузова» — дочь Ивана Павловича Арбузова) и дочери: Анастасия («Настя», «старшая», за Федором Федоровичем Резуновым), Анна («Нюра», за Мышкиным из Тулы, у них сын Лев Николаевич Мышкин и дочь Люся»), Наталья («Наташка», «вышла в Воробьевку к Цветковым»), Матрена («Матрюша», «работала в Ленинграде, уехала к сестре Груше в Щекино, умерла в Щекино, у нее сын») и Аграфена («Груша», «выходила в Щекино, умерла в Щекино»). «Нюшка и Наташка Воробьевы двойняшки, они с 1902 г.; когда им было го-

да по три, они катались на «прешпекте», и их увидал Толстой и спросил «чьи вы?», а они ответили: «Власовы», он им дал денег, и им купили шубки».

Воробьевы (Гашины, Копейкины)

Воробьев Кузьма Евдокимович. «Умер рано». Жена Татьяна Илларионовна Цветкова. У них сын Иван («погиб на фронте, жена Настя из Груманта, их дочь Мария живет в Туле») и дочь Полина («жила в Ясной Поляне в доме родителей, у нее сын»).

Воробьев Никита Евдокимович («Деев», «Деевы они потому, что кто-то из них заикался», «Гашины — потому что мать была Агafья»). Брат Кузьмы Евдокимовича Воробьева. Жена Аннушка из Телятинок. У них сыновья: Иван, Николай («погиб на войне», учился с Марией Платоновной Зябревой, жена Ксюша, у них сын Лев, женатый на Антонине Сергеевне Буяновой из Лапоткова, — у них сыновья Николай и Андрей и внуки Алексей и Таисия), Петр (жена Мария Алексеевна Жидкова) и дочери: Мария («Машка», за Кожакиным с Косой Горы), Варвара («Варя», за Конашевичем — «поженились уже в пожилом возрасте: Конашевич появился в Ясной Поляне вместе с духоборцами, их переселили на американский остров, а он остался») и Ольга. Варвара Никитична Деева была крестной матерью Анны Платоновны Зябревой, а также ее сестер-двойняшек Елены и Александры — вместе с «тетей Матрюшкой», то есть Матрениной Константиновной Маковицкой.

Егоровы (Матвеевы-Родионские)

Егоров Василий Матвеевич. Двоюродный брат Лазаря Родионовича и Ольги Родионовны Егоровых. У него сыновья: Иван («кучер», жена Анна Семеновна Резунова), Николай («моряк», жена «Питерка», «жену привез из Петербурга»), Михаил (жена Ульяна из Казначеевки) и Петр («последний сын», жена Любовь Степановна Резунова) и дочери: Александра (за Василием Михайловичем Зориным), Пелагея (за Иваном Павловичем Арбузовым) и Арина («Рюша»). У Ивана Васильевича и Анны Семеновны Егоровых сыновья: Александр («утонул возле Ясной Поляны, захлебнулся и не смогли вытащить, жена Маруся от «Ермишиных», дочь Валя») и Василий («дурачок») и дочь Екатерина («Катя», «пропала в лесу»). У Михаила Васильевича и Ульяны Егоровых сын Михаил и дочь Анна. У Петра Васильевича и Любови Степановны Егоровых «сын умер».

Егоров Лазарь Родионович. Брат Ольги Родионовны Егоровой.

Двоюродный брат Василия Матвеевича и Якова Матвеевича Егоровых. Жена Матрена Николаевна Зябрева из «Ермишиных» («мать Тимошки и Васьки Родионских»). У них сыновья: Тимофей, Василий (жена Евдокия Ефимовна Жарова — «ее матери Наталье Жаровой помогал Толстой») и Егор и дочери: Аграфена, Александра и Мария. У Василия Лазаревича и Евдокии Ефимовны Егоровых сын Сергей и внучки Татьяна («Танька») и Наталья («Наташка»).

Егоров Яков Матвеевич. Брат Василия Матвеевича Егорова. Двоюродный брат Лазаря Родионовича и Ольги Родионовны Егоровых. Жена Авдотья Семеновна. У них сын Иван («Дрозд»), женатый на Евдокии из Телятинок, «жена телятинская, красивая была баба». Их дети («Дроздовы»): Петр («погиб в Ясной Поляне в песочном карьере, где песочный колодец: завалился песок и засыпало»), Алексей («погиб на войне»), Василий («погиб на войне, жена из Малахова Анастасия Николаевна Воронкова, умерла в Ясной Поляне в 1999 г. в возрасте 92 лет»), Николай, Екатерина («вышла к Овечкиным за Ивана Федоровича Резунова»), Александра («Шурка», «она с 1908 г.»), Вера («Верка») и Анна («Аня»). У Василия Ивановича и Анастасии Николаевны Егоровых дочери Мария и Нина, внучка Наталья Васильевна Гузеева.

Егорова Ольга Родионовна. Сестра Лазаря Родионовича Егорова. Двоюродная сестра Василия Матвеевича и Якова Матвеевича Егоровых. За Семеном Яковлевичем Базыкиным (Ершовым). «У них жил в кормильцах Алексей Бочаров, который унаследовал их дом. У Егоровых было два дома».

Жаровы

Жаров Ефим Ильич. Жена Наталья — «не яснополянская, ей помогал Толстой». У Ефима и Натальи Жаровых сыновья: Иван («жена Груша Зорина, потом за Филатова вышла замуж»), Григорий и Николай («Кокошkin», «Кокошка») и дочери: Мария («Мария Старшая», за Петром Прокофьевичем Власовым — ее второй брак), Евдокия (за Василием Лазаревичем Егоровым из «Матвеевых-Родионских») и Мария («Мария Младшая», «Цыганка», «самая младшая, незаконная дочь, она с 1905 г.»).

Жаров Иван Ильич («Чурис», «в церковно-приходскую школу воду носил, караулил, жил рядом с Жаровой Натальей»). Жена Пелагея Цветкова. Их дети (Чурисовы): Иван («погиб на войне, жена Наталья Ивановна Орехова «Ромашкина», жили на Косой Горе, у них три сына»), Николай («у него сын») и Александра («Шура», «долго замуж не выходила»).

Анна Платоновна Головина
1930-е гг.

Жидковы

Жидков Онисим Григорьевич. Жена Мария Власьевна. У них сыновья: Дмитрий (жена Домна Родионовна Кандаурова), Алексей, Григорий (жена Пелагея Семеновна Резунова) и Иван. У Алексея Онисимовича Жидкова сыновья: Алексей (жена Мария Игнатьевна Макарова), Илья (жена Наталья Семеновна из д. Жёрновка под Серпуховом — «ее в войну убило снарядом во время обстрела») и Михаил («взят в кормильцы Жидковыми из другого жидковского дома») и дочери: Прасковья («вышла замуж в Рудаково») и Мария («глазастая девка была», за Петром Никитичем «Деевым»). У Григория Онисимовича Жидкова сын Иван («погиб, попал под трактор, жена Евдокия — дочь вдовы Ольги Кандауровой»; у них сын Николай и две дочери) и дочь Наталья (за Ильей Михайловичем Зориным). У Алексея Алексеевича Жидкова сыновья: Константин («Костя»), Иван, Дмитрий («Митя») и «еще один сын». У Ильи Алексеевича Жидкова

сыновья: Иван, Александр, Сергей («все трое погибли на войне в 1941 г.») и Николай («инвалид после фронта», жена Александра Дмитриевна Рогачкова из Никольского на Упе; у них дочери: Елена, в замужестве Костюк — у нее сын Дмитрий, и Валентина, в замужестве Иванова — у нее дочь Наталья) и дочь Нина («она с 1915 г.»). У Михаила Алексеевича Жидкова дочери: Татьяна («Таня Морозова», «она с 1906 г., за Василием Ивановичем Морозовым, он сидел в тюрьме, у них дочь Зина»), Александра, Анастасия («Настя», за Николаем Платоновичем Зябревым) и Мария.

Зорины

Зорин Кирилл Дементьевич. Жена Фекла Константиновна Орехова «Ромашкина». У них сыновья: Александр («Шурка Зорин», «путеец — работал на железной дороге, умер в 1996 г., был женат») и Иван («Ванька Зорин», «заведовал областными складами „Заготзерно“, в зерне нашли каких-то букашек и посадили, умер в лагерях; жил в Туле на улице Жуковской; жена из Прибалтики, где служил, дочь и два сына в Туле») и дочери: Мария («вышла в Смирново, у нее трое детей»), Татьяна («она с 1903 г., вышла на Косую Гору, у нее сын Владимир, после смерти мужа жила в Ясной Поляне»), Елена («она с 1906 г., секретарь райкома в Тульской области») и Марфа («у нее один сын на Косой Горе»).

Зорин Михаил Дементьевич. Брат Кирилла Дементьевича и Дафны Дементьевны Зориных. Охотник. «Сашухин Кусакиной дед родной. Жег кирпич в Ясной Поляне, копал колодцы — по Ясной Поляне было четыре или пять колодцев, на волков с Толстым ходил на волкобойню». Жена Лукерья — не яснополянская. У них сыновья: Павел («жена Вера из Ясенков, у них пятеро детей: Сергей, Александра — «Шура», Иван погиб на фронте; Петр и Алексей»), Илья («Илюха», «его посадили в 1937 г. — книжку прочитал толстовскую», жена Наталья Григорьевна Жидкова — дочь Григория Онисимовича Жидкова; «у них сын Михаил и дочь Шура и еще один сын Дмитрий родился в 1912 г., а дочь Надежда погибла, попала под поезд»), Василий (жена Александра Васильевна Егорова из «Матвеевых-Родионских»; «у них сыновья: Николай (у него дочери Наталья и Елена), Петр в Ясной Поляне, Иван в Воробьевке и дочь Анна в Щекино») и Федор («погиб на войне, жена Александра из Казначеевки — «Сашка-кладовщица» — была кладовщицей в колхозе; у них сын Николай родился в 1926 г., сын Анатолий — в 1928 г., дочь Валя — в 1929 г., двойня Тоня и Вова родились передвойной») и дочери: Александра (за Алексеем Ивановичем Зябревым), Аграфена

Павел Владимирович и Анна Платоновна
Головины с сыном Владимиром
Тула, 24 июля 1949 г.

(«доярка у Толстых, сначала была за Иваном Жаровым — он пропал, от него сын Володька, потом за Борисом Сергеевичем Филатовым — их Софья Андреевна Толстая пожалела, дала им 7 рублей — дом сложить»), Анастасия («Настя», за Иваном Сергеевичем Шураевым) и Мария («Зориха», «она с 1906 г., замужем за музейным пастухом, жила в Щекино, уборщица в райисполкоме»).

Зорина Дарья Дементьевна. Сестра Кирилла Дементьевича и Михаила Дементьевича Зориных. Вышла замуж в Гречевку.

Зябревы

Зябрев Алексей Иванович. Двоюродный брат Василия Платоновича и Прохора Платоновича Зябревых. «Первая жена Акулина из Кривцова умерла, детей не было. Вторая жена Александра Михайловна Зорина была крупная и здоровая женщина (Зорины этим отличались), и ее долго не брали замуж, а Алексей Иванович взял и не пожалел — она была работящая и выносливая (сам он умер рано), копны на себе таскала, тягучая на работу. Сашуха-дочь пошла в нее, а ростом в Зябревых — невысокая». У них сыновья: Василий («погиб в катастрофе»), Михаил («жена Анна, у них сын и дочь»), Егор («Егорка», «погиб на войне») и Иван («Ванька», «инвалид, руку потерял на войне») и дочери: Мария («Мурыся» — «так называла ее мать, она с 1916 г., жила в Сочи и умерла в Сочи в 1997 г.») и Александра («Сашуха», за Кусакиным, у них сын и дочь). «В Ясной Поляне стояли рядом четыре дома Зябревых: один Платона Ивановича, один Алексея Ивановича и два «Платоновых» — Василия и Прохора. На месте дома Алексея Ивановича теперь дом Кусакиных».

Зябревы «Акулинкины» или «Филиповы»

Зябрев Филипп («Филипок»). Жена Акулина из Мясоедова. «Когда приезжала из Тулы, всегда отогревалась на печке у Аграфены Константиновны Зябревой — в Туле таких теплых печек не было». У них сыновья: Алексей, Андрей («погиб на войне, жена Екатерина из Тихвинки — скуратовская; один сын Лев умер от туберкулеза, другой — Юрий жил в домах рядом с яснополянской больницей, дочь Софья погибла, дочь Валентина жива; у Юрия сын Андрей»), дочери: Татьяна, Ольга («работала в больнице, была замужем за Шавариным — от него дочь Тамара, потом за Федором Игнатьевичем Макаровым — от него сын Михаил»), Мария («Машка Акулинкина»). По словам Марии Платоновны Зябревой: «Акулинкины нам двоюродные».

Зябревы «Ермишины» («Ремишины», «Титовы»)

Зябрев Алексей Титыч. Брат Василия Титыча, Евстигнея Титыча и Николая Титыча Зябревых. «У него сын Иван, женатый на Пелагее Степановне Резуновой, и три дочери: Татьяна, «Гавушка» и еще одна дочь».

Зябрев Василий Титыч. Брат Алексея Титыча, Евстигнея Титыча и Николая Титыча Зябревых. Бездетный.

Зябрев Евстигней Титыч. Брат Алексея Титыча, Василия Титыча и Николая Титыча Зябревых. Жена Ирина Евдокимовна Фоканова «Авдошкина», «бабка Арина», «Валька Зябрева бабка». У них сыновья: Иван («посадили в войну за то, что загорелась колхозная рига, где он был механиком; у него сын Валентин — „Валек Зябрев“ и дочь Татьяна») и Василий («подростком уехал из Ясной Поляны») и дочери: Вера и Татьяна («отдадена к „Овочкиным“ — за Петра Федоровича Резунова»).

Зябрев Николай Титыч. Брат Алексея Титыча, Василия Титыча и Евстигнея Титыча Зябревых. У него сыновья: Павел, Алексей, Михаил, Андрей, Николай и дочери: Матрена («вышла к Егоровым, мать Тимошки и Васьки Родионских») и Ольга («кривая, за Иваном Михеевым»). У Павла Николаевича Зябрева сын Василий. У Алексея Николаевича Зябрева (жена Екатерина) сыновья: Николай («Коля»), Иван («Ванька», жена Мария Адриановна Болхина) и Алексей («Алешка», жена Пелагея Павловна Орехова «Давыдкова») и дочери: Мария (за Александром Ивановичем Егоровым из «Матвеевых-Родионских») и Анна. У Андрея Николаевича Зябрева (умер в возрасте 80 лет, жена Александра Орехова «Чикулева») сыновья: Василий (родился в 1907 г., умер в возрасте 86 лет, жена Мария Николаевна Шляхтина из Малахова), Иван (родился в 1910 г., жена Мария Осиповна из д. Щекино) и Николай (родился в 1913 г., жена Евдокия Ермиловна из д. Щекино) и дочери: Мария («самая старшая, ходила как каталась, замуж вышла в Тулу и жила в Туле») и Екатерина («Катя», за Егором Емельяновичем Зябревым «Милаковым»). У Алексея Алексеевича и Пелагеи Павловны Зябревых сын Виктор и дочь Зинаида, в замужестве Ларина. У Виктора сыновья Алексей (жена Валентина) и Сергей (жена Ольга, дочь Дарья). У Зинаиды сын Виктор, внуки Александр и Сергей. У Василия Андреевича и Марии Николаевны Зябревых сын Виктор и дочь Антонина. У Ивана Андреевича и Марии Осиповны Зябревых сын Александр и дочь Лидия. У Николая Андреевича и Евдокии Ермиловны Зябревых дочь Валентина, в замужестве Скворцова. Двоюродные братья Василий Павлович и Василий Андреевич Зябревы были ровесниками и учились в церковно-приходской школе вместе с Марией Платоновной Зябревой (в школе их прозвали «Телушка» и «Бык»).

Зябревы «Милаковы», «Милачихины»

Зябрев Емельян Иванович. Брат Алексея Ивановича и Платона Ивановича Зябревых. Двоюродный брат Василия Платоновича и Прохора Платоновича Зябревых. Жена Авдотья Милакова из Каз-

начеевки («там распространена эта фамилия»). У них сыновья: Михаил («сидел в тюрьме»), Андрей (жена Аксинья из Деминки) и Егор («Егорка Милаков», «похоронен в Кочаках возле церкви», жена Екатерина Андреевна Зябрева «Ермишина», «похоронена в Кочаках возле церкви») и дочери: Аграфена («жила в Москве») и Анастасия («вышла в Казначеевку, за Милаковым»). У Андрея Емельяновича и Аксиньи Зябревых сыновья Михаил («Мишка») и Петр («Петъка») и дочь Полина (за Костей Ляпуновым). У Егора Емельяновича и Екатерины Андреевны Зябревых сын Виктор («военный») и дочери Валентина и Клавдия («Клава Чиченина»).

Зябревы «Осиповы»
(«Винокурчики», «Винокурчиковы»,
«Винокуровы с горы»)

Зябрев Петр. «Осипов». Жена «Селима первая» («ходила к Зябревым „Платончиковым“ с подарками, как к родственникам»). У них сыновья: Сергей (жена Елизавета — во втором браке за Фокановым «Володкиным»), Иван («Ванька Винокурчик», «красивый, приходил с гармошкой в Кислый переулок, где собиралась яснополянская молодежь») и Михаил и дочери: Аксинья («Селима вторая», за Иваном Осиповичем Шураевым), Татьяна и Любовь. «Осиповых» называли еще «Винокуровы с горы» — на «горе», на их дворах кончалась деревня; у них был деревянный красный домик (принадлежал «Селиме первой») и единственный в Ясной Поляне сад; на их месте построились «Дроздовы»: «построили кирпичный дом».

Зябревы «Платоновы», «Платошкины»

Зябрев Василий Платонович. Брат Прохора Платоновича Зябрева. Двоюродный брат Алексея Ивановича, Емельяна Ивановича и Платона Ивановича Зябревых. «Служил в банке кассиром, домой ездил». Жена Татьяна Михайловна из Понарина. «Календаря такого не было, как эта баба, всегда знала, какой будет день, и говорила: дождя не будет, он будет на Николу в два часа дня, и никогда не ошибалась; к ней приезжали из деревень и спрашивали, покупать дом или нет». У них сыновья: Дмитрий, Алексей, Семен, Егор, Александр («умер во время войны от голода»), Иван (умер в возрасте 19 лет) и Федор («погиб на войне») и дочь Анастасия («Настасья»). Семен и Егор — близнецы.

Зябрев Прохор Платонович. Брат Василия Платоновича Зябрева. Двоюродный брат Алексея Ивановича, Емельяна Ивановича и Платона Ивановича Зябревых. «Имел чесалку, шерсть бил». Жена

Мария Платоновна Зябрева
1940-е гг.

Аграфена из Телятинок («одна ее сестра Авдотья вышла замуж к «Дроздовым», а другая Федора — к Макаровым»). У них дети («Прохоровы»): Иван, Тимофея («работал на заводе, попал в шкиф, умер вследствие травмы»), Василий («его сын Николай повесился после войны, а Наталья-невестка умерла несколько лет тому назад — остались две дочери»), Дмитрий, Мария, Наталья, Татьяна («вышла замуж в Москву»), Елизавета («Лизавета») и Аксинья. У Василия Платоновича и Прохора Платоновича Зябревых были еще две сестры, одна из них Матрена — «иждивенка богадельни в Туле».

Зябревы «Платончиковы»

Зябрев Платон Иванович. Брат Алексея Ивановича и Емельяна Ивановича Зябревых. Двоюродный брат Василия Платоновича и

Прохора Платоновича Зябревых. «Занимался извозом в Туле, стоял на постое у Грызловых». Жена Аграфена Константиновна Орехова «Ромашкина». «Женихов было много; ухаживал Иван Орехов («Чикуль»), Михаил Зябрев из «Винокурчиковых» подарил ей кольцо (он служил в обувном магазине), а вышла замуж за Платона Ивановича Зябрева; после его смерти к ней сватался Федор Тарасович Фоканов — повар в Туле». У Платона Ивановича и Аграфены Константиновны Зябревых сыновья: Василий (1905—1966), работал в музее, жена Александра Ивановна Матросова, «дочь Ивана Матросова из Угрум — работал в лесничестве, злой мужик») и Николай (1911—1975, работал в колхозе и в музее, жена Анастасия Михайловна Жидкова) и дочери: Мария («Седая», р. 1908, за Василием Осиповичем Сажниковым из д. Чёркино под Моршанском), Анна (1913—1993, за Павлом Владимировичем Головиным, «из дворян, из тех Головиных, чей „головинский плуг“ — его производство находилось в Лаптеве — теперь это Ясногорск»), Елена (1916—1983; «гидрогеолог, жила в Усть-Каменогорске, замужем за Иваном Кирилловичем Зелёным, первый муж погиб на войне») и Александра (р. 1916, умерла младенцем в Ясной Поляне). Елена и Александра были двойняшки. Крестной матерью старших детей Василия и Марии была Агафья Орехова «Кубарева» («вышла к Фокановым»). У Василия Платоновича и Александры Ивановны Зябревых сын Константин («умер от рака, работал на „уране“, жена Мария Ильинична Макарова, у него сын и две дочери»). У Николая Платоновича и Анастасии Михайловны Зябревых дочь Галина («медсестра в яснополянской больнице»). У Марии Платоновны Зябревой от брака с Василием Осиповичем Сажниковым сын Олег Васильевич Сажников (р. 1931), женатый на Валентине Васильевне Хрипковой из Курска (р. 1932), — проживают в поселке Трудовой (г. Тула). У них сыновья Александр (р. 1958) и Василий (р. 1961.) Женаты. У Александра сыновья Павел и Сергей. У Василия сын Олег и дочь Эллина. У Анны Платоновны Зябревой от брака с Павлом Владимировичем Головиным сын Владимир проживает в г. Дзержинске под Нижним Новгородом. Жена Татьяна. Сыновья Павел и Александр. Мария Платоновна Зябрева вспоминает Толстых: Софью Андреевну («мы всегда ее высматривали»), Андрея Львовича («приехал как-то в Ясную Поляну на автомобиле со спицами, за что его ругала Софья Андреевна: иметь столько лошадей и приехать на машине»), Александру Львовну («на ней была толстая юбка, длинный серый жакет — такой же был у Христианович — и сапоги, в которых она месила грязь по деревне, переплывая к Кандауровым»), Татьяну Михайловну Сухотину («Танечку видела только когда все собирались в кучу — катая

Мария Платоновна Зябрева
1970-е гг.

лись на „прешпекте“ кто на чем, чаще на решетах, обмазанных ковровяком и облитых водой и подмороженных, — это я умела делать и делала всем, кто просил; а Танечка Сухотина каталась на санках и попросила решето: „«Седушечка», дай прокатиться“, а мне дала санки, и тут уже все ребята увидели: „Гляньте-ка, это «Седая» на санках едет“; очень приятные в этой компании были две сестры Куракины»), Илью Андреевича («тетя Матрюша посыпала помыть полы у Илюшка — он был после болезни — и отнести ему лесных ягод; набрала и отнесла ему земляники в махотке — другой посуды в доме не было, а он подарил кусочек мыла, на котором было написано „Нега“ — берегла этот кусочек до свадьбы»). Хорошо помнит Татьяну Андреевну Кузминскую («шумела на нас, когда раскричимся возле флигеля — ходили туда кататься на „гигантских шагах“; ребятам больше доставалось покататься, а нам-то нет»), Душана Петровича Маковицкого, женатого на «тете Матрюше» (Матрене Константиновне Ореховой), который часто говорил: «Душа моя, худа нет, худа нет». Анна Платоновна Головина вспоминала, как в детстве сидела на ко-

ленях у Душана Петровича, как дружила с «Тусей» («ее настоящее имя было Мария Франческа Тарантини»), дочерью Ольги Петровны Христианович, приславшей ей позднее из Японии свою фотографию в кимоно — на память. У Алексея Ивановича, Емельяна Ивановича и Платона Ивановича Зябревых «были еще две сестры, Аграфена Ивановна и Наталья Ивановна, и обе остались в Москве; у Толстых были гости и увезли одну, а она за собой сестру утащила».

Кандауровы

Кандауров Иван Родионович. «Был Копылов, прозвище „Ручкин“ (оттого, что потерял руку), охранял деревню с колотушкой». Жена Наталья. У них сын Илья («с Александрой Львовной открывал кооператив в деревне, был сослан в 1930-е гг., жена Александра Павловна Арбузова, у них дочь Нюша Кандаурова и много детей») и дочь Аксинья (за Павлом Даниловичем Козловым).

Кандаурова Домна Родионовна. Сестра Ивана Родионовича Кандаурова. «Кинеиха». «Вышла к Жидковым, была крестной матерью дочерей вдовы Ольги Кандауровой — Екатерины и Евдокии, уступила усадьбу Николаю Илларионовичу Цветкову. Цветковы за ней ухаживали и Кандауровы тоже — была одинокая женщина».

Кандаурова Ольга. «Вдова. Жила в одном доме с Иваном Родионовичем Кандауровым. У нее две дочери Екатерина (вышла на Грумах у Матросовых) и Евдокия („Дунька Жидкова“, была председателем колхоза, замужем за Иваном Григорьевичем Жидковым). Евдокия с мужем жила у матери — в середке крайнего дома на Кандауровом проулке. Усадьбу Ольга Кандаурова уступила Григорию Онисимовичу Жидкову, который отделился и построился рядом с Кандауровыми».

Козловы

Козлов Даниил Давыдович. Жена Авдотья Яковлевна Фролкова. У них сыновья: Нестор («Нестер»), Федор («рано умер», «крестный отец «Татьяны Изюмчиковой», жена Прасковья Семеновна Фоканова «Володкина», «уборщица в церковно-приходской школе», «погибла во время обстрела в 1941 г.»), Петр (жена Мария) и Павел (жена Аксинья Ивановна Кандаурова) и дочь Авдотья (за Степаном Калининым из Воробьевки, у них дочь Прасковья за Кириллом Ивановичем Морозовым из Житова). У Федора Даниловича и Прасковьи Семеновны Козловых сын Александр и дочь Анна («эзимой пойдет белье полоскать и обязательно упадет в прорубь», «погибла во время обстрела в 1941 г.», «у нее сын Александр»). У Петра Даниловича и

Марии Козловых сыновья: Андрей, Николай и Иван и дочь Татьяна. У Павла Даниловича и Аксиньи Ивановны Козловых сыновья: Дмитрий («погиб на войне», жена Мария Алексеевна, ум. 1995, у них сын Владимир и дочь Антонина), Василий («умер от ран во время войны», жена Мария), Иван (ум. 1987, жена Зинаида Тихоновна Жарова) и Сергей (ум. 1993, жена Нина Михайловна Борисова, у них сын Василий и дочь Вера; у Василия сын Сергей и дочь Вера) и дочери: Анна («ум. 1994, у нее сын Сергей и дочь Ольга») и Александра (в замужестве Казанцева).

Копыловы

Копылов Василий. Сын вдовы Анисы Копыловой. Жена Анна Прокофьевна Власова. У них сын Петр («пропал на войне») и дочь Александра («за приезжим человеком»).

Копылов Мирон. Сын вдовы Анисы Копыловой. Брат Василия, Петра и Варвары Копыловых. Жена Агафья («приезжая»).

Копылов Петр. Сын вдовы Анисы Копыловой. Брат Василия, Мирона и Варвары Копыловых.

Копылова Варвара. Дочь вдовы Анисы Копыловой. Сестра Василия, Мирона и Петра Копыловых. «Копылы были торговые люди, везде ездили».

Курносенковы

Курносенков Андрей Петрович. У него сыновья: Василий («Васька») и Иван («Ваня глупый») и дочери: Варвара (за Николаем Семеновичем Румянцевым) и Вера.

Курносенков Яков Петрович. Брат Андрея Петровича Курносенкова. Жена Александра Петровна. У них дочери Вера и Анна («Анушка»).

Лохмачевы

Лохмачев Иван Тимофеевич. Брат Прасковы Тимофеевны Лохмачевой. Жена Александра Евдокимовна Фоканова «Авдошина». «Лохмачевы жили в Сибири, они приехали, построились, потом опять уехали, уехали все и „Кыню“ увезли, Парашу-дурочку, она была сестрой того, кто дом построил, ходила по деревне и всем представлялась: „Кыня Параша“; в лохмачевском доме (где теперь стоит почта) была начальная школа и называлась „Лохмачевка“ — в ней учились младшие „Платончиковы“ (Зябревы); там жили конторские, которые работали в музее».

Лохмачева Прасковья Тимофеевна («Параша-дурочка», «Кыня Параша»). Сестра Ивана Тимофеевича Лохмачева.

Макаровы

Макаров Севостьян. У него сыновья: Василий (жена Ольга Родионовна) и Игнат (жена Прасковья Никитична) и дочери: Марфа (за Константином Михайловичем Ореховым «Ромашкиным»), Аграфена (за Семеном Сергеевичем Резуновым), Агафья («перешла к баптистам, баптисты ее хоронили») и Анисья. У Василия Севастьяновича и Ольги Родионовны Макаровых сыновья: Филипп («лакей у Толстых до Сидоркова; пел хорошо; у него была пролетка в Туле — господ возил; жена Ольга Александровна Соколова из Тулы — портниха, шила для Софьи Андреевны Толстой, ее детей и внучки Танечки; в 1907 г. родила девочку Варвару от черкеса Шекея Алексеевича, охранявшего усадьбу; скандал замяла Софья Андреевна, переговорив с Филиппом Васильевичем, а черкес куда-то исчез; Варвара, «Варька Черкеска», носила фамилию Макарова и вышла замуж к «Давыдовым» (Ореховым) за Михаила Ефимовича Орехова, от которого дочь Татьяна Михайловна Орехова и с которым развелась; потом выходила за Егора из другой деревни; жила в Туле, ум. 1980; у Филиппа Васильевича и Ольги Александровны была еще дочь Татьяна и два Павлика, которые умерли детыми»), Иван (жена Татьяна Яковлевна Цветкова «Бурдова», «„Бурда“ Пети мать», «всегда пела на праздниках») и Илья («был женат на Авдотье, детей не было; потом женился на другой Авдотье, от нее был сын и дочь Александра; в третий раз был женат на Ольге, от нее дочь Мария — за Константином Васильевичем Зябревым из «Платончиковых») и дочери: Дарья, Авдотья и Акулина («Лина Макарова», «чистенькая, пела хорошо; встречалась с Андреем Львовичем Толстым; ум. 1919 или 1920 от тифа, заразившись от жениха «Васи Самарина», за которым ухаживала»). У Игната Севастьяновича и Прасковьи Никитичны Макаровых сыновья: Федор (жена Ольга Филипповна Зябрева из «Акулинкиных-Филиповых» — в первом браке за Шавариным; у них сын Михаил Федорович Макаров), Антон (жена Федора из Телятинок, «сестра Авдотьи, которая вышла к «Дроздовым», и Аграфены, которая вышла к Зябревым «Платоновым»; у них сын) и Сергей и дочь Мария (за Алексеем Алексеевичем Жидковым). У Ивана Васильевича и Татьяны Яковлевны Макаровых сыновья: Петр («жена Нюша Бурдова из Старой Колпны») и Василий («у него сын Михаил женился на Соне Полиной, дочери Тита Ивановича Полина, которая уже была с сыном — его называли „Дыркиным“, потому что у него была операция на горле»).

Татьяна Андреевна Румянцева
Ясная Поляна, 1999 г.
Фотография А. И. Плякина

«Марсуковы», «Марсуки»

«Марсуков» Архип. «У жены было прозвище „Пигарка“ — у нее на лице была какая-то болезнь, кожа сползала и появлялись пятна». У них сыновья: Архип («его первая жена Анна Прокофьевна»), Иван («Иван Гвоздев», «очень высокого роста мужик, песни и стихи сочинял про Толстого и все читал нам в народном доме») и Дмитрий («по прозвищу „Дед“»). «В Ясной Поляне „Марсуковых“ был один дом такой».

Михеевы

Михеев Василий Егорович. У него сыновья: Павел («у него было прозвище „Пашка Оратор“, жена Марфа Сергеевна Шураева, двоюродная сестра Ивана Осиповича Шураева») и Егор («пастух, его же-

на Авдотья — сестра Пелагеи Жаровой, Дарьи Ореховой «Давыдковой», Марьи, которая на Косой Горе, и «Васи Самарина») и дочери: Анисья («старшая, у нее дочери Ленка и Мотька»), Евдокия («жила в Москве, умерла в Ясной Поляне») и Мария («на Гречовке замуж»). У Павла Васильевича и Марфы Сергеевны Михеевых сын Михаил («Мишка») и дочери: Александра («Шурка», «у нее дочь застрелилась на практике после института из-за любви, она косу срезала у дочери и похоронила на кладбище в Кочаках») и Татьяна («Танька»). У Егора Васильевича и Авдотьи Михеевых сын («погиб на войне, его дочь живет в Ясной Поляне») и дочь Анна.

Михеев Иван Егорович. Брат Василия Егоровича Михеева. Жена Ольга Николаевна Зябрева «Ермишина». У них дети: Мария («вышла замуж в Рудаково или Басово»), Прокофий (жена Степанида — «вдова после Василия Фоканова»; их сын Сергей Прокофьевич Михеев ум. 1997), Александр («кочегар») и Федор («Михейкин», «жил в Москве, был женат на дворянке Евгении, сын Борис живет в Ясной Поляне возле колодца»). «Пятого ребенка Ольга Михеева утопила в пруду; привязала камушек и утопила; старики говорили, вроде Толстой видел, он тогда за нее заступился; в пожилом возрасте Ольга сошлась с Тарасом Фокановым, бегала к нему на пасеку — Тарас держал пасеку».

Михеев Михаил Спиридовович. У него сыновья: Василий («Спиридов», прошел три войны, имел два Георгия, в гражданскую был ранен, был офицером», жена Мария Константиновна Орехова «Ромашкина», «вышла замуж уже в возрасте»), Иван и Николай и дочери: Анна («застрелилась из-за любви к милиционеру Грише Струльникову из его пистолета, потому что отец хотел выдать ее замуж в Воробьевку и ехал, чтобы купить приданое, а его остановили и сказали: „покупай гроб“; Струльников работал в музее, ходил с костылем, после этого случая куда-то пропал»), Мария (за Петром Алексеевичем Бочаровым), Евдокия (за Николаем Титычем Полиным), Татьяна и Анисья (у нее внучка Оксана Георгиевна Ромашкова). У Василия Михайловича и Марии Константиновны Михеевых сын Евгений и дочь Анна. У Евгения от первого брака дочь Нина, она в первом браке за Александром Сергеевичем Цветковым («его мать от Фроловых»); у них сын Владимир. От второго брака у Нины сын Кирилл.

Морозовы

Морозов Емельян. Жена Анна Николаевна Орехова «Кубарева». У них дочь Александра («Шура Морозова») — не замужем.

Морозов Иван Степанович. Брат Василия Степановича Морозо-

ва. «Умер от рака желудка; несколько раз был женат; от первой жены дочь Марфа вышла замуж на Дворики, где жили обеспеченные люди (где теперь поселок Первомайский); от последнего брака дочь Вера (она умерла) и сын Василий (сидел в тюрьме), женатый на Татьяне Михайловне Жидковой — от этого брака дочь Зинаида».

Ореховы «Давыдовы»

Орехов Ефим Давыдович. Жена Дарья («она сестра Авдотье Михеевой, Пелагеи Жаровой, Марье, что на Косой Горе жила, и „Васе Самарину“ — самый насмешливый был, всю деревню пересмешит, анекдотчик; потом ей помогала Нюша Жарова»). У них сыновья: Михаил (жена Варвара Макарова, «Варвара Черкеска», «у них дочь Татьяна»), Сергей («был на фронте, умер после войны») и Илья (жена Таисия) и дочери: Анна («Нюша») и Мария («самая младшая, вышла за Алексея с Косой Горы»).

Орехов Павел Давыдович («Пашка Давыдов»). Брат Ефима Давыдовича Орехова. «Погиб в войну во время обстрела, жена Александра из Житова». У них сыновья: Иван («умер раньше брата Василия», жена Анна Ивановна Еремичева из Бабуринки) и Василий (умер в 1997 г., жена Варвара Онисимовна) и дочери: Пелагея («Полька», за Алексеем Алексеевичем Зябревым «Ермишиным»; у них сын Виктор и дочь Зинаида, в замужестве Ларина), Анна, Мария и Александра («Шура»). У Ивана Павловича Орехова сын Валентин (жена Галина Павловна Буравцова из Телятинок — у них сыновья Александр и Владимир; у Александра сын Сергей и дочь Ольга, у Владимира дочь Ольга). У Василия Павловича Орехова сын Владимир (жена Фаина) и дочь Татьяна. У Владимира сын Сергей (у него сын Артем) и дочь Татьяна (у нее сыновья Дмитрий и Евгений).

Ореховы «Кубаревы»

Орехов Николай («Кубарев»). Сосед Ивана Орехова «Чикуля». «У его матери Марфы, „бабки Кубарихи“, было много девок: Дарья, Акулина, Агафья, Настасья, горбатенькая Татьяна и один сын Николай». Агафья «Кубарева» (она вышла к Фокановым) крестила Василия и Марии Зябревых «Платончиковых». Жена Николая Авдотья из Ясенок. У Николая и Авдотьи «Кубаревых» сыновья: Николай, Сергей и Виктор и дочери: Анна («вышла к Морозовым за Емельяном, их дочь Шура Морозова не замужем») и Антонина. «У „Кубаревых“ в доме старик „Мы-мы“ жил; наверно, он к ним имел какое-то отношение, кроме „мы-мы“ больше ничего не говорил».

Ореховы «Ромашкины»

Орехов Константин Михайлович. «У него была бляха, он был какая-то власть. Его сестра Агафья вышла замуж из Ясной Поляны в деревню Смирное на двух детей за вдовца Борисова». Жена Марфа Севастьяновна Макарова. «Она всегда выращивала свиней, детей было много, кормить надо было. У них было девять детей»: Николай («Ромашкин», «он был кондитер в Туле», «он получил ту часть дома, в котором была амбулатория Маковицкого», жена Анна Титовна Полина), Аграфена (р. 1879 — «с того же года, что и Сталин», ум. 1955, за Платоном Ивановичем Зябревым), Матрена («тетя Матрюша», за Душаном Петровичем Маковицким, у них дочь Анна), Евдокия («Доня», за Дмитрием Семеновичем Фокановым «Володкиным»), Мария (за Василем Михайловичем Михеевым «Спиридоновым»), Иван («жил в отцовском доме, жена Анна Гавриловна из Смирнова»), Фекла (за Кириллом Дементьевичем Зориным), Дмитрий («умер молодым») и Василий («погиб на войне в 1914 г.», жена Анастасия Цветкова). У Николая Константиновича и Анны Титовны Ореховых сын Сергей («умер подростком, похоронен Анной Титовной в Кочаках возле церкви») и Софья («Соня», «муж Евгений, дочь Анютка»). У Ивана Константиновича и Анны Гавриловны Ореховых дочери: «Наталья Ромашкина» (за Иваном Жаровым «Чуризовым») и «Полина Ромашкина» («медсестра, вышла в Щекино за Ушановым, у них сын Вячеслав, его жена Рая»).

Орехова Агафья Михайловна. Сестра Константина Михайловича Орехова. За Борисовым из д. Смирное.

Ореховы «Чикулевы»

Орехов Иван («Чикуль»). Сосед Николая Орехова («Кубарева») и Болхиных. Жена Наталья из Ясенок. «У них было одиннадцать детей: Николай, Павел, Володя, Таня, Олька, Иван, Михаил и еще несколько человек».

Полины (бывшие Пелагеюшкины)

Полин Степан Иванович. «Отец Полиных (Пелагеюшкиных) умер, а их мать вышла замуж с двумя ребятами Титом и Степаном за Власова Прокофия и от него родила Петра и Анну (Власовых)».

Полин Тит Иванович. Брат Степана Ивановича Полина. «Жил в Кислом проулке, жена Аннушка». У них сыновья: Сергей, Николай («горбатый, бухгалтер в музее», жена Евдокия Михайловна Михе-

ева) и Михаил («в Москве») и дочери: Варвара («Варя»), Анна (за Николаем Константиновичем Ореховым «Ромашкиным»), Зинаида («Зина»), Екатерина («Катя», «р. 1908»), Антонина («Тоня», «врач»), Елена и Софья («Соня», «во втором браке за Михаилом Васильевичем Макаровым»).

Резуновы

Резунов Михаил («Лёбзик»). Сосед Ореховых «Ромашкиных» и Шураевых. «Он был пожарник, жил в Ясной Поляне, работал в Туле; как приезжает из Тулы, так в деревне пожар — у нас все время горела Ясная Поляна, а он сидит на крыше и просит: „дайте спирту — нету духу“. Его жена Агафья из Мостовой пила чай, положив в него седочную головку. Лебзик называл ее „моя Ганчок“. В одном доме с ним жила „бабка Алена Королевна“ (Елена Варфаломеевна) и ее сожитель Пантюха, пастух у Толстых; Лебзик выходил на „Ромашкиных“ (Ореховых), а бабка Алена выходила на Шураевых. На месте сгоревшего дома Лебзика построился Василий Алексеевич Бочаров».

Резунов Семен Сергеевич. «Плотник, злой мужик, синел, когда сердился». Брат Федора Сергеевича Резунова. Жена Аграфена Севастьяновна Макарова. У них сыновья: Степан (жена Татьяна), Гаврил («конюх в музее», жена Елизавета Григорьевна из Казначеевки, «Пелагеи Фролкиной сестра») и Андрей («высокий, красивый мужик, погиб на войне в 1914 г.», жена Мария Никитична Фролкова) и дочери: Анна («за Иваном Васильевичем Егоровым из «Матвеевых-Родионских», кучером») и Пелагея (за Григорием Онисимовичем Жидковым). У Степана Семеновича и Татьяны Резуновых сыновья: Иван («хромой»), Егор («Егорка», «хромой») и Владимир и дочери: Пелагея (за Иваном Алексеевичем Зябревым «Ермишиным») и Любовь (за Петром Васильевичем Егоровым из «Матвеевых-Родионских»). У Гаврила Семеновича и Елизаветы Григорьевны Резуновых сыновья: Василий («погиб на войне, у него дочь Тоня») и Иван («Ванька») и дочери: Екатерина («медсестра»), Валентина, Антонина («Тонька») и Александра («Шура»). У Андрея Семеновича и Марии Никитичны Резуновых дочь Татьяна («Татьяна Изюмчикова», за Львом Семеновичем Румянцевым, «ее крестный отец Федор Данилович Козлов»).

Резунов Федор Сергеевич («Федюнчик»). Брат Семена Сергеевича Резунова. Жена Настя из Бабуринки. У них сыновья (Резуновы-«Овечкины»): Федор (жена Анастасия Власьевна Воробьева «Власикова»), Петр (жена Татьяна Евстигнеевна Зябрева «Ермишина») и Иван («его прозвище, как и Платона Ивановича Зябрева, было „Добряк“, его жена Екатерина Ивановна Егорова „Дроздова“»,

„Ивана Дрозда“ дочь). У Федора Федоровича и Анастасии Власьевны Резуновых сын Михаил («р. 1912, жена Аксинья Павловна Борисова из Воздрема») и дочери: Анна, Мария, Татьяна, Александра и Валентина. У Петра Федоровича и Татьяны Евстигнеевны Резуновых сыновья: Сергей («у него жена из Белоруссии, у них сын Василий и дочь Татьяна, а у Василия сын Костик и еще один сын») и Василий («погиб в войну»). У Ивана Федоровича и Екатерины Ивановны Резуновых сыновья: Константин («Костя») и Николай («у него сын Колька и дочь») и дочь Антонина. У Михаила Федоровича и Аксиньи Павловны Резуновых сыновья: Виктор, Владимир и Николай и дочери: Нина и Татьяна, в замужестве Малахова.

Румянцевы

Румянцев Семен Николаевич. «Повар у Толстых». Жена Мария Васильевна Суворова. У них сыновья: Иван («жена из Тулы»), Александр («жена из Тулы, а раньше из Рвов; братья Румянцевы работали в Туле на оружейном заводе, там и нашли себе жен уже на Урале, куда эвакуировался оружейный завод»), Николай (жена Варвара Андреевна «Курносова» — Курносенкова), Дмитрий («жена из Тулы, дочь машиниста») и Лев (1904—1948, умер «после операции в Туле», жена Татьяна Андреевна Резунова «Изюмчика», брак бездетный) и дочь Мария («Маруська», за Семеном Ивановичем Елисеевым из Телятинок; «Елисеевы занимались сапожным ремеслом, очень отличались от других жителей; от Елисеева сын Владимир и дочь Надежда»). У Ивана Семеновича Румянцева сын Леонид («у него жена Настя, есть дети») и дочери: Ольга и Тамара («Тамара и Леонид двойняшки»). У Александра Семеновича Румянцева дочь Ольга. У Николая Семеновича и Варвары Андреевны Румянцевых сыновья: Алексей («у него дочь») и Лев (жена Валентина Васильевна Трофимова, дочь Татьяна) и дочь Софья. У Дмитрия Семеновича Румянцева сын Вячеслав («Слава», «у него дочь Татьяна и внук Вячеслав») и дочь Нина.

Румянцева Прасковья Николаевна («Параша»). Сестра Семена Николаевича Румянцева. «Вышла замуж на станцию „Ясная Поляна“ за Крюкова Михаила Фомича».

Суворовы

Суворов Василий Васильевич («Василь Василь»). «Из дворовых, служил у Толстых». Жена Пелагея Федоровна. У них дочери: Мария («из дворовых»), Варвара («ум. 1920, была замужем за Адрианом

Павловичем Елисеевым из Ягодного; он был управляющим, кучером, работал в музее, был репрессирован по доносу бухгалтера Полина; от первой жены Александры у него дочь Таня, от второй жены Варвары Васильевны Суворовой дочь Маша; в третий раз был женат на Матрене Дмитриевне, Арбузовой по первому мужу, в девичестве Фроловой,— у нее от Арбузова была дочь»), Матрена (за Виктором Павловичем Ореховым), Софья («за Илларионовым, жили в Туле; у них сын Коля-революционер был застрелен, а младшие Нюша и Ваня детьми утонули в Среднем пруду — приехали из Тулы в Ясную Поляну и утонули»), Наталья («за Чухонцевым») и Евдокия («самая младшая, за Гайдуковым; вышла в Богородицк, жила очень бедно»).

Фокановы «Авдошкины», «Гараськины»

Фоканов Евдоким. У него дети («Авдошкины», т. е. «Евдокимовы»): Герасим, Александра («замуж вышла на Грумах»), Ирина («Арина», за Евстигнеем Титычем Зябревым «Ермишиным»), Александра («за «Лохмачем» — Иваном Тимофеевичем Лохмачевым) и Марфа («горбатая, замужем не была, жила в прислугах у Есенина»). У Герасима Евдокимовича Фоканова дети («Гараськины»): Михаил, Дмитрий, Василий, Григорий, Иван, Сергей, Федор, Егор («у него сын Валентин живет в Туле»), Екатерина («за Филиппом Болхинным») и Евдокия («Доня», «муж Павел, инвалид, обгорел на производстве», «у них сын Николай и еще один сын»).

Фокановы «Володкины» («Володькины»)

Фоканов Семен Владимирович. У него дети: Матрена («вышла замуж в Михалково, а после смерти мужа вернулась в Ясную Поляну с сыном Борисом Сергеевичем Филатовым, которого звали в деревне „Борисом Матренычем“, так как не знали его отца, который рано умер; Матрена работала у Толстых, а „Борис Матреныч“ в музее — возил воду из колодца»), Василий, Дмитрий (жена Евдокия Константиновна Орехова «Ромашкина»), Кирилл, Владимир и Праксевья («погибла во время обстрела в 1941 г.», за Федором Даниловичем Козловым).

Фокановы «Тарасовы»

Фоканов Тарас Карпович. Жена Софья Васильевна Цветкова («умерла рано, сестра Полюшки Болхиной»). У них сыновья: Григорий (жена Екатерина Федоровна), Василий («погиб на гражданской

войне», жена Степанида во втором браке за Прокофием Ивановичем Михеевым), Федор («повар в Туле, его жена Мария простудилась в озере и умерла»), Дмитрий («жена Дарья Сергеевна из Скуратова, детей не было») и «у них был еще один сын, прозвище было „Шандрик“» и дочери: Аграфена («Груша», «такая красавица была, выходила в Воробьевку; муж работал в Москве в обувном магазине, женился здесь и взял ее с собой; с ней дружила Лина Макарова — и та красивая и та красивая, обе красивые были»), Мария («Мася», незамужняя, жила и умерла в Ясной Поляне) и Авдотья («Дуня», «в Казначеевку вышла замуж»). У Григория Тарасовича и Екатерины Федоровны Фокановых «всех детей было четырнадцать». У них сыновья: Александр («Сашка», «погиб на войне, его сын Владимир тоже погиб на войне») и Петр и дочери: Варвара («Варька», за Михаилом Алексеевичем Борисовым, «у них дочь Нина за Сергеем Павловичем Козловым»), Анна («Нюша»), Полина («Поля», «жила рядом с Резуновыми у речки Ясенки на краю деревни, у нее сын Юрий»), Мария («Маша», за Иваном Ивановичем Фролковым, «жила в Ясной Поляне») и Елена («Лена», «жила в Ясной Поляне в Кислом проулке, у нее дочь в Туле»). У Федора Тарасовича Фоканова дочери: Мария, Анна («Нюра»), Александра и Антонина. Дом Фокановых в Ясной Поляне сохранился. В нем живет воспитанница Дмитрия Тарасовича и Дарьи Сергеевны Фокановых Валентина Дмитриевна Бурова (р. 1926).

Фролковы

Фролков Яков. У него сыновья: Николай, Никита («вместе с Даниилой Козловым ходил в школу к Толстому; прозвище „Изюм“ получил от Толстого, который заметил, что с Никиты „изюм“ сыпется — ветошка, хорохорки; с тех пор и прозвали: „Изюм“»; он отделился от брата Дмитрия Яковлевича Фролкова, который остался на деревне, и построился в Кислом проулке; занимался кровлей домов соломой — в Ясной Поляне все избы были крыты соломой; очень умный, воспитанный, чистоплотный, честный, добрый, с душой человек; и такая же у него была жена Дарья Ивановна Корнеева из Воробьевки: в 1910 г. она ткала холст для траурной ленты, которую несли перед гробом Толстого: «Дорогой Лев Николаевич! Память о твоем добре не умрет среди нас, осиротевших крестьян Ясной Поляны»), Иван, Дмитрий (жена Марфа Сергеевна Резунова, «хромая») и дочери: Авдотья (за Даниилом Давыдовичем Козловым), Анастасия (за Сергеем Илларионовичем Цветковым) и Дарья («вышла в Малахово»). У Никиты Яковлевича и Дарьи Ивановны Фролковых «было трое детей, двое умерли, а

дочь Мария вышла замуж за Андрея Семеновича Резунова». У Ивана Яковлевича Фролкова «было несколько сыновей». У Дмитрия Яковлевича и Марфы Сергеевны Фролковых сыновья: Борис («работал в музее») и Иван («работал в колхозе, жена Пелагея Григорьевна из Казнacheевки, ее сестра Елизавета Григорьевна замужем за Гаврилом Семеновичем Резуновым») и дочери: Пелагея («за Павлом Зябревым») и Матрена («сначала за Арбузовым, он умер; потом за Адрианом Павловичем Елисеевым; от Арбузова дочь»). У Ивана Дмитриевича и Пелагеи Григорьевны Фролковых сыновья: Илья («сапожник, жена Анисья из Деминки»), Василий (жена Варвара Михайловна Власова «Липатова» — «Варя Белка»), Иван («1911—1992, жена Мария Григорьевна Фоканова») и Александр («милиционер, жена Екатерина Ивановна Хабарова из деревни Турдэй Воловского района») и дочери: Анна («Аня») и Анастасия («Настя»). У Ильи Ивановича и Анисьи Фролковых сыновья: Василий и Владимир («в Туле») и дочери: Мария («на Первомайском») и Анна («работала в музее, за Сергеем Ивановичем Шураевым; тоже на Первомайском»). У Василия Ивановича и Варвары Михайловны Фролковых сыновья Анатолий и Юрий — «живут в Ясной Поляне у клуба». У Ивана Ивановича и Марии Григорьевны Фролковых дочь Нина — «в Ясной Поляне».

Цветковы

Цветков Яков Васильевич. Жена Прасковья Ивановна из Воробьевки. «У них были одни дочери; Татьяна Яковлевна Цветкова за Иваном Васильевичем Макаровым; Мария Яковлевна Цветкова за Илларионом Гороховым из Ясенков; он взял фамилию жены, так как жил в их доме в зятях у Параши Цветковой — Прасковьи Ивановны». У Иллариона и Марии Яковлевны Цветковых сыновья: Михаил, Николай (жена Евгения), Павел, Сергей (жена Анастасия Яковлевна Фролкова) и дочери: Пелагея («вышла к Арбузовым, за Николая Ивановича Арбузова») и Татьяна (за Кузьмой Евдокимовичем Воробьевым «Гашиным»). У Николая Илларионовича и Евгении Цветковых сын Евгений («живет в Ясной Поляне»). У Сергея Илларионовича и Анастасии Яковлевны Цветковых сыновья: Илья, Гаврил («жена Анастасия от Фролковых») и Василий (жена Екатерина) и дочь Матрена (за Осипом Матвеевичем Шураевым). У Гаврила Сергеевича и Анастасии Цветковых сыновья Анатолий и Сергей (жена Лидия). У Василия Сергеевича и Екатерины Цветковых сыновья: Иван, Гаврил и Владимир и дочь Александра. У Сергея Гавриловича и Лидии Цветковых сын Александр (жена Нина Евгеньевна Михеева, у них сын Владимир) и дочь Валентина.

Цветкова Пелагея Васильевна. Сестра Якова Васильевича и Софии Васильевны Цветковых. За Сергеем Григорьевичем Болхиним.

Цветкова Софья Васильевна. Сестра Якова Васильевича и Пелагеи Васильевны Цветковых. За Тарасом Карповичем Фокановым. «Сестры Цветковы всегда пели на праздниках. В Ясной Поляне выше почты два старых цветковских дома и один новый Николая Илларионовича Цветкова, построенный на старом месте».

Шураевы

Шураев Осип Матвеевич. Жена Матрена Сергеевна Цветкова. У них сын Иван («Ваня», «служил у Толстых», жена Аксинья Петровна Зябрева «Осипова», «служила у Толстых»). У Ивана Осиповича и Аксиньи Петровны Шураевых сын Сергей (жена Анна Ильинична Фролкова, у них сын) и дочери Ольга (у нее двое детей) и Валентина (у нее сын Александр).

Шураевы: Иван Сергеевич (жена Анастасия Михайловна Зорина, у них сын Юрий), Михаил Сергеевич («жена Пелагея из Воробьевки, детей не было») и Марфа Сергеевна (за Павлом Васильевичем Михеевым, у них сын Михаил и дочери Александра и Татьяна) — двоюродные братья и сестра Ивана Осиповича Шураева. У Юрия Ивановича Шураева (жена Юлия) сыновья Николай и Сергей и дочь Вера.

¹ Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1975. С. 99.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

«ТОЛЬКО ИЗ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ БЫВАЮТ ТАКИЕ ПИСЬМА!..»

Письма Т. А. Кузминской к Н. Н. Страхову

Публикация М. И. Щербаковой

27 мая 1891 г. Н. Н. Страхов писал Т. А. Кузминской: «Если Ясная Поляна чувствует двадцатую долю того, что я к ней чувствую, то я уже счастлив. Сколько раз я это доказывал! Попробуйте сосчитать и Вы увидите, что едва ли кто прогостили в Ясной Поляне столько дней, как я. Разумеется, я не считаю Вас и Вашу семью. Самая mestность Ясной Поляны никому из чужих людей не мила так, как мне. Я часто разговаривал об этом с ее гостями и напрасно старался, чтобы они вполне разделили мое восхищение. И не умею объяснить самому себе своего чувства, хотя не раз пытался. Слава Богу, что все там благополучно, и если суждено и там быть горю, то дай Бог мне умереть прежде, чем это горе наступит»¹.

Н. Н. Страхов приезжал в Ясную Поляну более тридцати раз, почти ежегодно, нередко и дважды в год, в течение двадцати пяти лет — с 1871 по 1895 г. Столь же часто гостила в семье сестры и Т. А. Кузминская. Их объединяла преданная любовь к Л. Н. Толстому, безоговорочная готовность жить его интересами, служить ему и его близким. Эта общая часть жизни дала основу их общению — как личному, так и в письмах.

В письмах Т. А. Кузминской к Н. Н. Страхову — живое дыхание яснополянского дома, дорогие для адресата подробности жизни семьи Толстого. «Только из Ясной Поляны бывают такие письма! На меня пахнуло веселым оживлением — столько раз я его там видел, и никто не приносит туда этого оживления больше, чем Вы»², — восхищался Страхов письмами Кузминской.

В архиве Страхова, унаследованном его племянницей О. Д. Матченко, — шесть писем Т. А. Кузминской. Они хранятся в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины в Киеве.

1

8 августа 1885 г. Ясная Поляна

До сих пор не благодарила Вас, Николай Николаевич, хотела писать Вам каждый день и почему-то откладывала; но теперь изо всех сил благодарю Вас за Вашу память о Мише³, за чудесную книгу, которую Вы ей прислали. Меня ужасно тронуло Ваше внимание.

Мы живем по-прежнему. Все здоровы и веселы. В настоящую

минуту сестра с Таней и Машей уехали в имение к Урусовой на 3 дня. Его здоровье очень плохо, хотя все еще на ногах⁴. Все это время, весь июль у нас пропасть перебывало гостей: барышни Стакович с отцом⁵, Вера Шидловская⁶ и Шаховской⁷ с своим товарищем, шли они в Оптину Пустынь и пр., и длинные прогулки и пикники были в большой моде. Ходили по 12-и верст и в лесу пили чай. Лев Николаевич тоже иногда ходил, а теперь Мише моему шьет чудесные сапоги.

Разговоры о будущей жизни возобновляются по вечерним чаям, и всегда с новым интересом. Спорим также и о многом другом, по-прежнему достается нам от Льва Николаевича за нашу барскую жизнь, и не дальше как вчера вечером он читал нам книгу Жоржа английскую⁸, тут же перевод на русский язык. Говорилось о страшной бедности ирландцев, о их работе, и сравнивали, мы уже, с русскими, и когда я говорила, что они мне чужды, эти ирландцы, не могу их жалеть,— то мне досталось. И я думаю, поделом; но все-таки в них перенестись не могу и не в силах лишиться барской жизни.

Все мы, Николай Николаевич, жалеем, что Вы так мало погостили у нас⁹. Все Вам кланяются, и я в Петербурге буду с нетерпением ожидать среды, чтобы видеться с Вами.

Муж мой¹⁰ велел передать Вам свой поклон, а я еще раз благодарю Вас за Ваше внимание. Не забывайте нас.

Т. Кузминская
8-го августа.

2

2 июня 1890 г. Ясная Поляна

Многоуважаемый Николай Николаевич, вчера только привезли нам письмо Ваше, и я с ужасом подумала, что Вам могло показаться, что я забыла наш уговор написать Вам, но я не забыла, а выжидала¹¹.

Льву Николаевичу хотя и лучше теперь, но он все удаляется, ищет покоя, редко сидит с нами и еще очень слаб¹². И вот почему я не могла Вам написать, как бы того хотела, по примеру прошлых лет: приезжайте скорее, чай на крокете, солнечные дни, зелень и поднимание вопросов — все Вас ожидает! Но теперь я все равно написала Вам, что и сестра, и Лев Николаевич очень рады будут Вам и ожидают Вас, и я вместе с ними буду ожидать Вас и буду так рада видеть Вас опять в Ясной¹³.

Мы все теперь здоровы и все у нас благополучно. Итак, до свидания, Николай Николаевич, очень жалею, что не поехали с мужем на

Валаам¹⁴. Ожидаем Вас. Все наши Вам кланяются. Вы теперь, узнавши причину моего молчания, наверное, на меня не сердитесь и не думаете: вот как эта женщина не держит своего слова и скоро забывает обещанное!

Т. Кузминская
2 июня 1890
Ясная Поляна

3

Около 21 мая 1891 г. Ясная Поляна

Многоуважаемый Николай Николаевич, с каким удовольствием после жаркого дня и вечером в тишине у себя сажусь писать Вам. Все эти дни хотела это сделать, но раскладка, жара и Феты мне мешали¹⁵.

У Толстых все здоровы. Лев Николаевич в отличном виде,держан, здоров, но не скажу чтобы очень весел, этого нет; пишет он, кажется, много¹⁶, потому днем его мало видим, а все больше за вечерним чаем, а сегодня утром на крокете за кофеем поднимали с Фетом вопросы самые интересные о вере. Вы хотели знать его мнение о визите моей сестры к Государю (писать боюсь, называя)¹⁷. Очень недоволен, говорит: он не может мне сочувствовать, потому я все пишу не то, что он делает и думает, я его враг, и только один вред мне сделала, разве он может быть моим цензором? Говорит про это Лев Николаевич неохотно и раз только мне высказал. Видно, теперь это все уже улеглось и забылось¹⁸.

Он сам хотел писать Вам и, вероятно, скоро напишет. Фет заехал сюда по дороге в деревню¹⁹. Он привез тетрадь стихотворений, которые читал мне и сестре, очень хороши и звучны, но все про любовь, и так пылко, и уверяет, что сейчас влюбиться может и что для этого возраста нет, с чем я не согласилась²⁰. Прочел он и стихотворение, где часто: «и плакали, плакали мы»²¹, и говорил, что Вы упрекнули его, что не поймешь когда? И я сказала ему то же самое, но сестра и Фет говорили, что нельзя поставить над строчкой 1879 и 1881. Но они не правы.

Лев Ник[олаевич] очень интересовался, что Вы делаете, думаете, веселы ли Вы, здоровы ли Вы? Что могла, сообщала, и сообщениями моими остались довольны, только одним недовольны, что долго в Ясную не приедете²²; этому и я горюю. Как бы наслаждались природой, все зелено, соловьи, чудное купанье и запах сирени довершает прелесть. Все Вас здесь так любят, и кто бы ни приезжал, кто бы ни жил

в Ясной, а Вы все-таки самый старинный и любимый гость, я это по всему вижу.

Фет много говорит и много про любовь, а Марья Петровна добре́йшая перебивает его: «Папочка, ты простуди́шься, надень пальто». А он: «Это все равно, если бы ты сказала, что...» и пр. Она — это добре́йшая проза.

Сестра моя и Лев Ник[олаевич], и Таня²³ очень Вам кланяются. Я же желаю Вам всего лучшего и прошу нас не забывать. Видаете ли моего мужа? А мне удалось поместить мою «Перчатку» в «Вестнике иностранной литературы», редакторша Энгельгардт²⁴.

Итак, до свидания.

Т. Кузминская

4

15 декабря 1891 г. С.-Петербург

Не могу не написать Вам, многоуважаемый Николай Николаевич, какое большое удовольствие доставило мне чтение Вашей статьи²⁵. Я ее окончила вчера, читала с большим вниманием, иные места перечитывала два раза, чтобы вникнуть хорошошенько и насладиться тем, как Вы верно определяете людей, не понимающих Льва Ник[олаевича], как верно переданы слова их, обвинения, злоба их против него, и вместе с тем доказываете, как Лев Ник[олаевич] осветил жизнь своими взглядами, что он порицает и чего он хочет, какой он христианин и вместе с тем его многие лишают этого названия; это я прочла у Вас в 104—105 стр. Я перечла их 2 раза и даже заговорила вслух, сидя одна в своей комнате, от потребности высказать свое впечатление и сочувствие к этому.

Если бы побольше таких понимающих людей и ценителей правды, как Вы, Николай Николаевич, то род человеческий быстрыми шагами пошел бы вперед. Чудная Ваша статья. Я долго не увижу Вас, так как Вы не хотите прийти на этой неделе к нам, и потому мне хотелось высказать Вам впечатление свое, и я написала Вам, но Вы не отвешайте мне, я знаю, Вы человек занятой и Вас затруднить ни за что бы не желала²⁶.

Вчера получила письмо от сестры, она пишет, что Лев Ник[олаевич] и барышни опять уехали в деревню Раевских до Нового года²⁷.

До свидания, Николай Николаевич, желаю Вам, как и всегда, всего хорошего, а за эту статью еще всего лучшего.

Преданная Вам Т. Кузминская

5

24 марта 1892 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Николай Николаевич,
 я получила письмо от Тани Т., где она просит меня прислать ей
 с оказией рукопись Сони Мамоновой²⁸ о славянофильстве. У меня
 завтра едет брат в Москву, потому очень прошу Вас вручить эту ру-
 копись посланному. У них в Москве все хорошо. Вера²⁹ возвратилась
 и рассказывала, что Лев Николаевич весел и спокоен.

Жаль, что долго Вас не увижу.

И простите, что по поручению требую рукопись, так как, может
 быть, она еще Вам нужна.

До свидания.

Уважающая Вас Т. Кузминская
 24 марта 1892

6

22 мая 1893 г. Ясная Поляна

Многоуважаемый Николай Николаевич, вчера получила письмо
 Ваше, за которое Вас очень благодарю; от души сожалею, что не ви-
 дела Вас перед отъездом и не получила книги³⁰.

Вот уже неделю, как я здесь. Погода чудная и все зацвело и рас-
 пустилось при нас. Так все сочно и красиво и такой душистый и див-
 ный воздух в лесу и в поле, что поневоле делаешься добрей и жале-
 ешь, что не все пользуются этой природой. Вчера уехали в Бегичевку
 Лев Ник[олаевич] с Таней на неделю проведать свои «столовые»³¹.
 Лева и Маша³² в Самаре на кумысе. Все остальные в сборе и здоро-
 вы. Маша, моя дочь, тоже здесь с маленьkim внуком, что для меня
 очень приятно³³. Сегодня вечером сестра, я и Маша предприняли
 большую прогулку и были в чудной Засеке.

Мы все очень сожалеем, что Вы едете за границу, а не в Ясную,
 но, может быть, после попадете к нам³⁴.

Лев Ник[олаевич] расспрашивал о Вас и, зная, что буду писать
 Вам, велел кланяться, сестра моя тоже.

Желаю Вам всего хорошего, Николай Николаевич, а главное здо-
 ровья. Надеюсь увидеться с Вами это лето.

Преданная Вам Т. Кузминская
 1893. 22 мая
 Ясная Поляна

Сестра моя очень зовет Вас в Ясную и сожалеет о том, что едете
 на воды.

¹ ОР ГМТ. Ф. 25. № 159.

² Там же. № 151.

³ Кузминский Михаил Александрович (р. 1875), сын А. М. и Т. А. Кузминских.

⁴ Поездка С. А. Толстой с дочерьми Татьяной и Марией в имение Дятьково Брянского уезда Орловской губ., где находились известные мальцевские заводы, была ответным визитом. Кн. Мария Сергеевна Урусова (урожд. Мальцева) с детьми Марией, Ириной, Анастасией и Сергеем посетили Ясную Поляну в конце июля, оставив у Л. Н. Толстого «больше чем приятное впечатление» (63, 278). Тяжелая болезнь кн. Леонида Дмитриевича Урусова, тульского вице-губернатора и друга Толстого, развивалась быстро, и 23 сентября этого года он умер. Упоминание об Урусове позволяет определить год в дате письма Т. А. Кузминской.

⁵ Богатый орловский помещик, старый знакомый Л. Н. Толстого Александр Александрович Стакович (1830—1913) с дочерьми Софьей Александровной (1862—1942) и Марией Александровной (1866—1923).

⁶ Шидловская Вера Вячеславовна, дочь В. И. и В. А. Шидловских, двоюродная сестра Т. А. Кузминской и С. А. Толстой. Весной 1889 г. состоялась ее свадьба с А. Г. Мещериновым.

⁷ Шаховской Дмитрий Иванович (1861—1939) — молодой студент, внук декабриста Ф. П. Шаховского, впоследствии земский и политический деятель, один из основателей партии кадетов, о котором Л. Н. Толстой говорил: «Милый человек, а маньяк либерализма».

⁸ Книга американского экономиста, сторонника национализации земли Генри Джорджа «Прогресс и бедность» (Непту George. «Progress and Poverty») вышла в Нью-Йорке в 1879 г. Ее содержание было изложено в статье С. Н. Южакова «К вопросу о бедности» (Отечественные записки. 1883. № 1—2). Л. Н. Толстой штудировал оригинал в феврале 1885 г., о чем неоднократно упоминал в письмах к С. А. Толстой, Л. Д. Урусову, В. Г. Черткову. Книга произвела на него сильное впечатление.

⁹ В 1885 г. Н. Н. Страхов прожил в Ясной Поляне с 12 июня до конца месяца. О своих впечатлениях он писал Н. Я. Данилевскому 18 июня 1885 г. из Ясной Поляны: «Ясную Поляну нашел я наполненную женщинами и детьми — человеком до 30-ти, и среди них двое мужчин: Л. Ник-ч и Кузминский. Такова она была и 14 лет тому назад, когда я в первый раз в нее заехал, только моложе и не так многолюдна, — много народилось с тех пор. Это давнее время мне пришло на ум, потому что тогда она была удивительно светла и весела, а в нынешний приезд поразила меня своюю пасмурностью. Внутри нет мира, нет согласия. Л. Н. был и нездоров и не в духе, и до сих пор жалуется, хотя и поправился немного. Сейчас же принял он мне читать свою статью о деньгах, очень остроумную, но не захватывающую вполне вопроса. Потом прочитал я старый, неоконченный рассказ „Лошадь“; потом новые рассказы: „Где любовь, там и Бог“, „Упустишь огонь, не погасишь“, „Свечка“, „Два старика“ — все это он делает для тех народных изданий, которые я Вам показывал; два последние рас-

сказа удивительные по своей художественности и по чудесному смыслу; взяты из народных рассказов. Он исключительно этим и занимается. Я сплю в его кабинете, встаю в 8 1/2 ч. и пью кофе и завтракаю. Часов в 11 он приходит ко мне, сам убирает и подметает кабинет, умывает, и мы идем на крокет, то есть под клены возле крокета, где старшие члены обеих семей пьют утренний кофий. Через час или полтора мы расходимся; он уходит в кабинет, а я в павильон, в котором теперь пишу к Вам и который появился лишь нынче весною. В 5 часов обед — каждая семья особо. В 8 часов детский чай; в 10 часов чай и ужин для взрослых — сходятся обе семьи и проводят время до полуночи, потом расходятся. Людно и пестро чрезвычайно; между обедом и чаем — прогулки, купанье и всякое безделье. Очень трудно мне сказать, какой червяк проел насековьз этот сочный и красивый плод, но мне очень грустно его видеть. Л. Н., которого, разумеется, все окружающие любят и уважают, живет, как чужой в своей семье. Ну, лучшие мне перестать писать об этом. Слишком серьезные разговоры и слишком серьезные письма неприличны» (ИР НБУ. Киев. III.18998; Русский вестник. 1901. № 3. С. 138 — купюры в публикации выделены нами). В письме от 5 июля Страхов ответил на возникшие у Данилевского вопросы о жизни яснополянского дома и еще раз остановился на собственных впечатлениях: «2) Жена Толстого переписывает рукописи потому, что только так можно их читать и печатать, да и только она может разобрать. 3) Крокет, то есть место для игры в крокет, большая площадка, а на краю ее рощица. 4) Кузминские обедают отдельно, чтобы не обременять Толстых; также и детей кормят отдельно. К кофию же и к ужину приходят только старшие. Нынешнее посещение Ясной Поляны так меня поразило, что я вздумал даже подробно описать все, что видел и слышал; даже я набросал подробный конспект. Но на том это, должно быть, и остановится» (ИР НБУ. Киев. III. 18998; «Русский вестник», 1901. № 3. С. 139).

¹⁰ Кузминский Александр Михайлович (22.III.1843—1.III.1917) женился на своей двоюродной сестре Т. А. Берс в 1867 г.; впоследствии сенатор.

¹¹ Страхов, собираясь в Ясную Поляну, через Т. А. Кузминскую хотел узнать, насколько уместным будет его приезд. 28 мая он писал: «Помните ли наш уговор? Пришло время, когда мне можно ехать, но меня смущают разные мысли. Не потревожу ли я Льва Николаевича? Вообще, ни за что на свете я не хотел бы не вовремя явиться в Ясную Поляну. Он меня зовет и написал мне много такого, из чего выйдут у нас большие разговоры. Но, может быть, ему вредно теперь говорить? Может быть, лучше подождать? Впрочем, зачем я Вам это объясняю? Вы все так тонко и отлично понимаете, что можете решить дело наилучшим образом. Мне нужно только обратиться к Вашей доброте, за которую я так невыразимо Вам благодарен. Усердно прошу Вас — черкните мне несколько строк — и я исполню Ваш приказ беспрекословно» (ОР ГМТ. Ф. 25. № 157).

¹² Кузминские приехали в Ясную Поляну 13 мая, когда у Л. Н. Толстого обострился катар.

¹³ Летом 1890 г. Страхов прогостили в Ясной Поляне с 11 июня по 12 июля. Своей племяннице О. Д. Матченко он писал 6 июля: «В эту минуту я гощу у Л. Н. Толстого; скоро будет месяц, как я к нему приехал. У него большая семья,

да живет тут еще семья сестры его жены. Общество большое и прекрасное; местность Ясной Поляны красава и разнообразная; погода стоит превосходная; но всего лучше сам Лев Николаевич. Он стал уже большим стариком с густыми седыми бровями и редкими волосами. Но он теперь здоров и бодр, и верно напишет еще много хорошего — у него все такая же живость мысли. Вместе с ним я пью кумыс,— он завел его здесь для поправления после болезни, которую недавно выдержал. Надеюсь, что кумыс и мне поможет, так что не нужно будет ездить за границу. Дней через пять я еду отсюда, но не домой, а к поэту Фету (он же Шеншин) и там прогулюсь с месяцем» (ИР НБУ. Киев. III, 19066).

¹⁴ О решении отказаться от поездки на Валаам Н. Н. Страхов сообщил Т. А. Кузминской в письме из Петербурга 28 мая: «На Валаам я не поеду; тут есть причина, которую я подробно надеюсь объяснить Вам в Ясной Поляне. А ехать было бы прекрасно; погода стоит чудная, и здоровье мое стало такое, что я и забыл об нем и готов на всякие поездки. Право, я помолодел с прошлого лета» (ОР ГМТ. Ф. 25. № 157)

¹⁵ Кузминские приехали в Ясную Поляну 16 мая. А. А. Фет с женой Марией Петровной провели в доме Толстых два дня: 20 и 21 мая. По этим событиям датируется письмо.

¹⁶ Толстой писал книгу «Царство Божие внутри вас». 22 мая в дневнике отметил: «В работе подвигаюсь медленно. Нынче уяснилось все в целом и написал конспект 9 глав» (52, 32).

¹⁷ Прием С. А. Толстой императором Александром III (по вопросу разрешения печатать в собрании сочинений «Крейцерову сонату») состоялся 13 апреля 1891 г.

¹⁸ В ответном письме Страхов писал 27 мая: «Настроение Льва Николаевича мне отчасти понятно, и, сказать по правде, я сам не могу выпутаться из тех противоречий, которые порождены последними событиями. (Аудиенция Софии Андреевны, конечно, есть событие.) Вам, Татьяна Андреевна, как женщине, легче, я думаю, согласить то, чего никак не могут примирить мужчины с своею грубою, прямолинейною логикою. Если Вы Вашим чувством угадаете возможность каких-нибудь соглашений, то можете много сделать добра. Как быть? В той или другой степени каждому приходится испытывать в себе борьбу двух противоположных желаний, и только сердце может подсказать решение там, где ум не находит никакого выхода. Помните ли Вы, как Наташа мирит Николая Ростова с матерью? Это в третьем томе „Войны и мира“. Хоть бы плохой мир устроить между Г., которого Вы не решаетесь называть, и Л. Н.» (ОР ГМТ. Ф. 25. № 159).

¹⁹ В усадьбу Воробьевка, приобретенную А. А. Фетом в 1877 г. Здесь была создана книга стихов «Вечерние огни», в частности, ее последний выпуск 1891 г.

²⁰ По возвращении в Воробьевку Фет писал С. А. Толстой: «Благодаря Вас за роскошную хлеб-соль, я вынужден вспомнить: „...не о хлебе едином жив будет человек...“ Вы и прелестная Татьяна Андреевна еще раз заставили меня громогласно высказать эту истину, которую я бессознательно живу всю жизнь... я всегда счастлив, когда услышу серебристый звон ваших поэтических сердец.

При вас обеих я возрождаюсь, и мне кажется, что моя старость только сон, а наступает действительность, то есть вечная юность» (Русская литература. 1971. № 3. С. 99). О посещении Ясной Поляны Фет написал и Страхову, который, в свою очередь, сообщил Т. А. Кузминской 27 мая: «От Фета я получил письмо, в котором он с восторгом рассказывает, как читал Вам свои стихи (проверьте, у него не любовь на уме, а старческая страсть к стихам). „Дамы упросили меня, — пишет он, — прочесть еще неизвестные им последние стихотворения, и это чтение во всех нас троих заставило дрожать все наши поэтические фибрь, и все наше горячее молодое, быть может, отчасти заснувшее, пробудилось с прежней силой, как будто никогда и не засыпало“. Вот как он доволен» (ОР ГМТ. Ф. 25 № 159).

²¹ Стихотворение «Мы встретились вновь после долгой разлуки» состоит из трех четверостиший; каждое завершается строкой «И плакали, плакали мы!» Датируется 30 марта 1891 г.

²² Страхов приехал в Ясную Поляну к 29 июля, специально ко дню свадьбы дочери Т. А. и А. М. Кузминских Марии (1869—1928) с Иваном Егоровичем Эрдели (1870—1937).

²³ Т. А. Толстая.

²⁴ Драма Б. Бьернсона «Перчатка» в переводе с немецкого Т. А. Кузминской была напечатана в № 7 за 1891 г. «Вестника иностранной литературы». Спустя полгода, 20 ноября 1891 г., Страхов сообщил Т. А. Кузминской по поводу возможной постановки «Перчатки»: «Вчера видел у Вышнеградского Григоровича, только что приехавшего из Москвы. Он мне сказал, что „Перчатка“ будет пропущена, нет-де ни малейшей причины ее не пропускать, но что она не будет иметь успеха, что это странные идеи, возможные только в дебрях Норвегии, что публика будет скучать и т. п. Но я ему не верю, и Вы не верьте» (ОР ГМТ. Ф. 25. № 160). Энгельгардт (урожд. Макарова) Анна Николаевна (1838—1903), писательница и переводчица.

²⁵ Статья Страхова «Толки о Л. Н. Толстом», запрещенная весной 1891 г. в ж. «Русское обозрение», но опубликованная в «Вопросах философии и психологии» (1891. Кн. 9. С. 98—132).

²⁶ Страхов ответил 22 декабря: «Во всю мою жизнь редко какая-нибудь похвала доставляла мне столько радости, как Ваше письмо об моей статье. Вы любите Льва Николаевича, Вы давно и хорошо его знаете, Вы без конца с ним разговариваете об его любимых мыслях; поэтому едва кто лучше Вас может оценить, верно ли я его понял и хорошо ли я за него вступился и его похвалил. От всей души благодарю Вас! В следующий раз принесу Вам отдельный оттиск своей статьи, и скоро надеюсь принести еще другую статью, „Ответ на письмо неизвестного“. Я послал ее в тот же журнал и говорю в ней опять об Льве Николаевиче. Для меня истинное и великое удовольствие думать, что у меня такая читательница, как Вы» (ОР ГМТ. Ф. 25. № 161).

²⁷ В имение И. И. Раевского Бегичевку, Данковского уезда, где в 1891 г. был организован центр для помощи голодающим, Толстой, навестив Софью Андреевну, уехал из Москвы 9 декабря и возвратился 30 декабря.

²⁸ Дмитриева-Мамонова Софья Эммануиловна (1860–1946), подруга старших дочерей Л. Н. Толстого.

²⁹ Кузминская Вера Александровна (1871–1940-е гг.), дочь А. М. и Т. А. Кузминских; в 1891–1893 гг. работала с Толстыми на голодае.

³⁰ 17 мая, объясняя причины, по которым не состоялась встреча с Т. А. Кузминской перед ее отъездом в Ясную Поляну, Страхов писал: «Ну какая досада! Записку Вашу я получил только в четверг вечером и сейчас бы поехал к Вам, если бы меня не задержали. В пятницу мне прежде всего нужно было быть у доктора, а когда он наконец отпустил меня, я сейчас к Вам — было уже начало второго. Книжка Мериме была со мною, как я Вам обещал. И швейцар говорит: уехали в одиннадцать часов! Это была моя первая беда. А потом ишло: куда ни tolknусь, везде — уехали вчера, уехали сегодня! Ведь это первые теплые дни, — и я принял гулять и навещать тех, к кому всю зиму не заглядывал. Из Петербурга бегут точно из зачумленного места, и вернутся в него не раньше, как когда здесь будет холодно, темно и грязно» (ОР ГМТ. Ф. 25. № 168).

³¹ Толстой с Татьяной Львовной выехали из Ясной Поляны в Бегичевку 21 мая; побывали в Татищеве, Козловке, Софьинке, Бароновке. Возвратились 26 мая.

³² Л. А. Толстой и М. А. Толстая.

³³ М. А. Эрдели с сыном Иваном, родившимся 28 июля 1892 г.

³⁴ В письме от 24 апреля 1893 г. С. А. Толстая интересовалась: «Какие Ваши планы на лето, дорогой Николай Николаевич? Надеюсь всем сердцем, что Ясная Поляна и ее жители входят в программу Вашего летнего путешествия и что на долю нашу выпадет большая часть времен Ваших летних вакаций, которые Вы себе сами даете. Мы часто говорим, как о несомненном, о Вашем пребывании в Ясной, и я твердо надеюсь, что Вы не обидите искренно любящую Вас всей душой С. Толстую» (Л. Н. Толстой и С. А. Толстая. Переписка с Н. Н. Страховым. Оттава, 2000. С. 275–276). 27 апреля Страхов писал в ответ: «Мои летние планы все еще не установились. Конечно, побывать в Ясной Поляне мне очень хочется, и хоть ненадолго, а я заеду „в Мекку“, как смеются надо мной приятели. Но задумываю я также проделать курс лечения в Эмсе; давно я туда собираюсь, — раз уже я испытал, как это полезно. Ухо мое все еще не пришло в порядок, теплых дней никак не можем здесь дождаться, и сегодня жестоко тянет холодный и сухой восточный ветер» (там же. С. 278). К середине мая летние планы Страхова уточнились. «В начале июня поеду в Эмс пить воды, — писал Страхов Т. А. Кузминской 17 мая, — так решил доктор, и нынешняя зима показала мне, что давно пора это сделать. С большою скучко решаюсь на эту поездку. Как я Вам завидую! Вы в Ясной Поляне, видите Льва Николаевича, пьете кофе под липками!» (ОР ГМТ. Ф. 25. № 168). Заграниценное путешествие Страхова состоялось. 9 июля этого года Страхов писал Помяловскому из Эмса: «Целую неделю я здесь чувствовал себя отвратительно, но теперь — голова освежилась и все приходит уже в порядок. По моему расчету, придется еще здесь побывать недели три с половиной» (РНБ. Ф. 608. Оп. 1. № 1301). 4 августа (23 июля), к концу своего пребывания на водах Страхов со-

общил О. Д. и И. П. Матченко: «Идет к концу уже шестая неделя, как я живу здесь и пью воды. Сначала было очень худо: я весь разболелся и едва таскал ноги. Но потом лечение пошло впрок, и уже недели две я чувствую, как и нос, и горло, и уши — все поправилось превосходно. Дня через три уеду отсюда с уверенностью, что недаром приезжал. Поеду, однако, не домой, а сперва в Мюнхен, послушать опер Вагнера, а потом заеду к Л. Н. Толстому — на закуску всего гулянья» (ИР НБУ. Киев. III. 19061). В Ясной Поляне Страхов планировал быть не раньше середины августа. Его приезд вместе с переводчиком Ш. Саломоном отмечен в дневнике Толстого записью 23 августа. По возвращении в Петербург Страхов написал в Ясную Поляну: «Стыдно признаться, но после приезда домой меня одолела жестокая тоска, как ребенка, у которого после праздников наступили будни. Но теперь я уже обтерпелся и спокойно вязну в своих книгах и писаниях. Здоровье мое превосходно, я о нем даже не думаю — вот до чего дошло!» (Л. Н. Толстой и С. А. Толстая. Переписка с Н. Н. Страховым. Оттава, 2000. С. 279).

«ЖИТЬ СТАЛО НЕВЫНОСИМО ТЯЖЕЛО В РОССИИ...»

(Три неизвестных письма)

Публикация Т. В. Комаровой

В мемориальном доме Л. Н. Толстого сохранилось три неизвестных письма: С. А. Толстой к невестке Д. Ф. Толстой¹ и к племяннице В. В. Нагорновой², а также В. В. Нагорновой к С. А. Толстой³.

11/24 июня 1918 г. С. А. Толстая из Ясной Поляны написала письмо в Швецию жене Л. Л. Толстого Доре Федоровне, но из Москвы оно было возвращено автору, очевидно, в связи с тем, что во время гражданской войны в России была затруднена связь со Швецией. На конверте, помимо почтовых, стоят штампы: «Просмотрено московской военной цензурой» и «Возвращается из Москвы за прекращением поисков корр. по указанному адресу». С. А. Толстая сохранила это письмо. В нем звучит боль и страдание за Россию, Ясную Поляну, русский народ, детей и внуков. Это письмо является еще одним интересным документом, в котором первый хранитель Ясной Поляны рассказывает о малоизвестном периоде жизни Толстых в их имении, о жизни яснополянских крестьян. Второе письмо, написанное В. В. Нагорновой более чем через год после письма Софии Андреевны, дополняет картину послереволюционной жизни семьи писателя.

1

С. А. Толстая — к Д. Ф. Толстой

11/24 июня 1918 г.

Очень, очень обрадовала ты меня, моя милая, дорогая Дорочка, своим письмом, которое я получила три дня тому назад. В тот же день я получила от Левы телеграмму из Петрограда, в которой он просит у меня известий о нас, о здоровье и выражает желанье повидаться. Остановился он у Языковых, Эртельев пер. № 91, кв. Языковых. Я ему ответила телеграммой же.

Большое для меня утешенье, что по крайней мере твоя семья, которую я так сердечно люблю, — счастлива, жива и здоровы; я говорю про детей. А тебя, милую, хорошую во всех отношениях я не могу считать очень счастливой при таком муже, как мой бедный, сбившийся с пути Лева. Очень жаль твоих таких прекрасных, уже стареньких родителей, что им на старости лет пришлось пережить несчастье дочери и ее детей. Кроме сердечного горя, ведь приходится содержать

всех вас. Я бы очень желала помочь тебе деньгами, но нам из банков не дают наших денег, с трудом выхлопотали пенсию и немного из моего капитала мне дали на покупку пропитанья и ремонт кое-чего в усадьбе Ясной Поляны.

Жить стало невыносимо тяжело в России. О себе еще не имею права жаловатьсяся. Ясную Поляну еще не разорили; прелестно цветет сирень, трава густая, скот сыт; пока и мы сыты, но на днях не останется ни одного пуда муки, взвинчиваются все служащие; пленные, которые у нас несут всю экономическую работу, и я совсем не знаю, что буду делать. П. А. Сергеенко⁴ взял у меня много денег и уехал в разные города России по Волге и Каме доставать мне хлеб; но пишет отчаянные письма, что нигде не находит купить хлеба; везде уже взято и увезено. Вы, верно, по газетам знаете, что во многих местах прямо умирают люди с голода. Если даже кто найдет купить немного муки, — ее отбирают. У одной женщины, купившей для 4-х детей муки, чтобы их прокормить, муку отобрали, и она с горя повесилась. Еще две матери бросились под поезд по той же причине, т. е. чтобы не видеть смерти детей от голода. Ужасно! У крестьян очень много денег; но что эти деньги теперь стоят?! Поразительно, до какой степени наш хороший русский народ — озверел: сколько у всех злобы, ненависти, какие везде убийства, грабежи. К нам в Ясную Поляну прислали охрану из 6 солдат, которые живут в доме, под сводами. Ребята они хорошие, но неприятно, что нужны вооруженные люди, чтобы охранять семью и жилище Толстого.

Живут у нас в доме: Душ. Петр.⁵, я, сын и отец Сергеенки, тетя Таня⁶, в настоящее время уехавшая сдавать квартиру в Петроград, Сонечка⁷, дочь покойного Андрюши, и все прежние слуги. Во флигеле живет вся семья разоренных Оболенских⁸, моя дочь — Таня, и моя внучка Таня Сухотина, мисс Вельс⁹, которая очень полезна и добра со всеми детьми. У Оболенских их четверо; дети очень милы. Но Коля, их отец, мне совсем непонятен: он ничего ровно не делает, не предпринимает, как будто он век свой будет жить у нас с Таней, в Ясной. Ты спрашиваешь о Маше Эрдели¹⁰. Она жила в Елисаветграде, где дети учились в гимназии. Но потом совсем замолчала, и жившая у меня тетя Таня очень беспокоилась и продолжает беспокоиться, что много месяцев ровно ничего не знает о дочерях и о семье Маши. Митя ее, т. е. сын тети Тани, много жил в Ясной, а теперь с матерью сдают квартиру в Петрограде и голодают. Там страшная дороговизна всего, как, впрочем, и везде.

Как непривычно и тяжело жить только с интересами пропитанья и еды. Бедная Таня¹¹ так много работала в своем маленьком огороде, что натрудила печень и заболела. Вчера ее страшно рвало и слабило

желчью, она лежит и сейчас, слаба и жалка. И тяжело ей в небольшом флигеле с 4-мя маленькими детьми, из которых старший, 8 лет мальчик, очень избалован и неприятен, а меньшие дети — еще мальчик и 2 девочки — славные. Соня¹², жена Ильи, в Калуге, в своем домике, дети ее разбрелись не знаю где; а Илья с какой-то дамой¹³ в Америке, где пишет статьи, читает лекции и не бедствует. Сережа мой и Саша живут в Москве, и их там собралось много толстовцев разбирать бумаги и рукописи Льва Николаевича, копировать их и готовить новое издание всех сочинений Льва Ник-ча. Я отдала Сереже ключи от ящиков и право всем распоряжаться в Румянц. музее в Москве, а сама ехать не могу, стала слаба и от всего устаю. Кажется, обо всех написала тебе, милая Дора. Семья Миши¹⁴ на Кавказе. Целую тебя, детей, дорогих моему сердцу. Твоим родителям передай мое почтение и мою любовь, и мое участие. Любящая тебя мама — бабушка С. Толстая¹⁵.

2

В. В. Нагорнова — С. А. Толстой

11/ 24 сентября 1919 г.

Дорогая моя Соня, поздравляю тебя с днем твоего Ангела и желаю тебе здоровья и всякого благополучия. Я давно не писала тебе, но все было некогда. Во время рабочей поры Адя с мужем¹⁶ и наша единственная прислуга были в поле, а я стерегла дом, кормила цыплят; от 3-х час. дня до захода солнца гоняла коров. Это не так трудно, у нас их две. Я беру книгу, веду их на луг или в лесок и сижу читаю, только надо смотреть, чтобы они не разбегались. С хлебом мы убрались хорошо, только рожь порядочно-таки проросла. Ваня, Адин муж, ей хороший и деятельный помощник, пахал, скородил, косил и сеял он один. Дрова рубит он же, и всегда бодрый и веселый, так что Адя не раскаивается, что вышла за него замуж. И семья его очень хорошая. Да, милая Соня, жилось бы мне недурно, если бы сердце мое не болело об моих отсутствующих детях. Недавно был у меня сын Коля¹⁷ и привез известие, что у Воли¹⁸ дизентерия. Меня еще больше мучает то, что он один. Жена его и дочка¹⁹ служат, единственная прислуга умерла и Коли нет, т. к. он призван на военную службу и находится сейчас в Коломне. Воля с семьей собирался приехать к нам, но теперь болезнь затормозила их приезд, и я за него очень боюсь. С радостью поехала бы походить за ним, но нельзя по многим причинам. От Сережи²⁰ нет писем со 2-го дек. 17 года и от Тани²¹ последнее письмо было от 16 марта прошлого года. Из этого видно,

что Кавказ от нас отрезан, это еще небольшое утешение, а все-таки очень грустно и тяжело. Вот и о Воле ничего не знаю. Коля от нас поехал через Москву и обещал писать, но до сих пор я еще ничего не получала. Как то ты живешь, моя милая Соня? Как поживают твои Танечки?²² с тобой ли они? Как бы мне хотелось вас видеть, мои ми-лые, так бы и полетела к вам. Так успокаивается сердце в Ясной, ведь с нею связаны лучшие воспоминания моей молодости. Когда это все кончится? Ты, верно, знаешь от Коли²³, что Хрисанф²⁴ был аре-стован как заложник и целый месяц²⁵ просидел в тюрьме. Воображаю, как волновались бедные Наташа и Лиза²⁵, но теперь, слава Богу, все уладилось. Теперь такое время, что день прошел и слава Богу, а что завтра будет — неизвестно. Напиши, моя милая, о себе и всех своих, что Илюша, Лева, где Саша? Миша с своими детьми? Так бы хотелось обо всех знать. Живет ли Таня с тобой или в Овсянникове. О себе и своих я все написала. Прощай, моя милая Сонечка, крепко тебя целую и всех детей, которые с тобой. Душану Петровичу мой сердечный привет. Твоя всей душой Варя. Колю и Наташу²⁶ с детьми крепко целую. Адя тебя очень целует.

На конверте адрес: «Софье Андреевне Толстой. По Московско-Курской ж. дор. Станция Засека. Ясная Поляна»²⁷.

Интересен также черновик ответного письма С. А. Толстой к В. В. Нагорновой, написанный графитным карандашом на листе бумаги в линейку, сложенном вдвое. Дата не проставлена, но из его содержания следует, что написано оно 24 сентября [ст. стиля] 1919 г., менее чем за месяц до смерти Софьи Андреевны. В нем мы находим некоторые дополнения к сведениям, изложенным Софьей Андреевной в письме к Доре Федоровне Вестерлунд, о детях Толстых и жизни самой Софьи Андреевны в Ясной Поляне в 1919 г. Грустью, страданием и предчувствием скорой смерти проникнуто оно.

3

С. А. Толстая — В. В. Нагорновой

Милая наша Варечка, если б ты видела, как мы с Таней сестрой обрадовались твоему письму! Спасибо тебе за поздравление и за то, что любишь и помнишь нас по-старому. В сент. у меня и именины, и вчера, 23 сент.— мой свадебный день: минуло 57 лет. Ты живешь, милая Варечка, по-видимому, сносно, дай-то Бог! Хорошо, что у Ади такой полезный муж. Очень рада была узнать о твоих детях, но известия не утешительные, к сожалению. Мои сыновья тоже неизвестно где. Илья уехал с какой-то дамой в Америку, уже давно. Лева где-то

за границей: был в Швеции, в Ницце — и где теперь — не знаю. Миша с семьей был на Кавказе, а где теперь — не знаю. Сережа и Саша голодают в Москве. Мы им помогали отсюда провизией, но и у нас все истощается. Таня с Танюшкой живут во флигеле; но с нею и вся семья Оболенских, кот. бежали из Пирогова и невольно очень стеснили бедную Таню и осложнили ее жизнь. Она пустила жить в Овсянниково вдову Андрюши — Ольгу с двумя уже взрослыми детьми, что вышло очень плохо, так как Коля, совсем седой — влюбился в Соню, внучку, увлек ее, огорчил Наташу и осложнил жизнь всех. Теперь, кажется, они немного опомнились.

На днях случилось у нас тяжелое для памяти Левочки событие: явился ночью эскадрон кавалеристов красноарм. с полк. командиром, заняли 4 комнаты, завели грязь, шум, беготню по дому и по Ясной Поляне. Они стараются быть не стеснительными, но это и для них невозможно. Говорят, что Деникин на днях придет с войском к Туле и даст сражение. Но правда ли это? И лучше ли будет? (зачеркнуто С. А. Толстой.— Т. К.).

Плохо стало жить на свете: провизия подбирается. Добывать трудно, а я вовсе не в силах что-либо делать, и грешной душой призываю смерть.

Вчера ходила на могилу Левочки, п. ч. был наш свадебный день. Грустно уходит моя жизнь в ту вечность, из кот. она возникла. А природа и погода в эту осень так прелестны, что только бы радоваться. Но радоваться мы разучились.

¹ Музей-заповедник Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». Дом Л. Н. Толстого. Инв. 4142.

² Там же. Инв. 4157.

³ Там же. Инв. 4096.

⁴ Сергеенко Петр Алексеевич (1854—1930), литератор и биограф Л. Н. Толстого.

⁵ Маковицкий Душан Петрович (1866—1922), домашний доктор Толстых.

⁶ Кузминская Татьяна Андреевна (1846—1925), сестра С. А. Толстой.

⁷ Толстая-Есенина Софья Андреевна (1900—1957), внучка Л. Н. Толстого.

⁸ Семья Оболенского Николая Леонидовича (1872—1934), внука Толстого.

⁹ Вельс Анна Лукинична, англичанка, учительница музыки Александры Львовны и Софии Андреевны Толстых.

¹⁰ Эрдели Мария Александровна (1869–1923), племянница С. А. Толстой, дочь Т. А. Кузминской.

¹¹ Сухотина-Толстая Татьяна Львовна (1864–1950), дочь Л. Н. Толстого.

¹² Толстая (урожд. Философова) Софья Николаевна (1867–1934), невестка Л. Н. Толстого, жена И. А. Толстого.

¹³ Катульская Надежда Климентьевна, с 1920 г. замужем за И. А. Толстым.

¹⁴ Толстой Михаил Львович (1879–1944), сын Л. Н. Толстого.

¹⁵ Софья Андреевна далее делает приписку: «Дурно написала, очень плохие чернила» (перенеся ее, из-за нехватки места, на первую страницу письма рядом с датой).

¹⁶ Нагорнова Анна Николаевна (1881–1929), дочь Варвары Валериановны Нагорновой (1850–1921). Первым браком была замужем за А. Маликовым, который умер от тифа в годы Первой мировой войны. Вторым браком — за Иваном Семеновичем Володичевым (1885–1929), зажиточным крестьянином Чернского уезда Тульской губернии. От второго брака были две дочери: Мария Ивановна Панфедина (1920–1977) и Татьяна Ивановна Долбэ (р. 1925), в настоящее время проживает в Латвии (г. Рига). До 1930-х гг. А. А. Нагорнова, оставленная мужем, с двумя маленькими дочерьми жила в Чернском уезде; не имея средств к существованию, вынуждена была просить милостыню. Затем по приглашению С. А. Толстой-Есениной переехала в Ясную Поляну, жила сначала в деревне, затем — на территории музея-усадьбы в садовом домике. Была сотрудницей музея.

¹⁷ Нагорнов Николай Николаевич (1884–1957), сын В. В. Нагорновой.

¹⁸ Нагорнов Валериан Николаевич (1873–1940), старший сын В. В. Нагорновой.

¹⁹ Жихарева Елизавета Николаевна (1888–1975), жена В. Н. Нагорнова.

²⁰ Нагорнов Сергей Николаевич (1895–1921), младший сын В. В. Нагорновой.

²¹ Нагорнова Татьяна Николаевна (1879–1976), дочь В. В. Нагорновой. По сведениям, предоставленным Татьяной Николаевной Андреевой, праправнучкой В. В. Нагорновой, дата рождения Т. Н. Нагорновой — не 1879 г. (См.: Род графов Толстых (46, 480)), а 1878 г.

²² Сухотина-Толстая Татьяна Львовна (1864–1950) и ее дочь Татьяна Михайловна Сухотина (1905–1996).

²³ Оболенский Николай Леонидович.

²⁴ Абрикосов Хрисанф Николаевич (1877–1957), единомышленник Л. Н. Толстого.

²⁵ Абрикосова (урожд. княжна Оболенская) Наталья Леонидовна (1881–1955), жена Х. Н. Абрикосова, внучатая племянница Л. Н. Толстого, и ее мать Елизавета Валериановна Оболенская (урожд. графиня Толстая).

²⁶ Оболенские, Николай Леонидович и Наталья Михайловна (1882–1925), урожд. Сухотина.

²⁷ Судя по почтовому штампу, письмо было отправлено со станции Никольско-Вяземское 20 апреля 1919 г. В записке, приложенной к письму С. А. Толстой, В. В. Нагорнова пишет: «Сонечка, пиши теперь домой. Адрес: Г. Чернь. Тул. губ. Никольско-Вяземское. Почтовое отделение. Село Шатассово». Дом-музей Л. Н. Толстого. И nv. 4075/2.

Сведения о семье Нагорновых предоставлены Татьяной Николаевной Андреевой, правнучкой М. Н. Толстой (р. 1945), проживает в Ясной Поляне.

Н. И. Рейнгольд

АНГЛИЙСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ
И ИЗДАТЕЛИ Л. Н. ТОЛСТОГО:
АРХИВНЫЕ НАХОДКИ*

Литературные подробности переводческой и издательской деятельности, связанной с наследием Льва Николаевича Толстого, всегда интересны. Расширяется представление о круге и судьбах литераторов, занимавшихся переводами. Уточняется знание культурной ситуации и менявшегося, от поколения к поколению, восприятия иностранными читателями творчества Толстого. Такая детализация особенно полезна в том случае, когда переводчиком выступает крупный зарубежный писатель. Когда издательство публикует не просто переводы отдельных произведений русского классика, а осуществляет в течение ряда лет, возможно, десятилетий, «русскую» издательскую программу, и в ней весомое положение занимают творчество и личность Л. Н. Толстого¹.

Именно о таких переводчиках и издательстве идет речь в статье. Это Вирджиния Вулф (1882–1941), классик английского модернизма, один из крупнейших прозаиков XX века, она же переводчица Л. Н. Толстого. Леонард Вулф (1880–1969), известный английский публицист, издатель, один из основателей Лиги Наций. И «Хогарт Пресс» — созданное Вулфами в 1917 году и ныне процветающее литературное издательство.

В том, что Вирджиния Вулф переводила Толстого, открытия нет. Это известный в литературоведении факт. Не является новостью и то, что «Хогарт Пресс» публиковал в 1920-е годы произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, М. Горького, И. А. Бунина и других русских прозаиков². Известно, что литературным консультантом и прямым переводчиком с русского выступал Самуил Самойлович Котельянский (1880–1955), украинский еврей,

* Автор выражает благодарность Майклу Ботту, главному архивисту библиотеки университета Рединг (Великобритания) за помощь в работе с материалами издательского архива «Хогарт Пресс»; издательству «Чатто энд Уиндус» за разрешение цитировать ниже приведенные источники, а также факультету английской литературы университета Эксетер (Великобритания) за грант, предоставленный для работы с архивом.

уехавший в Англию в 1911 году и осевший там навсегда³. А вот издательский архив «Хогарт Пресс» и собственно «толстовский» его раздел — источник новый для специалистов, изучающих судьбу наследия Л. Н. Толстого за рубежом⁴. Он впервые освещается в статье.

Несколько слов о местонахождении архива. С 1982 г. он хранится в отделе библиотеки английского университета Рединг, в чье пользование был передан издательством «Чатто энд Уиндус», которое, в свою очередь, получило бумаги «Хогарт Пресс» по завещанию Леонарда Вулфа.

«Толстовский» свод архива «Хогарт Пресс» образуют две группы материалов.

Во-первых, это документы, относящиеся к публикации в 1923 г. писем Л. Н. Толстого к Валерии Владимировне Арсеньевой (1836—1909) под названием *Tolstoi's Love Letters* («Любовные письма Толстого») в переводе Вирджинии Вулф и С. С. Котельянского, и в 1936 г. статьи Л. Н. Толстого «О социализме» (1910) в переводе Леонарда Вулфа.

Во-вторых, к толстовскому разделу архива примыкает издательская переписка по поводу опубликования книги воспоминаний А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого» (1922—1923) в переводе В. Вулф и С. С. Котельянского (*Talks with Tolstoi*, буквально «Беседы с Толстым», 1923) и очерка М. Горького «Лев Толстой», 1919 (*Reminiscences of Leo Nikolaevich Tolstoi*, буквально «Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом») в переводе Леонарда Вулфа и С. С. Котельянского (1920 г.).

Все эти материалы проливают свет на мотивы, побудившие Вирджинию и Леонарда Вулфов взяться за перевод и опубликование произведений Л. Н. Толстого и материалов о нем. Ведь «Хогарт Пресс» ориентировался в основном на издание модернистской литературы — поэзии Т. С. Элиота, прозы Э. М. Форстера, Вирджинии Вулф и других современных авторов. На этом фоне «русская тема» — одна из интереснейших и, если хотите, интригующих страниц в истории издательства.

Материалы архива также помогают уточнить и обстоятельства издания и переиздания переводов в 1920—1940-е годы, сегодня уже имеющие историко-культурный интерес.

Из семнадцати литературно-критических эссе Вирджинии Вулф о русских писателях, опубликованных в английской периодической печати в 1917—1933 гг., творчеству и личности Л. Н. Толстого посвящены два: «Казаки» (1917)⁵ и «Горький о Толстом» (1920)⁶. Их дополняют десятки комментариев и высказываний о произведениях

Толстого в других эссе В. Булф (см. «Русскую точку зрения», 1925; «Свою комнату», 1929⁷; «Фазы развития литературы», 1929), в ее дневниках⁸ и письмах⁹. Спектр замечаний писательницы широк: от наблюдений над общественными, нравственными и философскими взглядами Толстого до его оценки роли женщин в обществе, их занятий, образования. Ее интересовало все — и склад ума автора «Войны и мира», и жанровая форма романа, созданная Толстым, и жизненный опыт писателя, полученное им образование, его взаимоотношения с С. А. Толстой («Автобиографию» Софии Андреевны «Хогарт Пресс» опубликовал в 1923 г.). Следы глубокого внимания к вопросам, поднятым Толстым в его произведениях, — о смысле жизни, социальном и материальном неравенстве, униженности крестьян, о фальши норм и привычек, принятых в светском обществе, — видны в романах самой Вирджинии Булф, например, *Night and Day* («Дне и ночи»), 1918, *Jacob's Room* («Комната Джейкоба»), 1922¹⁰.

Мне уже доводилось писать о том, что обращение Булф к творчеству русских писателей, которых она открыла для себя в 1912 году с романом Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»¹¹, было вызвано чувством неудовлетворенности от состояния своей родной литературы¹². В эссе *On Re-reading Novels* («Перечитывая романы») она отметила, что у английских писателей рубежа веков нет и малейшего стремления к поиску новых художественных идей и форм¹³. Английский же «хорошо сделанный рассказ», полагала она, способен в лучшем случае воспроизвести хронологическую последовательность событий, а бытописательский роман начала XX века далек от стремительно менявшейся реальности. На этом фоне русская литература выделялась Булф своеобразной альтернативой ее собственным художественным исканиям. Здесь не место углубляться в подробности этой совершенно самостоятельной темы, но важно отметить, что именно этот интерес писательницы, всецело принадлежавшей английской литературной традиции, направлял ее чтение и критическое осмысление русской прозы. Именно поэтому она стала изучать русский язык под руководством С. С. Котельянского¹⁴ и согласилась на совместный перевод писем Л. Н. Толстого к В. В. Арсеньевой и книги А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого».

Судя по переписке между С. С. Котельянским и Леонардом Булфом, сохранившейся в архиве «Хогарт Пресс» под № 38, 493 и 595, работа над переводом обоих источников шла параллельно весной 1923 года. Впервые Котельянский упоминает о своем замысле перевести «дневник» А. Б. Гольденвейзера в письмах к Леонарду Булфу от 14 и 16 февраля 1923 г. Причем, как следует из писем, первоначально он предполагал выполнить перевод совместно с Леонардом Булфом:

14 февраля 1923 г.

...К концу этой недели постараюсь выслать вам несколько страниц дневника Гольденвейзера. Если они вам понравятся (а я думаю, что может получиться очень интересная книжка, если сократить оригинал, скажем, наполовину), и если, кроме того, вам понравится книга Розанова¹⁵, — тогда, может быть, Вирджиния стала бы делать со мной розановскую книжку, а вы — Гольденвейзера? В этом случае примерно через месяц-полтора обе книги были бы готовы к изданию —

Ваш Кот.

16 февраля 1923 г.

Посылаю первые страницы книги А. Гольденвейзера «Вблизи Толстого». Если перевести этот новый, никогда прежде по-русски не публиковавшийся материал, получилась бы книжка объемом около двухсот страниц. Без купюр она потянула бы на все четыреста. Я просил бы вас прочитать этот материал как можно быстрее и сказать мне, подойдет он или нет, поскольку, боюсь, его перехватят, если будем долго тянуть с переводом. Лично я думаю, что «Вблизи Толстого» — ценная вещь; кроме того, я вижу, что она написана честно и автор — достойный человек...

Ваш Кот.

В конце февраля издательство приняло решение опубликовать книгу воспоминаний А. Б. Гольденвейзера о Л. Н. Толстом. Между Леонардом Вулфом и С. С. Котельянским завязалось обсуждение практических условий издания.

22 февраля 1923 г.

Дорогой Кот,

Дневник Гольденвейзера после некоторых колебаний мы решили, что будем издавать Гольденвейзера на следующих условиях. Вирджиния будет переводить вместе с вами, и за вами сохраняется право окончательного отбора материала. Вы не должны включать в текст ничего из того, что уже было опубликовано по-английски. Издательство обязуется выплатить вам 25 % чистой прибыли от продажи английского издания. За издательством остается право продать или передать права на издание книги в Америке и в колониях; «Хогарт Пресс» получает 10 % прибыли от продажи вышеизложенных прав. Если вы согласны с данными условиями, пожалуйста, срочно вышли-те рукопись.

Ваш Леонард Вулф.

23 февраля следует ответ С. С. Котельянского:

Я получил ваше письмо относительно книги Гольденвейзера. Поскольку вы предложили новые условия сотрудничества, позвольте внести некоторые изменения и уточнения.

Если у вас есть какие-то сомнения насчет публикации книги, полагаю, лучше вовсе за нее не браться. Если же вы, т. е. «Хогарт Пресс», все-таки решили ее печатать, то в этом случае я не могу принять условие о праве «окончательного отбора материала». Это право должно оставаться за переводчиками — это их взаимная договоренность. Я никакого не сомневаюсь в тонкости вкуса Вирджинии. Я просто не могу согласиться с тем, чтобы мне в таких вопросах диктовали. Тем более, что не требую для себя в этом деле никаких особых условий; я вовсе не хочу, чтобы все из того, что переведу, вошло в окончательный вариант. Я только настаиваю на том, что право отбора материала должно оставаться за переводчиками, по их взаимной договоренности.

Теперь о практической стороне,— предлагаю, чтобы «Хогарт Пресс» платил переводчикам с каждого проданного экземпляра, а не 25 % чистой прибыли от английского издания. Что же касается права «Хогарт Пресс» продать американские права под 10 %, я не против, только в этом случае за переводчиками должна оставаться свобода выбора — либо они просят издательство «Хогарт Пресс» выступить от их имени, либо же самостоятельно распоряжаются правом на американское издание книги. Ведь если «Хогарт Пресс» все-таки оставит за собой эту прерогативу, то я, как один из переводчиков, смогу рассчитывать только на оплату из 10 % комиссионных — и это при тех немалых затратах, которые я несу, добиваясь права на перевод русских книг.

Хочу добавить, что задержки с моей стороны не будет. Я даже могу связать себя обязательством представить готовый текст через две недели (а львиную долю материала уже сейчас).

Ваш Кот.

К концу апреля верстка перевода была готова. У английского варианта книги Гольденвейзера появилось новое заглавие — «Беседы с Толстым» (возможно, не без влияния европейской традиции «Разговоров с Гете» Эккермана¹⁶):

25 апреля 1923 г.

Дорогой Кот, вот полная корректура «Бесед с Толстым». Пожалуйста, прочитайте и верните верстку как можно скорее.

Ваш Леонард Вулф.

В августе 1923 г. между Л. Вулфом и С. С. Котельянским возобновилась переписка по поводу продажи права на издание перевода в Америке, и в октябре книга Гольденвейзера вышла в Лондоне в издательстве «Хогарт Пресс».

К сожалению, ни в архиве издательства, ни в бумагах Вирджинии Вулф¹⁷, ни в личном архиве С. С. Котельянского¹⁸ не сохранилось никаких замечаний переводчиков о принципах отбора материала для английского издания воспоминаний А. Б. Гольденвейзера. Мы можем лишь попытаться восстановить на основе знания литературных интересов Вирджинии Вулф логику, которой руководствовались соавторы, точнее, один из них. Сравнение оригинала с текстом английского перевода¹⁹ позволяет истолковать некоторые фрагменты, включенные в английское издание книги, как безусловно интересные для Вулф-писателя и литературного критика.

Так, для Вулф было важно и интересно получить «из первых рук» подробности суждений Л. Н. Толстого о современном искусстве (ср. с. 117 оригинала со с. 83 перевода), его критическую оценку современной литературы, ориентированной на «последнее слово» (ср. с. 176 оригинала со с. 151 перевода); узнать его мнение о будущем художественной прозы, в котором, по предположению Толстого, все меньшую роль будет играть вымысел (ср. с. 181 оригинала со с. 152—153 перевода), а также познакомиться с его представлением о подлинном произведении искусства (см. с. 160—161 перевода). Писательница, создавшая в английской прозе новые модификации романа, не могла пройти мимо суждений Л. Н. Толстого о значимости художественной формы (ср. с. 116 оригинала со с. 81—82 перевода). Зная идеи Вулф о полноте жизни, реальности в романе, мы можем представить, с каким удовлетворением она должна была прочитать сходные суждения у Толстого, ссылавшегося на мнение Гете (ср. с. 115—116 со с. 80—81 перевода). Порой даже кажется, Вулф «проговаривается» в тех фрагментах книги Гольденвейзера, переведенных и включенных в английское издание, где описываются «вольные» рассуждения Толстого об университете образовании,— для сторонницы женского творчества то была острые тема. Или размышления Л. Н. Толстого о безумии и сознании — они не могли не занимать создательницу модернистского психологического романа. Писательница, оставившей после себя «Дневник»²⁰, конечно же, были интересны мельчайшие детали описания Толстым процесса работы над новой книгой. Тонкий ценитель музыки, Вирджиния Вулф должна была обратить внимание на признание русским классиком огромного значения музыки (ср. с. 116 оригинала со с. 81 перевода).

Наконец, сам факт перевода книги Гольденвейзера о Л. Н. Толстом говорит о глубоком интересе Вулф к личности и творческой лаборатории русского писателя. Очевидно, что без сравнительного изучения текстов оригинала и перевода исследование «русской темы» в ее творчестве не будет полным.

Возвращаясь к данным архива, остается добавить, что отрывок из книги А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого» в переводе С. С. Котельянского и Вирджинии Вулф прозвучал по Би Би Си 30 сентября 1947 года.

Одновременно с подготовкой к изданию перевода книги Гольденвейзера в «Хогарт Пресс» шла работа над изданием писем Л. Н. Толстого к В. В. Арсеньевой. В архиве «Хогарт Пресс» (см. № 493) сохранились свидетельства того, что отрывок из готовившейся к изданию книги *Tolstoi's Love Letters* в переводе С. С. Котельянского и Вирджинии Вулф был вначале опубликован в лондонском еженедельнике «Джон о'Ландон Уикли» в марте 1923 г. (см. письмо редактора еженедельника к Леонарду Вулфу от 1 марта 1923 г., № 493, а также письмо Л. Вулфа к С. С. Котельянскому от 22 марта, там же). Полностью книга писем вышла в «Хогарт Пресс» в мае — июне 1923 г. и вплоть до 1976 г. оставалась единственной публикацией на английском языке писем Л. Н. Толстого к В. В. Арсеньевой²¹, давно став библиографической редкостью.

Два других источника «толстовского» раздела архива связаны непосредственно с издательской и переводческой деятельностью Леонарда Вулфа. В 1936 году издательство выпустило перевод статьи Л. Н. Толстого «О социализме» (1910). Публикации предшествовала переписка Леонарда Вулфа, переводчика Людвига Перно и мисс А. Руфь Фрай, выступившей посредницей между сторонами (см. № 492 архива). Письма раскрывают и сомнения, которыми мучился Л. Вулф, решая вопрос о переводе и публикации статьи Л. Н. Толстого, и причины, побудившие его принять-таки положительное решение об издании перевода отдельной книжкой. В своем ответном письме от 17 ноября 1935 г. на несохранившееся письмо Руфь Фрай Л. Вулф задается вопросом об авторском праве и отзывает о качестве предложенного перевода:

«Дорогая мисс Фрай, статья Толстого бесспорно интересна и достойна опубликования, но у меня есть несколько вопросов. Во-первых, право на издание — не возникнут ли здесь проблемы, ведь Толстые очень ревностно защищают свое авторское право на все, чем владеют. Я думаю, было бы полезно указать в примечании, каким образом рукопись попала к переводчику. Во-вторых, надо хорошенько прочистить перевод — пока он еще сырват».

Отвечая Леонарду Вулфу 30 ноября 1935 г., Руфь Фрай сообщает, что статья печатается в декабрьском выпуске малотиражного издания «Риконсилиэшн» и что она очень хотела бы увидеть ее опубликованной отдельной книжкой в издательстве «Хогарт Пресс». Она выражает готовность рассмотреть поправки к переводу и предлагает Л. Вулфу написать предисловие к английскому переводу статьи Л. Н. Толстого «О социализме».

Леонард Вулф согласен (см. письмо от 2 декабря 1935 г., № 492); издательский проект, надо полагать, был запущен в дело (архив ничего об этом не сообщает), и весной 1936 г. «Хогарт Пресс» издал статью Л. Н. Толстого «О социализме» в переводе Л. Перно и с предисловием Л. Вулфа. Однако сохранившиеся в архиве письмо Людвига Перно к Л. Вулфу от 6 января 1936 г. и копия текста предисловия позволяют судить о некоторой драматургии взаимоотношений переводчика и издателя, определявшейся разницей в их восприятии взглядов Л. Н. Толстого на социализм. О чём речь?

С редкой для европейца прямолинейностью²² Людвиг Перно заявляет в письме: «Дорогой г-н Вулф, по просьбе мисс Фрай возвращаю ваше предисловие. Большое спасибо. Мне жаль, однако, что отныне оно будет постоянно сопровождать статью Толстого,— жаль потому, что никому никогда ничего у Толстого оно не разъяснит. Вы, конечно, согласитесь со мной, что критика бывает плодотворной лишь тогда, когда достигнуто ясное и полное понимание предмета...»

Что именно в предисловии социалиста Л. Вулфа вызвало такую строгую оценку переводчика, отчасти проясняет сам текст. В начале вступительной статьи автор замечает: «Лично я думаю, что все, написанное Толстым, чрезвычайно интересно. Мощь его личности и потрясающая искренность таковы, что делают живым, „толстовским“ даже самое отрывочное и спорное из его сочинений. В мире мелких людей и мелких мыслишек это редкая и радостная удача — встретиться с таким человечищем, как Толстой. Он оживляет каждое слово. Часто в его словах много спорного, неверного. Порой его выскаживания раздражают. Как, например, эта статья — „О социализме“. Но почти во всем, о чём пишет Толстой, содержится до крайности простое и яростное выражение какой-то великой правды, от которой читателю делается не по себе».

Публикуемая статья — хороший пример слепоты, величия, простоты и правды Толстого. Я сам — социалист и, естественно, не могу согласиться с главным его тезисом. Но его замечание о насилии,— а именно на нем основывается вся аргументация,— представляется мне великой и бесспорной правдой. И кажущаяся простота, с какой он обнажает иллюзию, к которой вынуждены прибегать социалисти-

ческие и все иные правительства для оправдания творимого ими насилия, поистине гениальна».

Леонард Вулф восхищается Толстым, но к вопросам социализма он относится как публицист, политик, в отличие от Л. Н. Толстого — писателя и мыслителя. Кроме того, между строк предисловия Л. Вулфа читается и его критическая оценка современных «социалистических» преобразований, происходивших в Советском Союзе в 1930-е годы, которым Толстой, к счастью, свидетелем не был.

И последнее, — из материалов, имеющих отношение к личности и наследию Л. Н. Толстого, в архиве «Хогарт Пресс» сохранилась переписка 1928—1953 гг. по поводу переиздания очерка М. Горького «Лев Толстой», опубликованного в переводе С. С. Котельянского и Л. Вулфа в 1920 г. (см. № 130 архива). Она интересна двумя поворотами. В бывшем СССР в связи с десятилетием со дня смерти М. Горького председатель Союза советских писателей Николай Тихонов направил в издательство «Хогарт Пресс» письмо от 17 мая 1946 г. с просьбой подарить музею Горького в Москве по одному экземпляру каждой из опубликованных книг Горького (имелись в виду переводы воспоминаний о Л. Н. Толстом, А. П. Чехове и Леониде Андрееве). На эту просьбу издательство ответило отказом (см. письмо от 14 июня 1946 г.), сославшись на отсутствие лишних экземпляров. Думается, не последнюю роль в сдержанном отношении главного редактора «Хогарт Пресс» сыграл С. С. Котельянский. Судя по сохранившимся в этом разделе архива письмам, он с нескрываемым подозрением и презрением относился не только к «большевикам» («подлый народ», заметил он в письме к Леонарду Вулфу от 30 октября 1946 г.), но к любому на Западе, что мог быть хоть как-то связан с «агентами русского правительства» (из письма С. С. Котельянского от 2 февраля 1946 г. к мисс Ньюмен, секретарю «Хогарт Пресс»). Оберегая издательство от нежелательных контактов, Котельянский всегда подчеркивал свои прямые связи с Россией, личное знакомство с З. И. Гржебиным, М. Горьким, тем самым укрепляя свою репутацию консультанта по русской литературе²³. Например, в письме к Л. Вулфу от 24 октября 1946 г. он описывает, каким образом получил право на перевод очерка Горького о Л. Н. Толстом: «...на титульной странице русского экземпляра горьковских „Воспоминаний о Льве Николаевиче Толстом“, опубликованных издательством З. И. Гржебина в 1919 году в Петербурге (его мне прислал через Джорджа Лансберга М. Горький), рукой З. И. Гржебина написано: „Разрешаю С. С. Котельянскому перевести книгу на английский язык“. И подпись: „З. И. Гржебин, Петербург, 1 марта 1920 г.“. Я полагаю, что английский перевод

„Воспоминаний о Толстом“ М. Горького был вообще первым зарубежным изданием книги»²⁴.

И — следует добавить — самым успешным из русских проектов «Хогарт Пресс». Очерк М. Горького «Лев Толстой» стал одной из тех книг, благодаря которым начинающее издательство составило себе репутацию, а английские читатели узнали «из первых рук» множество интересных живых подробностей о личности великого русского писателя — «человека-оркестра», как подчеркнула в рецензии Вирджиния Вулф²⁵.

В целом же архив «Хогарт Пресс» не только расширяет круг известных нам имен литераторов, занятых переводом и изданием в Англии произведений Л. Н. Толстого. Он также позволяет проследить, как под влиянием переводов, критических статей и комментариев складывалось среди английской читательской публики особое восприятие личности и творчества Л. Н. Толстого, которое со временем стало частью национальной культуры. Для исследователя такие факты — ценная находка.

¹ С переводами книг русских авторов в начале XX века особенно преуспели английские издательства «Хайнеманн», «Дакворт», «Чатто энд Уиндус», «Кейп» и некоторые другие.

² См. Kirkpatrick, Brownlee Jean. A Bibliography of Virginia Woolf. London: Rupert Hart-Davis, 1957; revised ed., 1967; 2nd revised edition, Oxford: Oxford University Press, 1980, p. 85; Woolf, Leonard. 'Kot'. In The New Statesman and Nation, XLIX, 5 February 1955, pp. 170–172; The Quest for Raman: D. H. Lawrence's Letters to S. S. Koteliansky, 1914–1930. Ed. by George J. Zytaruk. Montreal and London: McGill-Queen's University Press, 1970; Christian, R. F. (ed.). 'Preface' to Tolstoy's Letters. 2 vols. University of London: The Athlone Press, 1978, v. 1, v; Рейнгольд (Бушманова) Н. Вирджиния Вулф о русской литературе // В мире отечественной классики. Вып. 2. М. 1987. С. 260.

³ См. Берберова Нина. Железная женщина. «Дружба народов». 1989. № 9, с. 145, № 10, с. 179, № 12, с. 125–126; Рейнгольд (Бушманова) Н. Переводчик и межкультурное пространство (Неизвестные страницы англо-русских литературных связей) // Взаимосвязи и взаимовлияния русской и европейской литературы: материалы международной научной конференции 13–15 ноября 1997 г. в С.-Петербургском университете. С.-Петербург, 1999. С. 71–77; Rogachevskii, Andrei. 'Samuel Koteliansky and the Bloomsbury Circle (Roger Fry, E. M. Forster, Mr and Mrs Maynard Keynes and the Woolfs), in Forum for Modern Language Studies, 2000, vol. xxxvi, No 4, pp. 368–385; Marcus, Laura. 'The European Dimensions of the Hogarth Press' in The Reception of Virginia Woolf in Europe. Ed. by Mary Ann Caws and Nicola Luckhurst. London: University of London, 2001.

⁴ Ср. с репрезентативным сборником статей: Jones, Gareth W. (ed.). *Tolstoi and Britain*. Oxford (Washington, D. C.): Berg, 1995.

⁵ 'The Cossacks'. Первоначально опубликовано в «Таймс Литерари Сапплемент» в 1917 г.; перепечатано в книге *Essays*. Ed. by Andrew McNeillie. 6 vols. London: The Hogarth Press, v. 2, pp. 76–80.

⁶ 'Gorky on Tolstoi'. Первоначально опубликовано в «Нью Стейтсмен» в 1920 г.; перепечатано в книге *Essays*, pp. 252–255. См. русский перевод автора «Горький о Толстом» в сб. «В мире отечественной классики». С. 273–276.

⁷ Woolf, Virginia. *A Room of One's Own*. London: The Hogarth Press, 4th Impression, 1929. См. перевод автора в книге «Эти загадочные англичанки». М.: Прогресс, 1992. С. 80–154.

⁸ *The Diary of Virginia Woolf*. Introduction by Quentin Bell. Ed. by Anne Oliver Bell. 5 vols. London: The Hogarth Press, 1977–1984, v. 1, pp. 100–101; v. 5, p. 249, p. 255.

⁹ Woolf, V. *The Letters*. Ed. by Nigel Nicolson. 6 vols. London: The Hogarth Press, 1975–1980, v. 1, p. 442; v. 2, p. 433.

¹⁰ См. докторскую диссертацию и статью автора: Reinhold, Natalya. *Aspects of Modernism in the Writing Techniques of D. H. Lawrence and Virginia Woolf: Identity, Writing, and Myth* (University of Exeter, 2000), P. 271; 'Virginia Woolf's Russian Voyage Out'. *Woolf Studies Annual*. New York: Pace University Press (в печати).

¹¹ См. письмо В. Булф к Литтону Стречи от 1 сентября 1912 г. в кн.: Woolf, V. *The Letters*. Ed. by Nigel Nicolson. 6 vols. London: The Hogarth Press, 1975–1980, v. 2, p. 5.

¹² Рейнгольд (Бушманова) Н. Английский модернизм: психологическая проза. Ярославль: 1992. С. 48–53.

¹³ Woolf, Virginia. 'On Re-reading Novels'. In *Collected Essays*. 4 vols. London: The Hogarth Press, 1966–1967, v. 2, p. 122.

¹⁴ См. подробности в докторской диссертации автора *Aspects of Modernism...*, pp. 100–103.

¹⁵ Имеется в виду книга В. В. Розанова «Опавшие листья» (1913–1915).

¹⁶ Ср. русский перевод: Эккерман Иоганн Петер. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. Пер. с нем. Наталии Манн. М. 1981; английский перевод: *Conversations of Goethe with Eckermann and Soret*. Trans. from the German by John Oxenford. Rev. ed. London: Bell, 1883; и оригинал: Eckermann, Johann Peter. *Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens*. Bd. 1–3. Leipzig: Reclam, 1823–1832.

¹⁷ Основная часть писательского архива Вирджинии Булф, так называемые *Monks House Papers* («Бумаги Манкс Хауз»), находится в отделе рукописей библиотеки университета Сассекс (Великобритания).

¹⁸ С 1955 г. хранится в отделе рукописей библиотеки Британского музея (vols. MS 48966, MS 48967, MS 48968, MS 48969, MS 48974).

¹⁹ Ср. здесь и далее по текстам: Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1959; и *Goldenveiser A. B. Talks with Tolstoi. Translated by S. S. Koteliansky and Virginia Woolf. Richmond: The Hogarth Press, 1923.*

²⁰ *Woolf, Virginia. A Writer's Diary. London: The Hogarth Press, 1953.*

²¹ См. Christian, R. F. (ed.). 'Preface' to *Tolstoy's Letters*. 2 vols. University of London: The Athlone Press, 1978, v. 1, v.

²² См. также английский перевод Людвига Перно «Письма к индусу» (*Letter to a Hindoo*) А. Н. Толстого (Полн. собр. соч. Т. 37. С. 245), опубликованный в Лондоне в издательстве «Пис Пледж» в 1943 (?) г.

²³ В общей сложности с 1920 по 1955 г. С. С. Котельянский опубликовал в «Хогарт Пресс» шесть переводов с русского. См. в архиве издательства: № 38 (*Bunin, Ivan. The Gentleman from San Francisco. 1922–1951*); № 72 (*Dostoevsky, F. M. Stavrogin's Confession. 1947–1952*); № 595 (*Goldenveiser, A. B. Talks with Tolstoi. 1923–1943*); № 130 (*Gorky, Maxim. Reminiscences. 1928–1953*); № 483 (*Chekhov, Anton. Notebooks. 1944–1948*); № 493 (*Tolstoi, L. N. Tolstoi's Love Letters. 1923*).

²⁴ Ср. «Впервые в неполном виде [произведение М. Горького „Лев Толстой“] напечатано в газете „Жизнь искусства“, 1919, № 241, 13 сентября; № 242, 11 сентября; № 273, 21 октября; № 274, 22 октября, и № 275, 23 октября. В 1919 г. М. Горький объединил первые тридцать шесть заметок о Толстом с письмом к В. Г. Короленко в одной книжке, озаглавив ее „Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом“ и снабдив предисловием (издание Э. И. Гржебина, Петроград, 1919)». Цит. по: Полн. собр. соч. М. Горького: В 30 т. М., 1951. Т. 14. С. 331. Очевидно, С. С. Котельянский имеет в виду именно это издание Гржебина 1919 г., с которого и был выполнен первый английский перевод воспоминаний Горького о Толстом.

²⁵ См. перевод «Горький о Толстом» в сб. «В мире отечественной классики». С. 275.

Л. В. Гладкова
РОД ЕРГОЛЬСКИХ

Род Ергольских ведется в России со времен великого князя Московского Ивана Васильевича III.

I

1. Родоначальник — Василий Ергольский

II

2. Михаил Васильевич 1

III

3. Иван Михайлович 2

4. Федор Михайлович Большой 2

5. Федор Михайлович Меньшой 2

IV

6. Федор Иванович 3

7. Адриан Федорович 4

8. Борис Федорович 5

V

9. Иван Федорович 6

10. Степан Андреевич (Адрианович). В 1615 г. за службу в Польскую и Литовскую войну получил поместье в Мценском уезде 7

11. Мокей Борисович 8

VI

12. Иван Иванович	9
13. Семен Степанович	10
14. Терентий Мокеевич	11

VII

15. Алексей Иванович, бездетный, в 1640 г. дворянин московский, в 1649 г. воевода в Мосальске	12
16. Гурий Иванович, с 1658 г. дворянин московский, в 1673 г. получил поместье в Козельском уезде, в 1660 г. воевода в Болхове	12
17. Степан Семенович, в 1683—1692 гг. стряпчий, в 1693 г. стольник	13
18. Алексей Терентьевич	14
19. Петр Терентьевич	14
20. Григорий Терентьевич (166?—1746?), в 1692 г. стряпчий, в начальных людях, в 1695 г. воевода в Лебедяни, вице-президент юстиц-коллегии, потом действительный статский советник	14

VIII

21. Тимофей Гурьевич, в 1680 г. стольник	16
22. Иван Гурьевич, бездетный; в 1692 г. стольник	16
23. Ефим Степанович	17
24. Никита Алексеевич, владел имением в с. Бордуково и с. Беликово Мещовской округи Калужской губернии.	18
25. Иван Алексеевич	18
26. Семен Алексеевич, служил вахмистром у императрицы Анны Иоанновны; с 1739 г. л.-гв. прапорщик; жена с 1747 г.—сестра прадеда Л. Н. Толстого Николая Ивановича Горчакова княжна Екатерина Ивановна Горчакова (1728—17???)	18
27. Макар Алексеевич	18

IX

28. Иван Тимофеевич	21
29. Адриан Ефимович, в 1793 г. секунд-майор	23
30. Илья Ефимович, в 1793 г. подполковник.	23

31. Николай Иванович	25
32. Александр Семенович (1758 — после 1814, не позднее 1839), поручик л.-гв. Преображенского полка, откуда уволен с абшидом 1 мая 1781 г. Первая жена — Анна Николаевна (дети: Семен, Евграф, Дмитрий, Елизавета, Татьяна и ?); в 1806 г. уже вдовец. Вторая жена — Ирина Ивановна (дети: Павлин и ?). Уйдя в отставку, жил в своем имении в с. Богородицкое Чернского уезда	26
33. Алексей Семенович	26
34. Дмитрий Макарович. Жена — Мавра	27

Х

35. Сергей Иванович	28
36. Иван Иванович	28
37. Василий Иванович	28
38. Николай Андреевич (Адрианович)	29
39. Владимир Николаевич (1776 — 7 мая 1836), генерал-майор	31
40. Владимир Александрович (ум. 1886, похоронен в Калуге на Петропавловском кладбище), подполковник; жена — княжна Ольга Александровна Волконская (20 марта 1813 — 29 ноября 1880), дочь князя Александра Петровича Волконского	32
41. Семен Александрович (1785—1849), начал службу прапорщиком 19 марта 1806 г.; в 1808 г. штабс-капитан 1-го егерского полка; с 1816 г. полковник; в 1816 г. освобожден от воинской службы за болезнью, к статским делам. В 1832 г. полковник строительного отряда путей сообщения в Вышнем Волочке. Награды: орден Св. Анны 4-й степени, Золотая шпага с надписью «За храбрость», Железный крест, медаль на голубой ленте в память 1812 г. и взятия Парижа. Жена — Наталья Николаевна Потемкина, дочь орловских помещиков — майора Потемкина и Александры Александровны Потемкиной; была больна и с 1822 г. жила с матерью. Дети его Николай и Лидия неизвестного происхождения	32
42. Николай Александрович	32
43. Евграф Александрович (1795—1827), вступил в службу 9 сентября 1807 г. кадетом, кончил капитаном Белевского полка 8 мая 1823 г.; имел серебряную медаль в память 1812 г.; был более 20 лет в походах и сражениях.	

Жена — Терезия Антоновна. После смерти мужа жила с дочерью Анной (Пимочкой) в с. Покровском у Е. А. Толстой	32
44. Дмитрий Александрович (1797 — между 1864—1868), прaporщик, в 1839 г. подпоручик. Имение — с. Богородицкое Чернского уезда; с 1839 г. унаследовал от брата Павлина с. Бордуково и с. Беликово Калужской губернии. Жена — Анна.	32
45. Павлин Александрович (5 января 1814 — после апреля 1839 в с. Казанском Чернского уезда), от второго брака; юнкер, служил в гренадерском наследного принца прусского полку в Новгороде; был под опекой старшего брата Дмитрия. Помещик Мещовского уезда; холост. Умер в своем имении Бордуково, все свое имущество оставил духовному завещанию брату Дмитрию, который заботился о нем	32
— Елизавета Александровна (1790 — 14 сентября 1851), после смерти матери воспитывалась у чернской помещицы Скуратовой. Замужем за мичманом в отставке графом Петром Ивановичем Толстым (1785—1834), двоюродным дядей Л. Н. Толстого. Имение — с. Покровское Тульской губернии	32
Дети: графиня Александра Петровна Толстая, замужем за бароном Иваном Антоновичем Дельвигом, братом поэта; граф Валериан Петрович Толстой (19 октября 1813 — 6 января 1865), майор в отставке, женат с 3 ноября 1848 г. на сестре Л. Н. Толстого графине Марии Николаевне Толстой	
— Татьяна Александровна (4 ноября 1792 — 20 июня 1874 в Ясной Поляне, похоронена в Кочаках), после смерти матери (не позднее 1806) жила в доме своей двоюродной тетки, бабки Л. Н. Толстого Пелагеи Николаевны Толстой. Воспитательница детей Толстых.	32
— Тереза Александровна (упом. ГАКО. Ф. 66. Оп. 2. Ед. хр. 1748. Л. 6)	32
— Наталья Александровна (упом. там же)	32
46. Семен Дмитриевич	34
47. Андрей Дмитриевич	34
48. Сергей Дмитриевич.	34

XI

49. Василий Сергеевич (14 марта 1764 — 10 октября 1843, похоронен в с. Тарасьево Лихвинского уезда при церкви, им построенной), премьер-майор. Жена — Мария Петровна Кашталинская (1 июня 1780 — 28 апреля 1829, похоронена с мужем) 35
50. Николай Владимирович (ум. до 1891). Жена — Варвара Николаевна Войкова 39
 — Софья Владимировна 39
 — Юлия Владимировна 39
 — Анна Владимировна (1826 — 23 июня 1843), похоронена в Севске на кладбище Троицкого женского монастыря при Варваринской церкви 39
 — Зинаида Владимировна (17 декабря 1827 — 26 декабря 1900), в схиме Сергия, похоронена в Севске на кладбище Троицкого женского монастыря при Варваринской церкви 39
 — Лидия Владимировна 39
51. Иван Владимирович, штабс-капитан (р. 1838), в 1872 г. отставной штабс-капитан, исправник полицейского управления Чернского уезда; в 1876—1879 гг. директор отделения попечительного о тюрьмах комитета Чернского уезда; в 1879 г. уездный гласный в уездном земском собрании, участковый 4-го участка; статский советник. Жена — Клавдия Ивановна Попова 40
52. Владимир Семенович (р. 26 октября 1818), посредник в Орловском уезде. Имение — с. Архангельское Орловского уезда 41
53. Николай Семенович (р. 1831—1833 в Вышнем Волочке; не от брака с Н. Н. Потемкиной) 41
 — Мария Семеновна (р. 13 июня 1820), вышла замуж без ведома отца в 1838 г. 41
 — Лидия Семеновна (1824 — 29 июня 1833 в Москве; не от брака с Н. Н. Потемкиной). В формулярном списке 1832 г. С. А. Ергольский указывает Лидию и Николая рядом с законными детьми, но теща его А. А. Потемкина пишет ходатайства, где указывает, что эти дети незаконные, потому что жена С. А. Ергольского тяжело больна и с 1822 г. живет с матерью 41

54. Петр Евграфович (28 июля 1817 — 13 июля 1866), в 1841 г. подпоручик, служил в Ярославле. Жена — Варвара Алексеевна, детей не было	43
— Анна Евграфовна (Пимочка), после смерти отца жила с матерью Терезией Антоновной в с. Покровском, отличалась слабым здоровьем, хотела вступить в монастырь в 1841 г.	43
55. Владимир Семенович	46

XI

56. Матвей Васильевич (21 июня 1809 — 14 апреля 1851, похоронен в с. Тарасьево Лихвинского уезда). Жена — Екатерина Петровна Кузмина.	49
57. Иван Васильевич	49
58. Андрей Николаевич (р. 30 ноября 1862), лейтенант; закончил морское училище, участвовал в кругосветных путешествиях	50
59. Василий Николаевич, в 1892 г. помещик Козельского уезда Калужской губернии; врач	50
60. Сергей Николаевич	50
61. Алексей Николаевич, в годы перед революцией 1917 г. жил под Козельском и в г. Козельске, был управляющим в имении князей Вяземских (Нижние или Верхние Прыски); состоял в гражданском браке с Патей Вяземской	50
— Зинаида Николаевна (7 октября 1873—1893), умерла от туберкулеза	50
— Надежда Николаевна	50
— Варвара Николаевна (ум. 1943—1944, в Москве, похоронена на Ваганьковском кладбище), замужем за Иваном Алексеевичем Денибеком, предводителем дворянства в Козельске вплоть до революции 1917 г.	50
— Анна Николаевна (15 марта 1872—1933 в Козельске), замужем за калужским дворянином Николаем Николаевичем Черкасовым, служащим Петербургского банка, после смерти мужа в 1910 г. переехала с детьми в Калугу, а затем в Козельск к сестре Варваре Николаевне	50
— Софья Николаевна	50
62. Владимир Иванович (р. 4 января 1874)	51
63. Александр Иванович (р. 25 октября 1875). Жена — Ирина Владимировна Смагина	51
64. Иван Иванович (р. 21 января 1885)	51
65. Николай Иванович (р. 30 марта 1890)	51

66. Константин Иванович (р. 15 марта 1892)	51
— Ольга Ивановна (р. 21 февраля 1870)	51
— Зинаида Ивановна (р. 27 апреля 1871)	51
— Лидия Ивановна (р. 28 марта 1872)	51
— Марианна Ивановна (р. 12 апреля 1881)	51
— Клавдия Ивановна (р. 19 сентября 1886)	51
— ? Ивановна (р. 1 марта 1883)	51
67. Николай Владимирович	52
— Наталья Владимировна	52
— Елизавета Владимировна (р. 1858)	52
68. Александр Владимирович, в 1867 г. судебный следователь в Мосальском уезде	55
69. Дмитрий Владимирович (22 февраля 1832 — 1 февраля 1866, похоронен в с. Брынь-Тургенево Мещовского уезда), коллежский регистратор. Первая жена — Александра Стефановна; вторая жена — Пелагея Ивановна	55
70. Иван Владимирович	55
71. Николай Владимирович, поручик	55
— Екатерина Владимировна	55

XIII

72. Николай Матвеевич (29 октября 1838 — 26 февраля 1870, похоронен в с. Тарасьево Лихвинского уезда)	56
73. Николай Александрович	63
74. Сергей Александрович	63
75. Владимир Александрович	63
76. Александр Дмитриевич (р. 1851)	69
77. Сергей Дмитриевич (р. 1857)	69
78. Иван Дмитриевич (р. 1862)	69
— Варвара Дмитриевна (р. 1852)	69
— Юлия Дмитриевна (р. 1858)	69
— Ольга Дмитриевна (р. 1861)	69

Приложение

Духовное завещание
Павлина Александровича Ергольского

Все мое движимое имение и недвижимое предоставляю и отдаю родному брату моему подпоручику Д. А. Ергольскому в вечное и потомственное его владение, всех християн, доставшихся мне после по-

койного родителя моего, поручика Александра Семеновича Ергольского, по разделу с братьями моими, капитаном Евграфом и подпоручиком Дмитрием, сестрою Татьяною Ергольскими и гр. Елизаветою Толстою и на указанную часть родительнице моей Ирине Ивановой, утвержденному в Мещовском у. суде прошлого 1817 года июля* доставляю по кончине моей получить оное имение и всем пользоваться беспрепятственно любезному брату моему, подпоручику Д. А. Ергольскому за его попечение обо мне и непоколебимую любовь, которую я беспредельно пользовался и ощущаю с истинною признательностью.

ГАКО. Ф. 66. Оп. 2. Ед. хр. 1536. л. 7.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Долгоруков П. Российская родословная книга. СПб., 1855–1857.

Руммель В., Голубцов В. Родословный сборник русских фамилий. СПб., 1886.

Русский провинциальный некрополь // Река времен. М., 1996. Кн. 4.

Савелов Л. М. Родословные записи. Вып. 3. С. 207–208.

Чернопятов В. И. Родословец Тульского дворянства. М., 1909.

ОРГМТ. Фонд Т. А. Ергольской.

ГАТО (Государственный архив Тульской области). Ф. 39. Оп. 2. Д. 787 (Дело Дворянского депутатского собрания «По внесению в дворянскую родословную книгу Тульской губернии рода Ергольских (1807–1887)»; ф. 225 (В. И. Чернопятов)).

ГАКО (Государственный архив Калужской области). Ф. 66 (Дворянское собрание). Оп. 1. Ед. хр. 1536, 1933, 2010; оп. 2. Ед. хр. 227, 1748, 2244, 2245, 2271, 2503, 2504, 2556, 2664.

* Оставлено место для даты.

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

К 100-летию
со дня рождения С. А. Толстой-Есениной
ПИСЬМА К А. Ф. КОНИ

Публикация Л. М. Шалагиновой

Письма внуки Л. Н. Толстого Софии Андреевны Толстой-Есениной (1900—1957) к известному судебному деятелю, писателю, академику А. Ф. Кони (1844—1927) хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 564. Оп. 1. Д. 1845). Ниже публикуются пять писем 1925—1927 гг., где упоминаются Толстые, московский и яснополянский музеи, работы тех лет.

1

16 марта

1925

Москва

Остоженка. Троицкий, 3, кв. 8.

Глубокоуважаемый и дорогой Анатолий Федорович, простите великодушно, что так долго не отвешала на Ваше милое, милое письмо. Верьте, что не писала не по рассеянности или нежеланию, а только потому, что буквально минуты не было на то, чтобы сосредоточиться. У меня только что окончился очень сумбурный, очень трудный и тяжелый период моей жизни. Я говорю об отъезде моего мужа за границу¹. Он сильно болен и поэтому все бесконечные хлопоты и всякие формальности лежали только на мне и на моей матери². Не знаю, представляете ли Вы себе, что значит теперь ехать за границу. Это невероятно сложно. Муж уехал для того, чтобы или вылечиться, или умереть там. Мы с ним давно уже почти чужие люди, но все-таки с его отъездом кончилась какая-то очень тяжелая, но очень значительная глава моей жизни. Несмотря на свою короткую жизнь, мне уже несколько раз приходилось стоять на резко очерченных порогах, и я боюсь этого. А еще тяжело оттого, что не дает покоя гнетущая жалость к мужу, одинокому, очень больному и очень привязанному ко мне и к своей дочери, кот³ окая осталась со мной. Ну, простите, что втягиваю Вас в свои грустные и скучные дела. Знаете ли Вы, что Тат⁴ на Л⁵ на с дочерью⁶ через две недели едет за границу? Она получила предложение прочесть в Англии ряд лекций о своих родителях. Она едет на три мес⁷ яца. Она и Сергей Л⁸ вов⁹ ич

просят передать Вам свою любовь и уважение. Они часто с любовью Вас вспоминают.

Очень, очень мне грустно, что Вы так неуверенно говорите о своем приезде в Москву. Может быть, Вы остановитесь в М^{оск}ве проездом на юг? Наш дом всегда Вас ждет. Как бы хотелось о многом поговорить с Вами. Последнее время меня преследует вопрос о материализме. В связи с моим ученьем⁴ приходится много этим заниматься. И я себя чувствую глубоко несчастным человеком. Я люблю математику, и в материализме тоже есть математическая красота и стройность, но я не могу принять его чисто органически. Все время ощущаю позади себя ряды поколений, выросших на идеализме, которые вместе со своей кровью передали мне это миросозерцание и из которого окружающее пытается с болью меня выбить. И эту внутреннюю борьбу я все время чувствую.

Не смею дольше отрывать Вас, дорогой Анатолий Федорович. Верьте, что постоянно и душой и мыслями с Вами. Как Вы себя чувствуете? Берегите себя. Будьте здоровы и благополучны. Крепко Вас целую.

Любящая Вас Софья Толстая

2

14-IV-25 г.

Дорогой Анатолий Федорович, шлю Вам свой привет к наступающим дням Пасхи. От всей души желаю Вам встретить его бодрым, здоровым. Получила Ваши чудные, интересные письма и бесконечно благодарю Вас за них. На Пасху еду в Ясную и там в тишине и на свободе буду писать Вам, а сейчас я так занята и так устала, что ничего не понимаю.

Шлю Вам свою неизменную любовь и преданность.

С. Толстая

3

19 июня 1925 г.

Москва

Остоженка. Троицкий пер. Д. 3, кв. 8.

Глубокоуважаемый и дорогой Анатолий Федорович, с большим волнением пишу Вам, п^{отому} ч^{то} очень боюсь, что Вы совсем вычеркнули меня из своих знакомых и отняли свое добре отн^{ош}ение, которым я так дорожила. Мне бесконечно совестно перед Вами за свое долгое молчание. Если можете, простите меня, пожалуйста, а главное верьте, что не писала я Вам не по лени или распущенности, а просто потому, что не могла. Я всегда, всегда думаю о Вас с большой, большой любовью и уважением и всегда мечтаю о встрече с

Вами. Боюсь, что Вам все это не нужно и неинтересно знать, но мне тяжело сознанье, что Вы меня считаете неблагодарной и нечуткой к Вашей доброте ко мне. Еще раз простите меня. Как Ваше здоровье? Как вообще Вам живется сейчас? Мне так хочется все, все знать о Вас. Думаете ли Вы куда-нибудь поехать летом? А как с Москвой Вы решаете? Неужели Вы еще не скоро приедете? ездили Вы в Харьков? Я не читаю газет и совсем не знаю, что делается на белом свете. Не писала я Вам, п^{<отому>} ч^{<то>} я не могу себе позволить набросать Вам несколько строк между делом и в тяжелом настроении, а сесть за письмо по-настоящему и собраться с мыслями я была не в состоянии. А вот сейчас я внешне свободна, есть время, а на душе сумбурно и потому боюсь, что письмо мое будет очень нелепым. Последние месяцы я кипела как в котле и сейчас чувствую громадную усталость.

Я поступила на службу в Толстовский музей. Пишу там на машинке, работы пропасть, платят гроши, но атмосфера приятная, люди милые и бывает интересная работа. Сейчас, например, я переписывала телеграммы и доношения всяких духовных лиц в Астаповские дни. Синод распорядился о том, чтобы постарались добиться покаяния Толстого, и вот засуетились все местные духовные и ничего не могли сделать, несмотря на все свои старанья.

Кроме службы, я страшно много училась все это время. Мой институт закрыли, и мне пришлось ускоренно кончать. Сидела с книгами целые ночи напролет. Думала, что голова треснет, но в общем увлекалась очень. Два предмета готовила только с отвращением — исторический материализм и политическую экономию. Удивительно они мне не даются. На днях кончила все занятия и получила диплом. Теперь отдыхаю, но грущу об Институте. Очень я его любила и очень хорошо у нас изучалась литература и вообще словесность.

Татьяна Л^{<ьевов>}на с дочерью все еще за границей. Были в нескольких городах и странах. Тетя Таня читает лекции с большим успехом повсюду. Сейчас они в Париже, и им предлагают еще ехать в Мадрид и в Америку. Они еще ничего не решили, но, м^{<ожет>} б^{<ыть>}, согласятся. Я очень за них радуюсь, но скучаю без них. Но приятно слышать, что к Толстому такой громадный интерес и любовь. Я читала в заграничных газетах рецензии о тети Таниных лекциях и приятен был их хороший тон. Обе они имеют пропасть приглашений повсюду и замучены корреспондентами и фотографами. И обе очень скучают по России и мечтают о возвращении.

В толстовских кругах в Москве сейчас идут большие волнения по поводу столетия со дня рождения Льва Ник^{<олаеви>}ча, которое будет через три года. Предполагаются к этому времени очень большие и интересные работы в области реставрационной, музейной и издательской.

На Пасхе я была в Ясной Поляне и провела там чудесных десять дней. Мечтала написать Вам оттуда хорошее письмо, но приехала, потеряла голову и так растерянной и проходила до самого отъезда. Очень уж меня волнует всегда Ясная. Столько встает лучших воспоминаний, так в ней остро чувствуется ее прошлое. Из каждого уголка тянутся бесконечно грустные и радостные флюиды прошлого.

Сейчас там управляет Александра Львовна и работа там кипит. Очень там хороша школа — Опытно-показательная.

2 июля. Простите, дорогой Анатолий Федорович, что прервала письмо. Сейчас хочу его дописать и на всякий случай послать, хотя очень м~~ожет~~ б~~ыть~~, что в ближайшие дни я приеду в Петербург. За это время у меня произошли большие перемены — я выхожу замуж. Сейчас ведется дело моего развода, и к середине месяца я выхожу замуж за другого. До этого я с женихом хочу побывать в ваших краях. И очень мечтаю, что Вы позволите мне хоть полчасика Вас по-видать. Мой жених поэт Сергей Есенин. Я очень счастлива и очень люблю⁵. Если Вы захотите обо мне знать — расскажу Вам все при свидании, а писать не стоит, очень трудно. — Дай Вам Бог всего, всего лучшего. Шлю Вам свою глубокую любовь иуваженье.

С. Толстая

4

24-VII-26

Крым

Феодосия

Коктебель

Дача Волошина

Милый, дорогой Анатолий Федорович, мне очень совестно, что Вы первый написали мне и что я до сих пор сама не писала Вам. Оправданье может мне служить только то, что постоянно о Вас вспоминала и как раз последние дни перед получением Вашего письма буквально каждый час собиралась писать Вам. У Вас дата 1/VII, а я получила только вчера, т~~ак~~ к~~ак~~ задержали пересылку мне из Москвы.

Я уже полтора месяца живу в Крыму. Но в сентябре наверное вернусь в Москву и буду так рада, если Вы, по дороге в Киев, остановитесь в Москве. Моя квартира всегда, всегда к Вашим услугам, только если Вам не слишком будет тяжело подниматься на четвертый этаж. И, пожалуйста, всегда помните, дорогой Анатолий Федорович, что я рада помочь Вам всем, чем только смогу. Рады ли Вы предложению ехать читать лекции на юге? Не будет ли это для вас слишком утомительным? А на какие темы Вы будете читать?

Надеюсь, что сейчас на даче вы отдыхаете по-настоящему и не ездите в город. Пожалуйста, напишите мне, как Ваше здоровье и хорошо ли Вы устроились на лето. Мне очень, очень дорого все знать о Вас и так мне хочется, чтобы Вам было хорошо.

Вы спрашиваете о Татьяне Львовне. Недавно я имела от нее письмо, где она пишет, что совершенно не знает, когда вернется в Россию — может быть останется до весны. Она сообщила мне о смерти моего первого мужа, ее пасынка Сергея Сухотина. Он был безнадежно болен и умер в санатории, где жил все это время. Я давно знала, что надо ждать такого конца, и давно внутренне порвала с ним. Но тут как-то неожиданно больно взволновало, что ушел человек, который когда-то так много для меня значил и так много — невольно — сделал мне зла, при очень большой любви.

О Сергее Львове сейчас ничего не знаю. Весною он выпустил книгу о нашем предке американце-Толстом, по ряду исторических документов, которых Сергея Львович собрал⁶. Приходилось ли Вам слышать о таком нашем родственнике? Он был и интересный, и ужасный человек.

Вы спрашиваете обо мне. Я поехала в Крым по настоянию моей матери и по усиленному приглашению моих друзей Волошиных. В Москве измучилась и издергалась до последней крайности. Здесь рада избавлению от города, шума, дряг. Но что такое отдых я, кажется, больше не знаю. Не могу уйти от себя, нигде и никогда. И здесь, среди чудесной, всегда мною любимой природы, это еще тяжелее. Очень страшно ощущать себя совершенно бесчувственной. Вся окружающая меня красота — как картонные декорации. И в первый раз в жизни я смотрю, но... не вижу. Только глазами. Какое-то огромное внутреннее онемение.

Здесь много людей, очень, очень милых. Ко мне относятся как нельзя лучше. Но меня это только утомляет и раздражает. А когда я остаюсь одна, я боюсь сойти с ума от своих мыслей.

Бот Вам, Анатолий Федорович, моя маленькая исповедь. Простите, если ненужно обременяю Вас ею. Но вы спросили меня, и я не могла не ответить Вам совершенно откровенно. Но Вы мною не огорчайтесь. Я еще очень сильная и владею собой. А с осени я надеюсь с головой уйти в работу, связанную с памятью моего мужа. К декабрю, к годовщине его смерти, мы хотим выпустить сборник воспоминаний и статей о нем. Я сейчас, путем переписки, стараюсь собрать материалы. И за этим же приеду осенью в Ленинград. Но ни за что не хочу разминуться с Вами. Поэтому, если Вам не трудно будет, известите меня, пожалуйста, заранее, когда Вы будете проезжать Москву. До сентября я пробуду здесь. Адрес — в начале письма.

Мой хозяин Максимилиан Ал^{ексан}др^{ович} Волошин бывал у Вас. Он просит передать Вам свой горячий сердечный привет и уважение. Он всегда хранит о Вас самое большое любовное воспоминание и бесконечно почитает Вас. Недавно он с восхищением вспоминал и рассказывал своим друзьям Ваш замечательный рассказ о «ВоскРЕсении». Я тоже ужасно люблю этот Ваш рассказ⁷.

Спасибо, дорогой Анатолий Федорович, за Вашу доброту и внимание ко мне, за то, что не забываете меня и также за дорогие мне встречи с Вами и за чудный подарок — Вашу книгу.

Очень уважающая и любящая Вас С. Есенина

5

Москва
6 мая 1927 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Анатолий Федорович, от души благодарю Вас за Ваш добрый ответ, кот^{орый} тем не менее очень меня огорчил, так как я узнала из него о продолжающейся у Вас болезни. От Волошиных, бывших здесь проездом один день, я слышала, что Вы перенесли воспаление легких, и пришла в ужас от Вашей неосторожности. Где и когда Вы смогли схватить эту тяжелую болезнь? Буду изо всех сил надеяться, что Ваше выздоровление идет успешно. Вы не пишете, тяжелая ли форма у Вас?

Я так долго ничего не писала Вам о себе, во-первых, потому, что не знала, что Вас как-то тревожит моя судьба, а во-вторых, потому, что живу я ужасно скучно и грустно, и не знаю, что из моей жизни можно рассказать. У меня отчаянный упадок, и от этого я всю зиму болела всяческими глупыми болезнями вроде гриппа и от общей пассивности, по-видимому, и им не могу сопротивляться. Мучительных, гадких и унизительных судов у меня было столько, что я стала к ним привыкать⁸. До сего дня это не кончено, и я нахожусь в постоянном ожидании повесток в суд.

Печать и руководящая общественность подняла дикую травлю на имя и творчество моего мужа и сверх моральной тяготы, что отражается практически, т^{ак} к^{ак} мешает мне развивать и расширять главную мою работу в Есенинском музее. Эта работа кропотливая, трудная, но единственная моя радость. Отвечая на Ваш вопрос — я пишу воспоминания о моем муже, но не знаю, когда решусь их печатать. Пока что носит характер сенсации. Мне не хочется выступать, да и вообще мне очень трудно отдать в толпу то, что я имею. Кроме того, это очень сложно и ответственно, т^{ак} к^{ак} клеветы много, она очень глубока и задевает ряд вопросов, о кот^{орых} не вполне удобно

говорить. Главное же, что люди, у которых душа раскрыта ему, его творчеству, не поверят клевете. Остальных все равно не убедить.

В Толстовской семье все благополучно. Татьяна Льв^{овна} все еще за границей и вернется сюда на будущее лето, 28 года, к столетнему юбилею моего деда.

Сергей Льв^{ович} недавно женил своего единственного сына⁹ на родственнице, правнучке Марии Ник^{олаевны} Толстой-Абрикосовой.

Александра Льв^{овна} очень много работает по охране Ясной Поляны и по изданию совершенно полного собрания сочинений Л^{ьва} Н^{иколаевича}, кот^{орое} выпускает она и Чертков в Государств^{енном} издательстве. Это должно было быть юбилейным изданием, но, благодаря волоките, теперь все 90 томов не успеют выйти к авг^{усту} 1928 года.

Где Вы думаете провести лето, дорогой Анатолий Федорович? Вам непременно надо было бы поехать подышать чистым воздухом.

Я очень жалею, что не смогла приехать эту весну в СПб., п^{оэтому} ч^{то} всегда хочу повидаться с Вами.

От всего сердца желаю Вам здоровья и благополучия.

Всегда любящая Вас и преданная С. Есенина

¹ С 1921 г. С. А. Толстая была замужем за Сергеем Михайловичем Сухотиным (1887–1926), пасынком Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой.

² Ольга Константиновна Толстая (урожд. Дитерихс; 1872–1951).

³ Татьяна Михайловна Сухотина-Альбертини (1905–1996).

⁴ В Государственном институте слова.

⁵ С. А. Толстая и С. А. Есенин поженились в сентябре 1925 г. Поездка в Ленинград не состоялась. В конце июля они уехали на Кавказ. 28 декабря 1925 г. Есенина не стало.

⁶ Толстой С. А. Федор Толстой-Американец. М. 1926.

⁷ Сообщенная Толстому история, послужившая истоком романа «Воскресение», была опубликована А. Ф. Кони еще в 1908 г. в «Ежемесячных литературных и популярно-научных приложениях к „Ниве“»; статья вошла в книгу Кони «На жизненном пути». М., 1916. Т. 2.

⁸ Речь идет о наследственных правах после смерти Есенина.

⁹ Сергей Сергеевич Толстой (1897–1974).

«НЕ ЗАБЫВАЙТЕ МЕНЯ, И Я ВАС НЕ ЗАБУДУ...»

Письма Т. М. Сухотиной-Альбертини к яснополянским школьникам

Публикация Г. Н. Пироговой

Дружеская переписка учеников Яснополянской школы им. Л. Н. Толстого, ныне гимназии им. Л. Н. Толстого, началась с 1976 и продолжилась до мая 1996 г. Она возникла из искреннего желания детей познакомиться, а затем общаться с дорогим и близким Толстому человеком, его внучкой, которую он нежно любил и с которой запечатлен на многих фотографиях. Эти фотографии ученики видели в альбомах и книгах, на выставках в Музее-усадьбе «Ясная Поляна», и они привлекли внимание детей. Они уже знали, что Т. М. Альбертини любила Ясную Поляну, знали о визитах ее в СССР, о посещении дорогих мест, где родилась и выросла.

В первом своем письме к Т. М. Сухотиной-Альбертини в Италию дети сердечно пригласили ее во время очередного визита в Россию и Ясную Поляну посетить и школу им. Л. Н. Толстого, которую построила для детей Ясной Поляны ее тетенька Александра Львовна в память своего великого отца к 100-летию со дня его рождения.

Татьяна Михайловна отозвалась к большой радости детей, была тронута искренним интересом к ней и обещала быть их гостьей в следующий приезд, а пока она прислала литературным краеведам, которые вели с ней переписку, свою фотографию и снимки Ясной Поляны, сделанные ее сыном Луиджи, прекрасно выполненные. Это было большой радостью для учащихся. Позднее она по их просьбе прислала свой реферат «Толстой и детство», с которым успешно выступила в Венеции и Париже на торжественных заседаниях, посвященных 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого, но только Татьяна Михайловна просила своих юных друзей найти нужные цитаты из высказываний Л. Толстого о детях, продолжить и проверить уже написанное ею, так как она не имела нужных для нее источников под рукой. Старшеклассники посвятили этой работе под руководством учителя много времени, отнеслись к ней со всей серьезностью. Это было трудно, но интересно, а главное, очень полезно для них.

Тема детства была очень близка Татьяне Михайловне, как и сами дети, которых она любила, подобно ее великому дедушке. Она и писала яснополянским детям именно поэтому, приняв сердечное участие в их работе.

25 июня 1979 года запомнился надолго яснополянским детям: школу посетила Т. М. Альбертини, выполнив свое обещание. И хоть начались школьные каникулы, литературные краеведы и другие ученики еще до прихода долгожданной

гости из Италии собирались в школе с цветами, радуясь и волнуясь. Татьяна Михайловна пришла в сопровождении старейших сотрудников музея Н. П. Пузина и В. А. Лебедевой. С ней вместе были ее дочь Марта, Илья Владимирович Толстой. Цветами и улыбками встретили гостей дети, провели по красивой лестнице наверх, в помещение, отведенное для будущего литературно-краеведческого музея им. Л. Н. Толстого. В нем уже были созданы основные экспозиции. С большим интересом и вниманием дорогая гостья слушала рассказ о том, что здесь представлено, осмотрела экспозиции, задала много вопросов и одобрила работу литературных краеведов. Они по праву назвали Татьяну Михайловну крестной матерью своего литературного музея и гордятся этим. Сердечно проща-ясь с учениками и взрослыми, Татьяна Михайловна оставила свой отзыв о посе-щении школы.

Эта встреча укрепила дружбу, и теперь переписка с Татьяной Михайловной приобрела более доверительный характер. Она поверила в искренность детей, в серьезность их занятий в музее, помогала им своим добрым словом, интересны-ми воспоминаниями, присыпала книги, фотографии. А дети полюбили ее и были ей бесконечно благодарны.

Помимо большой человеческой радости от общения с этой замечательной женщиной, внучкой самого Л. Н. Толстого, что само по себе немало в жизни че-ловека, ее письма были для них источником ценной информации о жизни семьи Толстых, о ней самой, об Александре Львовне Толстой, имя которой замалчива-лось в нашей стране, будто и не было у Льва Николаевича такой дочери. Музей как раз в эти годы вел трудные поиски материалов о ней, и слово Татьяны Ми-хайловны было для него очень важно.

Школьникам доставляли искреннюю радость и заочные встречи с Татьяной Михайловной. Дело в том, что бывший выпускник нашей школы 1956 года, искренний друг ее и литературного музея, который был в курсе его дел, Сергей Николаевич Зиновьев, теперь москвич, по служебным делам в 1990-е гг. бывал в Италии и сумел навестить Татьяну Михайловну в Риме, конечно, с ее согла-сия, в 1994, 1995 и 1996 гг., совсем незадолго до ее кончины. Он подробно рас-сказывал Татьяне Михайловне о школе, о литературном музее и передавал пись-ма учеников, незатейливые их сувениры, посыпаемые с искренней любовью, что очень трогало Татьяну Михайловну, и привозил в школьный музей достоверную информацию о ее жизни, здоровье, передавал ее «сладкие» подарки детям. И то и другое очень радовало их. О своих визитах к Татьяне Михайловне С. Н. Зи-новьев рассказал в очерке «Воспоминания о трех встречах с Татьяной Михай-ловной Альбертини».

Смерть Татьяны Михайловны Альбертини была для всех школьников Ясной Поляны, особенно для литературных краеведов, большим горем, невосполнимой утратой. Как память о ней они оформили небольшую постоянную экспозицию в музее и теперь рассказывают о своем искреннем друге из Рима, и это вызывает у посетителей живой непосредственный интерес к замечательной русской жен-щине, которой в Италии «снилась по ночам Ясная Поляна...»

Письма Татьяны Михайловны остались с нами как наше бесценное достоя-ние. Их читают все новые и новые поколения учащихся, и они волнуют их до глубины души.

25 января, 1976

Дорогая Галина Николаевна и все друзья кружка школы имени Л. Н. Толстого, примите мои самые сердечные поздравления на Новый год. Очень была рада получить от вас весточку, и я тоже очень надеюсь вас всех увидеть в этот юбилейный год в Ясной Поляне. Мне было жалко, что мне не удалось это в прошлом году, да и Галину Николаевну я видела всего несколько минут!

Как вы меня просите — посылаю вам мою фотографию, которую снял мой сын Луиджи. Все говорят, что она похожая, а мне самой судить трудно.

Вы меня спрашиваете, читают ли и знают в Италии Толстого. К сожалению, очень мало. Знают более или менее «Войну и мир» и «Анну Каренину», но и то часто из-за кино, а не потому, что прочли. В Италии вообще читают гораздо меньше, чем в Союзе. Здесь много журналов, и их читают больше, чем книги. Мне бы очень хотелось, чтобы в Риме устроили выставку Толстовскую, и мы об этом хлопочем вместе с Советским посольством, но дело идет медленно, и не знаю, удастся ли это.

Насчет тети Саши могу сказать вам, что мне пишут, что она очень слабенькая, тихая и кроткая, и в ней жизнь горит, как маленький огонек. Мой сын Луиджи был у нее месяц тому назад и мне рассказывал, что с ней очень хорошо беседовал, но она скоро устает. Много лежит в кровати, а потом сидит в кресле.

Если будет оказия — постараюсь прислать вам какую-нибудь книжку Толстого на итальянском языке, но давно не издавали его тут.

Шлю вам всем мой сердечный привет с надеждой, что мы наконец с вами увидимся.

Татьяна Альбертини

Только что узнала, что выставка в Италии, вероятно, будет. Я этому очень рада!

1.04.76 г.

Дорогие друзья Литературного кружка Ясной Поляны,

Получила ваше письмо от 25 февраля, и оно мне было очень приятно, и так мне жалко, что во время моего такого короткого пребывания в Ясной Поляне — не встретилась с вами. Буду мечтать и надеяться опять вернуться когда-нибудь туда и тогда встретиться со всеми вами и обо многом побеседовать. У меня так в сердце осталось воспоминание о моем приезде и так мне было хорошо и тепло на душе.

Татьяна Михайловна Альбертини,
Галина Николаевна Пирогова, Валентина Александровна Лебедева
направляются к дверям школы. 25 июня 1979 г.
Фотография Ю. Я. Зыбина

К сожалению, не могу вам ничего сказать о Россинском. Моя мать любила его Альбом, но я не знаю, виделся ли он с Толстым и если да, то где и когда? У меня нет никаких материалов, через которые я могла бы это узнать. Весь дневник моей матери теперь находится в музее Толстого в Москве. Я его туда переслала, так как думаю, что все надо сосредоточить там, все, что касается жизни и окружения Льва Николаевича. Но мне не помнится, что моя мать в нем упоминала Россинского.

Вы меня спрашиваете о жизни моей матери и о моей жизни? Это нелегко так ответить, так как не знаю, что именно может вас интересовать? Если хотите, напишите мне, что именно вас особенно интересует, и я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы.

А пока шлю вам всем мой самый сердечный привет.

Татьяна Альбертини

20 августа, 1976

Дорогие друзья школы Толстого, с большим запозданием отвечаю на ваше очень милое письмо, за которое вас благодарю, что во время моего такого краткого посещения Ясной Поляны не успела к вам прийти со всеми вами познакомиться. Но было так мало времени, и те часы, которые мы провели с моим сыном в Ясной Поляне, пролетели, как один миг! Очень надеюсь, что мне удастся приехать опять весной и пробыть в Ясной Поляне столько времени, чтобы побывать у вас в школе. На меня Ясная Поляна произвела огромное впечатление, и я благодарна всем тем, которые ее так бережно сохранили во время войны. Я там провела только несколько часов, и была так взволнована, что полила все клумбы моими слезами! Никогда не забуду, когда я пришла в комнату моей бабушки — Николай Павлович Пузин мне открыл ее шифоньерку, и так я узнала весь ее типичный запах — и пудры и духов, и вся моя бабушка вдруг встала передо мной!

Ее я помню очень хорошо, но, правда, не знаю, помню ли я моего дедушку?

Моя мать мне так много о нем рассказывала, столько я видела его портретов и фотографий, что его облик стоит очень ясно передо мной. Это мои воспоминания или же что я о нем знаю и видела позже? Трудно сказать...

Как мне ответить на ваш вопрос о том, как сложилась моя жизнь? В жизни столько вещей и важных и неважных, что не знаешь, с чего начать.

Живу я в Риме теперь одна с мужем, так как мои дети взрослые и ушли из дома. Мой муж и сын занимаются сельским хозяйством и особенно производят йогурт — это вроде простоквши.

Старшая моя дочь имеет четверых детей, а младшая детей не имеет. Она работает в больнице по специальности лечения тех, которые потеряли речь или из-за удара, или по какой-нибудь другой причине. Сама я работаю в международной конторе, и мы занимаемся случаями по эмиграции, по розыскам людей (многих мы нашли в самых разных странах) и также по усыновлению детей, которые остались без родителей. Все это берет много времени и сил, но я люблю мою работу. Еще мое большое дело — это пересылка в архив музея Толстого в Москве всей корреспонденции моей матери, то есть всех писем, которые она получила во время своего пребывания за границей. Много писем есть очень интересных, и я рада, что они будут храниться в Москве.

Ну, вот, поболтала с вами. Если вы мне еще будете писать — буду очень рада. Расскажите мне про вашу жизнь в школе Ясной Поляны. Какие ваши ученики, и как ведутся ваши занятия.

Желаю вам всем счастья и благополучия и шлю вам мой сердечный привет.

Татьяна Альбертини

4

15 января 1979 г.

Милые мои друзья из Яснополянской школы, спасибо вам всем за поздравление. С моей стороны — желаю вам всем всего, всего лучшего на Новый год — счастья, бодрости, здоровья и успехов в вашей работе и учении...

Да, жалко, что мне не удалось приехать на Толстовский юбилей и провести вместе с вами эти торжественные дни. Но в то же время моя жизнь сложилась довольно сложно, и я не смогла уехать из Италии. Буду мечтать о другой поездке!

Выставка в Италии еще не устроилась. Мне говорили из Советского посольства, что думают, что она будет этой весной. Так сложно устроить привоз из музея из Союза всех ценных материалов и получения в Риме подходящего места, чтобы сделать эту выставку. А то или материалы не готовы, или помещения хорошего нет. Уверили меня, что весной будет и то и другое готово.

Этой весной был международный съезд в Венеции, а потом в Париже. Приезжали люди со всего света, и было разнообразно и интересно. В Париже тоже показывали различные фильмы, сделанные по произведениям Толстого. Очень им понравился «Отец Сергий», играенный Бондарчуком. Я сделала и в Италии и во Франции доклад «Толстой и детство». Много для этого работала над разными воспоминаниями, дневниками и перепиской. Мне кажется, что Л. Н. особенно бережно и нежно относился к ребенку, и мне это хотелось показать.

Ну, шлю вам всем мой самый сердечный и дружественный привет и хочу поцеловать каждую из вас, учениц, и также ваших преподавателей.

Татьяна Альбертини

22 марта 1979 г.

Милые мои друзья Яснополянской школы,

Уже довольно давно получила ваше письмо и прошу меня прощать за запоздание с этим ответом. Но, раз вы меня просили прислать вам план моего доклада — я подумала, что, может быть, вам интересно иметь его полным. А так как доклад я сделала по-французски — мне пришлось его перевести. К счастью, я совсем не забыла говорить по-русски, а вот писать мне нелегко и часто ищу слова и делаю ошибки. Поэтому и прошу прощения за ошибки. Вы их уж сами поправите. Я не хотела неправильно писать текст Толстого в его письмах, дневниках, выражениях. Поэтому я только начинала фразы, а вы их сами по-русски восстановите. Я думаю, вам не будет трудно найти источники, из которых я взяла цитации. Где могла, написала, откуда я их взяла. Посылаю вам также две фотографии моего сына. Одна дом, а другая, которую я очень люблю, — Клины. Надеюсь, что они вам понравятся.

Я собираюсь с моей старшей дочерью Мартой приехать в Союз в июне. Очень мне жалко, что в это время года вас нет в Ясной. Была бы так рада быть у вас на 50-летнем юбилее школы. Это очень важная дата... Но будет мне невозможно опять приехать и осенью, а отложить приезд с июня на осень тоже невозможно. Буду о вас думать...

Хотела бы я знать, построили ли гостиницу в Ясной Поляне? Мне бы хотелось в этот приезд провести две ночи в Ясной, чтобы спокойно погулять. Так я люблю это место.

Целую вас всех крепко и, конечно, Галину Николаевну.

Татьяна Альбертини

25 июня 1979 г.

Мои милые молодые друзья,

наконец я к вам попала и лично смогла с вами увидеться. Очень этому рада. Жалко, что было мало времени, но все же смогла посмотреть и оценить все, что сделано Яснополянской школой для памяти Л. Н. Толстого. Дивно, что вы его и любите и знаете, и мне это радостно.

Будьте здоровы, не забывайте меня, и я вас не забуду.

Татьяна Альбертини-Сухотина-Толстая

В литературно-краеведческом музее Л. Н. Толстого
Яснополянской школы им. Л. Н. Толстого.
Автограф на память. 25 июня 1979 г.
Фотография Ю. Я. Зыбина

7

25 ноября 1979 г.

Дорогие друзья,
время летит быстро, а почта ходит медленно, поэтому хочу вовремя по-
здравить вас с Новым годом и пожелать вам всего самого хорошего,
радостного, светлого. Не писала вам до сих пор, так как очень болею
артрозом рук и не могу писать, только на машинке это мне возможно.
Очень больно, но в жизни люди ко всему могут привыкнуть — даже к
постоянной боли. Я не жалуюсь: за мной любовно ухаживают и дети
и внуки, не оставляют меня одну. Я все же могу продолжать свою ра-
боту по устройству эмигрированных и часто встречаю очень грустные и
интересные случаи. Эта работа мне очень помогает морально — вижу,
что я еще нужна на свете! Мне было очень интересно ваше письмо и
рассказы о вашей деятельности в Ясной Поляне. Как бы мне хотелось
быть с вами. Но теперь я не думаю, что смогу приехать к вам, и буду
всегда вспоминать, как я у вас была и как мне было уютно и интересно.

В мои годы воспоминания дают много, и хотя не надо жить только ими, но они очень обогащают жизнь.

Всем вам мой сердечный, дружеский привет, и особенно Галине Николаевне.

Татьяна Михайловна

8

Рим: 17.01.80 г.

Моим юным друзьям школы имени Л. Н. Толстого и Галине Николаевне мои самые сердечные пожелания на Новый год — счастья, бодрости, здоровья и успехов в школе. Часто очень тепло вспоминаю встречу с вами летом и только жалею, что у нас было мало времени и мы не успели как следует с вами поговорить.

А как прошел юбилей вашей школы? Я все мечтала на него приехать, но Рим и Москва и особенно еще и Ясная Поляна находятся, увы, очень далеко друг от друга.

Шлю каждому из вас особый сердечный привет и целую милую Галину Николаевну.

Татьяна Альбертини

9

25 ноября 1986 г.

Дорогие и милые ученики школы Ясной Поляны, с большим опозданием благодарю вас за ваши пожелания мне и моей семье на Новый год. Я, с моей стороны, желаю и вам всего, всего самого лучшего и светлого на 1986. Главное — спокойствия и мира и в ваших личных жизнях и во всем мире.

Мне всегда радостно получать от вас весточки, и я с таким теплым чувством вспоминаю те часы, которые провела у вас в школе в последний мой приезд в Ясную Поляну. Мой сын обещает переснять для школы свои большие цветные фотографии, и как только он это сделает — пришлю их вам. Но он очень занятый человек, и у него мало свободного времени. Так что простите его, если эти фотографии не так скоро к вам прибудут. Также сделаю и фотографии моей семьи.

Года проходят быстро. Быстро, слишком быстро. Не успеваю сделать всего того, что еще бы хотела. Но я не жалуюсь. Несмотря на мои года, все же веду нормальную занятую жизнь.

Целую вас всех крепко и нежно. Вы ничего не пишете про Галину Николаевну. Здорова ли она?

Любящая вас Татьяна Михайловна

Январь 1989 г.

Дорогие друзья Литературного музея школы Ясной Поляны, и я шлю вам всем мои самые лучшие пожелания на Новый год. Никогда не забуду мои посещения школы и как мне было с вами хорошо и тепло на сердце.

Боюсь, что это останется только светлым воспоминанием, так как я очень болею артритом и ревматизмом и плохо хожу, и руки плохо действуют. Поэтому прошу прощения за ужасный почерк. Но я не ропщу. В мои годы это вполне нормально. В жизни еще есть много хорошего. А главное, любовные отношения между людьми и заботы моих детей и внуков. И то и другое очень важно, и я это ценю и на это радуюсь.

Шлю вам всем мой сердечный привет. Так бы хотелось повидать вас еще раз!

Татьяна Albertini

2 марта 1989 г.

Via di porta pinciana, 36
Roma — тел. 465421.

Дорогие мои молодые друзья школы Ясной Поляны, почта в Италии ходит очень медленно, и я боюсь, что эти мои слова дойдут до вас слишком поздно. Мне это обидно, так как я с радостью приветствую этот слет школ и, конечно, особенно вас, моих милых яснополянцев.

Я уверена, что этот слет будет очень интересен и удачен.

Простите, что мой почерк сделался такой плохой, но у меня болят руки от артоза, и мне трудно писать. Посылаю вам фотографии моих детей и меня.

Я слева, около меня Марта, потом Кристина и Луиджи.

Меня очень трогает ваше такое любовное отношение ко мне и заботы о моем здоровье. Но в мои годы надо иметь недуги, и я не ропщу.

Но часто хотелось бы сделать что-нибудь, что больше не могу. Например, приехать к вам.

Шлю вам всем мой самый сердечный привет.

Татьяна Михайловна

в Я. П. 25.01.91 г.

Дорогая Галина Николаевна,

Ваше письмо меня очень тронуло, и вызвало в памяти такие прекрасные воспоминания моего посещения школы. Так мне было с вами легко и тепло. Грустно, что это невозможно повторить, так как я уже не в состоянии сделать такое путешествие, и школа Ясной Поляны будет жить в моей памяти и в моем сердце.

Жаловаться на мою жизнь я не могу. Года большие, но голова работает — а это главное. Стало труднее ходить, и руки не слушаются. Дети и внуки со мной очень заботливы и ласковы. Внуков у меня 8. Старшему (сыну Луиджи) 32 года, а младшей (дочери Кристины) 9 лет. Это моя большая радость и нежность.

Передавайте мой привет всем тем, кто меня помнит. Вас, Галина Николаевна, целую крепко.

Татьяна Михайловна

20.10.1991 г.

Дорогая Галина Николаевна, спасибо вам за длинное, интересное письмо. Читая его, я так почувствовала атмосферу Ясной Поляны, ее дух и почти что запах. Мне было очень больно и жалко, что я не смогла приехать со всеми моими родственниками, но я побоялась, что это не выдержу. Приходится очень быть скромной со своими силами и часто отказываться от того, что так бы хотелось сделать. Но все это вполне нормально в мои годы, и у меня еще осталось много работы и интересов — а это главное.

Мне немного трудно ответить вам насчет моей тети Саши. Девочкой, когда мы обе были в Ясной Поляне, я ее очень любила. Мы вместе с ней пели песни, ходили купаться, ходили по грибы. Потом, в 1925 году, мы уехали за границу, а она осталась. Она переписывалась с моей матерью. Всю переписку я передала в архив Толстовского музея в Москву. Тут они были близки с моей матерью. Потом, как вы знаете, тетя Саша уехала в Японию, а потом в Америку, где она создала Толстовский фонд. Тут они совсем разошлись друг с другом. Моя мать считала, что не позволительно делать во имя Толстого политическую и православную деятельность, и писала об этом тете Саше, на что она, конечно, не согласилась. После смерти моей матери в 1950 году тетя Саша захотела, чтобы шесть ее племянников съехались в Париж и написали бы ей, что они думают о деятельности Толстовского фонда. Это были Татьяна, Александр и Сергей Михайло-

Т. М. Альбертини
прощается со школой и ее учениками.
25 июня 1979 г. Фотография Ю. Я. Зыбина

вичи (все живущие в Париже), Никита Львович (из Швеции), Илья Андреевич (из Соединенных Штатов) и я из Рима. Мы много обсуждали этот вопрос, и каждый из нас написал нашей тетке свое мнение. Мы были все почти согласны, что она делает дело, которое совсем не было бы по душе ее отцу, так как все было политично. Все, против чего он боролся всю жизнь. Думаю, что ее эти письма разочаровали. Мне она ответила, что я не могу судить, что «яйца курицу не учат». Она бывала два раза в Риме, но уже после смерти моей матери. И это было к счастью. Мнение ее племянников ей было не так важно, как мнение ее старшей сестры, которую она всегда любила и уважала. Да и моя мать страдала бы, если бы она видела, какое она ей приносит горе. Действительно, моя мать всегда встречалась с ней и никогда не настаивала на том, чтобы тетя Саша приехала в Рим. Меня, когда я ее видела, она очень трогала. Она так верила в то, что она продолжает путь своего отца, так была скромна в своей личной жизни. Я у нее бывала два раза в Америке. Но она была плохо окружена, и это ей сделало много зла.

Вот, дорогая Галина Николаевна, все, что могу вам рассказать. Но это немного и нелегко. Тут тесно связаны чувства любви и уважения и полное неодобрение ее деятельности. Я надеюсь, что вы это так и поймете.

Радуюсь, что вы с такой любовью и интересом продолжаете работать в литературном школьном музее. Это так важно. Подумайте, сколько детей получили от вас любовь и знание Льва Николаевича. Многие из них, наверное, уже взрослые!

Конечно, так как моя рука стала так болеть, что отказывается продолжать писать. Привет ученикам. Я всегда с таким теплым чувством вспоминаю мои встречи с ними.

Обнимаю вас, дорогая Галина Николаевна. Жалко, что вам не удалось познакомиться с Луиджи. Но надеюсь, он еще приедет в Ясную Поляну.

Ваша Татьяна Михайловна

14

9.III.1994 г.

Милая, дорогая Галина Николаевна!

Вы мне прислали поздравление на Рождество, а я вам посылаю на Пасху. Виной этого опаздывания, как всегда, мои руки. Я сейчас пользуюсь моей приятельницей, которая пишет под диктовку. Портрет А. Л., по-моему, очень удачен, и, конечно, надо было отметить, что это она, которая создала школу. И вы это очень хорошо сделали.

Не думайте, что я вас забыла, если не пишу. Скажите это тоже Николаю Павловичу и моей подружке Леночке. Надеюсь, что она здорова и благополучна. Кроме рук, у меня тоже болят ноги, но я все-таки могу ходить, опираясь на кого-нибудь. Часто, когда я дома и, увы, бездельна, я думаю, вспоминаю мои поездки в Ясную Поляну и, конечно, школу, вас, ваших учеников. Как было бы чудно, если бы я могла опять побывать с вами. Но знаю, что это безумная мечта, но иногда и мечтами можно жить.

Ничего не знаю о том, что происходит в Ясной Поляне. Остается ли старый директор или назначили другого? Знаю, что московские Толстые глубоко любят Ясную Поляну и делают все лучшее для нее, в чем, как могу, им помогаю.

Семья моя благополучна и увеличивается. Я стала прабабушкой пяти внуков.

Дорогая Галина Николаевна, обнимаю вас и надеюсь, что вы здоровы и у вас все хорошо. Простите, если редко пишу, но мне всегда очень приятно иметь от вас весточку.

Татьяна Михайловна

Татьяна Михайловна Альбертини
со своей подругой детства Еленой Андриановной Жуковой
в Ясной Поляне в июне 1979 г.

15

05.12.1994 г.

Дорогая Галина Николаевна!

Спасибо вам и ученикам школы за ваши письма, которые, как всегда, меня очень тронули. Вы с такой любовью занимаетесь Толстым и всем тем, что к нему относится. Спасибо вам. Спасибо также за фотографии. Так надеюсь, что Володя справится с трудной, сложной и важной задачей в Ясной Поляне. Не понимаю, как мог Мурыгин

ссыльаться на меня. Он сначала мне писал странные письма, намекая на возможность быть потомком Льва Николаевича. На них я иногда отвечала, иногда нет. А последнее его письмо было с определенным мнением и очень странной историей о том, каким образом он был его потомком. Мне, как и вам, очень не понравился его тон. И я просто разорвала это письмо и не ответила. Это произошло более года назад. С тех пор ничего о нем не слышала. Мне определенно кажется, что он самозванец и хочет получить от семьи Толстых материальную поддержку. Он всем нам по очереди пишет такие письма. Я думаю, что лучше просто на них не отвечать.

Радуюсь, что вам удалось сделать выставку, и знаю, как вам дорога школа. Передайте мой привет моей подружке Леночке и пожелайте ей от меня насколько возможно в наши годы быть здоровой.

Сердечный привет всем ученикам, я так радуюсь, что в них есть такой интерес к Толстому. Я знаю, что именно вы способствуете этому.

За меня пишет моя приятельница, так как не могу держать ручку.

Целую крепко,

Татьяна Михайловна.

P. S. Когда увидите Николая Павловича, скажите ему, как я его люблю и как о нем думаю.

16

Май 1995 г.

Дорогая Олеся!

Спасибо тебе и твоим друзьям из 5-го класса. Мне было очень радостно получить ваш привет, но мне очень трудно сказать, как учатся мои внуки. Они выросли и уже не учатся, а правнуки слишком малые, но две старшие девочки пяти лет ходят в детский сад и очень любят сказки, которые им рассказывают их родители и бабушки. Очень ты хорошо мне описала весну в Ясной Поляне, и так мне захотелось там побывать! Прошу тебя передать мою благодарность тем ученикам школы, которые мне сделали панно, которое очень красивое.

Целую вас всех, мои молодые друзья, и желаю вам счастья и удачи в жизни.

Татьяна Михайловна

1995 г.
Via di Porta
Pinciana-36 Roma
Т. 488-54-21

Дорогая Галина Николаевна!

Очень была рада видеть Сережу, с которым мы долго и по душам говорили. Он мне привез такую кучу подарков, за которые очень вас благодарю. Все они мне и приятны, и интересны. Но должна вам признаться, что более всего меня тронул мед. Когда мажу его на кусок хлеба, то мне прямо не верится, что он сделан яснополянскими пчелами. Желаю вам много успехов в вашей работе по музею и по созданию экспозиции, посвященной 50-летию Победы. Как русские люди удивительно и героически победили немцев и выиграли эту ужасную войну! Когда я это вспоминаю, то горжусь, что я русская.

Жалко, что Леночка плохо себя чувствует, но в наши года это не может быть иначе. Главное — не падать духом. Пожалуйста, передайте ей мой самый теплый привет. А вы, милая Галина Николаевна, правда, молодец, что у вас столько планов и желаний работать, несмотря на трудности, которые вы встречаете.

Знаю, что Володя очень занят и что ему очень нелегка работа в Ясной, но знаю, что ему большая поддержка Николай Павлович и все старые сотрудники. И ему очень важно их отношение. Спасибо вам еще, и от всего сердца обнимаю вас.

Татьяна Михайловна

С. Н. Энновьев

ВОСПОМИНАНИЯ О ТРЕХ ВСТРЕЧАХ С ТАТЬЯНОЙ МИХАЙЛОВНОЙ АЛЬБЕРТИНИ

Весной 1994 г. мне предстояла командировка в Италию в г. Падую, это в 20 км от Венеции. Незадолго до поездки я побывал в Ясной Поляне, и моя учительница Галина Николаевна Пирогова попросила меня навестить в Риме Татьяну Михайловну Альбертини, внучку Л. Н. Толстого, дочь Татьяны Львовны Толстой (Сухотиной).

Я позвонил Татьяне Михайловне из Падуи, и мы договорились, что 15 мая, в субботу, я приеду в Рим (400 км). В 17 часов я был перед домом на улице Порто Пинчиана (Ворота Пинчиана), 38. Большой 5-этажный дом расположен в старой части Рима, внутри стаинной (IV в.) крепостной стены. Окна выходят на крепостную стену, за которой большой парк.

Рядом с входной дверью таблички с фамилиями жильцов и кнопками домофона. Я нашел табличку и нажал кнопку. Через несколько секунд меня спросили по-итальянски, на что я по-русски сказал, что я из России к Татьяне Михайловне. Мне опять ответили на итальянском языке, и раздался щелчок замка. Я вошел в подъезд и подошел к лифту, но не знал, на какой этаж подниматься. Из всего, что мне сказали по-итальянски, всплыло слово «квадро», и я нажал кнопку четвертого этажа. Лифт остановился, и я вышел на площадку, в дверях квартиры меня встречал Марио С.

Как позже рассказала Татьяна Михайловна, по хозяйству ей помогает итальянская семья (Марио и его жена). Марио не говорит по-русски, и поэтому он жестами пригласил меня войти в квартиру и по внутренней лестнице подняться на пятый этаж. В прихожей стояла Татьяна Михайловна, я узнал ее по фотографиям, которые были сделаны в Ясной Поляне и хранились в литературном музее у Галины Николаевны.

Татьяна Михайловна, по-доброму улыбаясь, сказала, что она получила письмо от Галины Николаевны и ждала моего визита. Опираясь на палку, Татьяна Михайловна вошла в большую гостиную. Справа вдоль стены стояли высокие книжные шкафы с собраниями сочинений Л. Н. Толстого и большим количеством книг на итальян-

ском, французском и других языках. В простенках между окнами и на боковых стенах много фотографий, гравюр, картин. Но центральное место в интерьере занимал столик с торшером, на котором стояла фотография Льва Николаевича с внучкой Таней в белой шубке. Мы вошли в кабинет, где опять вдоль стен стояли книжные шкафы, а в центре большой письменный стол. Татьяна Михайловна села в кресло, рядом с которым был журнальный столик.

Я передал Татьяне Михайловне письмо от Галины Николаевны, альбомы о Ясной Поляне, фотографию ее школьной подруги Лены, сувениры. Пока Татьяна Михайловна рассматривала подарки, я сделал несколько фотоснимков. Марио принес бутылку красного вина, фрукты, печенье. Были произнесены два тоста: мой за здоровье Татьяны Михайловны и Татьяны Михайловны за Ясную Поляну, за здоровье яснополянцев.

Татьяна Михайловна много расспрашивала о Ясной Поляне, живо интересовалась политикой (было ясно, что она читает российские газеты, слушает радио). Так, она спросила: «Неужели в России к власти может прийти Жириновский?» Она охотно рассказывала о своей жизни.

Наша встреча продолжалась более часа. На прощанье Татьяна Михайловна подарила мне галстук, конфеты для учеников Яснополянской школы, пригласила навестить ее во время следующей поездки в Италию и попросила привезти ей гречневой крупы, так как в Италии бывает только мука из гречки, а из нее каши не сваришь.

Я ушел под большим впечатлением от встречи, от доброжелательности Татьяны Михайловны, ясности ее ума, от приобщения к великому Толстому.

Следующая встреча состоялась через год, 22 марта 1995 г. На этот раз у меня была уже командировка в Рим. Опять с собой были письма и сувениры из Ясной Поляны, гречка. Когда я позвонил по телефону, Татьяна Михайловна сразу вспомнила и пригласила приехать на следующий день. Опять Марио проводил меня на пятый этаж в кабинет, где Татьяна Михайловна сидела в кресле. Она встретила меня как давнего знакомого, расспрашивала о Ясной Поляне, о школьном музее. Я передал ей фотографию памятной доски, установленной в честь открытия школы Александрой Львовной и фотографию с портрета Александры Львовны, сделанного в Ясной Поляне.

У меня было поручение от Галины Николаевны попросить для музея какие-нибудь предметы, связанные с жизнью Татьяны Михайловны (ручку, чашку, фотографию, книгу и т. п.). К моему удивлению, Татьяна Михайловна ответила категорическим отказом, сославшись на то, что это плохая примета.

Татьяна Михайловна сказала, что все Толстые одобряют и связывают большие надежды с назначением на должность директора музея «Ясная Поляна» В. Толстого.

Встреча была короче — минут 45—50. На прощанье я получил второй галстук и подарки для учеников школы.

В апреле 1996 г. мне предстояла новая поездка в Италию в Рим. Опять письма и сувениры из Ясной Поляны. За две недели до поездки я позвонил в московский музей Л. Н. Толстого (в прошлый раз я передавал от них посылку Татьяне Михайловне) и сообщил о поездке. Оказалось, что в это время в Москве была дочь Татьяны Михайловны Кристина, и она сказала, что мама очень плоха и визит вряд ли возможен.

В Риме я все-таки решил позвонить Татьяне Михайловне. К телефону подошла жена Марио, и хотя она не знает русского языка, через несколько минут трубку взяла Татьяна Михайловна. Я сказал, что опять в Риме, и спросил, можно ли ее навестить. Сразу же последовал однозначный ответ: «Конечно, Сережа, обязательно приходите».

На этот раз Татьяна Михайловна была на четвертом этаже. Она полулежала в кресле. За год она очень изменилась, сдала. Уже не могла сама встать, на руках темные пятна... но прежняя доброжелательная улыбка, прекрасная память. Было видно, как трудно ей разговаривать, как трудно держать в руках письма, альбомы. С собой у меня была видеокамера, и мне удалось снять короткий фильм. Татьяна Михайловна сказала, что чувствует себя хуже, но продолжает жить и активно интересоваться жизнью. Так как я чувствовал, что разговор для нее связан с большими усилиями, через 15 минут я стал прощаться. Татьяна Михайловна передала традиционные конфеты для учеников школы.

Приходила в голову мысль, что это последняя встреча. К сожалению, предчувствия мои оправдались. Летом 1996 г. Татьяны Михайловны Альбертини не стало.

Возможно, что моя видеосъемка была последней в жизни Татьяны Михайловны.

Ее смерть я воспринял как уход из жизни близкого человека.

А. И. Толстой

ПОСЛЕДНИЙ СЫН ТОЛСТОГО

(Размышляя над опубликованным)

В книге «Дети Толстого»¹ внуком Л. Н. Толстого Сергеем Михайловичем приведены сведения о восьмерых детях писателя, доживших до зрелого возраста. Пятеро остальных детей умерли в младенческом либо в детском возрасте. О последнем сыне Ванечке сделаны только отдельные упоминания.

Ко времени рождения Ванечки старшие дети учились и были заняты своими интересами. Близкая отцу по своему духовному складу дочь Мария не пользовалась материнской привязанностью. Появление в 1884 г. последней дочери, Александры, было для матери нежелательным. Этот период совпал с началом усилившегося осложнения отношений в семье. Истоком осложнений послужил уклад, заложенный при создании семьи. Выйдя восемнадцатилетней девицей замуж за 34-летнего человека, прошедшего через все земные испытания, соблазны и заблуждения, радости и разочарования, войну на Кавказе и оборону Севастополя, увлечения и начало писательского успеха, Софья Андреевна вошла в жизнь хозяйкой дома всецело под влиянием мужа, считаясь с его вкусами, привычками и манерами. В согласии с нормами тогдашней жизни, сам Лев Николаевич находил возможным общаться, подать для пожатия руку только тем, кого считал *comme il faut*. На фотографиях тех лет можно видеть, что по облику костюма он не отличался от представителей процветающих сословий. Жене платья заказывались у самых дорогих портных. Сoverшались подобающие титулу выезды.

С начала 80-х годов, по мере мучительных исканий смысла и места в жизни, обогащенный предшествующим человеческим знанием и собственным опытом, осмыслиением положений евангельского учения, Лев Николаевич изменил свое мировоззрение, в чем его укрепило общение с сектантами, такими как В. К. Сютаев, проповедовавший житие «по-Божьи». Религиозно-философские искания и попытки ухода от им же созданного уклада жизни семьи, называемой теперь в письме к Н. Н. Ге «нелепой жизнью» (63, 160), послужили началом разлада отношений с женой. Преданы забвению выезды во фраке в Тулу на балы со свояченицей Татьяной Андреевной, когда жена, на-

ходясь в «интересном положении», вынуждена была оставаться дома, проплакав весь вечер². К изменившемуся восприятию окружающего мира невозможно было приобщить всю семью. Старший сын Сергей Львович объяснил потом, почему такое приобщение было невозможно: «Очевидно, моя мать, воспитанная им же совершенно иначе, имея уже 8 или 9 человек детей, не могла последовать за ним»³. Так же считала и старшая дочь Татьяна Львовна: «Это было не так легко сделать: у него была жена и девять человек детей, приученных им же к той жизни, в которой жили люди его круга»⁴.

17 июня 1884 г. у супругов произошла размолвка из-за самарских лошадей, которых поморили. Софья Андреевна упрекала мужа за убытки от всех его затей. В дневнике Льва Николаевича появилась запись: «Я ушел и хотел уйти совсем, но ее беременность заставила меня вернуться с половины дороги в Тулу. <...> Начались роды,— то, что есть самого радостного, счастливого в семье, прошло как что-то ненужное и тяжелое. <...> Разрыв с женою, уже нельзя сказать, что больше, но полный» (49, 105). Только представив сложившуюся в доме критическую обстановку враждебности, можно полнее оценить событие, отдалившее назревавшую кульминацию семейного конфликта. В Москве 12 апреля/31 марта 1888 г. родился Иван Львович. Появление последнего ребенка оказалось радостным событием, о чем можно судить по письму Софьи Андреевны сестре Тане 11 апреля: «Левочка взял его на руки и поделовал; чудо еще невиданное доселе — и рад, что мальчик, и относится к нему как-то особенно и заботливо»⁵.

Ванечка рос болезненным ребенком, вызывая тревогу родителей. Льва Николаевича заботило здоровье сына, о чем записывает в дневнике 24 января 1889 г.: «К нему странное чувство „ай“, благоговейного ужаса перед этой душой, зародышем чистейшей души в этом крошечном и больном теле» (50, 27). Ванечка смиленно переносил свои болезни, о чем постоянно упоминает Софья Андреевна в своем дневнике, а Лев Николаевич 28 августа 1889 г. отметил: «Вчера Софья поразила меня. Рассуждая, как она любит Ванечку за его сходство со мной, она сказала: да, я очень тебя любила, только ничего из этого не вышло» (50, 129).

Не придерживаясь строгой хронологии развития Ванечки, важнее проследить становление духовного мира необыкновенного ребенка. Уже в трехлетнем возрасте, присутствуя при остром разговоре родителей об отказе Льва Николаевича от прав на новые произведения, он «испуганно спрашивал: „что, что?“ и успокоился, услышав слова матери: „Мама обидела папу, и мы помирились“»⁶. Как многозначительно сказанное им: «Папа, никогда не обижай мою маму»⁷. В своих

«Записках» Д. П. Маковицкий 26 декабря 1904 г. приводит воскрешенное Софьей Андреевной: «Он не мог перенести, когда люди при нем сердились», и как говорил ей: «Не сердись мама. Разве не легче умереть, чем видеть, когда люди сердятся?»⁸.

Во всех воспоминаниях о Ванечке говорится как об удивительном явлении. Его старший брат Сергей написал о нем: «Очень способный мальчик, не по годам развитой, сердечный и чуткий. Его нежно любили как мать, так и отец, и любовь к нему соединяла их в одном чувстве»⁹. Чувствительность его характера проявилась еще в трехлетнем возрасте. «Кухаркин сын Кузька, ровесник Ванечки, пришел к нему. В. так обрадовался, что стал целовать его руки» (52, 5). Когда Лев Николаевич выговорил Ванечке за то, что он ударил Кузьку, Ванечка обиделся и сказал, что не пустит отца в свою комнату. Отец оскорбился и нарочно прошел в его комнату. По этому поводу Лев Николаевич резюмирует: «Трудно нам, порченным гордецам, прощать обиду, забывать ее, любить врагов, даже таких, как милый 3-летний сын В.» (52, 23). Сообщая о работе над «Катехизисом» в письме Е. И. Попову 22 октября 1894 г., Лев Николаевич представляет, как определить ее назначение: «Проверка одна — доступность младенцам и простым людям — чтобы было понятно Ваничке и дворнику» (67, 253).

Бывавший в Ясной Поляне воронежский помещик Г. А. Русанов вспоминал: «Ваня хрупкий мальчик, с продолговатым бледным лицом и длинными, до плеч, светлыми волнистыми волосами, очень похожий на Льва Николаевича. На этом детском личике поражали глубокие, серьезные серые глаза; взгляд их, особенно когда мальчик задумывался, становился углубленным, проникающим, и тогда сходство со Львом Николаевичем еще более усиливалось. Когда я видел их вместе, то испытывал своеобразное ощущение. Один старый, согнувшись, постепенно уходящий из жизни, другой — ребенок, а выражение глаз одно и то же. Лев Николаевич был убежден, что Ваня после него будет делать „дело Божье“»¹⁰.

В письме сестре Т. А. Кузминской 7 марта 1895 г., после смерти Ванечки, Софья Андреевна описывает его образ: «Бесконечно любил и ласкал всякого, и на всех у него хватало нежности», умел «ко всему относиться горячо, праздновать, дарить; как он любил писать письма, общаться всячески не только с детьми, но и с людьми»¹¹. Он диктовал сестре Тане длинные письма к матери, а Софья Андреевна вспоминала в 1904 г.: «Письма Ванечки к Татьяне Львовне, восторженные, полные любви»¹². Одна из самых верных и самоотверженных последователей мировоззрения Льва Николаевича — Мария Александровна Шмидт — была дружна с Ванечкой, и в одном из писем Татьяне Львовне 8 ноября 1894 г. писала: «Милого Ванечку благодарю за

письмо. Тронута очень. Он ведь сам писал мне. Экий милый, хороший мальчик! Целую»¹³.

В примыкающей к саду хамовнического дома клинике для душевнобольных находился заболевший после смерти своего единственного ребенка. Он нашел утешение в общении с Ванечкой. Написав об этом, Татьяна Львовна продолжает: «Ваня был полон любви и ласки ко всем окружающим. <...> Ваня внушил ему, что еще много любви и очарования в этом мире. <...> В душе больного вновь пробудилось желание жить». Об этом сам больной, выйдя из клиники, поведал в благодарственном письме «той, которая дала жизнь такому прелестному существу»¹⁴. Еще Татьяна Львовна описала «трогательную картину: шестилетнего ребенка, заставляющего седого старика повторять английские слова. «Это мой учитель», — говорил Николай Николаевич» (Ге)¹⁵.

Ванечка был наделен даром художественного воображения, о чем Софья Андреевна, обладавшая, как и Лев Николаевич, умением подмечать характерные особенности отдельных личностей, включая своих детей, записала о трехлетнем сыне в дневнике 16 июля 1891 г.: «Ваня любит заставлять работать воображение и представлять себе, что страшно, что волки идут, что вода в колодце особенная»¹⁶. Спустя почти десять лет после смерти Ванечки Софья Андреевна вспоминала: «Он говорил о том, о чем не читал и не слышал»¹⁷. Не удивительно, что с его слов записан и опубликован рассказ «Спасенный такс»¹⁸.

При определении раздела недвижимости в июле 1892 г. к Ванечке с матерью отходила Ясная Поляна. Когда как-то мать напомнила ему об этом, он запротестовал и заявил: «Нет, мама, не говори, что Ясная Поляна моя — все — всехнее»¹⁹.

С начала 1895 г. Ванечка все время недомогает; 20 февраля заболевает скарлатиной. Увидев заплаканную мать, сказал: «Не плачь, мама, ведь это воля Божия»²⁰. Он сгорел в трое суток. Последними, утвердительно сказанными им словами были: «Да, тоска»²¹. Запись в дневнике Софьи Андреевны, помеченная 23 февраля (обрывающая дневник до июня 1897 г.): «Мой милый Ванечка скончался вечером в 11 часов. Боже мой, а я жива!»²².

Невозможно переоценить судьбоносность кончины Ванечки, оставившей глубокий след в душевном состоянии родителей; постигшее горе их на время сблизило перед прологом дальнейших семейных неурядиц.

26 февраля Лев Николаевич записал в дневнике: «Похоронили Ваничку. Ужасное — нет, не ужасное, а великое духовное событие». 12 марта обсуждает сам с собой: «Смерть В. была для меня, как смерть Николеньки, нет, в гораздо большей степени, проявление

Бога <...> милосердное от Бога, распутывающее ложь жизни, приближающее к нему, событие. <...> Природа пробует давать лучших и, видя, что мир еще не готов для них, берет их назад. <...> Несколько дней после смерти В. <...> я думал, что хорошо поддерживать в себе любовь тем, чтобы во всех людях видеть детей — представлять их такими, какими они были в 7 лет» (53, 10–12). В письме сестре Софья Андреевна привела сказанное Львом Николаевичем: «А я-то мечтал, что Ваничка будет продолжать после меня дело Божье. Что делать? <...> В первый раз в жизни я чувствую безвыходность»²³. Под свежим переживанием в письме Н. Н. Ге-сыну: «Ребенок был особенно милый и последний, и жене очень тяжело <...> и, как всегда, смерть, особенно такого чистого, любящего существа, сближает и дает много духовно хорошего» (68, 41). Но вскоре, 20 апреля, отмечает в дневнике: «Так жалко было видеть утрату того любящего настроения, которое проявилось после смерти Ванички» (53, 21). А 13 октября записывает: «Как говорил Фет, у каждого мужа та жена, которая была нужна для него. Она — я уже вижу так, была та жена, которая была нужна для меня.— Она была идеальная жена в языческом смысле — верности, семейности, самоотверженности, любви семейной, языческой, и в ней лежит возможность христианского друга. Я видел это после смерти Ванички» (53, 61).

Никто из детей семьи в возрасте до 7 лет не оставил такого следа и не запечатлен в памяти знативших их, как Ванечка. Об этом свидетельствуют трогательные, сердечные отзывы о Ванечке в полученных после его смерти многочисленных письмах. Очень образно охарактеризовал его М. А. Стакович: «Невольно запомнился своим отличием от банных детей, своим настойчивым серьезным взглядом, содержательностью своих детских выходок и речей»²⁴. Вспоминая рассказанное Эрнестом Кросби его впечатление о посещении Ясной Поляны, Софья Андреевна, принимавшая его в Москве, приводит его пророческое высказывание о поразившем его ребенке: «Он, когда вырастет, или превзойдет Льва Николаевича своим гением, или умрет рано»²⁵.

Похоронен Ванечка был рядом с ранее умершим братом Алешей на кладбище с. Никольского близ Покровского-Стрешнева. В с. Покровском родилась Софья Андреевна, там летнее время проводила семья Берсов. Место могилы запечатлен на двух этюдах Н. А. Касаткин.

В 1932 г. кладбище оказалось на трассе строительства канала Москва — Волга. По инициативе сотрудников Толстовского музея К. С. Шохор-Троцкого, К. Д. Платоновой и В. А. Жданова тела Алеши и Ванечки были эксгумированы и перезахоронены в Кочаках (Шохор-Троцкого и Жданова в музее одобрительно-шутливо назы-

вали «гробокопателями» за их дотошное разыскивание и собирание материалов, связанных со Львом Николаевичем). Как рассказала тогда же моя тетка К. Д. Платонова, гробы были выкопаны из сухого песчаного грунта и при вскрытии гроба Ванечки поразило, что его голова с локонами была как живая, но буквально на глазах, от соприкосновения с воздухом, кожа лица стала темнеть и волосысыпались; была взята прядь волос для музея.

Когда не стало связующего влияния Ванечки, начался более явственный распад семьи, образование двух лагерей с разными, не-примиримыми взглядами, каждый из которых обретал сочувствующих, зачастую усугублявших раскол семьи. Раскол перешел и к последующему поколению. С детских лет мне довелось слышать обсуждения причин «ухода» Льва Николаевича, спустя даже двадцать лет со дня его смерти. Сложившиеся обстоятельства забросили меня в лагерь Черткова и его сторонников. Моя бабушка Ольга Константиновна Толстая приходилась свояченицей Черткову, и когда в 1904 г. мой дед оставил ее с малыми детьми, она особенно сблизилась с семьей своей сестры Анны Константиновны Чертковой и периодически жила у нее.

В доме № 7 по Лефортовскому переулку Чертков организовал в 1918 г. редакцию издания Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, где объединились в совместном ведении хозяйства толстовцы. В 1920 г. там какое-то время проживали и мои родители.

С 1929 г. приходилось мне гостить в «чертковской коммуне». Однажды бабушка привела меня к Бате — так называли Черткова приближенные; он лежал с рожистым воспалением ноги в затемненной комнате, с зашторенными окнами и включенной лампой на тумбочке. Бабушка уговаривала меня поцеловать Бате руку: «Пожилым уважаемым мужчинам целуют руку». Процедура была мне противна, и я не внял уговорам, а Чертков пробурчал: «Толстовский характер». Долго потом не мог решить: считать ли его замечание комплиментом. Позже нашел другое объяснение: на восьмом десятке лет Чертков не мог забыть, что не всегда ему удавалось влиять на Льва Николаевича. Не внял Лев Николаевич вкрадчивому намеку Черткова в письме 18—20 февраля 1987 г.: «Не знаю, как благодарить Бога за все то благо, какое я получаю от этого единения с женой. При этом я всегда вспоминаю тех, кто лишен возможности такого духовного общения с женами и которые, как казалось бы, гораздо, гораздо более меня заслуживают этого счастья» (86, 33). Не случайно в дневнике для самого себя Лев Николаевич 30 июля 1910 г. запишет: «Чертков вовлек меня в борьбу, и борьба эта очень и тяжела и противна мне» (58, 129).

Прислушиваясь к продолжавшимся разногласиям, я невольно сблизился с родственниками, отстаивавшими имя семьи и в какой-то мере оправдывавшими даже порой нелогичные и доставлявшие тяжелые переживания мужу поступки Софьи Андреевны; к тому же интуитивные догадки о существовании тайного завещания обостряли ее нервное состояние. Дядя Сережа (Сергей Львович) и тетка Анnochка (Анна Ильинична Толстая-Попова) признавали большую помощь, оказанную Чертковым Льву Николаевичу в его работе, религиозно-философских исканиях, издательских делах, но не могли принять бесцеремонное, грубое вмешательство в семейные взаимоотношения. Анnochка была подругой тети Саши (Александры Львовны) — благо, была моложе ее всего на три с половиной года, — но не раз говорила: «Сашка дура, попала под влияние Черткова». Сама Софья Андреевна писала Черткову 17—18 сентября 1910 г., отвечая на его запальчивое длинное письмо: «То, что я пережила в эти почти три месяца, не может сравниться ни с какими страданиями во всей моей жизни. Смерть Ванички я легче пережила, потому что в ней была воля Божия. В отнятии же у меня любви Льва Николаевича и в вмешательстве постороннего человека в нашу супружескую любовную жизнь — я чувствую волю злую» (58, 514). Чертков же и в 1912 г. пытался доказывать, что «уход» Толстого был вызван лишь «мучительно тяжелыми условиями его семейной жизни и окружающей его обстановкой»²⁶. Еще определенное было им написано после смерти Софьи Андреевны. В книге «Уход Толстого» говорилось о «самом тяжелом испытании Л. Н-ча, состоявшем в непосредственных отношениях к нему его жены. Скорбное повествование о тех разрушающих его здоровье душевных мучениях, которым она систематически подвергала его в течение последних месяцев его жизни, будет изложено в свое время и на своем месте»²⁷. Последнее слово всегда остается за теми, кто будет после нас. Но можно ли, считая себя другом, было допустить, чтобы 82-летний старец оторвался от сложившегося для него в доме режима, житейского комфорта и отправился в не-предсказуемую, неизведенную обстановку? Очевидно, предотвратить «уход» мог бы поиск путей правдивого примирения с семьей и всемирное содействие установлению спокойствия внутри семьи. Это оказалось неприемлемым для Черткова.

Наиболее всеобъемлющее понимание родителей было у старших детей (Сережи и Тани), но их занимали собственные проблемы. Позднее они осознали упущенную возможность попытаться не допустить распада семьи и удержать отца от «ухода». О сложности сложившейся обстановки из-за тайного завещания вспоминает Сергей Львович: «Если бы не было формального завещания, вероятно, некоторые из нас захотели бы извлечь из писаний отца материальные вы-

годы. <...> Неужели те из нас, которые хотели бы исполнить волю отца, не воспротивились бы требованиям остальных»²⁸.

При проживании с младенческих лет у своей, упоминавшейся выше, тетки во флигеле хамовнического дома музея-усадьбы, естественно, больше всего привлекала меня в большом доме комната Ванечки с пустой птичей клеткой перед широким окном в сад: под окном куст садового жасмина, за кустами спиреи беседка, за площадкой перед домом величественные стволы серебристых тополей с трепещущими кронами*, дальше, в конце сада горка. Стоя у окна, представлял, как всей этой красотой любовался такой же мальчик. Не мог представить: окажись он рядом со мною, ему должно бы быть уже около сорока лет. В комнате у стены кроватка, покрытая связанным Софьей Андреевной из цветной шерстяной пряжи детским одеялом; под ним мне довелось провести многие ночи. Его связала прабабушка моему отцу, как и многим другим внукам, и Ванечке, но оно оказалось единственным сохранившимся. Стол у окна казался письменным — на нем не только игрушки, но и письменные принадлежности и лежит отпечатанный посмертно рассказ «Спасенный такс».

Трудно представить, как бы сложилась семейная обстановка, будь в октябре 1910 г. 22-летний сын рядом с родителями; вероятно, смог бы примирить их и вразумить окружающих лучше, чем ему удавалось это в шестилетнем возрасте. Такая же мысль приходила еще Илье Львовичу: «Мне часто приходит в голову, что, кто знает, может быть, если бы Ванечка был жив, многое и многое в жизни отца произошло бы иначе. Быть может этот чуткий и отзывчивый ребенок привязал бы его к семье, и у него не появилась бы навязчивая мысль уйти из Ясной Поляны. На эти предположения меня наталкивает письмо отца к моей матери...»²⁹. Далее Илья Львович приводит целиком «прощальное» письмо 8 июля 1897 г., где есть такие строки: «Заставить вас изменить вашу жизнь, ваши привычки, к которым я же приучил вас, я не мог, уйти от вас до сих пор я тоже не мог, думая, что я лишу детей, пока они были малы, хоть того малого влияния, которое я мог иметь на них, и огорчу вас, продолжая жить так, как я жил эти 16 лет, то борясь и раздражая вас, то сам подпадая под те соблазны, к которым я привык...» (84, 288).

Ванечка прожил очень короткую жизнь, но заставляет нас спустя более чем 100 лет после того, как его не стало, вновь и вновь обращаться к памяти о нем с благоговением.

* В 1891 г. запись в дневнике Софии Андреевны: «23 апреля. С утра я отправилась сажать выкопанные вчера в Чепыже и в елочках деревья и желуди, собранные мною Ванечкой и няней» (ДСТ. Т. 1. С. 180).

- ¹ Толстой С. М. Дети Толстого. Тула, 1994.
- ² Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. М., 1986. С. 275.
- ³ Толстой С. А. Очерки былого. Тула, 1975. С. 292.
- ⁴ Сухотина Т. А. Воспоминания. М., 1976. С. 351.
- ⁵ Жданов В. А. Любовь в жизни Толстого. М., 1993. С. 200.
- ⁶ ДСТ. Т. 1. С. 161.
- ⁷ Там же. Т. 2. С. 96.
- ⁸ ЯЭ. Т. 1. С. 119.
- ⁹ Толстой С. А. С. 204.
- ¹⁰ Русанов Г. А., Русанов А. Г. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. Воронеж, 1972. С. 145.
- ¹¹ Цит. по: Жданов В. А. С. 232.
- ¹² ЯЭ. Т. 4. С. 50.
- ¹³ Сухотина Т. А. С. 317.
- ¹⁴ Там же. С. 434.
- ¹⁵ Там же. С. 266.
- ¹⁶ ДСТ. Т. 1. С. 200.
- ¹⁷ ЯЭ. Т. 1. С. 112.
- ¹⁸ Толстой И. А. Спасенный такс // Игрушечка. 1895. № 3.
- ¹⁹ Толстой И. А. Мои воспоминания. М., 1987. С. 221.
- ²⁰ ДСТ. Т. 1. С. 238.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Жданов В. А. С. 231, 232.
- ²⁴ ДСТ. Т. 1. С. 517.
- ²⁵ ЯЭ. Т. 1. С. 112.
- ²⁶ Чертков В. Г. Благо любви (Обращение Л. Н. Толстого к людям-братьям) // Речь. 7 нояб. 1912. № 306.
- ²⁷ Чертков В. Г. Уход Толстого. М., 1922. С. 31.
- ²⁸ Толстой С. А. С. 235.
- ²⁹ Толстой И. А. С. 222.

В. А. Ковалев

ВОСПОМИНАНИЯ О Н. Н. ГУСЕВЕ

Публикация И. Е. Гриневой

Уход из жизни Владислава Антоновича Ковалева в августе 1991 г. горем отозвался в сердцах его коллег, друзей и учеников.

Еще будучи московским школьником, Владик стал членом литературного кружка при Толстовском музее на Кропоткинской и летом 1939 г. сделал хороший доклад на семинаре в Ясной Поляне.

Блестяще окончив в 1945 г. филологический факультет Московского университета, Ковалев поступил в аспирантуру, где занимался у Н. К. Гудзия, и в 1949 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Повесть Л. Н. Толстого „Хаджи-Мурат“».

Мы познакомились с Владиславом Антоновичем на одном из заседаний научной группы в ГМТ. Не заметили, как дошли до метро, уж слишком много мыслей вызывало выступление М. В. Нечкиной о роде Перовских, который она рассматривала как прототип рода Безуховых в «Войне и мире». Особенно интересным было выступление Н. Н. Гусева, моего научного руководителя, с которым Владислав Антонович был уже знаком. Договорились, что буду извещать моего нового знакомого о времени посещений Николая Николаевича с отчетами о своей работе. И с тех пор в течение многих лет я поддерживала дружеские отношения с семьей Ковалевых. Много раз мы с Владиславом Антоновичем навещали Н. Н. Гусева в его московской квартире, а также в Домах творчества в Голицыне и Переделкине, где учений жил летом.

Эти встречи всегда были интересными и поучительными. Они давали нам возможность почувствовать искреннюю любовь и беззаветную преданность Толстому, которого Николай Николаевич считал своим учителем жизни. Изучению биографии великого писателя он посвятил всю свою поистине трудовую жизнь.

Гусев обладал обширными знаниями в области истории русской литературы, ценил точность и добросовестность в любых публикациях. И в этом отношении Владислав Антонович — его достойный продолжатель. Принадлежащие ему книги «О стиле художественной прозы Л. Толстого» (М., 1960) и «Поэтика Льва Толстого» (М., 1983) написаны на основе глубокого изучения широкого круга источников, отличаются тонким анализом произведений Толстого, проникнуты чуткостью к русскому слову.

Несколько раз Владислав Антонович Ковалев бывал на Толстовских чтениях, которые систематически проводятся в Тульском государственном педагогическом институте (университете) им. Л. Н. Толстого и в Государственном музее-заповеднике «Ясная Поляна». Им опубликован ряд статей в Толстовских сборниках¹.

Владислав Антонович Ковалев

Если для него Н. Н. Гусев был одним из любимых учителей жизни, то профессор Ковалев сумел заслужить это звание от студентов не только МГУ, где он преподавал на факультете журналистики с 1950 г. почти 40 лет, но и от всех тех, кто слушал его увлекательные рассказы о Толстом и русских писателях XIX–XX вв. Один из его выпускников, М. И. Френкель, так выразил свои чувства: «Я рад, что в свои 62 года я по-прежнему очарован Человеком в высшем смысле этого слова — В. А. Ковалевым»².

Предлагаемые читателю воспоминания о Н. Н. Гусеве представляют собой не только правдивую характеристику этого бесценного работника и помощника Л. Н. Толстого, крупного ученого и пропагандиста великих идей писателя-философа, но и дают счастливую возможность тем, кто не знал Владислава Антоно-

вича, познакомиться с незаурядной личностью их автора, доктора филологических наук Ковалева. А нам, его коллегам, друзьям, ученикам, еще раз вспомнить его осторожную походку, хитроватую улыбку, негромкий голос, неизменную доброжелательность и умение поддержать в трудную минуту, любовь к поэзии Фета и шахматам, умение мыслить афоризмами и, вероятно, лучший из них: «Гусев — это Даль толстоведения, Билинкис — это Таль толстоведения, а Опульская — Etoile* толстоведения». А ведь действительно так!

Спасибо судьбе, подарившей нам годы общения. Пусть благодаря этой публикации мы побудем еще немного вместе с нашим учителем и друг с другом.

Глубокоуважаемой
Ирине Евгеньевне Гриневой
на добрую память о том, кто
считал ее лучшей ученицей

Началось наше знакомство с Н. Н. при следующих обстоятельствах. Будучи студентом IV курса филологического факультета Московского университета, я пришел на квартиру моего научного руководителя профессора Николая Калинниковича Гудзия, чтобы отдать книгу К. Леонтьева о Л. Толстом.

«А я должен отдать пачку книг Николаю Николаевичу Гусеву. Может быть, не в службу, а в дружбу сделаете это вы за меня: это близко, но мне некогда, по делам факультета я должен зайти к ректору: кроме того, мне уже 57 лет; и после беседы у ректора я устану. А вам это даже интересно — повидать биографа Льва Толстого».

Разумеется, я охотно согласился. Н. К. позвонил Н. Н. и сказал, что ровно в три часа студент Ковалев доставит книги.

Именно в это время я прибыл к Николаю Николаевичу. Он открыл мне дверь и сказал: «А мы вас ждем голомя».

— Как это голомя? — сказал я. — Я ни на минуту не опоздал, даже две минутыостоял на площадке, чтобы прийти точно.

— Я так говорю, чтобы спросить у вас, из какого произведения Л. Н. эта фраза.

— Из «Дьявола», конечно. Но ко мне она не относится, — не унимался я. — Вы не могли меня ждать давно.

— А как кончается это произведение? — спросил Н. Н.

— Имеется два финала, — бодро ответил я.

— Верно. Вы кое-что из Толстого читали. А то ко мне приходят студенты и спрашивают что-нибудь по «Анне Карениной», о которой пишут в семинаре. При этом оказывается, что они «Войны и мира» не читали. Сплошь и рядом так бывает. А вы даже «Дьявола» читали

* Звезда (фр.).

ли. Совсем неплохо. (В те годы «Война и мир» в школе не изучалась, а изучалась «Анна Каренина».)

— И говорите вы бойко,— продолжал Н. Н.,— и правильно, по-московски. Я вот до сих пор московским произношением не овладел, по-рязански «хакаю», говорю «хазета», «Хусев»; не овладел московским аканьем. Говорю «вода», а по-московски надо: «вада», «пашла».

— Когда я, Николай Николаевич, приехал в Москву из Смоленской области, где я жил в деревне, у меня были те же недостатки в произношении,— сказал я, хотя Н. Н. об этом у меня не спрашивал,— «г» фрикативное и диссимилятивное аканье. От первого недостатка я избавился, а второй остался.

— Как вы говорите,— спросил Н. Н.,— фрикативное и диссимилятивное аканье. Это так по-научному, вероятно?

Я кивнул головой: «Так сказано в учебнике по русской диалектологии».

— Вот как,— сказал Николай Николаевич,— а я этого и не знал. Сейчас запишу. Где это тут будет «я». Николай Николаевич взял записную книжку и на странице с буквой «я» записал: «У меня «г» фрикативное и диссимилятивное аканье».

— Вы хорошо делаете, что меня учите,— сказал Н. Н.,— я люблю учиться. Дурак учит, а умный учится.

— Ну зачем же так, Н. Н.! Я не хотел вас учить. С языка сорвалось...

— Нет-нет. Не обижайтесь. Это я к слову. Такое присловье есть. Я вовсе не хотел сказать, что вы дурак. Я ведь вас совсем не знаю. А пока вы мне понравились. Вы приходите ко мне. Только перед приходом позвоните, пожалуйста, по телефону. Мой телефон. Нет, записывать его не надо. Я сейчас его скажу, а вы запомните на всю жизнь. Я Гусев, буква моего телефона «Г». Затем идет дьявольское число (вы знаете его по «Войне и миру») — 666. Ужасное число! Любой, имея такой номер, огорчится. Я тоже огорчен. Надо же меня утешить. И тут судьба мне дает священное число «7»: семь цветов радуги, семь тонов музыки, семь дней недели. Недавно я узнал, что психологи считают, что больше семи понятий, представлений или идей одновременно не умещается в человеческой голове. Так вот: священное число «7» мне дано, чтобы меня утешить. Но еще одной семерки мало для уточнения того, кто припечатан дьявольским числом. И судьба справедливо дала мне еще семерку. Итак, телефон Гусева: Г-666-77. До свидания! Звоните. Побеседуем.

Вот так началось наше знакомство. Продолжалось оно при разных обстоятельствах и было разнообразно, как сама жизнь. Были

моменты приятные, были и неприятные, и даже очень. Иногда мы виделись часто, иногда редко. Словом, выражаясь языком Маяковского, «было всякое». Но это всякое — в любом случае как-то поднималось над бытом и повседневностью, оставляя в памяти неизгладимый след.

Некоторые эпизоды я постараюсь воспроизвести. Я собираюсь привести эпизод, мне приятный, затем — неприятный и последнюю встречу.

Пожалуй, самый дорогой мне эпизод — это разговор о моей докторской диссертации в 1963 г.

— Ну, вот вы и взяли творческий отпуск для работы над докторской диссертацией. Тем самым вы становитесь меченым. Лучше было бы отпуск не брать, — сказал Н. Н.

— Не столько взял, сколько вынужден был взять. У меня откачивало горло. Врачи обещали вылечить, если полтора года не буду читать лекции.

— Да! — сказал Николай Николаевич, — сейчас многие берут, а зря — ничего у них не выйдет. Я верю только в Краснова и в вас. Он не отступит, а вам повезет.

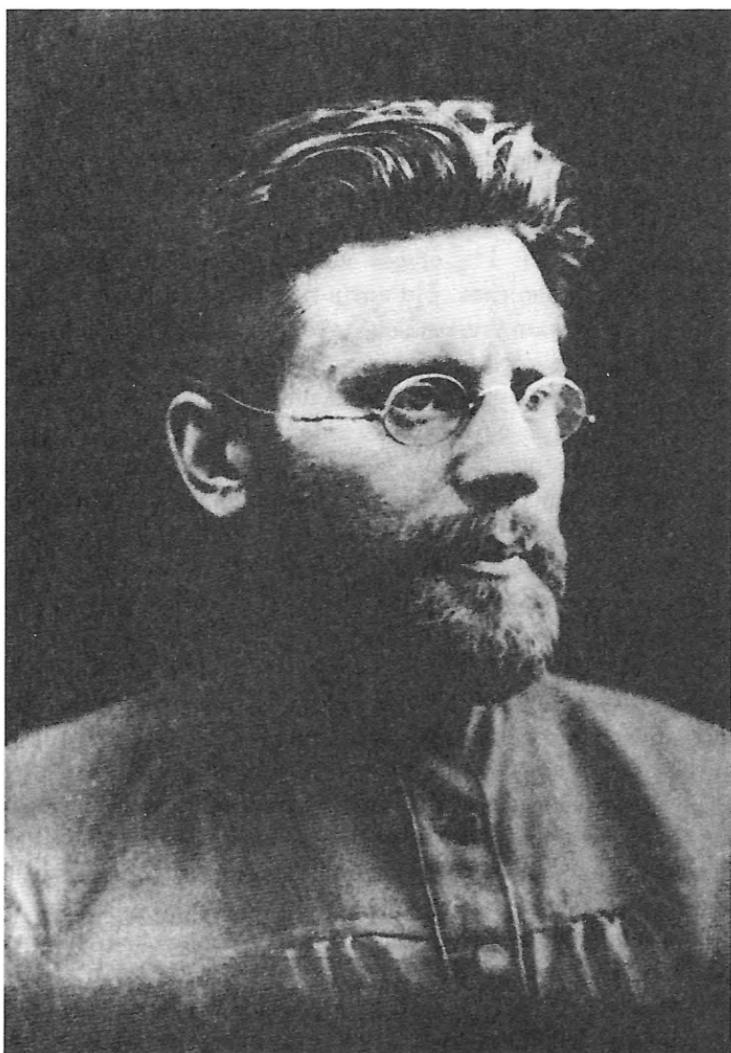
— Вот было бы хорошо, Николай Николаевич. А то такое ощущение, что идешь от отчаяния к надежде и снова к отчаянию. Ужасно!

— Увы! — сказал Ник. Ник. — Писать научное сочинение очень трудно. Чтобы написать книги «Молодой Толстой» и «Лев Толстой в расцвете художественного гения», мне понадобилось 14 лет работы. Труднее всего мне было писать «Летопись жизни Толстого». Очень много потратил усилий, чтобы не упустить ни один источник.

— Знаете, Николай Николаевич, не считите за хвастовство, но мне кажется, что что-то у меня должно в конце концов получиться. Стилем прозы Толстого занимались меньше, чем другими проблемами, а творческой эволюцией стиля почти совсем не занимались. Тут что-то должно получиться. Так говорит моя интуиция! — Тон при этом у меня был совершенно безнадежный.

— Интуиция интуицией, — сказал Н. Н., — но главное в диссертации — оригинальная концепция. У нас никто из молодых не знает Канта, а он говорил дельные вещи. Вы изучали Канта?

— Очень немного, Николай Николаевич. Чтобы сдать экзамен, я прочел соответствующий раздел «Истории философии» в трех томах, изучил высказывание Льва Толстого о Канте — о категорическом императиве в душе у нас, о звездном своде над нами, а также о том, что каждый из нас должен поступать так, чтобы его поступки

Николай Николаевич Гусев
1907 (?) г.

могли быть положены в основу всемирного законодательства. Однажды я открыл книгу Канта «Критика чистого разума». На ее первой странице прочел фразу: «Субстанциональность психического субстрата констатируется единством чистой трансцендентальной апперцепции». Эту фразу я выучил наизусть, но Канта я больше уже не открывал.

— Напрасно! — сказал Н. Н. — У него и о диссертациях есть. Он пишет: «Интуиция без концепции слепа». Как у вас с концепцией?

— Видите ли, Н. Н., общая концепция, я считаю, есть. Она определяет концепцию глав. Но вот в первой главе на концепцию не хватает фактов. Я там утверждаю, что «поздний» Толстой, предпочитая произведения с учительской тенденцией, вместе с тем признает право на существование художественной литературы, не содержащей моралистического поучения. Ведь в это время Толстой писал не только «Народные рассказы». Если это не так, как я думаю, то «Хаджи-Мурат» просто необъясним. «Поздний» Толстой, на мой взгляд, все же должен признать и свои прежние произведения, написанные без «учительской тенденции». Он же говорил Горькому о «Войне и мире»: «Без ложной скромности это как «Илиада». Но, кроме этого высказывания, почти ничего нет. А такие высказывания должны быть!

— Не только должны быть, но есть, — подхватил Н. Н. — Если дело только в этом, то считайте, что первая глава у вас готова.

— Как так?

— А так. Сейчас вы получите от меня одно из неопубликованных высказываний Толстого. У меня есть записи разговоров с Л. Н., не вошедшие в мои книги. Это разговоры не со мной. Они даны в моем пересказе. Одна из таких записей вам подойдет.

— Да, но как я докажу, что эта запись ваша, если она нигде не опубликована.

— А очень просто: сейчас мы ее разыщем. Перепечатаем на машинке, я подпишусь. Мою подпись вы заверите в ИМЛИ, где я работаю. Эту запись вы приведете в диссертации со сноской: «Запись рассказа Н. Н. Гусева, сохранившаяся в моем архиве», то есть в архиве Ковалева. У вас и архива-то, вероятно, никогда не бывало.

— Нет, есть, Ник. Ник. И в нем даже два фонда: один — записи, относящиеся к теме «Л. Толстой и о Толстом», а другой — к русской литературе. Я ведь лектор, Ник. Ник. И если бы подготовку к каждой лекции я проводил в полном ее объеме, то, вероятно, сошел бы с ума. Лекций много. Поэтому часто только освежаешь старую

стенограмму из собственного архива. Конечно, в этом случае нельзя читать как попугай. Надо готовиться, но меньше.

— Это я понимаю, — сказал Ник. Ник. — Так вот что я хочу подарить вам. Сначала я вам продиктую, а потом мы это перепишем на машинке. Слушайте:

«Н. Н. Гусев со слов М. В. Булыгина рассказывает о таком эпизоде: „В конце 1897 года М. В. Булыгин приехал на 1—2 дня в Ясную Поляну из своего имения Хатунка. Он часто переписывал рукописи Л. Н. Толстого и спросил, не надо ли что-нибудь переписать. Лев Николаевич ответил, что прежде всего надо помочь Софье Андреевне, печатавшей новое издание его сочинений. Лев Николаевич и Булыгин стали считывать корректуру сцены охоты из „Войны и мира“. Оторвавшись на мгновение от корректуры, Лев Николаевич сказал: „А ведь хорошо написано!“ Ге-сын, присутствовавший при этом, сказал: „Лев Николаевич, я вчера только переписывал «Что такое искусство?», и там вы пишете, что считаете свои прежние произведения дурными“.

Лев Николаевич ответил: „Это так по разуму, а по чувству иначе“.

В сноске напишете: «Этот рассказ Н. Н. Гусева, записанный мной, приводится здесь с его разрешения. Запись этого рассказа с подписью Н. Гусева, хранится в моем архиве». Вот и все.

— Николай Николаевич, спасибо огромное. Как хорошо, что в свое время вы это записали. Можно подумать, что вы предвидели, что впоследствии появлюсь на свете я с моей диссертацией.

— Не валяйте дурака! — сказал серьезно Ник. Николаевич. — Скажите лучше, что старик Гусев еще может даже будущим докторам пригодиться: как говорится, «старички не подкачали».

— Николай Николаевич, — восторженно сказал я, — я готов вас повести в ресторан.

— В ресторан ни к чему: и дорого, и времени жаль: а вот пообедать в Доме ученых мы можем вместе. Там у меня все налажено. Стоять в очереди не надо. И близко, только дорогу перейти. Пока будем обедать, в музее нам перепечатают запись.

Это намерение мы осуществили, причем платил за обед Ник. Ник., сказавший: «Я хочу сегодня одарить вас — и духовно, и материально». Мое предложение, чтобы я заплатил за два обеда или хотя бы пообедали на немецкий манер, то есть каждый платил бы за себя, было им категорически отвергнуто. Существенное, чем я мог себя утешить, это то, что строго вегетарианский обед стоил недорого. Эпизод с оплатой обеда запомнился и потому, что Ник. Ник. сымпровизировал четверостишие, используя песню «Хаз-Булат»:

Береги, князь, казну
И владей ею сам.

И после паузы:

За обед заплачу,
До копейки отдам.

Это, кажется, единственный раз, когда Н. Н. во имя размера назвал меня на «ты».

В этот день, который казался таким лучезарным, все удавалось. Одна мысль легко вязалась с другой. Слова у меня шли впереди мыслей, и тем не менее выражали какую-то мысль.

Во время обеда, помнится, я говорил о том Николаю Николаевичу, что он сам и его труды бессмертны, что любому научному работнику в области русской литературы понадобится «Летопись жизни Толстого», составленная Николаем Николаевичем, так же, как любому лингвисту понадобится «Толковый словарь живого великорусского языка», составленный Вл. Ив. Далем. Я назвал Н. Н. Далем толстоведения. Впоследствии это определение я повторил на вечере в Толстовском музее в честь 85-летия Н. Н. Гусева. На это в Доме ученых он ответил буквально следующее: «Мне лестно, если это так. В этих словах нет преувеличения в отношении Даля: он не гениален, он рядовой труженик, наметивший себе важную цель и ее достигший, поэтому он и стал бессмертным. Но достиг ли я своей цели?» (Эти слова опубликовала И. Е. Гринева. Спасибо ей!)

После некоторой паузы Н. Н. продолжил: «Вы знаете, далевский способ жизни труден. Тут нельзя выходить из колеи, никак нельзя. Идешь по дороге и нельзя пойти по тропинке. Нельзя отвлекаться от биографии Льва Николаевича, а мне бы очень хотелось написать исследование на тему «Пушкин и Лев Толстой». Сколько у меня материала и соображений. Но уже никогда не напишу. Да и последние темы биографии Толстого я буду писать на том свете. Только если, как азербайджанец Эйвазов, я проживу 155 лет, то напишу и книгу «Пушкин и Лев Толстой» и книгу о письмах Л. Толстого.

Отношения мои с Ник. Ник. далеко не всегда носили такой безоблачный, идиллический характер. Были и неприятные моменты. Как настоящий ученый, Ник. Ник. был глубоко убежден в верности своих идей, которые не всегда соответствовали действительности. В области своих суждений он был прямо-таки одержимым. Всех, кто с его точкой зрения не соглашался, Николай Николаевич отвергал резко и подчас грубо. Эта резкость шла отчасти от одержимости, отчасти от

Отъезд Н. Н. Гусева в ссылку 8 августа 1909 г.
Ясная Поляна. Рядом с Н. Н. Гусевым — урядник.
На крыльце Л. Н. Толстой и М. А. Маклакова.
Фото А. Л. Толстой

тяжелого характера. В зале Музея Толстого в Москве 1 марта 63 года Ник. Ник. публично выступил против Н. К. Гудзия. Самые мягкие слова в этом выступлении были — «полная неосведомленность» Ник. К. в поставленной им проблеме. Но тогда Ник. Ник. не по тому, а по существу высказывания был прав.

Однако, будучи совершенно неправым, Ник. Ник. в 1947 году на заседании в ИМЛИ самым грубейшим образом отчитал очень уважаемого нами исследователя В. А. Жданова, который, надо отдать ему справедливость, с большим достоинством ему ответил (как, впрочем, и Н. К.).

Эти факты были совсем недавно у всех в памяти, и вряд ли их можно опровергнуть или оспорить.

Нас, гавриков-аспирантов, и меня в том числе, Н. Н. поругивал весьма часто.

Обо всем этом я говорю не для обличения Н. Н., а для правды. Наряду с латинским изречением «о мертвых или хорошем илиничего»: *aut bene, aut nihil*, существует и другое «*De mortuis — veritas*», принадлежащее Вольтеру: «Ничего, кроме правды, о мертвых». Не нужно красивого обмана! Нужна живая правда. Это во-первых. Во-вторых, мне хочется привести одно очень интересное суждение Ник. Ник., высказанное им в момент гнева на меня.

Как известно, в системе мышления Н. Н. находились две постоянно отрицательные величины: это — другой секретарь Льва Толстого Валентин Федорович Булгаков, о котором Н. Н. говорил, что он «глуп чрезвычайно», и жена Льва Толстого — Софья Андреевна Толстая. О ней он говорил, что она предала Толстого, не была с ним духовно близка после перелома, да и до перелома тоже. В жизни она была, по словам Н. Н., крайне несимпатичным человеком и даже никогда не улыбалась.

Однажды черт меня дернул заговорить с Н. Н. на эту тему (это было давно, где-то в 1948 году, когда я еще не был и кандидатом, но уже начал читать лекции).

Разумеется, я принял некоторые профилактические меры, необходимые предосторожности. Я сказал, что хотя и занимаюсь Толстым, но знаю его все еще недостаточно. «А кто его знает достаточно?» — спросил Н. Н. ...Кроме того, меня не столько интересует жизнь Толстого, сколько его Творчество. Я мало работаю в архиве Толстого, где можно узнать много неожиданного. Кроме того, какой я исследователь, я всего лишь лектор. А лектору задают вопросы. На них надо отвечать. И притом быть убедительным. А я всегда бываю убедителен. Но в одном вопросе я совсем не убедителен.

Н. Н. все это слушал молча. Только чуть-чуть покашливал.

Считая, что нахожусь на вершине дипломатической спирали и провел тонкую французскую игру, я невинным тоном сказал:

— Вот вы знаете, Николай Николаевич, я стремлюсь убедить студентов, что С. А.— злой гений Льва Николаевича, как вы говорите, а они не верят, ссылаются на очерк Горького, да и сам я в этом очерке чувствую какую-то внутреннюю правду, в чем-то он меня убеждает.

Все, казалось бы, было приготовлено для моего отступления. И, может быть, все бы и сошло, если бы я не сказал двух последних фраз. Но тогда у меня не было опыта.

Я, конечно, знал, на что шел. Знал, что хорошего не жди. Но то, что я услышал, превзошло все ожидания.

Начать с того, что Н. Н. стал ходить и даже жестикулировать. Говорил быстро и тяжело дышал. Меня за всю жизнь никто так не ругал. Сквозь какой-то сон я слышал:

— Чем хвалится! Не бывает в архиве. Невежество, говорил Маркс, никому не помогало! Впрочем, дело не в архивах. Леонид Иванович Тимофеев не перешагнул арки порога ни одного архива. А какой замечательный ученый! Ужасно не то, что вы не бываете в архивах, а то, что вы не читаете. Вот в «Литературном наследстве» я же сделал публикацию о том, что эта старая дура Софья Андреевна прониклась нежным чувством к Танееву. Был такой композитор: может быть, вы и этого не знаете! Слава Богу, Танеев — порядочный человек, на концерте во втором отделении отсел от нее. В связи с этим чувством С. А. вспоминала стихи Тютчева «Последняя любовь», которые Лев Ник. назвал «стихи о слюнявой любви».

Максим же Горький, который ничего не знал, бывал в Ясной Поляне редко, все напутал, все исказил. С Толстым они часто встречались только в Гурзуфе (Толстой приезжал к Горькому на дачу), но это потому, что Екатерина Павловна, жена Горького, хорошо приготавляла шарлотку с яблоками, которую любил Лев Николаевич. Когда же рецепт шарлотки узнали в доме графини Паниной, где жил Лев Николаевич, то он перестал ездить к Горькому. Так-то.

Словом, от Николая Николаевича досталось всем: и мне, и Софье Андреевне, и Горькому. В такой компании и погибнуть приятно. Но тогда не это мне пришло в голову. Я подумал: «Господи, Боже мой! Если в таком духе Ник. Ник. выступит на защите моей диссертации о „Хаджи-Мурате“, то я пропал». Надо было спасать только честь. Контроль над собой я потерял. «Нет ничего ужаснее только что сделанной глупости», — говорил тургеневский герой.

Вдруг мне припомнился афоризм, который приводит Достоевский в «Братьях Карамазовых». Этим афоризмом в нормальных условиях я бы не воспользовался. Это была дерзость.

Чтобы Н. Н. услышал, я почти крикнул: «Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав. Так говорит латинская пословица».

Ник. Ник. мгновенно прекратил свой монолог (надо отдать должное его выдержке), сел на стул и спокойно, хотя и тяжело дыша, сказал те слова, которые меня очень заинтересовали и ради которых я и привожу весь этот эпизод.

— Владислав Антонович! (Ник. Ник. меня впервые назвал по имени и отчеству). Я, конечно, погорячился, назвав вас невеждой. И Танеева вы знаете. И мою публикацию вы читали. Не сомневаюсь. Тут дело вот в чем. Ведь Горький писатель! Большой писатель... Тавакова сила художественного слова, таково его свойство, что читатель часто принимает воображаемое за действительное. Иногда читатель легенде верит больше, чем правде. И документы здесь бессильны. Ими ничего не опровергнешь. Нужен человек художественной силы Горького, чтобы его опровергнуть. Среди толстовцев такого нет. Вот и верят Горькому.

Он сам очень верно сказал: «Человек по натуре своей художник». Читатель, художник по натуре своей, больше верит художнику, чем нам, грешным. Легенда иногда сильнее, чем правда. Поэзия сильнее прозы.

И еще: «Человек по природе своей добр», — говорил Руссо. Человеку хочется хорошего: хочется, чтобы у Льва Толстого, хорошего писателя и человека, была хорошая жена.

Так-то, Владислав Антонович.

После этого разговора наши отношения стали очень прохладными. Мне казалось тогда, что Н. Н. не только гневается на меня, но в чем-то сильно разочарован во мне. Разумеется, провести второй намеченный эксперимент — поговорить о Булгакове — у меня не хватило мужества даже тогда, когда я был прощен.

А прощен я был только потому, что мне помог неприятный случай: не было бы счастья, да несчастье помогло. Об этом случае я рассказывать не буду. Суть его в том, что я отказался выступить против одного очень солидного ученого, которого мне предложили обвинить в космополитизме. Я отказался. Выступили другие. А по тем временам за отказ наказывали: я был наказан.

Об этой истории мой научный руководитель рассказал Ник. Ник., и Ник. Ник. объявил мне торжественно, что выражает свою благосклонность.

Н. Н. Гусев и И. Е. Гринева в группе студентов
Москва, апрель 1965 г. Любительская фотография

Я колебался, рассказывать ли сегодня об этом моем самом драматическом разговоре с Ник. Ник. Но все же решился, ибо, как говорит Вл. Ив. Немирович-Данченко, «чтобы воспоминания имели какое-нибудь значение, они должны быть искренни».

О Ник. Ник. я мог бы рассказывать немало эпизодов. Я этого делать не буду, но перечислю важнейшие из них: разговор о том, почему Лев Толстой не признавал драматургии зрелого Чехова и почему, с точки зрения Н. Н., он был совершенно прав; разговор о том, почему Лев Толстой сказал, что молодой Горький глубже, основательней Чехова последних лет, чем это доказывается; разговор о том, чтобы хорошо написать о Льве Толстом, надо знать творчество писателей — его современников, русских, а еще лучше и зарубежных; суждения Н. Н. о совпадениях, которые трудно объяснить рационально; почему Л. Д. Опульская и А. И. Шифман — лучшие редакторы сочинений Н. Н. и что такое лучший редактор вообще; разговор о смерти; разговор об Игоре Ильинском; о режиме умственного труда. Я мог бы привести монолог Н. Н. о любви, страстях и семье, произнесенный в связи с моей женитьбой, и, наконец, последний наш разговор.

Все же четыре коротких эпизода я воспроизведу.

— Вы знаете, большое дело — хороший редактор книги. В этом отношении Л. Д. Опульская идеал. У нас с ней великолепный дуэт. Понимание с полуслова. В искусстве бывает так, что если что-то певец не допоет, то аккомпаниатор доиграет. Так и у нас. Лидия Дмитриевна — это палочка-выручалочка. Я не обозначил источника, она найдет и обозначит. У меня плохая композиция, она ее исправит. Только благодаря ее усилиям я сдаю свои тома в срок.

Как человек она очень своеобразна. Это настоящий народный характер — несгибаемый. Она может попасть в трудное положение, но всегда найдет выход, выкрутится, вытерпит и в конце концов одержит победу.

А. И. Шифман, конечно, не ищет источники, но невероятно въедлив. Где какой-нибудь намек на толстовство — сразу видит. Часто меняет мои формулировки на более удачные. По части формулировок он прямо-таки собаку съел.

В результате я читаю то, что я написал, и вижу, что написано лучше, чем было, полнее и точнее выражена моя мысль.

Таким должен быть любой редактор.

Иногда такт редактора — вовсе не редактировать. Но все-таки бывают и такие редакторы, которые обязательно хотят осуществить свою общественную себестоимость и меняют «однако» на «все же». Мои же оба редактора знают, что такое высший редакторский такт.

— Николай Николаевич, до 30 лет я вел жизнь в духе аскезы, а теперь женюсь.

— Ну, положим, тому, что вы вели жизнь в духе аскезы, я не верю. А что женитесь, это хорошо. И самое время: «20 лет ума нет и не будет. 30 лет жены нет и не будет». Самое время, поздравляю. Мы, толстовцы и толстоведы, за любовь и семью, но против страстей. «Страсти — это болотные огни», — говорил Шопенгауэр. И верно. Человек идет на эти огни. Затем они гаснут. И человек остается один, в темноте и весь в грязи.

— До поры до времени я изучал одного Толстого, следя изречению Фридриха Шиллера, которое любил и Лев Николаевич: «Сосредоточься на одной точке — и совершишь великое».

А потом я понял, что это неверно; именно для исследования Толстого нужно знать творчество и других писателей: его современников — русских и западноевропейских. Тогда лучше видишь своеобразие Толстого.

Понял я, когда стал профессором пединститута. Толстого-то я знал, а к лекциям по творчеству других писателей надо было готовиться. И чем больше я узнавал творчество других писателей, тем больше я понимал Толстого. Так-то.

В заключение напомню о последней нашей встрече. Было это в марте 1967 года. В музее Льва Толстого отмечали 85-летие Н. Н. Тогда я заведовал кафедрой и шел, держа под мышкой адрес в серой папке для Ник. Ник. Я шел от Зубовской площади, а Н. Н. шел из своей квартиры по переулку в музей (через двор пройти туда было нельзя). «Вот и Ковалев идет, серый адрес мне несет», — сказал Николай Николаевич. Может быть, я ошибся, но мне показалось, что слово «серый» сказано со значением.

Я ответил: «Николай Николаевич, все адреса серые, потому их и не читают на юбилеях».

— А вас именно я и попрошу прочесть, — сказал Николай Николаевич. И неожиданно серьезно добавил.

— Милый мой, — сказал Николай Николаевич. — Не до адресов мне теперь и не до юбилеев. Я и слепну, и глухну одновременно. Редко у кого такое несчастье. Мое будущее ужасно. Я боюсь о нем думать.

— Николай Николаевич, не так уж ваше положение плохо. Сейчас темнеет. А тем не менее вы разглядели серый цвет папки.

И сразу о другом:

— Я знаю, что обо мне думают ученые моего поколения. А что думает молодежь — не знаю, а знать хочу. Скажите, В. А., а тогда вы были искренни относительно Даля в толстоведении? Ведь что-то мое будут читать?

— Н. Н., тогда я был абсолютно искренен, а говорите вы, Н. Н., как горьковский герой, который с удовлетворением отмечал к концу жизни, что где-то что-то осталось.

Я сказал эти слова и внутренне похолодел. В пьесе «Дачники» Чепурной оставил эти слова в предсмертной записке. Их не следовало приводить.

Но Ник. Ник., вероятно, не припомнил контекста этой цитаты. Он сказал:

— Вы знаете, мне кажется, что мне одному все-таки удалось...

Но тут Ник. Ник. был прерван рядом лиц, встречавших его у ворот: «Ник. Ник., поздравляем».

— Потом, — сказал мне Н. Н.

Но потом был вечер в его честь. А потом настала суeta жизни. «Мы ленивы и нелюбопытны». Я так и не позвонил Н. Н. по телевидению.

фону Г-666-77 и не спросил, что же, как он думает, все же удалось ему одному.

Труды Н. Н. бессмертны. Человек же живет, пока о нем помнят. Если это так, то Н. Н. будет жить очень долго, ибо у любого из нас воспоминания о нем не тускнеют от времени.

9 ноября 1977 года

¹ Ковалев Вл. А. Лев Толстой и Мамин-Сибиряк // Толстовский сборник. Тула, 1967; Драматургическая форма раскрытия внутреннего мира героев в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Толстовский сборник. Тула, 1970; Лев Толстой и русские писатели-реалисты конца XIX — начала XX в. (Проблема героя и среды) // Толстовский сборник. Тула, 1973.

² Журналист: Учебная газета факультета журналистики МГУ. 1992 г. 15 июля. № 5 (1179). С. 10.

И. Е. Гринева

ВОСПОМИНАНИЯ О Н. Н. ГУСЕВЕ

В жизни каждого человека большую роль играет случай. Известно, что случаи бывают разные. Таким счастливым случаем в моей жизни было не совсем обычное обстоятельство.

В июле 1943 г. мне пришлось работать в дивизионной газете «В бой за Родину!» и совершенно неожиданно оказаться свидетельницей наступления под Курском. Мы начали нашу работу под Тулой, а через неделю уже выезжали на Украину и в октябре оказались на берегу Днепра. По этой причине я опоздала к началу занятий в институт. На IV курсе уже все темы спецсеминара по литературе были распределены. Осталась одна, самая непопулярная: «Образ Кутузова в романе Л. Н. Толстого „Война и мир“». Семинаром руководил новый преподаватель, Анна Михайловна Новикова. Мы не знали, кто это, а потом случайно выяснилось, что это дочь Михаила Петровича Новикова¹, друга Толстого.

Анна Михайловна стала основательницей кафедры литературы в Тульском госпединституте. Именно из ее уст я впервые услышала слово аспирантура.

Она мне предложила подготовить вступительный реферат и получить направление в Московский педагогический институт им. В. И. Ленина. Толстой не был моим любимым писателем, в яснополянском музее я была всего один раз со школьной экскурсией, так как в юные годы мы предпочитали прогулки по окрестностям.

Все лето 1944 г. ушло на доработку реферата и подготовку к вступительным экзаменам. Когда я сдавала документы, заведующая аспирантурой мне сказала: «Придите через две недели узнать оценку за реферат. Ваша рукопись у профессора Н. Н. Гусева».

Это имя я слышала впервые и не знала, почему именно ему отдан реферат о Толстом. Только уже после вступительных экзаменов на заседании кафедры литературы профессор Н. Ф. Бельчиков, представляя меня моему научному руководителю, сказал: «Вот вы из Тулы, а Николай Николаевич жил в Ясной Поляне, в доме Льва Николаевича Толстого и был его секретарем». Моему удивлению и радости не было границ.

Николай Николаевич встретил меня приветливой улыбкой, дал свой телефон и пригласил к себе на квартиру по адресу: ул. Кропоткинская (Пречистенка), 12, во дворе Государственного музея Л. Н. Толстого. Впервые я побывала там в октябре 1944 г. А последний раз — в сентябре 1967-го.

Действительно, мне необыкновенно повезло. Быть ученицей человека, которого высоко ценил и искренне любил сам великий Толстой!

Николая Николаевича Гусева можно смело назвать высокообразованным человеком, он знал иностранные языки и стенографию. Не имея диплома о высшем образовании, он получил звание профессора и был автором многих книг и статей уже ко времени нашего знакомства.

Николай Николаевич подчинил все свои действия и поступки одной цели — изучению наследия Толстого. Профессор Гусев не был кабинетным ученым, он считал своим долгом знакомить людей не только с сочинениями Толстого, но и с его жизнью.

И делал это замечательно, будучи одарен ораторским талантом, благодаря которому мог овладеть любой аудиторией.

В своих беседах с Толстым Гусев не однажды говорил о желании посвятить себя литературе, и всякий раз писатель относился к этому неодобрительно. Будущее показало, что на этот раз Толстой был не прав. Его помощник обладал литературным дарованием. Посвятив всю свою жизнь изучению жизни и творчества великого писателя, Гусев создал книги, достойные памяти Толстого².

Николай Николаевич был человеком, чрезвычайно требовательным к себе и снисходительным к другим, он мало делал замечаний студентам и аспирантам. Так, на одной из глав моей будущей диссертации было написано: «Рукопись мною прочитана и одобрена. Проф. Н. Гусев. 24 мая. 1947»³. Николай Николаевич радовался успехам молодежи и всегда щедро делился своими энциклопедическими знаниями. В начале своей преподавательской работы на кафедре литературы Тульского государственного педагогического института в ответ на мое новогоднее поздравление я получила от него подарок — фотографию Льва Николаевича Толстого с книгой в руках. На обороте была надпись: «Милой Ирине Евгеньевне (Ире) Гриневой на добрую память Н. Гусев. Москва. 1 января 1952»⁴.

А 30 января 1957 г. Николай Николаевич написал мне: «Благодарю Вас, милая Ирина Евгеньевна, за ваши теплые поздравления, приятно думать, что наше случайное знакомство, произшедшее 10 лет тому назад, теперь, когда уже давно исчез повод, вызвавший знакомство, перешло в прочную дружбу... с любовью. Гусевы»⁵. В мае 1962 г. он вспоминал: «Благодарю вас, милая Ирина Евгеньевна, за ваше сердечное приветствие, оно мне очень дорого. У меня осталось самое приятное воспоминание о той юной студентке Ирочке Грине-

мая 1962

От всей души благодарю вас, искренне Ирина Евгеньевна, за ваши сердечные приветствие. Оно мне очень дорого.

У меня осталось самое приятное воспоминание о той юной отраде Ирины Гривовой, которая когда-то держала вступительный экзамен в МГПИ и писала

реферат о «Войне и мире».
Передайте мой привет всем вашим.

С любовью Н. Гусев

Н. Н. Гусев. Письмо И. Е. Гривовой
Май 1962 г. Из архива автора статьи

вой, которая когда-то держала вступительный экзамен в МГПИ и писала реферат о „Войне и мире“⁶.

Естественно, что у меня не могло не возникнуть желания познакомить с Николаем Николаевичем моих студентов. Это было для них очень нужно, потому что после присвоения в 1958 г. Тульскому педагогическому институту имени Льва Николаевича Толстого у нас широко развернулась работа по изучению жизни и творчества писателя, и на факультете общественных профессий мы стали готовить экскурсоводов для Музея-усадьбы «Ясная Поляна». Они сейчас и составляют «золотой фонд» научных сотрудников музея-заповедника.

Однажды мы поехали в Москву, в Хамовники и в Государственный музей Л. Н. Толстого. Предварительно договорились о встрече с Николаем Николаевичем.

«Что особенно поразило нас в этом человеке? Это, конечно, его душевная молодость. Ему восемьдесят четыре года по паспорту, только формально, но от него исходит такая молодость, что ему мог бы позавидовать наш сверстник...» — написали студентки II курса истфила Н. Митина и Н. Соболева (Никитина) 15 апреля 1965 г. в институтской многотиражке «За педкадры».

У Гусева тоже сохранилось приятное впечатление об этой встрече. В письме 6 апреля 1966 г. он пишет: «Мне было приятно

узнать, что у ваших студентов осталось доброе воспоминание о нашей встрече и о моих рассказах о великом Толстом. Вы пишете, что все они „были в хорошем настроении“ — это очень хороший признак. Если буду жив-здоров, то я не прочь осенью еще раз повидаться с вашей развитой, привыкшей к умственному труду молодежью. Ваш Н. Гусев»⁷.

Будучи крупным ученым, человеком, дорожившим временем, профессор Гусев всегда был готов ответить на любой вопрос о Толстом и делал это по телефону. В Туле у меня не было возможности обращаться к Николаю Николаевичу по телефону. Я делала это письменно и всегда получала исчерпывающие ответы. Вот один из них: «Получил ваше письмо, дорогая Ирина Евгеньевна, вы спрашиваете, не одни ли и те же религиозные основы были у духоборов и у старика на пароме, изображенного в „Воскресении“. Разумеется, основы одни и те же — христианское учение о любви к человеку, исключающее всякое насилие. Но формы практической деятельности у них имеют некоторые различия. Духоборы сожгли оружие и отказались от всякого участия в правительственном насилии для того, чтобы исполнить веление своей совести, следовательно, по внутренним побуждениям; старик на пароме ведет пропаганду своей веры и обличает „слуг антихриста“, то есть представителей власти. Духоборы не занимались ни пропагандой, ни обличением. Кстати, сообщаю вам одно воспоминание, касающееся старика на пароме, оно может вам пригодиться. В 1908 году Лев Николаевич работал над новым изданием „Круга чтения“. Я помогал ему в этой работе. Я предложил Льву Николаевичу включить в „Недельные чтения“ „Круга чтения“ эту главу из „Воскресения“. Лев Николаевич просил дать ему перечитать эти страницы романа и, перечитав, выразил согласие на помещение их в „Круг чтения“. Я задал ему вопрос: „А как озаглавить?“ Он ответил после минутного раздумья: „Свободный человек“. Под таким названием глава о старике на пароме и вошла в „Круг чтения“. Н. Гусев»⁸.

Это письмо написано 4 февраля 1965 г., и в тот же день Николай Николаевич посыпает мне открытку: «В дополнение к моему письму о старике на пароме прибавлю еще, что известен прототип этого образа — это некий Андрей Васильевич Власов, лично Толстому не-знакомый. 1899 году он написал Толстому письмо, в котором описал свою жизнь. Письмо и вызвало у Толстого образ, вошедший в „Воскресение“. Оно напечатано в т. 72, с. 222—226, там же и ответ Толстого. Ваш Н. Г.»⁹.

Вот пример подлинной научной добросовестности, величайшей ответственности за каждый сообщенный факт, образец внимательного отношения к просьбе другого человека. И в этом весь Гусев.

Николай Николаевич Гусев родился в Рязани 21 марта 1882 г. в семье ремесленника. Девятнадцать лет он прочитал «Краткое изложение Евангелия» — первую книгу Льва Толстого религиозного содержания — только потому, что она была запрещена. С шестнадцати лет Николай Николаевич придерживался материалистических, революционных взглядов и проповедовал марксистское учение. К этому времени у него появились сомнения в правильности пути, им избранного, так как под влиянием религии, в духе которой он был воспитан с детства, он мечтал «положить душу свою за други своя», а этот нравственный идеал не сочетался с отсутствием веры в евангельские истины. Молодого человека беспокоило и то обстоятельство, что он утратил всякое чувство ответственности за свои поступки, подчинившись неизбежным историческим законам, на которые его воля не может оказывать никакого действия.

Гусев стал искать выхода из такого мучительного душевного состояния. Он понял, что прежде чем заниматься решением сложных общественных вопросов, нужно решить вопрос о том, что он такое и как он должен жить сам, поэтому он стал читать немарксистскую литературу, но никак не думал, что найдет разрешение своих сомнений у Толстого, так как был предубежден против его проповеди непротивления злу. Однако именно в «Изложении Евангелия» в заграничном издании он обнаружил «ясный, глубокий, вполне удовлетворяющий его ответ на вопрос о том, в чем состоят нравственные требования»¹⁰.

Так неожиданно Гусев нашел в Толстом спасителя и полюбил его всеми силами своей души. Два года Николай Николаевич изучал сочинения Толстого и литературу о нем. Почувствовав непреодолимое желание видеть этого человека, он решился в конце июля 1903 г. написать письмо Льву Николаевичу, а осенью впервые приехал в Ясную Поляну, получив его согласие. В 1904—1905 гг. Гусев был несколько раз у Толстого, познакомившего его с московскими друзьями, работавшими в издательстве «Посредник», в том числе с В. Г. Чертковым. В 1906 г. вместе с Чертковым Гусев побывал в Англии, и летом 1907 г. Владимир Григорьевич рекомендовал его в качестве секретаря Толстым, которым к этому времени уже трудно было справляться с огромным потоком писем, приходивших в Ясную Поляну. Николай Николаевич прекрасно выполнял свои обязанности, и Толстой по достоинству оденил это, написав Черткову 9 июня 1908 г.: «Помощник и работник он бесценный» (82, 99).

Все семейные относились к двадцатипятилетнему Гусеву с любовью и уважением, которые он снискдал благодаря своей тактичности и добросовестности. Но пребывание Николая Николаевича в Ясной Поляне оказалось недолгим. 4 августа 1909 г. он был арестован в доме Толсто-

го за распространение запрещенных сочинений Толстого. Гусева арестовали и увезли в Крапивенскую тюрьму. Лев Николаевич был крайне возмущен тем, что произошло на его глазах. Он немедленно обратился в газеты с «Заявлением об аресте Гусева», где писал, что просит тех людей, которым неприятны его мысли и его деятельность, наказывать не его друзей, а его самого, «единственного и главного виновника и появления и распространения этих неугодных им мыслей» (38, 130). Так арест Гусева стал событием общественного значения (80, 53). Все попытки Толстого облегчить участь своего секретаря оказались безуспешными. В последний раз они увиделись, несмотря на запрещение властей, 9 августа 1909 г. в Ясной Поляне, когда Гусева везли из Крапивны в Тулу. Два года поднадзорный Гусев прожил в с. Карепино Чердынского уезда Пермской губернии. Ряд документов в «Деле Канделярии пермского губернатора о высылке в Чердынский уезд под гласный надзор полиции рязанского цехового Н. Н. Гусева. 1909–1911 гг.» свидетельствует о том, что и в ссылке Гусев продолжал распространять запрещенные произведения Толстого¹¹.

Во время внезапного обыска у него было обнаружено шестнадцать произведений Толстого и одно сочинение П. Кропоткина. Эти брошюры, изданные за границей, Гусев передавал для прочтения другим ссыльным, что особенно беспокоило чиновников Пермского жандармского управления. При расследовании дела Гусев от каких-либо показаний отказывался, объясняя это своими религиозными убеждениями. Пытаясь оградить окружающих от «крайне вредного влияния бывшего секретаря Толстого», начальник Пермского жандармского управления просил губернатора выслать Гусева в другой участок. На запрос пермского губернатора уездный исправник Чердынского уезда отвечал 12 мая 1910 г., что «изолировать его совсем от сближения с другими ссыльными, проживающими в Чердынском уезде, ввиду того, что весь уезд населен ссыльными», невозможно¹².

На основании документов можно судить о стойкости и мужестве этого скромного человека, не только искренне преданного высоким идеалам любимого учителя, но и считавшего своим долгом активно участвовать в борьбе против произвола царской власти, опровергая тем самым неверное представление о Толстом как о непротивленце. Николай Николаевич следовал девизу великого мыслителя: «не противься злу насилием», то есть ищи других средств борьбы. И он находил их, всегда бескомпромиссно защищая свою точку зрения, прямо выражая несогласие с тем, что считал неправильным.

В одну из первых встреч, в 1944 г., еще во время войны, Николай Николаевич сказал мне, что он не доживет до того времени, когда люди убедятся, что насилием нельзя победить зло, и поймут истинный

смысл учения Толстого. Посмотрел на меня и проговорил задумчиво: «А ты, пожалуй, доживешь... Ведь это так просто».

С тех пор прошло больше полувека. Многое изменилось. Создаются международные организации, объединяющие людей, борющихся за мир без насилия. Возрастает интерес к религиозно-философским сочинениям Толстого. Но как далеки мы еще от того, чтобы понять глубокий смысл евангельских слов, повторяемых великим мыслителем: «Царство Божие внутри вас». И сделать их девизом своей жизни, как это делал Николай Николаевич Гусев.

¹ Новиков Михаил Петрович (1870—1937) — крестьянин д. Боровково Лаптевского у. Тульской губ., единомышленник Толстого. В 1914 г. подписал вместе с другими протест-воззвание против войны. Новиков был неоднократно арестован царским правительством и после революции, в 1923—1924 гг. В 1937 г. арестован и 23 августа расстрелян; реабилитирован в 1960 г.

² Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого: 1828—1910. М.; Л., 1936; Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого: 1828—1890. М., 1958; Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого: 1891—1910. М., 1960; Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М., 1954; Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957; Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М., 1963; Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. М., 1970. Работу по изучению биографии Толстого продолжает редактор «Материалов к биографии» Н. Н. Гусева Л. Д. Опульская. См.: Опульская Л. Д. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М., 1979; Опульская Л. Д. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1892 по 1899 год. М., 1998.

³ Из архива автора.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Гусев Н. Н. Два года с Толстым. Изд. «Посредник». № 995, М., 1912. С. 9—10. Глава «Мое знакомство со Львом Николаевичем и первые посещения». Этот раздел не вошел во 2-е и 3-е издания.

¹¹ Захарова Е. Т. Дело Н. Н. Гусева — секретаря Л. Н. Толстого // Исторический архив. 1961. С. 226. См.: Шифман А. И. Памяти Николая Николаевича Гусева // Русская литература. 1968. № 1. С. 253: «Недаром этот труд удостоен премии Академии наук СССР».

¹² Там же. С. 228.

**Вера Ильинична
ТОЛСТАЯ
(1903—1999)**

Среди плеяды внуков Л. Н. Толстого жизнь В. И. Толстой особыенная. Младшая дочь Ильи Львовича Толстого, внучка Толстого, племянница А. Л. Толстой, исполнительница русско-цыганских песен и романсов, настоящая носительница подлинных традиций певческого искусства, ровесница XX века, она достойно пережила все его потрясения... По мнению А. Кторовой, она «одна из самых колоритных личностей», встреченных ею в жизни (См.: Кторова А. Потерянные россияне. Тверь, 1996).

Вера Ильинична родилась 19 июня 1903 г. в Мансурове (Дубровка тож), в имении матери под Калугой. С отцом, И. Л. Толстым, оставившим семью, девочка виделась редко. Старший брат, Андрей Ильич Толстой, «серъезный и обстоятельный» человек, после отъезда отца в Америку полностью взял на себя заботу о матери и младших детях. Вере он заменил отца.

Дома девочку учили иностранным языкам, русской словесности, музыке, пению, танцам. В начале революции Вера Ильинична была в последнем классе Александровского института благородных девиц на бывшей Божедомке (ныне ул. Достоевского) в Москве. Как и все Толстые, она была очень музыкальна. Во время учебы в ней пробудился талант к пению. Она много занималась музыкой и наигрывала

романсы, которые не задавала учительница. Музыку и слова перенимала с голоса сестры Анны Ильиничны. Позже в Париже пение надолго стало ее профессией, то есть средством существования.

В детстве она вместе с матерью часто навещала дедушку и бабушку в Ясной Поляне. С. А. Толстая внука любила и всегда радовалась их приезду. Сохранилась фотография (1906—1909) В. Г. Черткова, где маленькая Вера Ильинична на коленях у Л. Н. Толстого.

После революции 1917 г. «самый толковый и волевой» из семьи брат Андрей сумел отправить женщину через пылающую Россию на юг. Опасность была реальной, ибо он сам и его брат Михаил воевали у Врангеля. В марте 1919 г. Михаил умер от сыпного тифа в Новочеркасском госпитале... Андрей Толстой погиб под Перекопом в 1920 г.

В Новороссийске пятнадцатилетняя «пучеглазая Верочка», как назвал ее в предсмертном письме И. Л. Толстой, работала в сыпно-тифозном госпитале. Сначала заболела тифом мать, С. Н. Толстая, но выздоровела. Вскоре заразилась Вера. В 1919 г. мать и дочь каким-то чудом попали на пароход, который отплывал в Югославию (Сербию). С. Н. Толстая вела дочь на пароход под руки, так она была слаба, на голове шапка (она была без волос). После нескольких лет скитаний и «хождений по мукам» — Салоники, Югославия, Австрия — С. Н. и В. И. Толстые прибыли в Прагу. Президент Чехословакии Ян Масарик, почитатель Л. Н. Толстого, предложил дочери и матери на выбор стипендию на учебу в Пражском университете или пособие Софье Николаевне до конца дней. Вера Ильинична выбрала пособие матери. Она вспоминает: «На первом чеке было написано: «Грабенька Жопия Николаевна Толстой» «Грабенька» — графиня по чешски, а Софья — «Жопия». Мама и говорит: «Вот, Верун, стала я и грабенькой и Жопией...» В Праге В. И. Толстая устроилась на работу. По окончании курсов массажистов проявила такие способности, что получила контракт в Париже. В 1922 г. в Праге у нее родился сын Сергей. Семейная жизнь не сложилась, сына она воспитывала одна.

В Париже В. И. Толстая работала в знаменитом салоне красоты, но вскоре ее уволили. На помощь пришел М. Л. Толстой. Он привел племянницу в ресторан «Голубой мотылек», в котором началась ее карьера певицы. Она пела на пяти языках под псевдонимом Вера Толь. Однако весь Париж знал ее как внучку Толстого. Пела соло, дуэтом, трио и квартетом, пела с цыганами. Вскоре перешла в лучший в то время парижский ночной клуб «Шехерезада», где ее слушали мировые знаменитости: Марлен Дитрих, Поль Негри, шведский принц Бернард, Альфред Нобель и др. У В. И. Толстой «был пре-

красный голос — контратальто» (С. М. Толстой). Она обладала «огромным дарованием: ни на кого не похожим исполнением цыганских романсов и русских народных песен» (А. Кторова), которые пели яснополянские крестьяне. Иногда она аккомпанировала себе на гармошке. Работать в «Шехерезаде» было непомерно сложно. Во время войны из «Шехерезады» она перешла в ресторан герцога Лейхтенбергского, ближе к дому, чтобы не работать ночью, ибо в городе был комендантский час. После войны В. И. Толстая решила спасаться от «советчиков». Она написала письмо А. Л. Толстой с просьбой вызвать ее в Америку. Получив от нее необходимые документы, в 1949 г. она оказалась в США. Вера Ильинична приплыла в Нью-Йорк с аккордеоном, с которым не смогла расстаться. Иммиграционный чиновник хотел отобрать у нее дорогой немецкий инструмент. Он решил, что русская привезла его на продажу. Пришлось доказывать свое умение играть. Вновь начались поиски работы. Продавала косметику, дамские платья. Работала гувернанткой в богатом доме. Но для заработка уже не пела по воле А. Л. Толстой, которая говорила, что «годы уже не те, да и вообще ни к чему».

Все последующие годы В. И. Толстая жила в Вашингтоне, где вместе с Аллой Кторовой работала диктором (под псевдонимом Веры Мансуровой) на радиостанции «Голос Америки». Часто виделась с А. Л. Толстой, с которой очень дружила, ездила к ней на выходные на ферму и в отпуск тоже к ней. Отправлялись вместе на рыбалку: нет лучшего отдыха.

Под конец жизни В. И. Толстая переехала во Флориду. Скитавшаяся по Европе и Америке, она, наконец, обрела свой дом, который называла «ma bonbonnière»*, куда к ней часто приезжали родственники, друзья и все те, кто интересовался жизнью и творчеством ее знаменитого деда. «У Верочки безвозвратное лицо, живые внимательные глаза и жизнерадостная, приветливая улыбка. Подобно своему отцу Илье Львовичу... она более чем кто-либо из многочисленных потомков — внуков, похожа лицом на „Великого Льва“. Поговорить с нею одно удовольствие, она прекрасно, в деталях, помнит... „даже бабушку и дедушку“», — рассказывает А. Кторова. «Несмотря на семидесятилетний с лишним отрыв от страны рождения, Вера Ильинична говорит на сочном языке „московских просвирен“, и в речи ее только иногда, для особой эмоциональной окраски, проскальзывают словечки из французского, ее второго языка».

У нее был широкий круг общения. Она встречала В. А. Маклакова, друга отца, не раз посещала Мережковских, дружила с представи-

* коробка для конфет (фр.).

телями «высшего света»: вел. кн. Гавриилом Константиновичем, сыном поэта К. Р., вел. кн. Дмитрием Павловичем, двоюродным братом Николая II, вел. кн. Василием Александровичем и др. Феликса Юсупова она знала уже очень пожилым, когда «он „себе макияж“ накладывал для поддержки внешности» (А. Кторова). Со своими родственниками из России поддерживала отношения, начиная с 1953 г. Переписывалась с учениками яснополянской школы. В 1991 г. В. И. Толстая приезжала в Россию вместе с разбросанными по всему свету потомками Л. Н. Толстого. Побывала в Москве, навестила родное Мансурово, Ясную Поляну. Прошлась по Божедомке, много гуляла по Москве, присутствовала на представлении московского театра «Ромэн».

Умерла 29 марта 1999 г. Погребена на кладбище Ново-Дивеевского монастыря в Спринг Валли (Нью-Йорк).

А. Н. Полосина

Яснополянский сборник 2002

На обложке: Л. Н. Толстой. Ясная Поляна. 1908 г.
Фотография В. Г. Черткова

Макет: В. В. Смазнова

Корректоры: И. П. Лукьяненкова, Г. В. Домбровская

Технический редактор А. А. Домбровский

Сканирование: А. А. Антонов

Серия ЛР № 021228 от 9.06.97 г.

Подписано в печать 1.12.03 г. Гарнитура Academy.

Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 29. Тираж 1000 экз. Заказ № 203.

Издательский дом «Ясная Поляна»
Тула, ул. Октябрьская, 14

ISBN 5-93322-017-5

9 785933 220176

Отпечатано в ИПП «Гриф и К.»
Тула, ул. Октябрьская, 81-а

